

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Центр экономической истории при Историческом факультете

Российская академия наук
Научный совет по проблемам российской
и мировой экономической истории

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ЕЖЕГОДНИК

2005

Москва
РОССПЭН
2005

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 04-01-16092

Редакционная коллегия:

Л. И. Бородкин, Ю. А. Петров (ответственные редакторы),
Б. В. Ананьич, С. А. Афонцев, А. М. Маркевич, И. В. Поткина, А. К. Соколов,
С. А. Саломатина (ответственный секретарь), *А. К. Сорокин*

Редактор научных переводов — к.э.н. *С. А. Афонцев*

Э 40 **Экономическая история: Ежегодник. 2005.** — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. — 544 с.

В седьмом выпуске ежегодника представлены новейшие исследования по отечественной и мировой экономической истории. Ведущей темой данного выпуска является проблема экономических отношений России — РСФСР — СССР со странами Запада в конце XIX — первой трети XX в. В связи с этим особо рассматривается проблема российских долгов.

В других разделах ежегодника представлены статьи по отечественной экономической истории — о реформе государственных хлебных закупок для армии в 1893 г., реформе Государственного банка в 1892—1894 гг., взаимоотношениях российского общества и фондовой биржи с конца 1850-х гг. до 1917 г., структуре капитала и составе акционеров Российско-американской компании (1799—1868 гг.).

Экономическая история СССР отражена на страницах ежегодника в статьях, посвященных голоду 1947 г., институту военных представителей в оборонной промышленности, производственным и социальным аспектам аграрного развития СССР.

В разделе ежегодника, посвященном всеобщей истории, публикуются статьи о финансовом крахе Испанской империи как следствии переизбытка природных ресурсов, а также по истории трудовых отношений в Австро-Венгрии в конце XIX — начале XX в.

Сборник рассчитан на историков и экономистов, а также на всех, кто интересуется экономической историей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вниманию читателей предлагается седьмой выпуск ежегодника «Экономическая история». Это издание, как и предыдущие, подготовлено редколлекцией, в которую входят историки и экономисты, объединенные вокруг Центра экономической истории при Историческом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова. Члены редколлекции сборника работают на Историческом факультете МГУ, в Институте российской истории (ИРИ) РАН, Институте международной экономики и международных отношений РАН, Санкт-Петербургском институте истории (СПБИИ) РАН, секторе истории Центрального банка РФ и издательстве РОССПЭН.

Основной целью ежегодника является знакомство научной аудитории с новыми исследованиями по экономической истории России и мира.

Ведущей темой данного выпуска ежегодника является проблема экономических отношений России — РСФСР — СССР со странами Запада в конце XIX — первой трети XX в. Тем не менее отечественная экономическая история XIX—XX вв. в целом, как всегда, широко представлена на страницах нашего издания. В данном выпуске также опубликованы весьма интересные исследования по всеобщей экономической истории.

Центральное место в сборнике занимают материалы международного научного проекта «Россия и страны Запада: экономические отношения накануне Первой мировой войны и проблема их восстановления в 1920-х — 1930-х гг.» («Russia and Western Countries: Economic Relations Before World War I and the Problem of their Restoration in the 1920s — 1930s»), осуществлявшегося в 1999—2003 гг. при поддержке Дома наук о человеке (Париж) и Исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова*.

Идея проекта принадлежала профессору В.И.Бовыкину (ИРИ РАН; Исторический факультет МГУ) и профессору А.Бродеру (Университет Париж XII). На разных этапах в данном проекте приняли участие 25 ученых из разных стран (Россия, Великобритания, Германия, Франция). Поскольку его материалы достаточно обширны, редколлекция сборника приняла решение о публикации статей, связанных с проектом, в двух выпусках ежегодника — за 2005 г. и 2006 г.

В сборнике «Экономическая история: Ежегодник. 2005» представлена первая часть статей проекта, распределенная по трем разделам. Первый из них посвящен исследованию финансовых факторов, влиявших на экономические взаимоотношения между Россией и странами

---

* Более подробно см.: Об исследовательском проекте «Россия и страны Запада: экономические отношения накануне Первой мировой войны и проблема их восстановления в 1920-х — 1930-х гг.» С. 11—13.

ми Запада накануне и после Первой мировой войны. В этом разделе особое место отведено проблеме российских долгов.

В частности, в статье А.В.Игнатьева воссоздается политический фон, на котором развивались экономические отношения России с другими державами Антанты до 1914 г. Общая тенденция развития группировки заключалась, по мнению автора, в укреплении связей ее участников, включая экономические, хотя масштабы содействия России со стороны западных держав могли бы быть большими, если бы они не опасались ее «чрезмерного» усиления.

Статья С.Г.Беляева посвящена различным аспектам русско-французских финансовых отношений периода от предвоенного экономического подъема до второй половины 1920-х гг., когда русские банкиры-эмигранты потеряли контроль над Русско-Азиатским банком — крупнейшим русским кредитным учреждением во Франции.

Ю.А.Петров на материале российских и германских архивов рассматривает взаимные претензии Советской России и Германии по довоенной задолженности, освещает переговоры по этому вопросу в период подготовки Брестского мира, Берлинского финансового соглашения («Finanzabkommen») августа 1918 г., Рапалльского договора 1922 г., а также во второй половине 1920-х гг. в связи с активностью участников довоенного «русского консорциума» («Russische Konsortium») по размещению русских бумаг, и прежде всего банкирского дома Мендельсона («Mendelssohn & Co»).

В статье Е.В.Лобановой освещается реакция французской и отчасти советской прессы на мероприятия 20-х гг., которые проводились советским и французским правительствами для урегулирования проблемы русского довоенного долга Франции. Особое внимание уделено политическим, экономическим и психологическим моментам, помешавшим решению проблемы российского долга французскому государству.

Два других блока статей международного научного проекта посвящены интеграции России в мировую экономику в дореволюционный период, а также внешнеэкономическим связям Советской России.

Связи экономики дореволюционной России с международным бизнесом представлены в статьях двух немецких авторов. В частности, экономическое развитие России в свете глобальных тенденций стало предметом статьи М.Денцеля. В этом исследовании рассматривается процесс формирования мировой экономики в результате европейской политической и экономической экспансии с XV в. и до 1914 г. Мировая экономическая интеграция в статье представлена в плане развития системы международных безналичных платежей. Интеграция Российской империи в эту систему началась с основанием Санкт-Петербурга. К 1820 г. российская столица становится важным центром безналичных расчетов в Балтийском регионе. Как показано в работе М.Денцеля, Москва вырастает до уровня мирового расчетного центра только к концу XIX в.

Если в статье М.Денцеля интеграционные процессы рассматриваются на макроуровне, то В.Сартор изучает то же явление на материале отдельных международных компаний, при посредничестве которых

налаживались связи России с мировой экономикой в XIX — начале XX в. Первоначально большинство таких компаний были связаны с экспортом российского сырья, позже, по мере развития российской экономики, к 1880-м гг., они стали проникать в промышленность и банковское дело. Особое внимание в статье уделено истории фирм Шредеров, Брандтов, Кнопов, Стуkenов, Ралли, Родоканаки, Дрейфусов, Поповых, Кузнецова, Высоцких, Вогау и некоторых других компаний и семейных предприятий.

Развитию внешнеэкономических связей СССР в первые полтора десятилетия его существования посвящены статьи В.Н.Косторниченко и Б.М.Шпотова. В первой из них рассматривается роль иностранного капитала в развитии советского нефтяного экспорта в 1918—1932 гг. Автор отмечает, что рост объемов продаж отечественных нефтепродуктов на внешнем рынке был связан с учреждением за рубежом совместных нефтеторговых компаний, созданием в ряде стран Европы и Азии собственного оптово-розничного и распределительного аппарата, а также с переходом в вопросах сбыта на твердую договорную основу в отношениях с крупнейшими мировыми нефтетрестами, независимыми национальными компаниями, различными иностранными полугосударственными и государственными организациями.

Статья Б.М.Шпотова посвящена такому малоизученному аспекту советской индустриализации, как технологическая помощь американских промышленных компаний Советскому Союзу в 1928—1933 гг. Американские инженеры, техники и квалифицированные рабочие приезжали в СССР для подготовки советских кадров и для наблюдения за ходом работ по строительству и пуску новых советских заводов. Многие советские специалисты посылались в США для изучения новых технологий. Русские также «открывали Америку» у себя в стране, когда управляли американскими тракторами и автомобилями советской сборки, работали на американских станках, установленных на советских заводах, построенных по американским проектам.

В рубрике «Государство — экономика — общество в России — СССР в XIX—XX вв.» представлены исследования о государственной экономической политике, развитии экономических институтов и влиянии этих двух факторов на общество в России и СССР в данный период.

Тематику экономической истории дореволюционной России открывает статья Т.М.Китаниной, в которой рассматриваются меры правительства по выходу из аграрного кризиса конца 1870-х — начала 1890-х гг. Особое внимание уделено реформе государственных хлебных закупок для армии, проводившейся по инициативе С.Ю.Витте в 1893 г. на территории 32 губерний. Реформа предусматривала расширение хлебных закупок у непосредственных производителей, минуя посредников, по повышенным ценам с выплатой аванса и понижением кондиционных качеств зерна. Она способствовала стабилизации и росту цен на зерно и муку в ареале губерний, где последствия аграрного кризиса, вызвавшие сокращение сбыта и падение цен, были особенно сильными.

Статья О.В. Драган посвящена реформе устава Государственного банка Российской империи в 1892—1894 гг. По замыслу реформаторов Госбанк должен был стать ключевым инструментом российской модернизации. В связи с этим в статье исследуется проблема использования иностранного банковского опыта и законодательства, а также вопрос о совместимости предлагаемых заимствований с российской экономической действительностью и деловой практикой конца XIX в.

П.В. Лизунов рассмотрел социокультурные аспекты восприятия фондовой биржи различными слоями российского общества с конца 1850-х гг. до 1917 г. Как показывает автор, к концу XIX в. российское общество освободилось от прежнего недоверия ко всему, что было связано с биржей, банками, акциями и облигациями, и оказалось психологически готово к участию в биржевых сделках с ценными бумагами. В начале XX в. сложилась обширная группа средних и мелких держателей акций, именуемая на биржевом жаргоне «публикой». Ее стали рассматривать как серьезную величину, без привлечения средств которой было бы невозможно создание промышленных предприятий и кредитных учреждений.

В статье А.Ю. Петрова проанализированы все известные в настоящее время списки акционеров первого в России акционерного общества — Российско-американской компании (1799—1868 гг.), определена структура и динамика ее капитала. Основное внимание в работе уделяется движению акций, принадлежавших Шелиховым — мощному клану основателей компании, а также финансовой роли в деятельности компании первого главного правителя русских поселений в Америке А.А. Баранова и его наследников. В статье также анализируется структура капитала, принадлежавшего мелким, средним, а также другим крупным держателям, включая директоров компании и членов ее Особого совета.

Голландский ученый М.Эллман в статье, посвященной голоду в СССР в 1947 г., на основе недавно рассекреченных архивных данных анализирует экономические причины этой катастрофы, связанные с засухой, неурожаем и ухудшившимся продовольственным снабжением. По мнению автора, наиболее точная на сегодняшний день оценка уровня вызванной голодом смертности составляет 1—1,5 млн человек. Находившиеся в распоряжении государства запасы продовольствия, судя по всему, были достаточными для того, чтобы избежать голода или хотя бы существенно уменьшить его масштабы. Однако приоритеты правительства в то время были иными. Автор рассматривает события 1947 г., акцентируя внимание на проблеме прав населения на доступ к продовольствию.

В статье А.М. Маркевича на примере советской оборонной промышленности рассматривается традиционный конфликт интересов в советской экономике, когда приоритет количественных показателей негативно сказывается на качестве выпускаемых товаров, а покупатель не имеет действенных рычагов воздействия на продавца или производителя. В СССР для контроля качества вооружений был создан независимый от производителя институт военных представи-

телей, контролеров заказчика на производстве. Анализ повседневной работы военпредов показывает, что в целом они старались соблюдать интересы военного ведомства, однако эффективность их работы была ограничена многими факторами. Этот пример показывает, что создание независимого контроля не решает проблему качества, возникающую в силу отсутствия конкуренции.

В статье Н.Л.Роголиной через призму новых документальных публикаций анализируется ряд проблем аграрной и социальной истории СССР, поднятых в научной литературе последних лет. В частности, в центре внимания автора находятся хозяйственные и политические изменения в советской деревне 1920—1930-х гг., различные аспекты взаимодействия власти и общества, логика свертывания новой экономической политики и наступления эры «великого перелома».

Статья Т.В.Ефериной посвящена развитию системы социальной поддержки крестьянства в СССР с 1920-х по 1960-е гг. Автор отмечает, что только в 1960-е гг. советская система социального обеспечения дошла до села. Лишь на пятом десятилетии существования советской власти крестьянство в своих социальных правах и их реализации было приравнено к рабочим и служащим. Однако на протяжении последующих двадцати лет в системе пенсионного обеспечения оставалась нерешенной проблема объективного исчисления размера пенсий для колхозников и выравнивания размеров выплат пенсий рабочим промышленных предприятий, совхозов и колхозникам.

Как общую тенденцию для разделов, посвященных советской экономической истории, можно отметить, что в настоящее время исследователям интересна не только интенсивная разработка новых тем, но и теоретическое осмысление истории экономического развития СССР. Поиски в этой области часто неоднозначны, однако, возможно, этим и интересны. Именно эту тенденцию отразил подраздел «Дискуссии». В представленной здесь статье М.А.Безнина и Т.М.Димони дается еще одна трактовка процесса перехода России от аграрного общества к индустриальному. По мнению авторов, этот процесс развивался в 1930—1980-е гг., когда достаточно типичное аграрное общество России трансформировалось в «специфический российский аграрный капитализм»; особенностью этой трансформации, как отмечается в статье, являлось полномасштабное использование «феодалных» реставрационных механизмов: была восстановлена система крестьянских повинностей, колхозники «прикреплялись» к земле, вновь оказался востребован жесткий политический режим. Авторы отмечают, что в 1930—1980-е гг. деревню постепенно осваивает капитал (этот процесс они называют капитализацией). Однако вряд ли можно отождествлять с «накоплением капитала» в советской деревне процесс расширения технической базы советского сельского хозяйства. Тем не менее, по мнению редколлегии, данная статья может дать импульс дискуссии об эволюции соотношения факторов производства в аграрном секторе советской экономики.

Завершает ежегодник раздел, посвященный всеобщей экономической истории, однако тематика представленных здесь статей подчас перекликается с экономической историей России.

Так, в статье В.А.Мау анализируются проблемы, которые создают для экономики страны масштабные финансовые потоки, генерируемые природными ресурсами. Автор показывает, как изобилие природной ренты негативно влияет на конкурентоспособность национальной экономики, возможности проведения структурных реформ, инвестиционный климат и др. Кризисы в СССР, Мексике, Иране и в ряде других богатых природными ресурсами стран хорошо известны. Однако сложности подобного рода не являются феноменом лишь последнего столетия. В статье подробно рассматривается, каким образом мощный приток драгоценных металлов из Америки привел в XVI в. Испанскую империю к тяжелому кризису, завершившемуся ее финансовым и политическим крахом.

В статье А.Г.Айрапетова содержится важный аналитический и фактический материал для исследования трудовых отношений в странах «догоняющего капитализма». Предметом данной статьи являются проблемы мотивации труда будапештских рабочих на рубеже XIX–XX вв., в период социально-экономической модернизации монархии Габсбургов. В статье анализируется динамика заработной платы в соотношении с изменениями стоимости жизни, рассматриваются проблемы безработицы, страхования, трудового законодательства. Коллективный экономический опыт рабочих Будапешта отражал противоречивый процесс их адаптации к вызовам промышленной революции и являлся одним из основных компонентов формирувавшейся индустриальной системы Австро-Венгрии.

В целом настоящий выпуск ежегодника сохраняет тенденции, утвердившиеся в этом издании. Тематика, связанная с экономическими процессами второй половины XIX — начала XX в., превалирует в большей части статей ежегодника, причем события и процессы этой эпохи все чаще рассматриваются с учетом более ранних (до середины XIX в.) и более поздних (после 1917 г.) тенденций. Экономическая история советского периода по-прежнему находится на подъеме и привлекает внимание историков. Редколлегия ежегодника стремится публиковать новые исследования по всеобщей экономической истории, хотя специалистов, работающих в этой области, в нашей стране недостаточно. Еще одно важное направление работы редколлегии ежегодника — перевод и публикация статей зарубежных экономических историков — призвано дать российской научной аудитории представление о тенденциях в мировой науке.

Редколлегия ежегодника надеется, что расширению круга авторов и тематики данного издания будет способствовать активная деятельность Научного совета РАН по проблемам российской и мировой экономической истории. Начиная с данного выпуска сборник будет выходить с грифом Научного совета (наряду с грифом Центра экономической истории при Историческом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова).

Редколлегия выражает благодарность Г.Перельману (Калифорнийский университет, США) за помощь в работе над выпуском.

Экономические отношения
России — РСФСР — СССР
и стран Запада

Об исследовательском проекте «Россия и страны Запада: экономические отношения накануне Первой мировой войны и проблема их восстановления в 1920-х — 1930-х гг.»

Ежегодник «Экономическая история» предлагает вниманию читателей публикацию материалов международного научного проекта «Россия и страны Запада: экономические отношения накануне Первой мировой войны и проблема их восстановления в 1920-х — 1930-х гг.» («Russia and Western Countries: Economic Relations Before World War I and the Problem of their Restoration in the 1920s — 1930s»).

Идея этого проекта была выдвинута профессором В.И.Бовыкиным (ИРИ РАН; Исторический факультет МГУ) и профессором А.Бродером (Университет Париж XII) в 1997 г. После кончины В.И.Бовыкина в 1998 г. координация исследований в рамках проекта проводилась профессором А.Бродером и профессором Л.И.Бородкиным (Исторический факультет МГУ). Результаты исследований обсуждались на международных семинарах в Москве (1999, 2003 гг.) и Париже (2000 г.). Один из важных итогов сотрудничества в рамках проекта — организация секций на Международных конгрессах по экономической истории: в Мадриде в 1998 г. секция В16 («Государственный долг, финансы, деньги и платежный баланс стран-должников, 1890—1932/1933 гг.») была организована В.И.Бовыкиным и А.Бродером; в Буэнос-Айресе в 2002 г. секция 66 («Россия и Запад: экономические отношения до Первой мировой войны и их восстановление и развитие в 1920-х гг.») была организована Б.В.Ананьичем, Ю.А.Петровым и А.Бродером; в Хельсинки в 2006 г. будет работать секция 98 («Экономические отношения между империями и их окраинами в XIX — начале XX в.»), организованная Ю.А.Петровым и А.Куустера (Финляндия).

Финансовая и институциональная поддержка проекту была оказана Домом наук о человеке и Национальным центром научных исследований (CNRS) в Париже; в России центром координации работ по проекту стал Исторический факультет МГУ.

В проекте, осуществлявшемся с 1998 по 2003 г., на разных этапах принимали участие: Б.В.Ананьич (СПБНИИ РАН, Санкт-Петербург), С.А.Афонцев (ИМЭМО РАН, Москва), С.Г.Беляев (СПБНИИ РАН, Санкт-Петербург), В.И.Бовыкин (ИРИ РАН; Исторический факультет МГУ, Москва), Л.И.Бородкин (Исторический факультет МГУ), П.Верле (Университет Париж I, Франция), П.Грегори (Хьюстонский университет, США), М.Денцель (Лейпцигский университет, ФРГ; Университет г. Больяно, Италия), А.В.Игнатьев, С.В.Калмыков (ИРИ РАН, Москва), В.Н.Косторниченко (Московский институт международных экономических отношений), С.К.Лебедев (СПБНИИ

РАН, Санкт-Петербург), Е.В.Лобанова (ИВИ РАН, Москва), Ю.Науц (Кассельский университет, ФРГ), Р.Нугаре (Архив банка «Лионский кредит», Париж, Франция), Ю.А.Петров (ЦБ РФ, Москва), И.В.Поткина, Е.В.Рудая (ИРИ РАН, Москва), С.А.Салюматина (Исторический факультет МГУ), В.Сартор (Свободный университет, Берлин, ФРГ), А.Строс (CNRS, Париж, Франция), С.Томпстон (Ноттингемский университет, Великобритания)*, Р.Хьерппе (Хельсинкский университет, Финляндия)**, М.К.Шашилло (ИРИ РАН, Москва), Б.В.Шпотов (ИВИ РАН, Москва).

Данный проект — один из примеров эффективного международного научного сотрудничества, реализованного при минимальной финансовой поддержке, практически на энтузиазме участников. Поскольку список участников проекта довольно обширен, редколлегия сборника «Экономическая история: Ежегодник» приняла решение опубликовать статьи, подготовленные в рамках проекта, в двух выпусках ежегодника — за 2005 г. и за 2006 г.

Тематика проекта связана с изучением уровня и особенностей интеграции России — РСФСР — СССР в мировую торговую, финансовую, промышленно-технологическую системы до и после Первой мировой войны. В центре внимания проекта находятся вопросы, связанные с изучением масштабов и географии российских заимствований на Западе, динамики и структуры экспортно-импортных отношений. Проект также посвящен исследованию различных форм иностранного участия в российской или советской экономике или же, наоборот, экономической деятельности россиян на Западе. В связи с этим вызывает особый интерес изучение роли российских и иностранных предпринимателей и менеджеров в процессах экономического развития.

Проблемы, находящиеся в центре внимания проекта, имеют глубокие традиции изучения во многих странах начиная еще с 1920-х гг. Однако серьезными препятствиями для полного и непредвзятого анализа в этой области долгое время оставались политизированное отношение к данной теме, недоступность многих важных архивных документов, ограниченные возможности сотрудничества советских и западных исследователей. В результате многие темы, касающиеся экономических отношений России и Запада, оказались довольно слабо освещенными как в отечественной, так и в зарубежной историографии. В частности, данные о российских заимствованиях на западных финансовых рынках и об иностранных инвестициях в Россию недостаточно детализированы, не во всем надежны и не вполне сопоставимы.

Необходимо расширять и углублять исследования роли иностранного предпринимательства в российской экономике, развития тор-

* В рамках проекта опубликована его статья: Россия и русские в международной торговле XIX — начала XX в. // Экономическая история: Ежегодник 2002. М., 2003. С. 67—91.

** В рамках проекта опубликована ее статья: Деятельность русских предпринимателей в Финляндии (1800—1930 гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2004. М., 2004. С. 400—432.

говых и финансовых отношений между Россией и западными странами, истории внешнеэкономической деятельности российских банков, торговых домов, промышленных компаний в Западной Европе, а также истории их участия в международных компаниях, которые стали появляться в начале XX в.

Ситуация с исследованиями, посвященными периоду после Первой мировой войны и революции 1917 г., еще более сложна. Политические и идеологические факторы сильно повлияли на понимание истории международных конференций в Генуе, Гааге и Лозанне. Практически нет исследований, посвященных западно-советским переговорам по финансовым претензиям, не вполне освещены причины неудач этих переговоров, тогда как результаты этих дипломатических баталий во многом предопределили условия для последующего экономического развития Советского Союза. В дальнейших исследованиях также нуждается внешнеэкономический фактор в истории советской индустриализации 1930-х гг.

В наши дни, когда успешное развитие России зависит от ее интеграции в мировую экономическую систему, проблемы, изучаемые в данном проекте, приобретают особую важность. В настоящее время сложились более благоприятные условия для их изучения. Для историков стали доступны новые архивы в России и на Западе, например архивы частных банков. Сотрудничество российских и западных ученых, представляющих страны, имевшие развитые и тесные торговые, финансовые и технологические отношения с царской Россией и с СССР в 1920-е — 1930-е гг., формирует научную среду, в которой тематика проекта может исследоваться непредвзято, в свете новых источников, с возможностью дискуссии по спорным вопросам. Хочется надеяться, что материалы проекта прольют свет на часть нерешенных проблем, возникающих в связи с изучением экономических связей России и Запада в первой трети XX в.

Л.И.Бородкин, Ю.А.Петров, С.А.Саломатина

ФИНАНСОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С ЗАПАДНЫМИ СТРАНАМИ В 1900-х — 1920-х гг.

А. В. Игнатъев*

Политический фон экономических отношений России с другими державами Антанты до 1914 г.

На экономические отношения России с Францией и Англией перед Первой мировой войной, естественно, влиял факт их вхождения в одну группировку — Тройственное соглашение, противостоявшие Тройственному союзу. Антанта складывалась и консолидировалась постепенно. Наряду с предпосылками для ее формирования между участниками группировки существовали противоречия, затруднявшие их сближение. Задача данного очерка — показать, как общность интересов держав Соглашения способствовала расширению связей Франции и Англии с Россией и как в то же время их соперничество ограничивало масштабы экономического сближения. В богатой литературе международных отношений кануна мировой войны много внимания уделяется двусторонним связям государств, скажем, Франции и России, Англии и Франции, России и Англии. Гораздо реже рассматриваются отношения этих стран в комплексе. Между тем такой подход более соответствует характеру периода, когда сложилась всемирная система связей государств, а Тройственное соглашение представлял собой один из элементов центральной европейской подсистемы.

* * *

Возникновение Германской империи и образование Тройственного союза во главе с Германией нарушило равновесие сил в Европе и в конечном итоге вызвало к жизни союз Франции и России. Создание этого последнего было подготовлено и закреплено превращение Франции в главного кредитора России¹. Франко-русскому союзу суждено было стать одной из основ будущего Тройственного соглашения, но до этого пока еще было далеко: Англия оставалась вне блока, хотя на Даунинг-стрит уже сознавали, что политика «блестящей изгнания» себя изжила.

---

* Игнатъев Анатолий Венедиктович — доктор исторических наук (Институт российской истории РАН).

Двойственный союз являлся адекватным противовесом германской группировке, обеспечивая безопасность Франции и позволяя России разговаривать на равных с Германией и Англией. Труднее оказалось использовать его для обеспечения специальных интересов Франции в Африке, а России на Ближнем Востоке, что вызывало некоторое разочарование и в Париже, и в Петербурге. Все же в 1899 г. союз был подтвержден, а его политические задачи уточнены².

Дальнейшее экономическое развитие и гонка вооружений великих держав привели к возникновению антагонизма между сложившимся в пользу Англии, Франции и России разделом мира и возможностями их более молодых в капиталистическом смысле конкурентов, наиболее сильным из которых являлась та же Германия. На рубеже веков она опережала Англию, не говоря уже о Франции и России, по промышленной мощи. Между тем британская колониальная империя по площади превосходила германскую в 9 раз (французская — почти в 4 раза), а по населению — более чем в 20 раз (французская — в 4 раза)³. Вторую по площади после Англии территорию контролировала Россия, в которой грань между метрополией и колониями провести чрезвычайно трудно. Промышленную мощь Германии подкрепляла ее военная машина, по общему признанию сильнейшая в Европе. В 1898 г. Германия приступила к созданию большого военного флота, бросив вызов британской морской гегемонии. Все это позволило империи Гогенцоллернов выдвинуть вопрос о «своем месте под солнцем», которого она намерена была добиваться за счет не только колоний и сфер влияния в зависимых странах, но и территорий соседней России. Сложившаяся обстановка создавала объективные предпосылки для сплочения Англии, Франции и России, которому препятствовали, однако, как англо-французские, так и англо-русские противоречия.

Инициативу сплочения стран будущей Антанты взяла на себя дальновидная и гибкая британская дипломатия. Правда, поиски выхода из «блестящей изоляции» велись сначала в разных направлениях, включая и Германию. Но главным вектором стало все же урегулирование отношений с Францией и Россией. Достигнуть этого удалось далеко не сразу, но британская дипломатия проявила настойчивость в умении продвигаться к цели окольными путями, сочетая переговоры с силовым давлением (Фашодский кризис, противопоставление России Японии на Дальнем Востоке). Угроза столкновения с Англией же побудила Россию и Францию внести в условия взаимопомощи антибританские обязательства (1900—1901 гг.).

Характеризуя англо-русские отношения, отметим, что Великобритания до начала XX в. не являлась крупным экспортером капитала в Россию ни по государственной, ни по частным линиям. В 1900 г. английские инвестиции в народное хозяйство России составляли, по некоторым оценкам, не более 15% общей массы иностранного капитала⁴. Специальное соглашение о правах и обязанностях британских акционерных компаний в России и наоборот было подписано только в декабре 1904 г., в то время как с другими экспортерами капитала в Россию аналогичные соглашения заклю-

чались еще в 60—80-е гг. XIX в. В то же время Англия являлась вторым после Германии торговым партнером России, причем русско-английская торговля, в отличие от русско-германской, не имела отрицательного баланса⁵.

Англо-русские переговоры 1898 г. о разграничении сфер влияния на Ближнем и Дальнем Востоке потерпели неудачу, хотя и имели следствием соглашение о сферах железнодорожных интересов двух держав в Китае. Следующая попытка, относившаяся к 1903 г., также оказалась безуспешной: условия, сформулированные преемником Солсбери на посту главы Форин Оффис Г.Ленсдауном, были отклонены в Петербурге как невыгодные России, а дальнейшим переговорами помешала русско-японская война.

Удачней развивалось англо-французское сближение. В июне 1898 г. между двумя державами было заключено соглашение о разграничении владений и сфер влияния в Западной Африке. После Фашодского конфликта последовало соглашение о разделе сфер влияния Англии и Франции в Восточной и Центральной Африке (1899 г.). Наконец, в апреле 1904 г. состоялось генеральное соглашение двух держав по комплексу других спорных вопросов от Ньюфаундленда до Сиам, получившее название «Сердечного согласия», или Антанты.

В Марокканском кризисе 1905 г. Англия решительно поддержала Францию против Германии, обещая первой в критической ситуации даже военную помощь. Неудивительно, что она перестала рассматриваться в Париже как противник. Французское правительство не скрывало также своего желания способствовать урегулированию русско-английских разногласий.

Русско-японская война чем дальше, тем больше отвлекала силы России на Дальний Восток, подрывая ее способность оказать помощь Франции в случае конфликта последней с Германией. Поражение России и революция 1905 г. ослабили ее международные позиции вообще и снизили вес в союзе с Францией в частности. Осенью 1905 г. западная союзница, поддерживаемая Англией, оказалась достаточно уверенной в себе, чтобы на запрос России после Бьёрке отклонить возможность своего участия в континентальном союзе. В противоположность этому, и Лондон, через короля Эдуарда VII, и Париж указывали на необходимость англо-русского сближения. Такая перспектива не улыбалась Петербургу. Но правительство Николая II испытывало острую нужду в большом заграничном займе для ликвидации последствий войны и противодействия революционным силам. Заем предполагали сделать международным и политически нейтральным. Однако французские банкиры, находившиеся в контакте с правительством, выражали готовность блокироваться с англичанами, но не с немцами⁶. Позиция самой Англии в отношении финансирования России существенно изменилась. Еще недавно Лондон предоставлял займы Японии и выражал недоверие платежеспособности России. Теперь та же «Таймс» писала: «По общему мнению, Россия должна будет снова прибегать к займам на реорганизацию своей армии и воссоздание флота. В этом случае ей будет нетрудно получить финансовую поддержку в соответствии с ее потребностями»⁷. Британские

банкиры соглашались на участие в займе при условии перемены политики России в отношении Англии⁸.

Условием предоставления большого займа Франция поставила благополучное для нее разрешение марокканского кризиса, что требовало от России поддержки союзницы на Алхесирасской конференции. Петербургу пришлось согласиться с этим и дать нужные указания своему делегату В.Р.Бахрахту. Это возмутило берлинские правящие круги и лично кайзера, принявших решение наказать «неблагодарную» Россию. В последний момент германские банкиры вышли из предполагаемого консорциума по размещению русского займа. За Германией последовали Италия и Соединенные Штаты. Заем удалось спасти путем расширения французской доли участия. Он получился на $\frac{9}{10}$ франко-английским. Царской дипломатии с трудом удалось придать займу видимость нейтрального путем привлечения специальными льготами Австро-Венгрии, а также Голландии. Экономические условия сделки были, по признанию русской печати, тяжелыми для России⁹.

Вслед за предоставлением займа Франция отказалась подтвердить обязательства, принятые на совещаниях начальников генштабов двух стран в 1900—1901 гг., касавшиеся Англии. Напряженные объяснения по военной и дипломатической линиям не помогли. А.И.Нелидов в письме французскому министру иностранных дел Л.Буржуа так резюмировал их итог: «Доселе нас связывала общность интересов по отношению не только к Германии, но и Англии, с которою Франция, быть может еще более России, опасалась возможности столкновения. Теперь положение стало иное; возможность борьбы с Англией отстранена для Франции, но не для нас, хотя мы ее вовсе не желаем, а, напротив того, хотели бы по возможности отдалить причины, могущие ее вызвать»¹⁰.

Царское правительство стало на путь урегулирования своих отношений с Англией в Средней Азии в рамках нового курса соглашения и балансирования, принятого в 1906 г. Этот курс был рассчитан на улучшение отношений с державами-соперниками «от Камчатки до Гибралтара» и уклонение от явно назревавшего столкновения между Англией и Германией. Не случайно англо-русская конвенция 1907 г. не включала некоторых вопросов, предлагавшихся британской стороной, но имевших не только региональное значение и могущих задеть германские интересы. Условия соглашения, заключенного Россией с либеральным кабинетом Г.Асквита, соответствовали реальному соотношению сил на Среднем Востоке и могли считаться сравнительно благоприятными для ослабленной России¹¹. В Лондоне и Париже конвенцию приветствовали как первый шаг в оформлении теперь уже тройственной группировки. Правительство России надеялось уравновесить ее договоренностями с Германией, что удалось только отчасти (Балтийский протокол). Если соглашение с Лондоном представляло компромисс в действительно наиболее острых вопросах англо-русских противоречий, то Балтийский протокол с Германией касался сравнительно второстепенного участка отношений соседних империй, а по более важной балкан-

ско-ближневосточной проблеме Петербург и Берлин договориться не смогли.

Политика соглашений и балансирования была направлена на получение передышки для внутренней консолидации и модернизации, а также восстановления и укрепления военной мощи. Этот курс проводился, несмотря на возникавшие трудности, в течение нескольких ближайших лет. В 1908 г., во время Ревельского свидания Эдуарда VII с Николаем II, британские государственные деятели достаточно откровенно намекали на желательность антигерманского общеполитического сближения и даже определения контуров эвентуального военного взаимодействия. Русские политики отнеслись к этому зондажу весьма осторожно, и никаких конкретных договоренностей не последовало¹².

В 1908—1909 гг. Россия по вине А. П. Извольского и Николая II временно отклонилась от осторожной политики и оказалась вовлеченной в международный конфликт, спровоцированный австрийской аннексией Боснии и Герцеговины. В ходе этого конфликта ей пришлось кооперироваться с Францией и Англией. Названные державы предоставили ей, в частности, новый заем (январь 1909 г.). Франция и Англия оказали России также дипломатическую поддержку, что вызвало нервную реакцию Германии, поддержавшей Вену. В письме Нелидову Извольский признавал, что в ходе Боснийского кризиса он впервые ясно осознал, как радикально изменилась ситуация в Европе: державы оказались разделенными на две группировки: с одной стороны — Германия и Австро-Венгрия, а с другой — Россия, Франция и Англия¹³. Это была констатация кризиса политики балансирования.

Все же дипломатическое поражение России в 1909 г. не изменило ее внешнеполитического курса. Политика соглашений и балансирования еще некоторое время продолжалась. Но, как позднее признавал Извольский в письме к П. А. Столыпину, в течение всего пребывания во главе МИД над ним тяготел кошмар внезапной войны, вызванной обязательствами по союзу с Францией или выдвижением независимо от воли России Восточного или Славянского вопросов. Уклонение же в решительную минуту от договорных обязательств или от участия в решении упомянутых задач не только обесчестило бы Россию, но и сделало бы ее совершенно неспособной к союзам, «второстепенной, если не хуже, державой»¹⁴.

Сменивший в 1910 г. Извольского на посту министра иностранных дел С. Д. Сазонов предпринял попытку улучшить отношения с Германией. Она вылилась в конечном счете в соглашение августа 1911 г. о Багдадской железной дороге и Персии¹⁵. Россия отказалась от противодействия сооружению Багдадской железной дороги в обмен на признание Германией преобладания русских интересов в Северной Персии. Это был последний перед мировой войной большой маневр русской дипломатии с целью выровнять баланс внешнеполитической ориентации страны. Он, как показали дальнейшие события, не имел долговременных последствий и не смог переломить общей тенденции к сближению России с западными державами.

Русско-германское соглашение последовало на фоне очередного марокканского кризиса между Германией и Францией, решительно поддержанной Англией. Россия заняла в этом конфликте двойственную позицию. Она не хотела войны, но и не могла игнорировать союзнические обязательства. Убеждая Париж не доводить дела до разрыва, она одновременно вынуждена была подтвердить верность союзу. Когда же стало очевидно, что франко-германские переговоры идут к компромиссному исходу, Россия даже попыталась извлечь некоторые выгоды для себя: она попробовала заручиться согласием Франции поддержать в будущем русскую позицию в случае возникновения вопросов о Черноморских проливах и о преобладании в Северном Китае. Французская дипломатия сначала затягивала ответ, а в конечном счете дала его хотя и в положительном смысле, но в слишком общей форме¹⁶.

Если отношения России с Францией пережили в 1906—1911 гг. не самый благоприятный период, то англо-французское взаимодействие со времени заключения Антанты двух стран существенно прогрессировало. Англия не только поддержала Францию дипломатически в двух марокканских кризисах, но и обещала ей, правда в устной форме, военную помощь. Следствием указанной эволюции стало то, что в рамках складывающегося Тройственного соглашения Париж и Лондон все чаще стали выступать в отношениях с Россией единым фронтом. Их сближению способствовало как сходство политических режимов, так и общность взглядов на роль России в вероятной войне, да и известные опасения «чрезмерного» усиления русского партнера в Европе и на Ближнем Востоке.

Окончательное складывание Тройственной Антанты происходит в последние предвоенные годы. Оно связано, прежде всего, с общим ухудшением международной обстановки. Агадирский кризис 1911 г., хотя и завершился компромиссом, имел следствием обострение отношений между Германией и западными партнерами России. Он стимулировал дальнейшую гонку вооружений, инициатива нового витка которой принадлежала германским милитаристам. Опасность большого конфликта таила в себе затянувшаяся итало-турецкая война. Другим источником тревоги являлся образовавшийся весной 1912 г. Балканский союз, участники которого стремились использовать ослабление Турции, чтобы силой решить свои национально-территориальные проблемы. Хотя формально новая группировка признавала верховный авторитет Петербурга, на практике она легко могла выйти из-под контроля. Таким образом, существовала угроза, что Восточный вопрос может встать во весь рост.

Для понимания политики России в последние предвоенные годы следует учесть и определенные внутренние сдвиги в стране. Промышленный подъем 1909—1913 гг. продвинул империю вперед, подкрепив ее великодержавные позиции. Реорганизация армии и воссоздание флота были с 1910 г. поставлены на плановую и обеспеченную финансами основу, что принесло первые результаты. Это придавало уверенность военным верхам, которым представлялось, что Россия уже может с успехом померяться силами если не с

Германией, то с Австро-Венгрией, хотя в действительности речь могла идти только о войне с коалицией этих двух империй. С другой стороны, столыпинская политика «успокоения и реформ», натолкнувшись на сопротивление как крестьянских масс, так и крупнопомещичьих кругов, способна была обеспечить лишь медленный прогресс, а «успокоение» оказалось непрочным и кратковременным. В правящих кругах столыпинский курс, особенно после смерти его демиурга, стал подвергаться критике. Это касалось и внешнеполитического аспекта: осторожность и балансирование между Англией и Германией утрачивали прежнее обаяние, уступая место поискам иных путей и средств отстаивания интересов России.

Отношения между Англией, Францией и Россией приобретают в 1912—1914 гг. некоторые новые черты, возьмем ли мы политические, военные или экономические аспекты этих связей. В это время западные партнеры России приходят к выводу о необходимости занимать впредь более твердую позицию в случае продолжения Германией и ее союзниками вызывающей, агрессивной политики. Англия и Франция заключили в этих целях секретные военно-морскую конвенцию и условное политическое соглашение (ноябрь 1912 г.). Перед ними встал вопрос, как придать решимости петербургскому кабинету. К счастью для западных держав, острота конфликтов перемещается в этот период на Балканы и Ближний Восток, проблемы которых живо затрагивают интересы России. Здесь ей чем дальше, тем труднее становится проводить сдержанную политику.

Обратимся к изначально более крепкому франко-русскому звену Соглашения. В политической области принципиальное значение имело изменение позиции Франции в отношении применимости союзных обязательств в случае возникновения конфликта на почве балканских дел. Как известно, в феврале 1909 г., в разгар Боснийского кризиса, российское правительство через посла в Париже А.И.Нелидова запросило, как поступит союзница, если последует война из-за Сербии. Ответ Франции тогда гласил, что «война, возникшая из-за подобного вопроса, не встретила бы сочувствия со стороны общественного мнения Франции», а потому «интересы обеих держав обязывают их правительства принять все меры к предупреждению конфликта из-за вопросов, не затрагивающих жизненные интересы России»¹⁷.

Эта позиция претерпела изменения после прихода к власти во Франции в начале 1912 г. Р.Пуанкаре. Во время летнего визита в Россию в том же году Пуанкаре, правда, еще оговаривался, что «французское общественное мнение не позволит правительству Республики решиться на военные действия из-за чисто балканских вопросов, если Германия останется безучастной». Но, подчеркивал он, коль скоро действия последней вызовут применение условий договора, Россия может рассчитывать на полное и точное выполнение Францией союзнических обязательств¹⁸.

Еще более определенно проявился настрой правительства Франции поздней осенью 1912 г., во время 1-й Балканской войны, когда решимость Австро-Венгрии не допустить выхода Сербии к Адриатическому морю вызвала обострение отношений великих дер-

жав. Посол в Париже А. П. Извольский докладывал Сазонову, что позиция союзницы существенно изменилась по сравнению с периодом Боснийского кризиса. Хотя французское правительство настроено миролюбиво, оно твердо намерено выполнить союзнические обязательства в случае столкновения России не только с Германией, но и с Австро-Венгрией, на помощь которой неизбежно придет Германия. «Спокойная решимость» французского правительства не уклоняться в случае необходимости от войны базировалась, по сведениям Извольского, на заключениях Генерального штаба, считавшего военно-политическую обстановку благоприятной для держав Тройственного соглашения¹⁹.

Эта оптимистическая оценка разделялась также британскими политическими и военными деятелями. Недостаточная готовность России, где в 1912—1914 гг. «большие программы» усиления армии и флота только принимались и требовали для своего осуществления еще нескольких лет, Париж и Лондон не смущала. В известном смысле, она была даже выгодна западным державам. По их предположениям, Россия все равно должна была задавить Германию массой своих войск. А если при этом восточный союзник понесет большие потери, то тем меньше претензий он сможет предъявить в будущем, при мирном урегулировании.

Хладнокровный, эгоистический расчет западных политиков достаточно откровенно передала в одной из передовиц 1913 г. влиятельная «Таймс»: «Германия может в один прекрасный день превзойти Россию лучшим качеством своих войск или лучшим командованием, она может также добиться успехов на начальной стадии благодаря большей подготовленности к войне. Все это возможно, ибо на войне нет ничего невозможного, но что если не невозможно, то, во всяком случае, очень мало вероятно, так это то, что Германия сможет когда-либо противостоять давлению массы войск, которые в конечном счете выставит Россия». Однако, отмечалось далее, русская поддержка может «прийти слишком поздно» и оказаться «слишком могущественной, когда она придет»²⁰. Надо было, следовательно, ее по возможности ускорить. Это уже было делом военных, прежде всего французов, находившихся в тесном контакте с русским командованием.

Наконец, в ходе визита в Россию теперь уже президента Пуанкаре и министра иностранных дел А. Вивиани в июле 1914 г. союзные обязательства были подтверждены именно в связи с ожидавшимся де-маршем Австро-Венгрии против Сербии, грозившим европейской войной²¹.

В военной области наблюдалось два существенно новых момента. Один из них — распространение союзных обязательств на действия военно-морских сил двух держав. Мы имеем в виду заключение летом 1912 г. морской конвенции и начало обмена стратегическими взглядами, т.е. согласования усилий на море, начальников французского и русского морских генштабов²². Предпосылкой этому послужили усиления обеих держав по наращиванию современных морских сил.

Второй момент — подтверждение в ходе совещаний начальников сухопутных генштабов двух стран главной цели — пораже-

ния Германии — и конкретизация соответствующих обязательств. Русская сторона обещала начать наступательные действия против Германии силами 800 тыс. человек уже на 16-й день мобилизации, т.е. задолго до завершения стратегического развертывания, причем были определены даже главные оперативные направления предполагаемых наступательных операций. Франция, со своей стороны, обязалась выставить против Германии не 1,3 млн человек, как было зафиксировано в конвенции, а 1,5 млн и перейти в наступление на 11-й день мобилизации²³.

На последнем перед войной совещании начальников генштабов Я.Г.Жилинский пошел еще дальше и обещал Ж.Жоффу ввести в бой против Германии на 13-й день мобилизации 13 армейских корпусов. 2 новых корпуса формировались на территории Польши, принимались меры по усилению войск пограничных округов. Вновь, как уже бывало, задерживалась демобилизация целого призывного возраста²⁴. Эти обещания приобретали тем большее значение, что с 1912 г. протоколы совещаний начальников генштабов стали, по договоренности двух сторон, скрепляться подписями военных министров, приобретая, таким образом, характер правительственных документов²⁵.

Франция оставалась в эти годы главным кредитором России. Новым в финансовой области стало предложение французского правительства петербургскому кабинету ежегодно размещать на парижском рынке от 400 до 500 млн франков на условиях, «1) чтобы постройка стратегических линий, предусматриваемых в согласии с французским генштабом, была предпринята немедленно, 2) чтобы наличные силы российской армии в мирное время были значительно увеличены»²⁶. Эти предложения встретили положительный отклик русской стороны, так как облегчали выполнение ее собственных намерений²⁷. В результате поездки В.Н.Коковцова в Париж была разработана целая программа предоставления Францией ежегодных займов на русское железнодорожное строительство (сроком на 5 лет в размере 500 млн франков в год), причем русская сторона обязалась удовлетворить пожелания французского Генерального штаба за 4 года. Соглашение оформили в декабре 1913 г.²⁸

Хотя укрепление связей двух держав в 1912—1914 гг. шло по всем линиям, несомненно, было бы преувеличением рисовать картину их отношений как безоблачную и идиллическую. В Париже, как и в Лондоне, искали в русском колоссе опоры против Германии, но не хотели его чрезмерного усиления, могущего превратить союзника в опасного соперника. Противоречия держав наиболее выпукло проявились на Ближнем Востоке, где, по словам Сазонова, «французское правительство оберегало интересы своих подданных, вложивших крупные капиталы в различные финансовые предприятия как в Константинополе, так и в Малой Азии», при том что «как во Франции, так и в Англии стратегическое значение проливов оценивалось выше торгового именно в смысле возможности нападения на Россию, тогда как приписывать ей такие замыслы против морских держав Запада не имело бы и тени основания»²⁹.

Серьезные сдвиги произошли в 1912—1914 гг. и в русско-английских отношениях, чему способствовала Франция. Помимо общеполитических мотивов, о которых говорилось выше, свою роль сыграло и развитие экономических связей. За 1906—1914 гг. Россия получила от Англии в виде займов свыше 470 млн руб., что составило $\frac{3}{4}$ ее предвоенной задолженности этой стране³⁰. Помимо участия в двух уже упоминавшихся государственных займах (1906 и 1909 гг.), Англия довольно энергично инвестировала капитал в русское железнодорожное строительство и городское хозяйство. Небезызвестный русский экономист профессор П. Мигулин писал в 1913 г.: «Необходимо отметить, что в деле железнодорожного строительства особую услугу оказал нам именно английский капитал... Созданию значительной части нашей рельсовой сети мы обязаны английскому капиталу»³¹. Большая часть английских железнодорожных и городских займов пришла на 1912—1914 гг.

Значительно усилился в 1910—1914 гг. приток британских капиталов в русскую промышленность. В предвоенные годы Англия инвестировала в нее больше капитала, чем любая другая страна, оттеснив Германию и Бельгию и заняв в итоге второе место после Франции. Русский рынок приложения капиталов начал приобретать весомое значение и для Англии. «Таймс» писала в ноябре 1911 г.: «В международной финансовой жизни за последнее десятилетие нет более значительного, с точки зрения Англии, события, чем уверенное и быстрое развитие торговых и финансовых связей между Российской империей и Англией»³². У британской стороны возникало естественное желание использовать достигнутое положение и в целях политического влияния. Английский журнал «Экономист» писал в июне 1914 г.: «Постоянный рост финансовой зависимости России от лондонского денежного рынка является фактом, который должен укреплять позицию сэра Эдуарда Грея в переговорах с русским правительством как по вопросу о тарифе и судоходстве в Финляндии, так и по политическими вопросам, касающимся Персии»³³.

Более сложной выглядела ситуация в сфере внешней торговли России. Объем русско-английских торговых оборотов быстро прогрессировал, но России не удалось с их помощью ни ослабить торговую зависимость от Германии, ни увеличить активный торговый баланс. И все же Англия была единственной страной, способной создать серьезную конкуренцию Германии на русском рынке и в случае необходимости хотя бы отчасти заменить ее.

Новая обстановка, прежде всего ее международный аспект, побудила российское правительство сделать в отношениях с Англией первый важный шаг, шедший вразрез с политикой балансирования. Показательна роль в этом деле Франции. Во время визита в Россию в августе 1912 г. Пуанкаре конфиденциально сообщил Сазонову об устной договоренности между Англией и Францией, позволяющей последней рассчитывать на поддержку британских сухопутных и морских сил в случае нападения Германии, и спросил русского министра, не думает ли тот воспользоваться визитом в Англию, чтобы поставить вопрос о совместных действиях русского и королевского

флотов при столкновении Антанты с Германией. Пуанкаре полагал, что английский флот мог бы сыграть на Балтийском море такую же роль, какую французский флот взял на себя в Средиземном море, т.е. задачу обеспечить господство Антанты. Сазонов осторожно ответил премьеру, что поднятый им вопрос требует внимательного изучения³⁴. Действительно, речь шла ни много ни мало, как о пересмотре курса лавирования. В то же время в Петербурге не могли не понимать, что сама Россия противостоять мощному германскому флоту неспособна. По мнению Сазонова, «одна Англия могла дать нам ту поддержку, которая во всякой продолжительной и тяжелой борьбе дает окончательный перевес той стороне, в руках которой находится господство над морями»³⁵. Решено было прощупать почву и посмотреть, какую плату потребует прагматичный партнер за свое содействие.

Во время визита в Англию осенью 1912 г. Сазонов поставил перед британскими политиками вопрос, что могла бы Россия «ждать от Англии в случае вооруженного столкновения с Германией». Выразив надежду на поддержку на море, он получил вполне удовлетворительные заверения в желаемом смысле. Вместе с тем его британский коллега Э.Грей оговорил участие Англии в войне определенными условиями, смысл которых состоял в том, что Франция и Россия должны выступить в конфликте в роли обороняющейся стороны³⁶.

Осенью 1912 г. Россию посетил начальник оперативного отдела британского Генерального штаба Г.Вильсон, тот самый, который разрабатывал план участия королевской армии в войне на континенте. Он контактировал с начальником русского Генерального штаба Жилинским и присутствовал на маневрах русской армии³⁷.

Следующий, еще более важный шаг по пути русско-английского военно-политического сближения был сделан в 1914 г. Толчком к нему послужило обострение русско-германских противоречий на Ближнем Востоке из-за посылки миссии Лимана фон Сандерса. «Появление на Босфоре, в условиях еще небывалых полномочий, германской военной силы, — писал Сазонов, — послужило для России тем решающим моментом, который принудил ее искать сближения с Великобританией в форме более конкретной, чем неопределенное сознание общей с ней опасности»³⁸.

Императорское правительство окончательно отказалось от мысли остаться в стороне от англо-германского столкновения, но по-прежнему стремилось отсрочить войну. Ведь «большие программы» перевооружения армии и военно-морского строительства требовали для своего выполнения еще нескольких лет. Россия возбудила вопрос о превращении Тройственной Антанты в открытый оборонительный союз³⁹. Когда же либеральный сент-джеймский кабинет отклонил это предложение, Петербург довольно легко согласился на установление с Англией отношений типа англо-французских, т.е. на заключение секретных военно-морской конвенции и политического соглашения. Это было, по-видимому, ошибкой, т.к., способствуя укреплению антигерманской группировки, не служило предостережением противнику и не могло, следовательно, отсрочить столкновение. Тем

не менее при содействии Франции англо-русские переговоры начались. Они протекали в последние предвоенные месяцы и в конечном счете привели к выработке согласованного проекта конвенции, подписать которую на соответствующем уровне так и не успели. Условия конвенции не вполне удовлетворяли русскую сторону, поскольку Англия уклонилась от обязательства развернуть военные действия на Балтике⁴⁰.

Русско-английское сближение тормозилось в 1912—1914 гг. обострением противоречий двух соперников на Среднем Востоке. Существенные разногласия в персидских делах вскрылись уже во время визита Сазонова в Англию в 1912 г. Если русское правительство стремилось всеми мерами упрочить свое влияние на севере страны, то Англия демонстрировала намерение укрепиться в нейтральной зоне. Сент-джеймский кабинет тормозил реализацию совместного проекта Трансперсидской железной дороги.

В дальнейшем ситуация еще больше осложнилась. Англо-персидская нефтяная компания при прямой поддержке государства резко расширила масштабы своей деятельности, взяв на себя поставку топлива для королевского флота. Ее концессионные права распространялись, помимо английской, на нейтральную и даже частично русскую зоны. Это побудило Форин Оффис поставить вопрос о пересмотре соглашения 1907 г. о Персии в пользу Англии⁴¹. Параллельно с этим Лондон выступил с претензией на пересмотр соглашения о Тибете, над которым предполагалось установить фактически британский протекторат⁴². Сазонов старался получить в виде компенсации некоторые уступки в афганском вопросе. 10 июня он признал тибетско-афганские предложения Англии в общем приемлемыми⁴³. Но в персидском вопросе изыскать компромисс не удавалось. Стремясь к заключению взаимоприемлемого соглашения, Сазонов даже готов был предоставить Англии гарантии целостности ее индийских владений по образцу англо-японского союзного договора⁴⁴.

На заключительном этапе англо-русских переговоров заметное влияние на их ход оказал предвоенный июльский кризис. На первый план выступил главный вопрос о готовности партнеров одновременно принять участие в надвигавшемся столкновении, в сравнении с которым конкретные детали договоренностей не имели столь существенного значения.

Тройственное согласие, в которое входили Россия, Франция и Англия, отличалось как военно-политическая группировка определенным своеобразием. Оно складывалось постепенно, и ко времени мировой войны союзный характер в ней имело только франко-русское звено. Общеполитические узы как между Францией и Англией, так и между Англией и Россией носили полуофициальный, первоначально только устный характер; военные же соглашения между ними считались условными, т.е. формально подлежали выполнению только в том случае, если оба правительства решили бы выступить в данной конкретной ситуации совместно. Это облегчало либеральному правительству Англии возможность взаимодействия с царской Россией

и позволяло русской дипломатии одно время надеяться остаться в стороне от назревавшего англо-германского столкновения.

Помимо политической и военно-стратегической, в Тройственном соглашении было еще две составляющих — экономическая, прежде всего финансовая (западные державы выступали в роли заимодавцев России), и колониальная — наличие между ними соглашений о разделе колоний (Англия и Франция) и сфер влияния (Англия и Россия). Общая тенденция развития группировки заключалась в укреплении связей участников, что не исключало периодов охлаждения, объяснявшихся их отличиями в подходе к блоку, в понимании условий применимости *casus foederis*^{*}, неудовлетворенностью политикой партнера, в том числе внутренней, нежеланием либерального правительства Англии заранее связывать себя жесткими обязательствами в отношении партнеров.

На первом этапе существования франко-русского союза (до 1904 г.) отношения между его участниками были связями равных. Бóльшая заинтересованность Франции в поддержке русской армии уравновешивалась потребностью России обращаться к парижскому денежному рынку. Соотношение сил в союзе изменилось к невыгоде России в результате проигранной войны с Японией и революции 1905 г. Кроме того, уже с 1904 г. России приходилось иметь дело не с одной Францией, а с англо-французской Антантой, причем взгляды западных держав на место и роль России в группировке во многом совпадали.

Дальнейшие международные события, как политические (кризисы в отношениях держав), так и экономические (русские заграничные займы 1908, 1909 гг. и др.), вели к становлению и развитию Тройственного соглашения. В 1907 г. Россия заключила конвенцию с Англией в рамках своей общей политики соглашений и балансирования. К общеполитическому сближению с Англией в Петербурге относились осторожно, с чем Лондону приходилось считаться. Активную роль в процессе сплочения трех держав сыграла союзная Франция: она не только сама развивала отношения с партнерами, но и служила как бы связующим звеном между ними. Россия выступила инициатором новых мер по укреплению Тройственного соглашения лишь в 1912—1914 гг. Ее идея открытого оборонительного союза не была принята западными державами. Таким образом, Антанта прошла в своем развитии несколько периодов — до 1907 г., 1907—1911 гг. и последние предвоенные годы.

Экономические связи неизменно способствовали консолидации тройственной группировки. Роль их в различные периоды была, впрочем, неодинакова. Создание франко-русского союза было подготовлено и закреплено российскими займами на парижском рынке. Они играли важную роль и в ускорении русского стратегического железнодорожного строительства, способствуя согласованию военных

---

* *Казус фёдерис* — условие, факт, при котором государство, являющееся участником международного договора, должно совершить предусмотренные этим договором действия (*прим. ред.*).

планов. Англо-русское сближение в известной мере подкрепило участие Лондона в российских займах 1906 и 1909 гг., а также в железнодорожных и городских займах России. Англия была единственной страной, способной отчасти заменить Германию как торгового партнера России в случае русско-германского конфликта.

Что касается колониальных противоречий, то они, напротив, нередко тормозили сближение, как было на первом этапе становления Соглашения в англо-французских отношениях или в первой половине 1914 г. в отношениях России с Англией.

Примечания

¹ Girault R. *Emprunts russes et investissements français en Russie, 1897—1914*. Paris, 1973; Ананьич Б.В. *Россия и международный капитал. 1897—1914: Очерки истории финансовых отношений*. Л., 1970; Соловьев Ю.Б. *Франко-русский союз в его финансовом аспекте // Французский ежегодник. 1961*. М., 1962.

² *Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917*. М., 1952. С. 319—321.

³ Morris C. *The History of Colonization*. Vol. I—II. N.Y., 1900.

⁴ Оль П.В. *Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России*. Л., 1925. С. 15.

⁵ *Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце XIX в. — 1914)*. М., 1996. С. 267.

⁶ Игнатъев А.В. *Внешняя политика России в 1905—1907 гг.* М., 1986. С. 69—75.

⁷ Цит. по: Miller M. *The Economic Development of Russia. 1905—1914*. L., 1926. P. 163.

⁸ *Русские финансы и европейская биржа: Документы*. М.; Л., 1926. С. 192—193.

⁹ *Русские ведомости*. 1906. 5/IV; *Слово*. 1906. 5/IV.

¹⁰ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 138. Секретный архив министра. Д. 374. Л. 184об.—185.

¹¹ *Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917*. С. 386—394.

¹² Игнатъев А.В. *Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908—1914)*. М., 1962. С. 64—67.

¹³ *Россия и анксионный кризис. Тито-град*, 1984. С. 539.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 340. Личный архив Извольского. Д. 43. Л. 16—19.

¹⁵ *Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917*. С. 405—407.

¹⁶ *Международные отношения в эпоху империализма (далее — МОЭИ)*. Сер. II. Т. XIX. Ч. I. С. 307.

¹⁷ Бовыкин В.И. *Очерки истории внешней политики России. Конец XIX века — 1917*. М., 1960. С. 88.

¹⁸ МОЭИ. Сер. II. Т. XX. Ч. II. С. 30—33.

¹⁹ АВПРИ. Ф. Комиссии по изданию документов эпохи империализма. Д. 194. Л. 174—181.

²⁰ *The Times*. 1913. 10/III.

- ²¹ Documents diplomatiques française (далее — D.D.F.). 3 sér. T. XI. № 19. P. 18.
- ²² МОЭИ. Сер. II. Т. XX. Ч. I. № 299—301. С. 297—302.
- ²³ Там же. № 288. С. 281—289.
- ²⁴ D.D.F. 3 sér. T. VIII. № 18, 62, 79. P. 22—23, 69, 85—93.
- ²⁵ МОЭИ. Сер. II. Т. XIX. Ч. II. № 367. С. 24—25.
- ²⁶ Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.: Сборник секретных дипломатических документов бывшего императорского российского Министерства иностранных дел. М., 1922. С. 583.
- ²⁷ Там же. С. 594—595.
- ²⁸ D.D.F. 3 sér. T. VIII. № 485, 685, 698; T. IX. № 46, 49.
- ²⁹ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 302, 304.
- ³⁰ The Economist. 1912. 20/VII; 1914. 20/VI.
- ³¹ Новый экономист. 1913. № 12. С. 4.
- ³² The Times. 1911. 20/IX.
- ³³ The Economist. 1914. 20/VI.
- ³⁴ МОЭИ. Сер. II. Т. XX. Ч. II. № 489.
- ³⁵ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 154.
- ³⁶ МОЭИ. Сер. II. Т. XX. Ч. II. № 1034; British Documents on the Origins of the War, 1898—1914. Vol. IX. P. I. № 812.
- ³⁷ Игнатъев А.В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны. С. 142—143.
- ³⁸ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 153—154.
- ³⁹ МОЭИ. Сер. III. Т. I. № 289; Т. II. № 137; D.D.F. Sér. III. T. IX. № 322.
- ⁴⁰ Игнатъев А.В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908—1914). С. 203—217.
- ⁴¹ МОЭИ. Сер. III. Т. III. № 197.
- ⁴² Там же. Т. I. № 328; Т. II. № 399; Т. III. № 30, 48.
- ⁴³ Там же. Т. III. № 194.
- ⁴⁴ Там же. № 361.

Россия и Франция: финансовое партнерство в 1910-х — 1920-х гг.

Проблема русско-французского финансового партнерства в переломные для европейской истории 1910-е — 1920-е гг. неоднократно привлекала к себе внимание исследователей. Наиболее изученным оказался предвоенный этап¹, годы Первой мировой войны изучены в меньшей степени², и еще менее исследован период непосредственно после Октябрьской революции. В основном эти исследования касаются советско-французских отношений³, финансовые же связи французских властей и предпринимателей с русской эмиграцией, которые могут быть определены именно как партнерские (хотя партнерство в финансовой области не было чуждо и отношениям Франции с советским правительством в первые месяцы его существования), до сих пор остаются на периферии исследовательского внимания. Попытка рассмотреть некоторые ключевые аспекты развития этих связей на протяжении всего указанного двадцатилетия представляется плодотворной, поскольку дает возможность проследить изменение отношений двух держав в финансовой сфере в период коренных политических, экономических и социальных перемен на Европейском континенте.

Выход российской экономики из затяжного кризиса и депрессии, которые определяли ее состояние в 1900—1909 гг., был связан с изменением стратегии, которой следовали на русском рынке крупнейшие французские банки. От преимущественного участия в размещении «русских займов» они перешли к прямому проникновению в банковскую систему Российской империи⁴. Такую возможность предоставили французским банкам экономический кризис рубежа XIX и XX вв. и политические потрясения после поражения России в войне с Японией. Экономический кризис, связанный с иммобилизацией значительных капиталов, вложенных русскими банками в промышленные предприятия, затруднил операции первых, поставив многие из них на грань краха. Предоставив капиталы для санации этих банков, французские учреждения рассчитывали занять в них лидирующие позиции. Первоначально один из крупнейших французских банков — Банк «Парижского союза» (Banque de l'Union Parisienne) — решил воспользоваться плодами санации трех русских коммерческих банков, проведенной под патронажем Государственного банка и при-

---

* Беляев Сергей Геннадьевич — доктор исторических наук (Санкт-Петербургский институт истории РАН).

ведшей к появлению Соединенного банка в Москве. Эта операция парижских банкиров исследовалась Б.В.Ананьичем и Ю.А.Петровым⁵. В результате недолгого периода сотрудничества парижских и московских банкиров Соединенный банк весьма быстро окреп и получил возможность отказаться от иностранной поддержки.

Иначе развивались отношения со старейшим петербургским банком — Частным коммерческим, который был основан в 1864 г. Оказавшись в результате экономического кризиса и затяжной депрессии на грани банкротства, банк был вынужден начать поиск партнеров, которые гарантировали бы увеличение его капитала. Руководство Частного банка вступало в переговоры с банками Италии, Швейцарии, с парижскими банкирскими домами, однако без особого успеха, пока в октябре 1909 г. оно не обратилось к директору парижского «Креди мобилье» (Crédit Mobilier Français) Ж.Лосту, партнерами которого выступили частные банкиры — парижский Р.Тальман и лондонский Л.Гирш. Возглавляемое Ж.Лостом учреждение не относилось к числу самых значительных французских банков. Обратившись к поддержке своих более могущественных «соотечественников», Лост получил отказ. Представитель «Лионского кредита» (Crédit Lyonnais) заявил, что крупные французские банки «не хотят мешать свою кровь» с Crédit Mobilier Français⁶. Проводимая операция была связана для него со значительным риском, однако в случае ее удачного исхода Лост надеялся вывести свой банк в число первоклассных учреждений. В соответствии с заключенным в начале 1910 г. соглашением группа Лоста увеличивала капитал Петербургского Частного банка, выводя его акции на Парижскую биржу. По этому поводу французское Министерство иностранных дел сообщало Министерству финансов, что «приняты меры к тому, чтобы обеспечить преобладание французских представителей в правлении преобразованного банка»⁷. В самом деле, Лост и его французские партнеры оказались в числе членов правления и совета банка. Сбылись надежды банкира на укрепление своих позиций во Франции. В 1911 г. saniрованный им банк уже получил возможность предоставить Лосту кредит в 2 млн фр. для образования нового банка — «Креди франсе» (Crédit Français), в правление которого вошел глава Петербургского Частного банка А.А.Давидов⁸. Таким образом, соглашение двух аутсайдеров — оказавшегося на грани краха Петербургского Частного банка и лишенного поддержки крупных учреждений Crédit Mobilier Français — привело к укреплению позиций обоих банков и созданию русско-французской банковской группы.

Как пример «промежуточного» звена в цепи операций по санации русских банков с участием французского капитала можно рассматривать слияние в 1910 г. Северного и Русско-Китайского банков. Министерство финансов в этой операции уже непосредственно не участвовало, как это было в случае с образованием Соединенного банка в Москве. Предпосылкой объединения двух банков явилось то тяжелое положение, в котором оказался после русско-японской войны Русско-Китайский банк. Утрата позиций России в Маньчжурии вынудила русское Министерство финансов, которому банк фактически принадлежал, «русифицировать» его, т.е. распространить его дея-

тельность на территорию Российской империи, тогда как ранее банк был приспособлен в первую очередь к выполнению задач колониальной политики в Китае. Расширение операций банка диктовало необходимость увеличения его средств. Одним из путей такого увеличения явился проект объединения банка с каким-либо другим учреждением. Основой операции по оздоровлению Русско-Китайского банка стало его объединение с Северным банком под патронажем «Генерального общества» (*Société Générale*) и Парижско-Нидерландского банка (*Banque de Paris et des Pays-Bas, PARIBAS*), которые в свое время участвовали в учреждении обоих петербургских банков. В результате операции в 1910 г. был образован крупнейший в России Русско-Азиатский банк⁹, к которому перешли все преимущества, предоставленные в свое время русским правительством Русско-Китайскому банку, в том числе права на КВЖД, что в 1910 г., после русско-японской войны, представлялось не таким уж важным, но дало о себе знать впоследствии. Во главе правления нового банка стал А.И.Путилов, его товарищем был избран М.Верстрат. Таким образом возникла вторая, более мощная русско-французская банковская группа, объединившая Русско-Азиатский банк, *Société Générale* и *PARIBAS*.

В декабре 1911 г. между Русско-Азиатским и Петербургским Частными банками было заключено соглашение об «упорядочении методов и условий... сотрудничества»¹⁰, что, однако, не привело к объединению двух банковских групп. Формы сотрудничества русских и французских банков в рамках указанных групп были весьма разнообразны. Французские участники групп являлись организаторами банковских консорциумов по выпуску на Парижской бирже новых акций их русских партнеров, хотя Русско-Азиатский банк уже через несколько лет после своего основания начал предпринимать попытки освободиться от опеки своих парижских учредителей, между которыми также наметились некоторые противоречия. Так, в июне 1913 г. М.Верстрат жаловался на то, что, в отличие от *Société Générale, PARIBAS* «не вполне желает подъема курса акций Русско-Азиатского банка»¹¹. Русско-французские банковские группы участвовали также в синдикатах по выпуску русских железнодорожных займов, которые гарантировались русским правительством (займы обществ Черноморской, Западно-Уральской, Северо-Восточной Уральской, Алтайской, Семиреченской железных дорог и Общества железнодорожных ветвей)¹². Причем заинтересованность в русском железнодорожном строительстве явилась одной из основных побудительных причин для группы Ж.Лоста, когда она оказала поддержку Петербургскому Частному банку. О том, что «в обмен на восстановление пришедшего в упадок старейшего петербургского банка... наш соотечественник <Лост> получил очень важные обещания железнодорожных концессий», французское Министерство иностранных дел сообщало финансовому ведомству в январе 1910 г.¹³ Впоследствии эти «обещания» были русской стороной полностью исполнены. Участие в гарантии капитала железнодорожных обществ оказалось весьма прибыльным предприятием для банков обеих стран. Оно стало одним из наиболее значительных международных финансовых предприятий в России накануне Первой мировой войны¹⁴.

С началом войны и Россия, и Франция стали испытывать примерно одни и те же проблемы, связанные с падением курса национальной валюты и ценных бумаг, сходство и различие методов борьбы с которыми диктовалось условиями развития в обеих странах финансового рынка. За годы войны возросла роль эмиссионных банков обеих стран. В составленной уже в последние месяцы войны французским Бюро экономических исследований записке говорилось, что в начале военных действий «необходимо было найти способы искусственно создать средства кредитования нашего международного баланса», для чего пришлось прибегнуть к внешним займам, тогда как до войны Франция знала лишь внутренние займы и сама являлась крупнейшим международным кредитором, прежде всего — кредитором своего русского союзника. Теперь, во время войны, ведущую роль стали играть уже не частные банки, а Банк Франции и, «наконец, само правительство». Именно Банку Франции удалось получить кредиты в Англии и США. Уже после войны, в 1919 г., французский посол в Лондоне П. Камбон не без ностальгии писал министру иностранных дел С. Пишону о том времени «до 1914 г.», когда «Франция, несмотря на кажущийся неблагоприятным коммерческий баланс, находилась в выгодной ситуации и имела, в среднем, каждый год за границей... два или три миллиарда франков», тогда как во время войны Франция была «вынуждена покупать [валюту] в Англии и Соединенных Штатах, Англия вынуждена покупать в Соединенных Штатах, Соединенные Штаты вынуждены продавать Франции, Англии и [всей] Европе...»¹⁵.

Со сходными проблемами Россия и Франция столкнулись в начале войны, когда необходимо было изымать фонды, размещенные в Германии. Немецкое влияние в банках России и Франции, без сомнения, давало о себе знать в период войны и вызывало обеспокоенность как у русских властей, так и у французских финансистов. 17(30) ноября 1915 г. министру торговли, промышленности, почт и телеграфов Э. Клемантелю была представлена записка «Как Германия может взять в свои руки французские банки и основные государственные учреждения», в которой, в частности, говорилось, что «немцы много лет выкачивали из Франции капиталы через банки третьих стран, а именно [через банки] Швейцарии и Бельгии, и через французские банки, где они имели влияние и власть как владельцы акций этих банков»¹⁶.

Россия и Франция во многих случаях одинаковым образом разрешали финансовые проблемы, которые поставила перед ними война. Сами эти проблемы, впрочем, тоже отличались значительным сходством. Взаимозависимость стран Соглашения постепенно привела их к пониманию необходимости сотрудничества не только в военной, но и в экономической и финансовой области. К июню 1916 г. относится самая значительная попытка правительств стран Соглашения объединить усилия в области экономики не на основе двухсторонних контактов или переговоров на уровне министров финансов, а путем созыва экономической конференции. Ход конференции и противоречия между ее участниками освещались в историографии¹⁷. Это позволяет обратить внимание на участие России и Франции в

созданных в процессе ее подготовки постоянных органах. Еще до начала экономической конференции, 15(28) марта 1916 г., в ходе Парижской союзнической конференции, было решено «обеспечить единство действий в экономической сфере» и для этого образовать постоянный Международный комитет для «усиления, координации и унификации действий в экономической области с целью помешать снабжению противника». Международный комитет должен был объединять национальные комитеты, создаваемые в каждой из стран Согласия. Ведению Международного комитета подлежали вопросы пресечения военной контрабанды и торговли с неприятелем. Сами эти задачи определяли первостепенное внимание участников Комитета к финансовой стороне международных торговых отношений. Если предпринятые на Парижской экономической конференции попытки выработать единую «позитивную» экономическую политику закончились провалом и усилили центробежные тенденции в Согласии, то в области «финансовой блокады» Германии и ее союзников державы Антанты имели больше надежд достичь соглашения и проводить согласованную политику.

Непросто развивались финансовые отношения России и Франции, связанные с финансированием торговли. До войны то обстоятельство, что основным финансовым партнером России является Франция, тогда как Германия — ее главный торговый партнер, становилось основой весьма серьезных международных противоречий. На развитие торговых отношений в условиях войны сразу же стали оказывать влияние проблемы, относившиеся к ведению Министерства финансов, а именно увеличение в марте 1915 г. русских таможенных тарифов.

Однако рост таможенных платежей не был единственным препятствием финансового порядка, которое затрудняло русско-французские торговые связи. В ноябре 1916 г. чиновник французского Государственного совета П. Тирар, командированный премьер-министром А. Брианом в Петроград во главе французской экономической и финансовой миссии, докладывал главе правительства, что «финансовая политика, проводимая Россией с начала войны, значительно отличается от политики, проводимой Англией и Францией... Выпуск промышленных ценных бумаг свободный и весьма масштабный (доклад был составлен уже после того, как в России начался новый промышленный подъем, вызванный ростом военных заказов. — С.Б.), тогда как во Франции и Англии вклады публики производятся в государственные фонды... Однако возможно, что это положение изменится. Государственные займы частично покупаются банками, которые сохраняют свои бумаги до того момента, как Государственный банк продаст по выгодному курсу свои. Однако банки, похоже, испытывают в настоящий момент некоторые трудности с размещением своих бумаг среди своей клиентуры...»¹⁸

В составленном в Министерстве торговли, промышленности, почт и телеграфов в январе 1917 г. «Проекте образования учреждения долгосрочного кредита для внешней торговли» говорилось, что «экспортная торговля сталкивается во Франции, в финансовом от-

ношении, с трудностями двух видов. С одной стороны, коммерсант и промышленник... с трудом получает долгосрочные кредиты, необходимые для предоставления клиентам в некоторых зарубежных странах... С другой стороны, французские экспортеры жалуются на трудности с получением сведений об экономическом положении зарубежных стран...»¹⁹

Весьма пессимистично был настроен в этом смысле торговый аташе в Петрограде Пульпикэ дю Альгуэ. Отвечая на циркуляр службы внешней торговли Министерства торговли, промышленности, почт и телеграфов о товарах, которые могут быть импортируемы во Францию после войны, он указывал на то, что французские «консулы, по всей вероятности, будут испытывать самые тяжелые затруднения с тем, чтобы получить по этому вопросу хоть сколько-нибудь точные сведения. Экономическое положение России слишком глубоко потрясено последствиями войны и в настоящее время слишком неопределенно, чтобы здешние учреждения могли даже для самих себя составить предположения, пусть неточные, о перспективах на будущее... Множество причин, и прежде всего инфляция, трудности связей с границей, недостаток транспортных средств... способствуют общему воздвужению жизни, порою, в среднем, в два раза и даже вчетверо по сравнению с ценами, которые существовали до войны. Как узнать, насколько быстро все потом вернется в нормальное русло? Это такой вопрос, на который, как я думаю, никто не возьмется ответить даже приблизительно. Сегодня можно сказать лишь то, что если теперешнее положение продлится, то лучше будет искать продукты, в которых мы нуждаемся, не в России, а где-нибудь еще»²⁰.

Война разорвала традиционные связи, что существовали между кредитными учреждениями России и их западноевропейскими партнерами, разделенными теперь на два враждебных лагеря. Перед началом войны парижские банкиры выражали своим петербургским партнерам обеспокоенность тревожным развитием событий. Процесс деформации связей банков России и Франции был достаточно болезненным для обеих сторон. Это относилось, в частности, к урегулированию вопроса о русских платежах за границей. С ним оказался тесно связан вопрос об организации в странах-союзницах займов для России.

Во время визита министра финансов П.Л.Барка в Париж в январе 1915 г. директор парижского агентства Русско-Азиатского банка Н.Л.Рафалович вел с первым достаточно трудные, судя по отправленным в правление банка телеграммам, переговоры о правительственном кредите отделениям петроградских банков в Париже (по-видимому, они его на это уполномочили). В частности, Н.Л.Рафалович советовал петроградским банкирам, по прибытии министра в Петроград, «подготовить коллективное выступление большинства банков с мотивированными требованиями, иначе, учитывая значительность наших потребностей... ситуация обернется против нас»²¹.

Когда в июне 1916 г. министр финансов вновь прибыл в Париж, Н.Л.Рафалович весьма подробно докладывал вице-председателю правления банка М.Верстрату о предметах переговоров Барка во

Франции, которые не в последнюю очередь касались кредитов со стороны Банка Франции, а также русских ценных бумаг на Парижской бирже и французских поставок в Россию. Кроме того, Н.Л. Рафалович выступил с проектом устройства краткосрочного русского займа на парижском рынке, одновременно жалуюсь в Петроград на «очень большой аппетит французских банков» и затруднения, которые может создать для задуманной операции позиция Банка Франции, способного отказать в переучете облигаций займа или в ссудах под их обеспечение²².

Пока Н.Л. Рафалович пытался оказывать услуги министру финансов, положение руководимого им парижского агентства (отделения) Русско-Азиатского банка явно не улучшалось. Трудности агентства были связаны с тем, что оно не могло рассчитаться по своим довоенным обязательствам, а также с последствиями падения курса рубля. Когда в январе 1914 г. Н.Л. Рафалович пришел к руководству отделением, $\frac{4}{5}$ его доходов составляли поступления от вкладов русского правительства и от комиссионных операций. Кроме того, агентство имело около 12 млн фр. от участия в различных финансовых операциях с ценными бумагами промышленных и иных предприятий. Впрочем, более половины этой суммы было передано парижскому агентству петербургским правлением. С началом войны полностью прекратились комиссионные операции; вклады казны, которые стали сокращаться еще в довоенное время, были почти полностью изъяты. Все это вынуждало агентство продавать находящиеся в его распоряжении рубли на весьма обременительных для него условиях. К тому же, жаловался Н.Л. Рафалович петроградскому правлению, соглашение Государственного банка с Банком Франции относительно погашения задолженности русских банков на французском рынке не было исполнено «ни в общем, ни буквально... Банк Франции наложил руку на все ресурсы, которые были переданы ему Государственным банком... Это вынудило отделение [Русско-Азиатского банка] к тяжелым жертвованиям»²³. В этих условиях Н.Л. Рафалович искал поддержки у «великого патрона» Русско-Азиатского банка — Société Générale, банка, который «с каждым днем укрепляется» и будет проявлять к «предназначенному для него» петроградскому банку «все больший интерес»²⁴. Среди причин роста указанного «интереса» Н.Л. Рафалович в письме М. Верстрату называл «направление теперешней политики», те потери, которые Société Générale понесло в это время в «экзотических» странах, и изменения в руководстве самого парижского банка, приведшие к «исчезновению элементов, которые были настолько же враждебны России, насколько вредны» для самого Société Générale²⁵. Что же касается другого «патрона» Русско-Азиатского банка — PARIBAS, то у него «свои собственные заботы, которые еще довольно долго будут препятствовать его активности. Достаточно назвать Бразилию, Мексику, Болгарию». Выступив с проектом образования в Париже консорциума банков во главе с Société Générale, в который вошло бы и само отделение Русско-Азиатского банка в Париже, Рафалович отмечал, что «в Париже недостаточно образовать группу, в этой группе нужно еще иметь активные эле-

менты, которые будут понукать (*talonner*) своих собратьев». Такого рода «элементом» представлялся Рафаловичу барон Жак де Гюнзбур, известный парижский банкир, в довоенный период весьма тесно связанный с Петербургским Частным банком. Тогда он участвовал в широко задуманной, но неудачной операции слияния этого банка с Сибирским Торговым банком при посредничестве парижских учреждений. Н.Л.Рафалович обращал внимание петроградского правления своего банка на то, что Гюнзбур в «особом почете» в самых влиятельных французских банках и имеет влияние на директора Банка Франции Паллена и чиновников французского финансового ведомства. Гюнзбур, по наблюдениям Н.Л.Рафаловича, «с некоторого времени очень интересуется Русско-Азиатским банком... Мотивы этого интереса очевидны, он <Гюнзбур> предвидит, что самыми прибыльными операциями [после войны] будут операции в России и что Русско-Азиатский банк вполне подходит для того, чтобы привлечь к ним Париж». В связи с именем Гюнзбура директор парижского агентства Русско-Азиатского банка сообщал также о возникших в Париже планах преобразования агентства в самостоятельный акционерный банк (что случилось только после революции). Сам Н.Л.Рафалович был горячим сторонником такого проекта и считал, что таким образом агентство сможет справиться с большинством своих проблем и «занять важные позиции в синдикатах крупных парижских банков». Тем не менее в донесении петроградскому руководству он особо подчеркивал, что такой банк будет «полностью зависеть от Русско-Азиатского банка в Петрограде». Н.Л.Рафалович ставил также перед петроградским правлением вопрос о том, должен ли проектируемый банк включить в себя и лондонское отделение Русско-Азиатского банка, «которым так трудно руководить из Петрограда». В этих словах слышится явное желание директора парижского отделения банка расширить сферу своей компетенции, включив в нее и Лондон, притом что, как он сам указывал, финансовая роль английской столицы становилась в связи с войной «все более и более значительной». Здесь также следует отметить, что примерно в это же время у правления Русско-Азиатского банка появляются проекты открытия филиала в Швейцарии. Сам же Н.Л.Рафалович постоянно подчеркивал, что Русско-Азиатский банк может рассчитывать в своих начинаниях не только на помощь своих парижских «патронов», но и на поддержку других крупных парижских банков — например, *Banque de l'Union Parisienne*, «нашего партнера в стольких операциях в России», или *Crédit Français*, несмотря на «некоторую холодность», проявляемую по отношению к последнему главным «патроном», по терминологии Н.Л.Рафаловича, Русско-Азиатского банка — *Société Générale*²⁶.

Таким образом, война, разорвав традиционные связи банков двух стран, вынудила их установить отношения на новой основе. В сложившейся системе связей большую, чем ранее, роль стали играть эмиссионные учреждения, а также филиалы русских банков в Париже. Прежде всего это относится к отделению Русско-Азиатского банка, который не потерял в эти годы приобретенного им до войны статуса

связующего звена, в котором объединились интересы банков России и Франции.

События революционного 1917 г. в России вновь, как и за три года до этого, положили начало новому изменению характера русско-французских финансовых отношений. Переговоры с Германией и Брестский мир не означали немедленного отказа французской стороны от сотрудничества с Россией. Известный банкир, причисленный к французскому посольству в Петрограде, П. Дарси и сам посол Ж. Нуланс направили 18 и 23 февраля 1918 г. соответственно депеши, в которых говорилось о «трудностях, с которыми сталкивается немедленное возобновление франко-русских торговых отношений». Оба они настаивали на том, чтобы «не отдавать русский рынок нашим врагам и нашим союзникам». Среди последних, по наблюдениям французских дипломатов, особой активностью в этом смысле отличались американцы и англичане. Необходимость возобновления торговли с Россией даже после Брестского мира осознавалась и в Париже²⁷. В марте 1918 г. К. Оланьоном, в недавнем прошлом — представителем в России «Compagnie générale d'Electricité», была составлена направленная в торгово-промышленное ведомство записка «Как спасти французские прибыли за границей». Автор отмечал, что французские вклады за границей составляют примерно $\frac{1}{5}$ часть национального богатства страны. Более $\frac{1}{3}$ этой суммы размещено в России. Замечая, что единоличный держатель «ничего не может», а банк слишком много внимания уделяет своей клиентуре в странах-заемщиках, автор исключал из списка возможных «спасителей» и французское правительство, которое «не имеет права брать на себя заботу о ценных бумагах за границей», поручать же миссию подобного рода дипломатам было бы «неосторожно». Нужна, считал автор записки, «новая организация» в форме треста, которая объединила бы, при поддержке государства, всех держателей бумаг стран-должников²⁸.

К мысли о необходимости на новой основе установить экономические и финансовые отношения с правительством в Москве французскую сторону, кроме вполне понятного опасения усилить своего противника во время решающих битв 1918 г. на Западном фронте, по всей видимости, косвенно подталкивало и нежелание защитить французские интересы, которое было продемонстрировано правительством Н. В. Чайковского на севере. Так, уже в декабре 1918 г., в ответ на циркуляр министра иностранных дел С. Пишона о мерах, принимаемых в защиту интересов французских держателей иностранных ценных бумаг, французский поверенный в делах в России Гиар (он остался представлять интересы Франции при правительстве Чайковского после того, как посол Нуланс покинул страну) сообщил из Архангельска о том, что северное правительство настаивает на соблюдении требований, предъявляемых еще царским законодательством к действующим в России иностранным акционерным обществам²⁹.

Однако с течением времени, по мере того как политика правительства в Москве приобретала более четкие очертания, в диплома-

тии Кэ д'Орсэ начали преобладать совсем иные подходы к «русскому вопросу». 14 сентября 1918 г. сфера действий «Бюро частных имуществ и интересов», образованного 14 июля 1917 г. для защиты интересов французских вкладчиков в неприятельских и оккупированных странах, была распространена и на Россию³⁰. Пожалуй, это решение стало поворотным пунктом в отношении Франции к правительству в Москве, к соглашению с которым еще недавно она стремилась.

В это время наряду с сожалением о «погубленных» в России громадных капиталах французское правительство начинает выражать стремление обезопасить себя на будущее. Тогда С. Пишон писал министру финансов Л. Клотцу: «Весьма жестокий опыт русской революции, во всяком случае, представил нашим капиталистам возможность изменения нашего финансового законодательства. Этот опыт не должен также пропасть даром в отношении будущего русского правительства, от которого мы будем требовать гарантий...»³¹

История русско-французского финансового партнерства не закончилась в годы Гражданской войны в России. Значительной ее страницей стала деятельность русских коммерческих банков в Париже в 1920-х гг. Прежде всего это относится к Русско-Азиатскому банку. В период Гражданской войны французская сторона видела в этом банке «не только сумму французских капиталов, которые нужно сохранить... но в первую очередь — орган, способный обеспечить восстановление французских промышленных предприятий в России после войны»³². Однако после крушения белогвардейского движения во французском Министерстве финансов были вынуждены изменить свою позицию. Во главе парижского отделения Русско-Азиатского банка встал председатель его правления А. И. Путилов, само же отделение фактически превратилось в правление банка. Путилов покинул Петроград еще в конце 1917 г. и, оказавшись почти год спустя в Париже, довольно быстро дал согласие «офранцузить» Русско-Азиатский банк и допустить в его правление двух новых членов, избранных по соглашению с французским правительством. Что же касается вице-председателя правления банка М. Верстрата, который после отъезда Путилова остался руководить банком в Петрограде, то его попытки «спасти» банк путем соглашения с большевиками (как было отмечено выше, такие попытки предпринимались и самими французскими властями) не были должным образом оценены в Париже. В декабре 1918 г., после того как Верстрат, вынужденный в конце концов бежать из Петрограда, возвратился во Францию, ему не оставалось ничего другого, как покинуть правление банка. В своих воспоминаниях он жаловался, что «сами французы работали для того, чтобы устранить» его и сделать «иностранца» Путилова «хозяином Русско-Азиатского банка в Париже, где, даже в изувеченном виде, он еще обладал значительными средствами»³³. О заинтересованности французского правительства в Русско-Азиатском банке говорит следующий факт. Когда после окончания Гражданской войны французское правительство объявило о секвестре имущества отделений всех русских банков в Париже, то в отношении отделения Русско-Азиатского банка этот секвестр вскоре был отменен.

Новые надежды у возглавляемого А.И.Путиловым правления банка появились после признания в 1924 г. французским правительством Советской России и с ней, по всей видимости, были связаны. Тогда в эмигрантской прессе появились обвинения Путилова в том, что он вел переговоры с советскими дипломатами, пытаясь продать активы своего банка советской стороне. Наиболее громкие разоблачения были связаны с именем давнишнего, еще дореволюционного эмигранта и известного журналиста Е.П.Семенова (С.М.Когана), издавшего в 1926 г. публицистическую брошюру «Русские банки за границей и большевики», в которой Путилов обвинялся в «противозаконном захвате» правления Русско-Азиатского банка и в передаче Китаю принадлежащих банку прав на Китайско-Восточную железную дорогу. Вместе с тем Семенов указывал на попытки французских предпринимателей А.Делерю и Ж. де Кювервиля превратить Русско-Азиатский банк во Франко-Азиатский, призванный «усилить сношения и обмен между СССР и Францией». В правление нового банка должны были, среди прочих, войти представители по выбору советской стороны, которая к этому времени уже пыталась внедрить в руководство банка своих сторонников в обмен на предоставление им в СССР концессий на разработку угля. Однако акции этой группы, полученные ею путем подлога и заверенные в советском Наркомфине, правление Русско-Азиатского банка признавать отказалось, несмотря на якобы существовавшие у этой группы связи с А.И.Путиловым³⁴.

О переговорах Путилова с советской стороной сообщал не только Семенов, но и французские дипломатические представители³⁵. Кроме того, почти одновременно с публикацией брошюры Семенова в издаваемом Б.А.Сувориным в Париже «Русском времени» появилась статья некоего «Финансиста» «Русские банки и большевики». Газета обращала внимание своих читателей на состоящую из «подставных лиц ул. Гренель (там находилось советское посольство. — С.Б.)» ассоциацию держателей акций Русско-Азиатского банка, которая, как считал «Финансист», была создана в свое время А.И.Путиловым с целью захвата правления и совета банка и получения контроля над КВЖД. За спиной ассоциации будто бы стоял П.П.Ватолин, в прошлом — партнер Путилова в руководстве известным концерном, образованным в 1910-х гг. на основе Русско-Азиатского банка³⁶. Ватолин требовал от правления выдачи ему дубликатов 82 тыс. акций Русско-Азиатского банка, которые будто бы принадлежали ему до революции и права на которые он уже успел уступить бельгийскому промышленнику Ванегардену. Путилов ко времени публикации статьи, впрочем, уже успел отмежеваться от Ватолина и его сомнительного предприятия³⁷.

Советская сторона, в свою очередь, предпринимала шаги с целью получить контроль над Русско-Азиатским банком и помимо группы Путилова. В образованной в апреле 1925 г. для определения суммы задолженности царского правительства перед французскими держателями и оценки русского государственного имущества во Франции советско-французской комиссии экспертов притязания на активы

банка заявлялись советской стороной неоднократно. Эти притязания определялись ею в сумме 21863840 долл.³⁸

Кроме эмигрантской печати путиловское правление атаковали также французские акционеры Русско-Азиатского банка, с мая 1925 г. объединенные в особое общество, представлявшее 625 акционеров, владевших 117 тыс. акций. В правлении банка их поддерживал М.Верстрат, к этому времени вернувшийся в его руководство. В сентябре 1925 г. он вместе со своим бывшим коллегой и теперешним сторонником Г.Рендром направил министру иностранных дел А.Бриану письмо, где указывалось на «особое положение» Русско-Азиатского банка, который в полной мере «не может считаться русским акционерным обществом»³⁹. Правление отвергало выдвигаемое Обществом французских акционеров требование созвать общее собрание акционеров. В результате это собрание все-таки было созвано по постановлению Коммерческого трибунала департамента Сена 10 мая 1926 г. По сообщениям присутствовавших на собрании агентов Службы безопасности, оно проходило «исключительно бурно», хотя и не имело законной силы, поскольку необходимого кворума собрать не удалось. Тем не менее на нем было избрано новое правление, а потерпевшая поражение группа Путилова постановила образовать «Комитет Союза акционеров Русско-Азиатского банка» и искать поддержки у французского правительства, которое в свое время одобрило избрание Путилова на пост председателя правления банка и обещало ему свое «покровительство»⁴⁰.

В то же самое время советская сторона не оставляла своих попыток получить контроль над банком. Она не признала решений общего собрания акционеров. В июле 1926 г. советское посольство направило на Кэ д'Орсэ ноту, в которой указывалось, что отделение банка в Париже относится к разряду имущества, судьба которого должна была определяться в ходе советско-французских переговоров. В ответной ноте французское МИД предложило советской стороне отстаивать свои права в судебном порядке. Тем временем, 1 октября 1926 г. Коммерческий трибунал департамента Сена признал Русско-Азиатский банк несостоятельным должником и ликвидировал его. Советская сторона протестовала и против этого решения, впрочем, безуспешно⁴¹.

Со своей стороны, французские власти хотя и не проявляли к Русско-Азиатскому банку прежнего интереса, тем не менее не отказались полностью от борьбы за его наследство. В декабре 1927 г. министр иностранных дел А.Бриан обращал внимание министра финансов Р.Пуанкаре на существование финансовых групп, готовых открыть подписку на акции банка, который станет преемником Русско-Азиатского. Причем 75% подписки предполагалось передать старым акционерам банка. Особо беспокоило министра иностранных дел то, что правами на КВЖД, которые должны будут перейти к преемнику Русско-Азиатского банка, могут завладеть «иностранные элементы». Бриан указывал, что «операция такого рода была бы небезынтересна для СССР, претензии которого на восток Китая значительно усилились бы получением прав... на эту железную дорогу»⁴².

В начале 1928 г. было объявлено об образовании на основе Русско-Азиатского Франко-Азиатского банка и выпуске 45 тыс. акций, 37500 из которых передавалось старым акционерам Русско-Азиатского банка. Новый банк образовывался с капиталом 25 млн фр. и правлением в Париже. Дальнейшую судьбу нового банка такой осведомленный участник событий, как М.Верстрат, связывал с именем скандально известного в годы Первой мировой войны петроградского банкира и главы Русско-Французского банка Д.Л.Рубинштейна. В своих воспоминаниях Верстрат сообщал, что Рубинштейн приобрел контрольный пакет акций Франко-Азиатского банка и затем «последние миллионы Русско-Азиатского банка исчезли, как по волшебству. Его <Франко-Азиатского банка> создатели не получили никаких дивидендов»⁴³.

Вместе с ликвидацией парижского отделения Русско-Азиатского банка завершился определенный период в истории русско-французских финансовых отношений, начавшийся в 1910-х гг., когда закончилась эпоха «русских займов» и французские банкиры перешли в России к новой стратегии прямого проникновения в русскую банковскую систему и создания банковских групп, наиболее значительной из которых стала группа Русско-Азиатского банка — Société Générale — PARIBAS. В предвоенный период русские и французские банки стали участниками весьма крупных совместных операций. Банки, вошедшие в русско-французские группы, почти на десятилетие определили характер этих операций. Начало Первой мировой войны вынудило Россию и Францию вновь изменить стратегию своих финансовых отношений. В эти годы более значительной становится роль эмиссионных банков обеих держав, а также отделений русских банков во Франции. Прежде всего это относится к парижскому отделению Русско-Азиатского банка, которое после Октябрьской революции фактически стало его правлением и самым жизнеспособным из всех русских банковских учреждений за границей, просуществовавшим вплоть до 1926 г.

Примечания

¹ См.: Ананьич Б.В. Россия и международный капитал. 1897—1914: Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970; Girault R. Emprunts russes et investissements français en Russie. 1887—1914. P., 1973; Бовыкин В.И. Французские банки в России. Концы XIX — начало XX в. М., 1999.

² См.: Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914—1917). М., 1960; Bonwetsch B. Kriegsallianz und Wirtschaftsinteressen. Rußland in den Wirtschaftsplänen Englands und Frankreichs. 1914—1917. Düsseldorf, 1973.

³ См., напр.: Hogenhius-Seliverstoff A. Les relations franco-soviétiques 1917—1924. P., 1981.

⁴ См., напр.: Бовыкин В.И. К истории перехода французского капитала к новой стратегии инвестиций в России // Экономическая история: исследования, историография, полемика. М., 1992. С. 108—129.

⁵ См.: Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860—1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991. С. 72—110; Петров Ю.А. Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1998. С. 191—217.

⁶ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 560. Оп. 22. Д. 332. Л. 136—136об.

⁷ Archives Economiques et Financieres (далее — АЕФ). В 31 259.

⁸ РГИА. Ф. 597. Оп. 2. Д. 57. Л. 76об.—78.

⁹ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909—1917 гг. 1910 год. М., 2001. С. 237—240.

¹⁰ См.: Беляев С.Г. Русско-французские банковские группы в период экономического подъема 1909—1914 гг. СПб., 1995. С. 168—175.

¹¹ РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 205. Л. 51.

¹² Материалы по истории СССР. Т. VI. М., 1959. С. 584—588.

¹³ АЕФ. В 31 259.

¹⁴ См.: Ананьич Б.В., Лебедев С.К. Международные банковские консорциумы для выпуска облигаций российских железнодорожных обществ до 1914 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX веков. СПб., 1999. С. 434—460.

¹⁵ Archives Nationales (далее — AN). F¹². 8042.

¹⁶ Ibid. 7993.

¹⁷ См.: Николаев П.А. Отклики на Парижскую экономическую конференцию 1916 г. во Франции, Англии и России // Из истории империализма в России. М.; Л., 1959. С. 389—413; Бабичев Д.С. Россия на Парижской союзнической конференции 1916 г. по экономическим вопросам // Исторические записки. Т. 83. М., 1969. С. 38—57.

¹⁸ AN. F¹². 9781; Bonwetsch V. Op. cit. S. 116, 117, 226.

¹⁹ AN. F¹². 7995.

²⁰ Ibid. 9301.

²¹ РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 23. Л. 131об., 141, 142.

²² Там же. Л. 244—246.

²³ Там же. Л. 206—209.

²⁴ Там же. Оп. 2. Д. 1186. Л. 5, 11—12, 14.

²⁵ Verstraete M. Sur les routes de mon passé. Т. 1. P. 22 (Archives of the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford CA, USA) (автор получил возможность ознакомиться с рукописью воспоминаний М.Верстрата благодаря любезности профессора Института политических исследований в Бордо Ю.Бонена).

²⁶ РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 23. Л. 195—201, 183.

²⁷ AN. F¹². 7980.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid. 8165.

³⁰ См.: Les affaires étrangères et le corps diplomatique français. P., 1986. Т. 2. P. 386.

³¹ AN. F¹². 8165.

³² АЕФ. В 31 995.

³³ Верстрат М. Дорогами прошлого. Отрывки из воспоминаний // Из глубины времен. 1999. № 11. С. 277—278.

³⁴ Семенов Е. Русские банки за границей и большевики: (Из анкеты). Париж, 1926. С. 63—66.

³⁵ Archives Diplomatiques. Europe 1918—1940. URSS. 498 (далее — AD. 498).

³⁶ См.: Китанина Т.М. Военно-инфляционные концерны в России 1914—1917 гг. Л., 1969.

³⁷ Русское время. 1926. 21 апреля.

³⁸ AD. 498.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid.; Семенов Е. Указ. соч. С. 81—84.

⁴¹ AD. 498.

⁴² Ibid.

⁴³ Verstraete M. Op. cit. T. 2. P. 377.

**«Альянс побежденных»: довоенная задолженность
и проблема восстановления экономических отношений
России и Германии (1917—1920-е гг.)**

До Первой мировой войны Германия, как известно, являлась вторым после Франции кредитором царской России по сумме государственного долга и частным инвестициям. По данным, предложенным советским правительством к Генуэзской конференции 1922 г., общая внешняя государственная (по займам государственным и гарантированным правительством) задолженность России к 1914 г. составляла 6330 млн золотых руб. (по довоенному курсу 1 руб. = 0,5 долл. США или 2,16 германской рейхсмарки). При этом Франция являлась кредитором на 3786 млн руб., Германия — на 975, Голландия — на 575, Великобритания — на 500 и остальные страны — на 494 млн руб.¹ Кроме того, по имеющимся новейшим подсчетам, в акционерные компании России к 1915 г. было инвестировано около 1940 млн руб. заграничных инвестиций, причем и здесь Франция шла на первом месте (594 млн руб.), опережая Великобританию (491,5), Германию (399), Бельгию (230,4) и США (114 млн руб.)².

С началом Первой мировой войны все долговые обязательства между воюющими странами были заморожены, однако в период подготовки Брестского мира проблема «русских долгов» вновь встала на повестку дня. По условиям мирного договора в Брест-Литовске, подписанного 3 марта 1918 г., стороны пришли к соглашению, что «с заключением мира оканчивается война и в экономических и финансовых отношениях»³. Согласно дополнительному соглашению к договору, наряду с восстановлением дипломатических и экономических отношений, внешнеторговых прежде всего, «стороны обязывались также после ратификации договора возобновить уплату процентов по государственным обязательствам гражданам другой стороны». Предусматривалось, кроме того, восстановить права собственности и возместить ущерб гражданам дугой стороны от действия законов военного времени⁴.

Вопрос о «русских долгах» позволяет не только затронуть чрезвычайно важную проблему внешней задолженности царской России, но также остановиться на вопросе влияния этого фактора на процесс восстановления экономических отношений в послевоенный период. Последние подсчеты государственной задолженности Российской

---

* Петров Юрий Александрович — доктор исторических наук (Центральный банк РФ).

империи Германии («портфельные инвестиции») и частных капиталовложений германских фирм в России («прямые инвестиции») в конце XIX — начале XX в., обобщающие накопленный в литературе материал, были проведены под руководством Р.Тилли в рамках исследования банковской системы Германии 1870—1914 гг.⁵ По данным Р.Тилли, общая сумма германских капиталовложений в России к 1914 г. составляла 3,8 млрд марок, или $\frac{1}{7}$ всех внешних инвестиций Германии⁶. В литературе, однако, недостаточно внимания уделяется вопросу о происхождении цифр русской задолженности, в особенности это касается частных инвестиций, в отношении которых имеются существенные расхождения. Данная работа призвана осветить эту проблему применительно к периоду после Первой мировой войны, когда формировались данные о взаимных претензиях двух стран, легшие позднее в основу исторических исследований.

Новые документы, обнаруженные автором в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) в Москве, а также в Федеральном архиве ФРГ в Потсдаме (Bundesarchiv Deutschlands, Potsdam), Архиве МИД ФРГ в Бонне (Politisches Archiv des Auswaertigen Amtes, Bonn), дополненные имеющимися публикациями дипломатических документов, позволяют проследить основные этапы разработки проблемы долгов в период между Октябрьской революцией 1917 г. в России и Ноябрьской 1918 г. в Германии и до конца 1920-х гг., когда эта проблема утратила свою остроту.

В России первый за годы войны подсчет задолженности был проведен в конце октября 1917 г., одновременно с приходом к власти большевиков и провозглашением декрета о мире. Соответствующие данные подготовило Иностранное отделение Кредитной канцелярии Министерства финансов, в котором были сосредоточены внешне-экономические финансовые расчеты. По сведениям Иностранного отделения, остаток находившихся в Германии облигаций российских государственных займов составлял 1188 млн марок, или около 550 млн руб. по довоенному курсу (1 руб. = 2,16 германской марки). Гарантированных российским правительством займов железнодорожных компаний в Германии было размещено на 1134 млн марок (525 млн руб.), акций и залладных листов государственных ипотечных банков (Дворянского и Крестьянского), являвшихся, по существу, обязательствами российской казны, — на 280 млн марок (130 млн руб.).

Все обязательства российского правительства по отношению к Германии исчислялись, таким образом, в 2602 млн марок, или около 1205 млн довоенных золотых рублей. Если же прибавить к этой сумме — как это и сделало Иностранное отделение — остаток находившихся в Германии облигаций займов российских городов (формально муниципальные займы не имели правительственной гарантии, но по уровню надежности были сопоставимы с государственными обязательствами), которых насчитывалось на сумму 302 млн марок, или 140 млн руб., то общий итог задолженности российской казны выразится цифрой 2904 млн марок, или 1345 млн руб.⁷ Этот итог, заметим, достаточно близок к сумме государственных обязательств России по

отношению к Германии, приводимой Р.Тилли по данным журнала «Der Deutsche Oekonomist», который на 1914 г. определил эту сумму в 2843 млн марок⁸.

Методика подсчета государственной задолженности, использованная чиновниками Иностранного отделения Кредитной канцелярии, состояла в капитализации ежегодно уплачиваемых государственным казначейством процентов в данной стране. В отношении Германии расчет велся исходя из средней цифры в 4,5% годовых. Путем пересчета платимых процентов на средний процент доходности и осуществлялась капитализация долга. Надо заметить, что специальной регистрации держателей русских бумаг в довоенной Германии не проводилось (первый такого рода опыт, как будет показано ниже, относится к периоду мировой войны), поэтому метод капитализации является единственным надежным источником расчетов, хотя он и не дает абсолютно точных цифр (ряд займов, например, заключался из иного, нежели 4,5%, процента).

Помимо государственного долга, главной статьёй межгосударственного финансового урегулирования являлись частные инвестиции и иные претензии по состоянию на начало войны (невозмещенные убытки германских подданных за реквизированные в период войны имущества не учитывались). Согласно выкладкам Иностранного отделения, эта статья долговых претензий равнялась 1555,6 млн марок, или 721,3 млн руб. (см. Таблицу 1).

Таблица 1

**Задолженность России Германии на 1914 г.
(по данным Иностранного отделения Кредитной канцелярии)**

Статьи задолженности	Млн руб.	Млн марок
1. Государственный долг		
1.1. Государственные займы	550	1188
1.2. Гарантированные правительством займы железных дорог	525	1134
1.3. Бумаги государственных ипотечных банков	130	280
1.4. Облигации городских займов	140	302
Итого:	1345	2904
2. Частные инвестиции и претензии		
2.1. Находящиеся в Германии акции российских акционерных обществ	225	486
2.2. Участие германского капитала в русских промышленных предприятиях	200	432
2.3. Долг Кредитной канцелярии банкирскому дому Мендельсона в Берлине	17,7	38,2
2.4. Долг российских банков германским кредитным учреждениям	112,2	242,3

Статьи задолженности	Млн руб.	Млн марок
2.5. Суммы германских подданных в российских банках	166,7	
Итого:	721,6	1555,6
Всего (1+2)	2066,6	4459,6

Отметим, что главной статьёй частноправовых долгов являлись германские инвестиции в акции российских акционерных компаний и прямое участие германского капитала (в лице подданных Германского рейха) в российских промышленных предприятиях. Общий итог этих претензий в размере 425 млн руб., или 918 млн марок, несколько отличается от данных российского экономиста П.В.Оля, в начале 1920-х гг. занимавшегося подсчетом участия иностранного капитала в народном хозяйстве довоенной России. По его расчетам, перед мировой войной участие германского капитала в акционерно-паевых предприятиях России равнялось 441,6 млн руб. Германские инвестиции шли на третьем месте вслед за французскими (731,6 млн руб.) и английскими (507,5 млн руб.)⁹.

Следует, однако, учитывать, что в реальности сумма иностранных инвестиций была несколько ниже, чем у Оля, и более соответствовала данным Кредитной канцелярии. Последние исследования с использованием новых источников свидетельствуют, что показатель суммы иностранных инвестиций у Оля на 10—14% превышает их реальный уровень¹⁰. Вероятно, ближе к истине подошел Р.Тилли, который приводит сумму прямых инвестиций Германии в России на 1914 г. в пределах 850 млн марок (393 млн руб.), хотя не раскрывает происхождение этой цифры¹¹.

Помимо капитального долга, Кредитная канцелярия учла также не полученные гражданами Германии проценты по государственным обязательствам за три года войны в размере 465,9 млн марок (305 млн руб.). В итоге общая картина «русских долгов» Германии на конец 1917 г. выглядела следующим образом (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Задолженность России Германии на конец 1917 г.

Статьи задолженности	Млн руб.	Млн марок
1. Государственный долг, всего	1650	3369,9
В том числе:		
1.1. Капитальный долг	1345	2904
1.2. Невыплаченные проценты	305	465,9
2. Частные инвестиции и претензии	721,6	1555,6
Итого вся задолженность:	2371,6	4925,5

Следует подчеркнуть, что приведенные данные представляют собой максимальные цифры, без учета российских контрпретензий.

Между тем, по сведениям германского Министерства экономики, российские подданные к 1918 г. владели в Германии различным движимым имуществом (ценные бумаги, векселя, товары и т.п.) на сумму около 531 млн марок и недвижимостью на 150 млн марок, всего, таким образом, на 681 млн марок¹². Российской стороне эти цифры, по всей очевидности, не были известны; во всяком случае, на переговорах в Брест-Литовске они не фигурировали.

Обратимся теперь к подсчетам «русских долгов», проведенным германской стороной. Первые признаки оживления интереса к проблеме довоенных долгов в Германии появились в 1916 г., очевидно, в связи с ожиданиями сепаратного мира. Рейхсбанк в августе 1916 г. объявил регистрацию держателей облигаций русских государственных и гарантированных правительством железнодорожных займов. По завершении регистрации 30 сентября 1916 г. оказалось, что в германском владении находится облигаций российских государственных и гарантированных правительством займов на сумму 1072,2 млн марок, в том числе на 682,4 млн облигаций русских железнодорожных займов¹³. Разумеется, эта цифра отнюдь не являлась исчерпывающей и окончательной, поскольку проведенная в условиях войны и к тому же в столь сжатые сроки регистрация не могла носить всеобъемлющий характер.

Вплотную темой довоенных долгов германские финансово-политические круги занялись в конце 1917 г. в связи с началом мирных переговоров в Брест-Литовске. В Берлине 4 декабря 1917 г. состоялось рабочее совещание трех ведущих финансистов Германии — Ф. фон Мендельсона (F. von Mendelssohn) (банкирский дом «Mendelssohn & Co»), А. фон Гвиннера (A. von Gwinner) (Deutsche Bank) и А. Саломонсона (A. Salomonssohn) (Disconto-Gesellschaft). На встрече обсуждался вопрос о создании союза защиты германских держателей русских ценных бумаг, призванного отстаивать интересы немецких рантье ввиду угрозы государственного банкротства России. В ходе обсуждения фигурировали, в частности, данные о русских ценных бумагах в германском владении, зарегистрированных в Рейхсбанке. Общая их сумма к тому времени равнялась 1864 млн марок, в том числе на 1141 млн — облигаций государственных и гарантированных правительством займов и на 733 млн марок — акций частных компаний¹⁴.

Через неделю после этого совещания германских финансовых магнатов был образован Консорциум по русским государственным займам и облигациям железных дорог, в состав которого вошли представители ведущих немецких банков. Консорциум выступил в защиту «массы мелких немецких держателей, вложивших в эти бумаги значительную часть своего состояния»¹⁵. Организация эта не располагала, правда, сколько-нибудь подробными сведениями о размерах и структуре «русских долгов». По мнению эксперта германского ведомства иностранных дел, выраженному в письме в имперское Министерство экономики от 25 февраля 1918 г., к моменту подписания мирного договора можно было говорить о государственном и частноправовом долге России в пределах 3850 млн марок (с выросшими процентами),

в том числе 2250 млн — по владению русскими ценными бумагами, 1600 млн — претензии по долгам русских партнеров германским фирмам¹⁶.

По отдельным категориям ценных бумаг картина выглядела следующим образом (см. Таблицу 3).

Таблица 3

**Русские ценные бумаги в германском владении к 1918 г.
(по германским данным, млн марок)**

1. Акции российских акционерных компаний	543,8
2. Ценные бумаги с твердой доходностью	179,1
3. Государственные и городские займы	451,4
4. Облигации железнодорожных займов	690,2
Итого:	1864,5
Всего, с учетом невыплаченных процентов	2250,0

По другим данным, изложенным в письме 12-ти ведущих германских банков в Министерство иностранных дел от 26 февраля 1918 г., общий итог германских претензий по государственным и частноправовым обязательствам России равнялся 4—5 млрд марок¹⁷. Хотя декретом советского правительства от 2 февраля 1918 г. государственные обязательства царской России были объявлены аннулированными, финансовая и политическая верхушка Германской империи настаивала на возмещении всех прежних долгов.

Таким образом, общая сумма долговых претензий по обобщающим германским данным примерно соответствовала расчетам российской Кредитной канцелярии. Правда, ни в том, ни в другом случае не учитывался ущерб, понесенный гражданами обеих стран в связи с репрессивными законами военного времени, ибо он, по отзыву экспертов, не поддавался сколько-нибудь точному исчислению.

После подписания мирного договора в Брест-Литовске была создана особая комиссия для определения ущерба от действия законов военного времени и уточнения общей суммы возможных претензий по всем видам долгов. Российская сторона в этой связи сделала ряд существенных корректив, на которых остановимся подробнее. Кредитная канцелярия подчеркивала, что за годы войны сумма российского государственного долга Голландии выросла на 200 млн руб., хотя новых займов в этой стране российское правительство не эмитировало. Причина заключалась в том, что часть облигаций российских государственных займов, размещенных в Германии, Франции и Бельгии, была продана их собственниками голландским держателям. Таким образом, реальный итог размещенных в Германии российских займов составлял менее указанных выше 550 млн руб. Кредитная канцелярия предлагала снизить его примерно до 400 млн руб.¹⁸

Не исключено, правда, что уменьшение суммы государственных обязательств у германских держателей компенсировалось притоком облигаций, вывозимых эмигрировавшими из России немцами.

По сведениям Наркомата финансов РСФСР, с начала войны и до середины 1918 г. в Германию вернулось около 16 тыс. зажиточных семей российских немцев, захвативших с собой и приобретенные в России ценные бумаги, в том числе облигации государственных займов¹⁹. Немецкая сторона на этом основании полагала, что таких новых ценностей, не прошедших регистрацию в Рейхсбанке, насчитывалось на сумму 360 млн руб. Российское же финансовое ведомство настаивало на том, что большая часть этих бумаг прошла регистрацию и потому не подлежит повторному учету.

Наркомат финансов РСФСР, кроме того, полагал, что в счет встречных претензий России должно быть зачтено так называемое «русское золото за границей», то есть активы царского Министерства финансов, находившиеся на счетах германских банкиров и предназначенные для обслуживания государственного долга (по этим счетам проводилась выплата текущих процентов). К 1914 г. таких российских авуаров у германских банковских учреждений имелось на сумму 103 млн марок, к 1918 г. — на 99,1 млн марок (45,9 млн руб.). Уменьшение объясняется тем, что из этих средств в годы войны частично продолжали погашаться текущие купоны российских займов. Главным партнером российского Министерства финансов по размещению займов в Германии являлся, как известно, лидер так называемого «русского консорциума» берлинский банкирский дом Мендельсона, на счетах у которого осело 88,3 из 99,1 млн марок, переданных русской казной германским банкирам. Суммы эти не были возвращены российской стороне и не фигурировали в германских расчетах. Отметим, что германские партнеры в списке клиентов российского финансового ведомства шли на втором месте после французских, у которых к началу войны находилось 431 млн руб. «русского золота за границей», и эти суммы также не были возвращены России после окончания войны²⁰.

Работа межправительственной комиссии по исчислению ущерба от действия законов военного времени породила в Германии надежды на скорое возмещение убытков, понесенных проживавшими в России германскими подданными в годы войны. В Германии был создан особый Комитет высланных из России германских подданных (Ausschuss der aus Russland ausgewiesenen Reichsdeutschen) во главе с крупным предпринимателем Леоном Шписом (Spies), до войны — совладельцем торгового дома «Шпис и Прен» («Spies & Pohn») в Москве. Комитет требовал полной компенсации имущественных потерь германских граждан, главным образом предпринимателей, насильственно выдворенных из России в период войны²¹.

Однако летом 1918 г., в связи с проведенной советским правительством национализацией промышленности, ситуация кардинально изменилась. Декрет 28 июня 1918 г. о передаче крупной промышленности в общенародную собственность стал очередным этапом экономической политики большевиков, начатой национализацией банков в конце 1917 г. и аннулированием государственных обязательств в начале 1918 г. Исходя из этих актов, российско-германское финансовое соглашение, подписанное в Берлине 27 августа 1918 г. в виде допол-

нения к мирному договору 3 марта 1918 г., отменяло ст. 8 прежнего договора об уплате Россией процентов по государственным долгам и ст. 13—15 о вознаграждении за частнопроводимые убытки. Вместо этого Россия обязывалась уплатить «для вознаграждения потерпевших от русских мероприятий германцев сумму в 6 млрд марок». Цифра эта представляла собой компенсацию по всем долгам с учетом взаимных требований²².

На Россию, по сути, накладывалась военная контрибуция, которая с лихвой перекрывала реальные претензии и была призвана погасить не только довоенную задолженность, но и те убытки от действия военных законов, о которых, как отмечалось, у германских экспертов было весьма смутное представление. По условиям августовского финансового соглашения советское правительство обязывалось до 31 декабря 1918 г. осуществить первый платеж в размере 1,5 млрд марок в виде отправки кредитных билетов (бумажных денег) царского правительства на сумму 544,4 млн марок, а остальной суммы — золотом из российского государственного запаса в объеме 245,6 тонн. Далее, 3,5 млрд марок предполагалось позже покрыть отправкой русских товаров и заключением в Германии нового русского займа. Остальные 1 млрд марок, согласно ст. 3 финансового соглашения, должны были принять на себя отпавшие от России Финляндия и Украина.

Имущества германцев, отчужденные в пользу российского государства, возвращались собственникам при условии, что отчуждение совершено до 1 июля 1918 г. В соглашении, правда, содержалась оговорка, что возврат имущества возможен лишь в случае, если отчуждение отменяется в отношении всего населения страны, т.е. только после официальной отмены национализации. Поскольку же рассчитывать на это можно было лишь в случае падения советского режима, Германия наложением громадной контрибуции пыталась компенсировать утраченные частные инвестиции в российскую экономику. Стороны условились также вернуть владельцам ценности из сейфов национализированных российских банков, равно как и германских, а также выплатить «замороженные» в период войны вклады в частных банках. Пострадавшим немцам предлагалось направлять соответствующие требования особому государственному комиссару, первые выдачи ценностей и выплаты по вкладам намечалось провести до 25 октября 1918 г.

13 ноября 1918 г., в связи с революцией в Германии, правительством Советской России все договоры с кайзеровской империей, в том числе договор 3 марта 1918 г. и финансовое соглашение 27 августа 1918 г., были объявлены уничтоженными²³. Позднее Брест-Литовский договор был признан ликвидированным и Версальским мирным договором 1919 г., подведшим дипломатические итоги мировой войны. Тем не менее первые выплаты по финансовому соглашению 1918 г. состоялись²⁴. До ноября 1918 г. из состава российского государственного запаса было отправлено в Германию золото стоимостью 120,4 млн руб. (около 260 млн марок). Правда, воспользоваться им Германией не удалось, поскольку по Версальскому мирному договору 1919 г. это золото перешло к победителям и осело в подвалах Французского банка.

Помимо золота, в Германию советским правительством было переправлено кредитных билетов царского образца на номинальную сумму 203 млн руб. для погашения государственных долговых обязательств. Это, впрочем, оказалось малоэффективным, поскольку царские кредитные билеты хотя и продолжали котироваться на европейских валютных биржах, но уже не являлись реальным платежным средством²⁵. Потери германских собственников, прежде всего представителей деловых кругов, компенсировались из созданного по условиям августовского соглашения «особого фонда», средства из которого выдавались по распоряжению российского государственного комиссара. Германские заявители сумели пользоваться этим каналом до середины декабря 1918 г., получив в общей сложности около 56 млн руб., или 121 млн марок²⁶.

Таким образом, в период от подписания Брестского мира до Ноябрьской революции в Германии советским правительством было выплачено германской стороне около 584 млн марок золотом и бумажными денежными знаками в счет погашения довоенной задолженности и возмещения ущерба, понесенного германскими собственниками в годы войны.

По-видимому, эти выплаты были учтены советской стороной в период подготовки Генуэзской конференции 1922 г., на которой фигурировали цифры довоенной задолженности России Германии в пределах 1900—2010 млн руб. (около 4,1—4,3 млрд марок)²⁷. Если же принять во внимание выплаты, осуществленные в рамках финансового соглашения 27 августа 1918 г., то общий итог задолженности России Германии по всем видам обязательств составит примерно 4,7—4,9 млрд марок. Эта цифра близка к итоговым подсчетам российских и германских экспертов кануна подписания мирного договора и, по всей очевидности, наиболее соответствует реальной задолженности России ее западной соседке на момент прекращения войны.

Договором в Рапалло от 16 апреля 1922 г., подписанным накануне открытия конференции в Генуе, Россия и Германия отказались от возмещения военных расходов и убытков, связанных с «исключительными военными законами и насильственными мероприятиями государственных органов», равно как и от компенсации расходов на содержание военнопленных. Германия, кроме того, приняла на себя обязательство отказаться от претензий, происходящих от действия законов военного времени и мер советского правительства, при условии, что не будут удовлетворены аналогичные претензии других государств²⁸.

После Рапалло тема довоенных долгов более не была предметом официальных переговоров между правительствами России и Германии. Однако эта проблема постоянно привлекала к себе внимание деловых кругов и широкой общественности в Германии и потому служила для обеих стран важным фактором формирования экономических и политических отношений. Сразу же после заключения договора в Рапалло, в мае 1922 г., лидеры «русского консорциума» — «Mendelssohn & Co», «S.Bleichroeder», Disconto-Gesellschaft, Berliner Handelsgesellschaft — заявили МИД Германии, что будут продолжать

настаивать на возмещении убытков своей клиентуры от эмиссии довоенных российских займов.

В дальнейшем, несмотря на усилия МИД Германии притушить эту активность, которая могла осложнить восстановление экономических и политических отношений с Советской Россией, проблема довоенных долгов активно дискутировалась в немецкой прессе и в общественном мнении. В мае 1924 г. при подготовке советско-германских переговоров о внешнеторговом обмене этот вопрос вновь был поставлен банкирским домом Мендельсона. В августе 1925 г., в ходе работы над советско-германским торговым договором, среди германских держателей российских ценных бумаг вновь возродились надежды на возмещение убытков, в связи с чем был образован банковский синдикат под председательством бывшего министра юстиции А.Шиффера (A. Schiffer). Условием предоставления новых кредитов намечалось, в частности, признание советским правительством царских долгов. Однако в ходе обмена мнениями между Шиффером и министром иностранных дел СССР Г.В.Чичериным выяснилось, что этот вариант для советской стороны неприемлем, и крупный кредит на 300 млн марок был предоставлен Германией без дополнительных условий.

В ответ лидеры бывшего «русского консорциума» инициировали в прессе кампанию за скорейшее создание Союза защиты интересов держателей российских ценных бумаг (Schutzvereinigung deutscher Gläubiger ehemaliger russischer Staatsanleihen), который должен был вступить в контакт с соответствующими организациями в других странах-кредиторах. Однако правительственные круги Германии официально отмежевались от затеи «Мендельсона и К^о», заявив, что не имеют отношения к Союзу и считают его создание нецелесообразным²⁹. Скорее негативно отнеслись к этому проекту и ведущие германские промышленные концерны, которые стремились развивать экспортно-импортную торговлю с Россией исходя из реалий Рапалльского договора.

Помимо «русского консорциума», интерес к теме довоенных русских долгов пытался подогревать и созданный в 20-е гг. Союз немцев за границей (Bund der Auslanddeutschen), который выступил инициатором издания специальной работы по проблеме³⁰. Однако эта активность встретила прохладный прием в правительственных кругах и реальных последствий не имела. С приходом к власти в Германии национал-социалистов и свертыванием экономических отношений с СССР проблема довоенных долгов окончательно утратила актуальность.

Примечания

¹ Документы внешней политики СССР. Т. V. М., 1961. С. 302—303.

² Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки / Отв. ред. В.И.Бовыкин. М., 1997. С. 320.

³ Документы внешней политики СССР. Т. I. М., 1957. С. 125—127.

⁴ Там же. С. 166—183.

⁵ См.: Tilly R. *International Aspects of the Development of German Banking // International Banking 1870—1914* / Ed. by R. Cameron, V.I. Bovykin. New York; Oxford, 1991. P. 90—112.

⁶ Ibid. P. 102.

⁷ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 7733. Народный комиссариат финансов РСФСР / Министерство финансов РСФСР / Министерство финансов СССР. Оп. 1. Д. 8632. Сведения о долго-вых претензиях Германии к России. Л. 1—19.

⁸ Tilly R. Op. cit. P. 103. Table 4-4.

⁹ См.: Оль П. В. *Иностранные капиталы в России*. Пг., 1922. С. 290—293.

¹⁰ См.: Бовыкин В. И. *Французский капитал в акционерных предприятиях России накануне Октября // История СССР*. 1991. № 4. С. 159—181.

¹¹ Tilly R. Op. cit. P. 105. Table 4-5.

¹² Bundesarchiv, Abt. Potsdam, Reichswirtschaftsamt, 1898. Bl. 4.

¹³ Politisches Archiv des Auswaertigen Amtes, Bonn (далее — PA AA). Russland. Bd. 10307. A 39439 / Der Praesident des Reichsbank-Direktoriums — an Staatssekretaer des Auswaertigen Amtes, Berlin, 24. November 1917.

¹⁴ *Deutsch-sowjetische Beziehungen von den Verhandlungen in Brest-Litowsk bis zum Abschluss des Rapallovertrags*. Dokumentensammlung. Bd. 1. 1917—1918. Berlin (Ost), 1967. S. 54—57.

¹⁵ Ibid. S. 95.

¹⁶ Bundesarchiv, Abt. Potsdam, Reichswirtschaftsamt, 1898. Bl. 43—47.

¹⁷ *Deutsch-sowjetische Beziehungen...* Bd. 1. S. 444—445.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 8632. Л. 11.

¹⁹ Там же. Д. 8741. Материалы по дореволюционным расчетам с Гер-манией.

²⁰ Там же. Д. 7929. Остаток сумм Иностранного отделения Кредитной канцелярии у иностранных банкиров на 1 января 1918 г.: Д. 8273. О новом торговом договоре с Германией, 1922—1923.

²¹ Bundesarchiv, Abt. Potsdam, Auswaertiges Amt, 6230. Bl. 248.

²² *Документы внешней политики СССР*. Т. I. С. 445—453.

²³ Там же. С. 565.

²⁴ PA AA. Russland. Bd. 83941 / Berlin, 8. Januar 1930.

²⁵ Bundesarchiv, Abt. Potsdam,

²⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 8656. О финансовых претензиях Германии к России, 1916—1918 гг. Л. 7—8.

²⁷ *Документы внешней политики СССР*. Т. V. М., 1961. С. 302.

²⁸ Там же. С. 223—224.

²⁹ PA AA. Russland. Bd. 29259, Bl. 5—11 — *Vorgeschichte bis zur Gruendung einer Schutzvereinigung deutscher Glaeubiger ehemaliger russischer Staatsanleihen*, Juli 1926.

³⁰ Menzel K. *Das deutsche Vorkriegsvermoegen in Russland und der deutsche Entschaedigungsvorbehalt*. Berlin; Leipzig, 1931.

Проблема русского долга во французской прессе 20-х гг. XX столетия

Франция являлась основным кредитором царской России. Первый крупный заем во Франции под продажу облигаций мелким покупателям был сделан еще при Александре III в 1888 г. и составил 8 млрд золотых франков. Затем, в 80-е гг. было сделано подряд еще несколько займов. Это было связано с назначением на пост главы Министерства финансов в 1892 г. С.Ю.Витте, который проводил политику активного развития капитализма с привлечением иностранных капиталов в промышленность, банки и государственные займы. Благоприятную почву для новых займов создавала денежная реформа 1897 г., которой было введено золотое обращение и установлен свободный обмен кредитного рубля на золото. Новым займам 80-х гг. содействовало и политическое сближение с Францией. Сергей Витте стремился не просто занимать деньги у Франции, но и привлекать французские частные банки — «Пари ба», «Креди Лионнэ» и другие — к участию в прямом финансировании промышленного строительства. Крупный 5%-ный заем на сумму почти $2\frac{1}{4}$ млрд франков был сделан у Франции в 1906 г. Здесь, как известно, основные суммы ушли на политические цели, в частности на борьбу с революцией и ликвидацию последствий русско-японской войны. Это был «наибольший внешний заем, который когда-либо совершался, спасший Россию от финансового краха (после войны и смуты) и давший ей возможность восстановить внутренний порядок», как писал С.Ю.Витте в 1913 г.¹ Французская сторона высказывала некоторые опасения по поводу роста имперского долга. Еще в 1897 г. министр финансов Кошери отмечал, что «французский рынок постоянно открыт для всяких попыток займов, которые Россия сочтет удобным сделать, не давая нам объяснений». В 1900 г. министр финансов Кайо критиковал частые займы России. «Я признаю, — говорил он, — что Россия — наша союзница и что нам трудно закрыть ей рынок... Но нужно, чтобы мы имели определенные и ограниченные предложения так, чтобы мы, принимая их, могли начислить объем и цену нашей уступки»². Это замечание, относившееся к частному случаю, прекрасно передавало настроение французских официальных финансовых кругов и указывало на лидерство политических мотивов в вопросах о предоставлении займов. Несомненно, существовала тес-

* Лобанова Елена Валерьевна — кандидат исторических наук (Институт всеобщей истории РАН).

ная связь между русскими займами, с одной стороны, и внешними и внутренними политическими условиями — с другой. В 1906 г. министр финансов Пуанкаре, обсуждая проектируемый заем, потребовал предоставления доказательств того, что он «не противоречит новому политическому строю России»³. Преимущественно интересами франко-русского союза был продиктован и 4¹/₂%-ный заем 1909 г., заключенный в период опасного обострения обстановки в Европе, приведшего к Первой мировой войне. Другими словами, предоставление кредитов не могло быть объяснено только соображениями финансовой выгоды, налицо были яркие политические мотивы. Бóльшая часть внешних имперских займов была израсходована на войны и вооружения, но значительная доля пошла и на железнодорожное строительство важных в экономическом отношении линий и на эксплуатацию естественных богатств страны. Далее последовали кредиты периода Первой мировой войны. Однако в данном исследовании они не рассматриваются. Речь пойдет об имперском довоенном долге Франции, в погашении которого были заинтересованы частные французские граждане — держатели облигаций государственных и гарантированных правительством займов.

Несмотря на то что декретом от 28 января (10 февраля) 1918 г. все иностранные займы аннулировались, советское правительство не один раз заявляло о готовности обсудить претензии «бывших» кредиторов России, и прежде всего мелких держателей облигаций русских займов. «Мы готовы изыскать вместе с французским правительством способ соглашения, который дал бы Франции удовлетворение», — сообщал в телеграмме от 14 января 1919 г. Г.В.Чичерин⁴. Советская нота от 4 февраля 1919 г. к правительствам Великобритании, Франции, Италии, США и Японии содержала согласие Советской России пойти на уступки по вопросу о русских займах⁵. Готовность прибыть в Париж для обсуждения способов «урегулирования вопроса о долгах Российского государства» была высказана 8 августа 1920 г. главой советской торговой делегации в Лондоне представителю французского торгово-промышленного ведомства де Альгуэ⁶. Согласие Совнаркома «признать за собой обязательства... по государственным займам, заключенным до 1914 г., содержалось в ноте Народного комиссариата по иностранным делам от 27 октября 1921 года»⁷. Только руководствуясь таким заверением, Запад согласился участвовать в Генуэзской конференции.

Франция больше других стран была непримирима в вопросе о признании долгов, что было совершенно понятно, учитывая, что она стояла на первом месте среди кредиторов Российской империи. Еще с весны 1918 г. французское правительство заявляло, что не может быть и речи ни о каких соглашениях, пока советское правительство «не выполнит обязательств предшествовавших русских правительств по отношению к иностранным правительствам и гражданам»⁸. Однако, и французские правящие круги, и экономическая элита прекрасно понимали, что у проблемы русского долга, помимо его признания и согласия платить, есть и другая очень важная сторона. Платить нечем, если не восстановить разрушенную экономику.

Послевоенный экономический кризис 1920—1921 гг. особенно ярко продемонстрировал необходимость возвращения России в качестве крупного покупателя иностранной продукции и поставщика сырья⁹. Русская экономическая жизнь была ослаблена войной и революцией, покупательная способность России на внешних рынках была почти уничтожена, от чего страдала промышленность других стран. Большие запасы сырья и продовольствия, которыми обладала Россия, стали недоступны промышленным странам Запада. Вопрос осложнился еще и тем обстоятельством, что новый строй в корне разрушил экономическую систему, построенную на правах частной собственности, отвергнув те основания, на которых покоится система международного кредитования и торговых отношений между капиталистическими странами. Россия оказалась в изоляции от остального мира. И все же становился очевидным вывод: быстрое восстановление народного хозяйства России является одним из основных факторов для нормального развития экономики Западной Европы¹⁰. Однако на самом деле вопрос стоял еще шире. Способность Франции платить по ее обязательствам Англии и Соединенным Штатам зависела от способности России платить свои долги Франции. Экономическое оздоровление России являлось также элементом будущего развития американской внешней торговли не только с Россией, но и с другими европейскими странами, торговля которых оживится в связи с восстановлением экономики России. В связи с этим всеми было признано, что России должны быть предоставлены новые займы¹¹. Однако предоставлению кредитов должно было предшествовать признание Россией всех прежних долговых обязательств и возвращение национализированного имущества.

Эти вопросы широко обсуждались на Генуэзской и Гаагской конференциях в 1922 г. Фактически, это были попытки снова интегрировать Россию в систему европейских торговых отношений. Однако политические амбиции сторон оказались сильнее соображений экономической целесообразности. Россия не могла поступиться теми принципами, на которых воздвигался новый общественный строй, отрицающий частную собственность. Следовательно, о возврате национализированной собственности не могло быть и речи. От оплаты военной задолженности царской России советская делегация также решительно отказалась. Еще свежие события Гражданской войны, интервенции и блокады, колоссальные потери от которых перекрывали, по мнению советских экспертов, довоенные долги, были той психологической базой, на которой строилась линия поведения советской делегации. В соответствии с принципами рабоче-крестьянского государства, исключение делалось для мелких держателей облигаций русских займов, перед которыми открывалась перспектива возмещения убытков. Французским капиталистам вместо возврата собственности предлагалось под контролем новой власти получить доступ на российский рынок, участвовать в эксплуатации природных богатств России, получать прибыли от концессий, промышленных доходов. Но непременным условием реализации этих возможностей должно было стать предоставление новых кредитов. Вполне понятно, это

страшно возмушало, в данном случае, французскую сторону. Ведь со времени последнего, самого крупного кредита (1906 г.) прошло всего 16 лет. Смена власти для французских буржуа никак не могла являться оправданием неуплаты долгов.

Непримиримое отношение к новому режиму в России и его позиции по вопросу о долговых обязательствах было тесно связано с приходом к власти лидеров реакционного «Национального блока», получившего на выборах в палату депутатов в ноябре 1919 г. две трети мест. Его возглавляли А. Мильеран, Р. Пуанкаре, Ж. Клемансо, Л. Барту. Оказавшись на посту премьер-министра, Клемансо сразу же решительно заявил, что «Франция не признает правительство народных комиссаров»¹². Его позиция в отношении русского долга определялась, прежде всего, тем, что «Национальный блок» представлял интересы финансовой верхушки крупного промышленного капитала, особенно той ее части, которая более всего пострадала от революции 1917 г. Это были владельцы национализированных предприятий на территории России, крупные держатели облигаций старых русских займов, и среди них — банки «Сосьете Женераль», «Юнион Паризьен», «Банк де Пари э де Пеи Ба», финансово-промышленная группа Шнейдер—Крезе и другие. Лидеры «Национального блока» использовали все методы давления на Советскую Россию: экономические, дипломатические, военные. При этом некоторые его деятели реально оценивали ситуацию. Среди них следует назвать Луи Барту. Касаясь вопроса восстановления русского рынка для Франции, 25 марта 1920 г. он говорил: «Несомненно, мы придем [в Москву] последними, но я не хотел, чтобы мы рисковали прийти слишком поздно»¹³. В то же время в Генуе в 1922 г., следуя жестким указаниям премьер-министра Р. Пуанкаре, будучи к тому времени министром иностранных дел, Луи Барту проводил твердую линию в вопросе «русских долгов», чем выражал позицию всех капиталистических держав. «Невозможно разбираться в делах будущего до тех пор, — отмечал он, — пока не разберутся в делах прошлого. Как можно ожидать, чтобы кто-либо вложил новый капитал в Россию, не будучи уверен в судьбе капитала, вложенного ранее? Весьма важно, чтобы советское правительство признало обязательства своих предшественников как гарантию того, что последующее за ним правительство признает и его обязательства»¹⁴.

Генуэзская и Гагская конференции оказались бессильны решить «русский вопрос». Препятствия, воздвигнутые между двумя принципиально разными общественными системами, казались непреодолимыми. По завершении конференций один из членов советской делегации талантливый дипломат Х. Г. Раковский отмечал трудности такого компромисса. «В нашем случае, — писал он в «Известиях», — ... речь шла о том, чтобы согласовать интересы двух государств, обладающих различными социальными организациями: государств социалистического и капиталистического... Делая уступки, мы установили для себя твердые их границы. Эти границы свелись к двум основным принципам. Мы не могли заключить договора, который явился бы нарушением основных законов Советского Союза, и, во-вторых,

мы не могли заключить договора, который бы наложил на рабочие и крестьянские массы новые непосильные тяготы»¹⁵. Для Франции в данном случае это означало потерю собственности, национализированной в России, и слабую надежду на уплату части долгов. Однако наиболее невыгодной перспективой была потеря русского рынка. Россия также оставалась в проигрыше, не получив политического признания и новых кредитов. Но в таком состоянии она была неспособна платить по счетам. Круг замыкался. Обе стороны осознавали неизбежность экономического сближения. Более того, оно объективно существовало.

За восстановление экономических отношений с Россией высказывался Генеральный Совет Севера Франции, той же позиции придерживались торговые палаты Марселя, Гавра и ряда других крупных городов. В сентябре 1921 г. 200 французских промышленных фирм заявили о готовности подписать контракты с советскими организациями на сумму в 118 млн франков. Тяжелая индустрия Франции нуждалась в нефти. Россия была готова ее поставлять, освобождая Францию от англо-американской нефтяной зависимости. Возможно было восстановить поставки продовольствия и сырья. Со своей стороны, французские предприниматели могли получить большие выгоды от функционирования крупных российских заводов.

Экономическая выгода оказывалась сильнее политических мотивов. 31 октября 1922 г. министр торговли Франции предложил назначить директора торгового офиса по делам России постоянным представителем всех французских торговых палат в Москве¹⁶. Вопрос об официальном представительстве пришлось обойти. Торговые палаты могло представлять частное лицо. Однако такая формулировка не меняла сущности процесса. Экономическое сближение реально набирало темпы. 20 октября 1922 г. был создан франко-русский офис, целью которого было получение взаимной торговой информации. В Париже возникло «Общество франко-русских предприятий» с капиталом в 1 млн франков. В марте 1923 г. на Лионской ярмарке был открыт советский павильон. Учитывая реальные выгоды для французской экономики, правительство «Национального блока», возглавляемое Пуанкаре, в начале 1923 г. решило не препятствовать советскому Государственному банку иметь счета во французских кредитных учреждениях и не мешать торговым сделкам между Советской Россией и Францией.

Однако, несмотря на позитивные моменты развития франко-русских экономических отношений, оно не могло быть полнокровным без восстановления нормальных дипломатических отношений между двумя странами. Официальный курс правительств «Национального блока», потерпевшего поражение лишь в 1924 г., не способствовал прогрессу в решении данного вопроса. Их финансовые интересы, связанные на России, страдали и определяли всю линию поведения в «русском вопросе». «Во Франции силы промышленного капитала хотя и быстро возрастают, но не имеют еще достаточного влияния, чтобы определять политику своей страны. Поэтому забота о получении старых долгов там преобладает над заинтересованностью в уста-

новлении экономических отношений, которые принесли бы ей большие выгоды в будущем», — отмечает Г.В. Чичерин¹⁷. Другими словами, для решения наболевшего вопроса к власти во Франции должны были прийти те силы, для которых экономическая выгода оказалась бы важнее оплаты старых долгов, которые предпочли бы признать Россию, восстановить с ней отношения, нежели потерять такого выгодного партнера из-за смены режима.

Это прекрасно понимали в торгово-промышленных кругах, заинтересованных в нормализации советско-французских отношений, без которых было невозможно восстановление полнокровного экономического сотрудничества. Недовольные финансовым курсом правительства, они предпринимали решительные шаги к сближению, опасаясь конкуренции со стороны других европейских держав. В феврале 1923 г. в Москву приехали известнейший французский предприниматель Антуан Семиден и директор французского нефтяного общества «Омниум интернасьональ де петроль» с целью получения нефтяных концессий. В мае того же года другая группа французских предпринимателей, и в их числе Дюверже, Нибо и др., прибыла в Москву прозондировать почву для установления взаимовыгодного сотрудничества. Активизировалась деятельность «Аркуса» в Париже. Важным событием явился визит в Москву известного адвоката и политического деятеля де Монзи. Несмотря на частный характер его поездки, она, одобренная Пуанкаре и Мильераном, несомненно, имела политические цели. Ознакомившись с ситуацией в России, де Монзи убедился в необходимости признания СССР де-юре, но при обязательном условии признания Россией довоенных и военных займов и долгов. Назревала необходимость дальнейшего обсуждения русских долговых обязательств в новых условиях.

Политическая ситуация складывалась для «Национального блока» неблагоприятно. Выборы в Национальное собрание должны были состояться в 1924 г. Сенатор де Монзи предупреждал правительство о необходимости изменить линию поведения по отношению к СССР. «Если правительство не предпримет никаких шагов для нормализации отношений с СССР, — заявил он, — левые обеспечат себе голоса избирателей обещанием немедленного признания де-юре Советской России»¹⁸.

Достаточно определена в этом вопросе была и позиция торгово-промышленных кругов, опасавшихся потери значительных доходов, если и далее курс правительства будет оставаться прежним. «Если мы не выберем этот путь [нормализации советско-французских отношений], — предостерегала “Информасьон”, газета деловых кругов, — то наши огромные интересы в России будут стремительно поглощены другими иностранцами, совершенно не теряющими времени»¹⁹. Под давлением обстоятельств Пуанкаре сделал шаги к сближению. 22 декабря 1923 г. газета «Ле Тан», выражая официальную точку зрения ведомства иностранных дел, выступила за переговоры Франции и СССР о признании его де-юре и урегулировании вопроса о долгах: «Коль скоро [дипломатические] отношения были бы восстановлены, стало бы возможным вести переговоры о различных

конвенциях: о правах иностранцев, торговых договорах и т.д., которые отвечали бы интересам обеих стран. Восстановление франко-русских отношений было бы, очевидно, благом»²⁰. После статьи в «Ле Тан» о необходимости признания Советской России де-юре стали писать и другие газеты. Многие из них советовали своему правительству проявить уступчивость в вопросах о долгах, руководствуясь мудрыми словами французского банкира Альфреда Фабр-Люса: «Надо, чтобы Франция больше заботилась об обеспечении будущего, чем о спасении прошлого»²¹.

Следующий шаг к урегулированию отношений был сделан в январе 1924 г., когда Пуанкаре через министра иностранных дел Чехословакии Бенеша обратился к советскому правительству с предложением вступить в переговоры. Основным вопросом, на который Пуанкаре ждал ответа, был следующий: согласно ли советское правительство в принципе признать довоенные долги? В ответ советская сторона предложила не связывать долг с проблемой признания. Кроме того, сразу был поднят вопрос о предоставлении новых кредитов. «Выпячивать на первый план вопрос о наших долгах, — отмечалось в передовой статье газеты «Известия» 11 января, — без упоминания вопроса о предоставлении нам новых кредитов и с явной тенденцией скинуть со счетов наши контрпретензии — это значит создать базу, едва ли удобную для приведения переговоров к благоприятному концу». Далее предлагалось восстановить дипломатические отношения, а затем обсуждать «детальные вопросы, разделяющие оба государства»²². Советские дипломаты были уверены, что признание России обойдется Франции дешевле, чем потеря российского рынка. «...Если мы начнем говорить с Францией о долгах и национализированной собственности, — заявлял Л.Б.Красин, — эти разговоры могут тянуться без конца. Между тем наша торговля с Францией при отсутствии правовой базы замрет. Этого ли хочет председатель французского Совета министров? Для нашей же торговли свет отнюдь не сошелся клином на Франции»²³. Однако правительство Пуанкаре твердо держалось своей линией, настаивая на выплате долгов и удовлетворении имущественных претензий как обязательном условии признания. Об этом Пуанкаре заявил 9 апреля 1924 г. на парламентском выступлении по «русскому вопросу». В результате стороны не пришли к соглашению. Политическая обстановка изменилась к лучшему после поражения «Национального блока» в мае 1924 г., падения кабинета Пуанкаре и победы «Левого блока». Эдуард Эррио, лидер партии радикал-социалистов, сформировавший новый кабинет, уже в июне заявил о намерении нормализовать отношения с СССР. Однако проблема долгов не потеряла своей остроты. При встрече 22 июня 1924 г. в Лондоне с полномочным представителем СССР в Англии Эдуард Эррио заявил, что признание может состояться в конце июля — середине августа в случае принятия советской стороной известных условий по выплате долгов. За безусловное признание СССР выступала газета французских коммунистов «Юманите»²⁴. Однако реакционная французская печать, в том числе такие издания, как «Журналь де Деба», «Аксион франсез», «Голуа», «Эко де Пари»,

«Фигаро», требовала не признавать СССР. Правительства Англии и Соединенных Штатов пытались повлиять на политику французского правительства. За дипломатический разрыв выступили реакционные английские газеты «Дэйли Мэйл» и «Таймс»²⁵. Американское правительство вело переговоры о предоставлении Франции займа, но при условии отказа от признания СССР²⁶. Однако признание состоялось, и 29 октября ноты обоих правительств — советского и французского — были опубликованы в московских и парижских газетах²⁷. Нормализацию франко-советских отношений одобрили газеты «Котидьен» и «Ле Тан» — газета, выражавшая точку зрения Министерства иностранных дел.

После прихода к власти «Левого блока», представлявшего интересы торгово-промышленной буржуазии, заинтересованной в установлении прочных экономических контактов с СССР, признание было безусловным. Французское правительство отказалось от предварительных условий. Значительная роль в восстановлении дипломатических отношений принадлежала также личности самого Эдуарда Эррио, сумевшего пойти на серьезный компромисс, по его словам, «под градом тяжких оскорблений» за такую инициативу. «Отсутствие каких-либо официальных отношений с правительством, фактически в течение семи лет сохранявшего власть в России, создавало ненормальное положение, идущее во вред нашим подданным, — писал он, — поскольку оно не позволяло французскому правительству выполнять по отношению к ним свой долг защиты»²⁸.

После признания СССР Французской Республикой де-юре было решено начать переговоры по спорным вопросам. Весной и летом 1925 г. в Париже работали финансовые эксперты обоих государств. По поводу прибытия делегации финансовых экспертов СССР — Е.А.Преображенского, И.И.Рейнгольда, Н.Н.Любимова, С.Б.Членова — «Ле Тан» писала: «Есть причины, по которым никакое французское правительство не могло бы уступить: это — признание долгов, заключенных русским государством в пользу всего русского народа, а также полное и целостное сохранение прав и интересов французских граждан, тяжко нарушенных советским правительством». Однако больше всего газета возмущалась тем, что признание долгов СССР связывали с вопросом о предоставлении новых кредитов²⁹. Точка зрения мелкой французской буржуазии, державшей старые русские займы, была высказана газетой «Ла Лантерн» от 10 июня 1925 г. «Тезис неплатежа, — отмечалось в ее передовице, — остается твердым». Далее смысл статьи сводился к следующему: СССР отказывается установить связь между восстановлением экономических отношений и долговой проблемой; при нарушении принципа «непрерывности» обязательств о предоставлении кредитов не может быть и речи. Кроме того, автор статьи выражал разочарование, что малый держатель не получил ожидаемых от Москвы реальных предложений об урегулировании проблемы долгов, хотя Э.Эррио признал советское правительство без предварительных условий. Приезд экспертной комиссии под председательством Е.А.Преображенского также не имел последствий, ожидаемых французским держателем, писала газета³⁰.

На самом деле задача смешанной экспертной комиссии под председательством Е.А.Преображенского и Ш.Альфана была лишь статистической. Она состояла в классификации и рассмотрении документов, дающих возможность приблизительно определить сумму претензий. Окончательный же размер суммы претензий должен был быть установлен полномочными представителями правительств обеих сторон. А пока речь шла об установлении остатков бывших имперских довоенных займов, сохранившихся у французских граждан. Французские эксперты установили цифру в $10\frac{1}{2}$ млрд франков, советские считали 9 млрд франков предельной цифрой. По данным официальной проверки, проведенной в 1919—1920 гг. после специального декрета французского правительства от 10 сентября 1918 г. об обязательной регистрации и штемпелевании русских бумаг, сумма французских претензий составляла 8,866 млрд франков, т.е. не достигала 9 млрд³¹. На самом деле расхождение в $1\frac{1}{2}$ млрд франков не казалось настолько существенным, чтобы привести к серьезным разногласиям. Другое дело — сам принцип платежа. В 20-х числах апреля 1925 г. почти всеми парижскими газетами было перепечатано заявление председателя советской экспертной группы Е.А.Преображенского, сообщенное им газете «Информасьон»: «Мы не допустим обсуждения вопроса о долге в чисто юридической плоскости. О признании долга не может быть и речи. ...Мы могли бы, конечно, сказать: “Признаем”, — и ничего не платить. Но мы предпочитаем объявить: “Не признаем”, — и в то же время выработать соглашение, которое дает возможность частично удовлетворить требования держателей». Однако и такая постановка вопроса уже давала надежду держателям русских бумаг. Летом 1925 г. целый ряд газет — от серьезных, таких как «Ле Тан», до бульварных, таких как «Пти паризьен», — писали о том, что Москва меняет свою точку зрения, отдавая себе отчет в том, что неразрешение проблемы долгов мешает развитию франко-советских отношений и создает недоверие других наций к финансовым обязательствам СССР³².

В сентябре 1925 г. полпред СССР Л.Б.Красин внес первые предложения в комиссию по долгам. Советское правительство соглашалось на расчеты в золоте. Чем расплачиваться — это был также спорный вопрос. По этому поводу в 1925 г. выступил член советской делегации экспертов профессор Н.Н.Любимов. «В контрактах о русских займах нет указаний на то, что кредитор имел в виду золотые франки»³³, — писал он. Особое значение это имело при подсчете долговых сумм. Как отмечает французский исследователь Франсис Конт, Красин предложил председателю комиссии по долгам Дальбьезу уплатить миллиард золотых рублей, т.е. 25% общей суммы царских долгов³⁴. Согласие платить связывалось с получением кредитов. Трудно сказать, по какой причине соглашение не состоялось. Наиболее близко, на наш взгляд, к разгадке стоял профессор Н.Н.Любимов. Он писал: «Довольно трудно прийти к определенному соглашению по такому важному “активу” Франции, как бывший имперский долг, не зная размеров французских обязательств в Америке и Великобритании. В этом пункте и в этот исторический момент

связь всех элементов международной задолженности сказалась во всей своей объективной силе и очевидности»³⁵.

В ноябре—декабре 1925 г. в Париж прибыл Г.В.Чичерин. Целью его визита было задать тон франко-советским переговорам в связи с назначением нового посла Х.Г.Раковского. Подробности его визита и встреч с Аристидом Брианом и Филиппом Бартло сообщались в журнале «Эроп нувель». Была установлена процедура будущих переговоров. Конференция должна была рассмотреть состояние политических отношений, проблему долгов и кредитов, возможность заключения торгового договора³⁶.

На Христиана Раковского в Москве возлагали большие надежды. Новый посол долго жил во Франции, имел там друзей. Ему не составляло никаких трудностей давать интервью и выступать со статьями в таких известных изданиях, как журнал «Эроп нувель», в газетах «Пари-Суар», «Эвр», «Пти паризьен». Он надеялся продвинуться в решении сложных вопросов более, чем его предшественник Л.Б.Красин. «...Как хорошо сказал г-н де Монзи, — отмечал Х.Раковский, — “проблема франко-русского сближения — это проблема психологии”». Мне кажется, психологию Франции я знаю, теперь посмотрим, удастся ли мне добиться, чтобы поняли психологию нашей страны, которую здесь совершенно не знают»³⁷.

Х.Раковский вел тонкую дипломатическую игру, оказывая давление одновременно на французских политических руководителей и на финансистов и промышленников. Как только ход переговоров замедлялся, Раковский, используя свои журналистские связи, удачно создавал впечатление, что некоторые банковские объединения готовы предоставить России кредиты³⁸. Так, в апреле 1926 г. в газете «Ле Тан» были опубликованы сведения о возможности создания франко-советского консорциума, который должен был взять на себя предоставление кредитов и одновременно выступить гарантом возмещения Франции имперских долгов³⁹. 9 апреля 1926 г. сообщение об этом появилось во многих уважаемых парижских газетах. Однако уже 10 апреля «Ле Тан» опубликовала опровержение франко-голландского банка о том, что он никогда не вел переговоры с Советами на такую тему⁴⁰. На самом деле, видя неудачный ход переговоров, Раковский через знакомых журналистов специально предал дело гласности. Банк же, боясь скомпрометировать себя, был вынужден все отрицать. Такой метод использовался не раз⁴¹. Основной задачей советских дипломатов было получение кредитов, и они прочно увязывали этот вопрос с проблемой царского долга, которая больше всего интересовала французскую сторону. С самого начала переговоров Х.Г.Раковский твердо обозначил советскую линию поведения, заявив, что «ключом к вопросу о долгах советское правительство считает финансовую помощь и долгосрочные кредиты»⁴².

Советской стороне вопрос долгов и кредитов представлялся неделимым. Французы не могли с этим согласиться. Вопрос о предоставлении кредитов широко обсуждался и другими западными державами, такими как Великобритания и США, должником которых являлась Франция. С одной стороны, действовало неофициальное

соглашение между крупнейшими западными банками об отказе Советскому Союзу в каких бы то ни было кредитах. С другой стороны, реально существовал торговый обмен, зачастую на кредитной основе, и выгода от возобновившейся возможности использования русского рынка рождала мнение иного рода. Так, английская газета «Таймс» в августе 1925 г. выступила со статьей, в которой утверждалась мысль о том, что ущерб от потери русского рынка значителен для британской промышленности. И виной тому является противодействие расширению кредитов на сделки с Россией со стороны правительства в союзе с промышленниками и банками⁴³. Парижская газета «Пари-Суар» также опубликовала статью, в которой подчеркивалась необходимость предоставления кредитов советским торговым организациям. Тогда, при правильной постановке дела, продукция французской промышленности смогла бы успешно конкурировать с товарами, изготовленными в Англии, Америке, Швейцарии⁴⁴.

Интересна в этом отношении также книга Л.Пасвольского и Г.Моультона о русских долгах, написанная с точки зрения американского кредитора. В ней звучит мысль о целесообразности предоставления России займов на восстановление⁴⁵. Однако в реальной ситуации решение кредитного вопроса оставалось весьма сложным. Финансовая нестабильность, острая политическая борьба, долги Франции другим державам создавали объективные трудности для нового кредитования России.

Была и психологическая проблема: когда не возвращен долг, кто же будет рисковать новыми вложениями? А французское правительство опиралось на мнение огромного числа держателей российских ценных бумаг и собственников национализированных предприятий. Их позиция очень четко была выражена в газете «Ла Лантерн». Автор статьи писал о том, что смена государственного режима не может освобождать страну от бремени долгов, иначе возникает искушение менять его, как только подходит срок платежа. Касаясь же вопросов о новых кредитах, автор заявлял, что в таких условиях никто не захочет рисковать своими капиталами⁴⁶. Дабы защитить свои интересы, французские кредиторы объединились в различные организации. Самой крупной из них была «Общая комиссия по защите французских интересов в России», возглавляемая бывшим послом Франции при Временном правительстве Нулансом. Были также организации, примыкающие к «Национальной ассоциации французских держателей движимых ценностей». Это «Комитет защиты французских держателей русских государственных фондов, гарантированных Русским государством бумаг и муниципальных займов», «Комитет защиты французских держателей бумаг промышленных обществ и банков в России», «Национальная лига французских интересов в России». Они были настроены враждебно к новой организации, которая называлась «Комитет действия для урегулирования французских интересов в России». Ее образование происходило в новых условиях признания СССР. «Финансовая газета» от 27 марта 1926 г. достаточно четко обрисовала сложившуюся ситуацию: «Здесь получилось известное расслоение интересов: интересы “крупные” и интересы про-

мысленные, банковские остались связанными, в первую голову, со “старыми организациями”, в то время как “малый” или сравнительно мелкий кредитор, по преимуществу держатель русских правительственных или гарантированных правительством бумаг, потянулся в ряды организации новой»⁴⁷.

На фоне предстоящих франко-советских переговоров «Комитет действия» требовал права самостоятельно защищать свои интересы и договариваться с советским правительством. Его лидеры считали, что, ведя переговоры от лица государства, французское правительство предоставляет Советам выдвигать Французскому государству встречное требование о возмещении убытков в связи с интервенцией и блокадой. Сами бы они скорее нашли способ договориться с Советами путем непосредственных переговоров о долгах. Сумму русского долга комитет исчислял в 17,2 млрд франков⁴⁸. Напомним, что французские эксперты установили цифру в 10,5 млрд франков, советские — в 9 млрд франков.

Официальных французских учреждений, связанных с русским долговым вопросом, было два: «Комиссия Дальбьеза» и «Комитет Доссэ». «Комиссия Дальбьеза» была образована летом 1924 г. после прихода к власти кабинета Эррио. Ее задачей было решение долгового вопроса, но без ущемления «жизненных интересов Франции», в условиях дипломатического признания СССР, входившего в предвыборную программу «Левого блока». Фактически, это был постоянный орган для переговоров с Советской Россией. «Комитету Доссэ», созданному в феврале 1925 г., были присвоены права официального органа экспертизы при учреждениях и лицах, уполномоченных вести переговоры по долгам. Сам Доссэ являлся членом бюджетной комиссии Сената. В состав комитета были включены компетентные специалисты по «русскому вопросу» от министерств иностранных дел, юстиции, финансов, торговли⁴⁹. «Комиссия Дальбьеза» и «Комитет Доссэ» были организациями, на которые возлагалось решение долговой проблемы.

Шансы на успех предстоящей конференции оценивались французской стороной очень сдержанно, тем более что выплата долга прочно увязывалась советской стороной с кредитной проблемой. Москва же более оптимистично смотрела на переговоры. Раковский считал, что личные отношения, поддерживаемые им с кругами, близкими к французскому правительству, помогут успешно завершить конференцию. Об основе его политики ведения переговоров говорит следующая фраза, в которой были тонко проставлены акценты: «Базой для предстоящих переговоров должен явиться не тот или иной спорный вопрос, каким является вопрос о долгах, а бесспорные общие интересы, одинаково ощущаемые обеими сторонами»⁵⁰.

Франко-советская конференция начала свою работу 25 февраля 1926 г. Раковский привез с собой в Париж экспертов и советников по техническим и экономическим вопросам. Среди них были такие известные деятели, как Томский, Пятаков, Преображенский. Позиция французской стороны была высказана главой французского правительства А.Брианом. Он отметил, что целью переговоров является не

только восстановление экономических связей, но и решение спорных вопросов, важных для держателей облигаций русских займов. Сенатор де Монзи, поддержав Бриана в вопросе о долгах, высказался также за возобновление договоров о торговле. В ответной речи Раковский продолжает смещать акценты на «реалистическое» мышление, которое помогло бы продвинуть вперед работу конференции и наконец достигнуть результатов, в коих заинтересованы обе стороны. Видимо, де Монзи, хорошо зная Раковского, не был удивлен такой речью, т.к. незадолго до этого сказал, что Раковский является «искусственным знатоком как экономики Франции, так и психологии французов, которому не было необходимости изучать роль чувств в принимаемых латинским рассудком решениях»⁵¹.

По вопросу о долгах Х. Раковский отметил, что Советская Россия уже в 1918 г. готова была найти решение долговой проблемы. В целом его высказывания были очень осмотрительны и содержали рассуждения о мелких держателях, требования которых надо удовлетворить⁵². Премьер-министр А. Бриан поддерживал идею Раковского об изыскании чисто практических подходов к решению проблемы держателей русских ценных бумаг. Однако сложность, по его мнению, состояла в том, что советская сторона не желала разделять вопросы долгов и кредитов, предоставление которых было почти невозможным из-за финансового состояния Франции. Переговоры продвигались вперед медленно, хотя их позитивный характер вселял надежду на успех. Несомненно, значительную роль в этом играли как личные контакты Раковского с представителями французской стороны и его дипломатический талант, так и объективное желание «Левого блока» — Аристида Бриана, де Монзи, Жозефа Кайо — прийти наконец к соглашению.

К июню 1926 г. проект финансового соглашения Советской России и Франции выглядел следующим образом. Царские довоенные долги должны были выплачиваться в течение 62 лет ежегодными взносами по 40 млн золотых франков, но при трех условиях. Первым было снижение общей суммы долгов на 25%, что соответствовало уменьшению российской территории после войны. Вторым условием являлось предоставление частичного моратория с тем, чтобы выплаты начались с конца третьего года. Третьим — и главным — условием было решение проблемы кредитов. Министр финансов Кайо считал, что о последнем возможно будет договориться, если советское правительство предоставит в качестве гарантий свою нефть⁵³. Эту идею Кайо не раз высказывал в статьях, опубликованных во французской прессе. Вопрос о нефтяных поставках стоял для французского правительства очень серьезно. Американская нефть была дорогая, во всяком случае, советская могла обходиться французам значительно дешевле. Кроме того, Франция, получив российскую нефть, могла бы освободиться от диктата английских и американских нефтяных компаний. С учетом таких обстоятельств понятно, почему предложения Раковского о регулярных поставках нефти вызвали интерес. Дипломат даже спросил у министра финансов Кайо, в какой степени можно было бы монополизировать

торговлю нефтью во Франции, став «поставщиком французского правительства»⁵⁴.

В проекте финансового соглашения предполагалось в течение трех лет (т.е. до 1929 г.) предоставить СССР кредиты на сумму 225 млн американских долларов, из которых 75 млн — чистой валютой, а 150 млн — под размещение во Франции заказов на оборудование для строящихся в Советской России металлургических, электротехнических, химических, бумажных, текстильных, горных и пищевых предприятий⁵⁵.

Для России такое финансовое соглашение имело огромную ценность. В случае успеха оно могло побудить к заключению подобных соглашений другие западные страны. Кроме того, соглашение с Францией решало бы проблемы поставок иностранного оборудования для индустриализации страны. Однако конкретного ответа на кредитные предложения французы не давали. Это вызывало недовольство советского правительства, возложившего ответственность за такую позицию Франции на Х.Раковского. Сообщения подобного рода появились во французской печати⁵⁶.

На самом деле советской и французской сторонам в первый раз за многие годы удалось найти компромиссы и по вопросу царского долга, и по проблемам кредита. 16 июля 1926 г. газета «Ла Волонте» выразила надежду, что соглашение будет достигнуто, подчеркивая «разумную настойчивость такого сильного участника переговоров, как Раковский»⁵⁷.

Проект финансового соглашения, изложенный выше, был окончательно обсужден 15 и 16 июля. Политическая ситуация складывалась благоприятно. 17 июля правительство Бриана — Кайо было смещено, и Эдуарду Эррио было предложено сформировать новый кабинет. Для Раковского это означало успех, тем более что министром финансов был назначен де Монзи, с которым Раковский имел прекрасный контакт. Новый министр готов был ратифицировать проект урегулирования финансовых проблем. Однако соглашение ждала новая неудача. 21 июля 1926 г. кабинет Эррио — де Монзи был смещен. К власти вернулся выражавший интересы правых буржуазных партий Р.Пуанкаре. Он занял два поста: премьер-министра и министра финансов. Пуанкаре сразу взял под контроль переговоры, хотя де Монзи, не получивший министерского поста, как и Эррио, оставался председателем франко-советской конференции. В таких условиях де Монзи предложил отложить дальнейшее обсуждение и прервать конференцию до конца парламентских каникул, т.е. до 15—20 октября. Однако возобновить свою работу она смогла только в марте 1927 г.

Приход к власти правых сил осложнил ситуацию, однако они не отказались от продолжения конференции даже после того, как Великобритания 27 мая 1927 г. разорвала дипломатические отношения с СССР. Когда Чичерин в мае прибыл для продолжения финансовых переговоров в Париж, министр иностранных дел А.Бриан заявил о том, что Франция «ничем не связана, имеет свою собственную русскую политику, не присоединится в этом конфликте к Англии»⁵⁸.

По сравнению с «левыми», правый блок занял более жесткую позицию в отношении долгов. В то же время разрыв между Лондоном и Москвой вынуждал советскую сторону идти на уступки. Ей пришлось урегулировать проблему царских долгов, обязуясь выплатить Франции 62 годовых взноса в размере 60 млн золотых франков каждый (советский меморандум от 25 марта 1927 г.). Французская сторона согласилась рекомендовать правительству предоставить России заем. Весной 1927 г. называлась цифра в 225 млн долларов. Одновременно было заявлено, что рассмотрение проблемы кредитов возможно только после решения долговой проблемы. Так как ситуация не менялась, в апреле 1927 г. Раковский предпринял попытку обратиться к мелким держателям ценных бумаг «через голову» французского правительства, опубликовав результаты переговоров в газетах «Эвр», «Пти паризьен», «Юманите»⁵⁹. Этим он хотел показать, что зло исходит не от Москвы, а от Парижа. Но его шаги не дали желаемых результатов, а ситуация все ухудшалась.

В конце июля 1927 г. де Монзи вынужден был официально сообщить Раковскому о позиции Пуанкаре, который возобновлял обсуждение вопроса национализированного в России французского имущества и проблемы военных долгов. В вопросе о новом кредитовании Пуанкаре также занял бескомпромиссную отрицательную позицию. Таким образом, чисто «практическое решение» долговой проблемы, предлагаемое Раковским — Брианом, опять уступило место рассмотрению комплекса неразрешимых спорных моментов. И все же неверно было бы искать причины провала конференции только в позиции французской стороны.

В Москве шла острейшая политическая борьба, касавшаяся программы действий советского правительства и методов, используемых для достижения целей. Образовались два непримиримых лагеря Сталина и Троцкого. Не вдаваясь глубоко в идеологические споры между сталинским руководством и троцкистской оппозицией, т.к. это выходит далеко за рамки изучаемой проблемы, заметим лишь следующее.левой оппозиции была близка идея строить социализм через нэп при широких связях с Западом. Для научно обоснованной, опирающейся на хозрасчет индустриализации был необходим крупный, в данном случае французский, заем. Основной же идеей Сталина было удержаться у власти, создав атмосферу «осажденной крепости», изоляции СССР от Запада⁶⁰.

Как писал Троцкий Раковскому, Сталину меньше всего нужны были кредиты — ему надо было любой ценой, даже путем предательства государственных интересов, дискредитировать «троцкизм» и «троцкистов». Поэтому с марта 1927 г. Сталин пытался сорвать соглашение, посылая Раковскому противоречивые директивы. Советуя «бороться за каждый франк», он одновременно организует утечку секретной информации к французским корреспондентам, что, по словам Троцкого, являлось «прямым приглашением по адресу французской буржуазии: нажимай дальше»⁶¹.

Последний решительный шаг был сделан Раковским 21 сентября 1927 г. Соглашаясь на 62 годовых взноса по 60 млн золотых франков с

целью урегулирования вопроса о довоенных займах, он сократил сумму кредитов с 225 млн до 120 млн долларов. Гарантией выплаты долгов становилось обязательство депонировать в одном из банков Франции в качестве предварительного взноса 30 млн золотых франков, которые могли выплачиваться держателям сразу после ратификации соглашения о долгах и кредитах⁶².

Чувствуя возможный успех переговоров троцкиста Раковского, Сталин переворачивает ситуацию «с ног на голову». В «Известиях» публикуются секретные материалы переговоров за 1924—1927 гг., которые фактически дезавуируют полпреда. Они сопровождаются комментариями о том, что троцкист № 2 Раковский продает французским империалистам первое в мире пролетарское государство⁶³. Таким образом, в России создается прекрасная база для срыва переговоров. Во Франции, в свою очередь, назревает скандал между партнерами по переговорам: противники советско-французского урегулирования объявляют правительство Франции «двуличным», «продавшимся большевикам».

Обстановка во Франции обостряется еще одним обстоятельством. 22 сентября в журнале «Эроп нувель» при содействии Раковского также публикуются материалы переговоров⁶⁴. Выражая готовность депонировать 30 млн франков и соглашаясь на сокращенный почти вдвое кредит в 120 млн долларов, советская сторона делает попытку непосредственно воздействовать на мелких держателей, давая им понять, что долговая проблема с советской стороны вполне разрешима. Такой метод воздействия на держателей ценных бумаг, естественно, не понравился Пуанкаре. Кроме того, его возмутила параллельная революционная деятельность Раковского, подписавшего декларацию троцкистской оппозиции. В ней содержались призывы к «каждому честному пролетарию капиталистических стран бороться за поражение своего правительства», каждому иностранному солдату предлагалось переходить на сторону Красной Армии⁶⁵. Такие призывы вкупе с обращением к мелким держателям русских ценных бумаг расценивались Пуанкаре как прямое вмешательство во внутреннюю политическую жизнь страны. И такие призывы были подписаны послом!

Французская пресса реагировала очень бурно. Кампания против Раковского превратилась в антикоммунистическую кампанию. Газета «Ле Тан» призывала вести целенаправленную антикоммунистическую политику. Невозможно сохранить дипломатические отношения с Москвой и в то же время бороться во Франции против коммунизма — в этом заключался основной смысл одной из ее статей⁶⁶. Еще до публикации секретных материалов, 10 сентября в газетах было опубликовано официальное сообщение о целесообразности отзыва советского посла.

В обострившейся ситуации спасти русско-французскую конференцию по долгам и кредитам было почти невозможно. Пуанкаре 23 сентября заявил, что вопросы долга и кредитов — это лишь два пункта в программе конференции и все они должны решаться в комплексе. Кампания за высылку Раковского из Парижа разворачива-

лась все сильнее во второй половине сентября — начале октября 1927 г. Французский исследователь Ф.Конт пишет, что несколькими французскими газетам было заплачено за то, чтобы они добивались изгнания советского посла из Франции⁶⁷. Причиной этому были постоянные предложения советской стороны обеспечением кредитов считать русскую нефть. Де Монзи также попытался еще раз обратить внимание на дешевую русскую нефть, дав интервью газете «Петит Жиронд»⁶⁸, однако ситуацию не спас. Кампания против «слишком предприимчивого посла» умело подогревалась англосаксонскими нефтяными магнатами, хотя она, конечно, явилась не единственной причиной его высылки. Правые французские газеты в основном возмущались его «коммунистической пропагандой», «антифранцузской деятельностью», «призывами к дезертирству» и т.д.⁶⁹ Левая пресса протестовала.

Конечно, вопрос высылки Раковского был лишь ядром большой проблемы сохранения или разрыва дипломатических отношений с СССР. Долги и кредиты играли здесь одну из основных ролей в ориентации тех или иных сил. Итак, за разрыв дипломатических отношений выступали, прежде всего, французские монополии, тесно связанные с англо-американскими нефтяными трестами. В числе основных сторонников разрыва можно назвать крупного французского финансиста Франсуа Марсаля, имевшего тесные деловые контакты с сэром Генри Детердингом, президентом компании «Ройал Датч Шелл». Их не привлекала перспектива появления на рынке дешевой русской нефти. Поддерживая в прессе кампанию за высылку Раковского, они тем самым способствовали и срыву соглашения о долгах.

За разрыв франко-советских отношений выступали крупные газеты, такие как «Журналь де Деба», «Ордр». Эти газеты контролировало крупнейшее объединение французской металлургии «Комите де Форж». К тому же лагерю примыкали «Юньон де зэнтере экономик» («Союз французских промышленников») и его печатный орган — газета «Авенир», миллионер-парфюмер Коти и его газета «Фигаро», «Католическая лига» и ее газета «Эко де Пари». В то же время 1,5 млн держателей облигаций русских займов не были заинтересованы ни в разрыве отношений с СССР, ни в прекращении переговоров о долгах, особенно в обстановке, когда советская сторона пошла на значительные уступки и информация о переговорах стала достоянием гласности⁷⁰. Редакции французских газет получали многочисленные письма от держателей русских ценных бумаг, требующих принятия советских условий.

Но спасти ситуацию оказалось невозможно. Раковский был выслан, а соглашение о долгах и кредитах было сорвано. (Его дальнейшее серьезное обсуждение продолжилось лишь в годы перестройки (1986 г.).)

Почему же проблема долга так и не была решена? В советской историографии вина традиционно возлагалась на западных партнеров. Отчасти с этим можно согласиться, т.к. правый блок «Национального единения» Р.Пуанкаре занял значительно более

жесткую позицию, чем «левый картель» Эдуарда Эррио. Всплыли прежние вопросы о военных долгах и национализированном большевиками имуществе, что сразу переводило переговоры с практических позиций на рельсы давних теоретических разногласий. И хотя правый кабинет Пуанкаре после разрыва дипломатических отношений между Англией и СССР заявил о своей самостоятельной «русской политике», продолжать переговоры стало значительно труднее.

С другой стороны, советские верхи, несмотря на официальные заявления о желании скорейшего завершения переговоров, по сути дела, не стремились к этому. Скорее наоборот. Преследующий свою основную цель — окончательный захват власти — Сталин не нуждался в крупном французском займе, т.к. научно обоснованная индустриализация выдвигала на первый план образованных интеллигентов. Последние, будучи в авангарде, представляли реальную угрозу его власти, опирающейся на изоляцию от Запада и страх перед образом врага. Срыв переговоров для Сталина был важен и с «теоретической» точки зрения. Он подчеркивал несостоятельность «левой оппозиции», к которой принадлежал и Раковский, в ее желании сотрудничать с капиталистическим Западом. Действительно, левая оппозиция, как уже было сказано выше, стремилась реализовать ленинскую «стратегию движения к социализму» через нэп, установив тесные взаимовыгодные финансово-экономические связи с Западом⁷¹. Руководствуясь этой основной идеей, Раковский вел переговоры, старательно связывая воедино царские долги и новые кредиты для Советской России. Казалось, благодаря его таланту дипломата и широким личным контактам, компромисс был почти достигнут, лишь перечисленные внешние факторы помешали этому соглашению. На самом деле свою роль сыграли еще и глубокие внутриполитические причины. Для Раковского переговоры не были лишь дипломатическим актом — в обстановке острейшего внутрипартийного конфликта они становились для него частью борьбы за свою идею. Он не скрывал свою идеологическую позицию активного революционера, практически игнорируя несовместимость такой роли с дипломатической деятельностью. Увлеченный революционными идеями, он твердо стоял на позициях классовой борьбы, неизбежности мировой революции, невозможности сосуществования двух форм общества — капиталистической и пролетарско-революционной и т.д.

Такую линию поведения определяло противоречие, которое существовало в сознании самого Раковского и левых оппозиционеров. Оно мешало им строить четкую программу. С одной стороны, они собирались строить новое общество и поднимать экономику, взяв новые кредиты, закупив технологии, привлекая иностранных инвесторов в Россию. Исключительное значение при этом они придавали иностранным концессиям, рассчитывая с их помощью индустриализовать Россию. С другой стороны, в надежде на успех своего революционного влияния в капиталистических странах, они заведомо разрушали тот мир, с которым собирались сотрудничать и на помощь которого возлагали надежды.

Противоречия существовали и в головах французских политиков, лояльно настроенных к Советской России и ориентированных на сотрудничество. С одной стороны, переговоры давали надежду на погашение долгов и развитие экономического сотрудничества, а следовательно, широкие возможности в освоении русского рынка. С другой стороны, возникал вопрос: не слишком ли высокой будет плата за эти выгоды — укрепление экономики государства, сама идея которого могла изнутри уничтожить твою собственную страну? А возмущившие французских политиков призывы к революционным выступлениям не нравились и тем, кто симпатизировал Раковскому. Де Монзи серьезно начинало беспокоить влияние коммунистической идеи во Франции и ее колониях: Индокитае, Алжире, Марокко и Сирии. В апреле 1927 г. он был информирован о том, что службы «Сюрте Женераль» следят за шпионской организацией, руководимой Советами. Де Монзи поделился своими тревогами с Кайо. Оценивая ситуацию, они опасались непредвиденных последствий распространения коммунистической идеи, а следовательно, в глубине души отступали, неуверенные в необходимости соглашения. Так факторы внешнего и внутреннего порядка помешали решить долговую проблему, может быть, в то время объективно неразрешимую при таких диаметрально противоположных идеологических позициях. Будут ли современные условия более удачной базой для переговоров?

Примечания

¹ Витте С. Справка о том, как был заключен внешний заем 1906 года, спасший финансовое положение России. СПб., 1913. С. 3, 45.

² Любимов Н.Н. СССР и Франция: Франко-русская финансовая проблема в связи с международной задолженностью. Л., 1926. С. 4—5.

³ Там же. С. 6.

⁴ Документы внешней политики СССР. Т. II. М., 1962. С. 601.

⁵ Там же. С. 58—61.

⁶ Там же. Т. III. М., 1962. С. 100.

⁷ Там же. Т. IV. М., 1962. С. 164.

⁸ История дипломатии. Т. 3. М., 1945. С. 164.

⁹ См.: Боголепов Н.И. Европа во власти кризиса 1920—1922 гг. СПб, 1922.

¹⁰ Пасвольский Л. и Моультон Г. Русские долги и восстановление России. М., 1925. С. 11—12.

¹¹ Там же. С. 15, 12.

¹² Histoire des Relations Franco-soviétiques. 1924—1974. Assosiation Franco-URSS. Paris, 1974. P. 10.

¹³ Цит. по: Борисов Ю.В. СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений. М., 1984. С. 19.

¹⁴ История дипломатии. Т. 3. С. 176

¹⁵ Известия. 12.8.1924 г.

¹⁶ Борисов Ю.В. Указ. соч. С. 20, 22, 23.

¹⁷ Документы внешней политики СССР. Т. IV. С. 497.

- ¹⁸ L'Information. 20.12.1923.
¹⁹ Idid. 10.10.1923.
²⁰ Le Temps. 22.12.1923.
²¹ Цит. по: Карпов Р.Ф. Признание СССР де-юре правительством Франции // Французский ежегодник. 1971 год. М., 1973. С. 208.
²² Известия. 11.1.1924.
²³ Там же. 20.1.1924.
²⁴ L'Humanite. 12.10.1924.
²⁵ The Daily Mail. 24.10.1924, 25.10.1924; The Times. 25.10.1924.
²⁶ The Daily Herald. 25.10.1924.
²⁷ См.: Известия. 29.10.1924; Правда. 29.10.1924.
²⁸ Эррио Э. Из прошлого: Между двумя войнами. 1914—1936. М., 1958. С. 258.
²⁹ Le Temps. 6.4.1925.
³⁰ La Lanterne. 10.6.1925.
³¹ Любимов Н.Н. Указ. соч. С. 7.
³² Там же. С. 10.
³³ Там же. С. 8.
³⁴ Конт Ф. Революция и дипломатия. Х.Раковский. Л., 1991. С. 207.
³⁵ Любимов Н.Н. Указ. соч. С. 13.
³⁶ La visite de M.Thicherine à Paris // L'Europe nouvelle. 5.12.1925. P. 1626—1627; также см.: Le Journal des debats. 14.12.1925; Le Temps. 19.2.1926; Известия. 2.2.1926.
³⁷ L'Europe nouvelle. 5.12.1925. P. 1627—1629.
³⁸ Конт Ф. Указ. соч. С. 198.
³⁹ Le Temps. 9.4.1926.
⁴⁰ Ibid. 10.4.1926.
⁴¹ Конт Ф. Указ. соч. С. 199.
⁴² Известия. 2.2.1926.
⁴³ The Times. 27.8.1925.
⁴⁴ Paris-Soir. 27.9.1925.
⁴⁵ Пасвольский Л. и Моультон Г. Указ. соч.
⁴⁶ La Lanterne. 10.6.1925.
⁴⁷ Финансовая газета. 27.3.1925.
⁴⁸ Любимов Н.Н. Указ. соч. С. 17.
⁴⁹ Там же. С. 14.
⁵⁰ Известия. 26.2.1926.
⁵¹ Цит. по: Конт Ф. Указ. соч. С. 366.
⁵² Le Temps. 26.2.1926.
⁵³ Конт Ф. Указ. соч. С. 210.
⁵⁴ Там же. С. 211.
⁵⁵ Борисов Ю.В. Указ. соч. С. 38—39.
⁵⁶ Sans fil. 15.7.1926.
⁵⁷ La Volonte. 16.7.1926.
⁵⁸ Документы внешней политики СССР. Т. X. М., 1965. С. 231.
⁵⁹ Конт Ф. Указ. соч. С. 224.

⁶⁰ Сироткин В. Х.Г.Раковский: Самый европеизированный из большевиков // Дипломатический ежегодник 1989 года. М., 1990. С. 408.

⁶¹ Там же. С. 409.

⁶² Документы внешней политики СССР. Т. III. С. 151—154.

⁶³ Известия. 22.9.1927.

⁶⁴ L'Europe nouvelle. 22.9.1927.

⁶⁵ Цит. по: Конт Ф. Указ. соч. С. 219, 223.

⁶⁶ Le Temps. 27.8.1927.

⁶⁷ Конт Ф. Указ. соч. С. 225.

⁶⁸ La Petite Gironde. 28.9.1927.

⁶⁹ Le Journal des debats. 4.10, 6.10.1927.

⁷⁰ Известия. 9.10, 20.10, 2.11.1927.

⁷¹ Сироткин В. Указ. соч. С. 404, 409.

М.Денцель*

Международная система безналичных расчетов и интеграция в нее Российской империи. Вклад в становление мировой экономики**

Введение

Система безналичных расчетов, безусловно, была одним из наиболее важных элементов интеграционных процессов в области торговли в контексте развития мировой экономики. Обслуживая торговые интересы как внутри Европы, так и за ее пределами, система безналичных расчетов — особенно в ее итальянском «варианте», связанном с обращением *переводных векселей на заграничные места (тратт)*¹, — способствовала беспрепятственному проведению расчетных операций между европейскими торговцами, поддержанию ликвидности в регионах, где не хватало драгоценных металлов как средств платежа, и, наконец, кредитованию европейской заморской торговли за счет фирм и банков, расположенных в Европе. Как следствие, система безналичных расчетов, по крайней мере частично, дополнила и вытеснила потоки драгоценных металлов, соединявшие страны и континенты в раннее Новое время. Именно поэтому это был ведущий фактор зарождавшейся в то время интеграции, который одновременно с развитием торговли постоянно расширял свое влия-

---

* Денцель Маркус — профессор (Университет г. Лейпцига (ФРГ); Университет г. Больцано (Италия)).

** В основе данной статьи лежит доклад в Центре экономической истории при историческом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова, сделанный в июне 2002 г. Я хотел бы поблагодарить профессора Л.И.Бородкина за любезное приглашение, а также Елену и Николая Лобановых за блестящую организацию моего первого визита в Россию. Также я чрезвычайно признателен доктору Клаусу У.Хахмайеру и магистру Александре Раак за их помощь в вопросах перевода, и, наконец, я должен поблагодарить Deutsche Forschungsgemeinschaft за финансирование поездки (*прим. авт.*).

Перевод с английского — Н.В.Бутурлин, редактор перевода — С.А.Саломатина. Перевод статьи подготовлен к публикации при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 04-01-00256 (*прим. ред.*).

ние на все бóльшие части Европы, а начиная с XVI в. — на весь мир. Безналичная платежная система была неотъемлемым элементом неразрывно связанных международной и межконтинентальной торговли, внесшим значительный вклад в возникновение мировой экономики и интеграцию различных регионов мира к середине XIX в. В то же время специальное изучение системы безналичных расчетов помогает уточнить детали этой интеграции, т.е. выделить различные стадии процесса, отражающие постепенное объединение экономических зон через регулярные безналичные сделки.

Первая часть статьи посвящена подробному рассмотрению процесса развития международной системы безналичных расчетов, для чего дается краткое изложение результатов новейших исследований по этому вопросу. Таким образом, я хотел бы выделить основные эволюционные стадии интеграционного процесса и, в прямой связи с этим, постоянное усиление экономических контактов внутри Европы, с одной стороны, и между европейской системой платежей и другими регионами — с другой. Во второй части будет описан процесс включения финансовых рынков Российской империи в международную систему безналичных расчетов. И, наконец, в третьей части работы я хотел бы подчеркнуть значение безналичной торговли для становления мировой экономики.

Система безналичных расчетов и ее развитие от Средних веков до 1914 г.

Интеграционные процессы в области международной системы безналичных расчетов можно понимать как последовательность нескольких стадий развития, которые не всегда могут быть явно отделены одна от другой, в том числе и потому, что зачастую отсутствуют соответствующие источники². В данном случае, с одной стороны, необходимо различать интеграцию регионального финансового рынка в конкретный период времени в европейскую международную систему безналичных расчетов, центр которой до конца XIX в. Европой и ограничивался. С другой стороны, речь может идти о связи регионального финансового рынка с международным финансовым центром. Эта связь является, главным образом, «предварительной стадией» и предпосылкой для интеграции регионального рынка переводных векселей (тратт) в существующие международные системы безналичных расчетов. Критериями этой интеграции являются: довольно обширная география мест, на которые котируются иностранные векселя на данном финансовом рынке; разветвленная сеть финансовых центров за рубежом, котирующих векселя на данный финансовый рынок, и, наконец, регулярные котировки во всех направлениях. Простая связь регионального финансового рынка с международным финансовым центром требует лишь (сравнительно) регулярных операций с переводными векселями между регионом и центром или другими регионами³.

Результаты данного исследования позволяют предположить существование, по крайней мере, двух основных типов интеграционного процесса. Первый характерен для Европы и ее периферии — Бал-

тийского региона (соответственно, Российской империи) и Леванта (соответственно, Османской империи)⁴. Второй тип интеграции наблюдается за пределами Европы, где на территориях, испытывающих влияние европейцев, постепенно распространялась европейская техника безналичных расчетов. В то время как в Европе интеграционный процесс начался с разработки техники безналичных расчетов в ходе так называемой торговой революции XII—XIII вв., за пределами Европы этот процесс сильно запоздал, начавшись не ранее конца XVIII в. Основные различия между двумя путями развития заключались в следующем. В Европе ядро интеграционного процесса находилось в Северной Италии, постепенно расширяясь на протяжении веков⁵. По мере того как интеграция затрагивала вексельные рынки, расположенные на периферии ядра, эти регионы становились частью международного финансового центра, который, таким образом, на первых порах расширялся в основном к северу и западу — в Англию, Францию, Нидерланды и на Пиренейский полуостров; затем, когда в XVI в. центр европейской экономики переместился к Атлантическому океану, интеграционный процесс переместился в основном на восток — в Германию, Прибалтику, Российскую и Османскую империи. В отличие от европейской модели, новые вексельные рынки неевропейской зоны XVII—XVIII вв. были, как правило, напрямую связаны с европейским центром, в особенности с Лондоном, Амстердамом или Парижем. Наряду с ядром системы международных расчетов, развивались и подсистемы — прежде всего, в Южной и Восточной Азии с Австралией, а также в Северной и Южной Америке, хотя их «члены» были гораздо менее тесно связаны друг с другом, чем с рынками, расположенными в европейском ядре.

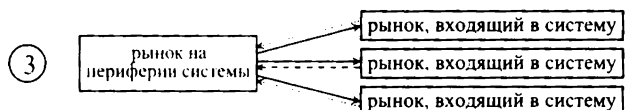
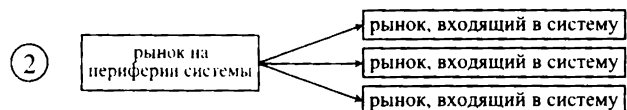
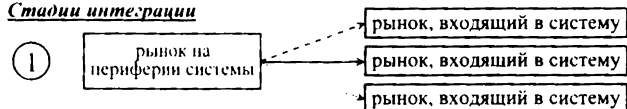
Интеграционный процесс в Европе

Интеграционный процесс, который Европа переживала в период со Средневековья до XIX в., может быть разделен на 4 стадии (Рисунок 1). *Стадия 1* соответствует средиземноморской системе безналичных расчетов XIV и XV вв., которая складывается к середине XIV в. Ядро системы, расположенное в Италии, было связано с Северо-Западной Европой, с восточным побережьем Пиренейского полуострова, Северной Африкой и Левантом (Рисунок 2). С точки зрения стадий интеграции, изображенных на Рисунке 1, финансовые рынки, расположенные в треугольнике с вершинами в Италии, на восточном побережье Пиренейского полуострова и в Северо-Западной Европе, были полностью интегрированы в систему (*стадия 5*), в то время как валютные биржи Леванта или Севильи были лишь более или менее тесно с нею связаны⁶.

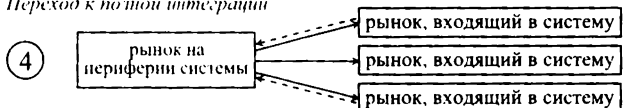
Стадия 2 связана с процессом смещения основного центра системы безналичных расчетов из зоны Средиземноморья к Атлантическому побережью. Он начался с европейской морской экспансии в XV в. и продолжался в XVI и начале XVII в. С конца XV в. страны и порты Атлантического побережья приобрели общеевропейское экономическое значение, поскольку они стали местом отправления и назначения

Интеграция в международную систему безналичных расчетов для европейских рынков иностранных векселей (тратт)

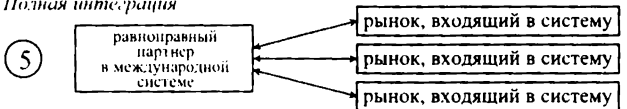
Стадии интеграции

Переход к полной интеграции

Полная интеграция

- регулярные вексельные операции
 - - - - -→ нерегулярные вексельные операции
 → отдельные вексельные операции

в мореплавании и транспортировке грузов. Атлантические регионы стали играть намного большую экономическую роль, чем в Средние века, не только из-за притока драгоценных металлов из Нового Света, но также благодаря португальской торговле пряностями и другими азиатскими ценными товарами. Однако итальянские купцы, преимущественно из Генуи и в меньшей степени из Флоренции, все еще преобладали в этот период в сделках как в купеческой среде, так и в некоторых случаях с правительствами государств того времени. Благодаря итальянским купцам, Севилья и Лиссабон стали одними из наиболее важных финансовых рынков Европы. Эти города вместе с кастильскими ярмарками были интегрированы в систему безналичных расчетов примерно к середине XVI в. Специализированные финансовые ярмарки в Кастилии, Лионе и «Безансоне»⁷ (или позднее в Пьяченце), на которых торговля деньгами почти полностью вытеснила торговлю товарами, составляли основу сети безналичных расчетов для всей Южной и Западной Европы (Рисунок 1, стадия 5)⁸. Помимо этой системы ярмарок, не только финансовым центром Северо-Западной

Направления* вексельных котировок по «Pratica della mercatura» и «Libro di mercatantie», около 1440–1450 гг.

* Имеются в виду котировки курса векселей с местом платежа в другом финансовом центре

Примечания.

Курсивом отмечены ярмарки
Более мелким шрифтом отмечены вексельные рынки, имеющие региональное значение

Очень тесные связи между итальянскими вексельными рынками невозможно изобразить на данной схеме

Концепция: М. Денцель. Дизайн: М. Вобринг, 1999.

Источник: Denzel M.A. La pratica della Cambiatura // Europäische Zahlungsverkehr vom 14. bis zum 17. Jahrhundert (Beiträge zur Wirtschafts- und Sozialgeschichte 58). Stuttgart, 1994. S. 529.

Европы, но также и финансовым рынком общеевропейского значения стал Антверпен. На основе «постоянного рынка» в Антверпене была учреждена фондовая биржа (1531 г.), которая заменила фондовый рынок в Брюгге. На Антверпенской фондовой бирже через котировку переводных векселей устанавливался курс валют почти для всех важнейших финансовых рынков, на которых проводились операции с переводными векселями⁹. Техника учета векселей¹⁰ и индоссамент¹¹, разработанная в Италии и усовершенствованная на Антверпенской бирже, сделала векселя ликвидными в небывалой до этого степени; банкиры более не нуждались в брокерах для вексельных операций, и выписывание нового векселя для каждой новой сделки перестало быть

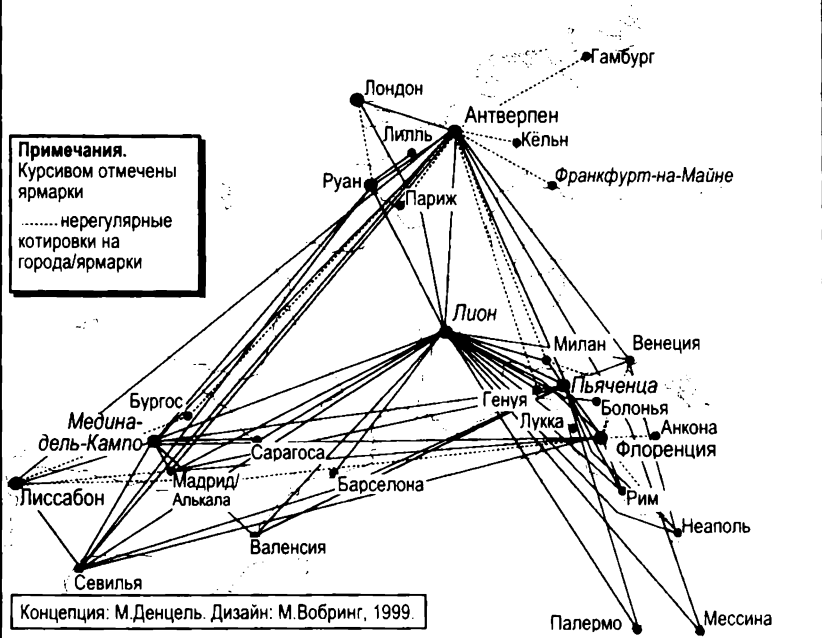
необходимостью¹². Треугольник, сформированный Нидерландами, Пиренейским полуостровом и Италией, составил основу европейской системы безналичных расчетов, с которой другие экономические регионы, особенно Англия, Ганзейский союз и, вполне возможно, Верхняя Германия, поддерживали все более тесные и устойчивые вексельные отношения. Средиземноморская, или, скорее, италоцентричная, географическая структура была разрушена, и все важные финансовые рынки в Южной и Западной Европе были интегрированы в новую систему. Таким образом, XVI в. был эпохой, когда система безналичных расчетов переориентировалась со Средиземноморского региона на Атлантику. «Итальянская модель» сохраняла свое доминирующее положение в течение «эры гемуэзцев» (Ф. Бродель). Возвышение Северо-Западной Европы стало возможным вследствие смещения экономического центра к Атлантическому региону, что позволило Северо-Западной Европе в течение XVII в. вытеснить Италию с ее традиционно ведущей позиции в платежной системе.

Для *стадии 3*, XVII—XVIII вв., характерна система безналичных расчетов, ориентированная на Северо-Западную Европу, с Амстердамом в качестве «мирового финансового центра». После 1620-х гг. ведущий регион европейской торговли, а также система безналичных расчетов перемещаются из Средиземноморья в Северо-Западную Европу. Ключевую роль в европейской торговле переводными векселями играли Северные Нидерланды и их торгово-финансовый центр — Амстердам, который в равной мере извлекал выгоду от деятельности новых финансовых институтов разных типов: с одной стороны, здесь функционировал рынок ценных бумаг, на котором велась торговля переводными векселями, с другой стороны, в городе действовал «Wisselbank», основанный на венецианской модели¹³, имевший собственную условную платежную единицу — «банковскую монету»¹⁴, используемую для операций объемом свыше 600 гульденов¹⁵. Таким образом, Амстердам был не только самым привлекательным, но также и наиболее безопасным финансовым рынком, о чем свидетельствуют котировки курсов векселей к 1630 г. из Амстердама на Венецию, Севилью, Лиссабон, Париж, Руан, Лондон, Антверпен, Лилль, Мидделбург, а также на ярмарки во Франкфурте-на-Майне, Нюрнберге, Гамбурге и даже Данциге¹⁶. География финансовых связей Амстердама показывает, что процесс внутриевропейской интеграции усилился во второй четверти XVII в. С этого времени установились более прочные и регулярные контакты с немецкими вексельными рынками, которые на протяжении XVI в. были связаны с финансовым центром преимущественно через итальянские центры, в частности Венецию, а теперь все чаще котировались в Северо-Западной Европе. Многочисленные «новые» вексельные рынки появились в Германском регионе в XVII и XVIII вв., например, Вена, ярмарки в Лейпциге, Бреслау и, наконец, Берлин¹⁷. Из-за голландских коммерческих интересов связи основных торговых центров Восточной Прибалтики, а также Архангельска с европейской системой безналичных расчетов стали укрепляться по мере того, как проживающие в этом регионе голландцы перешли к заключению

Направления* вексельных котировок Антверпена, Флоренции, Лиссабона, Лондона, Руана и ярмарок в Лионе, Медине-дель-Кампо и «Безансона» (в Пьяченце)

* Имеются в виду котировки курса векселей с местом платежа в другом финансовом центре

Источники: Denzel M.A. (Hrsg.) *Währungen der Welt IX: Europäische Wechselkurse vor 1620*. Stuttgart, 1995. S. 32; Denzel M.A. *La practica della Cambiatura*. S. 529.

финансовых сделок с родиной преимущественно на вексельной основе. Первые вексельные операции между Балтийским регионом и Северо-Западной Европой документально прослеживаются со второй половины XVI в.¹⁸, но до 1870-х гг. С.-Петербург был единственным пунктом в северо-восточной части Европы, полностью и постоянно интегрированным в международную систему безналичных расчетов. В целом Балтийский регион был в меньшей степени связан с центром системы безналичных расчетов, чем, например, Священная Римская империя. В Северо-Восточной Европе региональная подсистема безналичных расчетов сформировалась лишь в зачаточной форме, в то время как в Центральной Европе аналогичная система

была сравнительно более развитой и внутренне структурированной¹⁹. Османская империя и, соответственно, Юго-Восточная Европа были связаны с европейской системой безналичных расчетов в еще меньшей степени. Хотя отдельные вексельные котировки на финансовые центры в этой зоне встречаются с конца XVII в., налаживание связей османских вексельных рынков с Южной и Центральной Европой началось с 1780-х гг. В конце XVIII в. финансовые связи Салоник и Смирны с европейским центром могут быть отнесены к *стадии 3*, Константинополя — даже к *стадии 4* (Рисунок 1), соответствующей началу процесса полной интеграции. Вена, Ливорно, Генуя и Марсель занимали ключевые позиции в распространении европейской техники платежа в зоне Леванта. Первые признаки перехода к полной интеграции не были закреплены в течение XIX в. и даже сошли на нет в 1850-е — 1860-е гг.²⁰ Так же, как и для Балтийского региона, имеются свидетельства о развитии подсистемы финансовых связей внутри Османской империи лишь в зачаточной форме.

В Западной и Южной Европе также произошла интеграция нескольких «новых» финансовых рынков, хотя по сравнению с растущими регионами Центральной и Восточной Европы их было относительно немного. Среди прочих заслуживают упоминания Кадис, который сменил Севилью в качестве важнейшего испанского транзитного порта, Бильбао и Порту, затем Бордо и Марсель — оба были важнейшими транзитными портами для атлантической и средиземноморской торговли Франции в XVIII в. — и Копенгаген на границе между балтийской и атлантической зонами торговли. К этой группе также принадлежит Ливорно в Италии — свободный порт, ставший центром английской средиземноморской торговли и главным платежным посредником между Западной Европой и Левантом в XVIII в. В то время как эти финансовые центры, признанные на международном уровне, можно считать полностью интегрированными в мировую систему еще до середины XVIII в. (*стадия 5*), другие «новые» финансовые центры имели лишь региональное значение, и их развитие никогда не выходило за пределы начальных стадий процесса интеграции, располагаясь обычно в промежутке между *стадиями 2* и *4*. Тем не менее эти региональные вексельные рынки достаточно важны для развития региональных подсистем в Нидерландах (с Гентом, Брюсселем, Мидделбургом, Роттердамом), во Франции (с Монпелье), в Италии (помимо прочих, с Анконой, Бари, Лечче, Мессиной, Палермо), на Британских островах (с Дублином, Корком).

Стадия 4, характеризующая систему безналичных расчетов XIX в., ориентированную на Северо-Западную Европу с Лондоном в качестве «мирового финансового центра», началась с закатом Амстердама как торговой столицы на северо-западе Европы в XVIII в. Хотя Амстердам сохранял позиции ведущего финансового рынка в своем регионе и в Европе до французской оккупации (1795 г.), Лондон становится его сильным конкурентом уже ко второй половине XVIII в. Важными факторами этого развития были не только появившаяся в Великобритании банковская система современного типа, постепенный переход страны к золотому стандарту и последовательное

распространение безналичных расчетов в Лондоне и близлежащей округе, но также, помимо прочего, громадный рост английской торговли в Европе и за ее пределами и, наконец, начало промышленной революции. В Лондоне признавались в основном текущие вексельные курсы морских портов как «новых» вексельных рынков. В то же время расчеты с финансовыми рынками внутри страны в течение всего XVIII в. Лондон проводил через Амстердам, что было характерной особенностью статуса этих двух финансовых центров в мировой системе безналичных расчетов. После 1815 г. Лондон был безусловно важнейшим финансовым рынком в Северо-Западной Европе. В качестве центра ведущей промышленной и торговой державы мира Лондон неизбежно становится мировым финансовым центром и, следовательно, главным вексельным рынком²¹.

В эпоху после Наполеоновских войн континентальная Европа к западу от воображаемой линии «Стокгольм/Данциг — Венеция/Триест» в большой степени была интегрирована в международную систему безналичных расчетов. Российская империя была связана с этой системой через С.-Петербург, вошедший в нее с 1820 г., а также через Одессу, которая еще находилась в процессе интеграции (*стадия 3*, через Ливорно)²². Похожие тенденции наблюдались в Османской империи, хотя там ни один региональный финансовый рынок не дорос до стадии полной интеграции с европейской системой безналичных расчетов. В Европе лишь несколько «новых» региональных финансовых рынков еще находились в процессе интеграции с центром. Как и раньше, это были пункты, расположенные на периферии уже интегрированного региона: в первую очередь, Триест, который был свободным портом в XVIII в., а в XIX в. стал основным финансовым посредником между Габсбургской монархией и Левантом²³, а также Варшава, вытеснившая Данциг с позиции ведущего польского вексельного рынка²⁴. Броды в Галиции, расположенные недалеко от границы между Габсбургской и Российской империями, с начала XIX в. стали вексельным рынком регионального значения (*стадия 2*)²⁵. Кроме того, необходимо отметить Патры и Афины, связи которых с европейской системой начали налаживаться после обретения Грецией независимости (*стадия 2*), а также оккупированные англичанами Ионические острова (Корфу, Закинф и Кефалинию, примерно с 1815 г.) и Мальту (с 1809 г.)²⁶. На территории будущей Румынии торговые справочники тех лет упоминали в качестве центров операций с переводными векселями (*стадия 2*) Бухарест, валашский свободный порт Брэилу, молдавский свободный порт Галац и ярмарки в молдавских Яссах; лишь Вена котировала более менее регулярно в середине XIX в. только одну из них — Бухарест (*стадия 3*)²⁷. И, наконец, Берлин был признан мировым финансовым центром — Лондоном — и, таким образом, полностью интегрирован в международную систему безналичных расчетов (*стадия 5*) только во второй половине 1860-х гг.²⁸ Испанские города рангом ниже Мадрида, Кадиса и Бильбао: прежде всего, Севилья, Барселона, Сантандер, Малага и Валенсия (до 1880-х гг.), а также Гибралтар (1809—1833 гг.) — время от времени на несколько лет появлялись в

сводках вексельных курсов Лондона как «новые» вексельные рынки (места платежей по векселям). Как правило, эти города не продвигались дальше *стадии 3* в интеграционном процессе²⁹. Единственным исключением являлась развивающаяся столица Каталонии — Барселона, которая в качестве важнейшего испанского средиземноморского порта и промышленного центра стала международно признанным и полностью интегрированным в мировую систему финансовым центром. Векселя с местом платежа в Барселоне котировались на биржах разных городов Европы (*стадия 5*)³⁰.

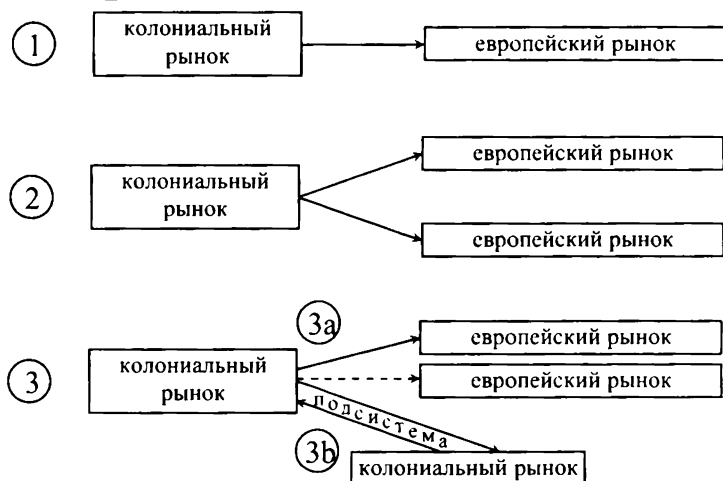
Другой характерной чертой этих десятилетий был нарастающий упадок и в результате исчезновение некоторых региональных звеньев мировой системы безналичных расчетов. Причины этого были разными. Введение английского фунта в Ирландии в 1826 г. вывело за пределы международной системы Дублин и Корт³¹. Другой причиной было перемещение торговых потоков, например, во Франции — от Бордо к Гавру, в Польше — от Данцига к Варшаве³². Из-за постепенной стандартизации валют в зоне Немецкого таможенного союза (*Zollverein*)³³ потеряли значение более мелкие центры вексельных операций в Центральной Европе, например, Аугсбург в пользу Франкфурта-на-Майне и Лейпциг — в пользу Берлина. Те же изменения можно наблюдать в Швейцарии после унификации валюты в 1850 г., где на первый план выходят Базель, Женева и Цюрих, в то время как Санкт-Галлен, Лозанна или Винтертур в лучшем случае сохраняют местное значение³⁴. С точки зрения развития безналичных расчетов, XIX в. примерно до 1870 г. можно, по существу, считать эпохой стагнации, что, тем не менее, следует рассматривать не как негативную тенденцию, а как признак высокой стабильности системы, сохранявшейся десятилетиями. Важнейшей ее чертой было активное взаимодействие ведущих финансовых рынков во главе с Лондоном.

Интеграционный процесс за пределами Европы до 1870 г.

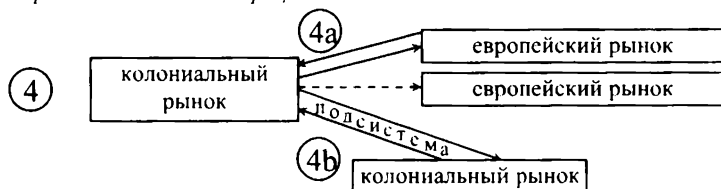
В неевропейских регионах мира системы безналичных расчетов развивались очень по-разному в зависимости от потребностей и коммерческой целесообразности. С началом европейской экспансии купцы и компании из Старого Света принесли в эти регионы технику безналичных сделок. Согласно Рисунку 4, интеграционный процесс за пределами Европы так же может быть разделен на пять стадий, которые, однако, отличаются от европейских. Сравнительно тесная связь с одним или несколькими европейскими финансовыми рынками являлась типичной чертой интеграционного процесса в неевропейских странах. При помощи европейских финансовых рынков, выступавших в качестве посредников, неевропейские страны могли заключать безналичные сделки с другими центрами в Европе. Еще одной характерной чертой этой системы было развитие подсистем, в рамках которых колониальные финансовые рынки могли поддерживать контакты между собой и вести безналичные расчеты, не обращаясь к европейскому посредничеству.

Интеграция в международную систему безналичных расчетов для европейских рынков иностранных векселей (тратт)

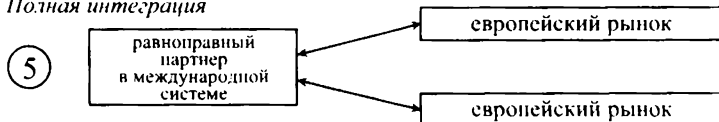
Стадии интеграции

Переход к полной интеграции

Полная интеграция

→ регулярные вексельные операции
-----> отдельные вексельные операции

Далее хотелось бы сосредоточиться на двух важнейших и интереснейших регионах неевропейского мира: Северной Америке и Юго-Восточной Азии³⁵. Из-за нехватки драгоценных металлов на Североамериканском континенте³⁶ система расчетов развивалась там

несколько по-иному. Со второй половины XVII в. вексельные сделки с Великобританией, особенно Лондоном, стали обычным способом финансирования трансатлантической торговли³⁷. «При операциях с векселями, местом платежа в которых указывалась метрополия, колонисты следовали европейским нормам и процедурам. Между Филадельфией и Лондоном векселя выписывались, представлялись к оплате и опротестовывались (в случае неплатежа) так же, как и между Амстердамом или, скорее, Дублином, и Лондоном»³⁸. Но как раз здесь и кроется основное отличие от Европы: вексельные сделки, как правило, проводились в одном направлении, т.е. векселя выписывались в американских колониях и оплачивались в Лондоне (*статья 1*), и редко — наоборот. Примерно с 1650 г. Бостон стал первым североамериканским вексельным рынком, затем за ним последовали Нью-Йорк, Филадельфия и, наконец, Балтимор, как «город-спутник Филадельфии»³⁹, отчасти также Новый Орлеан и Чарлстон⁴⁰. В вексельных операциях Тринадцати колоний* Лондон был, очевидно, основным партнером, но Бристоль, Ирландия, Шотландия и в некоторой степени Амстердам также участвовали в трансатлантических безналичных сделках. В XVIII в. «филадельфийцы стали главными банкирами для своего уголка мира»⁴¹. Сравнительно стабильный курс векселей с местом платежа в Лондоне вследствие расширения роли Филадельфии в торговле, а также увеличение прибылей и возможности для арбитражных сделок сделали Филадельфию «Амстердамом Нового Света»⁴² к концу колониальной эпохи⁴³.

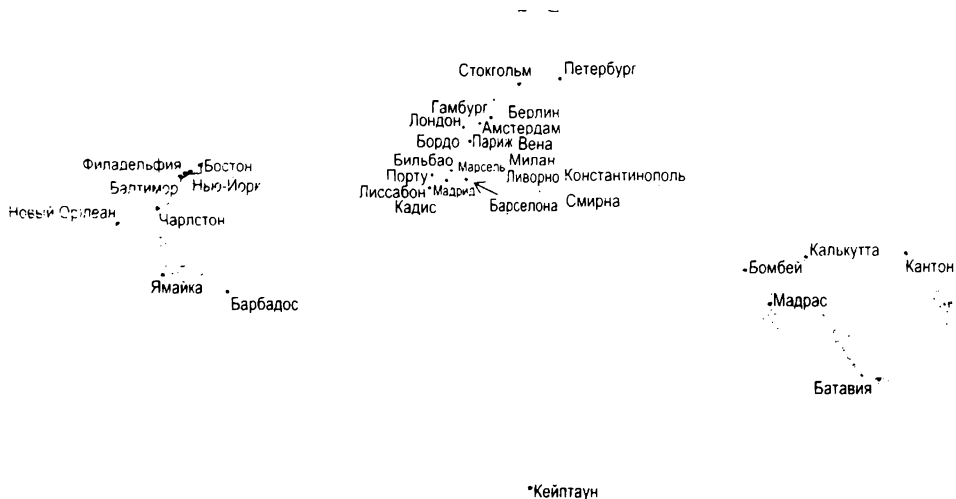
Если рассматривать все неевропейские страны, то связь с международной платежной системой к 1800 г. лучше всего была развита в независимых Соединенных Штатах Америки. К 1840 г. трансконтинентальные вексельные операции на Атлантическом побережье, которые в XVIII и в начале XIX в. все еще распределялись по разным финансовым центрам, стали все в большей степени концентрироваться в Нью-Йорке, ставшем ведущим вексельным рынком на Американском континенте. В Соединенных Штатах из числа других центров до конца Гражданской войны смог «дожить» лишь Новый Орлеан благодаря своему выдающемуся положению во внешней торговле. Кроме того, с началом «золотой лихорадки» в Калифорнии развивающийся Сан-Франциско стал финансовой столицей американского Запада. Все остальные города Соединенных Штатов — и также большинство канадских городов⁴⁴ — были частью внутриконтинентальной платежной системы⁴⁵. Внутриамериканские вексельные котировки дают информацию о распространении системы безналичных расчетов в Северной Америке. В начале существования США подсистема финансовых рынков, находящихся в процессе интеграции или уже интегрированных, безусловно, была основана на прежних связях. К середине XIX в. эта подсистема охватывала лишь Атлантическое побережье и прилегающие штаты Среднего Запада с Сент-Луисом в качестве самого восточного аванпоста и Детройта в качестве самого

* Колонии Англии в Новом Свете, которые после войны за независимость 1775—1783 гг. объединились, образовав Соединенные Штаты Америки (*прим. ред.*).

северного. Помимо Нью-Йорка, в конце XIX — начале XX в. важнейшими вексельными рынками в Северной Америке были Новый Орлеан, Бостон, Чикаго, Сент-Луис, Чарлстон, Саванна, Сан-Франциско и на некоторое время также Цинциннати и Монреаль⁴⁶. В то же время связи с Европой стали более тесными: за исключением Лондона, на атлантических вексельных рынках около 1800 г. котировались векселя с местом платежа в Амстердаме, Париже и/или Гамбурге. Точно так же в нью-йоркский лист регулярных котировок трансатлантических векселей вошли Антверпен, города Швейцарии, Франкфурт-на-Майне и Берлин⁴⁷.

В зону Индийского океана⁴⁸ безналичные расчеты принесла экспансия португальцев в XVI в.⁴⁹ В то время вексельные операции на итальянский манер в этом районе были невозможны, поскольку там проживало не так много европейцев, торговавших с помощью векселей, и до XIX в. азиатские торговцы не участвовали в европейской системе безналичных расчетов, основанной на доверии к векселю как к платежному инструменту. Как правило, азиатские торговцы очень редко принимали в качестве оплаты различные виды долговых обязательств. Когда Ост-Индские компании наладили здесь свою торговлю и платежи, безналичные сделки между отделениями компаний в Азии и правлениями в Европе стали более привычным делом⁵⁰. Начиная с конца XVII в. Калькутта, а также Мадрас и Бомбей стали основными британскими вексельными рынками в Индии. Как только Ост-Индская компания в Кантоне с 1761 г. начала использовать векселя для сделок с Европой и Индией, появилась региональная вексельная сеть, созданная европейцами в Азии в дополнение к прямым связям с Европой и сделкам в Индии. Калькутта и Кантон стали ядром европейской вексельной сети в Азии, простиравшейся от мыса Доброй Надежды до Японии и затем в XIX в. до Австралии и Новой Зеландии. Калькутта стала самым значимым вексельным рынком в поддерживаемой в первую очередь европейцами системе безналичных расчетов в зоне Индийского океана к концу XVIII — началу XIX в. Примерно до 1820 г. азиатская подсистема платежей, фактически налаженная Ост-Индской компанией, использовалась всеми европейскими участниками азиатской торговли. По сравнению с безналичными сделками в Европе, эти структуры во внутриазиатской платежной системе находились, конечно, в зачаточной стадии, и доля сделок внутри региона была сравнительно небольшой. В течение XIX в. вексельные рынки Юго-Восточной Азии наладили обширные связи с международной системой безналичных расчетов. Тем не менее эти рынки были полностью интегрированы в мировую систему лишь после Первой мировой войны. Юго-Восточная Азия характеризовалась большим числом вексельных рынков, с разной степенью интенсивности совершавших сделки с Европой, и все они постепенно объединялись в собственную азиатскую подсистему. Первая стадия этой внутриазиатской интеграции (Рисунок 4, *стадия 3b*) уже была достигнута к 1820-м — 1830-м гг., когда Калькутта, Мадрас, Бомбей и Кантон котировали векселя друг на друга. Калькутта, как «первая среди равных» в этой подсистеме, не нуждалась в котировке векселей на Кантон, который, в свою очередь,

Рисунок 5

Международная система безналичных платежей к 1775 г.:
финансовые центры и основные связи

Концепция: М.Денцель.
Дизайн: М.Вобринг, 1999.

0 1500 3000км

Источники: Währungen der Welt I, IV, VIII; McCusker J.J. Money and Exchange; Denzel M.A. Kolonialstädte.

зависел от общемировой системы безналичных расчетов. В дополнение к этому, Маврикий, Манила, Батавия, Коломбо и, возможно, после 1830 г. Сингапур были связаны с этой азиатской подсистемой, как и с Европой, через один или два финансовых рынка (Лондон, а также Мадрид, Амстердам или Париж). Около 1840 г. первая стадия развития вексельной сети в зоне Индийского океана, стадия формирования, скорее всего, была завершена. Индия с ее тремя интегрированными вексельными рынками, очевидно, играла большую роль в международных платежах, чем Восточная и Юго-Восточная Азия, которая располагала лишь одним интегрированным вексельным рынком и, в дополнение к этому, несколькими вексельными рынками, так или иначе связанными с мировой системой.

Последующее развитие было обусловлено открытием для торговли китайских и японских портов в результате заключения ряда международных договоров в середине XIX в. Через эти порты всего за несколько лет была налажена связь Центрального Китая и Японии с международной финансовой системой. В результате эти регионы также были интегрированы и в азиатскую финансовую подсистему. С середины XIX в. Шанхай приобрел международное значение в системе безналичных расчетов, с 1860-х гг. за ним последовала Иокогама. Тем временем Кантон в Южном Китае уступил свои позиции Гонконгу; более мелкие финансовые центры (Амой, Фучжоу и Кобэ) сохраняли лишь местное значение, будучи связанными только с азиатской подсистемой. В более широком географическом контексте в зоне Индийского океана в эти годы были установлены и другие финансовые связи, например, Кейптауна с Индией, Маврикия с Австралией, а также в отдельных случаях с Новой Зеландией. Особое значение имело установление транстихоокеанских вексельных отношений с Соединенными Штатами, первоначально Иокогамой (с Сан-Франциско с 1869/73 гг., с Нью-Йорком с 1873 г.). Стадия перехода к полной интеграции (Рисунок 4, *стадия 4*) началась в финансовых центрах Британской империи в Азии — Калькутте, Бомбее и Мадрасе, с 1862 г. — в Гонконге, Маврикии и Коломбо, затем с 1874 г. — в Шанхае, когда Лондон начал напрямую котировать векселя с местом платежа в этих финансовых центрах и внутрииндийская платежная сеть достигла достаточного уровня развития. Маврикий и Коломбо, вероятно, были интегрированы в азиатскую подсистему с середины 1870-х гг. Эта стадия, завершившаяся в начале 1880-х гг., характеризовалась значительным расширением азиатской вексельной сети через налаживание контактов с новыми вексельными рынками и их интеграцию в ядро финансовой сети региона, а также заметной интенсификацией вексельных отношений с Европой.

Последняя стадия интеграционного процесса до Первой мировой войны может быть охарактеризована — с учетом разных моделей кредитно-денежной политики — как эра золотого стандарта. Кроме того, для этой стадии было характерно слияние европейских и неевропейских путей развития: складывание единой мировой экономики стало теперь очевидным и в сфере безналичных расчетов. И хотя Европа оставалась ядром мировой системы, в нее была интегри-

рована Северная Америка с Нью-Йорком в качестве финансового центра. Европоцентричная система сменилась теперь двухполюсной атлантической системой. Когда на европейских финансовых рынках начали с 1870-х гг. котируются векселя на Нью-Йорк (среди прочих — в Париже в 1871 г., Бремене в 1873 г., Берлине в 1887 г., Цюрихе в 1890/98 гг., Копенгагене в 1899 г., Триесте в 1900 г., Стокгольме в 1907 г.)⁵¹, процесс перехода от связи с международной платежной системой к интеграции в нее был завершен: к рубежу веков Нью-Йорк стал первым равноправным партнером в системе безналичных расчетов за пределами Европы.

Мировая система безналичных расчетов в эпоху золотого стандарта (1870-е гг. — 1914 г.)

После 1870 г., вслед за введением национальных валют в Италии и Германии⁵², а также с появлением национальных центральных банков⁵³, изменилась географическая структура финансовой системы на Европейском континенте. В результате некоторые вексельные рынки в Европе стали ненужными. Вследствие двух вышеуказанных нововведений отделения национальных банков теперь могли предоставлять финансовые услуги по всей стране. В результате вексельные курсы финансовых центров внутри стран, имевших центральные банки, располагавшиеся, как правило, в столицах, стали в обязательном порядке указываться в официальных биржевых бюллетенях. Таким образом, с конца XIX в. число западно-, южно- и центральноевропейских вексельных рынков снизилось. Тем не менее распространение механизма золотого стандарта⁵⁴, появление телеграфного перевода⁵⁵, а также чекового обращения привели к интенсификации платежных операций между этими национальными финансовыми центрами.

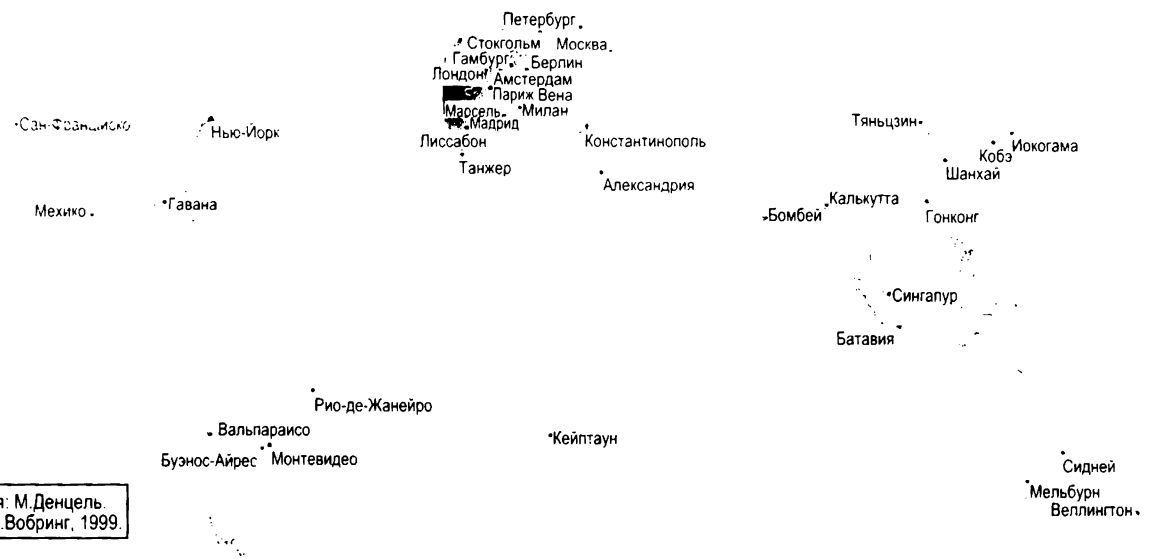
В дополнение к этому, «новые» вексельные рынки Европы или были полностью интегрированы в международную систему, или наладили с ней устойчивые связи. Так, швейцарские центры (Базель, Женева и Цюрих) стали полноправными членами системы с 1870-х гг. (Рисунок 1, *стадия 5*)⁵⁶; скандинавские центры (Стокгольм, Копенгаген, позднее также Христиания/Осло) находились в процессе интеграции с 1880-х гг. (*стадия 3* или *4*), в частности, при посредничестве Берлина. Даже Москва стала принадлежать к этой группе финансовых центров с 1893 г., когда Лондон — главный вексельный рынок Западной Европы — начал публиковать в своих биржевых сводках курсы векселей с платежом в промышленной столице Центральной России (*стадия 3*)⁵⁷. Кроме того, вексельные рынки недавно образованных государств Юго-Восточной Европы (с центрами в Белграде, Бухаресте и Софии) стали более тесно связанными с европейскими рынками с 1880-х гг. (*стадия 2*), однако до Первой мировой войны регулярно на них не котиrowались⁵⁸.

Другие экономические зоны — регион Индийского океана с Восточной Азией и Австралией, Латинская Америка, Африка, Левант с Ближним Востоком — до Первой мировой войны в основном не были интегрированы в эту зарождающуюся биполярную систему, но

они наладили более тесные связи с ее ядром⁵⁹. Увеличились регулярность и интенсивность вексельных котировок на неевропейских финансовых рынках, а также выросло число таких рынков. Финансовые центры, в которых во второй половине XIX в. были учреждены отделения европейских банков, специализировавшихся на внешнеторговых и вексельных операциях⁶⁰, котировали прежде всего векселя на Лондон, в меньшей степени — на Нью-Йорк, Париж и Гамбург. Кроме связей с европейскими финансовыми центрами, экономически сильные неевропейские зоны — от Восточной Азии до Америки — укрепляли внутренние финансовые связи; эти процессы шли, например, в рамках внутренней платежной сети (domestic exchange) в Северной Америке⁶¹, в зоне чрезвычайно интенсивных вексельных операций в треугольнике «Бомбей — Иокогама — Сидней», отчасти на Атлантическом побережье Латинской Америки и, наконец, в Леванте.

Насколько далеко могли распространяться подобные связи в последние годы XIX — начале XX в., можно показать на примере Юго-Восточной Азии, где в 1880-е гг. началась стадия консолидации, во время которой снизилось количество азиатских финансовых центров, котировавших Лондон; точно так же в Европе стали котироваться лишь несколько основных финансовых центров данного региона. В Индии Калькутта выполняла функцию главного финансового рынка, хотя там и не было центрального банка. Менее крупные транзитные порты (например, Порт-Луи на Маврикии) все более теряли значение для безналичных операций, по мере того как на первый план выходили прямые связи. В противоположность этому, «новые» финансовые центры на периферии азиатской платежной сети успешно налаживали связи с ее ядром, если им удавалось усилить свои экономические позиции благодаря «колониальному правлению». На рубеже веков этот процесс достиг апогея: Сингапур, Манила, Иокогама, Батавия, Сайгон, Бангкок и Ухань, т.е. все важные финансовые центры (которые могли быть указаны в качестве места платежа по переводному векселю. — *Прим. ред.*) в Восточной и Юго-Восточной Азии, вошли в региональную платежную сеть, равно как и Сидней с Мельбурном, главным образом потому, что к концу XIX в. заметно усилились их связи с Европой и США. Тем не менее еще не произошла полная интеграция азиатских финансов рынков в международную платежную систему. Векселя из этих центров с местом платежа в некоторых крупных городах Европы и США начали котироваться только после Первой мировой войны. Однако все большее значение финансовых рынков Восточной Азии (прежде всего, Гонконга и Иокогамы) по сравнению с индийскими стало заметно еще до 1914 г. Калькутта потеряла свое положение «первого среди равных» в азиатской системе: равнозначную ей позицию занял Гонконг. Это стало очевидным, когда к концу 1880-х гг. Калькутта начала котировать векселя на Гонконг. Кроме того, интеграция «новых» финансовых центров шла исключительно через Восточную Азию, в первую очередь через Гонконг, а с началом Первой мировой войны — все больше через Иокогаму. Таким образом, основной центр азиатской пла-

Рисунок 6
Международная система безналичных платежей к 1910 г.:
финансовые центры и основные связи

Концепция: М.Денцель.
Дизайн: М.Вобринг, 1999.

0 1500 3000км

Источники: Währungen der Welt I, II, IV, V, VII, VIII, XI

тежной сети наконец сместился из Индии в Восточную Азию, т.е. в Южный Китай и Японию.

Российская империя в процессе интеграции в международную систему безналичных расчетов

В отношении системы безналичных расчетов случай Российской империи является одним из наиболее интересных, поскольку это была часть Европы, хотя и расположенная на периферии системы. Вследствие этого процесс интеграции начался сравнительно поздно, и прошло более века до тех пор, пока лишь один финансовый рынок был полностью интегрирован в систему и стал частью ее ядра. Хотя первая котировка российской валюты в валюте голландской, по имеющимся свидетельствам, была проведена в Москве в 1540 г. и следующая — в 1633 г.⁶², до конца XVII в. нет данных о сколько-нибудь значительных операциях такого рода в России. Первоначально это были неофициальные котировки российской валюты в иностранной валюте для Центральной России, потому что «иностранные переводные векселя не могли иметь хождения в России, так как они не принимались к оплате во внутренней торговле и не существовало банковской сети для операций с ними»⁶³. В этом заключалась одна из причин, по которым векселя на только что основанный С.-Петербург не котировались зарубежными финансовыми центрами в течение десятилетий. В С.-Петербурге первая вексельная котировка была произведена на Амстердам в 1704 г., однако достаточной регулярности операций здесь не наблюдалось до 1740-х гг.⁶⁴ С окончанием Северной войны в 1721 г. Петр Великий «обеспечил становление своей новой столицы в качестве финансового центра империи. Операции с векселями начали производиться в торговом квартале на Васильевском острове, и связанные с этим правовые нормы и институты получили официальное признание»⁶⁵. Таким образом, использование векселя как платежного средства для внешнеэкономических операций с Российской империей постепенно «становилось нормой»⁶⁶.

В С.-Петербурге этот процесс поддерживался, с одной стороны, столичным статусом города, а с другой стороны, явно лучшим его географическим положением по сравнению с Архангельском, который был лишь экспортным портом. На это указывает тот факт, что срок иностранного векселя, выписываемого в столице, был на 10 дней меньше, чем в Архангельске (65 дней против 75), что объяснялось существенно более коротким морским путем в Западную Европу⁶⁷. Прежде всего, становление С.-Петербурга в качестве главного вексельного рынка России в XVIII в. явилось результатом его быстро развивавшихся торговых отношений с Северо-Западной Европой, в особенности с Нидерландами и Великобританией. Высокая степень вовлеченности голландцев в экономику Российской империи — первоначально через Архангельск — проявлялась также в системе безналичных расчетов, когда котировка на Амстердам оставалась доминирующей, если не единственной в С.-Петербурге к середине XVIII в. Даже когда в течение XVIII в. число английских купцов, участвовав-

ших в российской торговле и платежных операциях, стало увеличиваться, большая часть вексельных операций продолжала проводиться через Амстердам, поскольку британская торговля с Россией также финансировалась голландскими инвесторами на протяжении значительной части столетия. Несмотря на то что Нидерланды все более вытеснялись из торговли после 1740-х гг., «в 1750-е гг. было обычным делом встретить там (в С.-Петербурге. — *Прим. ред.*) векселя, выпущенные с местом платежа в Амстердаме и затем акцептованные⁶⁸ британскими купцами, используемые для финансирования расширяющейся английской экспортной торговли из России»⁶⁹. Котировки векселей с местом платежа в Лондоне становятся доступными в большем объеме не ранее 1760-х гг.⁷⁰ Начиная с этого времени существуют свидетельства регулярных прямых вексельных операций между С.-Петербургом и Лондоном, хотя некоторое время они, вероятно, были ограничены несколькими компаниями. Гамбург и Стокгольм также начинают играть роль в расширявшейся платежной сети С.-Петербурга⁷¹, хотя доказательства, что Гамбург являлся прямым партнером С.-Петербурга по вексельным операциям, появились лишь в конце XVIII в.⁷², а для Стокгольма таких свидетельств вообще не существует. Согласно торговым справочникам того времени, важность Гамбурга для системы безналичных расчетов российской столицы на рубеже XVIII—XIX вв. была связана, с одной стороны, с растущей нестабильностью амстердамского «Wisselbank» и, с другой стороны, со все большими колебаниями стоимости денежных переводов в Нидерланды и Англию, вследствие чего даже платежные операции между Россией и Англией часто проводились через Гамбург⁷³.

В то время как на сегодняшний день известна лишь одна вексельная котировка из Москвы за десятилетие 1805—1814 гг.⁷⁴, котировки векселей из С.-Петербурга на Лондон, Амстердам, Париж и Гамбург регулярно публиковались в «Hamburger Börsenhalle»⁷⁵ — прямое свидетельство высокого значения петербургского вексельного рынка для Гамбурга и всей Центральной Европы. После того как Лондон стал мировым финансовым центром в XIX в., С.-Петербург, как важнейший торговый город, тесно связанный с деятельностью английских купцов в Балтийском регионе, также получил статус главного финансового центра в этом регионе (тогда как центры, связанные с Амстердамом, в основном потеряли свои позиции). Это произошло примерно к 1820 г. Однако дальнейшего расширения географии вексельных котировок из С.-Петербурга не последовало. В лучшем случае торговые справочники того времени указывают, что, помимо четырех вышеупомянутых партнеров по вексельным операциям, в С.-Петербурге также периодически котировались Аугсбург, Вена и Триест, Константинополь и Смирна, Берлин, Бреслау и Лейпциг⁷⁶. Расширение листа котировок произошло, лишь когда в него были включены Берлин и некоторые города Бельгии⁷⁷. Эта тенденция сохранялась даже накануне Первой мировой войны. На протяжении XIX в. связи С.-Петербурга по операциям с иностранными переводными векселями были в основном ограничены зоной Северо-Западной Европы, но в случае необходимости проведения операций

с другими крупными финансовыми центрами Европы последние могли брать на себя функции обслуживания этих контактов, выступая одновременно в роли главных инвесторов для России.

Финансовые связи С.-Петербурга с другими крупными центрами операций с иностранными векселями в Российской империи не отражены в официальных листах котировок, хотя они, без сомнения, имели место и даже усиливались в изучаемый период. В XVIII в. такими центрами были, прежде всего, Архангельск⁷⁸ и Рига⁷⁹ и, кроме них, вероятно, Москва. В конце XVIII в. «Рига стала... международным банковским центром, связанным, в частности, с Амстердамом и Гамбургом, выполняя также роль международного платежного посредника для восточной рублевой зоны»⁸⁰. В XIX в. к этой группе присоединились Одесса, Варшава и Хельсинки⁸¹. Как правило, эти финансовые центры, так же как и С.-Петербург, котировали векселя с местом платежа за рубежом, однако они сохраняли лишь региональное значение в обороте иностранных векселей в Российской империи. В XVIII в. Архангельск проводил операции с иностранными векселями прежде всего с Амстердамом и Гамбургом (благодаря торговым отношениям с этими городами)⁸², тогда как Рига, сохранявшая столь же тесные контакты с Амстердамом и ганзейскими городами, функционировала как важнейший рынок иностранных векселей в Прибалтике. Так же как и котировки С.-Петербурга, рижские котировки публиковались в «Neue Hamburger Börsenhalle» до 1882 г., пока они не перестали интересовать немецких купцов⁸³.

Единственным финансовым центром для Юга России в течение по меньшей мере нескольких десятилетий в середине XIX в. являлась Одесса с ее торговым портом, которая была относительно независима от С.-Петербурга и являлась посредником в платежах между российскими центрами и Северо-Западной Европой, Италией, югом Франции, Габсбургской монархией и Османской империей, хотя к 1870 г. здесь котировались только иностранные векселя на Лондон и Марсель⁸⁴.

Как центр операций с иностранными векселями Москва была до второй половины XIX в. полностью в тени С.-Петербурга. Торговые справочники того времени сообщают, что до 1866 г. эти операции в Москве проводились в довольно скромном объеме и по большей части через С.-Петербург, а также через Одессу и Ригу. Прямых внешнеэкономических контактов при помощи операций с иностранными векселями в Москве не было, и поэтому, за редким исключением, нет информации о соответствующих котировках.

Только после появления частной банковской системы в России, и в частности в Москве (Московский Купеческий банк был основан в 1866 г., Московский Учетный банк — в начале 1870 г.), операции с иностранными векселями получили наконец-то основу для развития. В 1870 г. появилась официальная московская вексельная котировка. Московские векселя на заграничные места были дороже петербургских, однако теперь стало возможным напрямую проводить большую часть денежных переводов из Москвы за границу⁸⁵. Примечательно, что в 1893 г. Лондон был единственным расчетным центром, вклю-

чившим Москву как один из ведущих российских промышленных центров в свои биржевые бюллетени и регулярно котировавшим векселя на Москву, хотя и с некоторыми незначительными отличиями от векселей на С.-Петербург. Таким образом, с точки зрения британцев, накануне Первой мировой войны Москва стала российским финансовым рынком, равным по значению С.-Петербургу.

Значение системы безналичных расчетов для становления мировой экономики

Итак, каково было значение системы безналичных расчетов для зарождавшейся мировой экономики, или, скорее, для ее предшественника — мировой торговли? Здесь мы должны сосредоточиться на четырех аспектах данной проблемы.

1. Безналичные расчеты в сочетании с межконтинентальными потоками драгоценных металлов давали возможность как европейцам, так и неевропейцам финансировать международную торговлю и организовывать производство в колониях — например, создавать плантации. Необходимо отметить, что в XVI в. безналичные расчеты были еще довольно незначительны: наши источники говорят лишь о нескольких случаях, когда межконтинентальные сделки проводились с помощью тратт, возможно, вследствие пока еще высокого риска. Начиная с XVII в. значение тратт серьезно повысилось. В Азиатском регионе тратты были введены в обращение европейскими внешнеторговыми компаниями, а в Северной Америке популярность переводных векселей была обусловлена нехваткой драгоценных металлов как средства платежа. Во второй половине XVIII в. безналичные платежи стали постепенно замещать и даже вытеснять собой потоки драгоценных металлов в Азиатском регионе. Пересылка драгоценных металлов в международных расчетах до такой степени вышла из практики, что прекращение поставок серебра из Америки в начале XIX в. не могло серьезно повлиять на европейскую торговлю в Азии. Эта тенденция достигла максимального развития в эпоху золотого стандарта, когда тратты в валюте, обеспеченной золотом, особенно в фунтах стерлингов, выпущенные Банком Англии, находились в обращении наряду с настоящей валютой и им даже оказывалось предпочтение перед национальными валютами во многих заморских регионах. По этой причине современные исследователи любят говорить о *золотовалютном стандарте*⁸⁶. Таким образом, безналичные расчеты обеспечивали ликвидность в тех местах, где ощущалась нехватка наличных денег или драгоценных металлов или где потоки драгоценных металлов могли быть полностью или частично заменены средствами безналичного платежа. Эти тенденции имели решающее значение для зарождения и консолидации европоцентричной мировой торговой сети, а также для функционирования мировой экономики, основанной на международном разделении труда, примерно с середины XIX в.

2. Через безналичные расчеты растущая международная торговля и зарождавшаяся мировая экономика были неразрывно связаны с неформальными финансовыми сетями. По сравнению с пересыл-

кой драгоценных металлов в качестве средства платежа, торговля по безналичному расчету в большей степени зависела (и сейчас зависит) от взаимного доверия всех ее участников, будь они торговцами, владельцами плантаций или шахт, банкирами или чиновниками. Эта сеть частных лиц и институтов — банков, ведущих операции как в Европе, так и за ее пределами⁸⁷, — помогала оптимизировать и поддерживать в стабильном состоянии сложные финансовые связи в международной торговой сети.

3. В конце концов торговцы и банкиры стали предпочитать вексельную форму безналичных торговых расчетов всем прежним способам, связанным с пересылкой звонкой монеты. Джон Хорсли Палмер, эсквайр, управляющий Банка Англии, заявил на слушаниях специального парламентского комитета по делам Ост-Индской компании в 1832 г.: «Если бы у меня была возможность расплатиться векселем по тому же курсу, что и золотым слитком, я предпочел бы вексель пересылке слитка по причине гарантированности платежа по векселю, выписываемому в трех экземплярах»⁸⁸. К XIX в. безналичные операции между континентами были безопаснее пересылки драгоценных металлов, как и во многих областях Южной и Западной Европы со времен позднего Средневековья. Надежность этих операций в особенности возросла в конце XIX в. благодаря всеохватывающей европоцентричной сети банков, специализирующихся на внешнеэкономических операциях. Таким образом, возросшая безопасность расчетов, без сомнения, активно способствовала экономическому обмену между странами и континентами и, следовательно, вносила существенный вклад в развитие мировой экономики.

4. Наконец, скорость, с которой могли проводиться наличные операции, является еще одним аспектом, который нельзя недооценивать. Даже на протяжении значительной части XIX в. платежи на большие расстояния с помощью драгоценных металлов (наличных денег) и тратт занимали примерно одно и то же время, и в обоих случаях средства должны были перевозиться на корабле или сухопутным транспортом на одно и то же расстояние. Конечно же, в раннее Новое время попытки (весьма скромные) улучшить европейскую транспортную инфраструктуру сократили время доставки почты, но только появление новых транспортных средств в XIX столетии — парохода и железной дороги — привело к резкому сокращению времени транспортировки как драгоценных металлов, так и тратт. Если до XIX в. в индийско-европейской торговле было обычным делом ждать платежа по векселю от полугода до двух лет, то XIX в. в межконтинентальной торговле обращались двух- или трехмесячные векселя, а затем даже векселя, оплачиваемые по предъявлению, которые в конце концов влились в современный чековый оборот. Появление телеграфа сыграло решающую роль в стимулировании торговли по безналичному расчету: телеграфные переводы стали обычным делом между территориально удаленными регионами⁸⁹, например, в Лондон из Калькутты и Шанхая с 1878 г., из Нью-Йорка с 1879 г., из Гонконга с 1880 г., из Бомбея с 1883 г., из Иокогамы с 1894 г., из Австралии с 1906 г.⁹⁰ В частности, появление в нью-йоркских биржевых сводках

отдельной колонки для телеграфного перевода в Лондон с декабря 1879 г. и в Париж, Амстердам и Германскую империю с 1909 г. можно рассматривать как логичное экономическое следствие роста трансатлантической торговли и сделок (в основном, безналичных) между США и Европой. В эпоху телеграфа реакция на изменение курса на вексельном рынке стала делом часов и минут — и это происходило в мировом масштабе. «Примерно к 1880 г. телеграфное сообщение было установлено между основными мировыми финансовыми центрами, и затем эта система расширялась и качественно улучшалась, причем как время передачи телеграфного сообщения, так и связанные с этим затраты существенно снизились. К 1908 г. на линии Лондон — Нью-Йорк можно было послать телеграмму и получить ответ за 2,5 минуты. Более того, с появлением телефонной линии между Лондоном и Парижем в 1891 г. связь стала предельно быстрой и стабильной»⁹¹. Чем быстрее и надежнее становились средства коммуникации, тем быстрее можно было осуществлять все формы безналичных торговых сделок. Не стоит и говорить о том, что транспортировка драгоценных металлов не могла конкурировать с ними в новых условиях.

Заключение

Формирование мировой экономики — в том смысле, как это понимали немецкие экономисты со второй половины XIX в., — стало результатом европейской экспансии начиная с XV в., связанной с расширением экономических и политических интересов растущих европейских держав. С XVI в. можно говорить о мировых торговых путях («global traffic»), находившихся под управлением и влиянием европейцев. В это время купец мог путешествовать по всему миру, о чем свидетельствуют путешествия молодого флорентийца Франческо Карлетти (1573/74 — 1636) между 1594 и 1602 гг.⁹² К XVIII в. меж- и внутриконтинентальная торговля характеризовалась увеличением числа более прочных и все более интенсивных связей, что позволяет говорить о системе мировой торговли. Бесспорно, что финансовые потоки как часть мировой торговли являлись решающим фактором, поддерживающим экономические связи между континентами. Пересылка драгоценных металлов или их безналичного эквивалента, тратты, «создавала тесную торговую сеть, связывавшую обширные части известного тогда мира»⁹³. «В XVIII в. мировая торговля пережила колоссальное расширение, задолго до реального начала промышленной революции»⁹⁴. Таким образом, формирование мировой экономики на основе международного разделения труда, обусловленного промышленной революцией, стало вершиной развития, которое на самом деле началось за несколько столетий до этого.

Развитие мировой экономики в значительной мере поддерживалось различными новыми формами платежей. В частности, безналичный платеж можно рассматривать как основной катализатор развития мировой экономики до 1914 г. Безналичные расчеты развивались одновременно с диверсификацией европейских форм и методов платежа и формированием сети вексельных и финансовых

рынков во многих частях мира, имевших экономическое значение, а точнее, важных для торговцев. Это можно видеть на примере безналичных платежных сетей между Российской империей и Западной и Центральной Европой, а также между Восточной Азией и США. Накануне Первой мировой войны эта взаимосвязь на основе безналичной платежной сети и постоянных контактов между финансовыми рынками — Лондоном, С.-Петербургом, Москвой, Парижем, Берлином, а также Нью-Йорком — была столь прочной, что можно провести параллели с настоящим временем — «эрой глобализации». Интеграционный процесс в сфере безналичных операций обуславливал параллельное развитие различных частей мира и мировой экономики. Все более совершенная сеть вексельных и финансовых рынков, включавшая в себя один регион за другим, была способна предоставлять финансовые услуги все быстрее, во все большем объеме, все более широким слоям общества⁹⁵ и со все более низкими затратами на проведение операций. В итоге безналичная платежная система и методы ее организации внесли огромный вклад в интеграционные процессы, идущие в зарождавшейся мировой экономике на протяжении раннего периода глобализации.

Примечания

¹ Переводной вексель (тратта) — в самом общем виде письменное поручение одного лица другому уплатить третьему в известное время в известном месте определенную сумму денег. Вексель может храниться у кредитора до наступления срока платежа, а при определенных условиях может быть продан на финансовом рынке страны. Международные расчеты с помощью переводных векселей в самом общем виде имеют две схемы: 1) кредитор выписывает (трассирует) на своего заграничного должника вексель на сумму долга, выраженную в валюте страны должника, затем продает этот вексель у себя в стране; 2) заграничный должник покупает у себя на рынке и присылает из-за границы вексель (римессу) в валюте страны кредитора, должником по которому указана крупная фирма в стране кредитора, имеющая солидную репутацию. Данная фирма специализируется на международных расчетах, а потому выписывает и продает на рынок свои долговые обязательства (векселя), а затем их оплачивает предъявителям по наступлении срока платежа. Поскольку в международных расчетах переводные векселя выписываются на иностранную валюту, их курс по отношению к местной валюте всегда испытывает определенные колебания.

В российской исторической банковской терминологии тратту было принято называть «иностранном векселем на заграничное место». Это выражение, имеющее буквальные по структуре аналоги в других европейских языках, очень точно отражает специфику международных расчетов того времени: если речь идет о валютных курсах и валютных переводах в период до начала Первой мировой войны, и в особенности в эпоху до повсеместного распространения золотого стандарта, первичным понятием является не валютный курс, скажем, курс рубля к фунту стерлингов, а курс *тратты на заграничное место* (финансовый центр, финансовый рынок), например, курс трехмесячной *тратты на Лондон* из Петербурга. Именно эта техника расчетов при помощи векселей на заграничные места находится в центре внимания данной статьи (*прим. ред.*).

² Эта трактовка термина «интеграция» отличается от определения других экономических историков. Ср., напр.: Neal L. Integration of International Capital Markets: Quantitative Evidence from the Eighteenth to Twentieth Centuries // Journal of Economic History. 1985. № 45. P. 219—226; Idem. The Integration and Efficiency of the London and Amsterdam Stock Markets in the Eighteenth Century // Journal of Economic History. 1987. № 47. P. 97—115; Schubert E.S. Innovations, Debts, and Bubbles: International Integration of Financial Markets in Western Europe, 1688—1720 // Journal of Economic History. 1988. № 48. P. 299—306; Idem. Arbitrage in the Foreign Exchange Markets of London and Amsterdam during the 18th Century // Explorations in Economic History. 1989. № 26. P. 1—20; Boyer-Xambeu M.-T., Deleplace G., Gillard L. A la recherche d'un âge d'or des marchés financiers: Intégration et efficience au XVIIIe siècle // Cahiers d'économie politique. 1992. № 20/21. P. 33—65.

³ См.: Denzel M.A. Die Integration Deutschlands in das internationale Zahlungsverkehrssystem im 17. und 18. Jahrhundert // Wirtschaftliche und soziale Integration in historischer Sicht. Arbeitstagung der Gesellschaft für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte in Marburg 1995 / Schremmer E. (ed.). Stuttgart, 1996. S. 59s. Ср.: Idem. Die Integration ostmittel-, ost- und südeuropäischer Städte in die internationalen Zahlungsverkehrsverbindungen im 19. und beginnenden 20 Jahrhundert // Südost-Forschungen. 1996. № 55. S. 45—48; Idem. Die Integration der Schweizer Finanzplätze in das internationale Zahlungsverkehrssystem vom 17. Jahrhundert bis 1914 // Schweizerische Zeitschrift für Geschichte. 1998. № 48. S. 177—235.

⁴ Idem. Les places de change de la périphérie européenne considérées comme des enclaves territoriales: De l'association à l'intégration des marchés financiers dans le système de paiement par virements (bas Moyen Age — début du 20e siècle) // Les enclaves territoriales aux Temps Modernes (XVIe—XVIIIe siècles). Actes du Colloque de Besançon / Delsalle P., Ferrer A. (éds.). Besançon, 2001. P. 209—232 или на немецком языке с некоторыми дополнениями: Idem. Wechselplätze als territoriale Enklaven an der europäischen Peripherie: Von der Anbindung zur Integration von Finanzmärkten im System des bargeldlosen Zahlungsverkehrs (Spätmittelalter bis beginnendes 20. Jahrhundert) // Leipzig, Mitteldeutschland und Europa. Festgabe für Manfred Straube und Manfred Unger zum 70. / Zwahr H., Schirmer U., Steinführer H. (eds.). Geburtstag, Beucha, 2000. S. 545—560.

⁵ Idem. Wechsel, Wechsel, Wechselbrief // Lexikon des Mittelalters. Vol. VIII. 1997. Cols. 2086—2089.

⁶ Idem. La Practica della Cambiatura, / Europäischer Zahlungsverkehr vom 14. bis zum 17. Jahrhundert. Stuttgart, 1994. Chapters 3 and 4. Ср.: Pagnini della Ventura G-F. Della decima e di varie altre gravetze imposte dal commune di Firenze, Della moneta e della mercatura de' Fiorentini fino al secolo XVI. 4 vols. Lisbona, Lucca, 1765—1766. Vol. IV: La Practica della Mercatura scritta de' Giovanni di Antonio da Uzzano nel 1442; El Libro di Mercatantie et Usanze de' Paesi / Borlandi F. (ed.). Torino, 1936. Ср.: Leone A. Some Preliminary Remarks on the Study of Foreign Currency Exchange in the Medieval Period // Journal of European Economic History. 1983. Vol. 12. № 3. P. 619 - 629.

⁷ «Безансон» — центр совершения финансовых сделок в Европе в XV—XVI вв., кочующая ярмарка «без места», называлась по имени места зарождения, города во Франш-Конте, однако затем собиралась в разных городах. На ярмарке проводились операции с переводными векселями, устанавливался курс денег, оформлялись денежные переводы, совершались другие финансовые сделки. «Безансон» считается предшественником фондовых бирж в Лондоне и Антверпене (*прим. ред.*).

⁸ См.: North M. Von den Warenmessen zu den Wechselmessen. Grundlagen des europäischen Zahlungsverkehrs in Spätmittelalter und Früher Neuzeit // Europäische Messen und Märktesysteme in Mittelalter und Neuzeit / Johanek P., Stoob H. (eds.). Köln; Weimar; Wien, 1996. S. 223—238; Denzel M.A. La Pratica della Cambiatura. Chapter 5; José Gentil da Silva. Banque et credit en Italie au XVIIe siècle. Paris, 1969; Boyer-Xambeu M.-T., Deleplace G., Gillard L. Monnaie privé et pouvoir des princes. L'économie des relations monétaires à la Renaissance. Paris, 1986; Idem. Goldstandard, Währung und Finanz im 16. Jahrhundert // Geldumlauf, Währungssysteme und Zahlungsverkehr in Nordwesteuropa 1300—1800. Beiträge zur Geldgeschichte der späten Hansezeit / North M. (ed.). Köln; Wien, 1989. S. 167—181; Martinez Ruiz J.I. Mercato creditizio e profitti del cambio per lettera. Le operazioni di cambio con patto di ricorso tra Siviglia e le fiere internazionali di 'Bisenzone' (1589—1621) // Storia economica. Rivista quadrimestrale diretta da Luigi de Rosa. 2002. V. 5. № 1. P. 107—132.

⁹ Van der Wee H. The Growth of the Antwerp Market (14th—16th centuries). 3 vols. The Hague, 1963.

¹⁰ Учет векселя — покупка банком или специализированным кредитным учреждением векселей до наступления срока платежа по ним, осуществляемая по цене, равной их номинальной стоимости, за вычетом процента, размер которого определяется количеством времени, оставшегося до наступления срока платежа, и величиной ставки учетного процента. Обычно банки принимают к учету только векселя фирм или частных лиц, имеющих солидную деловую репутацию (*прим. ред.*).

¹¹ Индоссамент — передаточная надпись, совершаемая на векселях или ценных бумагах при передаче прав требования по этим документам, т.е. при продаже, другому лицу (*прим. ред.*).

¹² Schneider J. Hat das Indossament zum Niedergang der Wechselmessen im 17. und 18. Jahrhundert beigetragen? // Geldumlauf. S. 183—193.

¹³ Имеются в виду переводные банки («жиробанки»), специализировавшиеся на жиро-операциях (от итал. «giro» — круг, оборот), при которых передача наличных денег при платеже была заменена списыванием суммы платежа со счета должника и переписыванием ее на счет кредитора. Операции проводились при условии, что оба участника сделки имели вклады или открытые кредиты в банке, проводящем операцию. «Жиробанки» появляются в конце XVI — начале XVII в. («Banco del Giro» в Венеции с 1584 г., «Wisselbank» в Амстердаме с 1609 г., «Wechsel-Banco» в Гамбурге с 1619 г. и др.) (*прим. ред.*).

¹⁴ Для удобства расчетов в условиях чрезвычайного многообразия денежных систем расчеты в «жиробанке» велись в «банковских монетах» — условных платежных единицах с фиксированным содержанием драгоценного металла. Каждый крупный финансовый центр, в котором действовал «жиробанк», вводил свою «банковскую монету» (*прим. ред.*).

¹⁵ Van Dillen J.G. The Bank of Amsterdam // History of the Principal Public Banks / Idem (ed.). The Hague, 1934. P. 79—100.

¹⁶ Währungen der Welt III: Geld und Währungen in Europa im 17. Jahrhundert / Schneider J. et al. (eds.). Stuttgart, 1994. S. 39—95; Denzel M.A. La Pratica della Cambiatura. S. 402.

¹⁷ Denzel M.A. Integration Deutschlands.

¹⁸ Mickwitz G. Aus Revaler Handelsbüchern. Zur Technik des Ostseehandels in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts. Helsingfors, 1938. S. 84—86, 91—95. Ср. также: North M. Geldumlauf. P. 149s.

¹⁹ Для Риги: см. прим. 79. Для Ревеля: Harder-Gersdorff E. Zwischen Rubel und Reichstaler. Soziales Bezugsfeld und geographische Reichweite des Revaler Wechselmarktes (1762–1800). Lüneburg, 2000.

²⁰ Eldem E. La circulation de la lettre de change entre la France et Constantinople au XVIIIe siècle // L'Empire Ottoman, la République Turquie et la France / Hâmit Batu H., Bacqué-Grammont J.L. (éds.). Istanbul; Paris, 1986. P. 88; Svoronos N.G. Le commerce de Salonique au XVIIIe siècle. Paris, 1956. P. 121; Rebuffat F., Courdurié M. Marseille et le négoce monétaire international (1785–1790). Marseille, 1966. P. 124; Frangakis-Syrett E. The Commerce of Smyrna in the Eighteenth Century (1700–1820). Athens, 1992. P. 143; Denzel M.A. Finanzplätze in der Levante und Nordafrika im 19. und 20. Jahrhundert // Währungen der Welt VIII: Afrikanische und levantinische Devisenkurse im 19. und 20. Jahrhundert / Schneider J. et al. (eds.). Stuttgart, 1994. S. 30–70.

²¹ Ср.: Schneider J., Schwarzer O. International Rates of Exchange: Structures and Trends of Payments Mechanism in Europe, 17th to 19th Century // The Emergence of a World Economy 1500–1914: Papers of the IX International Congress of Economic History / Fischer W., McInnis R.M., Schneider J. (eds.). Stuttgart, 1986. Part I. P. 155s.

²² Ср.: Denzel M.A. Die Integration ostmittel-, ost- und südosteuropäischer Städte...

²³ Währungen der Welt I: Europäische und nordamerikanische Devisenkurse 1777–1914 / Jürgen Schneider et al. (eds.). Stuttgart, 1991. Vol. III. S. 413–451; Denzel M. A. Integration ostmittel-, ost- und südosteuropäischer Städte, passim.

²⁴ Denzel M.A. Die Integration ostmittel-, ost- und südosteuropäischer Städte... S. 54–56.

²⁵ Ibid. S. 62s., 72s.

²⁶ Noback C., Noback F. Vollständiges Taschenbuch der Münz-, Maass- und Gewichts-Verhältnisse, der Staatspapiere, des Wechsel- und Bankwesens und der Usanzen aller Länder und Handelsplätze, 2 Abth. Leipzig, 1851. 1. Abth. S. 67, 376; 2. Abth. S. 1504ss., 1784; Noback F. Münz-, Maass- und Gewichtsbuch. Das Geld-, Maass- und Gewichtswesen, die Wechsel- und Geldkurse, das Wechselrecht und die Usanzen. Leipzig, 1877. S. 407, 584, 703, 1126, 1163; Währungen der Welt I/II / Schneider et al. (ed.). S. 110; Denzel M.A. Die Integration ostmittel-, ost- und südosteuropäischer Städte... S. 63.

²⁷ Währungen der Welt I/III / Schneider et al. (ed.). S. 412; Denzel M.A. Die Integration ostmittel-, ost- und südosteuropäischer Städte. S. 64–66.

²⁸ Währungen der Welt I/II / Schneider et al. (ed.). S. 95.

²⁹ Ibid. S. 47–60.

³⁰ Ibid. S. 252– 255, 393– 395; Währungen der Welt I/III / Schneider et al. (ed.). S. 31–34, 193.

³¹ Währungen der Welt I/II / Schneider et al. (ed.). S. 6s.

³² Schwarzer O., Denzel M.A., Schnelzer P. Geld- und Wechselkurse in Deutschland und im Ostseeraum (18. und 19. Jahrhundert) // Statistik der Geld- und Wechselkurse in Deutschland und im Ostseeraum (18. und 19. Jahrhundert) / Schneider J. et al. (eds.) (Quellen und Forschungen zur Historischen Statistik von Deutschland XII). St. Katharinen, 1993. S. 43.

³³ Немецкий таможенный союз (Zollverein) организован 1834 г. в результате слияния нескольких таможенных союзов немецких земель во главе с Северным немецким таможенным союзом, созданным Пруссией в 1818 г. Внутри союза уничтожались таможенные барьеры, а для торговли со странами, не входившими в союз, устанавливался общий тариф. Система до-

говоров и правовых норм союза стала частью законодательства объединенной Германской империи в 1871 г. (*прим. ред.*).

³⁴ Denzel M.A. Die Integration der Schweizer Finanzplätze. S. 228—233.

³⁵ Idem. Bargeldloser Zahlungsverkehr im europäischen Überseehandel von der Europäischen Expansion bis zum Ersten Weltkrieg. Jahrbuch für europäische Überseegeschichte. 2002. № 2. S. 73—80; Idem. Kolonialstädte als Finanzplätze vom 18. Jahrhundert bis 1914. Das asiatische Wechselnetz und seine Anbindung an das europäisch-internationale Zahlungsverkehrssystem // Kolonialstädte — Europäische Enklaven oder Schmelztigel der Kulturen? / Gründer H., Johaneck P. (eds.). Münster, 2001. S. 225—259.

³⁶ Denzel M.A. The Transatlantic Cashless Payment System in the Northern Atlantic Zone from the 17th Century to 1840 // Atlantic History. History of the Atlantic System 1580—1830: Papers presented at an International Conference, held 28 August — 1 September, 1999 (Hamburg) / Pietschmann H. (ed.). Göttingen, 2002. P. 263—277.

³⁷ Нижеследующее по: McCusker J.J. Money and Exchange in Europe and America, 1600—1775. A Handbook. London: Basingstoke, 1978.

³⁸ Ibid. P. 120. В качестве примера см.: Price J. Joshua Johnson in London, 1771—1775: Credit and Commercial Organization in the British Chesapeake Trade // Statesmen, Scholars and Merchants: Essays in Eighteenth-Century History Presented to Dame Lucy Sutherland / Whiteman A. et al. (eds.). Oxford, 1973. P. 153—180, особенно P. 165.

³⁹ McCusker J.J. Op. cit. P. 175.

⁴⁰ The Pennsylvania Packet and Daily Advertiser. 1785/86.

⁴¹ McCusker J.J. Op. cit. P. 175.

⁴² Myers M.G. Origins and Development // The New York Money Market / B.H. Beckhart (ed.). Vol. I. New York, 1931. P. 6.

⁴³ Для США: Denzel M.A. Der Aufstieg und die Einbindung der Vereinigten Staaten von Amerika in die Weltwirtschaft: Transatlantische Wechselkurse von 1783 bis 1914 // Währungen der Welt I/I / Schneider et al. (eds.). S. 146—179.

⁴⁴ Noback C., Noback F. Vollständiges Taschenbuch der Münz-, Maass- und Gewichts-Verhältnisse... 2. Abth. S. 984, 1828; Idem. Münz-, Maass- und Gewichtsbuch. Das Geld-, Maass- und Wechselwesen, die Kurse, Staatspapiere, Banken, Handelsanstalten und Usanzen aller Staaten und wichtigern Orte. Leipzig, 1858. S. 610; Noback F. Münz-, Maass- und Gewichtsbuch. Das Geld-, Maass- und Gewichtswesen, die Wechsel- und Geldkurse, das Wechselrecht und die Usanzen. S. 621; J.C. Nelkenbrecher's allgemeines Taschenbuch der Münz-, Maass- und Gewichtskunde, der Wechsel-, Geld- und Fonds-Curse u.s.w. / H. Schwabe (ed.). Berlin, 1871. S. 439; Swoboda O. Die kaufmännische Arbitrage. Eine Sammlung von Notizen und Usancen sämtlicher Börsenplätze für den praktischen Gebrauch. Berlin, 1889. S. 379s.; Idem. Die Arbitrage in Wertpapieren, Wechseln, Münzen und Edelmetallen. Handbuch des Börsen-, Münz- und Geldwesens sämtlicher Handelsplätze der Welt / Ed. by Max Fürst. Berlin, 1913. S. 702.

⁴⁵ Officer L.H. Integration in the American Foreign-Exchange Market, 1791—1900 // Journal of Economic History. Vol. 45. 1985. P. 557—585; Kindleberger C.P. The Formation of Financial Centers: A Study in Comparative History. Princeton (N.J.), 1974. P. 52—56. Ср. также: Garbade K.D., Silber W.L. Technology, Communication and the Performance of Financial Markets: 1840—1975 // Journal of Finance. 1978. Vol. 33. P. 819—832.

⁴⁶ Währungen der Welt I/I / Schneider et al. (ed.) S. 369—387, 458—473.

⁴⁷ Cp.: Ibid. S. 320–368.

⁴⁸ Cp.: Denzel M.A. Bargeldloser Zahlungsverkehr im europäischen Überseehandel... P. 84–89, 92–95; Idem. Kolonialstädte... S. 239–249; Idem. Zur Finanzierung des europäischen Asienhandels in der Frühen Neuzeit: Vom Zahlungsausgleich im Gewürzhandel zum bargeldlosen Zahlungsverkehr // Gewürze in der Frühen Neuzeit: Produktion, Handel und Konsum. Beiträge zum 2. Ernährungshistorischen Kolloquium im Landkreis Kulmbach 1999 / Idem (ed.). St. Katharinen, 1999. S. 37–69.

⁴⁹ Magalhães-Godinho V. L'économie de l'empire portugais au XVe et XVIe siècles. Paris, 1969. P. 649.

⁵⁰ Cp.: Price J.P. Transaction Costs: A Note on Merchant Credit and the Organization of Private Trade // The Political Economy of Merchant Empires / Tracy J.D. (ed.). Cambridge, 1991. P. 288: «Тратты были известны в Азии, но они не так часто использовались в торговле между Европой и Азией, как между Европой и Америкой».

⁵¹ Cp.: Währungen der Welt I/II / Schneider et al. (eds.). S. 378s.; Ibid. I/III. S. 300, 378s., 451; Währungen der Welt XI: Nordwestdeutsche und dänische Wechselkurse vom ausgehenden 17. Jahrhundert bis 1914 / Denzel M.A. (ed.). Stuttgart, 1999. S. 69, 155–157; Statistik der Geld- und Wechselkurse in Deutschland und im Ostseeraum / Schneider et al. (ed.). S. 359.

⁵² Sprenger B. Währungswesen und Währungspolitik in Deutschland von 1834 bis 1875. Köln, 1981.

⁵³ Craig L.A., Fisher D. The Integration of the European Economy, 1850–1913. Auckland. Macmillan Press Ltd, 1996. P. 99–118.

⁵⁴ Ibid. P. 118–129; Schwarzer O. Goldwährungssysteme und internationaler Zahlungsverkehr zwischen 1870 und 1914 // Eckart Schremmer (Hrsg.). Geld und Währung vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Referate der 14. Arbeitstagung des Gesellschaft für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte vom 9. bis 13. April 1991 in Dortmund. Stuttgart, 1993. S. 191–228.

⁵⁵ Cp.: Ahvenainen J. The Role of Telegraphs in the 19th Century Revolution of Communications // Kommunikationsrevolutionen. Die neuen Medien des 16. und 19. Jahrhunderts, Köln; Weimar; Wien, 1995. P. 73–80; Boyce R. Submarine Cables as a Factor in Britain's Ascendency as a World Power // Ibid. P. 81–99.

⁵⁶ Denzel M.A. Die Integration der Schweizer Finanzplätze... S. 228–233.

⁵⁷ Währungen der Welt II: Europäische und nordamerikanische Devisenkurse 1914–1951 / Schneider et al. (eds.) Stuttgart, 1997. S. 66; Denzel M.A. Die Integration ostmittel-, ost- und südosteuropäischer Städte... S. 59s.

⁵⁸ Исключением, возможно, является Бухарест, который регулярно котировался Венон лишь в течение нескольких лет (1842–1863 гг.) (в данный период – *смадуя* 3) (Denzel M.A. Die Integration ostmittel-, ost- und südosteuropäischer Städte... S. 66–68).

⁵⁹ См.: Schwarzer O., Denzel M.A., Zellfelder F. Ostasiatische, indische und australische Wechselkurse (1800–1914) // Währungen der Welt IV: Asiatische und australische Devisenkurse im 19. Jahrhundert / Jürgen Schneider et al. (eds.). Stuttgart, 1992. S. 1–65; Denzel M.A. Zahlungsverkehr, Wechselkurse und Währungsverhältnisse von Britischen Besitzungen in Afrika (1822–1931) // Währungen der Welt VIII / Schneider et al. (eds.). S. 1–29; Idem. Finanzplätze in der Levante und Nordafrika; Idem. Neuseeländisch-europäischer Zahlungsverkehr: Neuseeländische Wechselkurse vor 1914 // Währungen der Welt V: Asiatische und australische Devisenkurse im 20. Jahrhundert / Schneider et al. (ed.). Stuttgart, 1994. S. 28–46; Idem. Finanzplätze, Wechselkurse und Währungsverhältnisse in Lateinamerika (1808–1914) // Währungen

der Welt VII: Lateinamerikanische Devisenkurse im 19. und 20. Jahrhundert / Schneider et al. (ed.). Stuttgart, 1997. S. 1—106.

⁶⁰ Hauser R. Die deutschen Überseebanken. Jena, 1906; Vinnai V. Die Entstehung der Überseebanken und die Technik des Zahlungsverkehrs im Asienhandel von 1850 bis 1875. Diss. Frankfurt/M., 1971; Muirhead S. Crisis Banking in the East. The History of the Chartered Mercantile Bank of India, London and China, 1853—1893. Aldershot, Brookfield, 1996.

⁶¹ Officer L.H. Integration in the American Foreign-Exchange Market...

⁶² Oddy J.J. European commerce, shewing new and secure channels of trade with the continent of Europe. London, 1805. P. 196.

⁶³ Newman J. «A Very Delicate Experiment»: British Mercantile Strategies for Financing Trade in Russia, 1680—1780 // Industry and Finance in Early Modern History: Essays Presented to George Hammersley on the Occasion of his 74th Birthday / Blanchard I., Goodman A., Newman J. (eds.). Stuttgart, 1992. P. 128.

⁶⁴ Ibid. P. 136s.

⁶⁵ Ibid. P. 128.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Акцептовать — принять на себя обязательство платежа по переводному векселю (*прим. ред.*).

⁶⁹ Roseveare H. The Financial Revolution, 1660—1760. New York: Longman, 1991. P. 102.

⁷⁰ Oddy J.J. European commerce, shewing new and secure channels of trade with the continent of Europe. Philadelphia, J. Humphreys, 1807. P. 197.

⁷¹ Newman J. Op. cit. P. 129.

⁷² Heller K. Die Geld- und Kreditpolitik des russischen Reiches in der Zeit der Assignaten (1768—1839/43). Wiesbaden, 1983. S. 250s.

⁷³ Quellen zur Geschichte von Hamburgs Handel und Schiffahrt im 17., 18. und 19. Jahrhundert / Baasch E. (ed.). Hamburg, 1910. S. 391, 396s, 403s.

⁷⁴ Eichborn K. von. Das soll und haben von Eichborn & Co. in 200 Jahren. Schicksal und Gestaltung eines Bankhauses im Wandel der Zeiten. München; Leipzig, 1928. Tab. XIX. S. 288.

⁷⁵ Statistik der Geld- und Wechselkurse in Deutschland und im Ostseeraum (18. und 19. Jahrhundert) / Schneider et al. (eds.). S. 365—382.

⁷⁶ Kelly P. The Universal Cambist and Commercial Instructor. 2 vols. London, 1821 [repr. 1835]. Vol. I. P. 304; Vol. II. P. 84; Noback C., Noback F. Münz-, Maass- und Gewichtsbuch... 1858. S. 925, 926s.

⁷⁷ Statistik der Geld- und Wechselkurse in Deutschland und im Ostseeraum (18. und 19. Jahrhundert) / Schneider et al. (eds.). S. 378, 383.

⁷⁸ Newman J. Op. cit. P. 138s.

⁷⁹ Cp.: Dorošenko V.V., Harder-Gersdorff E. Ost-Westhandel und Wechselgeschäfte zwischen Riga und westlichen Handelsplätzen: Lübeck, Hamburg, Bremen und Amsterdam (1758/59) // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskund. 1982. № 62. S. 120—147; Harder-Gersdorff E. Zwischen Riga und Amsterdam: die Geschäfte des Herman Fromhold mit Frederik Beltgens & Comp., 1783—1785 // The Interactions of Amsterdam and Antwerp with the Baltic Region 1400—1800 (NEHA 16). Leiden, 1983. P. 171—180; Idem. «Bullion Flow» and Rates of Exchange between Amsterdam and Riga (1783—1785) // Baltic Affairs. Relations between the Netherlands and North-Eastern Europe 1500—1800 (Baltic Studies 1) / Lemmink J.Ph.S., van Koningsbrugge J.S.A.M. (eds.). Nijmegen, 1990. P. 97—119; Idem. Aus Rigaer Handlungsbüchern

(1783—1785): Geld, Währung und Wechseltechnik im Ost-West-Geschäft der frühneuzeitlichen Neuzeit // Eckart Schremmer (Hrsg.). Geld- und Währung vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1993. S. 105—120.

⁸⁰ Harder-Gersdorff E. The Baltic Provinces — «Bridge» or «Barrier» to Russian Engagement in Western Trade? A Study of «Russians at Reval» During the Reign of Catherine II // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1997. № 45. P. 564.

⁸¹ Autio J. Valuuttakurssit Suomessa 1864—1911. Katsaus ja tilastosarjat. Helsinki, 1992 (Suomen Pankin Keskustelualoitteita 1/92); Währungen der Welt II / Schneider et al. (eds.). S. 407—451.

⁸² Cp.: Kellenbenz H. Marchands en Russie aux XVIIe et XVIIIe siècles // Idem. Europa, Raum wirtschaftlicher Begegnung. Kleine Schriften I. Stuttgart, 1991. P. 221.

⁸³ Statistik der Geld- und Wechselkurse in Deutschland und im Ostseeraum (18. und 19. Jahrhundert) / Schneider et al. (eds.). S. 389—401.

⁸⁴ Währungen der Welt VIII / Schneider et al. (eds.). S. 66.

⁸⁵ Noback F. Münz-, Maass- und Gewichtsbuch... 1877. S. 623s.

⁸⁶ Schwarzer O. Op. cit. P. 196.

⁸⁷ Hauser R. Die deutschen Überseebanken. Jena, 1906; Rosendorf R. Die deutschen Banken im überseeischen Verkehr // Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. 1904. № 28. S. 93—134; Idem. Le développement des banques allemandes à l'étranger // Revue économique internationale. 1906. № 1. P. 45—105; Herz E. Deutschlands ausländische Banken // Annalen des Deutschen Reiches. 1906. № 39. S. 48—57.

⁸⁸ Palmer J.H. Minutes of Evidence taken before the Selected Committee on the Affairs of the East India Company // The Economic Development of India under the East India Company 1814—1858: A Selection of Contemporary Writings / Chaudhuri K.N. (ed.). Cambridge, 1971. P. 192. Q. 1294.

⁸⁹ Cp.: Ahvenainen J. The Far Eastern Telegraphs: The History of Telegraphic Communications between the Far East, Europe and America before the First World War. Helsinki, 1981; Idem. Telegraphs, Trade and Policy: The Role of the International Telegraphs in the Years 1870—1914 // The Emergence of a World Economy 1500—1914. Part II: 1850—1914 / W.Fischer, M.McInnis and J.Schneider (eds.). Wiesbaden, 1991. P. 505—518.

⁹⁰ Währungen der Welt I/1 / Schneider et al. (eds.). S. 334s., 342, 349, 368; Währungen der Welt IV / Schneider et al. (eds.). S. 107s., 179, 239s., 254s., 329.

⁹¹ Michie R.C. The Invisible Stabiliser: Asset Arbitrage and the International Monetary System since 1700 // Financial History Review. 1998. № 15. P. 14.

⁹² Schneider J. Francesco Carlettis Reise um die Welt 1594—1602 / Ed. by Beck T. et al. Übersee Geschichte - Beiträge der jüngeren Forschung. Festschrift anlässlich der Gründung der Forschungstiftung für vergleichende europäische Übersee Geschichte 1999 in Bamberg. Stuttgart, 1999. S. 137—151.

⁹³ Schneider J., Schleich I. Die europäische Expansion nach Übersee und die Anfänge eines Weltwirtschaftssystems // Wirtschaft und Handel der Kolonialreiche / Emmer P.C. et al. (ed.) (Dokumente zur Geschichte der europäischen Expansion / Ed. by E.Schmitt. Vol. 4). München, 1988. S. 598.

⁹⁴ Ibid. S. 600.

⁹⁵ Это показывает, например, распространение методов безналичных расчетов в аграрном обществе Венгрии в конце XIX в.: Kövér G. Die Österreichisch-Ungarische Bank von ihrer Gründung bis 1914 // Kövér G., Pogány Á. Die binationale Bank einer multinationalen Monarchie. Die Österreichisch-Ungarische Bank (1878 - 1922). Stuttgart, 2002 (на венгерском языке: Budapest, 1993). S. 74—89.

Международные фирмы в Российской империи, 1800—1917 гг.

Несмотря на самодержавный государственный режим, Россия в XIX в. являлась частью мирового торгового пространства¹. Появление международных и транснациональных фирм и компаний в России было обусловлено уровнем развития российской экономики. Иностранные предприятия были особенно заинтересованы в российском сырье и продукции сельского хозяйства, их привлекали общие выгодные условия предпринимательства в развивающейся Российской империи. Транснациональные фирмы, для которых Россия являлась исходным пунктом деловой активности, действовали и в международном масштабе, достигнув соответствующего уровня развития.

В данной статье проведено исследование деятельности международных предприятий, которые осуществляли внешнеэкономические сделки из России. Меньшее внимание уделено международным и транснациональным компаниям и предприятиям, руководимым из-за границы, деятельность которых протекала в России. Это ограничение касается тех инвестиций, при которых Россия являлась только подчиненным объектом. Многие русские предприятия были иностранными по происхождению капитала, и лишь изредка они рассматривали Россию в качестве источника привлечения средств.

Характеристика международных предприятий в целом еще не устоялась, и дискуссия по этому поводу продолжается². Стэнли Чепмен в статье о «международных торговых домах» («International Houses») определяет их как «торговые дома, действующие в одной или нескольких странах»³.

В принципе, правление международного предприятия должно находиться в одной стране, но фирма обязана располагать множеством филиалов. Они могут действовать независимо друг от друга, принимая решения, но в определенной ситуации должны действовать сообща. Количество предприятий, основывавших заграничные филиалы по мере развития международного бизнеса, увеличивалось в соответствии с ростом международной торговли того времени. Важными регионами, где открывались отделения международных торговых фирм, являлись США, прежде всего благодаря хлопковым и табачным плантациям, а также Куба и острова Карибского бассейна, где выращивался сахарный тростник. Спрос на сахар-сырец был высок и в России. Из Южной Америки импортировали естественные красители для тканей, каучук,

* Сартор Вольфганг — доктор истории (Свободный университет. Берлин (ФРГ)).

зерно, хлопок и кофе, из Африки вывозили кофе, из Азии — чай, табак и предметы роскоши. В России международных коммерсантов интересовали зерно, лен и пенька, меха и металлы. Этими поставками, связанными с внешнеэкономическими сделками, занималось множество торговцев в России. Гамбург являлся своеобразным посредником в торговле с Англией и другими странами, в том числе с Россией. Многие гамбургские купцы, торговавшие с царской Россией, в первой половине XIX в. стремились открыть новые рынки на Карибах и в Южной Америке⁴. В период 1830—1900 гг. существовало много российских международных фирм, ведущих активную экономическую деятельность по меньшей мере еще в двух странах. Операции в более чем двух регионах следует признать важным индикатором международного характера фирмы. Фирму, которая занималась импортом или экспортом из одной страны в другую и имела там отделение, все же нельзя отнести к международным предприятиям в точном смысле слова.

Исходным стимулом возникновения таких международных фирм служили растущие экономические возможности, которые открывались перед предпринимателями в Российской империи. История фирм, о которых речь пойдет ниже, а именно Шредеров (Schröder), Ралли (Ralli), Высоцкого или Дрейфуса (Dreyfus), свидетельствует, что, несмотря на риск, участие в русском бизнесе давало предпринимателю хорошие возможности для процветания и превращения своего предприятия в международную компанию. Сферой интересов таких фирм зачастую являлась внешняя торговля, а также промышленность.

Многие крупные международные корпорации, пришедшие в Россию с Запада, как, например, «Ройял-Датч-Шелл», «АЭГ», «Тиссен», «Маннесманн», «Юнилевер», французские банки «Лионский Кредит» и «Генеральное Общество», не рассматриваются в данной работе, поскольку они инвестировали капиталы в Россию из-за границы и не относились к «натурализованным» в России компаниям, т.е. не имели здесь подразделений, юридически организованных как российские компании. Даже русская фирма Сименса, работавшая в России с 1853 г., чей петербургский филиал по меньшей мере до 1880-х гг. весьма способствовал общему процветанию компании, была лишь дочерним предприятием. Вместе с тем нужно учесть, что капитал русской компании Сименса, в отличие от других вышеназванных фирм, отчасти базировался на инвестициях головной компании. Тем не менее организационная структура русского «Сименса» напоминает торговый дом Шредеров: «Сименс» также поручал руководство своими филиалами в разных странах отдельным представителям многочисленного семейства.

Россия еще со времен средневековья экспортировала на Запад в крупном масштабе определенные виды товаров. В некоторых областях международной торговли Россия в XIX — начале XX в. играла весьма значительную роль. Объем мировой торговли возрос с 1,44 млрд долларов США в 1800 г. до 10,98 млрд в 1870 г., а к 1913 г. достиг отметки 38,15 млрд⁵. Особенно интенсивный рост наблюдался в середине XIX и в начале XX в., когда во многих странах протекал процесс индустриализации. Общий объем российской внешней торговли в XIX — начале XX в. представлял собой следующую картину (см. Таблицу 1).

Объем российской внешней торговли, 1801—1900 гг. (млн руб.)

Периоды	Объем торговли	Прирост (%)
1801—1825 гг.	115,0	100
1826—1850 гг.	219,1	191,5
1851—1875 гг.	285,2	489,2
1876—1900 гг.	1100,8	962,2

Источник: Энциклопедия. Ф.И.Брокгауз — И.А.Ефрон. Т. 33. СПб., 1901. С. 586 (ст. «Торговля»).

Прирост, как можно заметить, был весьма ощутимым, но в других странах торговые операции росли еще заметнее. Если в России объем внешней торговли за XIX в. — начало XX в. вырос почти в 10 раз, то обороты мировой торговли за тот же период увеличились в 30 раз.

Хотя доля России в мировой торговле не превышала 4%⁶, экспорт из страны льна, пеньки и поташа (особенно для английского флота), зерна, позднее и нефти, а также импорт в Россию хлопка и другого сырья для текстильной промышленности, сахара-сырца, каменного угля, машин (с 1850-х гг.), продовольственных товаров (чая и кофе) являлись весьма значимыми и стабильными секторами мирового товарооборота⁷.

В средневековье ведущими товарами российской экспортной торговли являлись меха, пенька, лен, поташ, дерево, деготь, сало. В XIX в. к ним добавилось зерно, в конце столетия — нефть, причем деготь и поташ утратили прежнее значение. По всем перечисленным экспортным товарам Россия являлась важнейшим мировым поставщиком.

В импорте поначалу главную роль играли продовольственные товары, текстиль, а затем хлопок-сырец и машины. Структура российской внешней торговли определялась экспортом сырья и полуобработанных продуктов, а также импортом готовых товаров широкого потребления и после 1815 г. выглядела следующим образом: важными статьями экспорта в середине XIX в. являлись сало (в 1846 г. около 25% экспорта), пенька (около 12%), зерно (около 11%, впоследствии больше), лен-долгунец (5%), парусина, жиры, яйца и шетина; импортировались прежде всего сахар-сырец, ткани, текстильные красители, вино, кофе, чай, предметы роскоши, машины и затем хлопок-сырец.

Типичным примером для демонстрации развития российского импорта можно считать хлопок. В мировом потреблении хлопка, которое в 1890 г. составляло 13,5 млн кип, доля России выросла с 3,7% в 1850 г. до 5,5% в 1890 г. В абсолютных цифрах потребление хлопка в России в 1890 г. равнялось 750 тыс. кип, и по этому показателю Россия хотя и уступала Британской Индии (900 тыс. кип), но опережала Францию (650 тыс.). В целом Российская империя занимала шестое место в списке ведущих мировых потребителей хлопка. Безоговорочным лидером здесь являлась Великобритания с 4,1 млн

кип⁸. Но на душу населения потребление хлопка в России в 1883 г. составляло всего 3,31 фунта, и по этому показателю империя заметно отставала от западноевропейских стран, где соответствующие цифры колебались от 4,22 фунта (Португалия) до 9,89 фунта (Бельгия)⁹.

В различные отрасли международной торговли в России начала XIX в. было вовлечено множество коммерсантов, однако сферы финансов и транспорта пока оставались без их внимания. Со временем ситуация изменилась, и участники международного товарообмена проникли не только в банковское дело, но и в промышленность и транспортную систему.

1. Россия как часть системы международной торговли

Международная торговля создала космополитические структуры, особенно это проявилось в Петербурге, а также в Одессе и Риге, и это является аргументом в пользу существования международной общности деловых интересов. Петербург был крупнейшим экспортно-импортным портом империи, на его долю в 1865 г. приходилось 35—50% всего внешнего товарообмена России. К 1900 г., несмотря на абсолютный рост, доля Петербургского порта вследствие конкуренции железнодорожного транспорта снизилась до 15—30%. Грузооборот порта в 1889 г. составил 142,2 млн руб., что, впрочем, равнялось лишь 8% грузооборота Лондона. В области импортной торговли Петербург сохранил ведущие позиции до начала XX в., в экспортной его заметно потеснили Одесса и Рига. Одесский порт приобрел первостепенное значение для вывоза русского хлеба, Рига являлась важным перевалочным пунктом экспорта русского льна и древесины¹⁰. Со временем Одесса сумела стать ведущим экспортным портом империи. С 1905—1906 гг. Рига являлась самым большим портом Российской империи, опередив Петербург по объемам импортной торговли¹¹. Москва, вследствие выраженной специализации в области промышленного производства и внутренней торговли, в меньшей степени участвовала в торговле международной. Хотя в Москве находилось множество иностранных коммерсантов, их было все же существенно меньше по сравнению с Петербургом, где можно было встретить немцев, англичан, голландцев, выходцев из скандинавских стран, а также армян и евреев. Английских коммерсантов в Москве проживало существенно меньше, чем в городе на Неве. Судоходные маршруты из Петербургского порта были проложены в Германию и Великобританию с дальнейшими пунктами назначения в Голландии, Франции и США. Наиболее часто посещались порты Любека, Штеттина, Гамбурга и Бремена в Германии, Лондона, Гуллы¹² и Ливерпуля в Англии, затем Амстердама, Антверпена, Гавра и Нью-Йорка. Одесса была связана с Англией, с Нью-Йорком, а также с портами Средиземноморья: Ливорно, Марселем, Генуей, Александрией¹³. Космополитический характер Одессы был особенно очевиден, здесь обрели пристанище наряду с множеством греков, евреев, итальянцев и армян также немцы и французы. Англичане, впрочем, встречались реже.

Торговые кредиты для международных коммерсантов, как и повсюду в тот период, открывались в Лондоне, где местные банкиры предоставляли торговцам кредитные линии. В этом отношении важным центром являлся и Гамбург. Для русских экспортеров был чрезвычайно важен валютный курс фунта стерлингов, что было связано с громадным объемом экспортно-импортной торговли, осуществлявшейся через Лондон.

Кредиты, без которых не могли обойтись даже крупные предприниматели, открывались достаточно легко. До 1870 г. банки, главным образом частные банкирские дома в Лондоне и Гамбурге, предоставляли кратковременные ссуды из 4—10% годовых¹⁴.

Постоянной угрозой для международного бизнеса были финансовые кризисы, в результате которых курс рубля падал и, таким образом, тормозилась импортная торговля. В деловой корреспонденции курс рубля всегда фиксировался по отношению к важнейшим валютам мирового товарообмена: фунту стерлингов, французскому франку или гамбургскому шиллингу. Еще опаснее были крупные экономические спады, такие как события, произошедшие в середине 1840-х гг. Агент Н. М. Ротшильда Дж. Дэвилсон сообщал о последствиях английского кризиса в Петербурге: «Продолжительное угнетенное состояние коммерческого мира нарушило здесь обычный ход экспортной торговли; и даже Лодер испытывает затруднения с акцептом векселей, другие торговые дома не могут оплачивать свои векселя в фунтах стерлингов и вынуждены учитывать их по ставке 7 или 8%»¹⁵.

Внешняя торговля с Россией для этих коммерсантов вплоть до начала 1870-х гг. служила главной сферой деловой активности. Со временем многие из этих действовавших в мировом масштабе фирм попали в кризисную полосу в связи с развитием новых средств связи, таких как телеграф, лишивший их прежних посреднических функций. Выход они пытались найти с помощью инвестиций в производство и либо приспособлялись к новым условиям, либо были вынуждены свернуть свою деятельность. Поначалу, с 1820-х гг., они основывали сахарорафинадные фабрики¹⁶, затем их внимание привлекли текстильная и другие отрасли промышленности. В финансовой области международные коммерсанты довольно рано проявили интерес к страховому и банковскому делу.

Условия предпринимательской деятельности на протяжении XIX — начала XX в. являлись достаточно привлекательными. Определенные перемены наметились с середины XIX в. Крупные усовершенствования в технической сфере, приведшие к развитию производства и улучшению средств коммуникации, изменили условия работы и деловую культуру. Стало легче, чем прежде, преодолевать границы между странами. Усиленная циркуляция капитала и рабочей силы, снижение транспортных издержек и уровня протекционистской защиты экономики отдельных стран наблюдались на всем протяжении второй половины XIX в. Россия также была охвачена этими переменами.

Деловые поездки, столь же важные в те времена для успеха дела, как и сегодня, с середины XIX в. кардинально облегчились с распространением железных дорог и парового судоходства. При этом

автомобильное и авиасообщение, возникшие в начале XX в., еще не приобрели заметного значения. Дорожный дневник банкира Адольфа Фридриха Юнкера отразил эти перемены: в 1852 г. он записал о поездке в Москву «по новой железной дороге»¹⁷. Люди путешествовали в скорых поездах, которые развивали скорость, сравнимую со скоростью европейских поездов XX в. Формальности на границе свелись к минимуму, и потому редко служили поводом для рассказов деловых путешественников. Крупные предприниматели заказывали себе комфортабельные купе и каюты первого класса, и потому с готовностью пускались в путь. Мобильность стала отличительным качеством бизнесмена. По признанию предпринимателя Георга Шписа, он чаще ночевал в пути, чем под крышей собственного дома. По дороге, в вагоне первого класса, можно было с пользой переговорить со знакомыми деловыми людьми. Так, барон Кноп (Кноор) встретил банкира А. Ротштейна в вагоне поезда Москва — Петербург и получил от него — практически случайно — важные сведения¹⁸.

Эти факты свидетельствуют, насколько тесно Россия была связана с мировой экономикой. Уже в середине XIX в. некоторые фирмы отреагировали на структурные перемены. Функция деловых посредников оказалась под угрозой вследствие усовершенствования средств коммуникации.

2. Международные предприятия в России, 1800—1914 гг.

Многие из предпринимателей, процветавших в России, начали деловую карьеру за границей, а потому их бизнес изначально имел международный характер, являясь фактором развития международного бизнеса в России в целом.

В XIX в. в этот круг входили в первую очередь международные торговцы, проводившие активные операции в Петербурге, Риге, Одессе и других портах Черного моря, таких как Николаев, Ростов-на-Дону или Таганрог, а также в Москве. Чаще всего это были иностранцы, осевшие в России на постоянное жительство. Исключение представляли русские по происхождению торговцы Солодовников, Пономарев (оба торговали индиго), затем, чаеоторговцы Кузнецов, Попов и Высоккий (последний принадлежал к еврейской общине).

Как и в мировом товарообмене и в трансатлантической торговле XIX в., во внешней торговле России, особенно через Петербургский порт, сохранявший ведущее положение до середины XIX в., действовала группа состоятельных коммерсантов, «экспортеров», которые официально именовались «диплами, торгующими при порте»¹⁹. Поначалу они вели универсальную торговлю широким ассортиментом товаров, затем специализировались на определенном виде товаров. Самыми крупными в этой группе вплоть до второй половины XIX в. являлись фирмы: Штиглица (Stieglitz), Торнтон (Thornton), «Томпсон и Бонар» («Thompson & Bonar»), «Гилл и Вишай» («Hills & Whishaw»), В. Брандта (W. Brandt), Ралли (Ralli), Скараманги (Scaramanga), Родоканаки (Rodokanaki), Капперра (Kapherr), «Ферихс — Кноп» («Frerichs — Кноор») и др.²⁰ До конца 1870-х гг. эта коммерческая

группа носила закрытый, корпоративный характер. С середины 1870-х гг. эти торговцы концентрировались при Петербургской бирже и именовались «торгующими при бирже», все чаще занимаясь банковскими операциями. Они контролировали Петербургский биржевой комитет, представительный орган крупной буржуазии, определяли ежедневные цены, влияли на выработку общеэкономического и финансового законодательства и тем самым эффективно воздействовали на внешнеторговые обороты Петербурга и российскую торговлю в целом²¹. Тем не менее коммерсанты британского, немецкого и греческого происхождения в районе морских портов зачастую оставались в стороне от активной деятельности на бирже²².

Многие из петербургских и черноморских экспортеров основывали свои фирмы или их филиалы в Лондоне, поскольку петербургская торговля было тесно связана с Великобританией, страной, которая до середины XIX в. оставалась главным торговым партнером России. До 1914 г. Лондон, кроме того, играл решающую роль в финансировании международной торговли, и многие коммерсанты пользовались кратко- и среднесрочным торговым кредитом у местных специализированных торговых банков или заводили здесь собственные банкирские дома. К последним относились упомянутые фирмы Брандта и Шредера, а также Жия Лодера, Гилла и Вишау, Хорнби (Hornby) и Вогая (Wogau)²³. Операции с международными торговцами в Лондоне вели банкирские дома братьев Бэрингов (Barings), «Клейнворт и Ко» («Kleinwort & Co»), «Гут и Ко» («Huth & Co»), «Фрюлинг и Гошен» («Frühling & Goschen»), позднее, с 1900-х гг., — филиалы континентальных банков (Deutsche Bank, Disconto-Gesellschaft, Credit Lyonnais, Dresdner Bank), а также Лондонское отделение Русского для внешней торговли банка²⁴. Из числа парижских банкиров в этом секторе мировой экономики активно участвовал банкирский дом Ротшильдов (Banque Mess. Rothschild)²⁵.

В портовых городах, таких как Одесса, Рига, Ревель или Таганрог, деловую иерархию также возглавляли ведущие международные коммерсанты. В Одессе к ним относились греки Ралли, Скараманга, Родоканаки и Маврокордато (Mavrokordato), итальянцы Вальяно (Vagliano) и Инглесиас (Inglesias). Позднее к ним примкнули еврейские экспортеры, такие как Дрейфус (Dreyfus), Нойфельд (Neufeld), а также немец Маас (Mahs). В Риге и Ревеле первую скрипку чаще играли выходцы из западноевропейских стран — Гилл, Вишау, Митчелл (Mitchell), Гельсинг (Helsing) и Гальгрэм (Hallgrem).

С 1850-х гг. в состав этой группы все чаще стали вливаться и русские предприниматели: Малютины, Меняевы, Савва Морозов и др. Обращает на себя внимание тот факт, что до середины 1880-х гг. лишь изредка один предприниматель активно действовал сразу в нескольких портах. Исключение составляли торговый дом Гилла, имевший штаб-квартиру в Лондоне, банкирский дом Дж. Шредера (J. H. Schröder), греческие династии Ралли, Скараманга и Родоканаки, фирма Луи Дрейфуса, уже в то время приобретающая характер международной хлеботорговой компании, а также торговый дом Е. Г. Брандта (E. H. Brandt)²⁶.

Эти несколько компаний, пять из которых постоянно концентрировали в своих руках 20—30% внешнего товарооборота (в пределах 120—170 млн руб.) Петербургского порта²⁷, контролировали и российскую внешнюю торговлю в целом.

Доля иностранных меньшинств в составе предпринимательского слоя России резко выросла в течение XIX в. Особые позиции в Петербурге и в Риге занимали англичане, которые в ту эпоху проживали во всех ведущих торговых центрах мира. Заметное место принадлежало и немцам, поддерживавшим тесные контакты с англичанами, причем не только в деловой, но и в общественной сфере. Особого внимания заслуживают фирмы, которые не просто открывали один или несколько филиалов в стране-партнере, но и использовали их для расширения сферы влияния и основывали новые отделения в других странах. К этому узкому кругу принадлежали фирмы Брандта, Штиглица, Кнопа, Ралли, Скараманги, Родоканаки, Высоцкого, Томпсона и Бонара, Гилла, Хорнби, Пельцера (Peltzer), Рафаловича и Гинцбурга (Günzburg). Деятельность этих фирм, которые со временем нередко меняли название, ускорила темп развития российской экономики.

В середине XIX в. большинство фирм стало придерживаться одной избранной специализации. Вокруг торговли сосредоточилось несколько фамилий, сочетавших смешанную банковско-торговую практику, таких как, например, Рафаловичи, Гинцбурги и Томас Маас²⁸. Иные торговые банкиры, как Губбард²⁹, Прен (Prenn), Вишау³⁰, а также Стукен и Шпис, занимались в основном промышленным производством в России. Брандты и Вогау (фирма последних более активно проявляла себя в Москве, чем в Петербурге) сохранили присутствие в банковском секторе, в промышленности и торговле. Иностранные торговые банкиры продолжали финансировать международные торговые сделки, однако в их деятельности начали превалировать операции по размещению ценных бумаг³¹. Появились и предприятия, успешно занимавшиеся только торговлей, такие как чаеторговые фирмы Высоцкого, Кузнецова, Поповых и др.

Некоторые из важных структурных изменений воздействовали на принципы организации самого бизнеса. Семейные фирмы уступали ключевые позиции акционерным компаниям, у руководства которыми стояли наемные менеджеры, в отличие от самостоятельных предпринимателей предшествующей эпохи. По телеграфу быстрее доходили сведения об изменении мировых цен. Хлопкоторговая фирма Класона (Clason), экспортировавшая хлопок из США в Англию и Россию, оказалась в связи с этим в кризисе, так как ее клиенты стали получать более выгодные по цене предложения непосредственно от североамериканских производителей³². В 1860—1870-х гг. множество относительно мелких фирм-посредников были вынуждены свернуть свою деятельность³³. Впрочем, этот процесс протекал довольно сложно, существовали примеры успешного развития семейных предприятий, как в случае с Ралли и Луи Дрейфусом.

Насколько же эти перемены воздействовали на космополитический менталитет предпринимателей, занятых международной торгов-

лей? Джонс пишет по этому поводу, что «экономические и технологические стимулы вынуждали изменяться сопротивляющуюся тому буржуазии... С течением времени задачи выживания на меняющемся рынке оказывались несовместимы с сохранением космополитической буржуазией прежней социальной и культурной идентичности, а также политической дееспособности»³⁴. Эта тенденция проявилась не сразу, но в канун Первой мировой войны очевиден был рост национального самосознания в самых разных проявлениях

В XIX в. многие немецкие коммерсанты потянулись из Гамбурга в Россию. Современники замечали по этому поводу, что «в последующие десятилетия ни в каком другом торговом городе, за исключением Лондона, нельзя было встретить так много выходцев из Гамбурга, как в Петербурге»³⁵. Деятельность множества петербургских предпринимателей с гамбургскими корнями с самого начала носила международный характер, поскольку они были заняты товарообменом между Петербургом, Гамбургом и Лондоном. Чаще всего они впоследствии расширяли сферу своих операций в Европе и Новом Свете. Многие шли дальше и, не довольствуясь кредитами у лондонских Бэрингов и амстердамских банкиров «Гоппе и Ко» («Hopp & Co»), основывали собственное банкирское заведение в Лондоне. Так поступили, например, совладельцы обособившейся в Петербурге немецкой фирмы Энгельбрехта Шредера, брат которого, Джон Генри Шредер (John Henry Schröder), в 1804 г. основал банкирский дом в Лондоне, а также фирма Вильгельма Брандта, открывшая в Лондоне свой банк под руководством Эдмунда Брандта. Точно так же учредил банкирский дом в Лондоне многопрофильный концерн Вогау. Примечательно, что значительные лондонские торговые банкиры часто имели немецкое происхождение. К этой группе принадлежали Бэринги, Клейнворты, Гут, Фрюлинг и Гошен, а также Брандт и Шредер, при этом Клейнворты, Бэринги и Гут вели активные операции с Россией.

Схожая картина расширения зоны активности наблюдалась и в хлопкоторговле, где фирмы, занятые ввозом хлопка в Россию, открывали свои филиалы в Ливерпуле, Манчестере и в южных штатах США и в Нью-Йорке. Так поступил торговый дом «Л.Кноп», имевший, помимо того, отделения в Александрии и Бомбее, а также фирмы Стуkenов, Класона, Пренов, Шеера (Scheer). Основанные в Лондоне Московская компания (в XVI в.) и Балтийская биржа (в XVIII в.) являлись не только коммерческими объединениями, но и органами представительства интересов предпринимателей, налаживавших торговые отношения между Россией и Англией. В правлении Балтийской биржи вместе с английскими коммерсантами, занятыми в торговле с Россией, такими как Джон Губбард и Уильям Уилсон (Wilson), и представителями греческих торговых домов, специализировавшихся на товарообмене с Россией, — Ралли и Родоканаки, заседали много представителей немецких семей, такие как Томас Прен, Ричард Брандт и Генри Шредер³⁶.

3. Ведущие международные предприятия в России

В данном разделе представлена более подробная информация о фирмах, отличавшихся ярко выраженным международным характером деятельности.

3.1. Торговый дом Шредеров (Schröder)

Фирма Шредеров возникла в XVIII в. в Гамбурге и поначалу занималась исключительно торговым и судоходным бизнесом. Уже в конце XVIII в. торговый дом владел пятью кораблями и торговал со странами Карибского бассейна, Северной и Южной Америки, Португалией, Англией, Германией и другими странами Европы, в том числе с Россией. Из России в Гамбург и Лондон вывозились шелк, пенька, деготь, зерно, а оттуда в Россию доставлялись сахар-сырец и предметы роскоши. При Христиане Магтисе Шредере (1742—1821) началось расширение масштабов дела с открытием постоянных отделений в важнейших странах³⁷.

Пятеро его сыновей возглавили представительства фирмы: в Петербурге (с 1790 г.) трудился Герман Энгельбрехт Шредер (1783—1865); в Амстердаме — Герхард Шредер (также с 1790 г.); в Лондоне с 1804 г. делом руководили совместно Иоганн Фридрих и наиболее способный из братьев Иоганн Генрих Шредер (1784—1833), ставший в Англии Джоном Генри; представительством в Риге с момента его открытия в 1825 г. заведовал Георг Вильгельм Шредер (1794—1862), занимавший, кроме того, в этом городе пост голландского вице-консула³⁸. Бизнес в России имел важное значение. Торговля сахаром-сырцом привела к основанию в 1813 г. сахарорафинадной фабрики в Екатерингофе³⁹. Джон Генри Шредер в 1819 г. вступил в члены Русской компании (Russian Company), традиционной организации представительства интересов лондонских коммерсантов, занятых торговлей с Россией. В 1820-е гг. упрочившееся лондонское дело приобрело решающий вес. «Шредер числился в числе тридцати фирм, известных как "русские коммерсанты"»⁴⁰. Экспортом в Россию через Петербург фирма Джона Генри Шредера занималась через местную фирму «Г.Е.Шредер и К^о» («H. E. Schröder & Co»).

Банкирский дом Бэрингов замечал в 1830 г. по этому поводу: «Они <Шредеры> весьма тесно связаны с Россией и Петербургом, где от Солодовникова получают крупные партии сала; они ввозят в Петербург индию и разнообразные другие товары, помимо сахара-сырца, для Германа Шредера, местного сахарозаводчика, брата Вильгельма Шредера... Нет оснований сомневаться, что фирма переживает период расцвета и заслуживает первостепенного кредита»⁴¹. Торговля фирмы Шредеров с Россией развивалась весьма динамично: в 1813 г. объем экспортно-импортных операций составил 1,7 млн руб., в 1819 г. — 3,4 млн и в 1820 г. — 7,1 млн руб. Затем он несколько снизился, но в 1837 г. вновь достиг отметки в 7 млн руб. Георг Вильгельм Шредер, специализировавшийся на торговле лесом⁴², через Рижский порт вывозил товаров на 3—4 млн руб. Герман

Энгельбрехт и Георг Вильгельм Шредеры в первой половине XIX в. входили в число 50 крупнейших экспортных коммерсантов Российской империи⁴³.

Доля торговых операций в балансе фирмы в начале ее деятельности была, вероятно, существенно выше, чем в 1850-х гг., о чем свидетельствуют приводимые ниже цифры. В структуре прибылей банкирского дома Шредеров в Лондоне торговля постоянно уступала позиции собственно кредитному делу: в 1871—1878 гг. банкирские операции принесли 69% прибыли, тогда как торговые — 30%, в 1879—1884 гг. это соотношение составило 57% и 25%, а в 1885—1892 гг. — 46% и 10%. Особенно быстро развивались с 1885 г. операции с ценными бумагами, среди которых русские фонды также занимали заметное место⁴⁴. В 1848—1868 гг. доля России в кредитных операциях Шредеров равнялась 21% (Германии — 27%, стран Средиземноморья — 10%, остальной Западной Европы — 10%, Америки — 27% и Азии — 4%). Удельный вес России в товарных операциях в 1871—1874 гг. составлял 52,2%, в банковских операциях — 15,5%. В 1869—1894 гг. русские кредиты занимали около 18% баланса банкирского дома Шредеров⁴⁵.

Позднее глава фирмы в Лондоне, Джон Генри Шредер, основал несколько новых фирм в Великобритании, имевших тесные связи с Россией. Так возникла совместная компания «Шредер, Маас и К°». («Schröder, Maas & C°») в Гамбурге. Маас, крупнейший экспортер российского зерна, был связан со Шредерами родственными узами. Герман Энгельбрехт Шредер женился на Розине Маас, дочери Томаса Мааса (1793—1867), который был в 1829—1865 гг. российским консулом в Гамбурге. Его брат Николас Маас (1813—1891) совместно с Джоном Генри Шредером основал фирму «Д.Г.Шредер и К°» («J.H.Schröder & C°») в Ливерпуле. Николас в 1842—1850 гг. состоял российским консулом в Ливерпуле, который в то время по праву считался мировой хлопковой столицей⁴⁶. Ливерпульский филиал фирмы просуществовал до 1884 г.⁴⁷ Через Маасов Шредеры породнились также с российскими деловыми династиями Капгерров (Kappert) и Холлидеев (Holliday)⁴⁸.

Семейные отношения связывали Шредеров и с Александром Шлюссером (Schlüsser, 1803—1887) из фирмы «Шлюссер и К°» («Schlüsser & C°») в Петербурге⁴⁹. С этой фирмой Шредеры вплоть до Первой мировой войны продолжали вести дела, которые Роберт Шредер оценивал как доказательство «...непреодоляющего значения русской торговли для нашей фирмы»⁵⁰. Джон Генри Шредер-младший, сын Джона Генри, в 1850 г. женился на Доротее Шлюссер, дочери Александра Шлюссера. Наконец, смешанные семейно-деловые отношения установились у Шредеров с фамилией Хорни (Hornу). Торговый дом «Хорни и К°» («Hornу & C°») являлся одной из весьма значимых экспортно-импортных фирм как Петербурга, так и Одессы⁵¹.

Заслуживает упоминания и связь Шредеров с Генрихом Шлиманом (Heinrich Schliemann). Знаменитый впоследствии археолог обучался коммерции в фирме Шредера в Амстердаме, и хотя вскоре завел само-

стоятельное дело, но продолжал поддерживать деловые контакты со Шредерами. Шлиман пользовался поддержкой и делового партнера Шредеров, фирмы «Александр Маас и К°» («Alexander Maas & C°»)⁵².

В 1860—1870-е гг. Шредеры активно вкладывали деньги в учреждение акционерных коммерческих банков в России. Совместно с франкфуртским банкирским домом «Бетманн и К°» («Bethmann & C°»), парижско-франкфуртским частным банком Эрлангера (Erlanger), банкирами Беренбергом и Госслером («Berenberg, Gossler & C°») из Гамбурга, «Л. Беренс и К°» («L. Behrens & C°»), «Липпман и Розенталь» («Lippmann & Rosental») из Амстердама, а также петербургскими и варшавскими банкирами Ляским (Lasky), Френкелем (Fraenkel), Сутгофом (Sutthoff), Марком (Marc) (Москва), Скарамангой и Родоканаки (Петербург и Одесса) амстердамский банк Шредеров в 1869 г. принял участие в учреждении Петербургского Международного коммерческого банка, ставшего одним из ведущих банков России⁵³. Это наблюдение относится и к Русскому для внешней торговли банку, в создании которого в 1871 г. также приняли участие международные фирмы. Оба эти банка открыли отделения в Лондоне и Париже и активно вели кредитование международной торговли в Лондоне.

Банк Шредеров в союзе с крупным парижским экспортером зерна Августом Дрейфусом, подробнее о котором речь пойдет ниже, заключал сделки в Перу⁵⁴. Совместно они организовали экспорт в Европу птичьего гуано, причем первым пунктом назначения стала Балтийская биржа в Лондоне.

Сеть отделений фирмы Шредеров включала следующие европейские города: Лондон, Ливерпуль, Амстердам, Триест, Бремен, Гамбург, Ригу и Петербург, а также города Нового Света: Агуадиллу в Карибском бассейне, Нью-Йорк, Нью-Орлеан, Лиму, Рио-де-Жанейро и Батавию⁵⁵.

Основными партнерами Джона Генри Шредера в торговле с Россией, наряду с упомянутыми Маасом, Шлюссером и Хорни, были также фирма «Карр и К°» («Carr & C°»), совместно с которой была организована торговля сахаром⁵⁶, М. Солодовников (совместный импорт сала)⁵⁷, Е. Г. Брандт (E. H. Brandt) и лондонский банк «Вильгельм Брандт и сыновья» («Wilhelm Brandt & Sons») (соучастие в кредитном деле и торговле лесом)⁵⁸.

В 1862 г. скончался Георг Вильгельм Шредер, а через три года, в 1865 г., и Герман Энгельбрехт Шредер. У этой фирмы в России больше не было прямых представительств, но ее интересы защищали фирмы Мааса в Одессе и Шлюссера в Петербурге.

Торговля и кредитные дела с Россией и в дальнейшем играли важную роль в бизнесе Шредеров. Рос их интерес и к размещению займов и торговле ценными бумагами, и в этом секторе деловой активности Шредеров Россия также занимала важное место. Они принимали участие в эмиссии облигаций следующих железных дорог: Харьковско-Кременчугской (1868, 1890—1891 гг.), Харьковской (1870 г.) и Московско-Виндаво-Рыбинской (1899 г.), а также государственных займов России (1870, 1889 гг.) и городского займа Москвы (1913—1914 гг.). Всего русских ценных бумаг в Лондоне было размещено на

сумму почти 70 млн ф. ст., или около 25% общей суммы эмиссии в Англии⁵⁹. Банкирский дом участвовал также в экспорте российских товаров, особенно зерна⁶⁰.

Бруно Шредер под давлением правительства Великобритании в 1914 г. принял британское подданство. Тем не менее дом Шредера сохранил близкие контакты с Германией, и особенно с Гамбургом. Но с течением времени он все же начал отрываться от своих немецких и российских корней.

Простой перечень сделок, филиалов и контактов свидетельствует о международных масштабах деятельности фирмы Шредеров. Российский «гешефт» при этом являлся основой растущих общих инвестиций. В период становления банкирского дома Шредера этот «гешефт» сыграл роль важного, если не важнейшего фактора делового успеха фирмы.

3.2. Фирмы Вильгельма и Эдмунда Генри Брандтов (Brandt)

В 1793 г. страховой агент в Гамбурге Иоганн Вильгельм Брандт отпустил своего сына Вильгельма (1778—1832) в Архангельск. Вместе с купцом Якобом Родде (Rodde) из Ревеля и Нарвы Вильгельм Брандт основал там в 1803 г. торговый дом «Брандт, Родде и К°» («Brandt, Rodde & C°»). Главной сферой деятельности фирмы являлось судоходство для импортной и экспортной торговли⁶¹.

Уже к 1809 г. торговый дом являлся крупнейшей судоходной компанией в Архангельске и одной из ведущих в России. В 1809 г. эта фирма владела 40 судами, а в 1830 г. — уже 283. Ее товарооборот вырос с 1,4 млн руб. в 1812 г. до 2,2 млн руб. в 1824 г. и 9,8 млн руб. в 1827 г. После некоторого спада на рубеже 1820—1830-х гг. товарооборот вновь поднялся до 9,4 млн руб. в 1832 г. К 1830 г. фирма под названием «В.Брандт и сын» («W.Brandt & Son») занимала четвертое место в списке ведущих внешнеторговых компаний России. Объем ее операций в размере 8,9 млн руб. составлял почти 5% от всей российской внешней торговли.

Совместно с торговым домом Штиглицев, крупнейшей внешне-торговой фирмой Российской империи вплоть до 1850-х гг., а также торговым домом Е.Губбарда (E.Hubbard) дом Брандта в 1830 г. концентрировал 25% всего российского внешнеторгового оборота.

К 1850-м гг. объем торговли, осуществляемой Брандтами, вновь снизился в среднем до 2 млн руб. в год, что было связано отчасти с ориентацией фирмы на сферу производства и банковское дело. В Архангельске ею был сооружен сахарорафинадный завод, объем производства которого в то время достигал 175 тыс. руб. В 1830-х гг. фирма начала инвестировать и в лесопромышленную отрасль.

Непрерывный рост операций привел фирму Брандтов, как и в случае со Шредерами, к созданию заграничных филиалов. Уже в 1815 г. открылась контора в Ливерпуле, а в 1820 г. — в Гамбурге. В 1827 г. было основано отделение в Петербурге, которое быстро приобрело весьма важное значение. В 1828 г. в Лондоне Александр Брандт

(1800—1838) и Эдмунд Брандт (1810 - 1881) основали известный банк, который просуществовал вплоть до 1960-х гг., под названием «Вильгельм Брандт и сыновья» («Wilhelm Brandt & Sons»). Со временем в число его совладельцев вошел и Эммануэль Генри Брандт (1831—1908). В 1830-х гг. филиалы фирмы Брандтов действовали в Гулле и Бостоне, а в 1841 г. открылось отделение в Риге. Благодаря этому резко возрос масштаб международных операций фирмы.

Большая часть деловых контактов поддерживалась с такими коммерсантами и фирмами, как «Шлюссер и К°» («Schlüsser & C°»), «Клеменц и Берг» («Clementz & Berg»), Громе (Gromme), Гютшов (Gütschow), «Морган Желлибрандт и К°» («Morgan Gellibrandt & C°»), Джон Губбард (John Hubbard), «Блессиг и К°» («Blessig & C°»), Дж. Карстенс (J. Carstens), Классен (Classen), Амбургер (Amburger), «Молво и сын» («Mollwo & Sohn»), «Штиглиц и К°» («Stieglitz & C°»), А. Ф. Ралль (A. F. Rall) и Л. Прен (L. Prehn).

В 1832 г., после смерти Вильгельма Брандта, фирма была разделена между его наследниками. В Лондоне, Архангельске, Петербурге и Риге в связи с этим появились отдельные торговые дома. Несмотря на кредиты лондонского банка Брандтов и поддержку со стороны казны, прежний рижский филиал, руководимый Карлом Брандтом, обанкротился в 1861 г. Это событие оказало негативное влияние не только на торговлю фирм Брандтов в Архангельске и Петербурге, по делам которых там была объявлена администрация, но также на деятельность сахарорафинадных предприятий Бобринских и крупной торговой фирмы Меняева⁶². Торговые дома в Петербурге и Архангельске были впоследствии заново учреждены Эммануэлем Генри Брандтом. Лондонская фирма, основанная некогда выходцем из Германии, стала ориентироваться в своей деятельности не на Россию, а сосредоточилась на банковском бизнесе в Лондоне — всемирном финансовом центре в викторианскую эпоху.

В 1860-х гг. Э. Г. Брандт предпринял ряд инвестиций в банковскую сферу, в 1863 г. его состояние оценивалось в 25 тыс. ф. ст. В 1869 г. фирма «Э. Г. Брандт и К°» выступила как соучредитель Петербургского Международного коммерческого банка. В 1876 г. состояние Э. Г. Брандта оценивалось в 150 тыс. ф. ст., к 1904 г. оно достигло 750 тыс. ф. ст., а накануне Первой мировой войны стоимость имущества основанной им фирмы превысила 1 млн ф. ст. (около 10 млн руб.)⁶³.

Этому росту особенно способствовали операции акцептного торгового кредита. Лондонский банк Брандтов, как показывают материалы его внутреннего делопроизводства, хоть и был тесно связан с русским «гешефтом», но в то же время развивал внешние связи и с другими странами. Первоначально лондонская фирма была основана в целях финансирования русского бизнеса, но затем она переориентировалась на другие регионы. Жалобы на лондонский банк со стороны русской фирмы Брандтов, которая сетовала на пренебрежительное к ней отношение, встречаются уже с 1840-х гг.⁶⁴ Объем акцептных торговых кредитов лондонского дома Брандтов в 1870 г. составил 100 тыс. ф. ст. (около 1 млн руб.), к 1892 г. он равнялся 700 тыс. ф. ст.,

а к 1914 г. достиг 11 млн ф. ст. (110 млн руб.)⁶⁵. Клиентура Брандтов по этой операции была разбросана по всему миру. Русские товары находили своих покупателей в Аргентине и Японии. Далее, наряду с Германией и США, важными рынками являлись Индия, Египет и Франция⁶⁶. Фирма Брандтов вела торговлю сахаром и зерном в мировом масштабе⁶⁷, ее банк в Лондоне постепенно занял девятую позицию в списке мировых хлеботорговцев.

На региональном уровне деятельность фирмы «Вильгельм Брандт и сыновья» в начале XX в. представляла следующую картину (см. Таблицу 2)⁶⁸.

Таблица 2

Доля различных регионов во внешнеторговых оборотах фирмы «В. Брандт и сыновья», начало XX в. (тыс. ф. ст.)

Страна (регион)	Объем торговли	%
Россия	860	9,65
Германия	1850	20,77
Остальная Европа	1250	14,03
США	3085	34,63
Южная Америка	1318	14,79
Дальний Восток	545	6,13
Итого	8908	100,0

Благодаря своей укрепившейся репутации, совладельцы лондонской фирмы Брандтов — как и их российские коллеги — заняли позиции в правлениях крупных английских страховых компаний: Компании морского страхования (Marine Assurance Co., Ltd.), Океанской морской страховой компании (Ocean Marine Insurance Co.), Лондонской страховой компании (London Assurance), Британской и зарубежной страховой компании (British & Foreign Insurance Co., Ltd.), Компании взаимного морского страхования (Indemnity Mutual Marine Ins. Co.).

Рост деловых связей лондонского банка Брандтов с Северо-Германским банком (Norddeutsche Bank) и его директором Максом Шинкелем (Max Schinckel), а также с Бразильско-Германским банком (Brasilianisch-Deutsche Bank) позволил повысить внешнеторговый оборот первого на 1 млн марок. Тесные деловые контакты поддерживали Брандты и с Немецким банком (Deutsche Bank) в Берлине и Лондоне.

Русская фирма «Э.Г.Брандт и К°» («E.H.Brandt & Co»), непосредственно не связанная с лондонской семейной фирмой, владела в Петербурге одной из крупнейших в городе лесопильных фабрик, на которой в 1900 г. было занято 405 рабочих. Пути лондонской и петербургской фирм все более расходились. В России главным деловым партнером лондонского дома Брандтов была ливерпульская фирма «Блессиг и К°» («Blessig & Co»), представлявшая собой филиал одной

из самых значительных российских фирм, торгующих зерном и текстилем, хозяйва которой были также связаны с Брандтами родственными узами⁶⁹. Заметим, что и русская, и английская фирмы Блессигов имели общие немецкие корни.

Вовлеченность лондонской фирмы Брандтов в мировое торговое сообщество становится еще более очевидной благодаря разветвленным родственным отношениям совладельцев. В России Брандты состояли в родстве с такими предпринимательскими династиями, как Амбургеры (Amburger), Блессиги (Blessig), Кроны (Krohn), Ван дер Флиты (Van der Vliet), Гютшовы (Gütschow), Громе (Grommé), Шварццы (Schwartz), Остеррайхи (Oesterreich), Прены (Prenn), Ван Бриены (Van Brien), Стукены (Stucken), Унтидты (Untiedt) и Болтенхагены (Boltenhagen). Эти семьи, отчасти уже упомянутые выше, были, в свою очередь, весьма космополитичны. Кроме того, в других странах Брандты состояли в родстве со множеством семей, частично «немецкого» происхождения. В Германии к их числу относились фон Шинкелы (v. Schinckel), фон Беренберг-Госслеры (v. Berenberg-Gossler), Шрамы (Schramm) и Мерки (Merck), в Великобритании — Кроу (Crowe) и Торнтоны (Thornton), в США — семья Джермени (Gartman), в Новой Зеландии — Мони (Money), в Бразилии — да Коста де Бранканте (da Costa de Brancante) и, наконец, в Аргентине — семья Эренспергер (Ehrensperger). Эти связи способствовали расширению дела или являлись следствием развития коммерции⁷⁰.

Как и фирма Шредеров, бизнес Брандтов является примером полной переориентации дела из России на Лондон. Здесь очевидно и дальнейшее смещение акцентов на развитие операций со странами Нового Света, особенно с Аргентиной, где Брандт начал вести дела в хорошо ему известной сфере торговли зерном, а также в области переработки мяса. В. Брандт являлся членом Хлебной биржи в Буэнос-Айресе и был связан с влиятельными предпринимателями Торнквистом (Torngvist) и Бунге (Bunge).

Хотя, в противоположность Шредерам, Брандты сохранили свою фирму в России вплоть до 1918 г., она все больше уступала по значению их лондонской фирме. Однако как отделение фирмы в Германии, так и многие другие филиалы этой фирмы сохранили прочные связи с Россией. В архитектуре виллы Брандтов на Эльбшоссе в Гамбурге, проданной Августом Брандтом в 1888 г., отчетливо прослеживается русское влияние⁷¹.

Многие из родившихся в России Брандтов до или после революции переселились за границу, причем Эммануэль Генри Брандт обосновался в Цюрихе⁷². Представители других ветвей этого обширного семейства поселились в Лондоне, Риме, курортных местах — Люцерне, Давосе, Каннах, а также в Буэнос-Айресе⁷³. Лишь немногие из них возвратились на историческую родину, в Германию.

3.3. Торговый дом «Л.Кноп» (Кноор)

Торговый дом «Л.Кноп» представляет собой иной пример блестящей деловой карьеры, основанной на успешном бизнесе в России и

продолженной на международном уровне. Людвиг Кноп, уроженец немецкого города Бремена, был отправлен фирмой «Фрерихс и К°» («Frerichs & C°») в Ливерпуль для работы в английской фирме «Де Джерси и К°» («De Jersey & C°») и, благодаря поставкам текстильного оборудования в Россию, нажил к 1850-м гг. огромное состояние. История фирмы Кнопа в целом хорошо изучена⁷⁴, и в данной работе мы хотели бы обратить внимание на менее исследованные внешние факторы, которые оказывали значительное влияние на деятельность торгового дома и отражали космополитический характер его деятельности. Уже в 1867 г. банкирский дом братьев Бэрингов в Лондоне, кредитор фирмы Кнопа, оценивал ее кредитоспособность, по сравнению с другими клиентами, высшим баллом — единицей, а в 1874 г. писал о Кнопе: «Как известно, он склонен к риску, но считается вполне состоятельным и, по общим оценкам, способен выписать векселя на сумму от 2 до 3 млн руб.»⁷⁵.

В 1877 г. капитал этого торгового дома оценивался в 650 тыс. ф. ст. (около 6—7 млн руб.), а в 1915 г. — в 1,2 млн ф. ст. (12 млн руб.)⁷⁶. Благодаря широкому кредиту российских и иностранных банков, а также используя свои личные средства, Кноп построил собственные текстильные комбинаты в Петербурге, Нарве и Москве. Среди российских кредиторов фирмы выделялся Московский Учетный банк, с которым Кноп был тесно связан⁷⁷, а в Лондоне основными финансовыми партнерами Кнопа являлись те же Бэринги, Клейнворт (Kleinwort) и Уильям Брандт (William Brandt)⁷⁸. Позднее к этому списку добавились банкирский дом «Варшауер и К°» («Warschauer & C°») и Банк для торговли и промышленности (Bank für Handel und Industrie) в Германии. Германским агентом фирмы Кнопа был банкир Гуго Оппенгеймер (Hugo Oppenheimer)⁷⁹. В 1850-е гг. решающим фактором успеха стала поддержка со стороны лондонских банков, и благодаря ей Кноп, совместно со своим деловым партнером и родственником Фрерихсом, стал крупнейшим фабрикантом России в производстве хлопчатобумажных тканей. Предприятия Кнопа господствовали на российском рынке, где на их долю приходилось около 40% объема хлопчатобумажного производства. По свидетельству одного торговца тканями, «благодаря доминирующему положению фирмы Л. Кнопа в хлопчатобумажной отрасли... она диктовала цены как на хлопчатобумажную пряжу, так и на определенные сорта миткаля»⁸⁰.

Как же протекала дальнейшая карьера предпринимателя? Фирма Кнопа работала в основном с Россией, в отличие от фирм Шредеров и Брандтов. Она не основала собственный заграничный банк, так как Кноп возлагал определенные надежды на сотрудничество с российским «дружественным» банком. Кнопу принадлежала инициатива учреждения Московского Учетного банка. Тем не менее эта фирма развивала широкие международные связи и основывала филиалы за границей для импорта в Россию ткацких станков и хлопка-сырца. Отделения торгового дома Кнопа были открыты в 1863 г. в Нью-Йорке⁸¹, в 1876 г. в Бомбее⁸² и в 1901 г. — в Саванне (США)⁸³. Другие представительства были основаны в морских портовых городах на юге США, в Нью-Орлеане, Мобиле (Mobile) и Чарльстоне (Charle-

ston)⁸⁴. Кноп вел дела и в Великобритании — в Манчестере и Ливерпуле — в основном через фирму «Де Джерси и К°» («De Jersey & C°»). Хотя в 1863 г. Фрерихе вышел из этой фирмы⁸⁵, у Кнопа наладились отношения с «Де Джерси и К°» и непосредственно в США⁸⁶. По всей видимости, он ввел региональное разделение труда. Ватъен (Watjen), агент Бэрингов, сообщал в 1904 г., что делами в Англии руководил Кноп, а в США — Фрерихе⁸⁷. Эта сеть специализировалась на импорте в Россию хлопка-сырца. Расширение сферы деятельности на другие регионы не предусматривалось, да и не являлось необходимым при блестящем ходе дел фирмы. Торговый дом обладал обширными международными связями. Ветви семейства укоренились в Англии и США, хотя в целом династия тяготела к родному Бремену. В этом городе Людвиг Кноп провел остаток жизни, но регулярно наезжал в Россию, проводя в ней до полугода⁸⁸. О тесных связях этой, немецкой по происхождению, фирмы с Великобританией свидетельствует тот факт, что в 1908 г. торговый дом «Л.Кноп» наряду с торговыми домами Э.Г.Брандта (E.H.Brandt), Вогая (Wogau) и «Уильям Миллер и К°» («William Miller & C°») был членом Русско-Английской торговой палаты⁸⁹.

В основе своей фирма Кнопа все же оставалась связанной с Германией. В отличие от Шредеров и Брандтов, избравших своей штаб-квартирой Лондон, для Кнопов основным местом проживания и предпринимательской деятельности являлись Германия и Россия. Кроме того, у фирмы были филиалы, имевшие разную специализацию, в Аргентине, США и Швейцарии. Россия, Англия и страны Нового Света играли важную роль в успехе фирмы Кнопов, и потому одна из ветвей династии англизировалась.

Торговый дом «Л.Кноп» является одновременно и примером переплетения международных контактов. Торговые операции носили космополитический характер, хотя Людвиг Кноп весьма гордился пожалованным ему в 1861 г. императором Александром II титулом барона Российской империи. Он был доволен не столько фактом возведения в дворянство, сколько признанием его заслуг и трудов. Титул российского барона не изменил характера его деятельности и общественных связей⁹⁰.

3.4. Торговые дома Ралли (Ralli) и Родоканаки (Rodokanaki)

«Совладельцами фирмы состоят трое братьев Ралли и их родственник Скараманга, которые пожелали по соглашению разделить всю прибыль на две равные части...» Эта цитата из письма Одесской купеческой управы от 5 января 1850 г. отражает начало семейного бизнеса Ралли и Скараманги в Одессе⁹¹. Основной капитал торгового дома равнялся 10 тыс. руб. Эта фирма являлась одной из многих других фирм, руководимых семьями Ралли, Скараманга, Родоканаки, Петрокино и Зафири (Zafiri). Помимо этих фамилий стоит также упомянуть династии Маврог(к)ордато (Mavrog(c)ordato), Шилици (Schilizzi), Власто (Vlasto) и Агеласто (Agelasto). Все они были родом с

острова Хиос в Ионическом море, где уже в XVIII в. начали вести торговые операции⁹². Объектом их интереса были Черное море, страны Средиземноморья, особенно Италия и Франция, а также Османская империя. Первым успешным греческим предпринимателем в России стал Иоаннис Варвакис (Ioanis Varvakis), морской пират, получивший в 1774 г. право на ловлю рыбы в Астрахани, а затем судовладелец в Таганроге⁹³. Поддержка Россией национально-освободительного движения греков против турецкого владычества, установление российского протектората над Ионическими островами, а также ее содействие развитию черноморской торговли после 1774 г. пробудили интерес греческих предпринимателей-судовладельцев, прежде всего жителей острова Хиос, к южным регионам России и подтолкнули греков к переезду на жительство в основанную в 1794 г. Одессу. Сюда переехали и итальянцы, например, такие известные фамилии, как Вальяно (Vagliano) и Инглесиас (Inglesias)⁹⁴. На рубеже XVIII—XIX вв. в Одессе обосновались и упомянутые семейства Ралли, Скараманга и Родоканаки. Поскольку эти семьи были связаны родственными узами (включая и Петрококино) и вели широкую международную торговлю за пределами России, они добились и самых прочных деловых позиций, по сравнению с другими греками и итальянцами. Позднее, особенно после Крымской войны, список ведущих предпринимателей Одессы пополнили и такие еврейские семьи, как Эфрусси (Ephrussi, 1830 г.), Рафаловичи (Rafalovic, 1830 г.), Дрейфусы (Dreyfus, по крайней мере с 1875 г.), и М.Нойфельд (M. Neufeld). Фирма Ралли свернула свою деятельность в Одессе в 1860 г., другие хотя и остались, но отступили на второй план перед натиском еврейских конкурентов. Федор Родоканаки был зарегистрирован в Одессе с 1798 г.⁹⁵, Маврокордато — с 1806 г., Ралли — с 1809 г.⁹⁶, братья Петрококино — с 1859 г., т.е. после Крымской войны. Старейшими итальянскими семьями Одессы были уже упомянутые Вальяно и Инглесиас (обе — с 1797 г.), в 1836 г. к ним добавился Тработти (Trabotti). Греки занимались судоходством, которое особенно оживилось с бурным ростом экспорта зерна из России. Если в 1830 г. из черноморских портов России было отправлено только 1 млн четвертей зерна, то в 1845—1850 гг. ежегодно вывозилось в среднем 6 млн, в 1870 г. было вывезено 8 млн, в 1875 г. — 13 млн, в 1890 г. — 25 млн, в 1895 г. — 33 млн, в 1905 г. — 38 млн и в 1910 г. — 48 млн четвертей⁹⁷.

Ведущими являлись фирмы Ралли и Родоканаки, за ними следовали фирмы Маврокордато и Скараманги. Поскольку они часто выступали совместно и были связаны семейными узами, эти фирмы можно рассматривать как единое целое. Они довольно скоро стали занимать господствующее положение в одесской торговле⁹⁸: в 1840 г. на их долю приходилось 25% всего экспорта из Одессы и других портов в Марсель⁹⁹. Уже в конце 1840-х гг. названные фирмы начали осваивать и Балтийское море через Петербургский порт¹⁰⁰. Ралли, Родоканаки, Скараманга, Зарифи, Петрококино, Маврокордато записались в I купеческую гильдию Петербурга¹⁰¹. С 1847 г. Ралли экспортировал из Петербурга зерно, сало и лен, позднее — льняное семя, а в 1852 г. те же товары начали экспортировать Родоканаки¹⁰². В сред-

нем стоимость вывоза фирмами Ралли и Скараманги и Родоканаки через Петербургский порт не превышала 1,5 млн руб. в год. Хотя обе фирмы вошли в верхнюю часть списка петербургских экспортеров, объем их вывоза оставался существенно ниже по сравнению с Одессой: их доля в экспорте зерна в конце 1840-х гг. не превышала 5%¹⁰³. В 1861 г. их совокупный экспорт в размере 224 тыс. четвертей составлял уже 15%, примерно на этом уровне он сохранялся вплоть до 1870-х гг. В последний раз Ралли были зарегистрированы в совместной со Скараманга фирме в 1867 г., в дальнейшем последние действовали самостоятельно¹⁰⁴. Особенно прочны были позиции фирмы «Скараманга и К^о» в экспорте жиров, где она возглавляла список крупнейших торговцев¹⁰⁵.

В XIX в., примерно до 1870-х гг., вести операции одновременно в нескольких регионах были в состоянии лишь самые крупные фирмы. В первой половине XIX в. отдельные фирмы одновременно работали в Риге и Петербурге, как, например, Г.Е. Шредера (Петербург) и Г.В. Шредера (Рига), «Гилл и Вишав» («Hills & Whishaw», Рига), «Штиглиц и К^о» («Stieglitz & Co», Петербург), Брандтов (Архангельск — Петербург — Рига) и Капперров (Kapperr, Петербург — Рига). Благодаря своим масштабам, фирма Штиглицев была единственной петербургской фирмой, которая инвестировала капиталы и в Одессе. Она уловила благоприятные перспективы для местной торговли, оправив в Одессу своего агента Эрнста Мааса (Ernst Mahs). Позднее он стал вести дела самостоятельно и вплоть до Первой мировой войны оставался одним из влиятельнейших экспортеров русского зерна. Он открыл специальные отделения для экспорта зерна в Великобритании, в Лондоне и Ливерпуле¹⁰⁶. Экспансия греческих торговцев в Петербурге не привела все же к установлению их контроля над местной торговлей. При этом они занимали прочные позиции в экспорте зерна, льна и ввозе в Россию хлопка-сырца. Впрочем, совместными усилиями эта группа к середине XIX в. заняла ведущее место в российской вывозной торговле. Упомянутые пять фирм обеспечивали вместе около 10–15% всего экспорта России (см. Таблицу 3).

Таблица 3

Доля ведущих фирм в экспортно-импортной торговле России, 1835—1863 гг. (млн руб.)

	1835 г.	1845 г.	1850 г.	1857 г.	1863 г.
Ралли, Родоканаки, Скараманга	5,6	8,0	8,4	12,8	14,9
Штиглиц	18,5	4,5	5,3	5,6	—
Брандт	9,0	4,1	4,1	6,7	2,4
Гилл и Вишав	10,5	4,4	5,0	8,5	7,9
Кноп — Фрерихс — Фёрстер	—	—	—	7,3	8,7

Источник: Виды государственной внешней торговли. [1835—1863]. СПб. (ежегодное издание).

Основным видом бизнеса был экспорт зерна из Одессы и других черноморских портов, таких как Таганрог, Ростов-на-Дону, Николаев и Новороссийск. Вывозными портами второго разряда были Бердянск и Севастополь. Не менее значимым был импорт хлопка-сырца, который часто направлялся в Царство Польское. Греки вели дела с явным успехом в обеих областях торговли. Греческие фирмы были представлены во всех портах Черного моря, важнейшим среди которых оставалась Одесса. О деятельности фирм Ралли и Родоканаки в Одессе в 1836—1853 гг. можно судить на основе данных нижеследующих таблиц.

Таблица 4.1

Экспорт зерна и импорт хлопка фирмами Ралли и Родоканаки через Одессу, 1836—1839 гг.

Год	Экспорт зерна	% от всего экспорта	Импорт хлопка	% от всего импорта
1836	7,4 млн руб.	28%	Нет сведений	Нет сведений
1839	2,3 млн четв.	28%	2,8 млн пуд.	80%

Источники: Коммерческая газета. 1839. № 33. 18 марта. С. 130; Кохановский В. Одесса за 100 лет: Исторический очерк — путеводитель. Одесса, 1894.

Общие данные о торговле греческих коммерсантов содержатся в российской статистике экспортной торговли, но в ней отсутствуют сведения о составе товаров. Более точное представление дают сведения о вывозе греческими фирмами зерна (см. Таблицу 4.2.).

Таблица 4.2

Вывоз зерна фирмами Ралли и Родоканаки из Одессы в порты Великобритании и Марсель, 1841—1845 гг.

Год	Объем вывоза (четв.)	Доля в общем экспорте зерна из Одессы (%)
1841	24096	15,1
1842	63502	21,5
1843	30747	28,0
1844	50817	27,8
1845	58425	32,1

Источник: составлено по: Harlaftis G. A history of Greek-owned shipping. The making of an international tramp fleet. 1830 to the present day. London, 1996. P. 48.

В экспорте зерна пальма первенства принадлежала Родоканаки, в импорте товаров для текстильной отрасли их опережали Ралли. Вероятно, между ними существовало некоторое разделение сфер деятельности.

**Ввоз хлопка и шерсти из Великобритании в Одессу
фирмами Ралли и Родоканаки, 1841—1845 гг.**

Год	Объем ввоза (пуд.)	Доля в общем экспорте (%)
1841	143014	38,5
1842	230716	37,7
1843	102076	28,5
1844	83529	18,1
1845	44690	16,9

Источник: см. Источник Таблицы 4.2.

Основная часть российского экспорта зерна в этот период направлялась в Великобританию, откуда же главным образом поступал в Россию хлопок-сырец. Во второй половине XIX в. ситуация изменилась: зерно вывозилось в различные страны, хлопок ввозился непосредственно из США, Египта и Индии.

Таблица 4.4

Экспорт зерна из России в Великобританию

1830 г.		1850 г.		1857 г.		1895 г.	
млн честв.	% от всего вывоза	млн руб.	% от всего вывоза	млн руб.	% от всего вывоза	млн руб.	% от всего вывоза
7,13	11,1	6,8	39,2	18,72	42,2	17,0	27,4

Источники: составлено по: Хлебная торговля в России. М., 1888; Китанина Т.М. Хлебная торговля в России в 1875—1914 гг. Л., 1978.

Ралли и Родоканаки сосредотачивались в основном на хлебном экспорте в Великобританию, в связи с чем довольно рано открыли там отделения, равно как и в других странах — потребителях российского зерна. Вероятно, уже примерно с 1820 г. общим ходом этих дел управляли из Лондона. Если Россия была основой этого бизнеса, то деловой интерес коммерсантов все более смещался в сторону Соединенного Королевства.

Интернациональный характер деятельности Ралли в 1850-х гг. раскрывается на архивных материалах этой фирмы в Лондоне. Ее главными управляющими были Пантя Ралли (Pantoa Ralli, 1793—1865) и Стефан Ралли (Stephen Ralli, 1829-- 1902). Пантя Ралли был зарегистрирован в Англии по меньшей мере с 1818 г. И.Геннадиус (Genadius), греческий посланник в Лондоне, писал о Стефане Ралли: «Именно он заложил основы процветания фирмы, стяжавшей всемирную славу и ныне далеко превзошедшей прочие торговые дома»¹⁰⁷. Семейное предприятие развивалось в нескольких филиалах; наряду с Одессой представительства фирмы были открыты в Константинопо-

ле, Трабзоне, Марселе, Манчестере и Ливерпуле, в 1837—1865 гг. действовало отделение в персидском Тавризе. В 1851 г. была открыта контора в Калькутте, что означало поворот к торговле с Индией. Возможно, уже в 1850 г. и, совершенно определенно, после Крымской войны Ралли сочли хлеботорговлю менее выгодным делом по сравнению с торговлей хлопком. Ралли всегда занимались масштабными торговыми операциями, связанными с текстильной промышленностью, и ввозили хлопок в Россию через Одессу. Значительные инвестиции в эту область в Индии и открытие филиала фирмы в Нью-Йорке в 1871 г. придали семейному делу международный размах¹⁰⁸. В 1863 г. Ралли заключили партнерское соглашение с известной египетской фирмой «Бенахми», торгующей хлопком, образовав торговый дом «Ралли, Бенахми и К°»¹⁰⁹, и изначально российский бизнес сократился до масштабов партнерских отношений с фирмой Родоканаки в Одессе, в форме торгового дома «Ралли и Скараманга», а затем до отдельной фирмы «Скараманга и К°» в Петербурге. Впрочем, Ралли импортировали хлопок в Россию и позднее, как, например, в 1900 г. по заказу торгового дома «Вогау и К°» («Wogau & C°») ¹¹⁰, и стали одной из ведущих хлопкоторговых фирм не только Лондона, но всей Британской империи. Капитал Ралли и Родоканаки вырос в 4 раза и оценивался в 1902 г. в 3 млн ф. ст., или немногим менее, чем у самих Ротшильдов¹¹¹. В Лондоне Ралли, как и Родоканаки, были заметными фигурами местного делового сообщества: входили в правление известной Балтийской биржи (Baltic Exchange), товарной биржи для сделок с преимущественно российскими импортными и экспортными товарами, прежде всего с зерном¹¹². Компанию им составляли такие крупные фигуры в торговле с Россией, как Торнтон, Шредер, Уилсон (Wilson), Кэттли (Cattley), те же Родоканаки и др.¹¹³ Стефан Ралли некоторое время состоял председателем правления Балтийской биржи¹¹⁴. Пантю Ралли характеризовали как «члена семьи греческих хлеботорговцев и банкиров, поддерживающего длительные и взаимовыгодные отношения между балтийскими и греческими членами биржи...»¹¹⁵. В 1848—1850 гг. Ралли имели открытую кредитную линию у лондонских банкиров на сумму 30 тыс. ф. ст. (при оценке капитала торгового дома в 500 тыс.), Родоканаки — соответственно 15 тыс. при 200 тыс. ф. ст. капитала¹¹⁶. Их кредитоспособность Бэринги оценивали как «превосходную»¹¹⁷. Ралли оставались в Одессе, но уже вне прямой связи с их международной фирмой: в 1863 г. С.И. Ралли был избран старшиной городской думы Одессы¹¹⁸.

Динамика развития всех предприятий Ралли в первой половине XIX в. отражена в Таблице 5.

Таблица 5

Баланс и прибыль компаний Ралли, 1827—1850 гг. (ф. ст.)

Год	Баланс общей фирмы в Лондоне	Прибыль	Лондонский филиал (Пантя Ралли)	Одесса (Джованни Ралли)
1827	28871	4800	2343	3281
1830	50628	4500	2196	3373

Год	Баланс общей фирмы в Лондоне	Прибыль	Лондонский филиал (Пантя Ралли)	Одесса (Джованни Ралли)
1833	111437	19000	4291	5445
1835	254496	53138	18169	18987
1840	338931	17289	33399	32275
1845	546554	41511	63875*	54533
1850	877679	24037	62633	296500**

Примечания: * — 1844 г.

** — 1847 г.

Источник: Guildhall Library. Manuscript Section. Ms. 23830.

Цифры баланса свидетельствуют о стремительном возвышении семейного предприятия Ралли. За 24 года баланс лондонской фирмы вырос в 30 раз. Прибыль возросла не столь значительно, вероятно, потому, что этим показателем сознательно манипулировали. Значение Одессы для семейного бизнеса, поначалу небольшое, к середине XIX в. стало вполне очевидным. Объем продаж через другие филиалы семейной фирмы отражен в Таблице 6.

Таблица 6

Объем продаж филиалов фирмы Ралли, 1837 г. (ф. ст.)

Филиалы	Объем продаж	% от общего итога
Марсель (2 отделения)	21352	39,1
Одесса	11558	21,2
Лондон (2 отделения)	10714	19,6
Константинополь (2 отделения)	9354	17,2
Манчестер	1589	2,9
Всего	54567	100,0

Данные на 1844 г. представлены в Таблице 7, в которой отражена деятельность отделений в Лондоне, Марселе и Одессе (об операциях в Константинополе и Тавризе сведений нет).

Таблица 7

Объем продаж филиалов фирмы Ралли, 1844 г. (ф. ст.)

Лондон	63875
Марсель	62888
Одесса	62527

На рубеже 1850—1860-х гг. фирма приступила к инвестициям в Индии. Ралли финансировали производство индийского джута, в качестве замены русской пеньке, и возделывание хлопка, став одними из крупнейших международных хлопкоотроговцев¹¹⁹.

Торговая группа Ралли (Ralli Trading Group), которая с 1961 г. не находилась в семейной собственности, в 1972 г. была куплена ведущей мировой зерноторговой фирмой Каргилла (Cargill) и преобразована в компанию «Каргилл коттон ЮК» («Cargill Cotton UK»).

Фирма семьи Родоканаки также приобрела черты международной компании, принимая активное участие в мировой хлеботорговле. Она, впрочем, ограничивалась рамками Европейского континента и не стала столь же транснациональной, как фирма ее партнеров Ралли. В Лондоне ее интересы представлял собственный филиал, а совладельцы фирмы входили в состав Балтийской биржи¹²⁰. Первым представителем семьи в Лондоне был Джон Родоканаки (John Rodokanaki, 1785—1858), основавший здесь собственную фирму¹²¹. Как и Ралли, фирмы Родоканаки имели широкое представительство в Средиземноморье: они действовали в Триесте, Марселе и Ливорно¹²². С 1850-х гг. они экспортировали хлопок из США, открыли в 1864 г. филиал в Нью-Йорке¹²³.

Но в противоположность Ралли Родоканаки сохранили тесные связи с Россией, особенно активную деятельность они вели в южных регионах страны. В районе Одессы они построили множество мельниц и мелких перерабатывающих фабрик¹²⁴. В Петербурге, при посредничестве нескольких фирм, они были заняты во внешней торговле и банковском деле. Родоканаки являлись учредителями Петербургского Международного банка, совместно со Скараманга, а также амстердамским филиалом лондонского банкирского дома Шредера, франкфуртским банкирским домом Бетмана (Bethmann), вместе с которым они были членами Балтийской биржи, парижским домом Эрлангера (Erlanger), еврейскими банкирами Франкелем (Frankel), Эфрусси (Ephrussi), Флершаймом (Flörshheim) и петербургским банкирским домом Генри Марка (Henri Marc)¹²⁵. Ф.П.Родоканаки в 1869—1876 гг. являлся крупным акционером этого банка, а также был директором его правления¹²⁶. После своей смерти Федор Родоканаки оставил громадное имущество общей стоимостью около 4 млн руб. Периклес Родоканаки, умерший в Ницце, был похоронен по его завещанию в Одессе¹²⁷.

Степень интернациональности семейного бизнеса у Родоканаки была весьма высока, как и у Ралли, причем последние вышли на новый уровень за счет операций в Индии. В отличие от Родоканаки, Ралли покинули российский рынок, несмотря на сохранявшиеся тесные связи со Скараманга. По мнению Ст.Томпсона, Родоканаки были щедро вознаграждены за свое решение остаться в России, сумев в 10 раз увеличить свое состояние¹²⁸. С другой стороны, общий капитал Ралли к 1900 г. достиг 4 млн ф. ст., тогда как у Родоканаки — 0,4 млн¹²⁹. Если прибавить к этому 3,6 млн руб., оставленные по духовному завещанию Федора Родоканаки, общий итог составит около 1,1 млн ф. ст.¹³⁰

Скараманга, Петрококино и Маврокордато также действовали в общеевропейском масштабе. Их лондонские фирмы были относительно скромными по сравнению с Родоканаки, но обнаруживали те же тенденции. Скараманга, впрочем, в 1888 г. были вынуждены ликвидировать лондонское представительство, что сказалось на их русском бизнесе. Их торговая активность значительно понизилась, но они остались в России, как и Родоканаки¹³¹.

3.6. «Стукен и К°» («Stucken & C°»)

Предприниматели Стукены, как и Кнопы, происходили из немецкого города Бремена и занимались торговлей табаком и хлопком. В США возникла фирма «Август Стукен» («August Stucken»), которая скупала хлопок в Нью-Орлеане, Саванне и Чарльстоне¹³². С 1870-х гг. в Ливерпуле вел операции по закупке хлопка другой филиал фирмы, «Стукен и К°» («Stucken & C°»)¹³³. Бэринги отзывались о совладельцах фирмы, что они «были низкого происхождения, но весьма уважаемые люди»¹³⁴.

Вильгельм Стукен (Wilhelm Stucken) прибыл в Петербург в 1840-х гг., начав импортно-экспортную торговлю совместно с Робертом Шписом (Robert Spies). Главными статьями ввоза поначалу стали хлопок и табак. В 1856 г. была основана фирма «Стукен и Шпис» («Stucken & Spies»), причем Стукен вел дела в основном в Петербурге, а Шпис — в Москве¹³⁵. Внешнеторговый оборот фирмы того периода в среднем равнялся от 1,9 до 3,6 млн руб. в год, и по этому показателю во второй половине XIX в. Стукен и Шпис вошли в число ведущих международных торговцев России. С 1881 г. фирма руководила табачной фабрикой «Лаферм» («Laferte») в Петербурге, а также бумагокрасильным предприятием Франца Рабенека (Franz Rabeneck) в Москве. В 1881 г. прямое деловое партнерство со Шписом распалось, хотя позднее, в 1890-х гг., они продолжали сотрудничать. Брат Вильгельма Стукена Карл, имевший гражданство США, в 1868 г. учредил свою фирму «Карл Стукен и К°» («Karl Stucken & C°»)¹³⁶. Эта фирма ввозила хлопок через хлопковые биржи в Ливерпуле, Бремене и Гавре из США, наладив прямые контакты, а также из Персии и Средней Азии и сбывала его российским фабрикантам южных губерний, Кавказа и Урала. Кроме того, она экспортировала готовые хлопчатобумажные ткани в Монголию и Китай.

Фирма стала одним из главных импортеров машин и оборудования, прежде всего для текстильной и нефтедобывающей промышленности России. По поручению фирмы Маннесманна (Mannesmann) фирма Стукена организовала строительство нефтепровода Баку — Батум в 1903—1904 гг.¹³⁷ и одновременно занималась продажей нефтепродуктов. Торговый дом «Стукен и К°» имел отделения в Москве, Петербурге, Ростове-на-Дону, Одессе, Баку и Мерве. Под Москвой фирма открыла металлургическое предприятие, а также основала пивоваренную компанию «Южная Бавария» в Астрахани. Кроме того, Стукены экспортировали зерно из южных портов.

Кредиторами фирмы были преимущественно иностранные банкирские дома. Вильгельм и Карл Стукены пользовались торговым кредитом у Ротшильдов (Mess. Rothschild), Бэрингов (Baring Brothers), Клейнворта (Kleinwort) и банкирского дома «Уильям Брандт и сыновья» («William Brandt & Sons»). Основным кредитором торгового дома в Германии являлся Немецкий банк (Deutsche Bank). Среди русских кредиторов необходимо выделить Московский Учетный банк, соучредителем которого в 1871 г. выступила фирма «Стукен и Шпис». Карл Стукен был избран в правление этого банка.

Основной капитал фирмы был меньше, чем у Кнопов, и составлял 8 млн руб. (0,8 млн ф. ст.)¹³⁸, 10% капитала находилось на счетах у английских банкиров¹³⁹.

Деятельность фирмы Стукенов была сосредоточена в России, Великобритании, США и Германии (Бремен и Гамбург). В Гамбурге эта семья, как и семейство Брандтов, приобрела виллу на Эльбшоссе (Elbchaussee)¹⁴⁰, которая стала зримым признаком делового успеха династии.

Деятельность фирмы Стукенов была аналогична по структуре бизнесу торгового дома «Л. Кноп», но отличалась разносторонностью и охватывала больше отраслей. Масштабы ее торговых оборотов были все же скромнее. Связи с Германией оставались, впрочем, весьма прочными. Тем не менее принятие гражданства США и употребление Карлом Стукеном англоязычного имени (Чарльз) свидетельствовали о международной самоидентификации владельцев фирмы. Семья Стукенов была примером космополитизма тогдашнего международного торгового сообщества, наглядно свидетельствуя, что и средние по масштабам фирмы играли заметную роль в международном товарообмене.

3.7. Прены (Prenn)

Торговый дом Пренов принадлежал к старейшим фирмам России. Фирма действовала уже в XVII в., когда Генрих Прен (1688—1714) приехал в Россию из Гамбурга¹⁴¹. В XVIII в. Прены занимались преимущественно внешней торговлей. В XIX в. эта фирма заняла ведущие позиции в биржевой торговле, банковском деле, а также в текстильной, металлообрабатывающей и пищевкусовой промышленности.

Возвышение фирмы связано с именем Христиана Людвиг Прена. Внешнеторговый оборот фирмы при нем возрос с 2,2 млн руб. в 1816 г. до 3,9 млн руб. в 1817 г.¹⁴² При Александре Прене был основан сахарорафинадный завод, при Людвиге Прене в Москве учрежден банкирский дом «Людвиг Прен и Грабе» («Ludwig Prehn & Grabe»). Фирма Роберта Прена в качестве своего местонахождения избрала Петербург. Роберт Прен стал членом Петербургского биржевого комитета, а в 1846—1865 гг. — членом престижного Английского клуба, причем некоторое время состоял его старшиной¹⁴³. В 1867 г. «Братья Бэринги & К°» («Baring Brothers & Co») оценивали обе фирмы как «респектабельные» (Людвиг), «надежные и добрые» («respectful», «safe and good»)¹⁴⁴.

У обеих фирм были в Лондоне влиятельные представительства. Томас Прен, сахарный фабрикант Петербурга, в 1856 г. стал директором лондонской Балтийской биржи, которая занималась торговлей с Восточной Европой (сало, нефть, лен, пенька, лес, а с 1846 г. также зерно)¹⁴⁵.

Уже в начале 1850-х гг. Томас и Роберт Прены основали свои официальные представительства в Англии: «Томас Прен и К°» («Thomas Prehn & C°») в Лондоне и «Прен, Уилсон и К°» («Prehn, Wilson & C°») в Ливерпуле. В 1863 г. Уильям Прен учредил отделение в Александрии.

Несмотря на это, фамильное дело уже миновало свой расцвет. В 1850—1870-е гг. торговый дом столкнулся с кризисом, охватившим международные фирмы-посредники. Роберт Прен умер в 1865 г., а в 1867 г. в Лондоне скончался Томас Прен. В 1874 г. Людвиг Прен оказался замешан в историю с крахом Московского Коммерческого и ссудного банка, ставшим результатом связей банка с немецким железнодорожным грюндером Генри Струссбергом (Strussberg)¹⁴⁶.

В 1878 г. был ликвидирован торговый дом «Прен, Уилсон и К°» в Ливерпуле, однако Чарльз Прен основал в Нью-Орлеане и Ливерпуле новую фирму под своим именем «Чарльз Прен и К°» («Charles Prehn & C°»). Его партнерами стали Томас А. Хэмпсон (Thomas A. Hampson) и Джордж Прен (George Prehn, 1846—1904). Имена Джорджа, а также Джекоба Джеймса Прена (Jakob James, 1827—1915), коммерсанта в Ливерпуле и Петербурге, отражают некоторую англоизацию этой ветви семейства. В России торговому дому удалось стабилизировать положение. Совладельцы фирмы входили в наблюдательные советы крупнейших компаний России, таких как Общество электрического освещения 1886 года (дочерняя компания Сименса в России), Товарищество Русской хлопчатобумажной мануфактуры, Общество табачной фабрики «Лаферм», московская фирма «Шпис и Прен» («Spies & Prehn»), Товарищество Романовской льняной мануфактуры, Соединенный банк в Москве, а также Общество суконной мануфактуры Торнтона в Петербурге.

Как и фирма Стуkenов, фирма Пренов относилась к числу крупных внешнеторговых посредников, хотя и более мелкого масштаба. Очевидна ее выраженная ориентация на Англию и США. Но, в отличие от Брандтов и Шредеров, фирма Томаса Прена не смогла достичь крупного успеха на Балтийской бирже.

3.8 Пельтцеры (Peltzer): Россия — Германия — Аргентина

Эта фирма, ставшая в России крупным текстильным предприятием, вела свое происхождение из Германии, где Пельтцеры в скромных масштабах занимались коммерцией в районе Аахена. Со временем семья основала несколько предприятий в Германии, в Рейнской области, а также в Бельгии, в Вервье (Verriers). Торговый дом «Пельтцер и К°» («Peltzer & C°») в 1814 г. торговал уже по всей Европе, с Францией, Германией, Англией и Италией. К 1820 г. были зарегистрированы первые экспортные поставки в Россию, в

Петербург для фирмы «Лудер и К°» («Ludert & C°») и в Москву для Моллво (Mollwo)¹⁴⁷.

В 1822 г. Наполеон Пельтцер отправился в Москву, положив начало русскому бизнесу семьи. По инициативе Пельтцеров возникли и развивались многочисленные текстильные предприятия, важнейшим среди которых стала Нарвская суконная мануфактура, прежде принадлежавшая барону Штиглицу. В 1845 г. Роберт Пельтцер был назначен доверенным лицом Андреаса фон Штиглица и после смерти последнего в 1851 г. приобрел эту фабрику. К 1850 г. основной капитал предприятия составлял 2 млн руб., фабрикой руководили Р. и А. Пельтцеры¹⁴⁸. Егор Пельтцер с 1857 г. владел суконной мануфактурой в Москве, а Арманд Пельтцер с 1873 г. был собственником ниточной фабрики. Семейное дело параллельно и успешно расширялось в бельгийском Вервье, в Лондоне и Антверпене. Впрочем, банкирский дом братьев Пельтцеров («Peltzer frères et Cie») в Антверпене с капиталом 3,3 млн франков в 1872 г. попал в тяжелое положение и был ликвидирован¹⁴⁹. Лондонская фирма Пельтцеров примерно с 1845 г. экспортировала в Россию текстиль и индиго, ее интересы здесь представлял Роберт Шпис (Robert J. Spies), впоследствии основатель торгового дома Шписов¹⁵⁰. В начале 1870-х гг. фирма Пельтцеров приступила к инвестициям в Аргентине, которая переживала в то время период бурного экономического роста. В Буэнос-Айресе ими была открыта текстильная фабрика¹⁵¹. У фирмы появились коммерческие интересы и в США¹⁵². В 1883—1887 гг. фирма «Пельтцер и сыновья» («Peltzer & fils») основала текстильную фабрику в польском Ченстохове¹⁵³.

Фирма Пельтцеров проявила себя как компания с широкими международными связями, интересы которой при этом были сосредоточены почти исключительно на текстильной промышленности. Предприятия в России, хотя и значительные по масштабам, все же не являлись базисом фирмы. Российские предприятия возникли самостоятельно и действовали независимо от компаний семьи в Бельгии, Германии и Аргентине. Тем не менее предпринимательская группа Пельтцеров была прочно связана родственными узами.

3.9. «Луи Дрейфус и К°» («Louis Dreyfus & C°»)

Современники отмечали, что «самым крупным экспортером сибирской пшеницы через Архангельск является фирма “Луи Дрейфус и К°”, которая, как всем известно, ведет также экспортную торговлю почти через все русские порты, а также и экспортирует из Америки и Аргентинии»¹⁵⁴.

Фирма Луи Дрейфуса с 1880-х гг. принадлежала к числу крупнейших мировых хлеботорговых компаний. Таковой она остается и по сей день вместе с другими семейными предприятиями — Каргилла, Фрибурга (Fribourg), Бунге (Bunge), Борна (Born) и др. Сегодня фирма Дрейфуса базируется во Франции, в США и Аргентине, ее годовой оборот достигает 20 млрд долларов США. Несмотря на это, сведения об истории фирмы довольно скудны¹⁵⁵. До 1917 г. торговля россий-

ским зерном составляла основу процветания фирмы Дрейфуса. Сам Леопольд Луи Дрейфус происходил из небогатой еврейской семьи Эльзаса и с 1851 г. вел скромную торговлю зерном в Базеле. За 10 лет ему удалось стать крупнейшим дунайским экспортером зерна из Венгрии и Румынии. Из Базеля фирма переехала в Цюрих и Пешт, затем в Марсель (1872 г.) и в 1876 г. окончательно обосновалась в Париже¹⁵⁶. В начале 1870-х гг. или, самое позднее, в 1873 г. Дрейфус обосновался в Таганроге и Одессе и вплоть до 1914 г. оставался ведущим экспортером русского зерна¹⁵⁷. В первый год деятельности в России фирма отправила 19000 четвертей зерна, из них 9400 из Николаева, 5000 из Одессы и из Таганрога¹⁵⁸. В 1880-е гг. важным экспортным портом для фирмы становится Ростов-на-Дону¹⁵⁹.

В начале XX в. головная контора фирмы в России находилась в Самаре, а с 1910 г. — в Петербурге, ее вывозными и перегрузочными портами на Черном море были Таганрог, Одесса, Николаев, Ростов-на-Дону, Новороссийск, Керчь, Бердянск, Азов и др., где у Дрейфуса были свои отделения¹⁶⁰. Был основан и филиал в Петербурге: столица империи также была важным вывозным портом, в особенности для ржи. Суда зачастую принадлежали фирме Дрейфуса¹⁶¹. Этому коммерсанту удалось, прежде всего, исправить дурную репутацию русской пшеницы и наладить ее крупномасштабный экспорт в Англию, Францию и Германию. Дрейфус заручился поддержкой крупных банкиров, что позволило ему постоянно расширять дело¹⁶². При этом закупка зерна в южных губерниях России и на Украине велась через агентов, а затем хлеб с большими трудностями доставлялся в Одессу. С 1883 г. фирма стала развивать систему закупочных контрактов, которые заключались на срок до 3 месяцев перед поставкой зерна. К 1906 г. в России действовали 114 отделений фирмы¹⁶³. Динамика экспортных операций фирмы в России показана в Таблице 8.

Таблица 8

Экспорт зерна из России фирмой «Л. Дрейфус и К°»
(«L. Dreyfus & C°»), 1885—1910 гг. (млн пуд.)

1885—1889 гг.	143
1890—1894 гг.	198
1895—1899 гг.	231
1900—1903 гг.	247
1904 г.	82
1905 г.	82
1906 г.	64
1907 г.	47
1908 г.	53
1909 г.	105
1910 г.	90

Источник: РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 700. Л. 23.

Таким образом, до 1905 г. объем экспорта непрерывно возрастал. В 1885—1889 гг. он равнялся почти 30 млн пуд. в год, в 1900—1903 гг. — уже 62 млн и в 1904—1905 гг. — 82 млн пуд.¹⁶⁴ Но в 1906—1907 гг. произошло резкое снижение экспорта до 64 и 47 млн пуд. соответственно. Причинами стали конкуренция со стороны других мировых экспортеров зерна, США, Канады и Аргентины, относительный неурожай хлебов в России в эти годы и особенно ухудшившееся с 1905 г. внутреннее положение в стране. Первоочередная причина крылась именно в революции 1905 г. с ее растущим социальным напряжением и антиеврейскими погромными выступлениями. Шарль Луи Дрейфус писал по этому поводу министру торговли и промышленности России С.И.Тимашеву: «Особенно тяжело сказался на наших делах 1905 год»¹⁶⁵. Россия все же оставалась центром притяжения для фирмы Дрейфуса. С 1908 г. экспорт зерна снова вырос, и в 1909 г. достиг рекордной отметки в 105 млн пуд. В 1883—1898 гг. Дрейфус удерживал пальму первенства в черноморской торговле российским зерном: из южных портов его фирма осуществляла почти 27% (23,5 млн четв.) всего зернового экспорта, идущего через них. Его главными конкурентами были Юровский с 9% (7,6 млн четв.) и «М.Нойфельд и К°» («M. Neufeld & C°») с 7% (6,1 млн четв.). Все прочие находились на почтительном расстоянии от этой ведущей тройки. Дрейфус выделялся на этом фоне многолетней непрерывной деловой активностью. В Николаеве, Ростове-на-Дону и Таганроге ситуация выглядела аналогичным образом. Впрочем, с конца 1890-х гг. наметилось сокращение экспорта зерна через Одессу, тогда как вывоз из других черноморских портов (Николаев, Ростов-на-Дону и Таганрог) резко вырос¹⁶⁶. В 1896 г. фирма «Луи Дрейфус и К°» значилась членом Ростовского-на-Дону биржевого комитета, как и других биржевых комитетов России, связанных с хлебной торговлей¹⁶⁷. Факт этот тем более примечателен, что Дрейфус, как правило, держался в стороне от общественной деятельности, за исключением благотворительности, особенно для бедных евреев¹⁶⁸. Среди экспортеров зерна из Ростова-на-Дону на 1896 г. Дрейфус безоговорочно занимал первое место с 7,3 млн пуд.¹⁶⁹ Его экспорт из Одессы в 1900 г., напротив, составил всего 42,3 тыс. пуд.¹⁷⁰ Одесса с конца 1890-х гг. утратила для фирмы Дрейфуса статус ведущего экспортного порта Юга России. В 1908 г. отделения в Николаеве превзошли одесские по объему экспорта пшеницы, и в последующие годы Одесса была позади Николаева и Ростова-на-Дону по объему вывезенного зерна¹⁷¹. Возможно, Дрейфусу мешала в Одессе и сильная конкуренция со стороны других экспортеров. В Петербурге, впрочем, объем экспорта зерна фирмой Дрейфуса, державшийся в 1909—1911 гг. на уровне в среднем 2 млн пуд. в год, также значительно уступал объему экспорта через Ростов-на-Дону (в среднем 15 млн пуд. за 1909—1911 гг.)¹⁷². О позициях фирмы Дрейфуса в Ростове-на-Дону среди других экспортеров свидетельствуют данные Таблицы 9.

Экспорт зерна из Ростова-на-Дону, 1911 г.

Фирма	Тыс. пуд.	% от итога
«Л. Дрейфус и К ^о »	13458,9	19,5
Комиссионное экспортное общество «Прометей»	8600,0	14,0
Торгово-комиссионное общество	7900,0	12,9
Русское общество вывозной торговли	6456,1	10,6
Петербургский Международный коммерческий банк	5893,4	9,6
Братья Депкази	5383,0	8,8
Экспортное общество зерновых продуктов	5227,7	8,6

Источник: составлено по: Краткий обзор торгово-промышленной деятельности Ростовского-на-Дону рынка за 1911 г. Ростов-на-Дону, 1912.

Особое положение торгового дома «Луи Дрейфус и К^о» выразилось в награждении совладельца в 1896, 1901 и 1907 гг. разными степенями российских орденов Св. Станислава и Св. Анны за «общие заслуги фирмы», которая «в течение нескольких лет удовлетворяла несомненные нужды землевладельческих классов» и «постоянно применяла в своей деятельности элементы новизны». В обоснование награждения приводились также доводы о «заслугах перед государственным кредитом». Это упоминание может служить косвенным показателем участия Дрейфуса в размещении российских государственных займов на европейском денежном рынке. Хотя пожалованные Дрейфусу ордена и не относились к высшим наградам империи, но представление, подписанное министром финансов В.Н.Кокцовым, и непосредственная переписка главы финансового ведомства с владельцем фирмы свидетельствуют о близких отношениях Дрейфуса с российским правительством¹⁷³.

Примечательно, что Рафалович предлагал Дрейфусу поместить экспонаты о его фирме в Русском павильоне на Парижской всемирной выставке 1900 г. Выставочный комитет отнесся к этому предложению скептически, и Дрейфус, вероятно в связи с общей сдержанной манерой поведения фирмы, выставил свои экспонаты в другом павильоне — русского сельского хозяйства¹⁷⁴.

Какую долю экспорт из России занимал в мировой торговле фирмы Дрейфуса? К сожалению, не имеется точных данных о масштабах торговли Дрейфуса в целом, за исключением сведений по России. Поначалу наряду с Россией опорой бизнеса фирмы служила Румыния. Всего в 1917 г. Дрейфус потерял инвестиций в России на сумму 10 млн долларов США¹⁷⁵. Уже перед Первой мировой войной объектом прямых инвестиций фирмы стали Аргентина и Северная Америка. В 1907 г. в Нью-Йорке было открыто бюро «Дрейфус и К^о»¹⁷⁶. За счет новых сфер вложения капитала фирма смогла компенсировать потери в России. К 1930 г. Дрейфусы достигли нового пика своей активности.

Итак, русский бизнес, наряду с румынским, сыграл в подъеме фирмы Дрейфуса роль основного катализатора дела и создал необходимый капитал для последующих крупных международных инвестиций. Как и в случае с другими фирмами, Аргентина стала новым регионом вложения капиталов Дрейфусов.

4. Русские чаоторговцы: Поповы, Кузнецов, Высоцкий, Вогау

Импортная торговля чаем из Китая и позднее Цейлона стала очередной важной сферой активности российских предпринимателей. Здесь были представлены не только русские купцы, которым принадлежали ведущие позиции (К. и С. Поповы, А. К. Кузнецов, Перловы), но и еврейские коммерсанты («Высоцкий и К°»). С 1855 г. эти фирмы создавали чаеразвесочные предприятия в Китае, Гонконге для последующей транспортировки продукции в Россию. К 1857 г. в этой области было занято около 100 коммерсантов¹⁷⁷. Им удалось интегрироваться в китайскую деловую среду. Сначала чай доставлялся в Европейскую Россию, и в частности в Москву, караванным путем через Кяхту и Сибирь¹⁷⁸. Для успеха российских чаоторговцев важную роль играла таможенная защита их интересов от иностранных конкурентов. Таможенные сборы в Кяхте были существенно ниже, чем в морских портах Китая¹⁷⁹. Только в начале XX в., когда российские чаоторговцы начали активно осваивать морские пути, уровень таможенного обложения выравнился. Между тем чай экспортировался не только из Китая, но и из Индии и Цейлона. Российские фирмы активно проявили себя и в этой области, и более качественный индийский чай потеснил на рынке китайский. Это преимущество использовали для округления своего капитала Поповы, Кузнецов, Высоцкий и др. Следом за этими тремя фирмами в списке ведущих чаоторговцев следовали товарищество «Караван», принадлежавшее торговому дому «Вогау и К°», а также торговые дома «Н. А. Иванов и К°», с 1869 г. владевший чаеразвесочной фабрикой в Гонконге, «Петр Боткин с сыновьями», С. В. Литвинов, Молчанов, «Д. И. Наквасин и К°» и др.¹⁸⁰

Ввоз чая составлял важную часть всего российского импорта. С 1845 г. он постоянно занимал одно из ведущих мест. Чай по стоимости ввоза шел на третьем—четвертом местах вслед за хлопком, сахаром и изделиями из металла¹⁸¹.

Таблица 10

Ввоз чая в Россию, 1840—1913 гг.

Год	Объем ввоза чая (млн пуд.)	Доля в общем импорте (%)
1840	2,59	3,4
1845	6,27	7,7
1859	6,90	5,0
1870	16,5	5,3
1880	63,7	11,0

Год	Объем ввоза чая (млн пуд.)	Доля в общем импорте (%)
1885	27,2	6,3
1898	44,6	7,2
1904	47,4	7,3
1913	62,2	4,9

Источники: составлено по: Виды государственной внешней торговли. 1830—1913. СПб., 1831—1914: Материалы по чайной торговле в связи с проектом введения в России чайной монополии. Приложение. Пг., 1915.

Таблица 11

Вывоз российскими фирмами чая из Индии, 1909—1913 гг.

Год	Объем вывоза (млн. полуящиков)	Доля в экспорте чая из Индии (%)
1909	279,7	47,2
1910	263,3	39,9
1911	309,4	39,9
1912	307,3	39,9
1913	275,5	45,1
1909—1913	1435,2	42,1

Источник: см. Источник к Таблице 10.

Не менее значимые позиции российские чаесторговые фирмы занимали и на Цейлоне. Хотя Китай утратил положение ведущего мирового производителя чая, в Гонконге продолжали действовать российские чаеразвесочные фабрики, поставлявшие готовый продукт в Россию.

Деятельность в Китае, особенно основание чаеразвесочных фабрик, и интенсивное развитие торговых операций в Коломбо и Калькутте стали важным элементом активности российских коммерсантов на международном рынке. Эта экспансия распространилась и на Западную Европу: фирмы Поповых, Кузнецова и Высоцкого открыли собственные сбытовые конторы в Берлине, Вене, Праге, Париже, Лондоне и Софии¹⁸².

5. Акционерные компании

До сих пор речь шла о командитных торговых домах, совладельцы которых сумели превратить их в международные по масштабу деятельности фирмы. Та же тенденция, хотя и менее выраженная, была свойственна крупным акционерным компаниям.

Прочные международные связи сложились у крупных нефтепромышленных компаний, заинтересованных в экспорте нефти из России. В 1890—1900-е гг. эксперименты по сбыту российской нефти за

границу предприняли Нобель, Шибаев, Гукасов и Манташев. Товарищество нефтяного производства братьев Нобель, крупнейшая нефтедобывающая компания России, совместно с принадлежавшим Ротшильдам Бакинским нефтяным и торговым обществом (БНиТО) и экспортной фирмой «Бесселер, Вахтер и К°» («Besseler, Wächter & C°») основало специальную фирму для вывоза российской нефти за границу¹⁸³.

Под влиянием острой конкуренции со стороны Рокфеллера сложилось самое значимое транснациональное нефтяное объединение начала XX в. — Европейский Нефтяной союз, созданный при активном участии российских нефтепромышленников. Союз, зарегистрированный в 1906 г. в Бремене, включал нефтяные предприятия Нобелей, Ротшильдов и Немецкого банка (в Румынии и на Кавказе). В объединении приняли участие и фирмы Манташева и Гукасова, занимавшие соответственно второе и третье места в списке ведущих нефтяных компаний Бакинского района. Союз стал второй в мире после фирмы Рокфеллера распределительной организацией по сбыту нефти. Российские компании контролировали почти половину капитала союза.

Таблица 12

**Распределение основного капитала
Европейского Нефтяного союза, 1913 г. (млн марок)**

Фирма	Количество голосов	Доля участия в капитале
Deutsche Bank, Берлин	1	10000
Deutsche Petroleum—Aktiengesellschaft (DPAG), Берлин	2	3669
Steaua	1	5000
Group Deutsche Bank	5	18669 (50,46%)
Société Participation Industrielle (S.P.I.), Париж	2	8974
Group Rothschild frères, Париж	2	8974 (24,25%)
Товарищество «Братья Нобель»	2	7557 (20,42%)
Group Waterkeyn (Грозненское нефтепромышленное общество, Petrol Boryslaw, Petrol Roumanie), Бухарест	3	1800 (4,86%)
Всего	12	37000 (100%)

Источники: Centre des Archives du Monde du Travail, Roubaix. Archive. Banque Rothschild. 132 AQ 202—204; РГИА. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 1269—1273, 1747; Historisches Archiv der Deutschen Bank, Frankfurt am Main. Sekretariat 1612, 1613, 1633—1637, 1674, 1677.

Представленный обзор деятельности различных международных фирм свидетельствует о многообразии форм такого рода предприятий в России. Сначала к их числу относились торговые фирмы и ком-

мерческие банки, бизнес которых приобретал международный характер. Особенно наглядно глобализация предпринимательской деятельности прослеживается у фирм Брандтов, Штиглицев, Ралли, Родоканаки и Пренов, а также у часторговцев Кузнецова, Поповых и Высоцкого. Подобную эволюцию пережили Дрейфус и Шредер, а также Сименс, бизнес которых покоился на заграничной основе. Позднее этот список дополнили промышленные фирмы Кнопов и Стукинов, вовлеченные в международное деловое сообщество благодаря своей производственной деятельности.

Многие из этих фирм впоследствии добились еще большего делового успеха за пределами России, например, фирмы Ралли, Дрейфуса, Шредеров и Брандтов. Русский бизнес часто являлся для них спасательным кругом, а также катализатором деловой активности вне России. Примечательна в этом смысле история шотландской фирмы «Лиддердейл» («Lidderdale»), которая, несмотря на ликвидацию операций в Англии, сумела продолжить деятельность в России, и один из ее совладельцев, Томас Лиддердейл, впоследствии занял пост директора Английского банка (Bank of England).

Основные статьи российского экспорта на рубеже XIX—XX вв., зерно и нефть, создали почву для глобализации деятельности российских фирм. Греческие и еврейские экспортеры зерна, причем не только Дрейфус, но в меньшей степени также братья Рафаловичи, создали на этом свое состояние. В нефтедобыче выделялась фирма Нобелей, бизнес которой достиг глобальных масштабов благодаря международным связям с Немецким банком и Ротшильдами. Интернациональный характер коммерческой деятельности вполне обозначился на рубеже XIX—XX вв., но Первая мировая война и революция 1917 г. в России прервали этот процесс.

Примечания

¹ Jones Ch.A. *International Business in the Nineteenth Century: The Rise and Fall of a Cosmopolitan Bourgeoisie*. Brighton, 1987. P. 67.

² Wilkins M. *The Free-Standing Company in the World Economy* / Ed. by M. Wilkins. Oxford, 1998.

³ Chapman S. *The International Houses* // *Journal of European Economic History*. Vol. 6. 1977. P. 16.

⁴ Schramm P.E. *Neun Generationen Dreihundert Jahre deutscher Kulturgeschichte im Licht der Schicksale einer Hamburger Bürgerfamilie (1648—1948)*. Bd. 1. Göttingen, 1963. S. 460 - 465. Bd. 2. S. 130; Detenhoff J.W. *Der praktische St. Petersburgische Kaufmann oder Lese- und Handbuch zum täglichen Gebrauch und Nachschlagen für Einheimische und Auswärtige Rücksichtlich des St. Petersburgischen Waaren-Handels, mit Beyfügung des Reglements der Disconto-Comptoirs, Importations- und Exportations-Listen, eines Preis-Courants mit Bemerkung des Zoll's, einer neuen Conventions-Liste in Betreff der Unkosten auf einkommende und ausgehende Waaren, Facturen, Verkauf-Rechnungen, Calculationes und des Prospects einer directen Unternehmung nach den West-Indischen Inseln etc. etc.* SPb., 1815. Anlage. S. XIX—XXII. В этом издании составитель дает петербургским и гамбургским коммерсантам советы по поводу торговых сделок между Петербургом, Гамбургом и Вест-Индией.

⁵ Pohl H. *Aufbruch der Weltwirtschaft. Geschichte der Weltwirtschaft von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ersten Weltkrieg.* Stuttgart, 1989. S. 186—187; ср.: Kenwood A.G., Loughheed A.L. *The Growth of the International Economy 1820—2000.* London; N.Y., 1999. P. 78—81. Данные в долларах США приведены по текущему курсу.

⁶ Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник / Под ред. А.П.Корелина. СПб., 1995. С. 197; Виды государственной внешней торговли (далее — ВГТ). 1814—1913. СПб., 1814—1914 (ежегодное издание).

⁷ Kenwood A.G., Loughheed A.L. *Op. cit.* P. 123.

⁸ Hammond M.B. *The Cotton industry.* N.Y., 1897. P. 344.

⁹ Ellison T. *The Cotton Trade of Great Britain.* London, 1886. P. 148.

¹⁰ Значение Петербурга во внешней торговле России // Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1899. № 23. С. 394—397; Dorn A. *Die Seehäfen des Weltverkehrs.* Bd. I. Wien, 1891. S. 178, 856, 876—878, 962—964.

¹¹ Gernet B., von. *Die Entwicklung des Rigaer Handels und Verkehrs im Laufe der letzten 50 Jahre bis zum Ausbruche des Weltkrieges.* Jena, 1919. S. 15; ВГТ. 1905—1913. СПб., 1906—1914.

¹² Jackson G. *Hull in the Eighteenth Century.* London, 1972. P. 26—33, 69, 134.

¹³ Harlaftis G. *A history of Greek-owned shipping. The making of an international tramp fleet, 1830 to the present day.* London, 1996. P. 20, 41.

¹⁴ Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (далее — ЦГИА СПб.). Ф. 1197. Оп. 1. Д. 521; Homer S., Sylla R. *A History of Interest Rates.* New Brunswick, 1996. P. 178, 598—600; Jonker J. *Merchants, Bankers and Middlemen: The Amsterdam money market during the first half of the 19th century (Neha Series III).* Amsterdam, 1996. P. 95—104; Archive N.M.Rothschild, London (далее — Archive NMR). XI/38/81 B: Bf. J.Davidson — A.M.Rothschild vom 16.10.1847; Ibid. XI/38/81 B: Bf. J.Davidson — A.M.Rothschild vom 9.10.1847; Ibid. Bf. J.Davidson — A.M.Rothschild vom 26.10.1847; Guildhall Library. Manuscript Section. Kleinwort & Benson Archive (далее — Kleinwort & Benson Archive). Ms. 22039. 1866—1872; Ms. 22051.1. Account Book 1870; Ms. 22051.2. 1882—1885; Ms. 22051.3. 1885—1887; Ms. 22051.4. 1887—1889; Ms. 22051.5. 1889—1892.

¹⁵ Archive NMR. Bf. J.Davidson — A.M.Rothschild vom 26.10.1847.

¹⁶ Amburger E. *Die Zuckerindustrie in St. Petersburg bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts. Raffinerien, Fabrikanten und Zuckersieder // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Neue Folge 38.* 1986. S. 355—358.

¹⁷ Местонахождение заметок, сохраненных его внучкой, г-жой Тимм (Timm) в Берлине, ныне неизвестно; вероятно, они находятся у потомков рода Юнкеров в Швейцарии. Автор выражает благодарность покойному Эрику Амбургеру (Amburger) за возможность использовать выписки из этих документов.

¹⁸ Zenker A. *Geschäftiges Russland (Unternehmer in Russland und Europa. T. 1) / Hg. v. W. Sartor.* St. Petersburg, 2004. S. 78.

¹⁹ Поликов Г.Т. Быт петербургского купечества в 1820-х — 1840-х годах // Петербургское купечество в XIX веке / Сост. А.М.Конечный. СПб., 2003. С. 60. Относительно группы «иностранных» экспортеров мемуарист конца XIX в. заметил: «Мало из этих фирм уцелело до нынешних времен. “Джеймс Лиддел и К°”, “Торнтон, Кеттли и К°”, “Кеттли и Форрестер”, “Андерсон и Морберлей”, “Парис Барр”, “Харвей и К°”, “Клеменци Берг”, “Блессиг и К°”».

“Допес Дионисио”, “Коломби, Зео и К”, “К. Прево”, “Ганф”, “Слассер”, “Карл Хольм” и другие» (см.: Лизунов П.В. Биржа в России и экономическая политика правительства (XVIII – начало XX в.). Архангельск, 2002. С. 69).

²⁰ Развитие до 1870 г. хорошо прослеживается благодаря открытой информации о фирмах – участниках внешней торговли. После 1870 г. в их деятельности появляются больше анонимности, что, вероятно, было связано с возросшим объемом коммерческой деятельности. Публиковались, как и прежде, списки поступающих товаров, но отправители и получатели груза более не указывались. (См.: Коммерческая газета. Список ввозимых через Петербургский порт товаров с указанием получателя груза. 1848–1869; Коммерческая газета. Список ввозимых через Петербургский порт товаров без указания получателя груза. 1890–1903; Коммерческая газета. Список ввозимых товаров. 1904–1912; Карнович Е. Личный состав купечества в Петербурге // Биржевые ведомости. 1875. 11 сентября.) Приведем здесь ряд других крупных экспортных фирм: «Дж. Льюис» («J. Lewis»), «Клеменц» («Clementz»), «Жиль Лодер» («Giles Loder»), «Губбард» («E. Hubbard»), «Дж. Томас» («J. Thomas»), «Е. Г. Брандт» («E. G. Brandt»), «Мюллер и Гауфф» («Müller & Hauff»), «Л. Буассон» («L. Boissonet»), «И. Кемпе» («J. Kempe») «Симон Якоби» («Simon Jacoby»), «Гютшов» («Gütschow»), «Асмус Симонсен» («Asmus Simonsen»), «Блессиг» («Blessig»), «Каппер» («Kappert»), «Стукен и Шпис» («Stucken & Spies»).

²¹ Лизунов П.В. Указ. соч. С. 71–72.

²² Тимофеев А.Г. История Петербургской биржи. СПб., 1903. Приложение 1–10.

²³ Chapman S. The Rise of Merchant banking. London, 1984. P. 9, 59–60; Tompstone St. The Organization and Financing of Russian Foreign Trade before 1914. Ph.D. London, 1991. P. 188, 201; Schroder Bank. Archive; Kleinwort & Benson Archive; University Library of Nottingham. Manuscript Department. Brandt Archive (далее – Brandt Archive); University of London College Manuscript dept.: Huth.

²⁴ Chapman S. Merchant Enterprise in Britain. From the Industrial Revolution to World War I. Cambridge, 1992. P. 121, 209; Schroder Bank. Archive.

²⁵ Centre des Archives du Monde du Travail, Roubaix. Archive. Banque Rothschild. 132 AQ 12P004-245.

²⁶ Barty-King H. The Baltic Exchange. The History of a Unique Market. London, 1977. P. 82; Коммерческая газета. 1825–1860; ВГТ. 1814–1860; Tompstone St. The Organization... P. 202, 254–255; Саптор В. Брандты // Немцы России: Энциклопедия. Т. 1. М., 1999; Amburger E. Die Familie Brandt. Croitzsch, 1937.

²⁷ Коммерческая газета. 1825–1860; Биржевые ведомости. 1861. № 80. С. 85–86; 1862. № 263. С. 86–87.

²⁸ Roberts R. Schroders, Merchant & Bankers. London, 1992. P. 34–36, 39–41, 53. О хлеботорговой фирме Мааса, главном экспортере зерна из Одессы и Таганрога см.: Хлебная торговля в России. М., 1888. С. 17, 83.

²⁹ Торговый дом «Э. Губбард и К» являлся крупной текстильной фирмой в Петербурге.

³⁰ Вишау были крупной английской деловой династией Петербурга, известной в России с конца XVIII в. В начале XX в. руководил фирмой Джеймс Вишау. В кредитном регистре банкирского дома братьев Бэрингов в 1909 г. фирма Вишау характеризовалась как «хорошая», а стоимость принадлежавшего ей имущества оценивалась в 5 млн руб. (Internationale Nederlandse Group. Barings Archive (далее – Barings Archive). Credit Registers (далее – CR). № 10987).

³¹ Имеются в виду банкирские дома «Фредерик Гут и К°» («Frederick Huth & C°»), основанный в 1809 г., «Фрюлинг и Гошен» («Frühling & Goschen»), зарегистрированный в 1814 г.

³² Spies G. Erinnerungen eines Ausland-utschen (Zeitschrift der Familie Spieß und Spies. Beilageband. 5). Hg. v. W.Sartor. St. Petersburg, 2002. S. 111.

³³ Tompstone St. The Organization... P. 204, 246.

³⁴ Jones Ch.A. International Business in the Nineteenth Century. C. 1.

³⁵ Menke C.F. Die wirtschaftlichen und politischen Beziehungen der Hansestädte zu Rußland im 18. und frühen 19. Jahrhundert. Diss. Göttingen, 1957. S. 252; Hoffmann G. Das Haus an der Elbchaussee. Hamburg, 1998. S. 54—55, 247; Wake J. «Kleinwort & Benson». The History of Two Families in Banking. Oxford, 1997. P. 65—66; Roberts R. Op. cit. P. 54—56; Amburger E. Aus dem Leben und Wirken von Hamburgern in Russland. Festschrift Percy Ernst Schramm zu seinem siebzigsten Geburtstag von Schülern und Freunden zugeeignet. Bd. II. Wiesbaden, 1964. S. 3—25.

³⁶ Barty-King H. Op. cit. P. 59, 113—114, 122.

³⁷ Roberts R. Op. cit. P. 11, 15, 34; Amburger E. Aus dem Leben und Wirken... S. 15.

³⁸ Brandt Archive. Bt 1.4.

³⁹ Amburger E. Die Zuckerindustrie in St. Petersburg... S. 356, 359—360, 366.

⁴⁰ Roberts R. Op. cit. P. 38.

⁴¹ Barings Archive. Historical Collection (далее — HC). 16.1.

⁴² Ibid. Letters. Bündel 10.

⁴³ ВГТ. 1813—1863.

⁴⁴ Roberts R. Op. cit. P. 93. Tab. 4.1.

⁴⁵ Schroder Bank. Archive. SH 1110. Doc. 17; Roberts R. Op. cit. P. 49—50, 95—96.

⁴⁶ Schroder Bank. Archive. SH 1110. Doc. 23 (Short compilation of Schröder-business-dates from Schröder-Archive (Hamburg), compiled by ed. R.Eggers. June, 1976).

⁴⁷ Brandt Archive. Bt. 1.1.11.

⁴⁸ Schroder Bank. Archive. SH 1110. Doc. 20.

⁴⁹ Roberts R. Op. cit. P. 41, 43.

⁵⁰ Ibid. P. 45.

⁵¹ ВГТ. 1823—1865. Объем торговых операций в среднем составлял 3—6 млн руб. в год (Public Record Office Liverpool. Liverpool Cotton Broker Association. Minute Books. 7. P. 72—73).

⁵² Roberts R. Op. cit. P. 23.

⁵³ Stadtarchiv Frankfurt/Main. Archiv Bethmann. V 707; Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 560. Оп. 22. Д. 295; Лебедев С.К. Санкт-Петербургский Международный банк в конце XIX в.: европейские и русские связи. СПб., 2004.

⁵⁴ Roberts R. Op. cit. P. 86—91.

⁵⁵ Ibid. P. 22—23; Schröder C.A. Heinrich Schliemann und das Handelshaus Schröder // Hansische Geschichts- und Heimatblätter (12). 1991. № 10. S. 217—228; Mai J. Heinrich Schliemann als Unternehmer // «...Das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat». Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert. D. Dahlmann, C. Scheide (Hg.). Essen, 1998. S. 350—351; Idem. «Man sieht mich hier als den gerissesten, geschicktesten und fähigsten Kaufmann...». Heinrich Schliemann in Russland //

«Eine Grosse Zukunft». Deutsche in Ruslands Wirtschaft. Berlin; Moskau, 2000. S. 202—205.

⁵⁶ Roberts R. Op. cit. P. 54 - 56.

⁵⁷ Ibid. P. 38; ВГТ. 1823—1840.

⁵⁸ Brandt Archive. Letters. Bt 10.

⁵⁹ Schroder Bank. Archive. Chapter 4. SH. 1110. Doc. 23.

⁶⁰ Кнушевицкий С.А. Обзор коммерческой деятельности южно-русских портов. Харьков, 1910. С. 95.

⁶¹ Материал этого раздела основан в целом на следующих источниках: Amburger E. Die Familie Brandt; Сартор В. Брандты; Brandt Archive.

⁶² Amburger E. Wilhelm Brandt sen. und seine Unternehmungen. S. 44 (из архива Э.Амбургера. Автор признателен покойному Э.Амбургеру за предоставленные сведения).

⁶³ Chapman S. The Rise of Merchant banking. P. 291.

⁶⁴ Amburger E. Die Familie Brandt. S. 34.

⁶⁵ Chapman S. The Rise of Merchant banking. P. 44, 55, 121; Idem. The International Houses. P. 205, 255.

⁶⁶ Brandt Archive. Circulars. Bt 1.1.—1.27. 1829—1914; Archive London School of Economics. Brandt Account Books. 1876—1914.

⁶⁷ Chapman S. The International Houses. P. 246.

⁶⁸ Idem. The Rise of Merchant banking. P. 122.

⁶⁹ Amburger E. Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Rußland's. Die Familie Amburger in Sankt-Petersburg 1770—1920 (Veröffentlichungen des Ost-Europa-Instituts der FU München, 54). Wiesbaden, 1986; Сартор В. Блессиги // Немцы России. Энциклопедия. Т. 1. С. 213—214.

⁷⁰ Amburger E. Die Familie Brandt.

⁷¹ Hoffmann G. Das Haus an der Elbchaussee. S. 40, 219; Amburger E. Die Familie Brandt. S. 20.

⁷² Amburger E. Die Familie Brandt. S. 102—103.

⁷³ Ibid. S. 36, 61, 69, 83, 91, 99, 101.

⁷⁴ Thompstone St. Ludwig Knoop. «The Arkwright of Russia» // Textile History. 1984. № 1(15). P. 45—73.

⁷⁵ Barings Archive. HC. 16.11; HC. 16.12. Bl. 2054.

⁷⁶ Chapman S. The Rise of Merchant banking. P. 44; Idem. Merchant Enterprise in Britain. P. 256; Barings Archive. HC. 10.28.7.

⁷⁷ Петров Ю.А. Коммерческие банки Москвы, конец XIX в. — 1914 г. М., 1998. С. 24, 320.

⁷⁸ Kleinwort & Benson Archive Ms. 22039. Credit Book; Archive London School of Economics. Brandt Account Books; Thompstone St. The Organization... P. 194.

⁷⁹ Barings Archive. CR. № 101986. Bl. 159.

⁸⁰ Spies G. Op. cit. S. 121; о монополии Кнопа см. также: Barings Archive. HC. 10.28. Bf. Ch.Jutting Barings vom 13(25).05.1865.

⁸¹ Brandt Archive. Bt 1.1.4. Bl. 122.

⁸² Ibid. Bt. 1.1.7. Bl. 307.

⁸³ Ibid. Bt. 1.1.20. Bl. 192.

⁸⁴ Chapman S. The Rise of Merchant banking. P. 146.

⁸⁵ Brandt Archive. Circulars. Bt 1.1.4. Bl. 109. О выходе Фрерихса из фирмы «Де Джерси и К^о»: списки ввезенных в Россию товаров в 1860—1861 гг. Если в

1860 г. партии хлопка поступали в Россию от имени Фрерихса, то в 1861 г. таже служба зарегистрировала их на имя Л. Кнопа. К концу 1913 г. капитал торгового дома «Л. Кноп» составил 2 млн ф. ст. (20 млн руб.), совладельцами фирмы были Иоганн Кноп (Johann Knoop), Е. В. Громме (E. W. Gromme), фирма «Де Джерси и К^о» (Ibid. Bt. 1. 1. 26, Bl. 428).

⁸⁶ Brandt Archive. Circulars. Bt. 1. 1. 23. Bl. 271. До 1907 г. Фрерихсы и Кнопы были связаны участием в различных фирмах. Первый признак расхождения наметился в этом году с ликвидацией торгового дома «Кноп, Фрерихс и К^о» («Knoop, Frerichs & Co») в Нью-Йорке.

⁸⁷ Barings Archive. CR. № 10986. Bl. 128.

⁸⁸ Wolde A. Ludwig Knoop. Erinnerungsbilder aus seinem Leben. Gesammelt für seine Nachkommen niedergeschrieben von seiner Tochter. Bremen, 1928. S. 46. Цит. по репринтному изданию 1998 г.

⁸⁹ Tompstone St. The Organization... P. 113.

⁹⁰ Reitmayer M. Bankiers im Kaiserreich. Sozialprofil und Habitus der deutschen Hochfinanz (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft. Bd. 136). Göttingen, 1999. S. 152—154, 253.

⁹¹ Государственный архив Одесской области (далее — ГАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 237.

⁹² Harlaftis G. Op. cit. P. 6—9; Long Ch. The Chios Diaspora (см.: <http://www.christopherlong.co.uk/>); Guildhall Library. Manuscript Section. Ralli. Ms. 23826—23836.

⁹³ Harlaftis G. Op. cit. P. 5.

⁹⁴ ГАОО. Ф. 268. Оп. 1. Д. 1.

⁹⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 1а. Д. 411.

⁹⁶ Там же. Оп. 8. Д. 319.

⁹⁷ Harlaftis G. Op. cit. P. 25.

⁹⁸ Ibid. P. 286.

⁹⁹ Ibid. P. 285.

¹⁰⁰ St.-Petersburger Handelszeitung (далее — SPHZ). 24. 1. 1848. № 7. S. 26.

¹⁰¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 4022—4026, 4108, 4109.

¹⁰² SPHZ. 26. 1. 1852. № 8. S. 31.

¹⁰³ Коммерческая газета. 1848. С. 18 (сало), 154 (лен), 493 (зерно); 1849. С. 474 (сало), 485 (льняное семя); 1850. С. 471 (зерно), 483 (сало); 1851: Родоканаки: С. 554 (лен); 1854. С. 16—17 (сало); 1856. С. 587 (сало); 1857: Родоканаки, Ралли: С. 13—14, 791 (зерно), 731 (сало); 1859: Родоканаки (зерно); 1860: Родоканаки: С. 751 (зерно), 717 (пенька); 1861. С. 1052а (пенька), Родоканаки и Ралли: С. 759 (зерно); Торговый сборник (далее — ТС). 1863. С. 28: 15% (зерно) (здесь и далее, если не указано иначе, имеется в виду % от общего объема вывоза фирмами, принадлежавшими грекам); ТС. 1864. С. 364: 6% (зерно), 11% (льняное семя), 32% (жиры через фирмы Ралли и Скараманги, I место), 3% (пенька); 1865. С. 371: 8% (жиры, II место); С. 396: 9,7% (зерно), 15% (льняное семя); 1867. С. 445: 16% (жиры через фирмы Ралли и Скараманги); С. 452: 14% (зерно), 12% (льняное семя); 1868. С. 560: 10% (пенька); С. 569: 33% (жиры, I место); 1869. С. 620: Родоканаки и Скараманга (зерно); 1870. С. 535: в 1869 г. Родоканаки и Скараманга вывезли свыше 11% всего объема зерна и 18% льняного семени; С. 569: 1870 г. — 9%; 1871. С. 553: Скараманга (жиры); С. 559 (зерно), 13% (льняное семя); 1873. С. 493: почти 10% (жиры через Скарамангу); 1873. С. 503—504: 10% (зерно), 4% (льняное семя).

¹⁰⁴ ТС. 1868.

- ¹⁰⁵ Там же. 1864, 1868.
- ¹⁰⁶ Roberts R. Op. cit. P. 41; Brandt Archive.
- ¹⁰⁷ Guildhall Library. Manuscript Section. Gennadius J. Stephen A. Ralli. London, 1902. P. 22.
- ¹⁰⁸ Guildhall Library. Manuscript Section. Ms. 23830: Privat Ledger. Chronicle account of firm. 1818—1906.
- ¹⁰⁹ Barings Archive. HC. 16.93.
- ¹¹⁰ Tompstone St. The Organization... P. 261.
- ¹¹¹ Chapman S. Merchant Enterprise in Britain. P. 204—206, 314—315.
- ¹¹² Guildhall Library. Manuscript Section. Ms. 23190/1, Ms. 23190/2: Corn Trade Association.
- ¹¹³ Barty-King H. Op. cit. P. 97—99. Впервые членом биржи, носившей в то время название Балтийского кофейного дома (Baltic Coffee House), Пантя Ралли был избран еще в 1837 г.
- ¹¹⁴ Ibid. P. 151, 158.
- ¹¹⁵ Цит по: Long Ch. Op. cit.
- ¹¹⁶ Chapman S. Merchant Enterprise in Britain. P. 158.
- ¹¹⁷ Barings Archive. HC. 16.19; 16.20; 16.28; 16.29. В то же время уровень кредитоспособности второй фирмы «К.Т.Ралли» («С.Т.Ралли») Бэринги оценили как «сомнительный» («doubtful») (HC. 16.29).
- ¹¹⁸ Кохановский В. Одесса за 100: Исторический очерк — путеводитель. Одесса, 1894. С. 79.
- ¹¹⁹ См.: Long Ch. Op. cit.
- ¹²⁰ Catsiyannis T. The Rodocanachi of London. London, 1987; Barty-King H. Op. cit. P. 114.
- ¹²¹ Catsiyannis T. Op. cit. P. 13.
- ¹²² Ibid.; Harlaftis G. Op. cit. P. 41, 52—53.
- ¹²³ Chapman S. Merchant Enterprise in Britain. P. 155; Tompstone St. The Organization... P. 256.
- ¹²⁴ ГАОО. Ф. 188. Оп. 4. Д. 108.
- ¹²⁵ Stadtarchiv Frankfurt. V. 717; Лебедев С.К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М., 2003. С. 38, 418, 434.
- ¹²⁶ Лебедев С.К. Указ. соч. С. 56, 434.
- ¹²⁷ ГАОО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 4. Л. 108.
- ¹²⁸ Tompstone St. The Organization... P. 293.
- ¹²⁹ Chapman S. Merchant Enterprise in Britain. P. 205.
- ¹³⁰ ГАОО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 108. Chapman S. Merchant Enterprise in Britain. P. 207, 256.
- ¹³¹ Chapman S. Merchant Enterprise in Britain. P. 160; Barings Archive. HC. 10.53. Bf. «Wogau & C°» — Barings vom 26.3.1885.
- ¹³² Brandt Archive. Bt. 1.1.11. Bl. 374, 421.
- ¹³³ Ibid. Bt. 1.1.7. Bl. 350.
- ¹³⁴ Ibid. HC. 16.4.
- ¹³⁵ Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte 2, 1996.; Саптор В. Торговый дом Шпис: Династия немецких предпринимателей в России, 1845—1918 // Отечественная история. 1997. № 2.
- ¹³⁶ РГИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 3089.

- ¹³⁷ Archiv Mannesmann. M 11050 und M 11002. Das Auftragsvolumen betrug 50.000 Rbl.
- ¹³⁸ РГИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 3089.
- ¹³⁹ Там же. Ф. 588. Оп. 3. Д. 975.
- ¹⁴⁰ Hoffmann P.Th. Die Elbchausee. Hamburg, 1937. S. 300.
- ¹⁴¹ Даты приведены по: Amburger-Archiv, Osteuropa-Institut München; ЦГИА СПб. Ф. 1197. Оп. 1, 2; Ф. 1527. Оп. 1, 2; Ф. 852. Оп. 2; Brandt Archive. Bt. 1.1.1—1.1.27.
- ¹⁴² ВГТ. 1816, 1817. СПб., 1817—1818.
- ¹⁴³ Столетие Санкт-Петербургского английского собрания. СПб., 1870.
- ¹⁴⁴ Barings Archive. HC. 16.20; HC. 16.23.
- ¹⁴⁵ Barty-King H. Op. cit. P. 113—114, 122, 129.
- ¹⁴⁶ Zenker A. Op. cit. S. 60.
- ¹⁴⁷ Archive de Lièges. 1199. No. 130; Peltzer.
- ¹⁴⁸ РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 541; Nadolny I. Vergangen wie ein Rauch. München, 1994. S. 46—48; Zenker A. Op. cit. Anhang (Приложение). S. 134—135.
- ¹⁴⁹ Archiv Georg Spies, Leon Peltzer — Ernst Spies (28.5.1870); Armand Peltzer — E. Spies (18.12.1872).
- ¹⁵⁰ Spies G. Op. cit. S. 54—55.
- ¹⁵¹ Staudt R.W. Familias renapas en Argentina. Buenos Aires. [N. p.], 1974. S. 54, 217; Archivo Historico Municipal Ciudad de Buenos Aires. 12—1880; Brandt Archive. Bt. 1.1.4. Bl. 640.
- ¹⁵² Spies G. Op. cit. S. 347.
- ¹⁵³ Brandt Archive. Bt. 1.1.4. Bl. 640.
- ¹⁵⁴ РГИА. Ф. 268. Оп. 2. Д. 1469. Л. 33об. (Внутренняя переписка Департамента железных дорог).
- ¹⁵⁵ Morgan D. Merchants of Grain. N.Y., 1979. P. 16—17.
- ¹⁵⁶ A l'occasion de son centenaire la Maison Louis Dreyfus et Cie rend homage à son Fondateur quis reste present dans sons Oeuvre. Paris, 1951; Les Archives departementales des Bouches-du-Rhone. Marseille. Tribunale du Commerce. 548 U 16, 548 U 226; см. учредительный договор: Archive de Paris. Tribunal de Commerce. 31 U3 398. 15.2.1883; см. договор фирмы «Joseph Dreyfus freres et Cie» в Марселе: Ibid. 31 U3 1310: 7.07.1883; см. циркуляр фирмы «Louis Dreyfus & Cie» (Цюрих): Centre des Archives du Monde du Travail, Roubaix. Archive. Banque Rothschild. 28AQ 1.
- ¹⁵⁷ РГИА. Ф. 20. Оп. 3. Д. 2677. Л. 29; Д. 2624; Sémaphore de Marseilles: feuille commerciale, maritime, industrielle, d'annonces judiciaires et avis divers 1873.
- ¹⁵⁸ Sémaphore de Marseilles. 8.08.1873, 19/20.10.1873, 9.12.1873, 20.12.1873.
- ¹⁵⁹ РГИА. Ф. 20. Оп. 3. Д. 2624. Л. 18об.—19; Ф. 588. Оп. 3. Д. 1388, 1390 (исходя из этих данных, в 1894—1896 гг. 43% всех финансовых средств для торговли фирмы Дрейфусов в России поступили в Ростовский филиал).
- ¹⁶⁰ Там же. Ф. 23. Оп. 9. Д. 803. Л. 95; Памятные книжки Самарской губернии на 1906 г. Самара, 1906; Отчет Ростовского-на-Дону биржевого комитета за десятилетие 1886—1895 гг. с обзором торгово-промышленной деятельности Ростовского-на-Дону порта. Ростов, 1895. С. 85; Новороссийск, Анапа и Екатеринодар на 1916—1917. Новороссийск, 1916. С. 48; Справочник-путеводитель г. Таганрога. Таганрог, 1911. С. 24
- ¹⁶¹ «Louis Dreyfus»: <http://www.louisdreyfus.com>. Разделы: «Global Business»/«Shipping».

¹⁶² Morgan D. Op. cit. P. 65.

¹⁶³ «Louis Dreyfus»: <http://www.louisdreyfus.com>. Раздел «Business History»; Morgan D. Op. cit. P. 64–65.

¹⁶⁴ РГИА. Ф. 263. Оп. 2. Д. 1469; Китанина Т.М. Хлебная торговля в России в 1875—1914 гг. Л., 1978. С. 157;

см. также: «Louis Dreyfus»: <http://www.louisdreyfus.com>.

¹⁶⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 700. Л. 22.

¹⁶⁶ Кнушевицкий С.А. Указ. соч.

¹⁶⁷ Азов, Архангельск, Виндава, Ейск, Екатеринодар, Екатеринослав, Казань, Мариуполь, Мелитополь, Нижний Новгород, Николаев, Новороссийск, Одесса, Петербург, Рига, Рыбинск, Самара, Саратов, Севастополь, Таганрог, Тамбов, Уфа, Феодосия, Челябинск, Чистополь и др.

¹⁶⁸ См.: Louis Dreyfus & Co. — *Problemaufriss eines internationalen Großunternehmens in der Öffentlichkeit Russlands // Unternehmer im Russischen Reich: Sozialstrategien, Symbolwelten, Integrationsstrategien im 19. und frühen 20. Jahrhundert.* / Hg. v. J.Gebhardt, R.Lindner, B.Pietrow-Ennker. Osnabrück, 2005 (в печати).

¹⁶⁹ Отчет Ростовского-на-Дону биржевого комитета за 1896 год. Ростов-на-Дону, 1897. С. 29, 111.

¹⁷⁰ Отчет Одесского комитета торговли и мануфактур о состоянии торговли и промышленности г. Одесса в 1900 г. Одесса, 1901. Приложение.

¹⁷¹ Friebe O. Der Handelshafen Odessa. L.: B., 1921. S. 95.

¹⁷² Отчет о деятельности Санкт-Петербургского торгового порта за 1909 [—1911] год. СПб., 1910—1914; Отчет о деятельности Херсонского торгового порта и портового управления за 1908 [—1912] год. Херсон, 1909—1913; Кнушевицкий С.А. Указ. соч. С. 95, 109, 138, 186—187; Отчет по Таганрогскому торговому порту за 1913 год. Таганрог, 1914; Краткий обзор торгово-промышленной деятельности Ростовского-на-Дону порта за 1911 год. Ростов-на-Дону, 1912.

¹⁷³ РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 700.

¹⁷⁴ Там же. Ф. 22. Оп. 2. Д. 2249. Л. 2.

¹⁷⁵ Morgan D. Op. cit. P. 107.

¹⁷⁶ Ibid. P. 113.

¹⁷⁷ Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах: Производство, потребление и распределение чая. СПб., 1892. С. 135.

¹⁷⁸ Thompstone St. Russian's Tea Traders: a neglected entrepreneurial class // *Journal of Renaissance and Modern Studies*. Vol. XXVI. 1980. P. 132.

¹⁷⁹ Ibid. P. 136.

¹⁸⁰ Ibid. P. 146; Биржевые ведомости. 1869. 16 февраля; Материалы по чайной торговле в связи с проектом введения в России чайной монополии. Пг., 1915. Приложение.

¹⁸¹ ВГТ. 1830—1913. СПб., 1831—1914.

¹⁸² Thompstone St. Russian's Tea Traders... P. 144.

¹⁸³ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России, 1883—1914: Документы и материалы / Под ред. М.Я.Гефтера. М.; Л., 1961. Док. № 99.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

В. Н. Косторниченко*

Советский нефтеэкспорт и иностранный капитал в 1918—1932 гг.

Российский дореволюционный нефтеэкспорт достиг наибольших объемов в первом пятилетии XX в. В 1901—1904 гг. за рубеж вывозилось в среднем 1638,4 тыс. т российских нефтепродуктов в год, что составляло 15,4% от общего количества добываемой в стране нефти¹. Основным продуктом вывоза являлся керосин, шедший главным образом в Европу (45,3%) и на Ближний Восток (35,3%). Если говорить об экспорте по странам, то здесь главными покупателями российского керосина являлись Великобритания (24%), Египет (20%), Турция (14%), Британская Индия (12%) и Китай (4%).

В последующие годы экспорт нефтепродуктов был значительно сокращен. В 1905—1913 гг. его ежегодный показатель уменьшился более чем вдвое и равнялся в среднем 808,6 тыс. т, составляя примерно 9—10% от общей нефтедобычи. К числу основных причин столь значительного падения экспорта следует отнести:

во-первых, снижение на 20% объемов общероссийской добычи нефти (в 1905—1913 гг. было получено в среднем 8773,9 тыс. т в год против 10993,9 тыс. т в 1901—1904 гг.)²;

во-вторых, сохранившийся на внутреннем рынке высокий спрос на нефть в качестве промышленного топлива (показательный пример: тоннаж ввозимого в Центрально-Промышленный (Московская, Смоленская, Тульская, Рязанская, Тверская, Владимирская, Ярославская, Нижегородская губернии) и Средне-Поволжский районы нефтепродукта (до 1911 г. включительно) превышал весовое количество доставлявшегося туда донецкого угля)³;

в-третьих (и это главное), произошедшее в 1905—1907 гг. вытеснение с мировых рынков основного экспортного российского нефтепродукта — керосина. В эти годы вывоз керосина из России в среднем уменьшился на 43% по сравнению с периодом 1900—1904 гг. При

---

*Косторниченко Владимир Николаевич — доктор экономических наук (Московский институт международных экономических отношений).

этом керосиновый экспорт в Европу сократился с 587 тыс. т до 310 тыс. т, в восточные страны — с 433,8 тыс. т до 163,2 тыс. т, в Китай и Индию — со 194 тыс. т до 16 тыс. т⁴. Потеря внешних рынков российскими экспортёрами во многом объясняется возросшей конкуренцией со стороны американского керосина и развитием нефтепромышленности в некоторых азиатских странах, в частности Индии.

Несмотря на уменьшение вывоза нефтепродуктов в предвоенные годы, российская нефтепромышленность имела хорошие перспективы для развития экспорта. Недостаток нефтяных ресурсов в Европе, выгодное географическое положение Закавказья относительно европейских и ближневосточных рынков сбыта давали возможность для быстрого развития нефтеэкспорта. Англо-голландская компания «Ройял Датч-Шелл», ставшая накануне Первой мировой войны крупнейшей иностранной фирмой в российской нефтепромышленности, планировала значительно увеличить поставки нефтепродуктов из России. В 1915 г. эта компания начала проектирование двух экспортных нефтепроводов к портам Чёрного моря, что позволило бы доставлять на внешние рынки большее количество бакинской и грозненской нефти, значительно удешевив ее транспортировку.

Однако во время Первой мировой войны, вследствие закрытия черноморских проливов, позиции российских экспортёров еще более ухудшились. В эти годы нефтепродукты из России были практически полностью вытеснены со своих традиционных европейских и ближневосточных рынков. Так, например, к 1915 г. продукция американских компаний на нефтяном рынке Египта, где до войны преобладали российские нефтепродукты, составила более 96,5%⁵. В известной степени столь резкое сокращение российского нефтеэкспорта было компенсировано расширением емкости внутреннего рынка, происшедшим в 1914—1917 гг.

В период Гражданской войны отечественная нефтепромышленность оказалась в тяжелейшем положении. Наиболее кризисными оказались 1918, 1919 и 1920 гг. Общий кризис отрасли не мог не сказаться на состоянии нефтеэкспорта. В 1918 г. было вывезено всего 1,7 тыс. т нефтепродуктов, при этом основная часть поставлялась через Петроград в Финляндию (249 т) и Швецию (1431 т), которая в период войны превратилась в своеобразную международную биржу, где крупные фирмы осуществляли свои коммерческие операции⁶. Следует отметить усиление в эти годы позиций государства во внешнеэкономической сфере. Установление контроля над внешней торговлей со стороны советского правительства привело к сокращению нефтеэкспорта: вывоз сырья (в том числе нефтепродуктов) ограничивался условием приоритетного обеспечения им отечественной промышленности.

С осени 1918 г., со времени оккупации главных районов добычи нефти турками, а затем английскими войсками, вплоть до начала 1921 г. российский нефтеэкспорт фактически равнялся нулю. Советской республике не хватало нефти для собственных нужд: в разгар военных событий в мае 1919 г. страна располагала всего 101,76 тыс. т нефтепродуктов, из них 48 тыс. т мазута, 48 тыс. сырой нефти,

4,8 тыс. т смазочных масел и 0,96 тыс. т бензина⁷. Пополнить эти запасы было неоткуда: Северный Кавказ и Эмбинский район были захвачены белогвардейцами, а продажа бакинских нефтепродуктов в центральные районы России была полностью прекращена⁸, так как мусаватистское правительство Азербайджанской Демократической Республики препятствовало развитию торговых отношений с Советской республикой.

В этот период подавляющая часть нефти из Азербайджана транспортировалась к портам Черного моря. Так, с 1 января 1919 г. по 11 марта 1920 г. нефтепроводом «Баку — Батум» и Закавказской железной дорогой было всего вывезено 477,3 тыс. т нефтепродуктов⁹. Из этого количества англичане забрали 163,49 тыс. т, при этом, по словам директора товарной станции в Баку, «часть нефти была отправлена по приказу английского штаба в порты Черного моря для нужд армий Деникина и Врангеля»¹⁰. Несмотря на этот вывоз, отсутствие сбыта стало самой большой проблемой для азербайджанской нефтяной промышленности. В аналогичном положении находились и грозненские и эмбинские промыслы.

Ограниченные возможности вывоза нефти к черноморским портам и фактически полное закрытие Волго-Каспийской нефтетранспортной магистрали, по которой осуществлялось обычно до трех четвертей всего вывоза бакинской и транспортировалось значительное количество грозненской нефти, пагубно сказались на состоянии всей нефтяной промышленности Закавказья. Так, оставление 70% всей добытой в 1919 г. нефти невывезенными привело к тому, что в начале 1920 г. ее запасы в Баку возросли до небывалых размеров в 4400 тыс. т. Хранилища оказались переполнены нефтепродуктами, «реализация которых не представлялась возможной в обстановке изоляции Баку от Советской России»¹¹. Как справедливо пишут авторы цитируемой книги, «создавшееся положение, обесмысливая производство, т.к. при отсутствии сбыта результаты этого производства только увеличивали мертвый капитал в виде запасов, которые негде было хранить, угрожало в перспективе полным параличом нефтедобывания и, стало быть, гибелью промышленности»¹². Конкретно это проявилось в том, что в Закавказье было фактически прекращено бурение и произошло резкое уменьшение эксплуатационной деятельности. К началу 1920 г. число заброшенных скважин увеличилось до 4000. Нефтепромышленники в годы кризиса ограничивались лишь эксплуатацией наиболее продуктивных скважин, что при крайне низких ценах на нефть хоть как-то могло оправдать издержки производства. Серьезной проблемой, возникшей в результате сокращения эксплуатации скважин, было начавшееся повсеместно т.н. «обводнение» скважин, приводившее к вытеснению водой нефтяных пластов и, следовательно, к гибели скважин.

Таким образом, к весне 1920 г., к моменту захвата этих регионов Красной Армией, закавказская нефтепромышленность находилась в катастрофическом положении. В течение всего этого года понижающаяся тенденция в добыче нефти сохранялась. Среди главных причин по-прежнему были ситуация с вывозом, плохая торговая реали-

зация продукции, необходимость замены оборудования и т.п. Хотя отправка нефтепродуктов Волго-Каспийским путем была восстановлена, крайне тяжелое экономическое положение Советской России не позволяло наладить полноценную эквивалентную торговлю нефтепродуктами. Советскому руководству в тот момент выход из создавшегося положения виделся в организации экспортной торговли. 2 апреля 1921 г. В.И. Ленин в известном письме руководителю азербайджанской нефтяной промышленности А.П. Серебровскому писал: «Теперь, когда есть Батум, надо изо всех сил налечь на быстрейший обмен нефти и керосина за границей на оборудование... Мы отсюда Вам не поможем, мы сами бедны. Вы должны нам помочь, покупая из-за границы все нужное в обмен на нефть и ее продукты»¹³. Для большей оперативности и эффективности В.И. Ленин предлагал предоставить азербайджанской нефтяной промышленности внешнеэкономическую самостоятельность в ведении торговых операций, что в некоторой степени было нарушением декрета о монополии внешней торговли. «Известная самостоятельность нужна для этого Бакинскому району, — писал он. — Если не имеете ее, телеграфируйте точно, мы Вам ее дадим. Формулируйте точные предложения — шлите их в СТО <Совет труда и обороны> телеграфом и почтой. Необходим областной хозяйственный центр, отвечающий за “Баку — Батум” и т.п., ведущий дело самостоятельно, быстро, без волокиты»¹⁴.

На основании этого письма А.П. Серебровский сразу же телеграфировал в СТО просьбу прислать формальное признание торговой «независимости» Азнефтекому* в вопросах обмена «с Персией, Турцией и Европой» нефтепродуктов на предметы оборудования, снабжения рабочих одеждой и продовольствием. 19 апреля 1921 г. дело слушалось в Совнаркоме, вскоре после чего было принято постановление о расширении компетенции Азнефтекома по товарообмену с заграницей нефтепродуктов на технические материалы.

Впоследствии руководитель азербайджанской нефтяной промышленности вспоминал: «В то время обстановка для выхода за границу была нам чрезвычайно выгодна: в Европе шла борьба между двумя мировыми гигантами — американским трестом “Стандарт Ойл” и английской компанией “Шелл”. Эти хищники воевали между собой за рынки для своей нефти, и вот в самый острый момент борьбы мы бросили на рынок наши первые пароходы с нефтяными товарами, занялись, как говорили потом, нефтяным “корсарством”. Конечно, это были кустарные попытки проникнуть на мировой рынок, но тем не менее они оказались удачными и произвели большую суматоху на нефтяном рынке»¹⁵.

Первый пароход под названием «Джорджиа» был отправлен Азнефтекомом в Константинополь. На нем находилось более 50 т высосортного бакинского машинного масла и 160 т бензина и керосина. А.П. Серебровский вспоминает: «Французы сейчас же купили

---

* Азнефтеком — Азербайджанский нефтяной комитет — структура, управляющая делами нефтяных предприятий Азербайджана до образования в сентябре 1921 г. треста «Азнефть».

этот товар, а затем начались закупки со стороны Италии и других иностранных нефтяных обществ. Деньги платили вперед, не видя товара, на очень льготных условиях. Тогда мы отправили из Баку большие маршруты с маслом и нефтью, и снова заработал Баку-Батумский керосинопровод»¹⁶.

Первое торговое соглашение было заключено с небольшой константинопольской фирмой «Сосифорс». Против него выступил Наркомат внешней торговли (НКВТ), считая репутацию фирмы сомнительной. НКВТ, исходя из своего опыта неудачных контактов с малоизвестными фирмами, настаивал на расторжении договора с фирмой «Сосифорс» в одностороннем порядке. Однако Азнефтеком после дополнительной проверки условий соглашения не внял предупреждениям и осуществил намеченную сделку. Впоследствии Азнефтеком на свой страх и риск продолжил практику заключения договоров с мелкими и средними иностранными фирмами. Всего до 1 июля 1921 г. торговыми предприятиями азербайджанской нефтяной промышленности за границу было отправлено 3,2 тыс. т нефтепродуктов. В обмен было получено техническое оборудование, необходимое для ведения работ¹⁷, и продовольствие для рабочих¹⁸.

В.И. Ленин, комментируя эти продажи, в разговоре с А.П. Серебровским отмечал: «Через 2—3 года мы намного подвинемся вперед в деле укрепления фабрик и заводов и дадим Баку все, что нужно. Пока же берите за границей все нужное путем обмена на нефтепродукты. Вы должны регулярно ставить меня в известность обо всей Вашей работе и обо всех Ваших “похождениях” за границей.

Вы знаете, какую я выдерживаю атаку со стороны известных Вам лиц по поводу “бакинской вольницы”...»¹⁹.

Противником «самостоятельности» азербайджанской нефтяной промышленности в вопросе выхода на международные рынки был Л.Б. Красин²⁰. Он считал, что внешнеторговые операции Азнефтекома²¹ нарушают государственную монополию внешней торговли, сбивают цены на советскую нефть, срывают работу центральных торговых организаций за рубежом и т.п. К тому времени Наркомат внешней торговли, возглавляемый Л.Б. Красиным, сумел достигнуть определенных успехов в торговле нефтепродуктами на мировом рынке. Первые сделки (относительно небольшие по объему) были заключены с коммерсантами Латвии (1,1 тыс. т за январь 1921 г. — сентябрь 1922 г.) и Эстонии (4,8 тыс. т за тот же период). В последующие годы фирмы этих государств стали традиционными покупателями советской нефти. Осенью 1921 г. НКВТ удалось заключить ряд выгодных сделок в Великобритании, фактически преодолев изоляцию в сфере продажи нефтепродуктов в европейских странах. С 1 ноября 1921 г. по конец января 1922 г. лондонская организация «Аркос», одним из учредителей которой был Л.Б. Красин, реализовала 42,5 тыс. т нефтепродуктов, из них в Великобритании — более 36,6 тыс. т и во Франции — 5,9 тыс. т²².

В 1922—1923 гг. торговля нефтепродуктами предприятиями Закавказья сокращается и все более переходит в ведение центральных ведомств²³. По мнению тогдашнего руководителя коммунистичес-

кой партии Азербайджана С.М.Кирова, это привело к глубокому финансовому кризису всей нефтяной промышленности. В своих докладах в Москву он всегда отмечал острую нехватку денежных средств, возникшую в результате усиления централизации нефтеторговли²⁴. В своем письме к И.В.Сталину и Л.Б.Каменеву С.М.Киров указывал: «Всякое вмешательство в дело торговли нефтепродуктами разных ведомств и передачи вырученных сумм главкам привело нефтяную промышленность к положению 1921 года, когда за отсутствием средств вследствие реализации продукции органами, чуждыми производственным районам, добыча нефти систематически падала, число рабочих сокращалось». Он предлагал следующий выход из положения: «Источником получения денежных средств является реализация нефтепродуктов на внутреннем, внешнем рынках. Только осуществление этой торговли самой "Азнефтью"... может обеспечить регулярное и своевременное поступление тех денежных ресурсов (подчеркнуто в тексте документа. — В.К.), без коих немислимо осуществление производственной программы 1922/23 года»²⁵. В части внешней торговли позиция С.М.Кирова не получила поддержки центральных органов, поскольку принятие его тезиса означало существенную корректировку одной из основ советской экономики — монополии внешней торговли. Докладывая о состоянии промышленности на XII съезде РКП(б), Л.Д.Троцкий резко выступил против подобной позиции. В обоснование своей критики он на примере весьма подробного сравнения доходов и размера капиталов Советской России и США стремился доказать необходимость сохранения абсолютного государственного контроля над сферой внешней торговли. «Они <Соединенные Штаты> могут в один год долларом убить всякие шансы на социалистическое развитие нашей страны. Поэтому для нас монополия внешней торговли... незыблемое правило. Никто не говорит, что у сей бочки нужно высадить дно, наоборот, принципиально все противники монополии за сохранение дна, но с тем, чтобы десяток дырочек просверлить в нем. Вот, товарищи, против этого десятка дырочек у принципиального дна мы должны принять самые решительные меры (Апидисменты), ибо разница тут только в пропорции — вычесть ли то, что у нас есть, сразу или в рассрочку»²⁶. В данном случае эти слова Л.Д.Троцкого отражали позицию правительства, взявшего в 1923 г. курс на усиление централизации внешнеэкономической деятельности, в том числе и операций по торговле нефтью.

Нефтеэкспорт 1921 – 22 гг. позволял лишь удерживать нефтяную отрасль от разрушения. В своих планах советское руководство шло намного дальше. Оно намеревалось за счет ускоренного развития экспорта не только полностью восстановить отечественную нефтепромышленность, но и превратить ее в источник значительных валютных поступлений, необходимых для модернизации всего народного хозяйства страны.

Видный английский бизнесмен Лэсли Уркварт, долгое время работавший в России, считал подобную перспективу проблематичной. В газете «Файнэншл Таймс» от 10 мая 1922 г. он выражал откровен-

ный скептицизм по поводу возможности увеличения объемов советского нефтеэкспорта:

«1) Русские нефтяные промыслы не могут вывозить за границу нефть.

2) Для того, чтобы восстановить продукцию хотя бы до низкого уровня 1917 года, придется сначала взяться за бурение новых скважин, которые не бурились пять лет.

3) Эта операция потребует расходов на сумму не менее 20 миллионов фунтов стерлингов, не говоря уже о крупных издержках, необходимых для приведения промыслов в их прежний вид.

4) Даже если и будет достигнут уровень продукции 1917 года, вся добыча будет поглощена русским транспортом и промышленностью. В течение многих лет Россия будет оставаться импортером, а не экспортером нефти»²⁷.

Советские экономисты были другого мнения относительно перспектив восстановления российского экспорта и отечественной нефтяной промышленности в целом. По произведенным Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ) расчетам (март 1922 г.), для доведения продукции нефтяной отрасли в течение 3—4 лет до довоенных размеров было необходимо 196 млн руб. золотом на капитальные затраты и 44,5 млн руб. оборотного капитала²⁸.

При крайне тяжелом экономическом состоянии начала 20-х гг. Советское государство было не в состоянии выделить эти средства. Получить эту сумму путем реализации нефтепродуктов внутри страны также не представлялось возможным ввиду крайней ограниченности емкости внутреннего рынка. Выходом являлось лишь значительное увеличение валютных поступлений от экспорта. Решение этой задачи выглядело весьма привлекательным благодаря сложившейся в те годы высокой международной ценовой конъюнктуре в отношении нефтепродуктов и дешевизне нефтедобычи внутри страны: разница между себестоимостью и ценами на мировом рынке достигала 300—400%²⁹.

Добиться серьезного расширения зарубежных продаж советское правительство могло, лишь наладив сотрудничество напрямую с нефтяными «грандами» западного делового мира — американской «Стандарт Ойл оф Нью-Джерси» и англо-голландской «Ройял Датч-Шелл», имевшими широкую международную торговую сеть и во многом контролировавшими мировой рынок нефти. Однако взаимодействию с ними во многом препятствовала нерешенность вопроса о судьбе национализированной собственности этих компаний в России. Неслучайно крупнейшие западные нефтепромышленники приняли активное участие в Генуэзской (апрель — май 1922 г.) и Гагской (июнь — июль 1922 г.) конференциях, где главным предметом рассмотрения было возвращение собственности бывшим владельцам иностранных предприятий в России. Не добившись на этих переговорах ни реституции, ни связанных с правом собственности концессионных уступок с советской стороны, эти компании предприняли попытку оказать давление на советское правительство, организовав т.н. «нефтяную блокаду». На следующий день после окончания Гагской конфе-

ренции, 21 июля 1922 г. руководители трех компаний — «Стандарт Ойл оф Нью-Джерси», «Ройял Датч-Шелл» и «Бранобель» — на встрече в Лондоне приняли решение создать единый фронт против большевиков и бойкотировать советские нефтепродукты на мировом рынке. 19 сентября 1922 г. в Париже под эгидой «Ройял Датч-Шелл» и «Бранобель» была создана Международная группа русских нефтяных обществ³⁰, целью которой было восстановление прав собственности с возмещением убытков, причиненных национализацией, или полная компенсация за нее. В качестве одного из главных рычагов давления на правительство Советской России в этом вопросе инициаторы «нефтяного фронта» использовали бойкот советского нефтеэкспорта, призвав участников мирового рынка не покупать «краденую» у них Советами нефть.

«Нефтяная блокада», начавшись осенью 1922 г., привела к серьезным затруднениям в реализации советских нефтепродуктов на внешнем рынке. Так, в конце 1922 г. был сорван ряд сделок, подготовленных Нефтесиндикатом к подписанию. Среди самых крупных — контракт со «Стандарт Ойл» на поставку большой партии бензина и смазочных масел, договор с «Ройял Датч-Шелл» о продаже 100 тыс. т керосина и т.п. Возникли проблемы и со сбытом нефтепродуктов во Франции, Скандинавии и других странах.

Однако, по свидетельству известного немецкого исследователя проблем мировой нефтепромышленности В.Маутнера, «Советам удалось забить клин в шель, образованную различием франко-бельгийских и англо-американских интересов. Средством для этого явилось заключение договоров на крупные поставки с независимыми английскими обществами. С этой возможностью участники соглашения [“о нефтяном фронте”] очевидно, не считались, когда решились на бойкот русской нефти. Когда появились первые известия об этих сделках³¹, Детердинг заявил, что Советы могут их заключать только с небольшими фирмами, не обладающими достаточными средствами для крупных закупок»³².

Руководитель «Ройял Датч-Шелл» ошибся: такие крупные корпорации, как «Стандарт Ойл», Англо-Персидская компания, продолжали вести переговоры с внешнеторговыми организациями России относительно приобретения больших партий советской нефти, стремясь извлечь для себя максимальную выгоду из «нефтяной блокады». Так, в начале марта 1923 г. прибывший в Москву представитель «Стандарт Ойл» Додж заявил, что в вопросах закупок советских нефтепродуктов он не связан никакими международными обязательствами³³. Даже главный организатор бойкота — руководство «Ройял Датч-Шелл» — нарушил договоренность о бойкоте. Чашу терпения Г.Детердинга переполнило сообщение о том, что «один из участвовавших в соглашении [“о нефтяном фронте”] русских собственников собирается закупить русскую нефть в большом количестве»³⁴. Желая опередить конкурентов, англо-голландская компания сама приступила к закупкам советских нефтепродуктов.

26 марта 1923 г. «Ройял Датч-Шелл» известила Группу о вынужденном решении приобрести несколько партий советской нефти

для того, чтобы якобы сбалансировать кризисное положение на британском нефтяном рынке. Группа была возмущена подобным поведением Г.Детердинга, заявив, что «покупать нефтяную продукцию у советского правительства — значит давать в его распоряжение фонды для продолжения его злостной политики конфискации»³⁵. Группа призвала «Ройял Датч-Шелл» отказаться от сделки. Предложение англо-голландской компании поделиться закупленной советской нефтью с участниками Группы вызвало лишь гневное раздражение, которое еще более усилилось после того, как стало известно о том, что соглашение о приобретении нефти было заключено 29 марта 1923 г., три дня спустя после собрания членов Группы.

В результате этой сделки «Ройял Датч-Шелл» приобрела по средним мировым ценам 70 тыс. т советского керосина с правом покупки в течение ближайшего времени еще 200 тыс. т³⁶. Позже, 11 мая 1923 г., компания подписала соглашение с советским правительством об организации совместной компании по продаже российской нефти через специально созданную дилерскую сеть. Уставной капитал вновь созданной компании равнялся 1 млн 250 тыс. ф. ст., при этом 50% акций принадлежало советской стороне. Подписанное соглашение действовало десять лет, в течение которых компания получала 10% комиссионных³⁷.

Кроме того, по свидетельству Э.Саттона, в мае — июне 1923 г. «Ройял Датч-Шелл» организовала закупку советской нефти через фирму «Сэйл энд компани оф Лондон», которая купила 30 тыс. т сырой нефти с последующим возможным приобретением дополнительно 170 тыс. т. «Сэйл энд компани» заключила с Нефтесиндикатом договор о создании смешанного торгового предприятия с совокупным капиталом в размере 250 тыс. ф. ст. В новой компании Нефтесиндикат имел половину акций с правом выкупа остальной части через десять лет³⁸.

Приступив к этим массовым закупкам, Г.Детердинг пытался поставить под свой контроль реализацию советской нефти на мировом рынке, рассчитывая вытеснить оттуда мелкие и средние компании. В эти годы он ставил целью учредить своеобразный международный картель крупнейших западных нефтяных компаний, который бы регулировал цены и конкуренцию так, чтобы гарантировать максимальные прибыли всем его участникам. В отношениях с наиболее влиятельными в мире нефтяными компаниями руководитель «Ройял Датч-Шелл» действовал в соответствии со своей любимой голландской поговоркой, которая гласит: «Сотрудничество дает власть». Исходя из стремления установить олигополию (власть крупнейших компаний) над распределением всей мировой нефти, Г.Детердинг предлагал советскому правительству закупать весь советский керосин в обмен на обязательство Нефтесиндиката не выходить на внешние рынки в течение определенного срока³⁹. Когда это предложение было отвергнуто, руководитель «Ройял Датч-Шелл» приступил к крупномасштабным закупкам советских нефтепродуктов с тем, чтобы значительно ограничить нефтеэкспорт со стороны

Нефтесиндиката и других внешнеторговых организаций. Так, продолжая закупки, начатые в 1923 г., «Ройял Датч-Шелл» в следующем году приобрела через Англо-Американскую компанию 125 тыс. т. Другая половина партии советской нефтепродукции, полученная Англо-Американской компанией, была закуплена для американских фирм «Стандарт Ойл оф Нью-Джерси», «Вакуум Ойл компани» и «Стандарт Ойл оф Нью-Йорк». В результате этого на мировом рынке возник своего рода монопольный картель по реализации советской нефти, против чего энергично выступало советское правительство.

Советские внешнеторговые организации стремились к диверсификации продаж нефти, ориентируясь на расширение круга покупателей. Фирма «Белль Петроль» в 1925 г. заключила пятилетний договор с Нефтесиндикатом на поставку сырой грозненской нефти во Францию. Англо-Мексиканская компания и «Блу Берд Мотор» осуществляли поставку советских нефтепродуктов на нефтеперерабатывающие заводы Великобритании с последующей продажей вплоть до момента, когда в СССР были построены и освоены современные установки для крекинга. «Эйшиетик компани» ввозила советскую нефть на рынки Индии и Цейлона.

Большую долю в советском нефтеэкспорте занимали государственные закупки других стран. Нефтесиндикат поставлял горючее для военных флотов как минимум 5 государств — Великобритании (для судов, базирующихся на Мальте), Франции, Италии, Греции, США. Среди крупных военно-морских заказов 1920-х гг. можно отметить закупки 1927 г.: 150 тыс. т для итальянского флота, 33,3 тыс. т — для французского, 200 тыс. т — для морского министерства США⁴⁰. Также не были редкими закупки зарубежных государственных торговых организаций. Так, например, в 1928 г. Турция и Испания приобрели 532 тыс. т советских нефтепродуктов для распределения через систему государственной торговли⁴¹.

Стремясь противостоять зависимости от продаж нефти крупнейшим западным компаниям, большевистское правительство с 1924 г. начало активно развивать собственную дистрибьюторскую сеть за рубежом, прежде всего в тех странах, где советская продукция была уже известна потребителю. В августе этого года на английской территории начинает свою работу советская фирма под названием «Русские нефтяные продукты» («Russian Oil Products»), ставившая своей целью организацию розничной торговли в Великобритании. Юридическим основанием ее деятельности послужило англо-русское торговое соглашение от 1921 г. К началу 1925 г. эта фирма, создав собственный торговый аппарат и построив распределительные нефтехранилища в Бристоле и Кардиффе, вступила в жесткую конкурентную борьбу с местными компаниями. На первом этапе «Русские нефтяные продукты» осуществляли демпинг, продавая нефтепродукты на 1—3 пени дешевле цены других фирм. Советской фирме удалось отвоевать место на британском рынке: из ввезенных в Англию за первые девять месяцев 1925 г. 250 тыс. т российских нефтепродуктов на ее долю приходилась примерно пятая часть⁴².

Аналогичным образом была организована дистрибьюторская сеть в других странах. В середине 1920-х гг. советские внешнеторговые ведомства в Германии стали отказываться от услуг местных дилеров, создав собственную «Немецко-Российскую нефтяную компанию» («Deutsche-Russische Naphtha Kompanie») для распределения нефтепродуктов. В Швеции также была учреждена советская компания по торговле нефтепродуктами («Nordiska Bensin Aktiebolaget»), которая после непродолжительного демпинга (снижения цен в среднем на 30%) смогла закрепиться на шведском рынке, став одной из шести компаний, контролирующих продажу нефти внутри страны⁴³.

За рубежом, помимо чисто советских нефтеторговых компаний, были созданы и смешанные общества. Нефлесиндикат и барселонский «Аргус банк» образовали совместное общество, имевшее исключительные права на реализацию нефтепродуктов из СССР в Испании, Португалии и их колониях. В этом предприятии советская сторона располагала четвертой частью всего пакета акций⁴⁴. Большое значение для торговли по восточной границе имели русско-персидские смешанные торговые общества «Шарк» и «Персазнефть». Отличительной чертой этих совместных фирм было значительное преобладание в уставном капитале советской доли, что в известной степени отражало как бедность Ирана капиталами, так и наступательный характер внешней торговли СССР в этом регионе. Так, в торговом обществе «Шарк», производившем транзитные операции, персидским купцам принадлежало всего 28% акций. В 1924 г. при его участии было организовано совместное специализированное нефтеторговое предприятие «Персазнефть», в котором на долю «Шарка» приходилось 34%. Другими учредителями новой компании стали «Азнефть» (51%) и советское торгпредство в Персии (15%). Фактически иностранный капитал владел в «Персазнефти» всего 9,5% акций. Эта компания действовала весьма эффективно, ей удалось в короткий срок заполнить персидский рынок советскими нефтепродуктами. В 1924—25 гг. в Иране было продано 32,9 тыс. т нефтепродуктов, из них 28,8 тыс. т керосина, 1,6 тыс. т мазута, 1,1 тыс. т бензина и др.⁴⁵

Л.Б.Красин, комментируя успешное продвижение советского экспорта в Иране, отмечал: «Это нам удастся делать только благодаря установленным принципам нашей торговли, а именно планомерной организации торговых обществ по каждому крупному виду торговли, причем в эти общества, наряду с Внешторгом, входят не только заинтересованные хозорганы, но и наиболее надежные, влиятельные и обладающие деловыми связями персидские купцы»⁴⁶.

В эти годы наблюдается резкое увеличение объемов советского экспорта, что было следствием не только быстрого восстановления российской нефтепромышленности, роста нефтедобычи, но и умелой «агрессивной» политики советских внешнеторговых организаций на зарубежных рынках.

**Динамика развития советского нефтеэкспорта
в 1923/1924—1924/1925 гг.**

Страна-экспортер	1923/1924 гг. (тыс. т)	1924/1925 гг. (тыс. т)	Доля советских поставок в нефтяном импорте зарубежных стран в 1923/1924 гг. (%)	Доля советских поставок в нефтяном импорте зарубежных стран в 1924/1925 гг. (%)
Англия	166307	349396	3,8	5,8
Франция	20652	123113	4,3	9,9
Италия	49048	221881	7,7	40,8
Германия	73378	182786	9,6	24,8
Египет	37269	183170	25,0	47,3
Весь нефтеэкспорт	712000	1372000		

Источники: Внешняя торговля за 1918—1940 гг. М., 1940. С. 132—133; Фишер Л. Империализм нефти. М. — Л., 1926. С. 82—83.

К середине 1920-х гг. советская нефть получает преобладание в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Американские компании «Стандарт Ойл оф Нью-Йорк» и «Вакуум Ойл компани»⁴⁷, специализирующиеся на нефтеторговле в этих регионах, оказались в тяжелом положении: постоянное увеличение объемов продаж дешевой «красной нефти» (как иностранными, так и советскими фирмами) поставило перед ними вопрос о выживании. Было очевидным, что нефть из Америки, доставляемая на рынок стран Средиземноморья и Ближнего Востока, вследствие более дорогой транспортировки не выдерживает конкуренции с нефтепродуктами из СССР. С середины 1920-х гг. само существование этих американских компаний стало напрямую зависеть от организации их взаимодействия с советскими внешнеторговыми организациями.

Весной 1924 г. было положено начало крупномасштабному сотрудничеству с этими американскими компаниями, приведшему к переделу сфер влияния на мировом нефтяном рынке и окончательной легализации советского нефтеэкспорта. В мае 1924 г. египетский филиал «Вакуум Ойл компани» купил через брокера у Нефтесиндиката 13 тыс. т. В августе 1924 г. заключается первый договор непосредственно с английским филиалом «Стандарт Ойл» компанией «Англо-Америкэн» на продажу 75 тыс. т керосина. В марте 1926 г. две американские корпорации, входившие в группу «Стандарт Ойл», практически одновременно контрактывали беспрецедентно крупные партии советских нефтепродуктов: «Вакуум Ойл компани» приобрела в СССР 800 тыс. т мазута и 100 тыс. т керосина для продажи в Египте, а «Стандарт Ойл оф Нью-Йорк» купила 500 тыс. т керосина⁴⁸. В следующем году эти американские фирмы заключили договор на покупку

почти четверти всего советского нефтеэкспорта. В этих соглашениях советские внешнеторговые организации принимали обязательство не конкурировать с дистрибьюторами этих американских компаний в восточной части Средиземного моря.

Подобная договоренность о разделе рынка поставила в трудное положение работавшие в странах Востока крупные английские нефтяные компании, вызвала протест с их стороны. Руководство этих компаний также высказало обеспокоенность ускорившимся продвижением советских нефтепродуктов на внутренний английский рынок. Глава «Ройял Датч-Шелл» Г.Детердинг, не желая уступать в соперничестве, в 1927 г. начал активную кампанию против советского нефтеэкспорта. В начале января этого года он сорвал переговоры между СССР и англо-американскими фирмами, посвященные разрешению старого спора о национализации российской нефтяной промышленности, заявив о своем праве на монопольное распоряжение вывозной советской нефтью и настаивая на ограничении советского экспорта мазута⁴⁹.

Спустя несколько месяцев Генри Детердинг, пытаясь использовать разрыв англо-советских дипломатических отношений, произошедший 27 мая 1927 г.⁵⁰, начал «открытую войну цен» против советских нефтепродуктов на внутреннем рынке Англии. В борьбе с советской нефтью руководство «Ройял Датч-Шелл» применяло демпинг, одновременно призвав к бойкоту товаров из СССР. Майские номера популярной британской газеты «Daily Mail», подконтрольной «Ройял Датч-Шелл», агитировали все английские фирмы отказаться от любых покупок советских нефтепродуктов на территории Великобритании. 31 октября 1927 г. «Daily Mail» заявила, что к объявленному ею ранее бойкоту присоединились государственные и муниципальные органы, часть коммерческих фирм и т.п.⁵¹

Другой фронт борьбы с советской нефтью был открыт Г.Детердингом в Британской Индии. Здесь «Британская большая тройка» — «Ройял Датч-Шелл», Англо-Персидская и Бирманская компании — выступила против американских компаний «Стандарт Ойл оф Нью-Йорк» и «Вакуум Ойл компани», закупавших в больших количествах советскую продукцию для продажи на индийском рынке. 5 августа 1927 г. Г.Детердинг, потребовав от американских компаний прекратить закупки «красной краденой нефти», заявил: «Я не знал и даже не подозревал, что компания "Стандарт Ойл" после изгнания русских из Англии решила использовать отсутствие покупателей и заключить пятилетние контракты с СССР, дабы наводнить рынок Британской Индии и вытеснить оттуда нефть прочих фирм... Я намерен довести борьбу до последнего конца и в случае необходимости распространить ее на весь мир, так как мы желаем, чтобы общественность знала, кто бесчестно вызвал это потрясение в нефтяной промышленности»⁵².

После того как американцы отказались подчиниться, руководство «Ройял Датч-Шелл» приступило к войне цен. Начавшись на рынке Британской Индии, она быстро распространилась по всему миру. Дальнейшее развитие событий показало, что в этой войне цен

преимущество было на стороне американских компаний («Стандарт Ойл оф Нью-Йорк» и «Вакуум Ойл компани») и советских внешнеторговых организаций. Даже на внутреннем британском рынке бойкот «красной нефти» оказался неэффективным. Как показывает Таблица 2, составленная по статистическим данным британского Министерства торговли, импорт советских нефтепродуктов за годы острой конкурентной борьбы не только не снизился, но и значительно возрос.

Таблица 2

**Импорт советских нефтепродуктов в Великобританию
(по первым полугодиям 1926—1928 гг.), тыс. т**

Период	Керосин	Автомобильный бензин	Технические масла
Январь — июнь 1926 г.	37663	43183	4795
Январь — июнь 1927 г.	70839	59389	14257
Январь — июнь 1928 г.	92989	59850	15619

Источник: Coates W.P. and Z. A History of Anglo-Soviet Relations. L., 1943. P. 292—293.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в странах Востока — эпицентре конкурентной борьбы. Сотрудничество советских внешнеторговых организаций с американскими компаниями в торговле нефтью позволило значительно увеличить долю советской продукции на рынке восточных стран.

Таблица 3

**Советский экспорт в Индию, Египет и Турцию
в 1925/1926—1927/1928 гг., тыс. т**

Период	Индия	Египет	Турция
1925/1926	Нет поставок	84685	56051
1926/1927	16359	128777	45028
1927/1928	120297	209597	124952

Источник: Внешняя торговля за 1918—1940 гг. С. 132—133.

Существенные выгоды получили и закупавшие советскую нефть американские компании. Так, например, за вторую половину 1927 г. (период самого острого противостояния) акции «Вакуум Ойл компани» выросли на 50%, а в апреле 1928 г. эта компания уплатила 100% дивиденда на капитал. Деятельность представителя американских компаний в СССР Чарльза Ф. Мейера, заключившего выгодные сделки на закупку советской нефти, была высоко оценена: в апреле 1928 г. он получил пост председателя «Стандарт Ойл оф Нью-Йорк»⁵³.

Напротив, развязавшие «войну цен» английские компании понесли существенные убытки, уступив свои позиции на большинстве рынков мира. Ухудшилось и финансовое положение этих компаний. В январе 1928 г. самая последовательная сторонница стратегии Г.Детердинга — Бирманская компания — оказалась не в состоянии выплатить дивиденды, а цена ее акций за второе полугодие 1927 г. упала на 42%⁵⁴.

В марте 1928 г. британские компании попытались политическим путем восстановить свою монополию на нефтяном рынке Индии. Обвинив американские компании в демпинге, они обратились к местным властям с просьбой о введении повышенного ввозного тарифа для иностранных внешнеторговых фирм. Однако индийское правительство отказалось пересмотреть тарифы, посчитав, что искусственное снижение цен на внутреннем нефтяном рынке Индии инициировали британские компании.

Руководству «Ройял Датч-Шелл» и ее британским партнерам не оставалось ничего другого, как отказаться от «войны цен» и договориться с конкурирующими сбытовыми американскими фирмами. После весьма сложных переговоров компании «Ройял Датч-Шелл», Англо-Персидская компания, «Стандарт Ойл оф Нью-Йорк» и «Вакуум Ойл компани» заключили в конце 1928 г. соглашение о разделе индийского рынка сбыта⁵⁵. Успешному завершению переговоров во многом способствовало прошедшее в сентябре 1928 г. совещание руководителей трех крупнейших западных нефтяных компаний, контролировавших более 50% мировых продаж, — «Стандарт Ойл оф Нью-Джерси» (23%), «Ройял Датч-Шелл» (16%), Англо-Персидской компании (11,5%). Итогом этого совещания, проводившегося в охотничьем замке Акнакарри (Шотландия), стало заключение 17 сентября 1928 г. договора, определившего сферы влияния и правила международной торговли нефтью. Одной из целей его подписания было прекращение губительной, по мнению участников совещания, конкуренции на мировом нефтяном рынке, возникшей в результате индийского кризиса. Стремясь остановить «войну цен», «большая тройка» договорилась заморозить рынок в его существующих рамках, разработав соответствующую систему квот для каждого региона и определив общий для всех принцип ценообразования. В последующие месяцы руководители «большой тройки» убедили другие крупные нефтяные компании (в том числе и «Стандарт Ойл оф Нью-Йорк» и «Вакуум Ойл компани») в необходимости принять основные положения «Акнакаррийского договора».

Принятие этого «кодекса мировой нефтеторговли» было невозможно без участия советских внешнеторговых организаций, на долю которых в 1928 г. приходилось более 6,5% мировых продаж нефтепродуктов. Для включения советского нефтеэкспорта в сферу «упорядоченной» мировой конкуренции пришлось фактически легализовать «красную нефть» на международных рынках, окончательно сняв вопрос о возвращении или компенсации бывшим владельцам российской нефтяной собственности, национализированной советским государством.

Показательной в этом отношении является ситуация на британском рынке, одном из важнейших для советских нефтеторговых организаций. 1 января 1929 г. «большая тройка» заключила в Британии соглашение об обязательстве предоставлять всем оптовым торговцам одинаковую норму прибыли, не применяя дискриминационных действий в отношении тех, кто продавал продукцию независимых (в том числе советских) компаний. В свою очередь, последние должны были бы принять расценки крупных компаний и продавать нефтепродукты только «законным» клиентам, прекратив поиски новых рынков сбыта. Независимая советская фирма «Русские нефтяные продукты», работающая в Великобритании, сочла для себя выгодным присоединиться к этому соглашению. По сообщению агентства «Рейтер», эта нефтеторговая компания подписала 28 февраля 1929 г. в Лондоне трехлетний договор, по которому получала на британском рынке равную с другими компаниями долю. Кроме того, соглашение предусматривало значительные советские поставки нефти англо-американским фирмам, прежде всего «Ройял Датч-Шелл»⁵⁶.

Как указывали британские газеты, этот договор, не предусматривавший никаких форм компенсации за национализированные советским правительством месторождения нефти, означал окончательное прекращение кампании международного бойкота советских нефтепродуктов.

Заключение соглашения было на руку советской внешнеторговой компании, поскольку позволяло существенно повысить цены на нефть. В период «демпинговой войны» цены на нефтепродукты установились очень низкие, что не давало возможности увеличить доходы от продаж. Так, например, за три года жесткой конкурентной борьбы произошло ощутимое снижение цен. При росте общего объема экспортных поставок советских нефтепродуктов в 1,9 раза размер финансовых поступлений увеличился всего лишь в 1,4 раза.

Таким образом, подписание соглашения свидетельствовало о том, что с конца 1920-х гг. СССР рассматривался как полноправный участник мирового нефтяного рынка. Такое международное признание было результатом тесного взаимодействия советских внешнеторговых органов с иностранными компаниями. Это сотрудничество, в решающей степени способствовавшее росту советского нефтеэкспорта, прошло в своем развитии несколько этапов.

Начало советской экспортной торговли нефтепродуктами пришлось на годы «нефтяной блокады» (1921—1922). По образному выражению одного из руководителей азербайджанской нефтяной промышленности А.П.Серебровского, это был период так называемого «нефтяного корсарства», когда международные контакты центральных и региональных внешнеторговых организаций ограничивались небольшими рискованными сделками с мелкими и средними зарубежными фирмами. Средства, полученные от этих торговых операций, позволили осуществить закупки оборудования, необходимые для сохранения нефтяной отрасли от разрушения.

Последовавший далее период 1923—1925 гг. отличался преодолением торговой изоляции и значительным расширением объемов продаж советских нефтепродуктов крупным западным компаниям, в первую очередь англо-голландской «Ройял Датч-Шелл». Крупные закупки объяснялись стремлением наиболее влиятельных западных нефтяных корпораций монопольно контролировать реализацию советской нефти на мировом рынке. Пытаясь противостоять этому «диктату», советское правительство, централизовав продажи, сделало первые шаги по развитию собственной дистрибьюторской сети за рубежом, расширило торговлю нефтью за счет привлечения новых иностранных покупателей из числа средних и крупных коммерческих и государственных фирм. Используя эту тактику, советские внешне-торговые организации сумели существенно увеличить долю своего присутствия на рынках западных и восточных стран, создав основательный плацдарм для наступления на позиции иностранных конкурентов.

В 1926—1928 гг. советские организации по торговле нефтью, подвергнувшись на рынках Великобритании и восточных стран бойкоту со стороны крупных английских компаний, установили тесные партнерские отношения со «Стандарт Ойл компани оф Нью-Йорк» и «Вакуум Ойл компани», крайне заинтересованными в приобретении советских нефтепродуктов. Благодаря этому, во многом «вынужденному», партнерству американские компании смогли, закупив большие партии советской нефти, сохранить свои позиции на рынках Востока, а СССР получил доступ к широкой, хорошо организованной дистрибьюторской сети этих компаний, что позволило советским нефтепродуктам успешно вытеснять с рынков восточных стран английскую продукцию. Потерпев поражение в развернувшейся по всему миру «войне цен», английские компании были вынуждены искать компромисс с конкурентами и договариваться с ними о разделе мирового нефтяного рынка.

Следующий этап отношений СССР и нефтяных фирм Запада (1929—1932 гг.) начался с завершения процесса международной легализации торговых операций с советской нефтью. Прекращение бойкота советских нефтепродуктов, раздел индийского рынка с учетом советских интересов и выделение квот на советскую торговлю в Великобритании означали, что вопрос о восстановлении или компенсации национализированной в годы Советской власти нефтяной собственности был фактически снят с повестки дня, а за СССР было признано законное право продажи нефти на мировом рынке. В последующие три года (1930—1932 гг.) советский нефтеэкспорт достиг наивысшей отметки — в среднем 5234 тыс. т в год, превысив экспортный показатель 1913 г. более чем в 5,5 раза. В целом, доходы от внешних продаж нефтепродуктов за этот период составили более 16% всех валютных поступлений в страну (наивысший процент среди всех отраслей народного хозяйства), что имело решающее значение для выбора курса на ускоренную индустриализацию страны.

¹ Рассчитано по: Экспортные возможности России: Статистико-экономический очерк / Под ред. В.Г.Громана. М., 1922. С. 131.

² Рассчитано по: Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX – 30-е годы XX века). М., 1994. С. 71, 124.

³ Дьяконова И.А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М., 1999. С. 38.

⁴ Дано по: Экспортные возможности России: Статистико-экономический очерк. С. 131–132. Несколько лучшее положение было с экспортом смазочных масел. В 1905–1913 гг. вывоз особо ценных на мировом рынке российских смазочных масел увеличился. Так, ежегодный экспорт этого продукта возрос с 179,2 тыс. т в 1904–1906 гг. до 249 тыс. т в 1909–1913 гг. (Внешняя торговля за 1918–1940 гг. М., 1940. С. 49).

⁵ Алияров С.С. Нефтяные монополии в Азербайджане в период Первой мировой войны. Баку, 1974. С. 20; Нефтяное дело. 1916. № 20. С. 15.

⁶ Сонкин М.Е. Окно во внешний мир: Экономические связи Советского государства в 1917–1921 гг. М., 1964. С. 18.

⁷ Рассчитано по: Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 3139. Оп. 6. Д. 21. Л. 37–38.

⁸ Там же. Л. 38.

⁹ Согласно посуточным и помесечным ведомостям, по нефтепроводу «Баку — Батум» было перекачано за этот период 414,76 тыс. т нефти. Рассчитано по: Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. 5. С. 347.

¹⁰ Там же.

¹¹ Нефтяная промышленность России за 3 года Советской власти. М., 1920. С. 10.

¹² Там же.

¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 123–124.

¹⁴ Там же. С. 124.

¹⁵ Серебровский А.П. Руководство В.И. Лениным восстановлением нефтяной промышленности. М., 1958. С. 12.

¹⁶ Там же.

¹⁷ В результате первых сделок было получено 32 вагона оборудования: компрессоры, буровые станки, насосы, железо и т.п. (Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 130. Оп. 5. Д. 837. Л. 3–3об.).

¹⁸ Зарубежные поставки хлеба получили наибольший размах в начале 1922 г. Так, с 1 января по 10 марта 1922 г., по сообщениям С.М.Кирова, только Баку получил около 124 тыс. пудов (в основном с пароходов «Тредингам» и «Нимфа») (Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 80 (Оп. 6. Д. 19. Л. 1–2.).

¹⁹ Серебровский А.П. Указ. соч. С. 15.

²⁰ Так, в сентябре 1921 г. Л.Б.Красин отклонил просьбу азербайджанского правительства продлить гресту «Азнефть» право ведения торговых операций за границей. Лишь после вмешательства В.И.Ленина СТО принял решение о сохранении за «Азнефтью» права торговли с заграницей, выделив для закупок 500 тыс. руб. золотом (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 214, 421).

²¹ В сентябре 1921 г. произошла реорганизация Азербайджанского нефтекома и Грозненского нефтеуправления в самостоятельные тресты «Азнефть» и «Грознефть».

²² Рассчитано по: Сафронов Е.Д. Становление советской нефтяной промышленности. М., 1970. С. 160; РГАЭ. Ф. 130. Оп. 17. Д. 300. Л. 80.

²³ О начале этого процесса, которое было положено еще в апреле — мае 1922 г., более подробно см.: Коломийцев П. Внешняя торговля Закавказья // Внешняя торговля. 1922. № 4. С. 4.

²⁴ Приведем лишь некоторые из его эмоциональных и красноречивых оценок, относящихся к 1922—1923 гг.: «Москва по-прежнему ни черта не дает», «...все здесь сносно, но финансы режут смертельно», «положение с деньгами настолько обострено, что Азнефть уже находится в агонии» (РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 6. Д. 12. Л. 1; Д. 35. Л. 1; Оп. 7. Д. 29. Л. 5).

²⁵ РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 6. Д. 12. Л. 1; Д. 35. Л. 1; Оп. 7. Д. 29. Л. 7. 8.

²⁶ Двенадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1923. С. 305—306.

²⁷ Цит. по: Фишер Л. Империализм нефти. М.; Л., 1926. С. 81.

²⁸ ВСНХ. Торговля и промышленность: Материалы к XI съезду РКП. М., 1922.

²⁹ Экспортные возможности России: Статистико-экономический очерк. С. 138.

³⁰ В нее вошли 18 английских, французских, бельгийских, дореволюционных русских и других нефтяных фирм, имевших претензии к Советской власти. Наиболее известные среди них — «Ройял Датч-Шелл», «Стандарт Ойл», Англо-Персидская компания, Франко-Бельгийский синдикат, российские компании Лианозова, Манташева и др.

³¹ Помимо английских компаний, закупки небольших партий советских нефтепродуктов осуществляли германские, французские и итальянские фирмы (РГАЭ. Ф. 2309. Оп. 11. Д. 21. Л. 9—11; Д. 72. Л. 90—91, 92; Ф. 413. Оп. 17. Д. 237. Л. 523).

³² Цит. по: Богдановский С. Нефтяной империализм. М.; Л., 1926. С. 57.

³³ Известия. 6 марта 1923 г.

³⁴ Цит. по: Богдановский С. Указ. соч. С. 58.

³⁵ Фишер Л. Указ. соч. С. 74

³⁶ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 11. Д. 15. Л. 147—149. В ходе переговоров Г.Детердинг предлагал закупить весь советский керосин при условии, если правительство России даст гарантии не выходить в течение определенного срока на внешний рынок. Однако это было отвергнуто.

³⁷ Sutton A. *Western Technology and Soviet Economic Development, 1917 to 1930*. Stanford, 1968. P. 42.

³⁸ Ibid. P. 41.

³⁹ Чуть позже аналогичные предложения советскому правительству были сделаны со стороны другой крупнейшей мировой корпорации — «Стандарт Ойл».

⁴⁰ Sutton A. *Op. cit.* P. 43.

⁴¹ Ibid. P. 42.

⁴² Рассчитано по: Fisher L. *Oil Imperialism*. N.Y., 1926. P. 119. В русском переводе книги, вероятно из-за опечатки, указаны неверные цифры.

⁴³ Sutton A. *Op. cit.* P. 42.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Торговля с Востоком. М.; Л., 1927. С. 75.

⁴⁶ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 11. Д. 24. Л. 5.

⁴⁷ В 1931 г. произошло слияние этих двух фирм под названием «Сокони Вакуум».

⁴⁸ Людвелл Д. Америка завоевывает Британию. М.: Л., 1934. С. 293.

⁴⁹ Там же. С. 294.

⁵⁰ Некоторые британские журналисты, например Ф. Делези из «Foreign Affairs», высказывали мнение о причастности Г. Детердинга к событиям, приведшим к разрыву англо-советских отношений, однако убедительных данных, говорящих в пользу этого, не приводили. См.: Foreign Affairs. Oct.—Nov. 1927.

⁵¹ По расчетам «Daily Mail», бойкогирующие организации потребляли примерно 197 тыс. т нефтепродуктов, что составляло около 6,5% всего нефтепотребления Великобритании. В то же время нельзя не отметить, что далеко не вся английская общественность поддержала обращение «Daily Mail», зачастую призыв к бойкоту имел обратный эффект. Так, например, большое количество членов профсоюза транспортников (шоферы, механики и т.п.), узнав об инициативе консервативной «Daily Mail», выступили в защиту продаж советских нефтепродуктов. Более подробно об этом эпизоде см.: Coates W.P. and Z. A History of Anglo-Soviet Relations. L., 1943. P. 291.

⁵² Людвелл Д. Нефтяная дипломатия. М., 1931. С. 295.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Тьюгендхэт К., Гамильтон А. Нефть. Самый большой бизнес. М., 1978. С. 147.

⁵⁶ Coates W.P. and Z. Op. cit. P. 293—294.

Участие американских промышленных компаний в советской индустриализации, 1928—1933 гг.

Круги, представляющие крупную и среднюю американскую промышленность, начиная с миллиардных гигантов «Форда» и «Дженерал Электрик» и кончая инженерной фирмой, оказывающей нам техническую помощь, стоят на позиции максимального делового сотрудничества САСШ с Советским Союзом.

Генкин И. Трезвые голоса деловой Америки¹

Россия использовала западные технологии, капиталы и техническую помощь для решения задач «догоняющей модернизации». Механическое прядение и ткачество, пароход, железная дорога, пудлингование, бессемеровский и мартеновский способы получения стали, телеграф с азбукой Морзе, телефон, электростанция, сборочный конвейер, автомобиль и трактор поступили с Запада.

Аналогичные или близкие отечественные изобретения по ряду причин не находили широкого применения или оставались в единственном экземпляре, как, например, паровоз братьев Черепановых или первый русский автомобиль 1896 г. — современник «газолиновой тележки» Генри Форда. Иностранцы, претендовавшие на получение патентов в России, чаще интересовались новыми в технологическом отношении областями, такими как производство паровых двигателей, электричество, транспорт, телеграф, а российские подданные — в основном традиционными².

Соединенные Штаты своим техническим прогрессом еще в большей степени, чем Россия, были обязаны поступлению производственных достижений извне. Они привносились в Америку в ходе ее заселения и освоения. Быстрота внедрения как зарубежных, так и собственных изобретений объяснялась высоким спросом на трудосберегающие технологии, выраженным рыночным, потребительским предназначением большинства технических новинок и умением находить сбыт даже «непрактичным» на первый взгляд вещам. Получение прибыли благодаря расширению производства и демократизации потребления явилось вкладом Соединенных Штатов в мировой экономический прогресс³. В первые десятилетия XX в. ноу-

---

* Шпотов Борис Михайлович — доктор исторических наук (Институт всеобщей истории РАН).

хау стали перспективной сферой вложения капиталов, а США — всемирным центром распространения передовых технологий.

Чтобы не отставать от Запада в стратегически важных отраслях, которыми являлись промышленность и транспорт, советское государство различными путями и способами заимствовало зарубежные технические достижения. Стремление западных компаний продавать и потребность СССР получать передовые технологии вели к явным и тайным сделкам даже в период «холодной войны»⁴.

Дореволюционный опыт

Прямые американские инвестиции в Российской империи были относительно невелики. Наиболее крупными предприятиями с американским капиталом являлись завод швейных машин «Singer Company» и завод сельскохозяйственных машин компании «International Harvester», составившие так называемый «Американский домен». Компании «Baldwin Locomotive Works», «General Electric», «International Bell Telephone», «Vacuum Oil», «Westinghouse Air Brake», «Westinghouse Electric» и ряд других время от времени выступали в качестве поставщиков оборудования и инженерно-технических консультантов⁵.

Перед Октябрьской революцией 1917 г. в России действовало уже 11 компаний США, включая страховые «Equitable Life Assurance» и «New York Life Insurance»⁶. Политика российского правительства по отношению к американским инвестициям была избирательной: при положительном отношении к выпуску швейных и жатвенных машин пресекались попытки получения концессий на строительство железных дорог в слаборазвитых регионах. При абсолютном преобладании на российском рынке до Первой мировой войны германских и французских автомобилей продавались и американские модели.

Российские фабриканты имели довольно слабое представление о промышленных достижениях США. Побывавшие за океаном русские констатировали «помешательство» американцев на технике и машинах, но лишь немногие экономисты и инженеры уделяли серьезное внимание трудосберегающим технологиям, стремительно растущей автомобильной промышленности, сельскохозяйственному машиностроению, упаковочному, холодильному, нефтеперегонному, железнодорожному оборудованию.

В годы Первой мировой войны экономические отношения России с Соединенными Штатами заметно возросли, временно заменив традиционные связи с Германией. Компании «Packard» и «White» стали основными поставщиками легковых и грузовых автомашин для русской армии. В 1915 г. в США и России появились Американско-русская и Русско-американская торговые палаты, а также «Общество сближения между Россией и Америкой» (Society for Promoting Mutual Friendly Relations between Russia and America). Они рекламировали и предлагали российским потребителям разнообразную продукцию и профессиональные услуги, в том числе по изготовлению планов и чертежей промышленных предприятий. Российские торговые агенты и инженеры открывали свои конторы в

США, как, например: «В.В.Сonstantinov», «The Russian-American Engineering Supply Company» или «The Russian-American Industrial Company».

Инженер-механик Н.С.Лавров в 1916 г. посетил завод Форда и стал страстным пропагандистом «фордизма» в России: за 1916—1926 гг. он прочитал около 1500 публичных лекций о фордовском производстве и выпустил о нем книгу⁸. Лавров первым из русских рекомендовал руководству компании построить в России автосборочный завод⁹. О необходимости создания дочерней Российской компании (a Russian company) писал в июле 1916 г. секретарю Генри Форда менеджер Гастон Плантиф¹⁰. Эту идею удалось реализовать, правда, лишь после распада СССР, в 1990-е гг.

Восстановление и развитие экономических отношений с Западом в 1920-е гг.

Широкомасштабное привлечение западных технологий посредством государственной политики началось в России после Октябрьской революции 1917 г. Молодая Советская республика прилагала колоссальные усилия по восстановлению дипломатических и экономических отношений с Соединенными Штатами. Экономическим связям с США В.И.Ленин придавал первостепенное значение. «Нам будут нужны американские промышленные изделия — локомотивы, автомобили и т.д. — более, чем товары какой-либо другой страны», — подчеркнул он в беседе с корреспондентом американской газеты «World» в феврале 1920 г.¹¹ К этой идее он возвращался не раз. «Торговая дипломатия» велась за океаном без дипломатического признания и официального разрешения американских властей, через политэмигранта из русских немцев Л.К.Мартенса, в прошлом революционера. Он проживал в Нью-Йорке и поддерживал связь с большевиками. Советское правительство назначило его торговым представителем РСФСР в Соединенных Штатах.

Несмотря на пропагандистский успех его миссии и стремление многих американских фирм начать торговые отношения с советской властью, Мартенс подвергся судебному преследованию и в начале 1921 г. был выслан из США. Перед отъездом в Россию он получил инструкцию из Москвы объявить недействительными все достигнутые договоренности с американцами¹².

Позиция официальных кругов США сводилась к тому, что советская власть не имеет представления о честном бизнесе, проводит безответственную революционную политику, отказывается выплачивать долги прежних правительств и компенсировать американским гражданам и компаниям ущерб от экспроприации их собственности. В свою очередь, советское правительство напоминало Соединенным Штатам о серьезном ущербе, нанесенном России их участием в иностранной интервенции во время Гражданской войны, и предлагало возобновить торговлю и воспользоваться получением концессий¹³. Концессии предоставлялись в добывающей, горной и обрабатывающей промышленности, торговле, на транспорте, в различных про-

мыслах (рыболовство, добыча пушного зверя) и т.п., и подразделялись на два типа — «чистые» и «смешанные».

«Чистая» концессия означала временную эксплуатацию иностранной компанией какой-либо советской государственной собственности (участков земли, коммунальных или промышленных предприятий, шахт, рудников, нефтяных месторождений и т.п.), для чего она должна была завезти необходимое оборудование, осуществлять техническое руководство и платить государству налоги и отчисления от получаемой прибыли. Компания обязывалась реконструировать имевшиеся или создать новые производственные мощности, повысить производительность труда, обеспечить социальную инфраструктуру (жилье для рабочих, школы, дороги), соблюдать трудовые соглашения и подчиняться советским законам. По окончании срока концессии компания безвозмездно возвращала находившееся в ее пользовании предприятие или имущество, причем государство нередко сохраняло за собой право досрочного выкупа.

«Смешанная» концессия — предприятие с совместным капиталом (равными долями или, чаще, с контрольным пакетом у советского партнера — 51 и 49% и обязательно с советским председателем правления). Как правило, иностранная фирма делала инвестиции, доставляла технику и оборудование, присылала квалифицированных работников, а советская сторона контролировала организацию дела, поставляла сырье и нанимала основной контингент рабочих. Прибыль делилась поровну.

«Техническими» концессиями иногда называли оплачиваемую советскими заказчиками техническую помощь, без инвестирования иностранного капитала. В конце 1920-х гг. такие соглашения стали повсеместно называться в Советском Союзе договорами о технической помощи, или о техническом содействии. Собственно к концессиям относились только «чистые» или «смешанные» предприятия с иностранным капиталом.

После окончания нэпа (1928 г.) в СССР, по отечественным данным, действовало 114 концессий (61 национального и 53 республиканского значения), но в этот список вошли и соглашения с американскими, германскими, британскими и другими компаниями или гражданами о техническом содействии¹⁴. По данным Э.Саттона, на протяжении 1920—1930 гг. в нашей стране функционировало 128 «чистых» и 93 «смешанных» концессии, из которых американским компаниям принадлежало, соответственно, 35 и 14, а число «технических» концессий он определил в 118¹⁵. Некоторые российские исследователи подвергли критике выводы Саттона относительно формы и характера иностранного участия — например, в нефтяной промышленности. Если иностранная компания обучала советских рабочих пользоваться привезенным ею оборудованием, это, по мнению историка, роднило ее бизнес в России с технической помощью¹⁶.

«Чистые» концессии были экономически выгодны советской власти в начале 20-х гг. при дефиците государственного капитала. К большим проектам обычно привлекалось несколько компаний из разных стран. Определить вклад какой фирмы стал решающим, а ка-

кой — второстепенным, в таких случаях затруднительно, так как компании выполняли хотя и разные, но взаимосвязанные и необходимые задания. Восстановление и развитие топливно-энергетического комплекса являлось первоочередной народнохозяйственной задачей, и здесь концессии сочетались с командировками советских специалистов за рубеж и быстро вытеснялись договорами о технической помощи и закупкой оборудования.

Так, контракт о развитии нефтепромыслов Баку, подписанный в 1922 г. с американской корпорацией «Barnsdall» сроком на 15 с половиной лет, был расторгнут по инициативе ее советского партнера, треста «Азнефть», уже в 1924 г. и сменился командировками специалистов в США для изучения нефтяного дела и закупок оборудования для бурения скважин и переработки нефти. Для его изготовления на собственных машиностроительных заводах — в Баку и других местах — в США приобретались станки и инструменты.

Не только американский производственный опыт — сама организация и управление добычей и переработкой нефти перенимались в СССР. Главного руководителя этого дела, инженера А.П.Серебровского, прозвали на Западе «Советским Рокфеллером»¹⁷. В 1924 г. «красный директор» «Азнефти» встретился в США с основателем американского нефтяного бизнеса Дж.Д.Рокфеллером-старшим, внушил ему полное доверие и симпатию, завязал деловые отношения со «Standard Oil of New York» и обследовал все основные места добычи и переработки нефти и газа в США. Серебровский не просто рекомендовал, а настойчиво внедрял «американские методы» в районе Баку и Грозного¹⁸. Советских нефтяников стали направлять в США для изучения конкретных технологий.

Компания «Standard Oil of New York» получила концессию на строительство и эксплуатацию керосинового завода в Батуми, а «смешанные» концессии, в основном с американским капиталом и оборудованием, использовались при строительстве нефтепроводов в сочетании с технической помощью и обучением советского персонала. Американские компании участвовали, наряду с европейскими, в разработке угольных месторождений Донбасса и Кузбасса. В конце 1925 г. договоры о технической помощи с американскими фирмами «Stuart, James & Cooke», «Roberts & Schaefer», «Allen & Garcia» быстро вытеснили концессионные формы деятельности.

Наиболее спорный и неясный вопрос советской концессионной политики — это *реальное* экономическое и правовое положение предприятий с иностранным капиталом. Точки зрения отечественных и западных историков диаметрально противоположны. В советской литературе утверждалось, что наше государство строго следовало взятым на себя обязательствам и обеспечивало концессионерам, после тщательного отбора предложений из-за рубежа, все необходимые условия. Если дело не ладилось, виновными в этом считались иностранные фирмы — либо не умевшие вести бизнес, либо затеявшие авантюру¹⁹. В американских работах подчеркивается незащищенность концессий, их шаткое положение при нэпе. То, что советская власть разрешала использование частного капитала, но проводила

политику его ограничения и вытеснения, есть несомненный факт, и рассмотрение концессионной политики под этим углом зрения вполне обоснованно.

Советское государство предоставляло концессии на 15, 20, 30 лет и больше, чтобы привлечь иностранный капитал перспективой получения прибылей на долгосрочные вложения, но старалось под разными предлогами избавиться от концессионеров, как только они обеспечивали инвестиции и оборудование. Компенсации если и выплачивались, то частично.

Чтобы спровоцировать расторжение контракта, практиковались усиление налогового пресса, запрещения на вывоз валюты, поощрение конфликтов рабочих с администрацией (забастовки), частые рейды и проверки по линии профсоюзов и ОГПУ. Подозрения вызвала «чрезмерная активность» и «вторжение» немцев в советскую экономику к 1925 г. Если не заговор, то, по крайней мере, недовольство советской властью и германских специалистов, и российских монархистов ускорило прекращение концессии Юнкерса в СССР²⁰. Находя продолжение бизнеса слишком рискованным, а советские требования чрезмерными, иностранные компании прекращали его ценой невозместимых потерь, а Советский Союз получал налаженное предприятие²¹.

Концессия У.А.Гарримана по разработке месторождения марганцевой руды в Чиатури (Грузинская ССР) явилась самым крупным и наименее удачным американским предприятием в Советском Союзе. Договор был заключен в 1925 г. сроком на 20 лет, но действовал всего три года. Согласиться с его расторжением компанию побудило стечение неблагоприятных обстоятельств: конкуренция на международных рынках, снижение мировых цен на продукт, высокие издержки и непрерывное вмешательство местных властей и профсоюза. В течение одного года из-за различных инспекций и проверок пропало 127 рабочих дней. Последней каплей стал конфликт с властями из-за обмена валюты: американские служащие предпочитали менять доллары на рубли у частных торговцев, а не в Госбанке, где обменный курс был слишком низким. Заметим, что менеджеры компании старались поднять зарботки и улучшить условия труда рабочих. М.Уилкинс приводит цитату из письма одного из инженеров компании: «Марганцевую руду перевозили на телегах, запряженных волами, по скверным дорогам. Рабочие были разуты и одеты в лохмотья, спали они прямо в стойлах рядом с волами. Вскоре это изменилось. Американцы подняли их зарботки до высшего уровня в СССР. Добились разрешения ввезти одежду из-за границы. Рудокопы получили высокие сапоги, проременные шляпы и накидки. Всех рабочих снабдили английскими солдатскими ботинками. И сразу начались проблемы. Не состоявшие в профсоюзе были вполне довольны, а у объединенных пролетариев только разгорелся аппетит. Их требования выросли до небес. Интересно, что после ухода американцев советские хозяева начали с того, что понизили зарплату на 20% и отобрали у рабочих импортную одежду и обувь. Ее продали в Тифлисе, а деньги присвоили несколько высокопоставленных коммунистов»²².

«Советским хозяевам» достались, естественно, не только ботинки и спецодежда. Гарриман вложил 3450000 дол. в техническую реконструкцию предприятия, но не получил их обратно. Главный концессионный комитет (Главконцесском) настоял на том, чтобы считать эти инвестиции займом сроком на 15 лет, и выудил у компании еще миллион в виде дополнительного займа.

В тезисах о работе концессионной комиссии «Амторга»²³ в апреле 1929 г. говорилось, что Гарриман «официально старается нам не вредить, но, по нашим сведениям, каждому, кто обращается к нему за справкой, рисует положение у нас в Союзе в таких красках, что у редкого охотника после разговора с ним, а в особенности с его директором, остается желание продолжать переговоры о концессии»²⁴.

Руководство компании Форда подошло к делу осмотрительно. Пять ее менеджеров посетили в апреле — августе 1926 г. СССР, чтобы изучить экономическую, социальную и производственную ситуацию в стране, прежде чем принять решение о строительстве тракторного завода на условиях концессии. Из собственных наблюдений и переговоров в Главконцесскоме фордовцы извлекли один урок: для иностранной фирмы попытка строить «любое промышленное предприятие в Советской стране — безумная затея». Основные неблагоприятные факторы они указали в своем отчете руководству компании: 1) советский профсоюз выделяет по одному освобожденному представителю на каждые 300 рабочих или даже по одному на 60 с единственной целью контроля за их благосостоянием; 2) государство устанавливает твердые цены на выпускаемую продукцию; 3) экспорт тракторов разрешается только после удовлетворения внутреннего спроса; 4) вывоз валюты возможен раз в год после государственной аудиторской проверки; 5) существуют трудности с получением сырья и материалов и их дороговизна в СССР. Кроме того, фордовские менеджеры сомневались в том, что концессия просуществует договорной период. «У нас нет уверенности в том, что советское правительство не отберет завод без компенсации и досрочно... Оно может сделать это разными способами, а при отсутствии дипломатических отношений нельзя будет рассчитывать на помощь Соединенных Штатов»²⁵... Советское правительство не преуспело в привлечении иностранного капитала для промышленных целей, но ему до некоторой степени удалось заинтересовать крупные компании в добыче полезных ископаемых и в других проектах, связанных с экспортом сырья и материалов. Однако нет ни одного концессионера, который не испытывал бы трудностей в управлении предприятием»²⁶. В результате руководство компании отказалось от постройки тракторного завода в СССР.

Западные бизнесмены и политики знали о заявлениях В.И.Ленина и других советских руководителей о временном характере концессий и о том, что это лишь «продолжение войны с капиталом». И.В.Сталин считал социализм системой без частного капитала, и в апреле 1926 г. на Ленинградском партактиве обнародовал свою концепцию промышленного развития страны. О концессиях в ней не упоминалось, и единственным внешнеэкономическим источником индустриализа-

ции он назвал внешнюю торговлю. Это был явный признак того, что время иностранных инвестиций в советскую экономику сочтено.

В июле 1926 г. председатель Главконцесскома Л.Д.Троцкий заявил о необходимости получения быстрой отдачи от концессий, в течение 3—5 лет после заключения договора, и настаивал на ограничении доли частного инвестированного капитала в экономике СССР (не более 10%)²⁷. При этом он призывал не ослаблять хозяйственных связей с границей, поскольку изоляционистская политика («социалистическая доктрина Монро») поставила бы под угрозу срыва темпы хозяйственного развития страны.

Заметим, что отсутствие дипломатических отношений между СССР и США препятствовало размещению советских ценных бумаг на американской фондовой бирже, которое могло бы обеспечить приток концессионного капитала.

Чтобы привлечь американских инвесторов, советское правительство в апреле 1927 г. официально обещало (через концессионную комиссию «Амторга») не проводить конфискаций и реквизиций, досрочно не расторгать и не изменять условия заключенных контрактов и гарантировало длительные сроки концессий, чтобы инвесторы окупили затраты и получили прибыль²⁸. Будь это так, большинство концессий просуществовало бы до Второй мировой войны. Однако уже в декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б) был прямо поставлен вопрос о насущной необходимости перейти от концессий к широкомасштабной технической помощи, подчинив экспортную торговлю задаче получения твердой валюты.

Тем не менее советское правительство пыталось привлечь иностранные капиталы (например, в автомобильную промышленность) вплоть до начала 1929 г., когда уже осуществлялся первый пятилетний план. В декабре того года председатель Главконцесскома Л.Б.Каменев уведомил СНК СССР о нецелесообразности составления перспективного концессионного плана²⁹. Лишь единичные концессии оставались в силе после 1930 г. и даже продлевались, как, например, японская нефтяная на Сахалине. Хотя часть концессий принесла ощутимую пользу СССР, их исключение из советской экономической стратегии объясняется ее фундаментальным изменением в целом: свертывание нэпа положило конец частным инвестициям.

Жестко ограниченный период существования концессий при долгосрочных первоначальных контрактах говорит о *присвоении Советским Союзом концессионного капитала*. В целом концессии больше помогли развитию сырьевой и добывающей, а не перерабатывающей промышленности. Это предшествовало собственно индустриализации, т.е. быстрому развитию производящих отраслей. Большой размах приобрело участие американских компаний в технической помощи.

Техническая помощь

В области промышленности первая пятилетка имела целью создание основных капиталоемких отраслей — авиационной, автотракторной, химической, машиностроительной, электротехнической,

развитие транспортной сети, а также продвижение индустрии на восток, на удаленные от границ территории. К 1933 г. требовалось построить и реконструировать около 1500 крупных объектов. Все это было бы невозможно без заимствования технических достижений Запада.

Техническая помощь осуществлялась по специальным договорам или включалась в контракты на поставки оборудования. Договоры о технической помощи были по срокам намного короче концессий и выглядели привлекательнее для обеих сторон: от зарубежных фирм не требовалось рискованных инвестиций, а советские инженеры и рабочие получали возможность овладеть передовой техникой в кратчайшие сроки. Техническую помощь требовалось оплачивать валютой, но монополия внешней торговли позволяла экспортировать все, что пользовалось повышенным спросом за границей: зерно, продукты питания, лес, нефть, пушнину, цветные металлы, музейные ценности и т.д. Советское правительство добивалось активного баланса в двухсторонней торговле с каждой страной, а также долгосрочного кредитования поставок. В 1929—1933 гг. с Великобританией, Францией, Италией имел место активный (в разной степени) внешнеторговый баланс, а с самыми крупными поставщиками технической помощи — Соединенными Штатами и (с 1930 г.) Германией — пассивный³⁰.

Договоры о технической помощи отнюдь не сводились к присылке чертежей, патентов, машин или к консультированию. У таких договоров была как техническая, так и обучающая сторона. Иностранная фирма либо вносила поправки в советский проект, доводила его до полной готовности, либо сама выполняла по полученным исходным данным, эскизам и т.д. подробный строительный или технологический проект со спецификациями материалов и оборудования. Она обязывалась передать свой производственный опыт (технологические секреты, патенты, лицензии и др.), прислать своих лучших специалистов в СССР для наблюдения за строительством и пуском объекта, разрешить определенному количеству советских инженеров и рабочих проходить практику на своих предприятиях.

Заказчик должен был компенсировать инофирме стоимость изготовления чертежей, командировок и работы ее сотрудников, создать для них удобные условия труда и быта. Компания получала вознаграждение, составлявшее ее прибыль, в виде определенного процента от сметной стоимости работ или твердую сумму наличными. С американскими фирмами все переговоры и оплата услуг велись через «Амторг».

Советская организация обеспечивала рабочую силу, сырье и материалы и финансировала строительные работы. Ее специалисты работали в тесном контакте с иностранными, формулировали задания, вносили поправки и изменения в проекты, давали им «добро», выбирали оборудование согласно полученным спецификациям. Приобретали или заказывали его у тех фирм, где можно было получить кредит или купить дешевле. Проектирующая компания не всегда являлась поставщиком оборудования; крупное советское предприятие обычно получало чертежи и технику от нескольких, иногда

многих, американских и европейских фирм. Помимо договоров технической помощи, источниками усвоения промышленных достижений Запада стали иностранные материалы учебно-образовательного характера, добровольная иностранная рабочая сила, пиратское копирование зарубежных образцов оборудования и техники, сбор экономической и технической информации, зарубежные командировки и производственная практика за границей советских кадров.

К материалам учебно-образовательного характера относились зарубежные автомобили, трактора и другая техника, которые экспонировались на советских промышленных выставках. Демонстрировались и документальные фильмы об их производстве. В «Биографической хронике» В.И.Ленина есть сведения, что за день до смерти, 20 января 1924 г., вождь мирового пролетариата смотрел в Горках фильм о сборке фордовских тракторов³¹. Переводы и переиздания книг Г.Форда, Г.Гантта, Ф.У.Тейлора и др. использовались в качестве пособий для изучения научной организации труда. Советские руководители расхваливали «фордизм» как символ рационализма и эффективности. Ф.Э.Дзержинский в качестве председателя ВСНХ СССР в 1924—1926 гг. настойчиво требовал от хозяйственников изучения методов Форда³².

Добровольная рабочая сила. В СССР приезжали реэмигранты из русских, покинувших страну до революции, и (по контракту) иностранные рабочие, стремившиеся помочь «русским товарищам». Их использовали в качестве мастеров, бригадиров и наставников.

Пиратское копирование зарубежных образцов оборудования и техники. Советские хозяйственные руководители нередко приобретали один-два образца именно с этой целью. Например, сборка тракторов «Красный путиловец» на Краснопутиловском заводе в Ленинграде осуществлялась путем копирования деталей трактора «Фордзон». Однако незнание запатентованных компанией Форда методов массового производства и секрета изготовления специальных сталей привело к трудностям при сборке и частым поломкам советской машины. Руководитель производственных операций «Ford Motor Company» Чарлз Соренсен после поездки в Советский Союз в августе 1929 г. вспоминал: «Хотя русские украли все, что могли, у фордовского трактора, я предложил им решение всех проблем, прислав из Дирборна нашего специалиста»³³.

Сбор экономической и технической информации осуществлялся через различные советские представительства за рубежом. «Амторг» и отраслевые тресты (Автострой, Магнитострой, Тракторострой и др.) имели своих технических экспертов и приемщиков оборудования в США.

Зарубежные командировки и производственная практика советских специалистов и рабочих считались самым эффективным способом обучения, так как в принимающей компании можно было научиться гораздо больше, чем у командированных в СССР специалистов, и узнать производственные секреты. Сотни инженеров, техников и рабочих ежегодно направлялись за рубеж. Помимо плановых командировок, советские организации использовали договоры о технической

помощи и контракты на поставку оборудования для поездов многочисленных практикантов на предприятия компаний. Советский инженер-механик И.Б.Шейнман с удивлением описывал открытость американцев. Он и его товарищи получили беспрепятственный доступ к разнообразным техническим данным, разрешение делать зарисовки и бесплатно снимать копии. Запатентованные секреты не разглашались, но предоставление информации обо всем остальном считалось лучшей рекламой для фирмы³⁴.

Европейский промышленный опыт также считался необходимым и полезным во многих отраслях. Германские фирмы играли ведущую роль, и советские источники указывают на количественное преобладание контрактов с ними, по крайней мере, до 1933 г. Однако для расширения и удешевления производства Советский Союз нуждался в опыте индустриальных гигантов американского типа. Американская помощь использовалась при строительстве гидроэлектростанций, в нефтяной, горнодобывающей, угольной, химической, металлургической, электротехнической промышленности, но прежде всего для массового производства автомобилей, тракторов, авиационных двигателей и другой стандартизированной продукции³⁵. Ее важность только подчеркивалась пассивным внешнеторговым балансом: в 1929 г. советский экспорт в США составил 24% стоимости импорта.

В сентябре 1927 г. в Политбюро ЦК ВКП(б) была создана постоянная комиссия по техническим и научным связям с Америкой³⁶. В работе Э.Саттона перечислены 118 договоров о технической помощи, заключенных с советскими организациями в 1920—1930 гг. (большой частью в 1928—1930 гг.), и 218 договоров 1929—1945 гг.³⁷ На долю американских фирм пришлось, соответственно, 64 и 139, или 54% и 64%.

Крупнейшие в Европе предприятия, такие как Днепрогэс, Сталинградский, Харьковский, Челябинский тракторные заводы, Магнитогорский металлургический комбинат, Нижегородский (Горьковский) автомобильный завод, проектировались и строились с учетом американских достижений. Днепрогэс проектировали в СССР, консультируясь с американской гидростроительной фирмой Х.Купера и немецкой компанией «Siemens». Некоторые важные предложения Купера были учтены и выполнены. Руководитель проекта Днепрогэса инженер И.Г.Александров основательно ознакомился со строительством ГЭС в Соединенных Штатах. Проекты других предприятий выполнили американские фирмы.

Стандартизация и скоростные методы ознаменовали наступление новой эры в области промышленного строительства³⁸. В США проектирование осуществлялось одновременно с рытьем котлована, разные стадии проектных работ делались параллельно по времени, вместо трудоемкого ручного копирования чертежей применялись светокопировальные множительные машины. Стандартные стальные и железобетонные конструкции подбирались по каталогам и доставлялись на стройплощадку со склада по телефонному заказу. Беспрецедентная быстрота работ обеспечивалась изготовлением кон-

струкций заводским способом и складированием в разных городах страны «до востребования». Крупные проектно-строительные фирмы имели у себя в штате всех необходимых специалистов и рабочих, а строительные и монтажные работы были полностью механизированы.

В 1927 г. одна из передовых строительных компаний США, «The Austin Company of Cleveland (architects, engineers, builders)», спроектировала и построила всего за 7 месяцев тогда крупнейший в мире автозавод № 6 компании «Pontiac» площадью 35 акров (14 га). Это привлекло советских заказчиков, и 23 августа 1929 г. с компанией был подписан договор о проектировании и строительстве Нижегородского автозавода³⁹. Согласно договору с ВСНХ от 31 мая 1929 г. компания Форда выполнила технологический проект автозавода и передала спецификации оборудования, патенты и лицензии для выпуска легковых и грузовых «фордов» модели А и АА⁴⁰.

Американский промышленный зодчий Альберт Кан, спроектировавший ряд крупнейших заводов США, включая Ривер-Ружский автозавод Форда, внедрил в Советском Союзе принцип: «Промышленные здания любого назначения могут строиться на основе стандартизации. Результат — громадная экономия времени и средств при проектировании и строительстве». Традиционный «германский» тип промышленного здания в несколько этажей сменили длинные приземистые корпуса для поточных линий. Проектно-строительная фирма «The Albert Kahn, Inc.» создала школу советской промышленной архитектуры. Фирма Кана играла ключевую роль в создании института «Промстройпроект» и в работе строительной комиссии ВСНХ⁴¹.

Решение о строительстве тракторного завода в Сталинграде было принято еще в сентябре 1925 г., но первоначальный план несколько раз менялся и согласовывался в различных инстанциях. Проектную мощность завода советское руководство увеличило вчетверо, так что потребовалась помощь иностранных консультантов. Весной 1929 г. разработку проекта передали в Детройт, компании Альберта Кана⁴². Сталинградским трактором стал «Интернационал» от чикагской фирмы «International Harvester». Стальные конструкции зданий и оборудование поступили из США. В оснащении завода участвовало более 80 машиностроительных компаний — в основном американских и несколько германских. Тем временем начиналось, также с участием фирмы Кана, строительство еще более крупного Челябинского тракторного завода, предназначенного для выпуска советских «Катерпиллеров», переименованных в «Сталинец-60».

Советские проекты Магнитогорского металлургического комбината были забракованы, и его генеральное проектирование перешло в марте 1930 г. к компании «Arthur McKee» в Кливленде, штат Огайо. Прототипом знаменитой «Магнитки» стал принадлежавший компании «U.S. Steel Corporation» металлургический комбинат в Гэри, штат Индиана⁴³.

По советским данным, в 1923—1933 гг. в тяжелой промышленности было заключено 170 договоров техпомощи: 73 — с германски-

ми компаниями, 59 — с американскими, 11 — с французскими, 9 — со шведскими и 18 — с фирмами из других стран⁴⁴. Едва ли можно достоверно определить, чья помощь стала решающей, поскольку многие стройки были «интернациональными». Например, объединение «Востокосталь» заключило договор с американской фирмой «Arthur McKee» на проектирование Магнитогорского металлургического комбината, с германской компанией «Demag» — на проектирование его прокатного цеха, а еще одна немецкая фирма обязалась осуществлять буровые работы для Магнитостроя. У Всесоюзного химического объединения «Всехимпром» насчитывалось 20 договоров с компаниями США, Германии, Италии, Франции, Норвегии, Швеции, Швейцарии и т.д.⁴⁵

Нижегородский автозавод должен был получить 2350 единиц американской техники, 2300 единиц из стран Европы и 550 от советских предприятий⁴⁶. Большая часть советских заводов и фабрик работала на электрооборудовании от «International General Electric». Необходимые в машиностроении шариковые и роликовые подшипники делались в СССР на нескольких крупных заводах. Московский ГПЗ-1 получил техническую помощь от итальянской фирмы RIV (дочерняя компания «Fiat»), управлялся с участием шведских специалистов компании SKF, а проектировала его американская фирма «Albert Kahn, Inc.». По оценке Саттона, фирмы США играли ведущую роль в проектировании советских предприятий, а примерно половина оборудования делалась в Германии, большей частью по американским спецификациям. По объему поставок в СССР оборудования первое место занимала, по-видимому, Германия, второе — США, третье — Великобритания⁴⁷.

Из упомянутых выше 170 договоров 37 были досрочно расторгнуты по разным причинам. По советским оценкам, одни оказались слишком дорогостоящими, другие — малополезными, третьи не укладывались в график пятилетки. В ряде случаев советская производственная база оказывалась недостаточной для использования некоторых новейших технологий, или их удавалось освоить до истечения контракта. Разногласия с компанией «Arthur McKee» привели к разрыву контракта. Споры по финансовым и другим вопросам помешали детройтской фирме «A.J.Brandt» завершить техническую реконструкцию автозавода АМО в Москве, хотя ее участие было признано советскими заказчиками полезным⁴⁸.

Платежи иностранным компаниям контролировала Валютная комиссия Политбюро, влиявшая на все решения о привлечении иностранной техпомощи и о закупках за рубежом. Но бремя издержек нес не один Советский Союз. Западные компании, нанятые для оказания технической помощи, терпели убытки не только от расторжения договоров или снижения оплаты. Им приходилось идти на дополнительные затраты для реализации советских проектных заданий или заказов, а командированным в СССР сотрудникам этих фирм — преодолевать непредвиденные и непривычные трудности работы и жизни в СССР.

Давая в 1931 г. оценку типовым договорам о технической помощи, советские юристы отмечали такие их слабые стороны, как незнание фирмой-контрагентом советских условий, разница в методах проектирования и строительства в СССР и за рубежом, многочисленные согласования в советских инстанциях и изменения заданий, невозможность полностью контролировать инофирму (она способна утаить часть производственных секретов, прислать в СССР не самых лучших своих специалистов). Наиболее полезной частью таких договоров считалось обучение советских стажеров за рубежом⁴⁹. Недоразумения и конфликты между заказчиками и исполнителями происходили по всем этим пунктам.

«Великая депрессия» в США отрицательно сказалась на советско-американских экономических отношениях. Советское руководство считало, что «капиталисты» примут любые условия, чтобы заработать деньги, однако ситуация повернулась несколько иначе. Заинтересованность американских компаний в больших советских заказах действительно возросла, оплата наличными и дополнительные рабочие часы помогали поддерживать бизнес. Зато выросли производственные издержки, поскольку конструкторские бюро и заводы работали с неполной загрузкой и перешли на сокращенную рабочую неделю. Ухудшение конъюнктуры препятствовало сделкам в кредит, а американские фирмы и в лучшие времена предпочитали продажу за наличные. Закупки советской продукции сокращались, и это обостряло проблему с валютой. В 1929—1931 гг. доля советского экспорта во внешнеторговом балансе с США упала с 19,4% до 8,9%. В последующие два года пришлось в несколько раз сократить импорт из США⁵⁰. Шумная политическая кампания против «русского демпинга», репрессий и принудительного труда в СССР усугубила ситуацию.

25 августа 1931 г. И.В.Сталин, «ввиду валютных затруднений и неприемлемых условий кредитов в Америке», потребовал прекратить заключение контрактов в США и по возможности порвать уже имеющиеся соглашения. Заказы рекомендовалось перенести в Европу или на советские заводы, не делая исключений даже для важнейших строек пятилетки⁵¹. Хотя Политбюро вскоре получило информацию о невозможности остановить выполнение всех размещенных в США заказов⁵², часть их пришлось передать европейским компаниям и добиваться сокращения валютных затрат. Поэтому финансовые обязательства перед некоторыми американскими компаниями остались невыполненными.

В октябре Валютная комиссия пошла на сокращение расходов, включая выплаты компании Форда. Через год Политбюро распорядилось досрочно прекратить закупку у нее автомобильных комплектов и ведение каких-либо переговоров с ее руководством. Средства выделялись только на приобретение заводского оборудования⁵³. Компания потеряла 578 тыс. дол. от технической помощи СССР — видимо, потому, что «Амторг» приобрел лишь половину установленного договором количества автомобильной продукции⁵⁴.

Обязательство по продаже оборудования не входило в генеральный договор 1929 г., и компания не поставляла его на рынок, однако согласилась выполнить заказы «Автострой» по фактической себестоимости, на бесприбыльной основе.

Осенью 1931 г. «Амторг» заподозрил компанию Форда в манипулировании ценами на оборудование, которые намного превысили и ориентировочную стоимость, и расценки на аналогичные станки для ее завода в Калифорнии. При выяснении причин «переплаты» более 750 тыс. дол. оказалось, что заказчик, «Автострой», потребовал дополнительного технического контроля и проверок, чтобы получить максимальные гарантии качества из-за отсутствия аналогичного оборудования в СССР. Это не соответствовало фордовской практике, и на выполнение советских заказов ушло гораздо больше оплачиваемого рабочего времени. И хотя никаких других доказательств компания не представила, «Амторгу» пришлось погасить оспариваемую сумму, за вычетом оплаты дополнительного технического контроля (около 111 тыс. дол.). 18 февраля 1932 г. Соренсен заверил президента «Амторга» П.А. Богданова: «...мы делали эту работу абсолютно добровольно, трудились на совесть и не взяли с вас лишнего. Более того, мы получили выгоды, которые не отражены в бухгалтерских балансах»⁵⁵.

Перенимая западные технологии, молодая советская промышленность страдала от плохой координации снабжения и нехватки самого необходимого: электроэнергии, сырья, топлива, транспортных средств, продукции предприятий-смежников, дефицита квалифицированных кадров. Автосборочный завод имени КИМ (позже — МЗМА, потом — Автомобильный завод имени Ленинского комсомола (АЗЛК)), работавший по фордовской технологии, в 1931 г. был загружен в среднем на 56% из-за нехватки импортных комплектующих. Первый автосборочный завод в Нижнем Новгороде, также фордовского типа, плохо работал из-за беспорядка в цехах, нехватки чертежей автомобиля, отсутствие переведенных на русский язык спецификаций оборудования и элементарных защитных средств (респираторов, перчаток, защитных очков и др.). Специалисты «Ford Motor Company», помогавшие пустить этот завод, указывали на плохую дисциплину и вмешательство рабочих в решения администрации. В 1932 г. работу лихорадило из-за различных внеплановых заданий и дополнительных операций, а также несовпадения фордовских и советских производственных стандартов⁵⁶.

Ход и результаты технической помощи привлекали пристальное внимание организаций, нанимавших иностранных специалистов и рабочих. В целом их роль оценивалась высоко, и лишь немногих признали непригодными или нелояльными. Так, в мае 1933 г. заместитель наркома тяжелой промышленности СССР М.М. Каганович в приказе о работе и условиях труда иностранных специалистов отметил их «существенную помощь в строительстве, пуске и освоении новых видов производств на крупнейших гигантах (Магнитострой, Кузнецкстрой, ХТЗ*, СТЗ**, ГАЗ... и др.)». Одновременно он подчеркнул неэффектив-

* Харьковский тракторный завод (прим. ред.).

** Сталинградский тракторный завод (прим. ред.).

ное использование и текучку иностранных кадров из-за плохих условий труда и быта на ряде крупных предприятий⁵⁷.

Некоторые иностранцы получили советские ордена и медали, но многие выражали разочарование и недовольство условиями и оценкой своего труда и досрочно покидали СССР; однако так поступали индивидуальные «контрактники», а не служащие компаний. Одним из лучших иностранных специалистов на службе пятилетки стал инженер-строитель Джон Колдер. Он был, что называется, «аварийным управляющим» (troubleshooter), которого перебрасывали с одной стройки на другую. Побывав в различных регионах, он убедился в повсеместно низком качестве работ, высоких издержках (накладные расходы достигали 40%), нехватке техники, плохом питании⁵⁸.

Особенно возмущали американцев тяжелый физический труд женщин и безнаказанные нарушения трудовой дисциплины. Пол Макгрегор, консультировавший по поручению Соренсена выпуск тракторов «Красный путиловец» в Ленинграде, писал дирекции завода: «В механическом цеху почти всегда можно заметить группки от двух до шести человек, которые сидят и курят в рабочее время. Не похоже, что у них есть работа или кто-то пытается им ее дать. Если им нечего делать в цеху, я бы выдал этим мужчинам лопаты и ломы, которыми с успехом пользуются молодые женщины, работающие во дворе. За всю свою жизнь я повидал меньше девушек, занятых тяжелым ручным трудом, чем за один час, проведенный здесь»⁵⁹.

Советские стажеры на американских предприятиях, и в частности на Ривер-Ружском заводе Форда, были довольны обращением с ними цеховой администрации. Им показывали и объясняли все, что их интересовало. Но часть приезжих нарушала дисциплину, и администрация сообщала в детройтское представительство «Автостроая» о случаях прогулов и неподчинения мастерам. Служащие «Амторга», встречавшие советских командировочных в Нью-Йорке, сообщали в Москву, что некоторые злоупотребляли на пароходе спиртным, дебоширили, пели революционные песни и в резкой форме протестовали против американских иммиграционных правил⁶⁰.

Никакие уговоры и приказы свыше не могли заставить «Автострой» «ужиться» со специалистами из компании «Austin», отвечавшей за проектирование и строительство Нижегородского автозавода и рабочего городка при нем. Ее методы считались инженерами «Автостроая» не отвечающими советским условиям и вызывали с их стороны упорное сопротивление. Игнорирование указаний американцев и ужасающие условия работы и быта подрывали все усилия по наведению порядка на стройке и повышению качества работ⁶¹.

Вице-президент отдела зарубежного строительства «Austin Company» Гарри Майтер жаловался в Москву: «...нам обещали все необходимое для эффективной работы в Москве и Нижнем Новгороде — стенографисток, машинисток, устных и письменных переводчиков, канцелярское оборудование и канцелярские принадлежности, автотранспорт, жилье, а на просьбу снабжать продуктами питания (поскольку это не оговорено в контракте) мы получили заверения, что с питанием все благополучно.

Пока что у нас нет ни одной стенографистки. Каждую докладную записку, деловое письмо и т.д. американским инженерам приходится писать от руки, что отнимает много времени, и это стало полной неожиданностью... Переводчики не справляются или не имеют необходимого оборудования... Мы сами приобрели все латинские и русские пишущие машинки и канцпринадлежности, хотя это обязанность "Автостроя"... Положение с питанием было и остается плохим... Нашим людям пришлось ездить на 50 км от завода, чтобы купить яиц... Транспортные средства для инженеров оказались негодными, и положение улучшилось, лишь когда мы выписали сюда два американских автомобиля, но проблем все еще много... Любое наше предложение, деловое письмо, предупреждение или инструкция полностью игнорируется, результаты просто позорные, и для этого нет никаких разумных или законных оправданий»⁶².

Специальный корреспондент газеты «За индустриализацию» Борис Агапов бичевал нерадивый инженерный состав на строительстве Нижегородского автозавода:

«Вы получали громадные деньги, плевали в реку, глядели на разбитую машину [старую гравиемойку] и любовались, как местная артель лопатами ковыряла гравий... Загляните в ваши склады. Они похожи на свалки железного лома, а между тем здесь лежат части драгоценных заграничных машин. Загляните в районы, пойдите туда в первый раз в жизни, ибо там вы никогда не бываете... не бойтесь запачкать вашу обувь. Именно здесь ведь был конфликт с американцами, когда те требовали сломать часть перекрытий, потому, что бетон мешали вручную. Бетон мешали вручную, а рядом, за четверть километра, 3 месяца стояла вполне готовая к работе бетономешалка и ждала... Спросите у своих служащих, есть ли у них план работ? Знает ли отдел механизации, какие машины, куда и когда надо поставить? Нет у них плана, ничего они не знают. Они получают сведения, что в гавань прибыл кран, и неделями добиваются распоряжения, куда его перебросить. Если на транспортере лопается цепь, они сидят сложа руки и не знают, как помочь беде. Они укрепляют цепь деревянными палочками... они ломают моторы конвейеров, включая их сразу на полную нагрузку»⁶³.

Тем не менее инженеры компании терпеливо осуществляли надзор за ходом строительства. Им, в частности, удалось добиться установки мощных бетономешалок прямо на стройплощадке. «Нам все время приходилось работать больше, чем нужно при выполнении подобных проектов в Америке... Это совсем не соответствует американской практике»⁶⁴. Г.Майтер доложил руководителю Всесоюзного автотракторного объединения (ВАТО)⁶⁵, что строители постепенно улучшают свои результаты, но качество бетона все еще отстает от американского.

Начальник сектора капитального строительства ВАТО П.Я.Макаровский подчеркивал «решающую роль» инженеров «Austin» в проектировании автозавода, называл их строительные методы передовыми и предлагал внедрить их в СССР. «Критику американских методов производства работ следует заменить тщательным изучени-

ем их, овладением ими и переходом на них», и при этом овладеть секретами производства некоторых американских патентованных стройматериалов⁶⁶.

Помимо колоссальных затрат в валюте в годы первой пятилетки, можно обозначить два обстоятельства, сократившие объем технической помощи после 1933 г. Это, во-первых, очевидные успехи самой индустриализации. Много новых и реконструированных заводов и фабрик начали давать продукцию. Во-вторых, техническая помощь стала более адресной (договоры с «The Radio Corporation of America», «The Curtiss-Wright Corporation» и др.), а для уже построенных, но расширявшихся предприятий, как, например, Горьковский автозавод, продолжались поставки оборудования. Летом 1935 г. заместитель председателя «Амторга» М.Л.Сорокин отправил наркомку внешней торговли СССР А.П.Розенгольцу оптимистические послания о закупках в США оборудования для автозаводов ЗИС и ГАЗ⁶⁷. От Форда оно, вероятно, не поступало (см. Приложение).

Над созданием и оборудованием крупных советских предприятий трудились десятки компаний. «Гибрид» американского и европейского опыта применялся во многих отраслях, но американский стал решающим для развития нефтяной, автомобильной и тракторной промышленности, а также для индустриального проектирования и строительства.

Отечественный вклад в техническую базу индустриализации — не изобретение того, что уже применялось на Западе, а тщательный отбор проектирующих компаний и поставщиков оборудования. «Мировая сеть» для их «вылавливания» — многочисленные советские организации за рубежом, отраслевые институты и конструкторские бюро (КБ) — создавалась в 1920-е гг. и позже. Архивные документы содержат достаточно фактов, говорящих о западных источниках модернизации советской экономики. Импорт технологий имел решающее значение в первую пятилетку, когда создавались, один за другим, первенцы советской промышленности. Они стали образцами для следующих заводов и фабрик, центрами распространения передового опыта, а их воспроизводство являлось уже *внутренним* процессом.

* * *

К середине 1930-х гг. советская промышленность в основном освоила азы массового производства, передовых технологий и строительства крупных индустриальных объектов. Сборочные конвейеры, гигантские электростанции, сложнейшее оборудование, авиация, радио, автомобили, автобусы, тракторы стали очевидным свидетельством успехов индустриализации. Один из дискуссионных вопросов ее истории — роль зарубежных технологий. Советские историки приносили и затушевывали ее, некоторые западные исследователи — наоборот. Чтобы правильно подойти к решению вопроса, требуется уяснить, насколько советская индустрия нуждалась в импорте западных техники и технологий и насколько эффективно они могли применяться в советской экономике конца 20-х — начала 30-х гг.

Едва ли можно усомниться в том, что модернизация большинства отраслей советской промышленности *полностью* или *в основном* зависела от получения западных технологий и ноу-хау⁶⁸. Попытки самостоятельно проектировать и строить, быстро и качественно, крупные и технически сложные предприятия не удавались — как, например, советские проекты Магнитогорского металлургического комбината, моторного завода в Уфе, Сталинградского и Челябинского тракторных заводов, Свирской ГЭС.

Главная тому причина — директивные требования увеличить размеры предприятий, ускорить их сдачу в эксплуатацию и оборудовать по последнему слову техники. Это вынуждало обращаться к западным компаниям. Но не первые шаги советских научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР), а чудовищная бесхозяйственность на местах снижала реальное значение технической помощи. Рациональные решения «наверху» мало влияли на положение дел «внизу». На самых ответственных стройках не оказывалось в нужный момент бетона, лопат, продуктов питания, не говоря уже о механизации труда и нормальном жилье. Освещая, наряду с достижениями, и «безобразия» на стройках и в цехах, в социально-культурной сфере, газеты тех лет создавали более реалистичную, чем последующие труды советских историков, картину индустриализации⁶⁹.

Новейшие технологии и оборудование не использовались на полную мощность из-за трудностей освоения, нехватки подготовленных кадров, перебоев в снабжении, низкого качества сырья, материалов и строительных работ, отставания транспортной сети, элементарного головоутиательства. «В муках рождается завод», — писала газета «За индустриализацию» от 20 ноября 1930 г. о Сталинградском тракторном. Снижение показателей роста ключевых отраслей в конце 1932 — начале 1933 г. во многом объяснялось трудностями вживления ноу-хау в чужеродную ткань советской системы. Мобилизация дополнительной рабочей силы при незначительном росте производства, а иногда при его падении, снижала среднюю производительность труда⁷⁰.

Прямой и долговременный результат форсированной индустриализации — это создание основ крупной промышленности, что помогло победить в Великой Отечественной войне и стимулировало экономический рост. Но «пересадка» зарубежных технологий в неадекватную среду обернулась непредсказуемыми и неисчислимыми затратами на преодоление несовместимости.

Бремя сталинской индустриализации оказалась чрезвычайно тяжелым для русского народа, причем зарубежные фирмы и завербованные работники также понесли материальные и моральные потери. Однако «Большая История» вершилась, не считаясь с потерями. Крупномасштабная техническая помощь способствовала созданию огромного советского экономического и военного потенциала, что повлияло на дальнейший ход истории XX века. Поставки по ленд-лизу и вывоз германского промышленного оборудования после Второй мировой войны помогли Советскому Союзу сделать следующий технологический скачок.

- ¹ За индустриализацию. 1930. 2 августа. № 179.
- ² Ревинский Д.О. Патентование изобретений в России в 1813—1870 гг. // История и компьютер: Информационный бюллетень. № 23. М., 1998. С. 111.
- ³ Tedlow R.S. The Story of Mass Marketing in America. N.Y., 1990. P. 346.
- ⁴ Sutton A.C. The Best Enemy Money Can Buy. Billings (Montana), 1986.
- ⁵ Калмыков С.В. Американское предпринимательство в России // Бовыкин В.И. и др. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: очерки. М., 1997. С. 243—288. (Следует, однако, исправить одну опечатку: русско-американский торговый договор был заключен не в 1811, а в 1832 г. См.: там же. С. 243.) Carstensen F.V. American Enterprise in Foreign Markets. Studies of Singer and International Harvester in Imperial Russia. Chapel Hill; L., 1984; Carstensen F.V., Werking R.H. International Harvester in Russia: The Washington — St. Petersburg Connection? // Business History Review. 1983. Autumn. Vol. 57. No. 3. P. 347—388.
- ⁶ Wilkins M. The Maturing of Multinational Enterprise: American Business Abroad from 1914 to 1970. Cambridge (Mass.), 1975. P. 40.
- ⁷ Шпотов Б.М. Автомобили Форда в России, русские рабочие у Форда (1909—1919) // Экономическая история: Ежегодник. 2000. М., 2001. С. 327—331.
- ⁸ Лавров Н.С. Генри Форд и его производство. Л., 1926. С. 6.
- ⁹ Lavroff to Ford Motor Company // Henry Ford Museum and Greenfield Village Research Center Collection (далее — HFMGV). Acc. 1. Box 173. Fld. 30; Shpotov B.M. Ford in Russia, from 1909 to World War II // Ford: the European History, 1903—2003 / Ed. by H. Bonin a.o. Vol. 2. Paris, 2003. P. 508—509.
- ¹⁰ G. Plaintiff to E.G. Liebold. July 26, 1916 // HFMGV. Acc. 23. Box 6. F. «Gaston Plaintiff, 1916—1920»; Wilkins M., Hill F.E. American Business Abroad. Ford on Six Continents. Detroit, 1964. P. 55.
- ¹¹ Цит. по: Фураев В.К. Советско-американские отношения. 1917—1939. М., 1964. С. 54.
- ¹² Рейхберг Г.Е., Шаник Б.С. «Дело» Мартенса. М., 1966.
- ¹³ Примеры концессионных соглашений с американскими фирмами см. в: Россия и США: экономические отношения, 1917—1933: Сб. документов / Под ред. Г.Н. Севостьянова и Е.А. Тюриной. М., 1997. С. 72—78, 173—180, и др.
- ¹⁴ Индустриализация Советского Союза: Новые документы, новые факты, новые подходы / Под ред. С.С. Хромова. Ч. II. М., 1999. С. 227—233.
- ¹⁵ Sutton A.C. Western Technology and Soviet Economic Development, 1917—1930. Stanford (Calif.), 1968. P. 353—363.
- ¹⁶ Косторниченко В.Н. Иностранный капитал в советской нефтяной промышленности (1918 — 1932 гг.). Волгоград, 2000. С. 134—137.
- ¹⁷ Иголкин А.А. Советская нефтяная промышленность. 1921—1928. М., 1999. С. 81—119; Косторниченко В.Н. Указ. соч. С. 182—228; Kostornichenko V. Alexander Serebrovsky — the «Soviet Rockefeller» // Oil of Russia. 2002. № 3. P. 65—68.
- ¹⁸ Серебровский А.П. Нефтяная и газовая промышленность в Америке. М., 1925. С. 323—423; он же. Опыт применения американских методов в нефтяной промышленности. Баку, 1929.
- ¹⁹ Шишкин В.А. «Полоса признаний» и внешнеэкономическая политика СССР (1924—1928 гг.). Л., 1983. С. 246 — 273.
- ²⁰ Индустриализация Советского Союза. С. 204—207.

²¹ Sutton A.C. *Western Technology and Soviet Economic Development, 1917—1930*. P. 92—100, 158; Idem. *Western Technology and Soviet Economic Development, 1930—1945*. Stanford, 1971. P. 16—31.

²² Wilkins M. *Op. cit.* P. 107—108.

²³ «Амторг» (American Trading Corporation) — созданная в США в мае 1924 г. коммерческая компания с главными отделениями в Нью-Йорке и Москве. Формально независимая, чтобы пользоваться легальным статусом в Америке, она являлась советским торговым посредником с экономическими, информационными и разведывательными функциями и подчинялась (что не афишировалось) народным комиссариатам внешней торговли и иностранных дел. Сделки и контракты с американскими фирмами и специалистами и оплата их услуг оформлялись через «Амторг».

²⁴ Россия и США: экономические отношения... С. 287—288.

²⁵ Дипломатические отношения были установлены в конце 1933 г., но Государственный департамент США собирал информацию о деятельности американцев в СССР.

²⁶ Report of the Ford Delegation to Russia and the U.S.S.R. April — August 1926 // HFMGV. Acc. 49. Box 1A. Fld. «Russian Reports», 1926. P. 172—187.

²⁷ Индустриализация Советского Союза. С. 210, 212.

²⁸ Россия и США: экономические отношения... С. 198—200.

²⁹ Индустриализация Советского Союза. С. 234—235.

³⁰ Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. М., 1960. С. 21, 23, 25, 27, 37.

³¹ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. 1870—1924. Т. 12. М., 1982. С. 661. Я благодарю старшего научного сотрудника ГИЗ «Горки Ленинские» Е.Н.Савинову за найденную информацию.

³² Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения. В 2-х т. М., 1977. Т. 2. С. 72, 117, 212, 213 и др.

³³ Шпотов Б.М. Генри Форд: жизнь и бизнес. М., 2003. С. 355—356; Cohen Y. *The Soviet Fordson. Between the politics of Stalin and the philosophy of Ford, 1924—1932* // *Ford: the European History...* Vol. 2. P. 531—532, 542—543; Sorensen Ch.E. *My Forty Years with Ford*. N.Y., 1956. P. 202—203.

³⁴ Шейнман И.Б. Что я видел в Америке. Что я сделал в СССР. М., 1934. С. 28—29.

³⁵ Россия и США: экономические отношения... С. 247, 297—300, 317—324.

³⁶ Индустриализация Советского Союза. С. 226.

³⁷ Sutton A.C. *Western Technology and Soviet Economic Development, 1917—1930*. P. 360—363; Idem. *Western Technology and Soviet Economic Development, 1930—1945*. P. 363—372.

³⁸ Greif M. *The New Industrial Landscape. The Story of the Austin Company*. Clinton (N.J.), 1978. P. 55—79.

³⁹ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 7620. Оп. 1. Д. 68. Л. 123—138.

⁴⁰ Там же. Л. 97—99.

⁴¹ Касьяненко И. Использование американского опыта в период становления советского промышленного зодчества (сотрудничество с фирмой Альберта Кана) // *Взаимодействие культур СССР и США, XVIII—XX вв.* / Отв. ред. О.Э.Туганова. М., 1987. С. 111—121.

⁴² РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 588. Л. 10—12; Д. 712. Л. 25—28.

⁴³ *Металлургические заводы Урала, XVII—XX вв.*: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 307.

⁴⁴ Индустриализация Советского Союза. С. 252—253, 256—257.

⁴⁵ См. «Список договоров гехпомощи на I/III—1931 г. с указанием фирм-контрагентов», который содержит аннотированный перечень 108 действующих и заключенных договоров (РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 776).

⁴⁶ РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 34. Л. 18.

⁴⁷ Sutton A.C. *Western Technology and Soviet Economic Development, 1930—1945*. P. 144—149, 163—165, 343.

⁴⁸ РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 701. Л. 49—50.

⁴⁹ Там же. Д. 68. Л. 301—306.

⁵⁰ Фураев В.К. Указ. соч. С. 205—208.

⁵¹ Россия и США: экономические отношения... С. 356—357.

⁵² Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 173, 179; Д. 11. Л. 2.

⁵³ Там же. Д. 11. Л. 36, 42; Д. 13. Л. 121.

⁵⁴ Nevins A., Hill F.E. *Ford: Expansion and Challenge, 1915—1933*. N.Y., 1957. P. 683; Wilkins M., Hill F.E. *American Business Abroad...* P. 226.

⁵⁵ РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 766. Л. 158.

⁵⁶ Там же. Д. 16. Л. 1—3; Д. 491. Л. 1—13; Д. 857. Л. 53 — 53об.; Д. 554. Л. 52—54; Edwards J.P. *Soviet economic experimentation and Ford Motor Company technology, 1917—1934*. Honors Thesis. Univ. of Northern Carolina. Chapel Hill, 1992. P. 89—90; Frank Bennett. *Reminiscences*. P. 133—134 // HFMGV.

⁵⁷ Индустриализация Советского Союза. С. 246—250. Впечатляющий анализ социальной стороны функционирования советских предприятий дан в кн.: Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: Иностранцы Московского Электроставода в советском обществе 1920-х — 1930-х гг. М., 2000; Kuromia H. *Stalin's industrial revolution. Politics and workers, 1928—1932*. Cambridge Univ. press, 1988; Straus K.M. *Factory and Community in Stalin's Russia*. Univ. of Pittsburg Press, 1997.

⁵⁸ Calder J.K. *My Four Years in Russia* // *Maclean's Magazine*. July 15, 1933.

⁵⁹ HFMGV. Acc. 38. Box 1.Fld. «Tractor (Russia — McGregor)», 1929.

⁶⁰ РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 701. Л. 44, 46; Д. 722. Л. 166; Д. 785. Л. 219—221.

⁶¹ Подробнее см.: Шпотов Б.М. Бизнесмены и бюрократы: американская техническая помощь в строительстве Нижегородского автозавода, 1929—1931 гг. // *Экономическая история: Ежегодник. 2002*. М., 2003. С. 202—225. См. также: Schultz K. *Building the «Soviet Detroit»: The Construction of the Nizhny Novgorod Automobile Factory, 1927—1932* // *Slavic Review*. 1990. Summer. Vol. 49. № 2. P. 200—212.

⁶² РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 709. Л. 51—53.

⁶³ Агапов Б. По бездорожью // За индустриализацию. 1930. 2 августа. Английский перевод этой статьи под названием «Proceeding blindly without methods» имеется в: *The Austin Company Archives*. Cleveland (Ohio), USA.

⁶⁴ РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 709. Л. 46.

⁶⁵ Официальное название — Государственное всесоюзное объединение автотракторной промышленности.

⁶⁶ РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 605. Л. 13—18.

⁶⁷ Россия и США: экономические отношения 1933—1941: Сб. документов / Под ред. Г.Н.Севостьянова и Е.А.Тюриной. М., 2001. С. 98—101.

⁶⁸ Sutton A.C. *Western Technology and Soviet Economic Development, 1917—1930*. P. 336—340; Idem. *Western Technology and Soviet Economic Development, 1930—1945*. P. 291—372.

⁶⁹ См. коллекции газетных вырезок: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 72, 73, 75 и др.

⁷⁰ Jasny N. *Soviet Industrialization, 1928—1952*. Chicago, 1961. P. 96—118.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже представлен список 102-х американских компаний, поставивших технику и оборудование для Горьковского автозавода во второй половине 1930-х гг.

Company	Address
American Electric Fusion	Chicago, Illinois
Arter Grinding Machine Company	Worcester, Massachusetts
Automatic Machine Company	Bridgeport, Connecticut
Avery Drilling Machine Company	Cincinnati, Ohio
Acelin-Stamping Company	Toledo, Ohio
Abrasive Machine Tool Company	Providence, Rhode Island
American Electric Furnace Company	Boston, Massachusetts
Ames Company	Waltham, Massachusetts
American Electric Furnace Company	Boston, Mass. (listed twice)
Allen Bradley Company	Milwaukee, Wisconsin
Acme Machine Tool Company	Cincinnati, Ohio
Automatic Transportation Company	Chicago, Illinois
American Tool Works Company	Cincinnati, Ohio
Bendix Brake Company	South Bend, Indiana
Bartlett and Snow	Cleveland, Ohio
Bellevue Industrial Furnace Company	Detroit, Michigan
Bausch Machine Tool Company	Brightwood, Springfield, Mass.
Bullard Company	Bridgeport, Connecticut
Barber Coleman Company	Rockford, Illinois
Brown and Sharp	Providence, Rhode Island
Barnes Drill Company	Rockford, Illinois
Billings and Spencer	Hartford, Connecticut
Blanchard Machine Company	Cambridge, Massachusetts
Chadwick Manufacturing Company	Detroit, Michigan
Consolidated Machine Tool Corp. of America	Rochester, New York
Cross and Deleeuw	New Britton, Connecticut
Curtis Manufacturing Company	St. Louis, Missouri
Crankshaft Machine Company	Jackson, Michigan
Cone Automatic Machine Company	Windsor, Vermont
Cincinnati Shaper Company	Cincinnati, Ohio

* Документ печатается на языке оригинала (англ.). Публикуется с разрешения «Austin Company».

Company	Address
Danley Machine Specialists, Inc.	Chicago, Illinois
De Vilbiss Company	Toledo, Ohio
Economy Engineering Company	Willoughby, Ohio
Eastman Machine Company	Buffalo, New York
Electric Furnace Company	Salem, Ohio
Erie Foundry Company	Erie, Pennsylvania
Fairbanks Morse Company	Chicago, Illinois
Foxboro Company	Foxboro, Massachusetts
Ferracute Company	Bridgetown, New Jersey
Gardner Machine Company	Beloit, Wisconsin
General Spring Bumper Corporation	Detroit, Michigan
Gleason Works	Rochester, New York
Galimeyer & Livingston Company	Grand Rapids, Michigan
General Alloys Company	South Boston, Massachusetts
Gogan Machine Company	Cleveland, Ohio
Gisholt Machine Corporation	Madison, Wisconsin
Hanna Engineering Works	Chicago, Illinois
Hoskins Manufacturing Company	Detroit, Michigan
Hisey-Wolf Machine Company	Cincinnati, Ohio
Haskins Company	Chicago, Illinois
Holcroft & Company	Detroit, Michigan
Hutto Engineering Company, Inc.	Detroit, Michigan
Harding Brothers	Chicago, Illinois
Heald Machine Company	Worcester, Massachusetts
Henry & and Wright Manufacturing Company	Hartford, Connecticut
Hess Machine Works	Philadelphia, Pennsylvania
Ingersoll Milling Company	Rockford, Illinois
Kent, Owens	Toledo, Ohio
Kingsbury Machine Tool Corporation	Keene, New Hampshire
Kearney & Trecker Corporation	Milwaukee, Wisconsin
Keller Mechanical Engineering Corporation	Brooklyn, New York
Kane & Roach Company	Syracuse, New York
Joseph Lamb Company	Detroit, Michigan
Lasaico, Inc.	St. Louis, Missouri
Link Belt Company	Philadelphia, Pennsylvania
Leeds & Northrup	Philadelphia, Pennsylvania
LaPointe Machine Tool Company	Hudson, Massachusetts

Company	Address
Lehman Machine Company	St. Louis, Missouri
Landis Tool Company	Waynesboro, Pennsylvania
Lucas Machine Tool Company	Cleveland, Ohio
David Leckie	Philadelphia, Pennsylvania
Lees Bradner Company	Cleveland, Ohio
Marquette Tool & Machine Company	Chicago, Illinois
Murchev Machine & Tool Company	Detroit, Michigan
Maxon Premix Company	Muncie, Indiana
Matthews Company	Ellwood City, Pennsylvania
Monarch Machine Tool Company	Sidney, Ohio
Martin Machine Company, Inc.	Turners Falls, Massachusetts
Madison Kepp Corporation	Madison, Wisconsin
Metal Saw & Machine Company	Springfield, Massachusetts
Niagara Machine Works	Buffalo, New York
Norton Company	Worcester, Massachusetts
Niles Tool Works Company	Hamilton, Ohio
National Forging Machine Company	Tiffin, Ohio
National Tool Company	Cleveland, Ohio
Oil Gear Company	Milwaukee, Wisconsin
Producto Machine Company	Bridgeport, Connecticut
Ready Power Company	Detroit, Michigan
Spencer Turbine Company	Hartford, Connecticut
Springfield Manufacturing Company	Bridgeport, Connecticut
Sunstrand Machine Tool Company	Rockford, Illinois
Sleeper & Harley, Inc.	Worcester, Massachusetts
Taft Pierce Manufacturing Company	Woonsocket, Rhode Island
Toledo Machine & Tool Company	Toledo, Ohio
Van Norman Machine Tool Company	Springfield, Massachusetts
Wayne Company	Rochester, Pennsylvania
Williams, White, & Company	Moline, Illinois
Wicaco Screw & Machine Works	Philadelphia, Pennsylvania
Williams Patent Crusher & Pulviser Company	St. Louis, Missouri
Western Machine Tool Works	Holland, Michigan
Wolcott Machine Company	Jackson, Michigan
Whitney Manufacturing Company	Hartford, Connecticut

Источник: The Austin Company Archives. Cleveland, Ohio, USA. Automobile Plant and Workers' City «Autozavod». Nizhni Novgorod (Gorki), USSR. Doc. 66.

Государство, экономика и общество
в России — СССР в XIX—XX вв.

Т.М. Китанина*

**Мировой аграрный кризис
и политика Министерства финансов России
в 1880-х — начале 1900-х гг.
(к вопросу о модернизации системы
государственных закупок)****

В последние десятилетия XIX в. в области аграрной экономики заметно активизировалась деятельность русского финансового ведомства, возглавляемого в 1888—1892 гг. И.А. Вышнеградским, а затем сменившим его С.Ю. Витте. Государственное вмешательство в сложную структуру сельскохозяйственного сектора не затронуло сферу социальных отношений в деревне, но коснулось земледельческого производства и связанной с ним инфраструктуры, а также уровня цен. Политика Министерства финансов определялась новыми задачами, стоявшими перед вступившей на путь индустриализации страной, и новой расстановкой сил на международной арене, вызванной глобальными конъюнктурными переменами.

Аграрный кризис перепроизводства, охвативший в середине 1870-х гг. западноевропейские государства и ряд штатов Северо-Американской республики, сопровождался изменениями в сфере сельскохозяйственного производства, состоянии внутреннего рынка, уровне цен. Резкое расширение посевных площадей в колониальных и латиноамериканских странах, эволюция средств транспорта, развитие кредитной системы, в целом сравнительно высокий уровень капиталистической организации торговли определили конкуренцию заокеанского хлеба на европейских рынках и создали реальную угрозу перераспределения сельскохозяйственного производства между континентальными странами¹.

В этих условиях охранительные меры, спорадически предпринимаемые правительствами европейских государств, уже не могли дать

---

* Китанина Таисия Михайловна — доктор исторических наук (Санкт-Петербургский государственный университет).

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 03-01-00210а.

прежнего эффекта. Возникла необходимость коренной перестройки аграрной сферы экономики, создания перспективных отраслей, развития промышленной переработки продуктов земледелия, т.е. совокупности государственных мер, направленных на модернизацию сельскохозяйственного производства.

Россия вступила в полосу кризисных явлений позднее западно-европейских стран, что обуславливалось характером эволюции аграрного капитализма, живучестью крепостнических пережитков в сельском хозяйстве и его отставанием от промышленности. Особенностью проявления кризиса в русских условиях был его затяжной характер — результат крайне непоследовательного и мучительного процесса приспособления земледелия к новым условиям, медленного перехода аграрной экономики в целом на более высокую ступень капиталистического развития. Поэтому наиболее острые проявления кризисных явлений имели место именно там, где остатки крепостнических отношений особенно сковывали поступательное движение капитализма, т.е. в великорусском центре, и прежде всего в его черноземных губерниях².

Известный американский экономист П.Грегори в вышедших в 2002—2003 гг. трудах, опираясь на собственные основательные статистические подсчеты, высказал сомнения по поводу наличия аграрного кризиса в России в последней трети XIX в.³

По-видимому, этот вопрос требует дальнейшего углубленного изучения. И прежде всего следует уточнить, что именно вкладывали исследователи в понятие аграрного кризиса. П.Грегори заметил: «Чтобы определить, действительно ли Россия страдала от аграрного кризиса, мы должны ответить на вопрос: имелись ли в структуре ее сельского хозяйства организационные механизмы, которые мешали ему развиваться темпами, достаточными для поддержания современного экономического роста?» И далее: «Долговременное ухудшение уровня жизни российского крестьянства, особенно на фоне значительного прогресса сельского хозяйства в других странах, является редким историческим феноменом. Содержательно аграрный кризис характеризуется действительным падением крестьянских доходов на протяжении тридцатилетнего периода, вызванным глубокими долговременными причинами. Более того, аграрный кризис в России проявился в то самое время, когда начало приносить плоды железнодорожное строительство... быстро развивался технологический прогресс в мировом сельском хозяйстве, а российское сельское хозяйство интегрировалось в мировой рынок»⁴.

Если говорить о более широком, «системном» понятии аграрного кризиса, нельзя не согласиться с Н.Л.Рогалиной, связывающей трактовку кризиса более позднего времени — «начала XX в., его сущности и исторических причин» «с содержанием аграрного вопроса». Это и определило выдвижение на передний план таких дискуссионных проблем, как «состояние сельскохозяйственной сферы на фоне растущего перенаселения»; его «общинное измерение», а также «институциональные средства преодоления аграрного кризиса»⁵. Последнему вопросу и посвящена настоящая статья.

Интегрирование в мировое экономическое пространство, явившееся следствием промышленной революции в России, определило прямую зависимость страны от колебаний международной конъюнктуры, в том числе от влияния промышленных и аграрных мировых кризисов.

Это обстоятельство следует учитывать, характеризуя проявления аграрного кризиса в России конца 1870-х — начала 1890-х гг. С. Г. Струмилин подвел итог финансовыми потерям России в результате влияния на народное хозяйство шести мировых кризисов, имевших место в период с 1867—1908 гг., — не менее 2 млрд руб., в том числе по экспорту из России — свыше 1112 млн руб. «Этот огромный недобор по экспорту за годы кризисов, — заметил он, — шел главным образом за счет снижения цен на хлеб, масло, яйца, лен, кожи и т.п. продукты русской деревни». Струмилин полагал, что движение мировых кризисов переступает национальные границы стран через «аппарат внешней торговли, мировых цен и денежно-кредитных взаимоотношений»⁶.

Затрудняя сбыт, кризисные явления приводят к сокращению сельского и промышленного производства, падению конкурентоспособности прежде всего аграрного сектора, к ослаблению экономического потенциала частновладельческого и общинного крестьянского хозяйства.

Исследователи аграрной экономики России последней трети XIX в. академик А. А. Арзуманян, Н. А. Егиазарова⁷ и другие исходили из представления об аграрном кризисе как о тесном взаимодействии многих негативных факторов: трудностей реализации сельскохозяйственных продуктов на внутреннем рынке, резкого сужения возможностей экспорта и, как следствие, низких сбытовых цен местных рынков и падения ценности вывоза за рубеж. В 1870—1880-х гг. эти признаки как отголоски мирового аграрного кризиса перепроизводства продуктов аграрной отрасли были налицо.

Можно согласиться с американским исследователем, что в силу обширности территории империи, многоукладности ее экономики в разных регионах возникали разные модели аграрного развития, особенно на окраинных землях, в Западной Сибири, практически не знавших крепостного права и его пережиточных явлений, но неизбежно испытывавших до 1861 г. влияние законодательства крепостнического государства. Следовательно, кризис конца 1870-х — начала 1890-х гг. не имел характера всеобщности в масштабе России. Этот вывод справедлив. Признаки глубоких кризисных явлений имели место прежде всего в районах старорусского помещичьего центра, а также в поволжских губерниях, отчасти в южном регионе и на северо-западе, т.е. в ареале четырех исторически сложившихся, традиционных центров дворянского землевладения.

Наиболее ощутимый урон кризис нанес помещичьему хозяйству, зависящему от крестьянских рабочих рук и орудий производства и тяготеющему, согласно мнению Б. Д. Бруцукса, «по своей экономической природе преимущественно к экстенсивным системам»⁸. Это и

определило, видимо, объективное внимание правительства к нуждам помещичьего землевладения.

Но и крестьянское хозяйство, оказавшееся более способным развернуть интенсивное производство, медленно преодолевало негативные явления на пути к капиталистической перестройке сельскохозяйственной экономики. Отсюда возникала необходимость общих институциональных мер, способных оздоровить рыночную конъюнктуру и затрагивавших интересы аграрного строя в целом.

Течение аграрного кризиса в России осложнялось рядом неблагоприятных обстоятельств как внутреннего, так и внешнего характера. К числу первых следует отнести промышленный кризис 1881—1882 гг., вызвавший резкое сокращение производства, диспропорции в отраслевой экономике, массовое увольнение рабочих; а десятилетие спустя — голод, оставивший неизгладимый след в жизни деревни, тяжело поразивший сознание современников. Д.И. Менделеев назвал его «до слез горестным, впереди страшным и даже обидным». «Хлебом торговать, а быть без хлеба — значит необдуманно терять единство и внутреннюю цельность», — писал он в то время⁹.

Принципиально важные изменения происходили и в области внешнеэкономических отношений России и западноевропейских государств. Объективное развитие капиталистической экономики определило в последней четверти XIX столетия переход стран — производителей сельскохозяйственных продуктов от политики относительного фритредерства к протекционистскому таможенному курсу.

Пионером в формировании нового направления внешнеэкономической политики выступила Германия, нарушившая почти тридцатилетнее равновесие общеевропейской торговли и на десятилетие опередившая Россию в практике протекционизма. Установление пошлин, необходимость которых мотивировалась обычно исключительно внутренними потребностями стран, было вызвано, по сути дела, обострением борьбы за внешние рынки. Свободную конкуренцию сменило право назначения цен, в защиту которых устанавливались высокие таможенные барьеры.

Правительства европейских стран, и России в их числе, не были готовы к столь серьезным нарушениям торгового баланса. Неожиданностью явился и новый принцип таможенной политики, предложенный Германией и возведенный ею в ранг внешнеэкономических взаимоотношений сторон, — аграрный протекционизм.

Беспрецедентные таможенные меры Германии, идущие вразрез с традиционными международными нормами, подорвали принцип взаимности уступок, на котором строились договорные отношения европейских государств. В сочетании с внутренней экономической политикой О. фон Бисмарка, направленной на поощрение сельскохозяйственного экспорта, — системой вывозных премий, интенсификацией аграрных отраслей, расширением посевных площадей (за десятилетие 1878—1888 гг. площади под посевами зерновых культур в Восточной Пруссии возросли на 36%) — эти меры способствовали переориентации сельского хозяйства Германии с внутреннего рынка

на внешний, определив тем самым торговую экспансию, направленную в первую очередь против России¹⁰.

Сочетание неблагоприятных факторов сказалось на падении ценности русского экспорта и особенно его зерновой доли. Сравнение экспортных оценок русских хлебов двух пятилетий, приходящихся на канун аграрного кризиса и его заключительный этап, иллюстрирует это положение достаточно убедительно: в 1871—1875 гг. экспортная оценка русской пшеницы составила 90,1 коп. за пуд, ржи — 65,7 коп., ячменя — 60,6 коп.; в пятилетие 1891—1895 гг. — 55,6 коп. за пуд пшеницы, 46,6 коп. за пуд ржи и 35,9 коп. за пуд ячменя¹¹.

Для преодоления негативных последствий кризиса и в соответствии с изменением общеевропейского таможенного курса российское правительство в 1880—1900-х гг. предприняло ряд важных защитных мер, идущих в русле модернизации аграрных отраслей экономики и ее управленческих структур. Цель данных мер заключалась в попытке интенсифицировать сельскохозяйственное производство в условиях крестьянского малоземелья и сокращения дворянского землевладения. Эти меры были необходимы и в силу того, что, определив курс на индустриализацию страны в качестве приоритетного, правительство вынуждено было обратить внимание на отставание сельского хозяйства. Дальнейшее усиление исключительно промышленного производства без соответствующих государственных (в том числе финансовых) мер поддержки аграрного сектора неизбежно привело бы к углублению и без того резкого разрыва в темпах развития двух основных составляющих народного хозяйства. Для страны с огромным крестьянским населением это могло иметь необратимые негативные последствия и в экономическом, и в социальном плане¹².

По справедливому замечанию В.С.Дякина, «в 90-е годы столкнулись две объективные необходимости — ускоренного развития и промышленности, и сельского хозяйства, совместить которые в условиях ограниченного накопления капитала в стране было трудно, а существовавшие социально-политические условия (помещичье латифундиальное землевладение и крестьянское общинное землепользование) делали к тому же попытки чисто агротехнического решения сельскохозяйственных проблем заведомо малоперспективными»¹³.

В эти же годы развернулась острая полемика вокруг выбора направления экономического курса¹⁴. В общественных и околоправительственных кругах обсуждался вопрос о падении экономического потенциала крестьянского хозяйства великорусских губерний, т.е. проблема «оскудения» Центра, получившая официальное признание во второй половине 90-х гг.¹⁵ Замедленные темпы эволюции сельского хозяйства по сравнению с промышленным развитием осложняли прямолинейные меры финансирования промышленности. Понимая необходимость развития сельского хозяйства, С.Ю.Витте оценивал темпы его эволюции и возможную доходность, считая, что аграрный сектор менее промышленного восприимчив к правительственной поддержке.

Постепенно складывалась концепция Министерства финансов, предусматривавшая государственную помощь сельскому хозяйству путем развития инфраструктуры деревни — агротехники, кредита на приемлемых условиях, транспортных средств. Решающее значение придавалось развитию промышленности и с точки зрения создания внутреннего рынка для аграрного производства. По наблюдению В.С.Дякина, в 1892—1894 гг. С.Ю.Витте верил еще в возможность одновременной финансовой поддержки промышленности и сельского хозяйства с помощью денежной эмиссии. Позднее от этой точки зрения он отказался ввиду очевидной необходимости реформы, означавшей переход к золотому денежному обращению¹⁶. Неизменными оставались надежды Министерства финансов на защитные функции протекционистского внешнеэкономического курса.

В 1891 г. был принят протекционистский таможенный тариф, подготовленный при активном участии Д.И.Менделеева — убежденного сторонника и пропагандиста теории и практики защитной тарифной системы. Фактически в новом тарифе была зафиксирована совокупность «охранных» таможенных изменений, осуществленных русским правительством в противовес мерам Германии с конца 70-х гг. XIX в. Общая сумма пошлин на все импортируемые в Россию товары возросла с 14,7% их стоимости в 1877 г. до 32,7% к 1892 г.¹⁷ При строгой регламентации коммерческих отношений новый тариф предоставил правительству широкие права к заключению сепаратных торговых конвенций.

В 1893 г. в ответ на аналогичные меры Германии Россия вновь приняла двойной таможенный тариф, т.е. систему двух тарифов, действовавших одновременно, но дифференцированно по отношению к разным государствам. Предполагалось применить максимально повышенный тариф к странам, отказавшим России в праве наибольшего благоприятствования, и в первую очередь в отношении Германии. Сама цель тарифа состояла в принуждении конкурента к уступкам. Предпринятые шаги позволили правительству несколько ослабить наступательные демарши ряда европейских стран по отношению к российскому продовольственному рынку, но не устранить нависшую над ним угрозу. Таможенная война с Германией 1893 г. («...многие ожидали, что вспыхнет настоящая война», — вспоминал С.Ю.Витте¹⁸) подтвердила непрочность соглашений.

В непосредственной связи с таможенными изменениями реформировалась правительством тарифная система железных дорог: был издан закон от 8 марта 1889 г. Покровительственная политика в этой области, однако, не носила характера твердой последовательности. Учитывая перемещение центров зернового производства, известную нивелировку экономических особенностей отдаленных окраин, новая тарифная система, основанная на государственном регулировании ставок, была призвана сгладить неравномерность развития промышленных и аграрных регионов, упорядочить перевозки в направлении новых индустриальных центров и одновременно удовлетворить интересы определенных социальных групп землевладельцев. Формулы тарифного законодательства учитывали

уровень мировых цен и сочетались с протекционистской политикой, пытаясь оградить сельское хозяйство страны в целом от колебаний международной рыночной конъюнктуры. Это было одним из проявлений методов государственного воздействия на сельскую экономику.

Именно к концу 1880-х гг. относится привлечение И.А.Вышнеградским, министром финансов, к разработке тарифного законодательства С.Ю.Витте — тогда уже крупного железнодорожного деятеля и автора вышедшей в 1883 г. книги «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов», снискавшей ему известность сторонника государственного регулирования тарифной политики путем введения гибких, дифференцированных тарифных ставок и расширения коммерческой деятельности железных дорог (комиссионно-ссудные операции и т.д.).

Отмеченные в исторической литературе противоречия тарифного законодательства вызваны были, с одной стороны, сложностью задач, стоявших перед экономикой страны, с другой — колеблющимся курсом правительственной политики. Отвергая чрезмерные тарифные требования дворянства, но признавая важность сохранения экономического потенциала помещичьего землевладения, проявлявшего тенденцию к сокращению, Министерство финансов сочетало меры покровительства индустриальному развитию страны с известной поддержкой помещичьего хозяйства. Такая политика, надо полагать, оказывала сдерживающее влияние на темпы индустриализации, особенно в начальный ее период. Но в целом ускоренное промышленное развитие способствовало капиталистической эволюции всего народного хозяйства.

Определенное влияние на стабилизацию сельскохозяйственного производства оказали в годы кризиса кредитная политика правительства, создание в 1883 и 1885 гг. Крестьянского поземельного и Дворянского земельного банков, выдача ссуд Государственным банком под хлебные операции¹⁹. Эти ссуды на три года разрешил министр финансов Н.Х.Бунге законом от 22 ноября 1885 г. В августе 1893 г. выдача ссуд была возобновлена. Тогда же последовало разрешение кредитов под хлеб частным коммерческим банкам с переучетом векселей в Государственном банке. Впоследствии подтоварные кредиты частных банков под хлебные операции превзошли по объему кредиты Государственного банка.

Выступая вслед за И.А.Вышнеградским противником дешевых кредитов для дворянства, С.Ю.Витте предполагал, видимо, возможность расширения финансирования сельского хозяйства за счет роста, хотя и медленного, крестьянских кредитных учреждений. Падение мировых хлебных цен, а затем и последствия голода 1891 г. подтолкнули правительство к более решительным действиям, к прямому вмешательству в частнохозяйственные отношения, при том что Витте являлся последовательным противником прямых мер воздействия на сельскую экономику²⁰. Голод 1891 г. убедил правительство и в крайней необходимости принятия агротехнических мер для поднятия доходности земледелия.

Закон 1895 г., определив создание нового жизнестойкого института — кредитных товариществ, основной капитал которых составили ссуды Государственного банка, имел целью не только поддержать разоряющееся крестьянское хозяйство, но и укрепить государственный бюджет. Реорганизация Министерства государственных имуществ в Министерство земледелия и государственных имуществ, возглавляемое А.С.Ермоловым (его перу принадлежал ряд трудов по аграрным вопросам), служила в конечном счете той же цели, усиливая влияние казенного ведомства на аграрную экономику. Можно утверждать, что правительственная политика 1880—1890-х гг., включавшая в себя широкий спектр различных, порой неординарных мер, сопровождаемая структурной перестройкой звеньев управленческого аппарата, способствовала модернизации аграрной экономики, но в строго ограниченных рамках. Разрыв в темпах развития промышленности и сельского хозяйства предпринятые Министерством финансов меры преодолеть, разумеется, не смогли. Да едва ли эту цель они преследовали. Скорее, правительственная политика была направлена на стабилизацию рынка, поднятие общего потенциала сельского хозяйства и восстановление экспортных возможностей страны.

В законотворчестве Министерства финансов периода аграрного кризиса отчетливо прослеживается социальная сторона — сохранение экономического потенциала крупного землевладения. Едва ли не самым откровенным законодательным актом, направленным на это, явилась реформа государственных продовольственных закупок для армии, осуществленная С.Ю.Витте в 1893—1896 гг. Реформа оказалась вне поля зрения исследователей, что следует, вероятно, объяснять отсутствием упоминаний о ней в мемуарах С.Ю.Витте и характером источников. Основные этапы разработки и реализации реформы раскрывает конфиденциальная переписка военных министров П.С.Ванновского и А.Н.Куропаткина с министрами финансов И.А.Вышнеградским, С.Ю.Витте, В.Н.Кокцовым.

Интендантство оставалось одним из крупных потребителей продовольствия на внутреннем рынке. В 70—80-х гг. XIX в., по данным Военного министерства, государственные закупки зерновых и фуража составляли ежегодно 30—32 млн пудов²¹. Традиционный подрядный способ продовольственных закупок на основании официально объявленных торгов уже не соответствовал требованиям дня. Громачные отчисления в пользу разного рода посредников — представителей преимущественно старокупеческого торгового капитала, особенно возросшие в период аграрного кризиса, стали крайне обременительны для казны.

Вряде капиталистически развитых стран — Германии, Франции — давно уже отказались от традиционных торгов, прибегнув к принципиально иной, более результативной системе — использованию хозяйственного аппарата института общественных представительств. Это вызывало интерес, поскольку и в России требование реформы интендантских закупок все настойчивее связывали с привлечением к прямым операциям губернских и уездных земских управ, сельскохозяйственных обществ и товариществ. Однако Военное министерство,

не допускавшее никакого внешнего влияния, не спешило расстаться со своими полномочиями. Лишь под давлением обстоятельств ему пришлось согласиться с предложением Министерства финансов о переходе к прямым закупкам у производителя как временной мере, способной содействовать стабилизации рыночных цен в условиях аграрного кризиса.

В 1888 г. по инициативе И.А.Вышнеградского было создано Особое междуведомственное совещание с привлечением представителей губернских земских собраний и отдельных землевладельцев. Итогом совещания стало законодательное утверждение прямых дворянских поставок армии²². Это был шаг вперед по сравнению с изжившей себя архаичной, громоздкой и расточительной системой подрядных торгов, но шаг первый, еще не приведший к коренной ломке прежней системы. Закупки продуктов производились по рыночным ценам и исключительно для удовлетворения текущей потребности войск.

Вместе с тем законодательные акты И.А.Вышнеградского проложили путь к решительной ломке подрядной практики государственных закупок, осуществленной Министерством финансов во главе с С.Ю.Витте в 1893 г., в период таможенной войны с Германией, крайней неустойчивости дворянского землевладения и низких хлебных цен. В письмах С.Ю.Витте военному министру П.С.Ванновскому, датированных августом—октябрем 1893 г., постепенно вырисовываются контуры будущей реформы. В качестве первоочередной меры С.Ю.Витте предложил Военному министерству увеличение объема закупочных операций. «Было бы в высшей степени полезно в течение временного сокращения заграничного сбыта несколько расширить покупку ржи для внутренних потребностей страны», — писал он²³. Поскольку потребности армии и ведомств были стабильны, расширение масштабов хлебозаготовительной операции означало не что иное, как создание государственных хлебных запасов. Уже в этом состояла новизна предложения министра финансов. Очевидна и связь задуманной им реформы с политикой аграрного протекционизма.

Далее С.Ю.Витте коснулся механизма реализации закупочных операций, предложив распространить право закупок на губернские и уездные земские управы, сельскохозяйственные общества и товарищества, а также агентства железных дорог. «Осуществление помянутых мер, — заметил он, — конечно, прежде всего зависит от той готовности в деле посредничества, которую могут проявить земские учреждения и железнодорожные общества. Не могу скрыть... что помянутые учреждения призываются в этом году впервые к разнообразной деятельности, для них совершенно новой, причем успешное выполнение этих задач не может не быть в зависимости от помощи, какую окажут им правительственные органы»²⁴. Следовательно, и здесь речь шла об использовании государственных рычагов.

П.С.Ванновский не задержался с ответом, согласившись в принципе с предложением С.Ю.Витте. Однако новое начинание военный министр счел возможным принять лишь в качестве опытного и ограничить рамки его применения. В августе 1893 г. решением междуведомственного совещания (под председательством главного интен-

данта Н.Н.Скворцова), признавшего правомерными продовольственные поставки обоих видов, Военному министерству были разрешены землевладельческие закупки в объеме 30 млн пудов с обязательством распределения их между гарнизонами в течение 2,5 года. Заготовительные операции предполагалось производить через железнодорожные агентства и земские управы. Последним предоставлялись аванс из расчета 90% (!) контрактной суммы и право перемола зерна²⁵. Следовательно, реформа преследовала еще одну цель — развитие промышленного мукомолья, важного признака капиталистической организации хлебного дела.

Можно полагать, что междуведомственное совещание в своем постановлении пошло несколько дальше предполагаемых П.С.Ванновским мер, ибо с реализацией плана закупок военный министр не спешил, хотя обнародованию правил землевладельческих операций не препятствовал.

Месяц спустя С.Ю.Витте напомнил ему о принятом решении, делая акцент на важности привлечения к заготовкам общественных представительств: «Не сомневаюсь, что помянутые учреждения в состоянии исполнить возлагаемые на них поручения с необходимой тщательностью и что... опасение проистекает лишь из новизны самого дела»²⁶.

Именно «новизна дела» позволила С.Ю.Витте выдвинуть ряд условий, ограничивавших права военного ведомства. Первое из них касалось нарушения кондиционных правил, т.е. поставок зерна пониженного качества. Второе условие логически вытекало из первого: способ возмещения материальных потерь, вызванных снижением качества зерна при сохранении уровня закупочных цен. Витте выразил готовность содействовать военному ведомству (чтобы «ущерб не падал бы на средства Военного министерства, а был отнесен на счет казны»), но при этом заметил, что «в интересах дела было бы полезно, если бы все недоразумения по приемке хлеба местными интендантскими чинами разрешались лицами, особенно уполномоченными Министерства финансов»²⁷.

И вновь П.С.Ванновский не возражал. Так был сделан очередной шаг к сосредоточению военных закупок в ведении финансового ведомства, правда, пока еще в рамках контроля его уполномоченных²⁸. Между тем десять дней спустя С.Ю.Витте предпринял уже более решительную акцию, оставив в распоряжении Министерства финансов двухмиллионный кредит, выделенный в счет продовольственных закупок.

Стремясь ускорить практическое осуществление землевладельческих операций, Министерство финансов в октябре того же года разработало особые правила, принятые к руководству Департаментом торговли и мануфактур. В преамбуле правил указывалось, что в их основе лежит соглашение министерств военного и финансов, установившее принципы армейских поставок. Участие земств определялось разработанными министерствами условиями, деятельность железных дорог — соглашением с Департаментом торговли и мануфактур. Кроме расшифровки технических условий закупок, значительное мес-

то отводилось финансовой стороне дела. Специально было оговорено, что «в рассмотрение... произведенных на заготовку зерна расходов Военное министерство не входит». Таким образом, расчетные операции по закупке зерна, доведению его до кондиционных требований, перевозке и пр. возлагались на Департамент торговли и мануфактур. Расходы эти восполнялись за счет особого фонда, образованного путем отчисления 1 коп. с каждого пуда закупленной ржи. Распоряжение кредитами находилось в ведении финансового ведомства, а также губернских казенных палат²⁹.

В те дни Интендантству был представлен проект таблицы закупочных цен на рожь и муку, охвативший пункты сдачи (станции, пристани) 16 губерний. Для всех районов устанавливались повышенные цены в пределах 1,5 коп. за пуд ржи и 6 коп. за пуд муки. Существенное увеличение объема закупок — на 3,7 млн пудов — предусматривалось для центральных и юго-западных областей, особенно пострадавших от последствий аграрного кризиса³⁰. Утверждение правил Военным советом означало официальное признание за Министерством финансов права осуществления прямых землевладельческих закупок³¹.

Не довольствуясь достигнутым, С. Ю. Витте решил распространить новую систему на Привислинские губернии, где в начале 1890-х гг. русско-германские противоречия и возросшая конкуренция германского хлеба осложняли и без того непростую конъюнктуру рынка. Вмешательство Министерства финансов оправдывалось необходимостью упорядочить внутреннюю торговлю края, способствовать восстановлению его конкурентоспособности. Но этим намерениям не суждено было осуществиться ввиду непримиримой позиции Военного совета, категоричный отказ которого побудил министра финансов к более решительным действиям.

В очередном письме П. С. Ванновскому С. Ю. Витте заявил о намерении сосредоточить во вверенном ему министерстве все функции по проведению хлебозаготовительной кампании. «Как по существу соглашения, так и ради возможно более успешного ведения дела, — писал он, — полезно придерживаться такого порядка, чтобы военное ведомство ближайшим образом ведало распределением закупленной ржи по округам и приемкой ее, а Министерство финансов — выбором местностей для закупок, установлением цен и самой закупкой ржи»³².

В переписке с П. С. Ванновским шаг за шагом вырисовывалась программа С. Ю. Витте. Каждая депеша военному министру, содержащая то или иное предложение, раскрывала новое звено в системе реформы государственных заготовлений: расширение масштабов прямых закупок, снижение кондиционных качеств зерна, повышение цен и т. д. И, следует признать, до вмешательства министра финансов в экономику западных губерний выдвигаемые им одно за другим условия с неизменной последовательностью принимались Военным советом. Тем более неожиданным казалось посягательство С. Ю. Витте на полномочия Военного совета — высшего распорядительного органа в системе обеспечения армии.

Ответ военного министра свидетельствовал о заметной перемене настроений: «В существующих законоположениях, — поучал он министра финансов, — нет таких указаний, чтобы какое бы то ни было лицо или учреждение, которому дается право утверждения мероприятий или операций, было избавлено от обязанности рассматривать делаемые ему представления и от ответственности за правильность и целесообразность даваемых им разрешений. Тем менее я могу допустить, чтобы Военному совету, этому высшему в военном ведомстве учреждению по делам военного хозяйства, в деле утверждения цен на рожь, приобретаемую для военного ведомства и на средства военного бюджета, была предоставлена механическая роль немой инстанции... Могу только удостоверить... что никогда еще со времени учреждения Военного совета он такой роли не играл»³³. Отметив недопустимость пожертвований казны в пользу польских землевладельцев, П.С.Ванновский не скрыл и собственного мнения («Не беря на себя принципиального решения этого вопроса, я не мог бы согласиться...»). Военный министр не взял на себя принципиального решения и вопроса о дальнейшей судьбе закупок в переговорах с С.Ю.Витте, адресовав последнего «испросить высочайшего повеления». «Я со своей стороны не имел бы никаких возражений», — заверил он министра финансов³⁴.

Предложение было тотчас же принято. Поспешность, с которой С.Ю.Витте обратился к Александру III с всеподданнейшим докладом «О предоставлении министру финансов права утверждения цен по операции закупки ржи для военного ведомства», оставляет впечатление, будто министр финансов давно уже выжидал благоприятного момента для решения вопроса на высшем уровне. Только после высочайшего одобрения доклада 18 февраля 1894 г., окончательно определившего порядок утверждения закупочных цен, появилась наконец возможность говорить о программе Витте как о чем-то стройном и законченном³⁵.

Давая оценку реформе государственных закупок С.Ю.Витте и сопоставляя ее с узаконениями, принятыми в период руководства Министерством финансов его предшественником, следует подчеркнуть различия во взглядах С.Ю.Витте и И.А.Вышнеградского на ее назначение. И.А.Вышнеградский рассматривал переход к прямым закупкам у землевладельцев как временную меру, способную стабилизировать состояние рыночных цен в период аграрного кризиса. С.Ю.Витте считал, и не без оснований, новую систему жизненно необходимой, прогрессивной формой, давно уже зарекомендовавшей себя в западноевропейских странах. И в этом плане аграрный кризис лишь ускорял реализацию реформы.

Различия во взглядах и целях министров породили и разнохарактерность их практической деятельности. В основе предложений И.А.Вышнеградского лежали закупка зерна по рыночным ценам и удовлетворение текущей потребности войск. Основная ставка делалась на снижение железнодорожного тарифа при длительных перевозках. Нововведения С.Ю.Витте оказались несравненно более радикальными. Они базировались на значительном повышении закупоч-

ных цен при возросшем объеме операций (в запас будущих лет). Они сопровождались широким привлечением земств, сельскохозяйственных обществ и железнодорожных агентств к установлению прямых торговых связей. Наконец, программа С.Ю.Витте предусматривала единоначалие в осуществлении реформы.

В сентябре — октябре 1893 г. Департамент торговли и мануфактур приступил к практическому осуществлению принятых решений. Закупки начались в приволжских и центральных губерниях. Постепенно в сферу действия новой системы втягивались южные и частично среднеазиатские области. Наиболее оправдавшим себя способом заготовок оказались поставки землевладельческого очищенного зерна с выдачей аванса и транспортировкой в назначенные пункты приема и сроки. В большинстве случаев зерно приобреталось ниже кондиционных качеств с пределом сорности 1,5—2%, более легковесное — 8 пудов 25 фунтов в четверти против 9 пудов по прежним условиям. Доведение его до кондиционных требований производилось за счет казны и лишь изредка — за счет продавцов. Скупался преимущественно помещичий хлеб. Более или менее значительные поставки крестьянской ржи состоялись в волжских губерниях. В Рыбинске было собрано около 3 млн пудов мелкими партиями крестьянского хлеба. При крестьянских закупках правилом становилось отчисление в пользу Интендантства порядка 6 коп. с пуда на возмещение расходов по хранению, очистке и доставке зерна.

Ведущая роль в системе заготовлений Министерства финансов отводилась губернским земствам, коммерческим агентствам Юго-Западных и Юго-Восточных железных дорог. Создание государственного запаса потребовало зернохранилищ. Министерство финансов приступило к их строительству собственными силами наряду с арендой у земств и железнодорожных обществ. Лишь в немногих экономиках зерно ссыпалось в очищенном виде, в большинстве хозяйств ограничивались обмолотом, а иногда хлеб оставляли в скирдах. Затрудняли поставки и гужевые перевозки в местностях, удаленных от железных дорог. Совокупность этих причин определила затяжной характер кампании, завершившейся лишь весной 1894 г.

Одновременно министерство С.Ю.Витте предприняло ряд финансовых мер, к числу которых следует отнести отмену гербового сбора, упрощенный порядок денежных расчетов с продавцами, льготы при железнодорожных перевозках и др. Сочетание разных форм государственной поддержки оказало стабилизирующее влияние на состояние местных рынков, что отмечали губернские власти. «Широкая и своевременная помощь Министерства финансов, — читаем в отчете о положении в Самарской губернии, — давшая земству возможность в самое короткое время оказать противодействие искусственному понижению цен на всех главных внутренних рынках губернии, имела громадное влияние... затрата менее 1 млн руб. на покупку для военного ведомства... хлеба дала населению несколько миллионов рублей, которые в противном случае послужили бы к обогащению нескольких спекулянтов»³⁶.

В целом операция по закупке ржи Министерством финансов в первую хлебную кампанию прошла успешно. Об этом свидетельствуют сравнительные сведения о землевладельческих поставках хлебных продуктов военным округам Европейской России при посредстве финансового ведомства и без его участия, а также данные о заготовках зерна подрядным способом (см. Приложение, Таблицы 1—3).

В хлебную кампанию 1893—1894 гг. вся потребность войск европейских гарнизонов в зерне и значительная часть потребности в мучных продуктах были удовлетворены закупочными операциями Министерства финансов. Прямые землевладельческие закупки Интендантства, начавшиеся, как отмечалось выше, с 1889—1890 гг. по инициативе И.А.Вышнеградского, в последующие годы были ничтожно малы. В масштабах всей страны (включая азиатскую часть) финансовым ведомством заготовлено было для военных гарнизонов 14,5 млн пудов зерна и муки, из них 12 млн пудов — по повышенным ценам. Крестьянские поставки составили менее трети — 4,2 млн пудов.

Но не только масштабы поставок определили успешность операции в целом. Уровень закупочных цен стал не менее значительным стимулятором рыночной конъюнктуры. Важно отметить, что избранные финансовым ведомством регионы закупок одновременно были центрами развивавшегося торгового мукомолья и что заготовительные цены на муку значительно превышали уровень цен на рожь — явление, в практике предшествовавших лет не наблюдавшееся. Не преувеличивая влияния принятых мер на общий ход торговых оборотов, следует отметить их воздействие на уровень средних цен местных рынков. В одном из писем военному министру С.Ю.Витте свидетельствовал: «...если Министерство финансов купило 12 млн пуд. по повышенным ценам, то сельские хозяйства продали по тем же ценам гораздо большее количество хлеба, т.к. по истечении известного времени торговцы начали покупать рожь по тем же ценам, что и агенты Министерства финансов»³⁷.

На практике не все и не везде проходило гладко. Имели место разного рода злоупотребления, касавшиеся нарушения технических условий поставок. Наибольшие нарекания вызывало, как правило, то, что нередко поставки попадали в руки скупщиков, а это противоречило самому смыслу реформы.

Первые успехи хлебозаготовительной кампании побудили Министерство финансов превратить опытные прямые закупки в меру постоянную, тем самым исключив возврат к системе торгов и подрядов.

В очередном послании П.С.Ванновскому, подводя итог незадолго до того завершенным закупкам и признавая имевшие место недостатки, С.Ю.Витте заметил: «...все эти неблагоприятные условия не будут действовать, если вся операция примет характер постоянный». И далее вновь вернулся к этой мысли: «...представлялась бы весьма желательной организация закупок ржи и муки непосредственно у сельских хозяев для продовольствия войск как меры постоянной. Заведование всей операцией могло бы принадлежать Министерству финансов, как правительственному органу,

непосредственно ведающему торговлею вообще, и хлебную в частности...»³⁸.

Послание С. Ю. Витте не получило поддержки. Все «за» и «против» новой системы нашли отражение в характерных ремарках П. С. Ванновского на полях рукописи письма министра финансов и в его собственноручном заключении к письму: «Думаю, что в делах Главного интендантского управления имеются сведения, что не все так гладко, как донесли министру финансов его агенты»³⁹.

Более четкое представление о позиции П. С. Ванновского дает знакомство с отношением главного интенданта Н. Н. Скворцова, направленным в отдел сельской экономии и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия и государственных имуществ: «Военный министр не признает возможным установить закупку ржи или муки от землевладельцев при посредстве Министерства финансов как постоянную меру»⁴⁰. Лишь в виде исключения военный министр изъявил согласие продлить операцию на один год (закупка не более 15 млн пудов) при условии возврата Министерством финансов в бюджет военного ведомства «суммы общих переплат» (более 2 млн руб.) и ограничения применения льготных правил к качеству зерна. Характер условий означал не что иное, как попытку военного министра вернуть в сферу собственного контроля все то, что было «уступлено» Министерству финансов годом ранее.

28 июля 1894 г. С. Ю. Витте обратился к военному министру с новым посланием, содержащим обоснование реформы и изложение ее возможных практических последствий. Письмо было выдержано в оптимистических тонах и создавало впечатление, что речь шла о деле вполне решенном. С. Ю. Витте явно игнорировал отказ военного министра. Усилия его сводились как будто лишь к неприятию выдвинутых последним условий. Отсюда — уверения во временном характере повышения цен, обещание соблюсти в будущем «интересы бюджета Военного министерства» и ни к чему не обязывающие рассуждения о высоком качестве поставленного зерна. «Относительно срока prolongation сей операции я должен заметить, — осторожно напоминал С. Ю. Витте, — что хотя установление ее как меры постоянной представляло бы значительные удобства... но т.к. Военное ведомство признает возможным согласиться ныне на продление операции лишь на один год (“Разве я согласен?” — недоуменно восклицает П. С. Ванновский, оставляя автограф на полях письма. — Т.К.), то я не вижу существенных препятствий к тому, чтобы сохранить за ней временный характер»⁴¹.

Нарочито независимый тон письма министра финансов был лишь ширмой, за которой скрывались и сомнения, и неуверенность в успехе. Неслучайно концовка письма содержала предостережение о разрешении спорного вопроса путем созыва особого совещания. Это новое ущемление прав интендантского ведомства не могло не вызвать отрицательной реакции военного министра. «Можно вперед сказать, — заметил он, — что из этого ничего путного не выйдет... надо требовать то, что в интересах войска, а не сельских хозяев»⁴². В той же тональности прозвучал и официальный его ответ: «Я безусловно отка-

зывалось от установления покупки хлеба для войск у сельских хозяев через посредство Министерства финансов в виде постоянного способа»⁴³. Даже на временное допущение прямых поставок военный министр соглашался неохотно. Наряду с прежними условиями он выдвинул два новых, свидетельствовавших о желании ограничить количественно новый вид операций — на одну треть — и исключить из числа поставщиков артели и коммерческие агентства железных дорог.

Согласиться с требованиями Военного министерства С.Ю.Витте не захотел. В лаконичном ответном послании он категорически отверг дальнейшие переговоры, счел себя «вынужденным отказаться от покупки ржи для потребностей военного ведомства» и просил «не отказать в зависящем распоряжении о скорейшем принятии Интендантством от уполномоченных Министерства ржи, частью уже закупленной и на будущий 1895 год»⁴⁴.

В течение двух последующих месяцев министры хранили молчание. Возобновилась переписка только в середине октября новым посланием С.Ю.Витте. Сам факт отправки письма, содержавшего призыв к главе военного ведомства «снизойти к просьбам сельских хозяев и разрешить продление операции закупки ржи еще на 1 год»⁴⁵, означал, по существу, безоговорочное признание министром финансов условий военного ведомства. Но теперь, когда официальные торги были уже объявлены, Ванновский смог препоручить заботам Министерства финансов заготовку всего лишь 3 млн пудов⁴⁶, да и то скрепя сердце. «Делать нечего, надо согласиться, но нельзя пренебречь и нуждами Военного министерства», — писал он⁴⁷.

С.Ю.Витте передал основную долю закупки — 2,1 млн пудов — земствам трех волжских губерний: Самарской, Казанской, Симбирской. Формально заготовительные операции основывались на новых правилах с учетом требований военного ведомства. При таких взаимных уступках назревавший конфликт был относительно ликвидирован.

К исходу года Государственному контролю предстояло дать беспристрастную оценку всей заготовительной кампании, и от его решения во многом зависела дальнейшая судьба реформы. И во «всеподданнейшем отчете за 1894 г.», и в пояснении к нему Государственный контроль удовлетворительно оценил деятельность Министерства финансов и высказался за возможность продолжения опыта, но от того, чтобы стать арбитром в оценке общегосударственного значения реформы, воздержался.

Иного мнения придерживалось Военное министерство, отрицавшее самую возможность путем землевладельческих закупок изменить состояние рынка: новая система «не оказала, да и не могла оказать никакого влияния не только на возвышение, но даже и на удержание хлебных цен от дальнейшего падения, обусловленного влиянием и фактами, несравненно более могущественными»⁴⁸. Начальник канцелярии министерства генерал-лейтенант П.Л.Лобко привел данные, свидетельствовавшие об убыточности прямых закупок финансового ведомства. Упомянул он и о социальной «узости» реформы: «Без со-

мнения, и при этой операции было несколько десятков сельских хозяев, которые временно поправили свои дела, получив от Министерства финансов от 50 до 60 коп. за пуд ржи... но видеть в этом государственную меру можно лишь постольку, поскольку интересы ограниченного числа частных лиц могут быть отождествлены с интересами целого государства»⁴⁹.

Ввиду разногласий окончательное решение вопроса о правительственных закупках было передано 2 января 1895 г. в междуправительственное совещание под руководством председателя Департамента экономии Государственного совета статс-секретаря Д. М. Сольского. В центре внимания оказался доклад С. Ю. Витте, незадолго до того — 9 декабря 1894 г. — представленный на «высочайшее» утверждение⁵⁰.

Содержание доклада выходило далеко за рамки обсуждаемой темы. Оно охватывало ряд смежных проблем, в числе которых не последнее место занял вопрос об уровне экспортных цен и товарных запасов. Доклад представлял интерес с точки зрения оценки реформы государственных закупок в качестве того звена, каким она должна была стать в общей цепи экономических преобразований Министерства финансов и программы государственного регулирования хлебных цен.

Особое внимание С. Ю. Витте уделил последствиям аграрного кризиса. В отличие от многих современников, Витте рассматривал понижение сельскохозяйственных цен не только как следствие «давно начавшегося расширения запасов на новых дешевых заокеанских землях и соответственного развития оборотов международной торговли», но и как результат влияния «еще какого-либо исключительного сочетания условий, одинаково неблагоприятных и для европейских, и для заокеанских стран»⁵¹. Сложные изменения экономической конъюнктуры 1880-х — начала 1890-х гг. свидетельствовали «о всеобщем перепроизводстве хлебов, о невозможности выручать из рыночной цены не только земельный доход, но даже и издержки производства». Такого рода явление С. Ю. Витте рассматривал как временное, болезненное, «требующее заботливого попечения со стороны государственного управления»⁵².

Подчеркнув торговую и денежную слабость российского внутреннего рынка, неоправданно развитый хлебный экспорт, С. Ю. Витте привлек внимание к неприглядной роли России, оказавшейся «во главе понижительного движения» мировых хлебных цен. «Один и тот же факт, — утверждал он, — отсутствие сдержанности в нашем вывозе — вызывает противоположные явления на обоих рынках: на международном рынке усиливается возможность понижения хлебных цен, на внутреннем — возможность повышений»⁵³. Меры государственного воздействия на сельскую экономику, пояснил С. Ю. Витте, должны носить «строго воспитательный, способствующий, направляющий характер», исключая прямой эффект. К их числу следует отнести «насаждение» путей сообщения, государственный кредит, разумную организацию торговли, наконец, «правительственный» запас, играющий роль отводного канала для помешения

излишков зерна, т.е. развитие инфраструктуры сельского хозяйства в широком плане. В этой связи государственные закупки признавались министром финансов мерой «дополнительной», «исключительной», выходящей за пределы обычных способов воздействия правительства на экономику, означавшей вмешательство в свободные рыночные отношения, нарушение «естественного течения коммерческих дел» и, более того, «некоторое противоречие с общим направлением нашей торговой политики»⁵⁴.

Предлагая вынести окончательный приговор его реформе, С.Ю.Витте настаивал на принципиальном признании за Министерством финансов верховных прав руководителя закупочной операции: определения объема и качества поставок, утверждения «высшего предела цен», условий хранения и страхования зерна, назначения исполнителей. Финансирование заготовок С.Ю.Витте предполагал осуществить за счет средств Государственного банка, в пределах 30-миллионной суммы⁵⁵.

Положения доклада С.Ю.Витте во многом противоречили содержанию записки министра земледелия и государственных имуществ А.С.Ермолова, внесенной на рассмотрение совещания и поддержанной И.Н.Дурново. Ермолов высказался против широкой трактовки назначения государственных закупок, ограничив их использование исключительно продовольственными нуждами населения в годы неурожая⁵⁶.

Между оппонентами разгорелась дискуссия. Примиренческую позицию занял председатель собрания, сочтя преждевременным категоричное решение вопроса. В итоге переговоров большинство присутствовавших высказалось за утверждение проекта государственных закупок, но с целым рядом ограничений, к которым относились отказ от заготовок муки, сокращение объема закупочной партии от одного хозяйства и отчуждения зерна в частные руки и т.д. В то же время С.Ю.Витте добился главного — признания за уполномоченными Министерства финансов права осуществлять закупочные операции и сохранения за главой финансового ведомства важнейших функций: определения общего объема заготовок, кондиционных качеств зерна, условий его хранения и «назначения высшего предела цен». 14 января 1895 г. постановление совещания было высочайше одобрено.

Несмотря на принципиальное признание правомерности системы закупок Министерства финансов, совещание под председательством Д.М.Сольского дало весьма ограниченные результаты. Видимо, решающую роль играли заметные изменения в положении международного хлебного рынка, выход страны из тисков аграрного кризиса и медленная, но неуклонная стабилизация хлебных цен. С точки зрения военного ведомства, необходимость в принятии неординарных мер отпала. Правда, в январе 1895 г. П.С.Ванновский согласился предоставить Министерству финансов право на закупку 10 млн пудов зерна, но в действительности цифра эта оказалась недостижимой. Уже в летнюю хлебную кампанию Интендантство, ссылаясь на нереализованный запас минувшего года — 4,5 млн пудов, ограничило заготовки финансового ведомства 3 млн пудов⁵⁷.

Новый, 1896 г. не внес заметных изменений в ход переговоров. Земства ряда губерний все еще предпринимали попытки расширить закупки, но ходатайства их, как правило, не удовлетворялись. На 1896—1898 гг. поставки хлеба четырьмя волжскими губерниями, оставленными за Министерством финансов, были ограничены 2,3 млн пудов. Единственное, чем пришлось поступиться военному ведомству, — признать необоснованность отказа от поставок мукомолов. Практика показала, что в иных губерниях поставки муки существенно превышали зерновые закупки. В дальнейшем отчетливо наблюдалось противоборство двух направлений: попытки финансового ведомства вырвать новые льготы в нарушение прежних договорных условий и стремления Интендантства не упустить случая для ограничения прав соперника.

Очередная попытка вмешательства в практику государственных закупок была предпринята С.Ю.Витте в 1897 г., когда он предложил военному министру поставить для армии 5,3 млн пудов ржи. Но и на этот раз она оказалась бесплодной. Годом позже предложенные финансовым ведомством закупочные цены для четырех волжских губерний — 75 коп. за пуд ржи и 81 коп. за пуд муки, значительно превышавшие рыночные — 63—71 коп. за пуд ржи, — вновь были отвергнуты Военным советом⁵⁸.

Однако развитие событий показало, что вопрос о правомерности новой системы государственных поставок не мог долее оставаться в рамках одних лишь междуведомственных переговоров. Неслучайно на заседаниях Всероссийского сельскохозяйственного съезда в Москве прямые поставки оказались в центре внимания. Когда же в марте 1896 г. в Петербург съехались губернские предводители на совещание о нуждах дворянского землевладения, проблема государственных поставок встала вновь со всей остротой. Представители 27 губерний в специальной записке «Покупка хлеба казною для нужд Интендантства и в государственный запас» подвергли резкой критике действия военного ведомства, единогласно признав «необходимым засвидетельствовать неудовлетворенность порядков, установленных Интендантством, и стеснительность их для поставки хлеба»⁵⁹.

В начале 1898 г. случилось событие, казалось бы, мало примечательное, которое, тем не менее, определило дальнейшую судьбу реформы. 6 февраля Николай II ознакомился с рапортом русского военного агента в Берлине и, по свидетельству А.Н.Куропаткина, занявшего к тому времени пост военного министра, «обратил особенное внимание на достигнутый в Германии особый успех по покупке сельскохозяйственных продуктов не у крупных торговых фирм, а у производителей». Он выразил желание, «чтобы и у нас... энергично продолжали добиваться устранения многочисленных посредников, стоящих ныне между производителями сельскохозяйственных продуктов и войсками». А.Н.Куропаткин сообщил главному интенданту высочайшую волю «для неукоснительного исполнения»⁶⁰. Как видим, случайного внешнего толчка оказалось достаточно, чтобы наконец обратиться к мере, давно уже ставшей необходимостью.

19 ноября 1898 г. были утверждены правила землевладельческих поставок, выработанные самим военным ведомством. Даже беглое ознакомление с новыми условиями убеждает, что в основе своей они исходили из принципов, предложенных в 1893 г. Министерством финансов. Наиболее существенным отличием являлся уровень закупочных цен, если и не соответствующий рыночному, то близкий к нему. Документы свидетельствуют, что Военное министерство с необычайным трудом отказывалось от привычного курса. Однако, сделав первый шаг — допустив землевладельческие поставки, оно было вынуждено согласиться и на второй. Постановлением Военного совета в число контрагентов были включены сельскохозяйственные общества, товарищества и земства. Именно последним предоставлялись особые права, выдвинувшие их из ряда прочих поставщиков.

В мае 1900 г. Военный совет пересмотрел общие правила в сторону облегчения контрактных условий, что стимулировало расширение закупок. Если в 1898 г. Интендантство приобрело от непосредственных производителей 962 тыс. пудов ржи и муки, в 1899 г. — в первый год действия новой системы — 4435 тыс. пудов, то после утверждения новых правил в 1900 г. — 9300 тыс. пудов, что составило около половины потребности военных гарнизонов центральных губерний⁶¹.

Переход Интендантства к системе землевладельческих поставок делал излишними «услуги» Министерства финансов, тем более что за эти «услуги» приходилось дорого платить и в прямом, и в переносном смысле.

Вопрос об отстранении ведомства С. Ю. Витте от государственных закупок был поставлен в междуведомственном совещании под председательством А. С. Ермолова 5 марта 1900 г. Совещанию были предпосланы две записки противоположной направленности — записка Министерства финансов с изложением проекта реорганизации системы государственных закупок, а по существу — модернизации при непосредственном его участии, и записка военного ведомства с обоснованием отказа от посредничества Министерства финансов.

Казалось бы, признание Военным министерством землевладельческих поставок, на которых так настаивало Министерство финансов, должно было им приветствоваться. Появилась наконец возможность передать вполне налаженное дело ведомству, которое по роду деятельности должно им распоряжаться. Однако содержание записки Министерства финансов свидетельствовало о противоположном. В ней подвергалась сомнению целесообразность прямых закупок военным ведомством «даже по сравнению с системой торгов» ввиду «иных оснований» интендантской операции, исключавших влияние на рынок хлебов в «нужном направлении». Следовательно, разумным было бы «воспользоваться этими положительными результатами и не предпринимать нового опыта по новой системе, а развить ту организацию, которая уже на деле оказалась пригодной»⁶². Другими словами, речь шла о сохранении государственных закупок за Министерством финансов.

Принципиально С. Ю. Витте никем из присутствовавших поддержан не был. Совещание свело свою роль лишь к констатации срока

действия закупочной системы Министерства финансов, приняв предложение А.Н.Куропаткина о продлении опытных поставок на ближайшее пятилетие. Не было внесено никаких изменений и в условия самой операции, за исключением одного: по настоянию С.Ю.Витте соглашением министров были распределены закупочные зоны, т.е. фактически обозначены «сферы влияния». Министерству финансов отводились «в удел» те же четыре волжские губернии.

Начало нового столетия сопровождалось заметной стабилизацией хлебных цен мирового рынка. Для расширения деятельности Министерства финансов в области государственных закупок формально не было причин. Но то, что нашло благоприятную почву и оказалось своевременным, трудно было искоренить. Модернизированная система, основанная на прямых закупках, как наиболее отвечающая требованиям дня, довольно прочно закрепилась в хозяйственной практике. И с момента перехода Интендантства в ряде губерний к самостоятельным закупкам у производителя обе системы государственных операций сосуществовали и в известной мере противоборствовали (см. Приложение, Таблица 4).

Но, ограничив участие Министерства финансов (в течение следующего пятилетия оно обеспечивало прямыми закупками Петербургский, Московский, Финляндский и Казанский военные округа), Интендантство, видимо, все еще не уверовало в собственные силы. Отсюда все новые и новые законодательные акты, упрощавшие традиционную систему и с каждым шагом приближавшие ее к нововведениям С.Ю.Витте: увеличение сроков и общего объема землевладельческих закупок, расширение полномочий местных властей (окружных советов), наконец, решение Военного совета в ноябре 1903 г. о применении в течение года опытных закупок без ограничения их предельными ценами.

Социальный состав поставщиков зерна того и другого ведомства был примерно одинаков. В 1900—1901 гг. среди контрагентов Министерства финансов находим Казанскую, Самарскую, Симбирскую, Сызранскую, Пензенскую, Спасскую, Чистопольскую и другие губернские и уездные земские управы, сельскохозяйственные общества, крупных землевладельцев Н.Н.Набокова, Г.Г.Штейна, А.В.Андреева и др. Военное министерство привлекло к поставкам Суджанскую и другие земские управы, Минское общество сельских хозяев, Гомельское сельскохозяйственное товарищество. Не были забыты и интересы крупных землевладельцев: баронессы М.Д.Притвиц, тамбовского помещика Н.Н.Курьянова, бессарабского — В.И.Богдана, рязанских — А. и Т.Алферовых и др.

Данные 1901 г. о социальном составе поставщиков Одесского военного округа (аналогичными сведениями по другим военным округам мы не располагаем) свидетельствуют об исключительной роли дворянства. Из более 1 млн пудов ржи, поставленной Интендантству, свыше 86% приходилось на долю поместного дворянства. И лишь единственный представитель крестьянства получил доступ к индивидуальным поставкам, не считая участия в закупках сборного крестьянского хлеба, осуществляемых земствами (см. Приложение, Таблица 5).

В 1905 г. вновь возникла проблема допустимости участия Министерства финансов в дальнейших армейских поставках, значительно осложненная военными действиями на Дальнем Востоке. Пришлось считаться и с тем, что пост министра финансов занял В.Н.Коковцов, негативное отношение которого к этой стороне деятельности финансового ведомства было очевидно. Определенную роль играли стабилизация, а затем и постепенный подъем хлебных цен мирового рынка. Весной 1905 г. в депеше военному министру В.Н.Коковцов сообщал: «Я не согласен более на продолжение этой операции... Военное министерство может само это исполнить, хотя бы через биржевые комитеты»⁶³.

Решение министра финансов предопределило дальнейший ход событий. Оно было принято, несмотря на противодействие ряда чиновников министерства, в том числе управляющего отделом торговли М.М.Федорова. Последний в письме убеждал В.Н.Коковцова, что отступничество Министерства финансов будет расценено земледельческой Россией как отказ от прямых закупок, столь необходимых сельскому хозяйству⁶⁴.

В.Н.Коковцов, по-видимому, не удостоил коллегу ответом. А текст письма сопровождала резолюция: «Министру доложено. Приказано категорично написать в Военное министерство об отказе Министерства финансов от посредничества, поддерживая лишь принципиально точку зрения... о прямых поставках в Интендантство хлеба землевладельцами при участии земств»⁶⁵. Это было важно. В июне 1905 г. В.Н.Коковцов был уведомлен, что постановлением Военного совета Министерство финансов от армейских закупок отстранено⁶⁶.

Оценивая реформу продовольственных (хлебных) закупок финансового ведомства, следует обратить внимание, что она представляла собой попытку приспособления новых форм к старому содержанию, системы прямых контактов поставщиков с потребителем, построенных на коммерческих началах и соответствовавших буржуазному уровню отношений, к сравнительно отсталому аграрному строю с характерной для него консервацией феодальных пережитков.

Осуществленная Министерством финансов в годы аграрного кризиса и преодоления его последствий (1893—1906 гг.) реформа государственных закупок открывала путь правительственному регулированию хлебных цен, испытавших падение вследствие резкого сокращения потребления мирового рынка. В этом смысле реформа, в основе своей содержащая искусственное повышение хлебных цен внутреннего (местного) рынка, оказала сдерживающее влияние на их уровень. Одним из основных положительных ее результатов явилось установление прямых торговых связей и тем самым ограничение сферы действий столь развитого в России института торговых посредников — показателя недостаточного уровня развития аграрного капитализма. Реформа вместе с тем способствовала насаждению известной торговой грамотности среди землевладельцев, поскольку укореняла новые способы и методы ведения торговых операций. Важно иметь в виду, что прямые государственные закупки вызвали отмеченную многими источниками смену культур, расширение посевов серых

хлебов в районах действия уполномоченных Министерства финансов, что свидетельствовало о крайней заинтересованности землевладельцев в реализации новых подходов.

Вместе с тем реформа государственных закупок несла на себе отпечаток противоречивости, незавершенности. Буржуазная по своей природе, она была проведена, по всей видимости, на узкой социальной основе, отвечая прежде всего интересам крупных капитализировавшихся помещичьих хозяйств и в меньшей степени интересам крестьянского землевладения и землепользования. Сословная окраска реформы проявилась настолько ясно и неприкрыто, что, как мы видели, послужила орудием против С.Ю.Витте даже в руках консервативного Военного министерства. Социальная «узость» реформы и локализация территории, на которой она была проведена, препятствовали достижению нужных эффективных результатов, которые заложены были в сам ее принцип — прямые контакты на коммерческой основе. В то же время центральные положения реформы легли позднее в основу правил землевладельческих закупок Интендантства, получив тем самым право на жизнь, а привлечение к поставкам аппарата земств определило основное направление дальнейшей реконструкции существовавшей закупочной системы.

Примечательно и то, что практический опыт Министерства финансов органично вписывался в систему предложенных им мер по мобилизации государственных ресурсов для выхода страны из кризисных явлений. Он логически сочетался с упомянутыми выше актами таможенной и тарифной защиты, с мерами финансовой поддержки с целью форсирования развития инфраструктуры сельскохозяйственного производства. Наконец, опыт этот вполне согласовывался с предпринимаемыми в те годы попытками модернизации столь отсталой в России «общинной» сельской хлебозапасной системы (ограниченной целями обеспечения исключительно местного населения), с постепенным переходом к денежному продовольственному капиталу, с пересмотром Продовольственного устава и проблемой создания государственного хлебного запаса, вызвавшей столь противоречивые отклики в правительственных, административных губернских и земских кругах.

Примечания

¹ Арзумян А.А. Аграрный кризис 80—90-х годов XIX в. в России // Он же. Экономические проблемы общественного развития: Избранные труды. М., 1968. С. 90—94; Китанина Т.М. Государственное регулирование сельскохозяйственного производства в период мирового аграрного кризиса (1875 — середина 90-х годов XIX в.) // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование: XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М., 1994. С. 91—94.

² Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л., 1978. С. 44—47.

³ Грегори П. Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем: Оценка экономиста // Экономическая история: Ежегодник. 2000.

М., 2001. С. 7—97; он же. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подходы и оценки. М., 2003.

⁴ Он же. Экономический рост Российской империи... С. 30—31.

⁵ Роголина Н.Л. Аграрный кризис в российской деревне начала XX века // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 10.

⁶ Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 465.

⁷ Арзуманян А.А. Указ. соч.; Егиазарова Н.А. Аграрный кризис конца XIX века в России. М., 1959.

⁸ Бруцкус Б.Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922. С. 13—14.

⁹ Менделеев Д.И. Толковый тариф // Проблемы экономического развития России. М., 1960. С. 76—77.

¹⁰ Чубинский Б.В. Бисмарк. СПб., 1997. С. 426—428; Китанина Т.М. Таможенная война: Искусство выживать: (Аграрный протекционизм в России в конце XIX века: уроки прошлого) // Russian Food Market. N.Y.; Frankfurt a. M.; Moscow; St. Petersburg. 1994. 2 Apr. С. 71—73.

¹¹ Покровский В.И. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. СПб., 1902. С. 8—35.

¹² И.Ф.Гиндин заметил: «Крестьянин, ковырявший сохой землю рядом с выращавшими, как грибы, металлургическими заводами Юга России, может быть, в особенно резком виде изображает этот существующий во всех капиталистических странах контраст между сельским хозяйством и промышленностью в широком смысле этого слова...» (см.: Гиндин И.Ф. Некоторые спорные вопросы истории финансового капитала в России // Банки и экономическая политика России (XIX — начало XX в.) М., 1997. С. 264).

¹³ Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства. 1892—1914. СПб., 1997. С. 14.

¹⁴ Ананьич Б.В. Экономическая политика правительства: Реформы С.Ю.Витте // Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984. С. 33—41.

¹⁵ Симонова М.С. Проблема «оскудения» Центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX — начале XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 236—263.

¹⁶ Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства. С. 17.

¹⁷ Китанина Т.М. Хлебная торговля России... С. 106—107.

¹⁸ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2 (1894 — октябрь 1905). Царствование Николая II. М., 1960. С. 302.

¹⁹ Подробнее см.: Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. М., 1988.

²⁰ Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства. С. 15.

²¹ Китанина Т.М. Хлебная торговля России... С. 95.

²² Журнал Особого междудомственного совещания // Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 499. Оп. 3. Д. 481. Л. 213—214об.

²³ С.Ю.Витте — П.С.Ванновскому 3 августа 1893 г. // Там же. Д. 558. Л. 1—2.

²⁴ С.Ю.Витте — П.С.Ванновскому 11 сентября 1893 г. // Там же. Л. 53—55об.

- ²⁵ Журналы междуведомственного совещания 13 и 16 августа 1893 г. // Там же. Л. 17—26об.
- ²⁶ С.Ю.Витте — П.С.Ванновскому 11 сентября 1893 // Там же. Д. 558. Л. 53—55об.
- ²⁷ Там же. Л. 55—55об.
- ²⁸ Там же. Л. 60. 12 сентября 1893 г.
- ²⁹ «Правила» см.: там же. Л. 93—100об.
- ³⁰ Проект таблицы // Там же. Л. 171—173об., 198об.
- ³¹ Отношение главного интенданта Н.Н.Скворцова в Департамент торговли и мануфактур, 30 ноября 1893 г. // Там же. Д. 588. Л. 250—252об.
- ³² С.Ю.Витте — П.С.Ванновскому 3 февраля 1894 г. // Там же. Л. 452—456.
- ³³ П.С.Ванновский — С.Ю.Витте 6 февраля 1894 г. // Там же. Л. 457—461.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. Д. 559. Л. 2—3об.
- ³⁶ Там же. Л. 290—290об.
- ³⁷ С.Ю.Витте — П.С.Ванновскому 23 июля 1894 г. // Там же. Л. 117—117об.
- ³⁸ С.Ю.Витте — П.С.Ванновскому 16 мая 1894 г. // Там же. Л. 78об.—79об.
- ³⁹ Там же. Л. 81об.
- ⁴⁰ Отношение от 21 июля 1894 г. // Там же. Л. 113—113об.
- ⁴¹ С.Ю.Витте — П.С.Ванновскому 23 июля 1894 г. // Там же. Л. 120—120об.
- ⁴² Там же. Л. 121—121об.
- ⁴³ П.С.Ванновский — С.Ю.Витте 5 августа 1894 г. // Там же. Л. 124—127об.
- ⁴⁴ С.Ю.Витте — П.С.Ванновскому 13 августа 1894 г. // Там же. Л. 131—132об.
- ⁴⁵ С.Ю.Витте — П.С.Ванновскому 18 октября 1894 г. // Там же. Л. 151—152.
- ⁴⁶ П.С.Ванновский — С.Ю.Витте 25 октября 1894 г. // Там же. Л. 154—155.
- ⁴⁷ Там же. Л. 152об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 306—306об.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 694. Оп. 2. Д. 69. Л. 1—13.
- ⁵¹ Там же. Л. 1.
- ⁵² Там же. Л. 2об. 4.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. Л. 6, 7.
- ⁵⁵ Там же. Л. 12—13.
- ⁵⁶ Журнал междуведомственного совещания // Там же. Ф. 499. Оп. 3. Д. 583. Л. 16—23.
- ⁵⁷ Объяснительная записка главного интенданта Н.Н.Скворцова 31 декабря 1894 г. // Там же. Л. 8.
- ⁵⁸ Там же. Д. 699. Л. 10—12, 19—20, 21—25.
- ⁵⁹ Там же. Д. 630. Л. 4.

⁶⁰ Там же. Д. 667. Л. 5—5об.

⁶¹ Всеподданнейший доклад А.Н.Куропаткина 16 февраля 1901 г. // Там же. Д. 137. Л. 11—12об.

⁶² Там же. Ф. 499. Оп. 3. Д. 559. Л. 207об.

⁶³ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 23. Оп. 25. Д. 125. Л. 25.

⁶⁴ М.М.Федоров — В.Н.Коковцову 4 мая 1905 г. // Там же. Ф. 23. Оп. 25. Д. 125. Л. 25—29.

⁶⁵ Там же. Л. 29.

⁶⁶ В.В.Сахаров — В.Н.Коковцову 15 июня 1905 г. // РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 869. Л. 100. О дальнейшем развитии событий см.: Китанина Т.М. Государственные хлебные поставки в России (1861—1914 гг.) // Проблемы аграрной истории (XIX — 30-е годы XX в.). Ч. II. Минск, 1978. С. 105—106.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Закупки ржи и муки Интендантством подрядными торгами (в четвертях)

Годы	Рожь	Мука
1889	329375	1302682
1890	165678	1103293
1891	87895	952082
1892	204830	1206565
1893	395912	1411548
1894	—	735760
1895	318427	890238
1896	429400	1076032
1897	277939	1167980
Итого:	2209456	9846186

Составлено по: РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 667. Л. 310. За те же годы Интендантством было закуплено через систему подрядных торгов 2312466 четв. крупы и 3572793 четв. овса.

Таблица 2

Землевладельческие закупки Интендантства (в четвертях)

Годы	Рожь	Мука
1889	25937	18000

1890	42668	8000
1891	11374	—
1892	13938	—
1893	12501	23744
1894	12213	—
1897	86484	6600
1898	106874	—
Итого:	311989	56344

Составлено по: РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 667. Л. 311. В 1889—1890 гг. Интендантством было закуплено у землевладельцев 4500 четв. крупы и в 1897 г. — 40 тыс. четв. овса.

Таблица 3

Землевладельческие закупки Министерства финансов (в четвертях)

Годы	Рожь	Мука
1894	466317	602647
1895	137395	610251
1896	82975	338563
1897	171580	278667
1898	104439	179851
Итого:	962706	2009979

Составлено по: РГВИА. Ф. 449. Оп. 3. Д. 607. Л. 312.

Таблица 4

Землевладельческие закупки Министерства финансов и Военного министерства (в тыс. пудов)

	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1904 г.
Министерство финансов	2302,96	2059,00	2141,50	2100,0	2567,3
Военное министерство	4500,0	9400,0	7090,0	11545,0	10098,7

Составлено по: Интендантский журнал. 1903. № 12. С. 64—68 // РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 840. Л. 2об.—3; Д. 860. Л. 82об. Данные за 1903 г. отсутствуют.

Прямые закупки Интендантства для Одесского военного округа в 1901 г.

Поставщики	Рожь (пуд.)	%	Кол-во поставщиков
Сельскохозяйственные общества	54000	5,0	1
Земские управы	30000	2,8	1
Дворянство	919925	86,3	26
Почетные граждане	31500	2,9	1
Поселяне	12000	1,1	1
Крестьянство	18750	1,7	1
Итого:	1066175	100	31

Составлено по: Интендантский журнал. 1902. № 3. С. 80—83.

Из письма И.А.Вышнеградского П.С.Ванновскому

12 января 1888 г.

...Пензенское дворянство обратилось к Е[го] И[мператорскому] Величеству со всеподданнейшим прошением, в коем объясняет, что в последние годы условия землевладения стали более тяжкими, чем когда-либо, что прогрессивный упадок цен на хлеб, затруднение в сбыте всяких сельских продуктов, увеличение налогов и общий экономический кризис, происходящий от причин, в коих дворянство неповинно, легло столь удручающим гнетом на Пензенскую исключительно землевладельческую губернию, что у большинства владельцев недостает средств для уплаты всех денежных обязательств, вследствие чего на заложенных имениях оказалось значительное накопление недоимок, что все вообще владельцы очутились в бедственном положении и оскудели до лишения возможности исправно вносить государственные и частные налоги; что посему, для спасения дворянских имуществ от гибели, а всей вообще земли от обесценения, дворянство не находит иного средства, кроме всеподданнейшего ходатайства: сумму накопившихся недоимок по взносу заемщиками срочных платежей в Государственный Дворянский земельный банк зачислить особой дополнительной ссудой с тем, чтобы общий итог долга не превышал размера 75% оценки, по коей имения приняты и залог Государственным Дворянским земельным банком.

Такое ходатайство пензенского дворянства Е[го] И[мператорскому] Величеству благоугодно было переслать министру внутренних дел, а на самом ходатайстве собственноручно начертать «переговорить об этом с министром финансов и представить ответ».

Обсудив обстоятельства дела этого, я нахожу:

1) Затруднения, испытываемые пензенским дворянством, произошли не от каких-либо случайных причин, повторения которых трудно ожидать в близком будущем, не от полного, например, неурожая хлебов и трав — они результат падения хлебных цен.

Затруднения эти сказались не в одной Пензенской губернии, но на пространстве большей части империи, и устранение их — дело долгой и усиленной экономической работы внутри государства и борьбы с конкурентами вне пределов наших. Уважив ходатайство пензенского дворянства, едва ли можно было бы с достаточным основанием отклонить имеющиеся, конечно, возникнуть подобные же ходатайства дворян большинства губерний.

Между тем удовлетворение 5—6 таких ходатайств поставит Дворянский банк в невозможность обойтись без воспособлений из Государственного казначейства, на что у последнего средств вовсе не имеется.

В то же время значительное, вопреки положению о банке, увеличение размера долгов на имениях, обеспечивающих закладные листы банка, может очень вредно отозваться на курсе этих листов и, уронив его, крайне повредить тем дворянам, которые еще не успели воспользоваться помощью банка.

2) Дворянский банк действует 2 года. Перевод в него долгов из частных кредитных учреждений облегчил заемщиков, во-первых, путем уменьшения размеров ежегодных платежей их, во-вторых, тем, что при выдаче ссуд погашены были немалые частные долги, по которым вообще платились весьма тяжелые проценты, и, в-третьих, тем, что при ссуде из нея же уплачены были первые полугодовые платежи банку, следовательно, средства, которые при других условиях пошли бы на эти уплаты, остались в распоряжении гг. дворян.

3) Далеко не все пензенские дворяне оказались неисправными заемщиками. К 1 января 1888 г. Дворянским банком по Пензенской губернии выданы 164 ссуды на сумму 7114900 р. По 60-ти из ссуд этих платежи внесены полностью, а по 104-м числятся недоимки...

К этому следует добавить, что только по 9-ти ссудам не уплачено более двух полугодовых взносов.

Отсюда видно, что недоимки по Пензенской губернии совсем не представляют собой чего-нибудь совершенно исключительного и невыносимо тяжкого для заемщиков. Объясняю я это тем, что положение хлебного рынка не так худо, по сравнению с прошлым годом, как это можно было бы думать. Согласно собранным по поручению сему сведениям, рожь в Пензенской губернии и в ближайших пунктах сбыта на Сурских пристанях в октябре, ноябре и декабре минувшего года была почти в одной цене, что и в те же месяцы 1886 г. и только цена овса упала гораздо ниже 1886 г. ...

4) Самый способ воспособления, указываемый пензенским дворянством, облегчив положение его в данную минуту, очень тяжело отразится на нем в будущем. Если взнос платежей по долгу, составляющему 60% оценки имения, представляет крайнее затруднение, то насколько увеличится оно, когда с будущего же года придется пла-

тить проценты по долгу, составляющему 75% стоимости имущества, и при условии, что тяжесть эта останется на имении в течение $46\frac{1}{2}$, а для некоторых заемщиков и 48 лет.

По всем соображениям этим я не считал бы ни удобным, ни полезным удовлетворить ходатайство пензенского дворянства.

Но ввиду того, что Пензенская губерния и прилегающие к ней части губернии Тамбовской представляют собой район особенно низких хлебных цен (от 30—35 к. пуд ржи и от 22—31 к. пуд овса), я склоняюсь к мысли, что могли бы быть приняты меры, которые, устранив с пензенского рынка излишек хлеба, угнетающе действующий на цены, повлияли бы на возвышение последних и тем самым значительно облегчили бы затруднения дворянства, страдающего не от недостатка произведений имений, а от затруднительности сбыта. Главнейшей такой мерой представлялась бы мне покупка комиссионерами Военного министерства для нужд Варшавского и западных частей Виленского и Киевского военных округов ржи и, в особенности, овса. На станциях Моршанско-Сызранской железной дороги, как видно из прилагаемой справки, в Пензе, Воейкове и Студенце рожь может быть куплена по цене от 30 до 36 к. пуд, овес — от 22 до 30 к. пуд.

Закупленные хлеба могли бы быть доставлены к месту назначения по железной дороге как груз военного ведомства по $\frac{1}{46}$ к. с пуда и версты. Путь от Пензы через Моршанск, Ряжск, Вязьму, Брест до Варшавы составляет 1837 в[ерст]. Если считать покупку по высшим теперешним ценам в Пензе — рожь до 36 к., а овес по 30 к. пуд, то с доставкой в Варшаве они обойдутся — рожь в 55—56 к., а овес 49—50 к. пуд. Между тем в декабре прошлого года рожь стоила в Варшаве от 55 до 65 к., а овес — от 56 до 73 к.

При этом расчете взяты крайние пункты — Пенза и Варшава, между тем доставка к Бресту изменит расчет более нежели на 2 к. с пуда. Закупки ржи составят выгоду небольшую, закупка же овса представляет экономию очень значительную.

В то же время 1837 в[ерст] железных дорог, живущих на счет приплат из Государственного казначейства, получают несколько сот тысяч пудов груза, который убытка им не даст, и затем, что всего важнее, оказано будет, в путях монаршего милосердия, серьезное восполнение страдающим от недостатка сбыта своих произведений землевладельцам Пензенской губернии.

Конечно, комбинация эта возможна к осуществлению в том лишь случае, если Ваше высокопревосходительство изволите признать ее целесообразною и не противоречащую интересам военного ведомства...

И. А. Вышнеградский.

РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 487. Л. 1об.—6. Подлинник.

16 мая 1894 г.

Милостивый государь, Петр Семенович,

Военное министерство, точно так же, как и другие правительственные ведомства и учреждения, уже давно признавало желательность организации прямых непосредственных закупок предметов продовольствия войск от производителей.

В настоящее время сельские хозяева принуждены сбывать свои товары торговцам по весьма низким ценам, далеко не достигающим тех цен, по которым те же товары поставляются военному ведомству. При непосредственной закупке у производителей военное ведомство могло бы к обоюдной выгоде уплачивать сельским хозяевам высшую цену, чем получаемая ими ныне, и в то же время значительно понизить свои собственные расходы по приобретению нужных предметов продовольствия, экономизируя ту довольно значительную прибыль, которая достанется посредникам. Сверх того, нельзя не признать землевладельцев в общем заслуживающими большего доверия, чем торговые посредники, которые до сих пор являлись главными поставщиками интендантского ведомства. Поэтому можно думать, что поставляемые землевладельцами продукты будут отличаться большей доброкачественностью и соответствием требуемым условиям при той же или даже низкой цене, чем поставляемые согласно ныне действующему порядку.

Но если бы даже эти предположения не вполне оправдались на практике, то большие выгоды, доставляемые всему нашему сельскому хозяйству возможностью сбывать свой товар непосредственно военному ведомству, обходя многочисленных посредников, были бы достаточны для признания высокого патриотического значения за проектируемой операцией. Наши сельские хозяева, страдающие от понижения хлебных цен, более всего нуждаются в правительственной помощи, которая могла бы быть удобнее всего оказана в форме организации непосредственной закупки у них предметов продовольствия войск.

Что касается практической осуществимости подобных закупок, то в этом отношении имеется уже некоторый опыт в заканчивающейся в настоящее время операции закупки ржи для военного ведомства под наблюдением Департамента торговли и мануфактур. Хотя значительно большая часть закупленного хлеба еще не сдана интендантскому ведомству, тем не менее и теперь представляется возможным судить о степени успешности сей операции, причем необходимо иметь в виду неблагоприятные условия, при которых она совершалась, а именно — отсутствие на местах в распоряжении Министерства финансов готовой организации для такого сложного дела, за которое оно должно было взяться почти внезапно, ввиду исключительных обстоятельств, созданных повышением хлебных пошлин в Германии и необходимостью скорейшей помощи сельским хозяевам. Этими же исключительными обстоятельствами объясняются и некоторые излишние расходы по операции; так, например, цены на зерно предна-

меренно были назначены выше рыночных, амбары для зерна и муки приискивались, вследствие краткости времени, по более дорогой цене, само зерно заготавливалось в местах, отдаленных от пунктов сдачи, и пр. Все эти неблагоприятные условия не будут действовать, если вся операция примет характер постоянный.

Несмотря на это, судя по донесениям уполномоченных Министерства финансов, я не могу не признать операцию выполненной довольно успешно. В большинстве случаев при сдаче хлеба интендантскому ведомству не возникало недоразумений, а возникшие большей частью разрешались в пользу сдачи. Без всякого сомнения, успех операции зависел прежде всего от благосклонного внимания, с которым Ваше высокопревосходительство неизменно относились к выполнению предпринятого дела. Точно так же только благодаря широкому и сердечному содействию главного интенданта и его постоянной готовности улаживать все разногласия и недоразумения, неизбежные при столь обширном и сложном деле, удалось преодолеть все затруднения и успешно совершить предположенную закупку. Благодаря согласию Военного министерства эти закупки распространились на 17 губерний, причем приобреталась не только рожь, но и мука как от крупных земледельцев, так и от крестьян. Одним из самых отрядных результатов этой операции является, по донесениям уполномоченных, распространение среди населения улучшенных приемов торговли, ознакомление хозяев с правильными способами расценки зерна, определения натуры, сорности, влажности и пр. Имеются сведения, что под влиянием требования чистого зерна крестьяне стали доставлять хлеб лучше очищенным и пр. Многочисленные ходатайства земств, сельскохозяйственных обществ и землевладельцев о продолжении закупок убедительнейшим образом свидетельствуют о пользе сих закупок для населения.

Ввиду всего этого представлялась бы весьма желательной организация закупок ржи и муки непосредственно у сельских хозяев для продовольствия войск как меры постоянной. Заведование всей операцией могло бы принадлежать Министерству финансов, как правительственному органу, непосредственно ведающему торговлю вообще, и хлебную в частности, и наиболее имеющему средств знакомиться с ее условиями и нуждами, тем более, что Министерству финансов может представиться необходимость производить закупки хлеба также и для других целей — например, для обеспечения продовольственных запасов населения и пр.

Относительно самого порядка сих закупок я полагал бы сохранить на будущее время, с некоторыми изменениями, ныне действующую организацию. Было бы желательно оставить в силе выработанное разделение предметов ведения по этой операции между министерствами военным и финансов. На обязанности Военного министерства могло бы быть оставлено составление сметы необходимых покупок ржи и муки, приемка закупленной ржи и муки и распределение их по военным округам. Организация же закупки, руководство земствами и местными учреждениями, установление цен на зерно, муку и мешки и общий надзор за всей операцией заготовки могли бы быть

предоставлены Министерству финансов. Для разрешения некоторых возникающих из практики затруднений, недоразумений и новых вопросов было бы полезно иметь при Департаменте торговли и мануфактур постоянное совещание из представителей министерств: Военного, земледелия и государственных имуществ, внутренних дел и финансов.

Ввиду необходимости скорейшего установления порядка закупки ржи для потребностей войска на предстоящий 1895 год, я признавал бы желательным изготовить по соглашению с Военным министерством всеподданнейший доклад о высочайшем утверждении особого положения по операции закупки ржи и муки для военного ведомства непосредственно от сельских хозяев.

Сообщая о вышеизложенном на благоусмотрение Вашего высокопревосходительства, я имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, не отказать почтить меня отзывом о Ваших по сему соображениях.

Примите [...]

Витте.

РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 559. Л. 76—81об. Подлинник.

С. Ю. Витте — П. С. Ванновскому

23 июля 1894 г.

Милостивый государь, Петр Семенович.

В ответ на письмо Вашего высокопревосходительства за № 910 (от 4 июня) имею честь сообщить, что я вполне разделяю высказанное в нем мнение относительно некоторой убыточности для бюджета Военного министерства операции заготовки ржи в кампанию 1893—94 гг. для военного ведомства непосредственно от землевладельцев.

Убыточность эта объясняется тем, что главной целью операции, по исключительным обстоятельствам истекающего сельскохозяйственного года, было поставлено поддержание цен на рожь, ввиду чего покупка ржи производилась по заведомо повышенным ценам и приходилось руководствоваться при определении мест и сроков закупок не соображениями наибольшей выгоды соответственно потребностям военного ведомства, а большей или меньшей угнетенностью тех или иных хлебных рынков, вследствие чего возникали излишние расходы на хранение и перевозку закупленного хлеба. Но не подлежит сомнению, что это совершенно исключительные особенности операции истекшего сельскохозяйственного года и не в них заключается главная польза операции для землевладельцев, а потому они легко могут и должны быть устранены на будущее время. Преимущественное значение означенной операции для наших сельских хозяев заключается, с одной стороны, в том, что они приобретают в лице агентов правительства постоянных покупателей, применя-

ющих отчетливые и точные приемы оценки товара. С этими приемами и с возможностью их действительного применения в торговле знакомятся, конечно, не исключительно лица, которые продают агентам свой хлеб, а также весь соответственный хлебный район, как земледельческий класс его, так и торговый. Несомненно, что на сельских хозяев такое знакомство благотворительно повлияет в том отношении, что они впредь, при надобности продавать свои хлеба непосредственно торговцам, в состоянии будут более сознательно и настойчиво относиться к защите своих интересов, особенно что касается качества хлеба. Точно так же и торговцы, между которыми, конечно, есть немало лиц добросовестных и желающих содействовать правильному ходу торговли, но державшихся прежних рутинных способов ее ведения за незнакомством с правильными приемами, — не преминут примкнуть к такому образу торговли, вводимому агентами Министерства финансов, и будут таким образом содействовать ее упорядочению, каковое иначе, несмотря на энергические меры в этом направлении, которые принимались уже и имеются в виду неустанно приниматься Министерством финансов, вряд ли возможно было бы достигнуть одними циркулярными распоряжениями, без предварительного их введения действительно в жизнь. С другой стороны, возможность, даваемая сельским хозяевам закупками правительства, найти помещение для производимого хлеба не только у торговцев, но и у агентов, развивая среди покупателей хлеба необходимое соперничество, оказывает благотворное влияние на настроение местных хлебных рынков, удаленных от крупных торговых центров, но близко стоящих именно к сельским хозяевам. Операция истекшего 1893—1894 сельскохозяйственного года показывает, что если Министерство финансов купило 12 млн пудов по повышенным ценам, то сельские хозяева продали по тем же ценам гораздо большее количество хлеба, т.к. по истечении известного времени и торговцы начали покупать рожь по тем же ценам, что и агенты Министерства финансов. Не задаваясь в будущем целью искусственно повышать хлебные цены, Министерство финансов своими закупками несомненно в состоянии будет защищать их от излишнего угнетения.

С другой стороны, нельзя не указать и на то, что если в истекшем году военное ведомство приобрело рожь по более высокой цене, нежели ему предлагали поставить подрядчики, то зато в значительной части оно получило за эту повышенную цену и товар значительно более высокого качества, особенно муку, например в Приволжских губерниях. Если были отдельные партии худшего качества, то это объясняется особенностями местных урожаев и указанной выше необходимостью прийти на помощь землевладельцам в районах наибольшего понижения цен. И если бы не неизбежная спешность в организации всего дела в прошлом году, то я не сомневаюсь, что повсеместно можно было бы достигнуть одинаково хороших результатов. А обеспечение высокого качества главного продовольственного продукта нашего войска, как одно из серьезнейших условий поддержания его здоровья, составляет столь важную цель, что этим я объясняю последовавшее затем согласие Вашего высокопревосходительства на заготовку

хлеба от сельских хозяев для некоторых азиатских округов, не вошедших в первоначальное соглашение.

Желательность приобретения хлеба для войск непосредственно от сельских хозяев признавалась столь издавна и Военным министерством, и другими ведомствами, что вопрос был только в осуществимости этой операции, и я не могу не считать в высшей степени отрядным, что Ваше высокопревосходительство изволили признать, что «покупка хлеба у землевладельцев при посредстве агентов Министерства финансов производилась вообще успешно».

Вместе с тем я не могу не оценить вполне и значение указаний Вашего высокопревосходительства на некоторые невыгодные стороны операции, объясняющиеся, конечно, тем, как уже было замечено, что при ее выполнении приходилось иметь в виду и совершенно постороннюю цель — повышение цен. Так как в предстоящем году не будет необходимости преследовать эту цель, то я обращу все внимание агентов Министерства финансов на возможно лучшую организацию дела, имея в виду и интересы бюджета Военного министерства. Но в этих видах было бы, по моему мнению, наиболее целесообразно, если бы Ваше высокопревосходительство изволили признать возможным сделать распоряжение о составлении предварительного точного плана, по коему можно было бы видеть, сколько для каждого военного округа и в какие сроки потребуется хлеба. Соответственно этому и были бы распределены покупки так, чтобы Военное министерство не обременялось излишними расходами на хранение и перевозку хлеба.

Основываясь на изложенном и имея в виду устранить все, что действовало бы убыточно для бюджета Военного министерства, я признавал бы в высшей степени полезным для страны продление заготовки хлеба для военного ведомства через непосредственные покупки у землевладельцев и впредь. Относительно срока продления сей операции я должен заметить, что хотя установление ее как меры постоянной представляло бы значительные удобства, давая возможность Министерству финансов выработать постоянную организацию, подобрать постоянный персонал, устроить необходимые склады и принять другие меры для облегчения успешного выполнения операции, но так как Ваше высокопревосходительство признаете возможным согласиться ныне на продление операции лишь на один год, то я не вижу существенных препятствий к тому, чтобы сохранить за ней временный характер, с тем чтобы в предстоящем году обратить особое внимание на те стороны дела, коими приходилось по необходимости пренебрегать в прошлом году.

Что касается качества ржи, имеющей быть поставленной военному ведомству, то я не могу высказать своего мнения, т. к. мне неизвестно, какие требования по сему будут указаны в плане на заготовление продуктов на 1895 г., но не могу не отметить, что сохранение минимального предела объемного веса в 8 пуд. 25 фунт. было бы в высшей степени желательно в интересах сельских хозяев.

По отношению, наконец, к переплатам, которые могут оказаться при покупке хлеба у землевладельцев, и возмещению их Министерством финансов, то, в принципе соглашаясь на это, я признавал

бы полезным, чтобы это было обсуждено в подробности в особом совещании при участии представителей Министерства финансов по Департаментам торговли и мануфактур и Государственного казначейства, в особенности что касается определения «торговых» цен, имеющих служить одним из оснований для определения размера означенных переplat.

Сообщая о вышеизложенном, имею честь покорнейше просить Ваше высокопревосходительство почтить меня Вашим отзывом о плане покупок на предстоящий год и присовокупить, что с своей стороны я сделал соответствующие распоряжения о подготовке к закупкам.

Примите [...]

С. Витте.

РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 559. Л. 115—121об. Подлинник.

С. Ю. Витте — П. С. Ванновскому

13 августа 1894 г.

Милостивый государь, Петр Семенович.

Предпринятая с согласия Вашего высокопревосходительства операция покупки ржи для военного ведомства только в том случае могла бы оказать существенную поддержку нашему сельскому хозяйству, если бы она производилась из года в год, в течение более или менее продолжительного времени. В письме от 23 июля сего года я счел возможным согласиться на поставку в 1895 г. ржи для военного ведомства и принять условия, указанные Вашим высокопревосходительством, в ожидании, что опыт поставки хлеба Министерством финансов по ценам торговым и, следовательно, без всяких убытков для военного ведомства мог бы содействовать продлению этой операции и на будущее время. Ввиду же категорически высказанного Вами в последнем письме несогласия, независимо от результатов такого опыта, придать означенной операции характер меры постоянной, почитаю себя вынужденным отказаться от покупки ржи для потребностей военного ведомства на будущий год через уполномоченных Министерства финансов и имею честь покорнейше просить Ваше высокопревосходительство не отказать в зависящем распоряжении о скорейшем принятии Интендантством от уполномоченных Министерства ржи, частью уже закупленной и на будущий, 1895 год. О количестве еще не принятой ржи и месте нахождения ее я поручил Департаменту торговли и мануфактур сообщить Главному интендантскому управлению.

Примите [...]

С. Витте.

РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 559. Л. 131—132об. Подлинник.

18 октября 1894 г.

Крайняя затруднительность для Министерства финансов закупки ржи для потребностей войска на условиях временной организации, рассчитанной лишь на один год и не позволяющей привлечь для сего дела персонал постоянных служащих и устроить постоянные склады, вынудила меня в августе сего года отказаться от продолжения сей операции на 1894—95 год, о чем я имел честь сообщить Вашему высокопревосходительству письмом от 13 августа.

Между тем, как только слухи об этом проникли в среду землевладельцев, ко мне начали поступать многочисленные ходатайства от представителей дворянства, земств, губернаторов, сельских хозяев о продлении операции закупки ржи непосредственно от землевладельцев хотя бы на один год, ввиду особо угнетенного состояния хлебного рынка в настоящее время.

Принимая во внимание действительно исключительно низкие цены на рожь, разорительно влияющие на интересы многих сельских хозяев, я признаю, с своей стороны, возможным пренебречь теми затруднениями, с коими связано для вверенного мне министерства продление сей операции, и позволяю себе обратиться к Вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбой: не изволите ли Вы признать возможным, ввиду настойчивых и многочисленных ходатайств землевладельцев, вторично прийти им на помощь и разрешить закупку ржи на 1895 год через уполномоченных Министерства финансов непосредственно от производителей.

Вполне понимая, с какими трудностями связано возобновление этой операции для Военного министерства, особенно теперь, когда уже объявлены торги, я имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, не отказать предварительно почтить меня сообщением Вашего принципиального отзыва, угодно ли Вашему высокопревосходительству признать возможным, в силу исключительных обстоятельств хлебной торговли данного года, снизить к просьбам сельских хозяев и разрешить продление операции закупки ржи еще на один год; в случае утвердительного разрешения этого вопроса все подробности организации дела, расчетов с Военным министерством и т.п. могли бы быть выяснены Департаментом торговли и мануфактур по соглашению с Главным интендантским управлением, и новые правила были бы представлены на утверждение министров военного и финансов и государственного контролера, причем в этих правилах были бы устранены все те неудобства, которые выяснились из опыта прошлого года.

Примите [...]

С.Витте.

РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 559. Л. 151—153. Подлинник.

Июль 1896 г.

Вследствие письма Вашего превосходительства от 10-го сего июля за № [...] имею честь уведомить, что вопрос о заготовлении хлеба для войск, в потребность 1897 года, решен уже Военным советом по утвержденному им на тот год продовольственному плану.

Согласно этому решению, предположительно купить, в потребность 1897 г., у землевладельцев Казанской, Симбирской, Пензенской и Самарской губерний для Петербургского, Финляндского, Казанского и Московского военных округов муки и частью ржи до 2291901 пуд., организовав эту покупку на тех же основаниях, на которых она производится в настоящем году.

Остальное количество хлеба, потребное на тот же 1897 год как для вышеназванных округов, так равно и для четырех пограничных Виленского, Варшавского, Киевского и Одесского, Военным советом решено, по тому же плану, заготовить с торгов.

Предлагаемая Вашим превосходительством рожь закуплена в Казанской, Симбирской, Пензенской и Самарской губерниях, т. е. именно в тех самых, в которых Военным советом уже разрешено приобретение для войск ржи и муки от землевладельцев.

Но так как потребность в хлебе ближайших военных округов, для которых заготовление продуктов назначено в этих губерниях, совершенно исчерпывается вышеозначенными 2291901 пуд., то всякое новое заготовление в том же районе могло бы получить назначение только в более удаленные военные округа — Варшавский, Виленский и Киевский. Решение же последнего вопроса в настоящее время едва ли возможно ввиду неизвестности как стоимости ржи, закупленной Министерством финансов, так и результатов торгов на провиант для Виленского, Варшавского, Киевского и Одесского округов.

Кроме того, для последних округов Военным советом разрешено заготовить часть потребности непосредственно у землевладельцев распоряжением окружного начальства.

Поэтому я не нахожу возможным сделать какое-либо распоряжение о приеме от Министерства финансов предлагаемой Вашим превосходительством в поставку для войск ржи в количестве около 5255888 пуд. ранее того, как обозначатся результаты тех способов заготовления ржи и муки, которые указаны Военным советом по плану на 1897 год.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

[Без подписи.]

РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 583. Л. 60—61. Подлинник.

Реформа Государственного банка 1892—1894 гг.: европейский опыт и российская практика

В 1900 г. Сидни Шервуд, профессор университета Джона Хопкинса (США), характеризуя германский банковский закон от 14 марта 1875 г., писал, что он является «выдающимся этапом в законодательстве»¹, основанным на опыте Англии и других стран с развитой и успешно функционирующей банковской системой, актом, содержащим нововведения, отвечающие потребностям нового времени.

Никто из современников, характеризуя устав Государственного банка от 6 июня 1894 г., не оценивал его подобным образом. Напротив, они писали о том, что реформаторы проявили незнание и непонимание элементарных основ банковского дела², что привело к организации деятельности Государственного банка «на началах, нигде и никем не изведанных»³. Подобная характеристика выглядит странной, если принять во внимание тот факт, что в состав комиссии, обсуждавшей проект реформы, входили люди, которых нельзя было обвинить в незнании, как минимум, практики банковского дела, — управляющий Государственного банка и его заместители, управляющий Государственным Дворянским земельным банком, сотрудники Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов и представители частных банков.

Обращение к иностранному опыту в реформе Государственного банка также имело место. Краткая история, характеристика операций и структуры ведущих центральных банков того времени — Английского, Французского, Германского, Австро-Венгерского — являлись составной частью материалов, собранных при подготовке к реформе Государственного банка.

В данной статье мы рассмотрим то, что предполагалось заимствовать, по каким причинам и для каких целей; каким был характер заимствований — предполагалась ли адаптация к российским условиям или это было простым копированием европейского опыта; как соотносились заимствования с российской экономической действительностью и деловой практикой.

До утверждения нового устава 6 июня 1894 г. Государственный банк, созданный на базе ликвидированного в 1860 г. Коммерческого банка, действовал на основании устава от 31 мая 1860 г.

---

* Драган Ольга Викторовна — кандидат исторических наук (Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб)).

К началу 90-х гг. Государственный банк являлся крупнейшим коммерческим банком империи, обладавшим широкой сетью филиалов. Их число увеличилось с 7 контор, функционировавших в 1860 г., до 9 контор, 81 постоянного и 6 временных отделений в 1890 г. Ввиду отвлечения в течение 60-х гг. — первой половины 80-х гг. значительной части аккумулированных банком средств на операции по ликвидации государственных кредитных установлений и выкупную операцию, на кредитование хозяйства приходилось не более 60% его коммерческих ресурсов. Во второй половине 80-х гг. ситуация несколько изменилась: операции по ликвидации государственных кредитных установлений перешли в 1885 г. в ведение Государственного казначейства, а с 1882 г. на текущем счету последнего появляются балансовые остатки, которые в конце 80-х — начале 90-х гг. перекрыли затраты Государственного банка на проводившуюся в этот период поддержку государственных ипотечных банков, но не затраты на осуществлявшееся И.А.Вышнеградским приобретение золота для увеличения разменного фонда⁴.

Мы оставим за рамками данной статьи дискуссию о том, нуждался ли устав Государственного банка 1860 г. в пересмотре. Отметим, что начиная с 1860 г. банк критиковали за слишком тесную связь с Государственным казначейством и Министерством финансов, за бюрократическую «неповоротливость» и формализм, за неспособность «упрочить» денежное обращение, за недостаточное развитие учета и подтоварных ссуд, за значительное развитие ссуд под ценные бумаги и векселя, за преобладание в портфеле банка крупных векселей, а также за высокий учетный процент и слишком активную поддержку частных кредитных учреждений. В начале 90-х гг. на необходимость преобразования Государственного банка, ввиду несоответствия его деятельности возложенным на него по уставу 1860 г. задачам, указывали члены Ревизионного комитета и депутаты при правлении банка от Совета государственных кредитных установлений⁵, экономисты⁶, практики банковского дела⁷ и пресса⁸.

Официальная позиция Министерства финансов заключалась в том, что именно неудовлетворительная деятельность банка и несоответствие его устава изменившимся за 30 лет условиям экономической жизни побудили С.Ю.Витте поднять вопрос о пересмотре устава⁹. Нам же представляется, что в действительности имело место несоответствие устава и деятельности банка намерению С.Ю.Витте напрямую задействовать последний в реорганизации всего народного хозяйства. Иными словами, не изменения в экономике вынуждали реформировать банк, а банк нужно было реформировать, чтобы стимулировать изменения в экономике. Круг вопросов, рассмотренных в рамках реформы Государственного банка, протоколы заседаний комиссии и подкомиссии, материалы, подготовленные Особенной канцелярией по кредитной части для работы комиссии и Государственного совета, подтверждают эту точку зрения. В пользу этого предположения косвенно свидетельствует и выбор моделей для реформы Государственного банка, которыми стали Польский банк и шотландские банки.

С.Ю.Витте, назначенный 30 августа 1892 г. управляющим Министерством финансов, 21 сентября 1892 г. получил высочайшее соизволение на образование при Министерстве финансов комиссии по пересмотру устава банка. Этот шаг С.Ю.Витте, который на начальном этапе руководства Министерством финансов (то есть тогда, когда проводилась реорганизация банка) «имел лишь слабое представление о финансовой науке и практике»¹⁰, объясняется наличием у него проекта реорганизации банка, подготовленного его другом, профессором кафедры экономики и полицейского права Университета Св. Владимира А.Я.Антоновичем, который 25 мая 1893 г. стал товарищем министра финансов.

Еще в 1889 г. на страницах газеты А.Я.Антоновича «Киевское слово» в качестве примера для направления деятельности Государственного банка приводилась деятельность Польского банка¹¹. Последний был создан в 1828 г. по проекту князя Друцкого-Любецкого и отличался необычным разнообразием функций: был одновременно эмиссионным, ссудным, депозитным, ипотечным и промышленным. Все эти функции, по мнению А.Я.Антоновича, следовало бы выполнять и Государственному банку, иначе он так и оставался бы «тормозом в деле экономического развития страны»¹².

Похожую характеристику роли банка в экономике мы находим во всеподданнейшем докладе С.Ю.Витте от 21 сентября 1892 г., в котором необходимость пересмотра устава Государственного банка обосновывалась тем, что положение, в котором находится банк, «вызывает не только вздорожание, но и затруднение кредита и тем тормозит экономическое и промышленное развитие страны...»¹³.

Решение о создании комиссии привело к сбору и обработке в Министерстве финансов и Государственном банке необходимых для работы комиссии данных о деятельности и организации банка. В начале октября 1892 г. туда же стали поступать от лиц, приглашенных для участия в работе комиссии, как проекты нового устава банка, так и записки, посвященные отдельным вопросам его деятельности. Таким образом, кроме проекта А.Я.Антоновича существовало еще пять, но ни один из них не оказал сколько-нибудь заметного влияния на ход реформы, за исключением тех моментов, когда точки зрения их авторов совпадали с мнением либо А.Я.Антоновича, либо С.Ю.Витте или в чем-то дополняли их.

Обратимся к проекту А.Я.Антоновича, так как именно он лежал в основе и реформы Государственного банка, и работы комиссии. Почти все заседания комиссии, проходившие с 11 по 25 января 1893 г., начинались с объявления вопроса, стоявшего на повестке дня, и оглашения мнения А.Я.Антоновича по этому поводу (с которым, впрочем, все присутствующие были знакомы), и практически всегда ему удавалось провести свою точку зрения. В проект А.Я.Антоновича входили записка «О необходимости и задачах реформы Государственного банка» и два приложения к ней: «О банковской системе государственных касс»¹⁴ и «Устав Государственного банка»¹⁵ (226 статей).

Обосновывая необходимость реформы, А.Я.Антонович рассмотрел управление активами и пассивами банка и пришел к выводу,

что оно неудовлетворительно. При этом список претензий к банку был вполне традиционен. Цель реформы А.Я.Антонович видел в превращении банка в «архимедов рычаг» в руках государства для управления всей экономической жизнью страны и развития ее производительных сил¹⁶. В связи с этим приоритетными направлениями в деятельности банка должны были стать «оживление национальной промышленности и упрочение денежного обращения»¹⁷. Добиться развития национальной промышленности А.Я.Антонович предполагал посредством широкого кредитования последней (напрямую из Государственного банка и через посредников) через учет векселей с двумя подписями и соло-векселей, подтоварные ссуды и ссуды на приобретение товаров¹⁸, а также путем устройства долгосрочного (мелиоративного) кредита для производства капитальных улучшений в сельском хозяйстве, на фабриках и заводах. Обеспечением по выданным ссудам должны были служить как уже существующие ценности (недвижимое и движимое имущество, товары — причем все это могло оставаться в пользовании заемщика), так и ценности, на производство которых эти ссуды выдавались (т.н. «предметные ссуды»). Однако и в том, и в другом случае главным обеспечением и гарантией возврата ссуд должно было служить производительное использование полученных сумм¹⁹, что являлось серьезным отступлением от сложившейся в банковской сфере практики предоставления ссуд.

По проекту А.Я.Антоновича ссуды из Государственного банка предполагалось выдавать сельским хозяевам, фабрикантам, заводчикам, кустарям, ремесленникам, земствам, городам и сельским общинам, а также обществам и товариществам под их ответственность. Принимая во внимание, что проектировались и ссуды, единственным (либо основным) обеспечением которых было личное доверие к благонадежности заемщика (т.е. «личный» кредит, в отличие от «вещного»), администрация банка должна была либо очень хорошо знать своих заемщиков, либо иметь возможность собрать всю необходимую информацию, чтобы максимально обезопасить банк от рисков ложного выбора и недобросовестного поведения заемщиков. Такая постановка дела выдачи ссуд предполагала как организацию контроля со стороны банка за их употреблением, так и знание банковскими служащими местных экономических условий, чтобы оценить действительную потребность в кредите, а также избежать ошибок при выборе заемщиков. Все это требовало увеличения числа местных учреждений банка, чтобы поставить его в «непосредственную связь с производителями»²⁰.

Решением этой проблемы должно было стать, во-первых, введение нового типа местных учреждений банка — агентств, самых мелких филиалов банка, учреждаемых «в местечках и деревнях, особо важных в экономическом отношении, а также в случае надобности и в отдельных частях городов, для оживления местной промышленности»²¹. Кроме того, А.Я.Антонович, попытался перенести на российскую почву опыт Французского и Германского банков²², позаимствовав из их практики окружную систему подчинения мелких учреждений более крупным как в целях предоставления им большей

независимости от центрального управления, так и для того, чтобы освободить последнее от рассмотрения многих мелких вопросов. Таким образом, агентства должны были подчиняться отделениям, отделения — конторам, а конторы — центру.

Во-вторых, планировалось слияние банковских филиалов с губернскими и уездными кассами Государственного казначейства. Последняя мера увеличила бы не только число местных учреждений банка более чем на 600 единиц, но и его средства, вследствие объединения банковских и казначейских касс. Также она привела бы к ежегодной экономии примерно 6,5 млн руб. бюджетных средств, идущих на содержание казначейств, не говоря уже об увеличении поступлений в бюджет из прибылей банка, которые, как надеялся А.Я. Антонович, также должны были возрасти вследствие предполагаемого расширения операций банка и зоны его действий²³. Идеалом, к которому должен был стремиться Государственный банк в вопросах организации и функционирования филиалов, являлась деятельность шотландских банков, «учреждающих в каждой деревне, имеющей не менее 700 человек, свои отделения»²⁴.

В XIX в. шотландскую банковскую систему считали примером того, что могут сделать для страны банки. Для иллюстрации плодотворной деятельности шотландских банков в России обычно использовали следующую цитату из работы французского экономиста Курсель-Сеней «Банки, их устройство, операции и управление»: «Каждый раз, когда у них был избыток в капитале, они открывали новое отделение в самых скромных размерах. Директором посылался умный, деятельный приказчик испытанной честности и способностей, умеющий ценить полезные помещения и находить их для капиталов. Он был обязан узнавать и исследовать промышленные и земледельческие средства страны и ее жителей и способствовать развитию тех и других открытием кредита под залог недвижимостей и под поручительство. С помощью банка земледелец удобрял свою землю и улучшал свое состояние, соседи старались подражать ему, и вскоре новое отделение банка, сперва не оплачивающее своих расходов, уже приносило барыши, находило около себя капиталы и одновременно вводило в использование текущие счета и бумажные деньги. Под этим-то могущественным влиянием своих банков Шотландия переменяла свой вид, почти даже почву и ее удобрения, и, можно сказать, переработанная земля сделалась одной из плодороднейших и наилучше возделанных на свете»²⁵.

А.Я. Антонович рассчитывал, что в России новые (и старые) филиалы Государственного банка будут действовать таким же образом и, более того, принесут пользу не только сельскому хозяйству, но и промышленности.

Такая система (Государственный банк с более чем 700 филиалами²⁶, которые должны были стать самостоятельнее после введения окружной системы и действовать наподобие отделений шотландских банков) должна была, по мнению А.Я. Антоновича, стать более эффективной и активно содействовать развитию сельского хозяйства, промышленности и торговли. Однако подобные ожидания не соот-

носились с российской действительностью. Выделим только три момента, демонстрирующих, почему функционирование этой системы не могло дать того, что от нее ждал автор.

Во-первых, А.Я.Антонович упустил из вида существенные различия между шотландской и российской банковскими системами. Так, в Шотландии действовали акционерные эмиссионные банки — на 1887 г. их было 10 с 949 отделениями — и систему отделений они начали осваивать с момента возникновения первого из них (1695 г.). Эти банки действовали в условиях острой конкуренции, что и побуждало их активно искать новые источники доходов и способствовало территориальной экспансии, что, в свою очередь, вело к вовлечению все большего и большего числа людей в активное пользование банковскими услугами. А.Я.Антонович предполагал, что в России на таких началах сможет функционировать сугубо государственное учреждение бюрократического характера, и это при том, что задачей Государственного банка являлась не конкуренция с частным банковским сектором, а его всесторонняя поддержка.

Во-вторых, А.Я.Антонович проигнорировал очень важный вопрос — вопрос кадров. Шотландия была одной из первых стран, где осознали важность экономического образования для банковских служащих всех уровней. Это привело к возникновению специализированного банковского института (частная инициатива, без поддержки правительства), и в 80-е гг. XIX в. ни в Шотландии, ни в Англии нельзя было устроиться в банк, «не выдержав предварительно экзамена»²⁷. В России ситуация с квалифицированными кадрами была иной. Так, в 1894 г. при приеме на службу в Государственный банк кассиров, их помощников и канцелярских чиновников «образовательный ценз в соображение не принимался», а из остальных служащих высшее образование было у 12,5%, специальное — у 12,8%, среднее — у 19,2%, ниже среднего — у 55,5%²⁸. Ожидать от таких служащих действий, а главное — результатов, подобных шотландским, не приходилось. Вряд ли самостоятельные действия не очень образованных и компетентных людей могли принести банку и государству те прибыль и пользу, на которые так надеялся А.Я.Антонович.

В-третьих, исполнение служащими своих обязанностей всегда было слабым местом в деятельности Государственного банка. Так, на отрезку хотя бы одного купона от ценных бумаг, помещенных во вклады на хранение в Государственный банк, требовалось минимум 3 часа, в то время как в любой банкирской конторе или частном банке — не более 15 минут²⁹. Учетная операция — основной источник краткосрочного кредита для промышленности и торговли — занимала минимум 3 дня, а в частных банках — 1. Для того чтобы получить деньги по чеку в частном банке, нужно было 5 минут или 15 при значительном скоплении клиентов, а в Государственном банке на это уходило как минимум час³⁰. Опыт возглавлявшего в 1887—1889 гг. Московскую контору банка И.И.Билибина указывал на то, что при изменении порядка обслуживания клиентов можно было добиться увеличения оборота по операциям и, как следствие, роста прибыли³¹.

Будучи назначенным управляющим Московской конторой Государственного банка в 1887 г., И.И.Билибин нашел, что «публика удовлетворялась там очень тяжело, но это не зависело вовсе от действия известных правил, а главным образом, от отношения служащих к публике и лежавшим на них обязанностям. Так, например, служащие очень мало заботились о том, чтобы поскорее отпустить клиентов, и при совершении всяких операций одновременно совершали по книгам все необходимые записи, заставляя остальную публику дожидаться окончания этой работы. Вообще все служащие относились к своим обязанностям совершенно формально и считали главным своим долгом отсидеть в присутствии известное число часов». И.И.Билибин изменил этот порядок и стал требовать, чтобы сначала обслуживали клиентов, а затем уже «разносили по книгам записи»³². В результате клиенты стали обслуживаться быстрее, чем в некоторых частных банках, и обороты и прибыли Московской конторы значительно увеличились, однако с уходом И.И.Билибина возродилась старая практика, и в движении прибылей и оборотов наметился обратный процесс. Ни в проекте А.Я.Антоновича, ни на заседаниях комиссии предложение о проведении мер, подобных инициативам И.И.Билибина, не прозвучало. Более того, после введения нового устава материальное положение служащих должно было стать хуже, так как отменялись надбавки за соло-вексельную и учетную операции³³. Таким образом, если и раньше отмечалось, что служащие Государственного банка были не заинтересованы в развитии операций, видя в этом увеличение объема работ, то мы вправе предположить, что после снижения оплаты они вряд ли проявили бы больше инициативы.

Пожалуй, самой важной составляющей в концепции реформы Государственного банка для А.Я.Антоновича являлось предоставление банку права выпускать банковские билеты по аналогии с центральными банками стран Западной Европы. По мнению А.Я.Антоновича, основные изменения должны были затронуть положения устава, касающиеся средств банка. Он полагал, что операции Государственного банка так слабо развиваются главным образом потому, что банку не хватает средств, а средств ему не хватает потому, что в стране недостаточное количество денег в обращении и, чтобы привлечь хоть какие-то суммы, банк вынужден платить высокие проценты по вкладам, что, в свою очередь, приводит к более высокой, по сравнению с Западной Европой, ставке учетно-ссудного процента. Правда, в своем проекте А.Я.Антонович высказывался за сохранение уплаты процентов, даже несмотря на то, что центральные банки стран Западной Европы процентов по вкладам не платили, так как население привыкло нести свои сбережения в Государственный банк. Снизить учетный процент А.Я.Антонович полагал путем принятия закона, согласно которому процент по вкладам в частных кредитных учреждениях не должен был превышать процент, платимый Государственным банком, больше, чем на 1%, то же касалось и процента по ссудам. Кроме того, предполагалось обязать все частные кредитные учреждения держать на беспроцентном текущем счету в

Государственном банке всю свою наличную кассу, «превосходящую определенный небольшой размер»³⁴. А.Я.Антонович связывал дешевизну ссудных капиталов с тем, что центральные банки Западной Европы обладали правом выпуска банковских билетов, и верил в то, что «предоставление Государственному банку права выпуска банковских билетов должно также сопровождаться удешевлением ссудных капиталов, удешевлением и облегчением производства, усилением сбыта и вывоза, а следовательно, и возвышением курса»³⁵.

Считая банковские билеты, разменные на звонкую монету, лучшей формой денежного обращения, т.к. оно отличается большей эластичностью по сравнению с основанным исключительно на металле³⁶, А.Я.Антонович надеялся, что предоставление Государственному банку права выпуска банковских билетов, которые будут затрачиваться «производительно», «упрочит» ценность бумажных денег и приведет к восстановлению в России металлического обращения³⁷. Билеты предполагалось выпускать достоинством в 10, 25, 50 и 100 руб. В данном случае также имеет место заимствование ограничения на выпуск банкнот мелкого достоинства из эмиссионных правил центральных банков Западной Европы³⁸, где оно имело целью обеспечить более частое предъявление банкнот к размену, что должно было препятствовать сверхэмиссии. Далее, А.Я.Антонович предлагал увеличить основной капитал Государственного банка с 25 до 100 млн руб., чтобы, исходя из отношения капиталов к обязательствам 1:10, банк мог выпустить в обращение, «смотря по состоянию рынка и по требованиям народной экономики», на 1 млрд руб. банковских билетов. Эти билеты, найдя для себя «полезную работу», способствовали бы восстановлению металлического денежного обращения³⁹.

Однако проектируемые А.Я.Антоновичем банковские билеты, которые Государственный банк должен был выпускать для своих краткосрочных операций, имели существенное отличие от зарубежных аналогов: они должны были размениваться на государственные кредитные билеты (бумажные деньги), а не на золото или серебро⁴⁰.

Такой подход к вопросам денежного обращения, на наш взгляд, объясняется приверженностью А.Я.Антоновича взглядам «банковской школы», а точнее — перенесением ее основных идей, рассчитанных на функционирование в системе золотого стандарта, на российскую почву с существующим бумажноденежным обращением. Так, А.Я.Антонович основывал предложение о выпуске Государственным банком банковских билетов на «доктрине реальных векселей», оставив ее практически без изменений. Внести существенные коррективы в действие «закона автоматического оттока» ему, вероятно, позволило то, что он, вслед за В.П.Безобразовым, считал металлическое обеспечение банковских билетов второстепенным, а основным — кредитные сделки, по которым билеты выпускались в обращение. Следовательно, чем качественнее кредитный портфель банка, тем лучше обеспечены его билеты, а «размена может не быть вовсе»⁴¹. Однако в условиях господства в мире золотого стандарта именно размену банкнот на золото придавалось первостепенное значение.

В качестве примеров стран, в которых параллельно находились в обращении и государственные бумажные деньги, и банковские билеты, А.Я.Антонович приводил Польшу и Австрию. Действительно, Польскому банку в течение 1828—1870 гг. было предоставлено право для своих операций выпускать банковские билеты, которые не являлись, в отличие от серебряной монеты, законным платежным средством, а также кассовые билеты казначейства, но А.Я.Антонович не принял во внимание того, что и те, и другие банк обязан был разменивать и разменивал на серебряную монету по предъявлению. Размен польских банковских билетов продолжался и после прекращения размена российских государственных кредитных билетов в 1854 г.⁴²

Что касается Австрии, которую называли «бумажноденежной Калифорнией», то предоставление Австрийскому национальному банку в 1816 г. права выпуска банкнот, разменных на серебро, было вызвано желанием правительства извлечь с их помощью из обращения государственные бумажные деньги. Так как А.Я.Антонович преследовал и такую цель (вытеснение банкнотами государственных кредитных билетов)⁴³, ему следовало бы принять во внимание, что банк так и не справился с этой задачей и на 1892 г. в Австро-Венгрии в обращении находились, кроме краткосрочных обязательств казначейства, как банкноты, так и государственные бумажные деньги, причем и те, и другие не разменивались на металл, а только друг на друга. Кроме того, в августе 1892 г. Австро-Венгрия объявила о начале денежной реформы, целью которой был переход к золотой валюте⁴⁴. Таким образом, ни пример Польши, ни пример Австрии не могли свидетельствовать в пользу предоставления Государственному банку права выпуска банковских билетов, разменных на государственные кредитные билеты.

Что касается остальных пяти проектов и записок, посвященных вопросам реорганизации Государственного банка, то авторы четырех из них участвовали в заседаниях комиссии 11—25 января 1893 г. и могли отстаивать свою точку зрения в случае несогласия с выбранным финансовым ведомством направлением реформы. Это были: члены Совета министра финансов Н.А.Новосельский⁴⁵ и В.Н.Охотников⁴⁶, товарищ управляющего Государственным банком И.С.Ивашенко⁴⁷ и член совета Варшавского коммерческого банка Н.К.Флиге⁴⁸. Однако несогласия с основным проявлением нового курса в рамках реформы Государственного банка, а именно с активным использованием банка для кредитования национальной промышленности, не было. При этом также предполагалось сделать акцент на производительном использовании получаемых из Государственного банка сумм, с тем только отличием от теории «предметного кредита» А.Я.Антоновича, что пользование любой формой кредита, за исключением учета векселей с двумя подписями, должно было сопровождаться предоставлением обеспечения (недвижимость, товары, ценные бумаги и т.п.)⁴⁹. Также авторы (за исключением И.С.Ивашенко) предлагали открыть в Государственном банке, учреждении краткосрочного кредита, выступающем в качестве кредитора последней инстанции, долгосрочный (мелиоративный) кредит на срок до 10 лет⁵⁰. Видимо, они, как и

А.Я.Антонович, полагали, что необходимость соответствия пассивов банка (а это были в основном текущие счета и бессрочные вклады) его активам — это то, чему можно не придавать большого значения⁵¹.

Ввиду предполагаемого расширения активных операций Государственного банка, авторы записок и проектов не могли не остановиться на вопросах, касающихся средств банка. Так, Н.А.Новосельский, В.Н.Охотников и Н.К.Флиге выступили за слияние филиалов банка с кассами Государственного казначейства, увеличение основного капитала банка и сохранение за ним права приема платных вкладов⁵². Далее Н.А.Новосельский и В.Н.Охотников высказались на предмет предоставления Государственному банку права выпуска банковских билетов. При этом Н.А.Новосельский высказался «за», а В.Н.Охотников — «против». Н.А.Новосельский разделял точку зрения А.Я.Антоновича о возможности выпуска Государственным банком беспроцентных оборотных банковских билетов (считая их при этом даровыми и приносящими банку доход средствами) под его учетный и ссудный портфель по мере потребностей торгово-промышленного оборота, что должно было, по мнению Н.А.Новосельского, привести к скоплению в банке «значительной денежной наличности к услугам правительства»⁵³. В.Н.Охотников, напротив, полагал, что банковские билеты будут «по меньшей мере бесполезными, а иногда даже и вредными», вне зависимости от обеспечения их выпуска золотом либо учетным портфелем, т.к. при наделении их всеми правами государственных кредитных билетов и при условии размена их на государственные кредитные билеты банковские билеты ничем не будут отличаться от кредитных. Для предоставления Государственному банку необходимых средств при оживлении оборотов В.Н.Охотников предлагал и дальше пользоваться временными выпусками кредитных билетов под обеспечение рубль за рубль золотом, принадлежащим Государственному банку или Государственному казначейству, и с последующим уничтожением этих билетов, когда сокращение денежного обращения будет признано возможным⁵⁴.

И.С.Ивашенко также считал возможным увеличить средства банка путем временных выпусков кредитных билетов под золото, ввиду значительных затрат банка на приобретение золота (которое до восстановления размена лежало в нем мертвым грузом), повлекших за собой сокращение объема учетно-ссудной операции⁵⁵.

Что касается пятого проекта, то «Записка о Государственном банке» В.Т.Судейкина⁵⁶ отражает основные положения его книги «Государственный банк: Исследование его устройства, экономического и финансового значения», вышедшей в 1891 г. в Санкт-Петербурге. В своих предложениях по реорганизации Государственного банка В.Т.Судейкин исходил из его принадлежности к типу центральных банков и ориентировался в этом вопросе на реалии Западной Европы. Так, он делил задачи, стоящие перед Государственным банком, на народнохозяйственные и финансовые.

Первые заключались в следующем:

«1. Государственный банк должен регулировать денежное и кредитное обращение страны и, в качестве центрального банка, обязан

заведовать эмиссионной операцией — выпусками кредитных билетов или банковских нот, в соответствии с установленными уставом правилами;

2. Банк является коммерческим учреждением, не только оказывающим кредит частным лицам и учреждениям, но и является банком для банков, то есть поддерживает их в периоды кризиса.

Финансовые задачи:

1. Государственный банк совершает прием сумм, поступающих в уплату государственных налогов, поступлений по займам, производит выдачу сумм, и

2. Оказывает ссуды Государственному казначейству»⁵⁷.

Подход В.Т.Судейкина к оценке деятельности Государственного банка основывался на ее сравнении с деятельностью центральных банков стран Западной Европы, и предлагаемые им изменения были направлены на организацию функционирования Государственного банка на схожих началах⁵⁸. При этом В.Т.Судейкин, неоднократно указывающий на различные экономические условия, в которых действовали банки, и на различное отношение к банкам и пользованию кредитом среди населения рассматриваемых стран, был уверен в том, что основная причина отставания Государственного банка — «несовершенство его организации и законодательства»⁵⁹.

Таким образом, если принять во внимание ориентацию В.Т.Судейкина на европейские опыт и реальность, станут понятными его мнение о желательности лишить Государственный банк права приема платных вкладов (центральные банки стран Западной Европы их не принимали)⁶⁰, отсутствие с его стороны предложений по организации в Государственном банке промышленного кредита (центральные банки — учреждения краткосрочного кредита)⁶¹, его предложения о выпуске Государственным банком банкнот (центральные банки — эмиссионные учреждения). Банкноты В.Т.Судейкин, как и А.Я.Антонович, предлагал выпускать под обеспечение векселями и разменивать на государственные кредитные билеты. Банкноты должны были быть срочными и выпускаться для нужд торговли — для того, чтобы не прибегать к выпуску кредитных билетов⁶². Правда, В.Т.Судейкин не рассчитывал таким способом прийти к восстановлению металлического денежного обращения, а стремился придать эластичность существовавшему бумажноденежному. Из мер, также заимствованных им из опыта Западной Европы, для регулирования денежного обращения важной являлось предложение об открытии при Государственном банке (в Санкт-Петербурге и Москве) расчетных палат, что могло бы существенно снизить спрос на наличные деньги⁶³.

Следующим этапом реформы стало обсуждение «основных начал» в комиссии по пересмотру устава Государственного банка. В рамках первой сессии 11—25 января 1893 г. было проведено 7 заседаний комиссии под председательством министра финансов С.Ю.Витте и 8 заседаний подкомиссии под председательством товарища министра финансов А.П.Ивашенко. В рамках второй сессии для обсуждения составленного и одобренного Министерством финансов

проекта устава было проведено 2 заседания — 26 и 29 октября 1893 г. Рассматривая работу комиссии, мы, главным образом, остановимся на обращении реформаторов к европейскому опыту.

Тон работе комиссии задавала вступительная речь С. Ю. Витте, из которой следовало, что, во-первых, «кредит есть основа всякой промышленности» и необходимое дополнение к проводимой Министерством финансов политике протекционизма. Во-вторых, кредит должен способствовать постепенному приближению ценности кредитного рубля к ценности металла, что позволило бы восстановить обмен «естественным путем». В-третьих, С. Ю. Витте признавал тот факт, что казна готова понести потери, которые могут последовать от расширения Государственным банком кредита, предполагая, что они будут позже в избытке покрыты ростом государственных поступлений от «развитых» с помощью этого кредита промышленности и торговли⁶⁴.

Таким образом, именно вопросы, связанные с организацией промышленного кредита в Государственном банке, стали для комиссии приоритетными, что предопределило обращение к опыту Польского банка, т.к. в его уставе было прописано кредитование промышленности не только посредством учета краткосрочных векселей⁶⁵.

Внося предложение о введении в устав в целях поддержки отечественных машиностроительных заводов ссуд на покупку сельскохозяйственных машин — операции, которая после преобразования Польского банка производилась Варшавской конторой Государственного банка, реформаторы ссылались именно на опыт первого⁶⁶, в то время как в качестве перспективы развития этой операции в Государственном банке их должен был бы больше интересовать опыт последней.

Действительно, деятельность Польского банка в этом направлении принесла несомненную пользу как фабрично-заводской промышленности края, так и сельскому хозяйству. За время с 1835 по 1886 г. банком было выдано по этой операции 5541305 руб., (90—150 тыс. руб. в год), и 90% ссуд составляли мелкие — до 400 руб. Ссуды выдавались в полной стоимости приобретаемого инвентаря на 4—6 лет из 6% годовых, причем для ссуд размером до 400 руб. не нужно было оформлять закладную на приобретаемый инвентарь, а также не требовалось никаких обеспечений (кроме самого инвентаря). Деньги из банка выдавались на руки продавцу. На момент ликвидации Польского банка — к 1 января 1886 г. — оставалось невозвращенными 307294 руб. 65 коп., из которых пришлось списать 6554 руб. 7 коп., а вся остальная задолженность была погашена⁶⁷.

С переходом дела в руки Государственного банка судьба этого вида кредита кардинально изменилась. Те условия, на которых Польский банк с пользой для себя (прибыль — 820549 руб.) и народного хозяйства в течение 50 лет выдавал ссуды на приобретение земледельческих машин и орудий, показали Варшавской конторе «не гарантирующими Государственный банк от убытка». Чтобы обезопасить банк от возможных убытков, с 1888 г. было решено также и с желающих получить ссуду размером до 400 руб. (а таких по-прежнему было 90%)

требовать закладную. Исполнение этого постановления делало операцию дорогой и хлопотной для заемщиков, а значит, и менее привлекательной, что сразу же отразилось на ее объемах. Если в 1888 г. было выдано 87000 руб., то в 1889 г. — только 5387 руб.

Но и эта мера, видимо, показалась Варшавской конторе недостаточной, и в 1889 г. ее управляющий обратился в правление Государственного банка с просьбой о закрытии данной операции. Правление согласилось, а министр финансов — нет. Тем не менее сведение выдач по этой операции в 1890—1893 гг. до 4—4,5 тыс. руб. в год означало ее фактическое закрытие⁶⁸. Свертыванию операции немало способствовало и другое требование Варшавской конторы — обязательность осмотра приобретенной землевладельцем машины начальником уезда на месте. Расходы на поездки начальников (которые, впрочем, не изъявили желания заниматься подобным осмотром) также должны были лечь на потенциальных заемщиков.

Нам представляется, что этот пример является хорошей иллюстрацией как возможности Государственного банка работать с мелкими клиентами⁶⁹, выдавая им кредиты на основе личного доверия, так и способности (и желания?) развивать операции, несвойственные крупному банку.

Проектируемое расширение круга активных операций Государственного банка необходимо было обеспечить соответствующим увеличением ресурсов. Причин ожидать внезапного возрастания масштабов вкладной операции не наблюдалось. Основной капитал комиссия единогласно решила увеличить, но даже максимальная из предложенных цифр — до 100 млн руб.⁷⁰ — с учетом того, что это увеличение должно было идти постепенно, не могла решить вопроса об обеспечении Государственного банка средствами для столь широкого кредитования народного хозяйства, каким было планируемое новым главой финансового ведомства.

Выход виделся в рассмотренном нами ранее предложении А.Я.Антоновича предоставить Государственному банку право выпуска банковских билетов по примеру центральных банков стран Западной Европы⁷¹.

Нам сложно объяснить, чем была вызвана популярность среди членов комиссии предложения, внесенного А.Я.Антоновичем⁷², ведь настолько очевидным представляется тот факт, что проектируемые банкноты, разменные на кредитные билеты, выпускаемые под одинаковое обеспечение и по одним и тем же операциям, ничем друг от друга не отличаются и что выпуск этих денежных знаков не только не мог способствовать «естественному восстановлению размена», но отдалял этот момент, увеличивая количество бумажных денег в обращении при том же размере разменного фонда, а ближайшим следствием их выпуска должно было стать дальнейшее падение курса кредитного рубля⁷³.

Тем не менее относительно идеи выпуска банковских билетов подкомиссия в январе 1893 г. пришла к следующему заключению:

«1. Правлению Государственного банка, с утверждения министра финансов, предоставляется выпускать беспроцентные банкноты,

разменные по предъявлению на кредитные билеты, исключительно для выдачи по учету и переучету векселей с двумя подписями.

2. Банкноты выпускаются достоинством в 25 р., 50 р., 100 р., 250 р., 500 р. и 1000 р., в размере итога принятых к учету и переучету векселей с двумя подписями, но не свыше пятикратного размера основного капитала.

3. На каждую возвращенную в банк и им оплаченную банкноту налагается штампель "погашена", и затем банкноты эти уничтожаются порядком, для уничтожения кредитных билетов установленным»⁷⁴.

Это мнение было передано комиссии и дальнейшему обсуждению в ней не подвергалось.

«Предметность» кредитов, которые должен был предоставлять Государственный банк после реформы, требовала тщательной экспертизы потенциальных заемщиков и контроля над использованием ссуд и, следовательно, должна была сопровождаться расширением сети филиалов⁷⁵. Однако открытие Государственным банком собственных провинциальных учреждений оказалось не единственным способом увеличить их число. Новый способ выявился в ходе рассмотрения внесенного А.Я.Антоновичем предложения о передаче Государственному банку и его филиалам, по примеру Английского и Бельгийского банков, казначейских функций, что должно было привести к упразднению казначейств и, соответственно, экономии государственных средств.

Английский и Бельгийский банки и их филиалы⁷⁶ исполняли функции по «сбору государственных доходов, хранению казенных сумм и удовлетворению требований кредиторов казны»⁷⁷. Однако Бельгийский банк, в отличие от Английского, не только принимал суммы государственных доходов, но и собирал их через особых сборщиков. В России предполагалось использовать именно бельгийскую систему, возложив функции по сбору государственных доходов на агентства Государственного банка, которые планировалось создать в ходе его реформы⁷⁸. В комиссии при рассмотрении вопроса о слиянии казначейских касс с банковскими (в целях увеличения оборотных средств Государственного банка и замены наличных расчетов безналичными), которое должно было сопровождаться закрытием казначейств и открытием при банковских филиалах специальных казначейских отделов, по инициативе представителей Департамента Государственного казначейства возник проект о поручении казначействам исполнения банковских операций (в целях увеличения числа филиалов Государственного банка), что далеко не тождественно передаче банковскому учреждению казначейских обязанностей⁷⁹ (круг банковских операций, порученных казначействам, должен был быть, по необходимости, уже).

Большинством членов комиссии было поддержано предложение А.Я.Антоновича о заимствовании окружной системы для более эффективного управления филиалами.

На основе высказанных на заседаниях комиссии в январе суждений, постольку поскольку они соответствовали направлению политики финансового ведомства, подкомиссия под председа-

тельством А.Я.Антоновича летом 1893 г. выработала проект устава Государственного банка. Этот проект был рассмотрен во время второй сессии комиссии, которая состоялась в октябре 1893 г. Высказанные замечания касались, главным образом, изменений статей проекта устава в редакционном отношении.

Предложение о предоставлении Государственному банку права эмиссии претерпело значительные изменения с января месяца и в проект устава, обсуждаемый комиссией в октябре, вошло в следующем виде: «Банку предоставляется при учете векселей выдавать вместо наличных денег процентные на себя обязательства, сроком не более 4-х месяцев. Размер уплачиваемых по сим обязательствам процентов определяется министром финансов по представлению совета. Обязательства выпускаются достоинством не ниже 250 р. Количество таких обязательств не должно превышать двойного размера основного капитала банка». Таким образом, к осени 1893 г. С.Ю.Витте признал предоставление Государственному банку права выпуска бессрочных и беспроцентных обязательств преждевременным. Однако совсем от мысли о выпуске суррогатов денежных знаков не отказался. Против срочных и процентных обязательств Государственного банка выступил А.Я.Антонович, так как, по его мнению, они могли выпускаться только в совокупности с бессрочными и беспроцентными (то есть банковскими билетами)⁸⁰. Тем не менее взгляды С.Ю.Витте на вопросы денежного обращения претерпели определенные изменения, и в декабре 1893 г. в официальном органе Министерства финансов появилась статья «Существует ли в России недостаток в деньгах?», в которой этот вопрос решался отрицательно⁸¹.

Подобное решение вопроса о банковских билетах имело для Государственного банка то последствие, что он оставался при прежних средствах, на которые, однако, должен был производить гораздо более широкий круг операций, что само по себе ставило под сомнение возможность сколько-нибудь полного применения нового устава на практике⁸².

В ноябре 1893 г. окончательный вариант устава был подан в Государственный совет, и 6 июня 1894 г. устав Государственного банка был высочайше утвержден.

Основные изменения коснулись коммерческих операций. Хотя устав 1860 г. являлся «сколком» с уставов центральных банков Западной Европы⁸³ и содержал стандартный для крупного банка XIX в. набор операций, его рамки оказались узкими для планов министра финансов С.Ю.Витте и его основного, на момент реформы, советника по экономическим вопросам А.Я.Антоновича. Созданная в результате реформы структура банка и расширение круга его операций отражали позицию Министерства финансов, заключавшуюся в убеждении, что «снабжение населения кредитом не может быть достигнуто не только в полной мере, но даже и в сколько-нибудь значительной степени через посредство частных кредитных учреждений»⁸⁴. Такой подход предопределил попытку организовать широкое кредитование народного хозяйства непосредственно из Государственного банка, что привело к включению в его устав ряда долгосрочных, по

существованию, операций для снабжения оборотными средствами сельского хозяйства и фабрично-заводской промышленности, а также ремесленников и кустарей. Основным условием получения подобных ссуд из Государственного банка являлось производительное использование полученных сумм, что требовало от банка значительного числа агентов, способных контролировать заемщиков.

Стремление финансового ведомства добиться качественных сдвигов в экономике посредством кредита повлияло на выбор образцов для реорганизации Государственного банка: такими образцами стали Польский банк и шотландские банки. Однако заимствования как из их практики, так и из практики других эмиссионных банков Западной Европы носили отрывочный и поверхностный характер, а потому не могли дать планируемых реформаторами результатов.

Примечания

¹ Sherwood S. The New German Bank Law // The Quarterly Journal of Economics. 1900. Vol. 14. № 2. P. 270. По этому закону Прусский банк был преобразован в Германский имперский банк.

² Мигулин П.П. Наша банковая политика. Харьков, 1904. С. 253; Шванебах П.Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901. С. 42.

³ Шванебах П.Х. Указ. соч. С. 42.

⁴ Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 годы). М., 1960. С. 88—123.

⁵ Дело о составлении отчета Банка за 1891 с выписками из журналов Ревизионного комитета СГКУ по ревизии отчета // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 587. Оп. 56. Д. 488. Л. 30, 63об.

⁶ Например, см.: Судейкин В.Т. Государственный банк: Исследование его устройства, экономических и финансовых задач. СПб., 1891. С. XVI.

⁷ Например, см.: Петлин Н.С. Назначение, устройство и очерки деятельности Государственного банка. СПб., 1892. С. 34—35.

⁸ Например, см.: Биржевые ведомости. 1892. № 206. С. 2.

⁹ По вопросу о преобразовании Государственного банка // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1893. № 8. С. 457.

¹⁰ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 51. Похожую оценку знаний С.Ю.Витте можно встретить и у других современников — Жуковского Ю.Г. (см.: Жуковский Ю.Г. Деньги и банки. СПб., 1906. С. 170—171), Куломзина А.Н. и Рафаловича А. (см.: Ананьич Б.В. Россия и международный капитал. 1897—1914 гг. Л., 1970. С. 15). Сам С.Ю.Витте также впоследствии признавал, что им была сделана ошибка, заключающаяся в выборе А.Я.Антоновича в качестве советника по финансовым вопросам, что привело к включению в устав Государственного банка ряда положений, не согласующихся с денежной реформой 1895—1897 гг. (Витте С.Ю. Воспоминания. Таллинн; Москва, 1994. Т. II. С. 84).

¹¹ Киевское слово. 1889. № 599. С. 2; там же. № 750. С. 1.

¹² Там же. № 750. С. 1.

¹³ Всеподданнейшие докладные записки. Книга 2. 1892 // РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 304. Л. 122об.

¹⁴ Труды комиссии по пересмотру устава Государственного банка // Там же. Оп. 19. Д. 61. Л. 3—39об.

¹⁵ Устав Государственного банка. (Приложение 2-е к записке № 1) // Там же. Оп. 3. Д. 871. Л. 1—12.

¹⁶ Труды комиссии по пересмотру устава Государственного банка // Там же. Л. 30об.

¹⁷ Устав Государственного банка. (Приложение 2-е к записке № 1) // Там же. Л. 1.

¹⁸ Под товарами А.Я. Антонович понимал «все вообще материалы, орудия и машины производства», так как потребительскому кредиту Государственный банк, по его мнению, не должен был служить (Труды комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Л. 20об.).

¹⁹ Труды комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Л. 16—23об.; Устав Государственного банка. (Приложение 2-е к записке № 1). Л. 6—8.

²⁰ Труды комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Л. 30.

²¹ Устав Государственного банка. (Приложение 2-е к записке № 1). Л. 4об.

²² Материалы по истории банков: Английского, Французского, Германского, Австро-Венгерского, Шведского и Финляндского // РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 996. Л. 38, 46об.—47.

²³ Труды комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Л. 29—30об., 33об.—39об.

²⁴ Там же. Л. 30.

²⁵ Цит. по: Антонович А.Я. Курс политической экономии. Киев, 1886. С. 468—469.

²⁶ На 1892 г. у Государственного банка было 9 контор, 81 постоянное и 7 временных отделений. К ним предполагалось добавить 66 губернских и 580 уездных казначейств, а также открыть агентства.

²⁷ Судейкин В. Шотландские банки // Экономический журнал. 1886. № 11. С. 30.

²⁸ Об утверждении нового устава Государственного банка // РГИА. Ф. 1152. Он. 11. Д. 226-г. Л. 29об.

²⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1892. № 312. С. 3.

³⁰ Труды комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Л. 239об.

³¹ Нисселович Л.Н. К вопросу о преобразовании Государственного банка // Наблюдатель. 1893. № 9. С. 248.

³² Журнал Высочайше учрежденной комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Заседание 25 января 1893 г. Б.м., б.г. С. 28.

³³ Дело о введении в действие нового устава Государственного банка // РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 163. Л. 55.

³⁴ Труды комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Л. 8об.—12об.

³⁵ Там же. Л. 11об.

³⁶ «Банково-билетное обращение, основанное на монете, необходимо признать идеальным условием прочности в экономическом развитии страны, которое не может быть заменено никаким другим условием» (цит. по: Антонович А.Я. Теория бумажно-денежного обращения и государственные кредитные билеты. Киев, 1883. С. 88.).

- ³⁷ Труды комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Л. 12.
- ³⁸ Материалы по истории банков: Английского, Французского, Германского, Австро-Венгерского, Шведского и Финляндского. Л. 31об., 32, 39об., 40, 46, 59, 59об.
- ³⁹ Труды комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Л. 11—11об.
- ⁴⁰ Устав Государственного банка. (Приложение 2-е к записке № 1). Л. 4об.—5.
- ⁴¹ Безобразов В.П. О некоторых явлениях денежного обращения в России. М., 1864. С. 19—20; Антонович А.Я. Курс политической экономии. С. 467.
- ⁴² Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство финансов. Том X. Польский банк. 1867. С. 14—16, 122—128; Исторические сведения о Польском банке // Ежегодник Министерства финансов. Вып. IX. СПб., 1878. С. 183.
- ⁴³ Труды комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Л. 12.
- ⁴⁴ Материалы по истории банков: Английского, Французского, Германского, Австро-Венгерского, Шведского и Финляндского. Л. 54об., 59.
- ⁴⁵ Н.А.Новосельским были представлены «Объяснительная записка» и «Проект устава Государственного банка» (185 статей) (Труды комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Л. 51—63об.).
- ⁴⁶ В.Н.Охотниковым были представлены «Краткая записка о Государственном банке» и «Проект основных начал устава Государственного банка» (22 статьи) (там же. Л. 230—234.).
- ⁴⁷ Записка И.С.Ивашенко посвящена приобретению Государственным банком золота и, в некоторой степени, развитию его коммерческих операций (там же. Л. 74—78).
- ⁴⁸ Н.К.Флиге представил «Некоторые соображения относительно деятельности Государственного банка, и в особенности его контор и отделений» (там же. Л. 235—239об.).
- ⁴⁹ Труды комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Л. 57об., 59об., 76, 232, 235.
- ⁵⁰ Там же. Л. 59об., 232, 238.
- ⁵¹ Там же. Л. 348об.
- ⁵² Там же. Л. 51об.—53, 57, 230об., 233—234, 238об.—239об.
- ⁵³ Там же. Л. 51об., 53.
- ⁵⁴ Там же. Л. 231—231об.
- ⁵⁵ Там же. Л. 74—76.
- ⁵⁶ Там же. Л. 64—73.
- ⁵⁷ Там же. Л. 64.
- ⁵⁸ Такой подход резко отличался от подхода главного идеолога реформы — А.Я.Антоновича, который, оценивая деятельность зарубежных центральных банков, с недовольством отмечал, что она до последнего времени «состояла главным образом в учете векселей, в ссудах под залог золота и серебра, ценных бумаг и т.п.», и выражал надежду, что «может быть, произойдет перемена и они будут использовать банковые билеты непосредственно для оживления и организации предприятий» (Антонович А.Я. Теория бумажно-денежного обращения и государственные кредитные билеты. С. 98).
- ⁵⁹ Судейкин В.Т. Государственный банк: Исследование его устройства, экономического и финансового значения. СПб., 1891. С. 261, 262.

⁶⁰ Предоставить средства Государственному банку В.Т.Судейкин, как и другие авторы проектов, предлагал путем слияния касс Государственного казначейства с кассами банка.

⁶¹ Кроме того, для В.Т.Судейкина являлась аксиомой необходимость соответствия банковских активов пассивам.

⁶² Труды комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Л. 65—68.

⁶³ Там же. Л. 68.

Первая расчетная палата была открыта при Санкт-Петербургской конторе Государственного банка в 1898 г.

⁶⁴ Журнал Высочайше учрежденной комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Заседание 11 января 1893 г. Б.м., б.г. С. 3—5.

⁶⁵ Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство финансов. Том X. Польский банк. С. 12, 52, 92—98, 106—108.

Первоначально планировалось рассмотреть также возможность выдачи из Государственного банка долгосрочных ссуд на производство культурных улучшений в хозяйствах (мелиоративный кредит) или на возникновение новых предприятий, однако именно ввиду их долгосрочности С.Ю.Витте отказался от этой идеи.

⁶⁶ Журнал Высочайше учрежденной комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Заседание 11 января 1893 г. С. 32.

⁶⁷ Мнение представителей Государственного контроля по проекту устава Государственного банка по вопросу о ссудах // РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 872. Л. 21об.—26об.; Краткий очерк деятельности Польского банка за все время существования его с 1828 г. по 1886 г., а также деятельности Варшавской конторы Государственного банка по ликвидации дел б. Польского банка за время с 1-го января 1886 г. по 1-е января 1894 г. Варшава, 1894. С. 57—60.

⁶⁸ Мнение представителей Государственного контроля по проекту устава Государственного банка по вопросу о ссудах. Л. 21об.—26об.

⁶⁹ Кредитованию Государственным банком крестьян, кустарей, ремесленников и даже мелких торговцев С.Ю.Витте придавал государственное значение, проблема, по его мнению, заключалась только в том, как найти для такого кредита форму, применимую на практике. Хотя форма не находилась (представители Государственного банка — Ю.Г.Жуковский, П.Х.Шванебах, И.С.Ивашенко — затруднились назвать что-то определенное), С.Ю.Витте считал важным, чтобы, например, в устав «была введена мысль, что Государственный банк должен всеми силами содействовать кустарному кредиту, где в нем встречается потребность» (Журнал Высочайше учрежденной комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Заседание 16 января 1893 г. Б.м., б.г. С. 29, 16; то же. Заседание 13 января 1893 г. С. 35).

⁷⁰ То есть на 75 млн руб., так как основной капитал банка уже составлял 25 млн руб.

⁷¹ «Средства для расширения промышленного кредита предполагается найти не во вкладах, а в специальных выпусках банкнот» (Журнал Высочайше учрежденной комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Заседание 18 января 1893 г. Б.м., б.г. С. 30).

⁷² Журнал Высочайше учрежденной комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Заседание 18 января 1893 г. С. 1—32; то же. Заседание 20 января 1893 г. С. 1—22.

Против выпуска банкнот выступили П.Х.Шванебах, Е.И.Ламанский, Ю.Г.Жуковский, С.И.Тимашев, Н.К.Флиге и И.И.Билибин. Все они выска-

зывались за сохранение существовавшего порядка — временные выпуски кредитных билетов под обеспечение золотом рубль за рубль, с последующим их уничтожением по мере накопления в кассах банка. Что касается тех, кто высказался «за», то, вероятно, они, как и А.Я.Антонович, разделяли идею «банковской школы», а значит, придерживались доктрины целевых кредитов (*real bills doctrine*). Возможно, они исходили из того, что так как Государственный банк принадлежит к типу центральных банков, то у него должно быть право выпускать банкноты, поскольку это право есть у центральных банков стран Западной Европы. Возможно, они недостаточно хорошо разбирались в механизмах денежного обращения. Возможно, они поддерживали идею выпуска банкнот просто потому, что ее поддерживал новый министр финансов.

⁷³ Как только стали известны предлагаемые условия выпуска банковских билетов, в газетах появились статьи, осуждающие проекты «чуть ли не беспредельных выпусков кредитных билетов для оказания кредита на производительные цели», «веру в силу типографского станка» как источника капиталов для промышленности, статьи, показывающие, что проектируемые банкноты есть не что иное, как кредитные билеты, выпущенные под другим названием (Санкт-Петербургские ведомости. 1893. № 283. С. 1; № 330. С. 1; Биржевые ведомости. 1892. № 358. С. 1; 1893. № 5. С. 1; Киевлянин. 1892. № 301. С. 1; № 303. С. 1; 1893. № 58. С. 1—2; Новое время. 1893. № 6060. С. 1—2; Русская жизнь. 1892. № 299. С. 1). Единственной столичной газетой, поддержавшей идею выпуска банковских билетов, основываясь на тех же соображениях, что и А.Я.Антонович, являлась газета «Гражданин» (Гражданин. 1893. № 19. С. 1).

⁷⁴ Мнение представителей Государственного контроля и устав банка 1894 года // РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 3. Л. 60б.

⁷⁵ Напомним, что А.Я.Антонович предложил открывать агентства, которые функционировали бы наподобие отделений шотландских банков. Газеты отмечали наличие «моды» на шотландскую банковскую систему, как, впрочем, и почти фанатичную веру в волшебную силу кредита, особенно мелиоративного и промышленного, разделяемую и «практическими деятелями» (Русские ведомости. 1893. № 20. С. 1; Санкт-Петербургские ведомости. 1893. № 283. С. 1). Правда, для концепции А.Я.Антоновича и то и другое стало характерным лет на десять раньше (см.: Антонович А.Я. Теория бумажно-денежного обращения и государственные кредитные билеты. С. 96—97; он же. Курс политической экономии. С. 473—475).

⁷⁶ В 1893 г. у Английского банка было 9 филиалов, у Бельгийского — 45. Кроме того, Бельгийский банк не только принимал поступающие государственные доходы, но и собирал их через специальных сборщиков.

⁷⁷ Труды комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Л. 32.

⁷⁸ Там же. Л. 32—38об.

⁷⁹ Журнал Высочайше учрежденной комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Заседание 20 января 1893 г. Б.м., б.г. С. 24—39; там же. Журнал подкомиссии. Заседание 22 и 23 января 1893 г. С. 21—27.

⁸⁰ То же. Заседание 29 октября 1893 г. С. 35—36.

⁸¹ Существует ли в России недостаток в деньгах? // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1893. № 51. С. 650—652.

⁸² См. также: Шванебах П.Х. Указ. соч. С. 45.

⁸³ Там же. С. 42.

⁸⁴ Мнение тайного советника Ламанского по поводу проекта нового устава банка и объяснения Министерства финансов // Материал по реформе Государственного банка 1894. Б.м., б.г. С. 7.

Российское общество и фондовая биржа во второй половине XIX — начале XX в.**

Век акций, рент и облигаций...

А. Блок, Возмездие

Первая официальная биржа в России была учреждена Петром I в Петербурге почти одновременно с основанием новой столицы. Такие же биржи он предполагал организовать и в других крупных купеческих городах страны, но в течение почти всего XVIII столетия Петербургская биржа оставалась единственной в России. Второй российской биржей стала биржа в Архангельске, учрежденная в 1789 г. Не ранее 1796 г. появляется третья биржа — в Одессе, и не ранее 1816 г. — четвертая — в Варшаве. Пятой по счету была биржа в Москве, получившая в 1837 г. «Правила для биржевого комитета». В 1842 г. учреждается Рыбинская и в 1848 г. — Нижегородская ярмарочная биржа. Если в 1850-х гг. не открылось ни одной биржи, то в 1860-х гг., с которых и начинается широкое распространение бирж в России, открывается сразу 8: Иркутская, Киевская, Тульская, Казанская, Рижская, Ростовская-на-Дону, Харьковская и Самарская биржи. В 1870-х гг. открылось 5 бирж: Астраханская, Саратовская, Ревельская, Перновская и Орловская. В 1880—1890-е гг. в России появилось еще 11 бирж: Либавская, Нижегородская (постоянная), Бакинская, Елецкая, Таганрогская, Калашниковская хлебная в Петербурге, Московская хлебная, Воронежская хлебная, Лодзинская, Елизаветградская хлебная, Царицынская. С 1900 по 1914 г. количество бирж увеличилось еще на 74.

До середины XIX столетия все российские биржи оставались исключительно товарными. На них совершались в основном сделки по покупке и продаже товаров, страхованию судов, и реже, в связи с товарными операциями, заключались сделки с векселями и иностранной валютой. Биржевые собрания посещали лица, принадлежавшие к купеческому сословию. Особо следует отметить, что значительную часть участников торгов составляли лица иностранного происхождения. Устройство биржи в России XVIII — первой половины XIX в.

* Лизунов Павел Владимирович — доктор исторических наук (Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск).

** Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 05-01-01140.

можно определить как замкнутую купеческую корпорацию или институт маклеров.

Лишь со второй половины XIX в. сначала на Петербургской бирже, а затем и на других биржах страны стали происходить значительные изменения. Кроме возрастания оборотов с товарами, увеличения количества и объемов сделок фрахтовых, вексельных и валютных, новым явлением стали сделки с государственными и частными ценными бумагами. Появилась возможность для более выгодного помещения денег помимо казенных банков. Этот процесс был неминуем из-за постепенно усиливающегося спроса на капиталы для многочисленных новых промышленных, торговых и железнодорожных предприятий. Биржа, а точнее фондовый рынок, постепенно становится объектом внимания со стороны части российского общества. Интерес этот то усиливался, то ослабевал в зависимости от ситуации на рынке ценных бумаг и состояния экономики в целом. Менялось и отношение общества к бирже: от безразличия к осторожному любопытству, от предубеждения к робкому участию, от восторженного поклонения до ненависти. Можно выделить несколько периодов постепенного приобщения широкой «публики»¹ к операциям с ценными бумагами и биржевой спекуляции.

Биржа и общество в конце 50-х гг. XIX в.

Впервые русское общество обратило внимание на биржу во второй половине 1850-х гг., после окончания Крымской войны. Вследствие усиленного выпуска новых кредитных билетов и понижения банковских процентов в обращении оказалось изобилие свободных денег. Понижение банковского процента повысило ценность почти всех биржевых бумаг, чем объясняется, например, громадный успех подписки на акции Главного общества российских железных дорог в Петербурге². Известный русский экономист В.П.Безобразов писал: «Все денежные обороты совершались чрезвычайно легко и быстро; только что затраченные капиталы возвращались с огромными барышами. ...Так было преимущественно в 1855 и 1856 гг. ...в промышленность и спекуляцию бросились люди, которые до войны были совершенно им чужды... никогда не занимавшиеся ни торговлею, ни промышленностью»³.

Акционерное оживление и биржевая горячка достигли наивысшего развития в 1857 и 1858 гг. Подписка на акции некоторых предприятий, как отмечал Н.Х.Бунге, «представляла картину, о которой у нас имели понятия лишь по рассказам европейских журналов 1853—54 годов, — картину крайнего увлечения и ажиотажа»⁴. Еще накануне, в середине 1855 г., «Отечественные записки» в экономическом обзоре утверждали: «...циркуляция акций у нас вовсе не похожа на иностранную. ...у нас, напротив, на акции смотрят, по большей части... как на билет частного банка, дающий хорошее число ежегодных процентов. Название ажиотера, человека, употребляющего всевозможные хитрости, чтоб поднять или опустить цену акций, у нас существует только в лексиконах. Тихий, спокойный характер, которым отличается у нас

торговля акциями, имеет характер игры коммерческой, а не азартной...»⁵ Но все изменилось через какие-то два-три года, и перипетии, произошедшие вскоре в России, вполне напоминали «картину» биржевой спекуляции в ряде европейских странах.

«Вестник промышленности» констатировал: «Русское общество... начинает выходить из коснелого состояния равнодушия, деятельность промышленная и компанейская увлекает его. ...все классы под влиянием этого увлечения: в обществе, в театре, в собраниях люди говорят только о коммерческих оборотах, биржах, спекуляциях, ценах различных акций...»⁶ Представление о произошедших переменах дают финансовые обзоры российских экономических журналов. Например, «Вестник промышленности» писал: «Не успеет составиться новая акционерная компания, смотришь, все ее акции разобраны нарасхват до дня официальной продажи, и тотчас же начинают ходить из рук в руки с надбавкой. В Петербурге рассказывали, как желающие получить акции образовавшегося в Москве “Страхового от огня общества” собрались еще с вечера — накануне дня раздачи — у дверей конторы, прождали целую ночь, и при открытии дверей только весьма немногие получили желанные бумаги»⁷. Народу собралось так много, что «началась теснота, давка, были и такие, которым сделалось дурно, другие принуждены были вылезать в окно, потому что назад протесниться было невозможно»⁸.

На Петербургской бирже в конце 1857 г. вспыхнула настоящая спекулятивная игра с бумагами новых акционерных компаний. Акции большинства обществ легко покупались и продавались на бирже. Порой они заменяли наличные деньги⁹. Появились свои «бумаги-фаворитки». Наибольшим спросом пользовались акции таких компаний, как «Золотое руно», «Сельский хозяин», «Кавказ и Меркурий», и некоторые другие. Особое предпочтение отдавалось акциям Главного общества российских железных дорог. Журнал «Русский экономист» писал: «Министры и другие сановники, чиновники всех рангов бросились играть на бирже, помещики стали продавать имения, домовладельцы — дома, купцы побросали торговлю, многие заводчики и фабриканты преобразовали свои учреждения в акционерные компании, вкладчики в правительственных банках начали выбирать оттуда свои вклады, — и все это бросилось в азартную игру на бирже, преимущественно, разумеется, на ажиотаж с этими последними, впервые гарантированными нашим правительством акциями. Разгулу на бирже не было удержа»¹⁰. Всеобщее ослепление было так велико, что большинство русских экономистов, в том числе Н.Х. Бунге, поверили в долговечность наступившего экономического подъема¹¹.

Вскоре, однако, экономическая ситуация в стране изменилась. Уже в конце 1858 г. произошла резкая перемена конъюнктуры в промышленности и торговле. Начавшийся спад еще более обострился под влиянием развившегося мирового экономического кризиса. Вместо увлечения акционерным учредительством и биржевой игрой с середины 1859 г. наступило полное к ним охлаждение. Оживление в российской экономике сменилось застоєм, подъем — падением. Резко вырос спрос на наличные деньги. В финансовых изданиях от-

мечалось, что «*нужда в деньгах* (выделено в источнике. — П.Л.) лежит тяжелым гнетом на всех торговых сделках» и «затрудняет все коммерческие обороты»¹².

Началось обвальное падение цен на фондовом рынке. Акции многих обществ перестали продаваться и покупаться на бирже. Пошатнулось положение Главного общества российских железных дорог: Акции этого «высокоименитого» предприятия упали ниже пары, а облигации — со 100 до 96 руб. Их биржевая цена уменьшилась на 45%. Около 100 тыс. акций были заложены в Государственном Коммерческом банке и не выкуплены их владельцами¹³. В 1860 г. прогорело общество Ловатского Старорусского железного завода. Разорилось общество «Сирена», одним из владельцев которого при жизни был покойный к тому времени министр финансов граф Ф.П.Вронченко. Обозреватель «Вестника промышленности» писал: «Петербургские капиталисты обменяли все свои миллионы кредитных билетов на сотни и тысячи других бумаг более крупных форматов, более красивых, подающих такие заманчивые и блестящие надежды; обменяли деньги и продолжают обменивать их на акции... В Петербурге у богачей нет больше денег, у них есть акции; деньги остались только у бедняков»¹⁴.

При внесении в Комитет финансов сметы расходов Государственного казначейства на 1860 г. министр финансов А.М.Княжевич констатировал, что экономическое положение России «явно обнаруживает все признаки денежного и коммерческого кризиса»¹⁵. Через год, во всеподданнейшем докладе о состоянии государственных финансов в 1860 г., Княжевич снова повторил, что страна переживает глубочайший экономический кризис¹⁶. Резко поменялось отношение общества к бирже, в которой многие видели причину своих потерь и понесенных убытков. Это время можно охарактеризовать как первое знакомство российского общества, или, точнее, некоторой его части, в основном петербургской, с биржевой игрой. Численность ее участников была еще невелика и не превышала нескольких сотен человек. Новое увлечение биржей и ценными бумагами в России уже в более широких масштабах произойдет через 10 лет.

Биржевой ажиотаж и кризис в России конца 60-х — начала 70-х гг. XIX в.

Конец 1860-х гг. ознаменовался новым оживлением в экономике России. Толчок был дан усиленным железнодорожным строительством и спекуляцией железнодорожными акциями. Учредительской горячке и биржевому ажиотажу предшествовал весьма успешный ход дел большинства русских предприятий. Особенно высоко поднялись цены акций железнодорожных обществ, давших неплохой доход в 1867—1868 гг. и обещавших еще лучшую доходность в будущем. «Публика», видя, что доходность железнодорожных акций растет, стала помещать свои деньги в эти ценности. Спрос скоро значительно превысил предложение, цены на акции все росли, и по мере сбыта возрастали до невиданных ранее размеров. Бумаги скупались в огромных количествах, что способствовало еще большему росту цен.

Страсти разгорелись после подписки на акции Козловско-Тамбовской и Рыбинской железных дорог. «Общество, — писали современники, — заболело тяжелой болезнью — акционерною горячкою»¹⁷, а «...последние месяцы 1868 г. сделались первой эпохой принятия всею публикою участия в биржевой игре акциями»¹⁸. Е.И.Ламанский вспоминал: «Дух спекуляции охватил... всю Россию ... в 1868—1869 годах Петербург, Москва, Одесса, одним словом, все главные города увлеклись биржевой игрой до нездоровых размеров... Финансовую и денежную Россию нельзя было узнать. Весь народ, даже неграмотный, усвоил себе понятие о процентных бумагах, свободно обращающихся на биржах, о разных акциях, облигациях и т.д.»¹⁹. 1869 г. отмечал другой очевидец, «можно назвать годом спекулятивным. Одушевление, с которым производились обороты бумажных ценностей, охватившее все классы общества, распространилось подобно заразной эпидемии. ...Даже прекрасный пол не оставался чужд разгоревшемуся спекулятивному настроению и, со свойственной ему энергией, преодолев десятичные дроби, пускался в биржевую игру»²⁰. «Увлечение к игре было столь всеобщим, — обращал внимание неизвестный автор в записке, доставленной М.Х.Рейтерну, — что явилось много дам-спекулянтток. На поле сражения выступило много и гвардейских офицеров, из которых некоторые постоянно уже являются на биржу, а другие рыскают по банкирским конторам, закупаая и перепродавая займы»²¹.

Помещение капиталов в акции железных дорог превратилось в самое выгодное и доходное дело. «Публика» бросилась покупать железнодорожные ценности, отчего те еще быстрее пошли в гору и повышались почти каждый день. Государственный банк, Петербургское общество взаимного кредита и другие кредитные учреждения, идя навстречу желанию «публики», предлагали свои капиталы на самых выгодных условиях, производя большие ссуды под любые бумаги, «стоящие немногим более обойной бумаги»²². Государственный банк и Петербургское общество взаимного кредита понизили ссудный процент до 5% и расширили кредит, насколько было возможно. Петербургское общество взаимного кредита давало сначала под новые акции 50% их биржевой стоимости, а вскоре довело размер ссуд под некоторые бумаги до 90%. Когда биржевая игра стала захватывать широкие слои «публики», в Обществе взаимного кредита появилось объявление о том, что уплата долга может быть отсрочена на 6 месяцев, а потом должник может, если пожелает, воспользоваться и второй отсрочкой на такой же срок. Таким образом, можно было надеяться на 18-месячный кредит, что косвенным образом поддерживало биржевую горячку.

Как только в конце 1868 г. биржевая игра с ценными бумагами приняла значительные размеры, в Петербурге образовалась неофициальная фондовая биржа, носившая характер частных собраний. Эти встречи проходили в ресторане одной из лучших в то время гостиниц столицы — «Демут». Эта «негласная», или «малая», биржа возникла по инициативе 104-х солидных биржевых деятелей, преследовавших первоначально цель установить правильный курс ценных бумаг в

частных совещаниях до открытия официальной биржи. Они пытались устранить те потери, которым подвергались из-за неожиданных крупных колебаний курсов. Здесь шла подготовка к биржевым собраниям: оговаривались и определялись условия сделок и цены бумаг.

Вскоре состав, характер и цели demuтовских собраний изменились. Постепенно гостиница «Демут» стала местом самой азартной игры и спекуляции, в ней участвовали все «самые отъявленные и рискованные» биржевые спекулянты. «Здесь среди присяжных и неприсяжных маклеров или, “зайцев”, толпились военные, члены судебного ведомства, адвокаты; здесь... были владыками агенты разных высокопоставленных лиц, и в числе их какой-то изумительной смелости и ловкости повар, один из корифеев Демутовской биржи», — писал директор Московского Купеческого банка профессор И.К.Бабст²³.

Бывший в то время еще простым репортером, А.С.Суворин, с присущей ему живостью, так описал собрания в «Демутовом трактире»: «Подобно тому, как во времена Д.Ло... на Вандомской площади собирались самые низкие негодяи и самые высокие господа — в Демутовом отеле собирались представители разных общественных слоев и положений: маклера, банкиры, генералы, чиновники. Они собирались утром от 1¹/₂ до 2¹/₂ часов и за бокалами шампанского гнали вверх бумаги, без всякого разбора»²⁴. Котировка бумаг в «Демутовой бирже» записывалась просто на доске, висевшей на стене.

Возглавлял «Демутову биржу» «один молодой человек, почти мальчик, без усов и бороды, вздумавший прослыть русским Джоном Ло», который, как писали современники, «собрал вокруг себя целую коллекцию героев»²⁵. Этим «юным гением» был 25-летний Альфред Бетлинг, биржевой маклер, «главный воротила акций Рыбинско-Бологовской железной дороги», доставшихся ему от отца, профессионального биржевика, отошедшего от дел. Все «биржевые зайцы» бывали у него по утрам, чтобы справиться, что он намерен делать: продавать или покупать. Завсегдатаями «Демутовой биржи» были петербургские купцы С.А.Кун, М.С.Рябков, К.И.Мангольд, П.И.Лихачев и др.²⁶

Биржевая горячка распространилась и в Москве, где торговля ценными бумагами, принявшая характер спекулятивной игры, оживила биржу и привлекла к участию в ней широкие слои московского общества. Н.А.Найденов вспоминал: «...азарт, с которым велось это дело, стал принимать страшные размеры, являвшиеся слухи, что такой-то в неделю нажил 50 тыс. и более, втягивали новых лиц в это болото»²⁷. Среди лиц, к биржевой деятельности ранее отношения не имевших, выделялся оставший чиновник Лутковский, наживший солидный капитал. После его смерти наследникам осталось более 3 млн руб. Однако это было редким исключением: как правило, широкая «публика» всегда несла основные потери. Так, присяжный поверенный Рихтер, зарабатывавший хорошие деньги, пристрастился к биржевой игре и ежедневно посещал биржу, где спускал все приобретенное. Значились в списке новых посетителей биржи член судебной палаты П.Г.Извольский и председатель окружного суда С.А.Дейер, ставший позднее первоприсутствующим сенатором²⁸. Не находя

достаточного удовлетворения в биржевых собраниях, владельцы московских банкирских контор основали, как в Петербурге, свою утреннюю фондовую биржу, которая собиралась в ресторане «Казино» на Чижовском подворье²⁹.

Ажиотаж на Петербургской бирже продолжался до конца августа 1869 г., и многие успели сколотить приличные капиталы в самое короткое время. На фондовой бирже, как сообщали «С.-Петербургские ведомости», «было чем потешиться любителям острых ощущений»³⁰. Цены то сильно росли, как, например, на все пароходные акции, то вдруг падали на несколько процентов в один день, как, например, на акции Главного общества российских железных дорог или Рыбинско-Бологовской железной дороги.

20 августа 1869 г. стало известно о распоряжении Петербургского общества взаимного кредита о повышении дисконта по ссудам под залог ценных бумаг с 5 до 6% и о прекращении ссуд под залог сроком на 6 месяцев³¹. Мера неожиданная, заставшая биржу врасплох, в самый разгар августовской ликвидации, когда требовались деньги для покрытия сделок. Но в кассе Общества больше не оставалось свободных денег. В Государственном банке, служившем постоянным источником для пополнения кассы Общества взаимного кредита, также не оказалось свободных капиталов. Поэтому Совет Общества был вынужден пойти на ограничительные меры. Вслед за ним повысил свой ссудный процент до 8% Государственный банк, что способствовало еще более сильному понижению бумаг на бирже. Их примеру последовали остальные петербургские банки и банкирские конторы.

Едва прошел слух, что прекращается выдача ссуд, как мгновенно приостановились все обороты с ценными бумагами. Демутовцы собирались в своей гостинице, толковали между собой и расходились, не совершив никаких сделок. Затем «Демутова биржа», чтобы спастись от полного краха, стала играть на понижение. За ней последовала «публика», и бумаги полетели еще ниже.

Биржевая паника, вспыхнувшая в Петербурге, охватила и Москву. Все «любимейшие московские бумаги», еще недавно шедшие нарасхват, не находили покупателей и падали в цене. Не имея возможности сбыть их на своей бирже, московские спекулянты с середины октября наводнили петербургский рынок акциями Московско-Рязанской и Орловско-Витебской железных дорог, упавшими сразу в цене более чем на 20 руб.³²

Произошедшие события получили известность как «знаменитый биржевой кризис в России», который оценивали как «своего рода признак совершеннолетия биржи»³³. Очередное увлечение биржей российского общества, и не только петербургского, но и значительной части московского, закончилось новым разочарованием. Количество втянутых в биржевую игру обывателей увеличилось до нескольких тысяч человек. «Публика» вскоре пресытилась спекулятивной игрой; устав от беспрерывных потрясений и волнений, она была напугана многочисленными банкротствами. Наученная горьким опытом последних лет, понесшая основные потери, она перестала прельщаться блестящей «фата-морганой» быстрого обогащения. Еще недавно из-

любленной темой разговоров в обществе была тема о доходности той или иной ценной бумаги, теперь же больше говорили о потерях или разорении того или иного известного лица.

Биржа, «американка» и «публика» в конце XIX в.

В течение почти двух десятилетий российское общество не интересовалось биржевыми делами. Впрочем, не было и повода для очередного увлечения биржей. Ситуация изменилась в середине 1890-х гг. Начавшийся в России промышленный подъем, новая активизация железнодорожного строительства, усиленный рост металлургической и нефтяной промышленности вызвали учреждение многочисленных акционерных обществ и компаний. Многие металлургические заводы были обеспечены на несколько лет крупными правительственными заказами для строительства железных дорог. Выкуп в казну ряда частных железных дорог и конверсия некоторых государством гарантированных займов способствовали появлению свободных капиталов. Для образования необходимых акционерных капиталов предприниматели начали активно выпускать различные бумажные ценности и размещать их на бирже. Широкая «публика» стала проявлять интерес к дивидендным бумагам и охотно покупать их, надеясь на скорое увеличение своих сбережений ввиду ожидаемой большой доходности новых предприятий в самое ближайшее время.

Обстановка экономического оживления, рост доходности акционерных обществ, наличие на рынке свободных капиталов и расширение банковского кредита способствовали биржевому буму. Курсы промышленных ценностей бойко шли в гору и как нельзя лучше подходили для спекулятивной игры. Естественное вначале желание «публики» к помещению сбережений в ценные бумаги сменилось биржевой горячкой 1895—1896 гг.³⁴ Позже министр финансов П.Л.Барк в своем обзоре финансовых и биржевых кризисов напишет: «Повышательная кампания на русских биржах, являвшаяся в период 1894 г. и первых месяцев 1895 г. естественным следствием общего подъема нашей промышленности, особенно усилилась ко второй половине 1895 г., приняв уже характер чисто спекулятивной деятельности»³⁵.

Известный русский экономист М.И.Туган-Барановский так описывал события тех лет: «Страсть к биржевой игре охватила обширные круги общества; официальная биржа не могла вместить всех желающих принять участие в биржевой вакханалии, и некоторые модные рестораны гостеприимно открыли свои двери для биржевых игроков, для которых на официальной бирже не находилось места»³⁶. А вот как воспроизводил происходящее чиновник Министерства финансов В.Т.Судейкин: «Биржевая игра развернулась в половине 1895 года во всю ширь. Всеми игравшими на дивидендные бумаги наживались большие деньги, и в Петербурге водворился расцвет жизни... биржевые дельцы заседали в известных ресторанах и вели оживленные толки о бирже и спекуляции, с указанием кто, на чем и сколько нажил. Играющая публика, избалованная успехами наживы и удачи, почувствовала самоуверенность и нахальство...»³⁷ Самое яркое описание

событий 1895 г. принадлежит перу известного театрального критика, бывшего биржевого репортера А. Р. Кугеля. В своих воспоминаниях он отразил царившую в обществе атмосферу того времени: «...все играли, и стар, и млад, и юноша в семнадцать лет, и старик с седой головой. Дамы в особенности, генералы — преимущественно»³⁸.

После закрытия официальной биржи и установления котировки начиналась неофициальная биржа. «Биржевые зайцы», мелкая и крупная «кулиса» подготавливались к следующему дню: скупали или продавали ценные бумаги в соответствии с определившейся тенденцией рынка или планами биржевых воротил. Собственно, тут и была настоящая «игра», которая на биржевых собраниях лишь реализовывалась. На официальную биржу допускался не всякий — здесь мог покупать и продавать любой желающий. Местом этих неофициальных и особенно популярных собраний был так называемый Милютинский ряд с прилегающей к нему частью Невского проспекта. Здесь располагалось сразу несколько небольших банкирских контор. Это место называлось «американской биржей». От 3 до 6—7 часов вечера здесь толпились мелкие «зайцы», кулисы, маклеры, игроки — выигравшие, проигравшие, чающие выиграть и потерявшие всякую надежду³⁹.

Общество в очередной раз «заболело» биржевой лихорадкой. Быстрый подъем цен на многие биржевые бумаги, высокие дивиденды, выдаваемые даже недавно открывшимися предприятиями, разговоры о скором, нередко в один день, и легком обогащении — все это привлекало к игре с акциями самую разношерстную «публику»⁴⁰. Тысячи лиц сделали акционерами совершенно им неизвестных предприятий, все сведения о которых ограничивались лишь слухами из десятых рук о предстоящем повышении их биржевых ценностей. Многие современники обращали внимание на то, что около биржи, банков, банкирских контор «появились совершенно дотоле неизвестные лица: дамы, чиновники, генералы, офицеры, кабатчики, гробовщики, просто люди без определенных занятий»⁴¹. Соответственно своему социальному положению они разделились на отдельные группы. Побогаче, повиднее и почопорнее собирались в первоклассных банках; менее притязательные, помельче и порискованнее ютились в банкирских конторах; еще помельче — у меняльных лавок. Вся эта разнородная толпа страждущих бегала по банкам, банкирским конторам и менялам начиная с самого раннего утра.

Небезынтересны характеристики биржевой «публики», данные В. Т. Судейкиным. Согласно его классификации, в первую группу входили солидные люди с большими, а иногда весьма порядочными средствами. «Увлекаясь наживой, — писал Судейкин, — они нередко угнетают банкиров, приходя до биржи в банки, они с жадностью ловят взоры своих патронов, стараясь прочесть в них настроение биржи; падают купленные бумаги — они мрачны и озабочены, повышаются — радостны. Эта часть публики смотрит на дело таким образом: повысится курс дивидендной бумаги — продали, понизится — будут держать в ожидании лучшего будущего»⁴². Другую группу составляли мелкие спекулянты, или «биржевые зайцы». Они ежедневно сновали

по бирже, банкам, банкирским конторам, менялам; вечерами — по «американской бирже». Подобная категория спекулянтов, как отмечал Судейкин, «очень деятельна, подвижна и имеет своих простодушных клиентов, для которых их слова и речи, отличающиеся тоном глубокой уверенности и авторитета, — закон. Для простаков, стоящих вдали от биржевой жизни, это самые верные люди, это их оракулы, и им они оказывают полное доверие»⁴³. Наконец, третья категория — самая многочисленная и неопытная, желавшая приумножить свои небольшие сбережения. «Эта группа лиц, — писал Судейкин, — составляет самый легковверный элемент, из которого рекрутируются биржевые жертвы, в большинстве случаев несущие все потери»⁴⁴.

При виде непрерывного повышения цен многочисленная «публика» быстро соблазнялась возможностью легкой наживы. Многим казалось, что достаточно лишь просто купить какие-нибудь бумаги, а через некоторое время их продать и положить разницу себе в карман. Первоначально подобные операции совершались очень робко и в скромных размерах, но две-три удачные попытки придавали начинающим игрокам смелость и побуждали расширять сделки до максимальных размеров. Министерство финансов отмечало, что «многие держатели бумаг после удачных опытов спекуляции на повышение, подстрекаемые недобросовестными советчиками из биржевых сфер, приобретали почти без разбора бумаги всякого нарождающегося предприятия, содействуя этим несоразмерному возрастанию цен бумаг»⁴⁵. «Публику» подогревали различные слухи о какой-нибудь крупной удаче, разговоры с фондовыми маклерами, «биржевыми зайцами», «разными дельцами, с многозначительной улыбкой изрекавшими лаконичные советы типа: “покупайте такие-то бумаги, только скорее”»⁴⁶.

Во главе спекулятивного движения стояли, как правило, две-три корпорации, в которые входили профессиональные биржевики. Они приобретали акции сотнями и тысячами. Затем потихоньку, не спеша, спускали эти бумаги с рук; нажив хорошие деньги на одной бумаге, переходили к другой и делали ее предметом такой же необузданной игры. При ограниченном числе крупных профессиональных биржевых деятелей в их среде легко могли возникнуть разного рода «синдикаты и консорциумы», «организованные шайки биржевиков» и корпорации.

Профессиональные биржевики, прекрасно зная шаткое положение мелкой спекуляции, периодически устраивали на нее нечто вроде облав, известных на биржевом языке под выражениями «высечь публику», «кровопускание», «очищение желудков» и т.д. Прежде всего, они старались при помощи разных слухов, газетных уток и ложных котировок «всучить» спекулирующей «публике» как можно больше бумаг по значительно завышенным ценам. Затем, когда начинался процесс понижения, старались взять их обратно по более низким ценам. «Высекши публику», крупные игроки вновь устраивали повышение, а купленные по низким ценам бумаги продавали по высоким. Кроме игры на повышение или понижение ценных бумаг, существовало еще несколько способов биржевых спекуляций.

Но как бы ни были сильны группировки профессиональных биржевиков, как бы доверчива ни была «публика», они не смогли бы оказать сильного влияния на развитие биржевой игры без содействия банков. Кредитные учреждения способствовали развитию спекуляции на бирже, ссужая деньги «публике» с помощью специального текущего счета под обеспечение ценных бумаг. Этот вид кредита в банковской и биржевой практике известен под термином «онколь» (on call)⁴⁷.

Почти вся биржевая торговля ценными бумагами совершалась при помощи онкольных операций, вызывавших особое доверие в обществе. Почти никто не покупал промышленные ценности за наличный расчет. Ссуда могла оплачиваться по частям, а обеспечение можно было увеличивать и уменьшать сообразно с величиной взятой ссуды. Таким образом, онкольный счет являлся ссудой на неопределенный срок, которая в любой момент могла быть полностью или частично уплачена или, наоборот, возобновлена. Как «публика», так и биржевики пользовались онкольным кредитом в банкирских учреждениях, внося обеспечение в размере 25—30% — иногда меньше, иногда больше, но, как правило, в этих пределах. Непосредственно, помимо банков через маклеров заключали сделки лишь члены биржи; «публика» же совершала свои операции исключительно при посредничестве кредитных учреждений.

Крупные коммерческие учреждения открывали онкольный кредит не под все дивидендные бумаги, а только под те, которые были признаны солидными. Более мелкие кредитные заведения относились к выдаче ссуд менее разборчиво. Они охотно выдавали ссуды под все бумаги, лишь бы они котировались на бирже. Размер ссуды также зависел от характера кредитного учреждения, состояния денежного рынка, переживаемого биржей момента и пр. Различные банкирские учреждения имели свои правила относительно онкольных счетов, причем минимальная сумма первоначального взноса могла колебаться от 2000 до 150 руб.

А.Р.Кугель вспоминает: «Для того чтобы открыть онкольный счет в мелкой банкирской конторе, достаточно было иметь рублей полтора-два наличными. Обычно принимали бумаги в 75% котировочной стоимости. Следовательно, на 150 руб. можно было иметь бумаг на 600 руб. Онкольный счет открывался начиная с 1000 руб., и “по знакомству” бумаги принимали только с 15% обеспечением. Как же было не играть при столь льготных условиях?»⁴⁸ Крупные банки действовали более осторожно. Размер выдаваемых ими ссуд колебался от 50 до 75% биржевой цены бумаги. Гораздо менее требовательными были банкирские конторы и меняльные лавки. Там даже ссуда в 90% считалась вполне умеренной⁴⁹. Естественно, что большинство желающих играть на бирже предпочитало иметь дело с ними, хотя они и взимали значительно более высокий процент. Таким образом, благодаря услугам кредитных учреждений «публика» получила возможность совершать сделки в крупных масштабах при незначительных собственных средствах.

Кроме Петербурга и Москвы в оживлении участвовали все крупные города — Варшава, Киев, Харьков и др., где играли на своих местных биржах или поддерживали непрерывную телеграфную связь с Петербургской биржей и столичными банками. В «малые биржи» превратились почти все банки с их провинциальными отделениями. Там в течение целого дня орудовали спекулянты, не имевшие доступа на официальную биржу. В отчетах биржевых хроникеров провинциальных газет также говорилось о ценах на бумаги, которые были «до биржи», «во время биржи» и «после биржи». Корреспондент из Варшавы сообщал: «Страсть к биржевой игре проникла во все слои нашего общества. Этим пользуются разного рода биржевые дельцы... Помимо обычных "операций" на бирже, дельцы эти нашли себе пристанище преимущественно в некоторых крупных кондитерских. Особенно привилегированным местом их сборищ является кондитерская "Люрс" в Саксонском саду, где с 6 до 10 часов вечера обделываются дела с необычным усердием, притом на громадные... суммы, превышающие подчас размеры утренних операций на настоящей бирже»⁵⁰. В Варшаве было еще несколько мест, заменяющих официальную биржу, например, кондитерская «Тура» в Краковском предместье и др.⁵¹

Повышение цен, начавшееся в 1894 г., постепенно усиливаясь, продолжалось до второй половины 1895 г. В августе биржевое увлечение достигло своего апогея. В начале сентября началось обратное движение: курсы всех акций стали резко понижаться, некоторые упали на 10—100% и более. Газеты запестрели одинаковыми отчетами: «На фондовой бирже очень и очень тихо... спекуляция также притихла, и нет уже в ней прежнего широкого бесшабашного маха, и только время от времени проявляется некоторое оживление, вскоре, впрочем, уступающее место унынию и вялости настроения»⁵². Дни 23 сентября и 4 октября 1895 г. стали «черными днями» на Петербургской бирже. «Новое время» отмечало: «Бранное поле представляло картину полного поражения повышателей; цены понизились так сильно, что, очевидно, побоялись поместить действительный курс, и отметка по отношению к некоторым акциям рублей на 10 выше действительных цен обращения... уныние велико, а упований мало»⁵³.

В рядах спекулирующей «публики» началась паника. Банки, ввиду резко понизившейся стоимости заложенных ценностей, стали требовать дополнительных взносов по ссудам, выданным под залог ценных бумаг по онкольным счетам. Многие игравшие были не в состоянии внести эти дополнительные суммы, поскольку все их средства были поглощены спекуляцией. Банки произвели экзекуционные продажи заложенных бумаг, что привело к еще большему понижению курсов и разорению мелкой «публики».

Понесенные «публикой» потери оценивались в несколько десятков миллионов рублей⁵⁴. Однако в целом общественное мнение по отношению к бирже не изменилось, осуждали исключительно одних биржевых спекулянтов, игравших на понижение. Паника продолжалась недолго. Промышленный подъем был в разгаре, а наступивший кризис был чисто биржевым и не мог продолжаться долго. Вскоре биржевая спекуляция нашла новые ценности для игры на повыше-

ние. Объектом игры стали нефтяные бумаги, в отношении которых повышательное движение приняло примерно такие же размеры, как с металлургическими и банковскими бумагами в 1894—1895 гг. «Фаворитками» стали акции Каспийского нефтепромышленного и Бакинского нефтяного обществ и другие нефтяные бумаги. Причиной повышения их биржевых курсов отчасти был возросший спрос на нефть на мировом рынке и, как следствие, подскочившая ее стоимость.

Министерство финансов весьма отрицательно отнеслось к биржевому ажиотажу. Повышение курсов акций квалифицировалось им как «нездоровое возбуждение», «зловредная спекуляция», «биржевая вакханалия». Во всеподданнейшем докладе министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1896 г. биржевая ситуация 1895 г. называлась «одним из первых в ряду отрицательных явлений русской экономической жизни»⁵⁵. Официально признавалось, что биржевой ажиотаж достиг очень сильного распространения и охватил спекулятивной лихорадкой обширные слои общества. Министерство финансов на страницах «Торгово-промышленной газеты» и «Вестника финансов, промышленности и торговли» неоднократно предупреждало широкую «публику» «об опасности последствий увлечения биржей» и возможных потерях: «Здесь выигрывает всегда тот, на чьей стороне при больших средствах, позволяющих выдержать трудные минуты в ожидании поворота к лучшему, еще и практическая опытность, специальная подготовка, осведомленность о многих подробностях и данных торгово-промышленных предприятий и их конкурентов и особое, приобретенное навыком искусство комбинировать... Но вовлекаемой в игру публике, непричастной к торгово-промышленной деятельности, почти все эти условия выигрыша... недоступны, а потому вполне естественно, что ей достается в этой неравной игре роль жертвы, шансы же выигрыша все на стороне специалистов биржевой игры — опытных и сильных игроков, для которых игра составляет привычную сферу деятельности»⁵⁶. Однако в разгар биржевых страстей никто особо не обращал внимания на призывы к осторожности и благоразумию.

В период оживления на бирже появилось немало высокопоставленных чиновников и даже сановников, участвовавших в спекуляциях. В прессе сообщалось, что начальник хозяйственного отдела Министерства внутренних дел «сорвал с биржи в ту пору тысяч двести» и был вынужден покинуть службу, став «счастливым обладателем виленских, ковенских, гродненских латифундий»⁵⁷. Другой подобный случай произошел с директором Департамента железнодорожных дел Министерства финансов В.В.Максимовым. Он тоже «ходил на биржу... взял с нее немалый куш», после чего ему было предложено оставить службу⁵⁸. Иногда «злые языки» пытались распространять слухи об участии в биржевой спекуляции близких родственников С.Ю.Витте, но даже «заклятые враги» не решались обвинять его самого в игре на бирже и страсти к наживе.

Биржевая горячка 1890-х гг. привлекла к участию в спекулятивной игре даже те слои российского общества, которые до этого совершенно не интересовались никакими ценными бумагами и биржей. Их

численность превышала десятки тысяч человек. Возможность быстрого и легкого обогащения привлекала людей, далеких от биржи и финансов. Этот интерес, как в зеркале, отразился в российской прессе. Появилось большое количество самых разных экономических изданий, которые в значительной мере формировали мнение обывателей. Почти в любой столичной и даже провинциальной газете можно было найти курсовую таблицу или биржевую хронику. Заметно повысилась роль рекламы, усилилось значение прессы для биржи. Так как долгое время биржа не привлекала к себе особого внимания ни со стороны широких слоев общества, ни со стороны прессы, то биржевые бюллетени печатались весьма длительное время только в «Коммерческой газете» и только два раза в неделю. Лишь с конца 1860-х гг. бюллетени стали печататься ежедневно во всех крупных российских газетах. Исключение составлял, пожалуй, только «Правительственный вестник», который выписывался во всех государственных учреждениях и по-прежнему продолжал печатать официальные курсы и только два раза в неделю.

Кугель отмечал, что до 1890-х гг. нравы русской прессы были «довольно чисты и невинны». «В худшем случае, — писал он, — попадались бутербродные рецензенты и репортеры. Но с первым расцветом биржи и широкой спекуляции нравы прессы стали быстро... видоизменяться. ...Биржевые обозрения, которых раньше никто не читал, которые и печатались не чаще раза в неделю, стали самой живой и бойкой рубрикой газеты. Большие органы печати еще держались кое-как, хотя нет-нет то в хронике, то в статьях и заметках проскальзывали весьма недвусмысленные рекламы предприятиям, банкам, выпускам акций и облигаций и прочее. В мелкой же прессе биржевой отдел затмил и спорт, и театр»⁵⁹. В редакциях газет играли так же, как в канцеляриях, в лавках, в светских салонах и ресторанах.

1899 г. начался на бирже неплохо; казалось, все благоприятствовало продолжению спекулятивной игры, но оживление продолжалось лишь до первых чисел февраля, когда началось резкое падение всех бумаг, усиливавшееся с каждым месяцем. Летом разразился крах известного миллионера П.П. фон Дервиза, который был тесно связан со многими промышленными и кредитными предприятиями. Вскоре после банкротства Дервиза последовал крах не менее известного миллионера и мецената С.И. Мамонтова. Для многих эти фигуры были олицетворением богатства и процветания⁶⁰. Весной 1901 г. произошел крах харьковского банкира и промышленника А.К. Алчевского. Пошатнулись дела братьев Поляковых. Эти банкротства произвели удручающее впечатление и на биржу, и на все общество в целом. За ними последовали разорения мелкой и средней «публики». Не в лучшем положении оказались и некоторые коммерческие банки, так как их портфели были переполнены ценными бумагами.

Биржевые операции с лета 1899 г. надолго встали на «мертвую точку», и всякие попытки «гальванизировать» биржу оставались безрезультатными. Малейшее оживление пресекалось через несколько часов, затем бюллетень гласил: «Твердо, но тихо». «Твердо», т.е. никто не продает, «тихо» — никто не покупает. Биржевые хроникеры были

единодушны в своих оценках ситуации: «Мы переживаем кризис, развитию которого не предвидится конца... бюллетени приносят с каждым днем все новые и новые понижения самых солидных ценностей...»⁶¹. «На бирже с каждым днем становится все хуже и хуже, положение приобретает положительно угрожающий характер»⁶².

Биржевые потрясения и крахи конца 1890-х гг. вызвали естественный отток широкой «публики» от биржи, что отразилось и на прессе. Резко сократились публикации о бирже, усилилась ее критика, появились всевозможные разоблачительные статьи, наконец, стали закрываться сами биржевые издания. Общество в очередной раз обвиняло биржу и биржевиков в разжигании нездоровых страстей, обмане и разорении. Все повторялось до следующего биржевого увлечения.

Биржевой бум начала XX в.

Под влиянием экономического кризиса и депрессии, русско-японской войны и революции 1905—1907 гг. фондовый рынок находился в угнетенном состоянии. Никакого интереса к бирже общество не проявляло. Только с конца 1907 г. положение на рынке ценных бумаг начало медленно улучшаться. Постепенно восстанавливались экономическая конъюнктура и политическая стабильность, а вместе с ними происходило возвращение к нормальному, естественному функционированию фондовой биржи. «Публика» еще не рисковала помещать деньги в акции, приобретая в основном солидные бумаги: государственные фонды, закладные листы земельных банков, облигации городских кредитных обществ, железнодорожные облигации. Биржевая игра велась в основном среди профессионалов. Сначала повысился спрос на игровые бумаги, а затем и на все остальные биржевые ценности. Общество скоро «забыло» свое недавнее предубеждение к бирже.

Начавшееся постепенное улучшение биржевого настроения продолжалось до середины июля 1910 г. Обозреватель официальных «Торгово-промышленной газеты» и «Вестника финансов, промышленности и торговли» В.А. Мукосеев отмечал: «В истории русских фондовых бирж истекший год — многозначительная дата, подобно 1869, 1875 и 1894/5 гг. Он характеризуется необычайным курсовым подъемом почти всех процентных бумаг, стремительным возрастанием оборотов с бумажными ценностями, повышенной, временами азартной, деятельностью профессиональной спекуляции, весьма активным участием “публики” в биржевой игре, участием крупного и мелкого капиталов по размещению бумаг и наличием неослабного и исключительного внимания общества к бирже. ...легкая доступность в кредите расширила поле профессиональной спекуляции. На фондовую биржу пошла улица, поставляющая для биржевых батальонов пушечное мясо. Появился сильный ажиотаж, и рост курса принял чрезвычайные размеры»⁶³.

17 июля 1910 г. на бирже были зафиксированы наивысшие цены. А на следующий день началось ослабление, которое переросло в резкое падение цен. 26 июля 1910 г. стало очередным «черным днем»

биржи. Произошедший резкий перелом биржевого настроения и смена «повышательной тенденции — стремительным понижением» были расценены как «крах спекулятивного ажиотажа»⁶⁴. С августа цены то поднимались, то опускались, но в общем медленно катились вниз. Эта ситуация продлилась до середины декабря 1910 г. Со второй половины декабря и до апреля 1911 г. цены на бирже снова усиленными темпами «пошли вверх», достигнув высших отметок 30 апреля, а с начала мая вновь стали понижаться. В середине 1911 г., во время объявления турецко-итальянской войны, Петербургская биржа испытала резкое понижение курсов; впрочем, вскоре все бумаги снова «оправились». Без сомнения, это было случайным явлением и не отразилось на дальнейших биржевых расценках. Таким же несущественным по своим последствиям оказалось понижение в июне этого же года, во время марокканского инцидента. Затем отправка Турции русской ноты протеста, касавшейся постройки анатолийской линии укреплений, также вызвала легкое беспокойство на бирже, но незначительное по своим размерам. «Публика» достаточно нервно переживала все изменения, происходившие на фондовом рынке, что проявилось в ее метании из одной крайности в другую.

Петербургскую биржу, как и «публику», в тот момент волновало не столько состояние российской экономики, сколько политические события, на которые реагировали в разной степени все крупнейшие мировые финансовые центры. Например, известие об убийстве в Киеве 1 сентября 1911 г. П.А.Столыпина создало благоприятную почву для спекулятивной игры на понижение. Первыми среагировали провинциальные вкладчики бумаг, которые, узнав о смерти премьер-министра, немедленно дали приказ банкам в Петербург и Москву продавать на бирже имеющиеся у них ценности. Реализация массы биржевых ценностей вызвала общее падение цен, которым воспользовались крупные биржевые дельцы и банки. Они являлись единственными покупателями бумаг, падающих в цене⁶⁵. Однако эти кратковременные понижения имели искусственный характер и не могли повлиять на общий экономический подъем и начинающийся биржевой бум.

Вслед за Петербургом и Москвой в «биржевой водоворот» втянулась и провинция. Местные отделения банков завалили правления поручениями своих клиентов. В некоторых городах появились неофициальные биржи. В Киеве, в кафе «Самадени» и банкирской конторе А.М.Левенсона на Крещатике от 15 до 16 часов и от 16 до 17 часов у банкирской конторы «Ландау Л.В. и К^о» также на Крещатике, рядом с официальной биржей действовала своя «американка». Любимыми бумагами киевских спекулянтов были акции нефтяных, металлургических и железнодорожных предприятий. В биржевых репортажах в то время постоянно встречается фраза, почти газетный штамп: «В Киеве играет млад и стар».

Одесса в этом отношении сильно отличалась от Киева. Там играла только «навверняка» группа «дельцов». Одесская биржа поразила столичного биржевого журналиста и издателя И.М.Эн-Янкова. В своих путевых заметках он отмечал: «...сразу попадаешь в море людей, жес-

тикулирующих, кричавших, волнующихся; резко здесь выделяется манера южан говорить руками. ...шум и гам на бирже в Одессе — явление обычное»⁶⁶. Покупка и продажа ценных бумаг происходили в очень ограниченном количестве, и производили их почти одни только банки и банкирские конторы. Частной публики было очень мало. Интерес Одесской биржи сосредотачивался преимущественно на земельных облигациях местного Бессарабско-Таврического банка, акциях Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ), российском займе 1844 г., банковых и нефтяных ценностях. Особенно выделялся на Одесской бирже своими операциями банкир М.Ашкенази. Тем не менее в периоды экономического подъема на Одесской бирже также царил атмосфера спекулятивного ажиотажа.

В прессе время от времени сообщалось о раскрытии очередной «биржевой панамы». Например, в Киеве начальник Центрального почтово-телеграфного отделения, играя на бирже, задерживал ради собственных интересов передачу банками биржевых и фондовых телеграмм и одновременно сообщал их содержание отдельным биржевикам. Этим же занимались и его подчиненные, другие чиновники телеграфа, также игравшие на бирже⁶⁷.

Страсть к биржевым операциям коснулась даже русской деревни. Брянский корреспондент газеты «Голос Москвы» сообщал, что в их уезде, в селе Дятьково, где располагались известные Мальцовские заводы, «неуклонное повышение мальцовских акций вовлекло в биржевую игру простых дятьковских обывателей». «Биржевой ажиотаж, — по словам корреспондента, — охватил даже людей малоимущих. С каждым новым повышением бумаг «страсти разгорались». Возможность скорой и легкой наживы показалась игрокам настолько заманчивой, что они стали играть и на других бумагах. В конторах, в семье, на улицах только и разговоров, что о котировке биржевых бумаг»⁶⁸.

Встречались случаи на первый взгляд и совсем необычные. Например, семья Поповых, муж Александр Федорович и жена Елизавета Ивановна, из села Кереть Кемского уезда Архангельской губернии состояла в регулярной переписке с петербургскими банками относительно операций с ценными бумагами. Они хранили в Петербургской конторе Государственного банка облигации 4%-ной ренты, давали поручения застраховать от тиража погашения выигрышные билеты 2-го внутреннего займа Международному коммерческому банку и банкирской конторе К.А.Толстопятова. При этом Е.И.Попова (до замужества Шайтанова) вела переписку лично, узнавала о причитавшихся ей процентах и по своему усмотрению распоряжалась вкладом⁶⁹. Делалось все солидно, обстоятельно, с достоинством. Конечно, подобное было редкостью, но не исключением.

В эти годы в Петербурге вновь увеличилось число биржевых игроков, и помещение биржи с трудом вмещало всех желающих. Непрофессиональные спекулянты наводнили банки, банкирские дома и конторы. Вновь возникла вечерняя, так называемая «американская», биржа, т.к. во время официальных собраний не успевали выполнить все поручения клиентов. Если раньше биржевые дельцы и «зайцы»

встречались в ресторанах, кондитерских или на улице около банков и банкирских контор чуть ли не подпольно, то сейчас послебиржевые собрания устраивались почти открыто. Одно время петербургские биржевые спекулянты встречались в кофейне Андреева и кафе «De Paris», затем в конторе С.А.Никитина, банкирском доме Климы, в конторе Бурцева, на «Вилле Родэ» и даже на скейтинг-ринге на Марсовом поле. Позже собирались в банкирской конторе «Кафталъ и Гандельман», откуда перебрались к Захарю Жданову, затем облюбовали банкирский дом Г.Д.Лесина. Эти собрания рассматривались как нечто серьезное. Отчеты о них даже публиковались в газетных биржевых хрониках⁷⁰.

Небезызвестный биржевой спекулянт и банкир З.П.Жданов позже вспоминал об этом времени: «Колесо биржи завертелось с небывалой у нас быстротой и силой, перемалывая деньги в бумагу.. и выбрасывая акции и облигации, отсасывая народные сбережения в промышленность и награждая публику изображениями оных на бумаге, окрашенными цветной радугой надежд на повышение и легкую наживу. И наживали. В результате биржа у тысяч людей — профессия, у миллионов — подсобное дело, у большинства — на устах, у всех или почти у всех — в мыслях. Если деловые люди разговаривают, то тема их разговоров — “акции”; если они спешат разойтись, то ради “акций”; если они останавливаются хоть на минуту, причина этого — “акция”»⁷¹. Сам Жданов (Голяшкин) происходил из крестьян деревни Семенцово Мышкинского уезда Ярославской губернии, окончил 4 класса сельской школы, а затем бухгалтерские курсы Побединского в Петербурге.

Почти 99% посетителей банкирских контор не имели права посещать биржу. Для того чтобы клиенты были осведомлены и находились в курсе биржевого дня, владельцы банкирских заведений обещали им давать сведения с биржи несколько раз за время собрания. С этой целью использовалась телефонная связь. В конторах у специального телефона всегда находился служащий, который время от времени звонил на биржу и сообщал о происходивших там событиях. Почти все крупные банкирские заведения имели на бирже свои телефонные аппараты.

Новый промышленный подъем и биржевой ажиотаж совпали со временем расцвета специальной биржевой прессы, во многом влиявшей на формирование общественного мнения. Одним из первых в России чисто биржевую газету стал издавать П.Ф.Левдик. Получив небольшое наследство, он в 1904 г. основал газету «Биржевые известия». О бирже писали и раньше, но до Левдика русская периодическая печать относилась к этой теме «свысока», считая не совсем приличным много писать о спекулятивной игре, наживе и выгоде.

Вслед за П.Ф.Левдиком к изданию специальных биржевых газет и журналов приступили: И.Я.Попов — журнал «Банковая и торговая жизнь» (1909—1910); А.И.Зейдман — журналы «Биржевой ежемесячник» (1910—1914) и «Биржа» (1911—1914); Н.А.Нотович — журнал «Финансовое обозрение» (1910—1916); А.С.Харитонов — журнал «Банковое дело» (1912—1915); И.М.Эн-Янков — журналы «Банко-

вая и биржевая жизнь» (1912), «Банки и биржа» (1913—1915), газеты «С.-Петербургский биржевой день» (1913—1914) и «Биржевые известия» (1914—1917); А.А.Васильев — журнал «Биржевая спекуляция и акционерное дело» (1913—1914); П.М.Стадырнов — журнал «Биржа и русская промышленность» (1913—1916); А.Ф.Филиппов — газета «Деньги» (1913—1914); З.П.Жданов — газета «Биржевой день» (1913); В.А.Висковатов — журнал «Банки и акционерное дело» (1913), В.Л.Утин — «Онколь и русские биржевые бумаги», С.Ю.Хейфиц — журнал «Биржа за неделю» (1914—1917) и др. Фактически с 1911 г. в биржевое издание превратилась даже газета «Обозрение театров», издаваемая и редактируемая И.О.Абельсоном. Ее даже называли «Театрально-биржевое обозрение»⁷². На страницах этих биржевых изданий можно было получить самую разнообразную информацию о состоянии фондового рынка.

Особенно много газет и журналов, посвященных исключительно биржевым и банковским вопросам, имевших своих постоянных читателей, выходило в 1911—1914 гг. Все сведения о промышленности и банках освещались в них с биржевой точки зрения. Почти вся российская биржевая пресса издавалась в Петербурге. В Москве выходили: в 1911 г. — «Биржевая вечерняя газета» (редактор-издатель А.Л.Будо) и в 1913 г. — «Московская торгово-промышленная и биржевая газета» (редактор-издатель В.П.Крупенин). В провинции публиковались в основном бюллетени местных бирж, и лишь в Ростове-на-Дону в 1912 г. печаталась еженедельная газета под названием «Фондовая биржа». Большинство биржевых изданий прекратило свое существование в начале Первой мировой войны.

В биржевых изданиях время от времени появлялись анонимные публикации и объявления, например: «Акцию укажу, имеющую вскоре подняться...», «Биржевые операции — три акции, публике неизвестные», «Акции со скидкой...», «Биржа, имея 1000 франков...», «...приглашаю руководителя в биржевые операции...»⁷³. Банкирская контора А.П.Кропотова публиковала в некоторых изданиях такое объявление: «Играйте на бирже! Групповая спекуляция! Пай 10 руб. Всякому доступно спекулировать...» Меняльная лавка Толстопятова в «Биржевых известиях» размещала следующую рекламу: «Богатство дает Биржа! Спешите наживать деньги! Биржа изумительно быстро богатит. Кто хочет иметь успех! Тот может обратиться в меняльную контору К.А.Толстопятова...» Некоторые номера журнала «Банки и биржа» имели подзаголовок «Наживают деньги те, кто играет на бирже, и для этого — журнал, посвященный интересам финансовой, биржевой и промышленной жизни»⁷⁴. В рекламных проспектах издания указывалось: «Много денег имеет тот, кто интересуется биржей и для этого читает журнал "Банки и биржа"». Рассчитаны они были исключительно на широкую «публику», пристрастившуюся к биржевой спекуляции.

Как знамение времени появились особые конторы для консультаций по биржевым вопросам. Развитию интереса к биржевой спекуляции среди широких кругов населения содействовало распространение всевозможных руководств и пособий. В них в популярной форме

давались полезные советы для тех, кто решил поместить свои сбережения в ценные бумаги⁷⁵. Так, некто А.Ратьков (А.И.Репьев) издал брошюру под названием «Кратчайший и доступный каждому путь к богатству. Биржевые операции: Популярное руководство», где откровенно признавался, что добился успеха и производит свои операции в банковской конторе «Захарий Жданов и К^о». Брошюра стала бестселлером, поэтому в следующем году последовало ее второе, исправленное и дополненное, издание тиражом 50 тыс. экземпляров, а затем и третье. Как выяснилось позже, эта брошюра была подготовлена и издана самим З.П.Ждановым. Он оплатил все типографские затраты, занимался рассылкой как первого, так и второго ее издания, платил за объявления о выходе книги в разных газетах. А.И.Репьев являлся только доверенным лицом банковского дома «Захарий Жданов и К^о»⁷⁶. В 1911 г. некий Л.Холодницкий выпустил брошюру, озаглавленную «Тайны биржевой игры». В ней содержалась критика «бульварной» и «пакостной книжки» Ратькова. Холодницкий обвинял последнего в том, что тот «усердно пропагандирует биржевую игру и прямо зазывает публику в определенную “лавочку”», и называл его «книжку» «плохо замаскированной беззастенчивой рекламой... банковского дома... до тошноты надоевшего своими объявлениями во всех периодических изданиях»⁷⁷.

Почти одновременно вышли без указания авторства «Советы к биржевым операциям онколиста», «Руководство в биржевых операциях на С.-Петербургской бирже», «Биржа и спекуляция». В 1912 г. биржевой делец А.А.Васильев выпустил книгу с достаточно красноречивым названием «Биржевая спекуляция, теория и практика», в которой делился накопленным опытом. Впрочем, немало было и публикаций с критикой или осуждением биржевиков и спекуляции. Биржу сравнивали с вертепом, игорным домом, рулеткой и т.д., но в периоды ажиотажа на это мало кто обращал особое внимание.

Биржевая тематика нашла отражение в русской литературе. Еще в 1874 г. П.Д.Боборыкино опубликовал свой роман «Дельцы», прототипом одного из основных персонажей которого — статского генерала Саламатова, по признанию самого автора, послужил «кумир тогдашнего биржевого и финансового мира» Н.Н.Сушов⁷⁸. В 1884 г. вышел роман Вас.И.Немировича-Данченко с характерным названием «Цари биржи (Кайново племя в наши дни)». О его популярности свидетельствует то, что до 1914 г. он переиздавался 11 раз. В главном герое — хозяине банковской конторы А.Ф.Столешникове — современники узнавали реальных лиц из финансового мира Петербурга. В основе изданного в 1919 г. нового сочинения Немировича-Данченко «Банкирский дом (нравы нашей буржуазии)» также лежали реальные события истории владельца петербургского банковского дома «А.И.Зейдман и К^о»⁷⁹. По слухам, роман из жизни столичных биржевиков писал директор Петербургского Международного коммерческого банка А.И.Вышнеградский⁸⁰. Биржу в качестве поэтического образа использовали в своих стихах Б.Лившиц, М.Волошин, А.Блок и др.

Общая атмосфера, печать и реклама сделали свое дело. В очередной раз круг играющих на курсе ценных бумаг расширился неимо-

верно. Как и раньше, спекуляцией, по словам очевидцев, заразились почти все слои общества: «аристократия, дворянство и чиновники, купцы, ремесленники, даже духовенство и монашество. Мужчины, женщины, вдовицы, девицы, чуть ли не дети»⁸¹. По подсчетам прессы, слабый пол составлял в банках около 15% всей клиентуры, в банкирских учреждениях — еще больше — до 25%⁸².

Искушенные в делах, опытные биржевые дельцы уверяли, что ничто так не гипнотизирует и не вовлекает в биржевые операции, как окружающая картина всеобщего азарта. На бирже, а особенно на «американке», в шумной толпе, подогреваемой в нужном направлении, было трудно удержаться, чтобы не последовать общему примеру. Операции совершались быстро, и решения принимались молниеносно. Порой не было времени что-то сообразить, обсудить или рассчитать. Иначе момент мог быть упущен. Эта психология азарта, гипнотизирующая чужим увлечением, заставляющая следовать общему примеру, создающая такую обстановку, которая бывает на аукционах, успешно использовалась в банкирской конторе Жданова, превратившейся в неофициальную вечернюю биржу.

Новое повышение курсов с начала 1912 г. продолжалось вопреки всем прогнозам почти полгода, до начала осени. К 10 сентября курсы достигли наивысших отметок, 11—12 сентября начались колебания цен, а 18 сентября в течение одного часа все процентные бумаги разом упали в цене. На конец сентября среднее понижение бумаг, котировавшихся на Петербургской бирже, составляло: 23,3% для золотопромышленных ценностей, 23% для цементных, 20,5% для металлургических, 16,2% для нефтяных, 15% для железнодорожных и 5% для банковских⁸³. Общие потери на бирже оценивались примерно в 4 млрд руб.

Резкое понижение курсов в «черные дни» 18 и 19 сентября 1912 г. на Петербургской бирже сопровождалось одновременным падением цен на биржах Берлина и Парижа. Поводом к возникновению биржевой паники послужило известие о неизбежности войны на Балканах и участия в ней России. Большинство русских газет, как политических, так и экономических, квалифицировали балканские события как главную причину биржевой паники.

В июне 1913 г. политический горизонт вновь омрачился из-за вспыхнувшей Второй балканской войны. Только ее окончание принесло временное успокоение европейскому фондовому рынку, но угроза новой войны придавала неопределенность биржевой деятельности. Петербургская биржа так и не смогла оправиться, хотя в промышленности России не намечалось ни сбоев, ни спада производства. Единственное, что «давило» на биржу, — это колоссальная масса бумаг, выпущенных за последние годы и не нашедших «крепких рук». Только в течение первых восьми месяцев 1913 г. в котировку Петербургской биржи официально были допущены акции 22 предприятий на сумму в 10335 тыс. руб.⁸⁴

Сильные колебания курсов с тенденцией к общему понижению, начавшиеся с середины 1913 г., напугали и в конце концов отшатнули широкую «публику» от биржи. Временами биржевые собрания были

близки к грани, за которой начинается настоящая паника. Заключаемые сделки отличались незначительными размерами. Преобладало предложение, которое зачастую оставалось без всякого спроса. Спад на фондовом рынке особенно отчетливо обозначился в конце 1913 — начале 1914 г., совпав с весьма слабым настроением на зарубежных биржах.

В биржевой прессе стали появляться статьи с красноречивыми заголовками: «Где же выход?», «Что делать?», «Как оздоровить биржу?» и т.д. Газета «С.-Петербургский биржевой день» в нескольких номерах подряд поместила мнения о положении дел на бирже более ста видных политиков, финансистов, ученых-экономистов, банкиров, членов Государственной думы, чиновников, биржевых маклеров, представителей «кулисы» и «публики». Большинство видели причину биржевого спада в чрезмерном выпуске ценных бумаг, что привело к переполнению фондового рынка сверх его покупательной способности и повлекло за собой резкое понижение цен на бирже. Довольно образно выразился по этому поводу профессор И.Х.Озеров: «Биржу тошнит от новых эмиссий, у нее началась эмиссионная рвота»⁸⁵. Подводя итоги этого своеобразного опроса, газета «С.-Петербургский биржевой день» резюмировала: «Банки во всем винят нового министра финансов <П.Л.Барка>. Министр винит банки. А биржевики винят и министра, и банки... Ругают банки ("Красный крест" (так именовалось объединение крупнейших коммерческих банков страны во главе с Государственным банком (1899—1917). — П.Л.)) за то, что они проводят интервенцию таким образом, что от нее тошно становится»⁸⁶.

Угнетенное состояние фондового рынка и падение курса ценных бумаг в Петербурге отразились также на положении многих провинциальных банков и представителей торговли и промышленности. Так, например, корреспондент из Самары сообщал: «Размеры потерь самарцев, по имеющимся сведениям, достигают до 2¹/₂ млн руб. Один из представителей торговой Самары потерял более 500000 руб. и, очутившись накануне разорения, был вынужден заложить свои дома. Другой видный банковый деятель, проиграв на бирже 300000 руб., в настоящее время находится в безвыходном положении, не зная, как ликвидировать свои потери»⁸⁷. Подобная информация поступала и из других российских городов.

Биржа и общество в годы Первой мировой войны

Политические события в Европе, предшествовавшие Первой мировой войне, не могли не отразиться на фондовом рынке. Война еще не началась, а биржи большинства стран уже переживали серьезные потрясения. Не была исключением и Россия. В Петербурге и Москве расстройство кредита и денежного обращения возникло еще 12 июля 1914 г., когда окончательно исчезли надежды на мирный исход конфликта. Закрытие 16 июля Фондового отдела столичной биржи мгновенно отразилось на всех провинциальных биржах. За отсутствием официальной котировки, получаемой из Петербурга, они оказались

не в состоянии давать реальную стоимость большинства фондов и акций. И хотя Московская биржа оставалась в эти дни открытой, выход биржевого бюллетеня был прекращен. Одесская, Рижская, Харьковская биржи формально прекратили операции также с 16 июля, а Варшавская — с 17 июля.

С началом войны все русские биржи официально считались временно закрытыми, но вскоре появились заметки о происходивших негласно сделках с государственными и ипотечными бумагами⁸⁸. Более или менее постоянное функционирование неофициальной фондовой биржи в Петрограде, происходившее в виде частных собраний, началось во второй половине сентября. Сначала появился робкий спрос по сильно пониженным ценам на заем 1906 г., выигрышные займы, 4¹/₂%-ные облигации Петроградского городского кредитного общества. Когда выяснилось, что продавцов по этим низким ценам мало, а желающих воспользоваться падением курса для приобретения бумаг достаточно много, цены стали постепенно оправляться. Появился некоторый спрос и на другие бумаги. К концу 1914 г. для большинства котирующихся на столичной бирже ценностей установились определенные курсы. Оборот с ценными бумагами, перешедший в частные собрания, первоначально носил крайне ограниченный характер. Широкие слои «публики» держались от биржевых сделок в стороне. Понеся значительный материальный ущерб из-за падения курса ценных бумаг, общество недоверчиво относилось ко всяким неофициальным биржевым новостям.

Значительную роль в укреплении престижа «частной биржи» сыграла пресса, представлявшая ее собрания как крупное явление экономической и общественной жизни страны. В конце 1915 г. в газетах стали появляться статьи о необходимости открытия официальной фондовой биржи. С конца 1915 — начала 1916 г. в прессе стали публиковаться котировки частных биржевых собраний.

И хотя большая часть биржевых изданий прекратили в начале войны свое существование, некоторые издания такого типа продолжали выходить. По распоряжению главнокомандующего русской армией и по настоянию петроградского градоначальника была закрыта на все время войны газета «Биржевые известия». Ее издателем в то время был И.М.Эн-Янков. Подписчикам вместо «Биржевых известий» рассылалась газета «Биржевой день». Закрылись в 1915 г. журналы «Банки и биржа» («Новые банки и биржа»), «Банковое дело». В 1916 г. цензурой было приостановлено на время военных действий издание газеты «Биржевые новости», редактором-издателем которой был Н.Н.Набиркин. Однако во время войны в Петрограде открывались и новые биржевые газеты. В 1915 г. Н.С.Добровольский приступил к изданию «Вопросов банков, биржи и финансов», а в 1916 г. стали выходить газеты «Война и промышленность», редактируемая Г.С.Короглуевым, и «Биржевой курьер», издаваемая А.Я.Гутманом и В.В.Рюминым. Меняя названия, продолжали существовать «Биржа за неделю» («Биржевой еженедельник», «Еженедельник») С.Ю.Хейфица, «Биржа и русская промышленность» («Биржа») П.М.Стадырнова, «Банковая и торговая газета» Г.С.Габриловича.

В начале 1916 г. изменилась экономическая ситуация в стране. При подведении итогов деятельности промышленных предприятий за 1915 г. оказалось, что подавляющее их большинство не только не находится в расстроенном состоянии, а, наоборот, получило изрядную прибыль и смогло выдать неплохие дивиденды. Наряду с этим, на денежном рынке появился избыток свободных средств, притом довольно значительный.

Свободный капитал, не находивший из-за условий войны иного помещения, устремился в сферу фондовых сделок. Общая благоприятная для совершения новых кредитных операций государства конъюнктура денежного рынка подтвердилась успешной реализацией объединенного железнодорожного займа. Подписка, прошедшая в конце сентября, имела редкий успех. Еще до опубликования подробных условий займа предварительная подписка на него в частных кредитных учреждениях достигла исключительных размеров. Общая сумма выпускаемого займа в 350 млн руб. была покрыта подпиской, продолжавшейся всего четыре дня, в 4 раза. Подписчики по разверстке получили не более 25% заказанных облигаций⁸⁹.

Собрания и котировка «частной биржи» постепенно приобрели немаловажное значение. Появилась возможность по этим ценам (порой даже выше цены в день закрытия биржи) не только купить, но и продать ценные бумаги. Военные государственные займы внесли на фондовый рынок обилие новых ценностей с доходностью, превышавшей доходность большинства частных бумаг. В то же время прибыльность некоторых предприятий, работающих на оборону, удесятирилась, и к ним также возник вполне понятный биржевой интерес. Весьма важным фактором повышательного движения на «частной бирже» стали также всеобщая дороговизна в стране и обесценивание денег.

В первое время было немало скептиков, которые усматривали в возобновлении спроса на обесцененные биржевые бумаги простой маневр повышателей с целью избавиться от залежавшегося товара. Не поверили в улучшение биржевой конъюнктуры и многие банки, которые при первых признаках оживления поспешили отдать крупные партии бумаг по крайне низким ценам. Однако биржевые обороты уже в 1915 г. приняли столь ярко выраженный повышательный характер, что те же банки были вынуждены вскоре возвращать проданное, но уже по более высокому курсу⁹⁰.

С первых месяцев 1916 г. биржевые обороты стали увеличиваться с каждым днем. Наибольшим спросом пользовались все металлургические бумаги, за ними шли нефтяные, транспортные, железнодорожные и, наконец, банковские. В меньшей степени это повышение коснулось акций золотопромышленной группы. Государственные фонды, ипотечные ценности, железнодорожные займы отошли на второй план. Сделки совершались не только в Петрограде, но и в других крупных российских городах⁹¹. Так, например, акции Первого общества подъездных железных путей в России поднялись в цене за время с конца весны к началу осени с 66 до 130 руб., Русского товарищества для добычи, перевозки, хранения и торговли продуктами нефти «Нефть» — с 159 до 258 руб., мальцовские — с 262 до 430 руб.

и т.д.⁹² Длительная повышательная тенденция, стремительно нарастающая еще с весны 1915 г., привела к тому, что курсы большинства дивидендных ценностей превысили уровень довоенного времени. Сложившаяся ситуация «создала очень благоприятные условия для открытия официальных биржевых собраний — ввиду возможности безубыточной ликвидации онкольных сделок, заключенных перед закрытием биржи в начале войны»⁹³.

Продолжавшийся биржевой подъем в августе 1916 г. достиг наивысшего уровня, за которым началось понижение. Впрочем, наступившая реакция продлилась недолго. В сентябре биржа снова окрепла, и благоприятная тенденция держалась до конца года. По мнению известного экономиста И.И.Левина, во время войны биржевой оборот с ценными бумагами в Петрограде можно было сравнить по размаху с биржевым ажиотажем середины 1890-х гг. или даже подъема 1910—1912 гг.⁹⁴

В подготовленной Особенной канцелярией по кредитной части Министерства финансов записке «Об открытии Фондового отдела Петроградской биржи и мерах, им вызванных» указывалось, что под влиянием ряда благоприятных условий появился спрос на процентные и дивидендные бумаги, который в течение всего лета продолжал неизменно расти. Количество сделок и сумма оборотов приняли весьма крупные размеры, и настроение рынка по временам напоминало наиболее яркие дни подъема биржи в 1911 г. Все новые выпуски дивидендных бумаг, производившиеся в большом количестве, легко находили размещение и сразу же становились предметом оживленных сделок. Особое внимание обращалось на то, что «немалая часть покупателей платила за бумаги деньги, не обращаясь к кредиту банков, и этим придавала повышению прочный характер»⁹⁵. При этом признавалось, что «неизбежный при всяком длительном движении на бирже элемент спекуляции... играл свою роль». Происходящие вне всякого контроля собрания частной биржи не гарантировали порядка и соблюдения интересов широкой «публики». Вход на незаконные биржевые собрания никому не возбранялся, и спекулянтам был предоставлен полный простор. Были случаи, когда сдача бумаг задерживалась месяцами, что давало возможность играть на понижение в бланк. Наконец, расценки бумаг, печатаемые в газетах, никем не проверялись и не контролировались, отчего носили случайный характер. Отклонение цен давало возможность исполнять биржевые поручения клиентов по невыгодным для них курсам. В то же время неофициальная биржа превратилась в единственное в стране мерило стоимости не только дивидендных бумаг, но и фондов, в том числе выпускаемых государством военных займов. При таких условиях Министерство финансов, «в целях устранения указанных отрицательных сторон», признавало своевременным открытие официальной столичной фондовой биржи⁹⁶.

В годы войны значительно увеличилась емкость биржевого рынка, в основном за счет целого ряда новых выпусков акций, разошедшихся без всякого участия со стороны банков. При этом новые выпуски совершенно не отразились на старых ценностях. До огромной цифры

в 8 млн руб. увеличилось количество облигаций государственных займов, выпущенных за время бездействия официальной биржи. Перед войной такое наводнение фондового рынка новыми бумагами, несомненно, привело бы к серьезным проблемам и временным трудностям в их размещении. Но в конце 1916 г. это служило лишь поводом к усилению биржевого ажиотажа. Даже при отсутствии официальной котировки совершались довольно значительные сделки с фондами, главным образом с рентой, военными займами и закладными листами земельных банков. Фонды оказались менее удобными для операций на неофициальной бирже, чем акции. Поэтому основным объектом спекуляции были более подходящие для этой цели бумаги частных предприятий.

С одной стороны, денег в стране было предостаточно, а с другой — рубль постоянно обесценивался, и многие устремились на биржу в расчете выгодно поместить свои средства. В последнюю перед открытием официальных собраний «биржевую кампанию», длившуюся приблизительно с мая по ноябрь, масса лиц нажила крупные состояния игрой на повышение. Заработок в 200—300 тыс. руб. никого больше не удивлял. Это считалось, как писал «Биржевой курьер», вполне обыкновенным делом⁹⁷.

Торжественное открытие Фондового отдела Петроградской биржи состоялось 24 января 1917 г. Официальные биржевые собрания начались на следующий день. В связи с возобновлением работы столичной биржи в Москве также приступили к подготовке открытия биржевых собраний, намеченного на 26 февраля⁹⁸.

Открытие официальной фондовой биржи не сбило ажиотажный спрос, на что рассчитывало Министерство финансов. По-прежнему биржевые хроники отмечали неуклонное повышение всех дивидендных бумаг и появление сделок «американских размеров», большинство из которых совершались за наличные. Обращалось внимание на небывалый «спрос из Москвы», где спекулировали не «по-петербургски — для получения разницы, а по-московски — чтобы получить влияние на промышленное предприятие»⁹⁹. Акции покупались в банках и банкирских конторах сотнями и тысячами штук по цене на десятки рублей выше последней котировки и сразу на несколько миллионов рублей¹⁰⁰. Ежедневные обороты столичной фондовой биржи достигли суммы 75—100 млн руб.¹⁰¹ И хотя вечерние собрания были упразднены, тем не менее большие частные собрания почти ежедневно проходили в банках или ресторанах. Усилилось значение утренних биржевых собраний в Русско-Азиатском банке.

Профессор П.П.Мигулин 8 февраля 1917 г. писал своему корреспонденту А.Н.Скугаревскому в Харьков: «В Петрограде тревожно. Мы живем как в пиру во время чумы. На бирже вакханалия. Бедные люди в 1—2 недели делаются богатыми, все идет на повышение. В результате может быть крах, но может и не быть. Уже очень много выпущено в оборот бумажных денег, и все товары, земли и дивидендные ценности должны повыситься в расценке. Но все это печально. Никто не думает о войне, о военных займах и т.д., каждый заботится о себе: “Спасайся, кто может”»¹⁰².

Биржевой ажиотаж из столиц перекинулся в провинцию. Из Харькова, Одессы, Киева сообщали, что телеграф не успевал отправлять срочные телеграммы, подаваемые местными банковскими отделениями в Петроград и Москву на покупку различных бумаг¹⁰³.

Несмотря на крайне обостренную и напряженную политическую ситуацию в стране, на Петроградской бирже неизменно господствовала повышательная тенденция. Она продолжалась даже 23 февраля — накануне массовых демонстраций в центре Петрограда. Лишь биржевые собрания 24 и 25 февраля, дней, предшествовавших победе революции, сопровождались значительным понижением курсов¹⁰⁴. Впрочем, после Февральской революции биржевая деятельность в условиях усиливавшегося социального кризиса и нараставшего экономического распада не способствовала экономическому росту, приобретая характер беззастенчивой игры на курсе. В обстановке экономического и политического хаоса скупка акций превратилась в средство борьбы с инфляцией, биржевая игра выродилась в голую спекуляцию.

Торговля ценными бумагами, сохранявшаяся еще некоторое время, превратилась из регулируемых биржевых сделок в небиржевую продажу «из рук в руки» без всякого курса и котировки. Полагая, что акции легче, чем рубль, перенесут смутное время революции, многие снова стали приобретать ценные бумаги. Несмотря даже на прекращение выдачи банками ссуд по онкольным счетам, спрос на акции постепенно возрастал. В нормальное время даже незначительное сокращение ссуд под акции вызвало бы на бирже длительную депрессию, но в то время это не произвело никакого впечатления. Акции покупались с единственной целью «освободиться от ничего не стоящего рубля». Например, в октябре за пару ботинок требовали любую двухсотрублевую акцию. Такая сделка считалась даже предпочтительней, чем продажа за наличные деньги¹⁰⁵. Революции, а затем экономическая политика большевиков сделали всякую биржевую деятельность бессмысленной.

Итак, мы рассмотрели несколько стадий приобщения российского общества к биржевым операциям с ценными бумагами, биржевой игре и спекуляции с конца 1850-х гг. до 1917 г. За это непродолжительное время произошли значительные изменения в восприятии биржи известной частью населения: от полного равнодушия и непонимания сути биржевой спекуляции до серьезной заинтересованности и непосредственного активного участия в биржевых операциях. Когда на бирже заключались только сделки с товарами, векселями и валютой, важные в основном для купечества, то не могло быть никакого интереса к бирже со стороны других слоев общества. Когда небольшое количество ценных бумаг сосредотачивалось преимущественно в руках ограниченного круга лиц, тогда широкой «публике» биржа была просто безразлична. С выходом во второй половине XIX в. в обращение достаточного количества процентных бумаг и появлением возможности получать доход от их покупки или продажи расширяется круг лиц, интересующихся биржей.

К концу XIX в. российское общество психологически и морально оказалось готово к участию в биржевых сделках с ценными бумагами.

Оно освободилось от прежнего недоверия ко всему, что было связано с биржей, банками, акциями, облигациями и пр. В начале XX в. биржа приобретает уже достаточную популярность среди состоятельных слоев городского населения. Окончательно сложилась довольно заметная группа средних и мелких держателей акций, именуемая на биржевом жаргоне «публикой». Невозможно точно установить, сколько людей принимало участие в биржевых операциях. Их численность, вероятно, могла превышать сотни тысяч.

Одновременно общество в оценке биржи раскололось на две части, которые соответственно увеличивались или уменьшались в зависимости от состояния дел на рынке ценных бумаг. Одни одобряли биржевую спекуляцию, другие ее осуждали. Во время экономических кризисов сторонников биржи становилось меньше, а ярых ее противников больше, и наоборот. Во многом под влиянием общественного мнения правительство было вынуждено приступить к биржевым преобразованиям, стремясь установить контроль на фондовом рынке.

В начале XX в. стало меняться и отношение представителей биржи и банков к широкой «публике». Ее стали рассматривать как серьезную величину, без привлечения средств которой невозможно создание новых промышленных предприятий и кредитных учреждений. Европейские капиталисты еще раньше осознали это: «Когда публики нет с нами, биржа — ноль»¹⁰⁶. Именно поэтому номинал многих ценных бумаг, например в Англии, был в несколько раз меньше номинала российских акций и облигаций.

В целом можно говорить о постепенном сближении с конца XIX — начала XX в. российской биржевой культуры с западноевропейской. История спекуляции в России мало чем отличается от истории спекуляции в Европе: те же примеры, события, последствия. Единственное существенное отличие заключалось в том, что европейское общество оценило вкус биржевых операций раньше, чем это произошло в России.

Примечания

¹ На бирже под термином «публика» подразумевали всех лиц, втянутых в операции с ценными бумагами, но не принадлежавших к числу профессиональных биржевиков.

² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 563. Оп. 2. Д. 143. Л. 7—7об., 29—29об.

³ Безобразов В.П. О некоторых явлениях денежного обращения в России // Русский вестник. 1863. № 5. С. 379.

⁴ Бунге Н.Х. Заметки о современном экономическом кризисе в России // Журнал для акционеров. 1860. № 194. 28 ноября. С. 1462.

⁵ Петербургские заметки // Отечественные записки. 1855. Т. 100. № 6. Отд. 6. С. 128.

⁶ Вестник промышленности. 1859. Т. 1. С. 3.

⁷ Там же. 1858. Т. 1. С. 3.

⁸ Там же. С. 17.

⁹ См.: Шинов А.П. Как и отчего исчезли у нас деньги. СПб., 1860. С. 33—34.

¹⁰ Русский экономист. 1884. Вып. 1. С. 47—48.

¹¹ Бунге Н.Х. Указ. соч. С. 1462.

¹² Вестник промышленности. 1861. № 4. С. 7.

¹³ Русский экономист. 1884. Вып. 1. С. 48.

¹⁴ Цит. по: Левин И.И. Акционерные коммерческие банки в России. Пг., 1917. Т. 1. С. 118.

¹⁵ РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 115. Л. 1.

¹⁶ Там же. Д. 132. Л. 2об.—3.

¹⁷ Гейлер И.К. Сборник сведений о процентных бумагах (фондах, акциях и облигациях) России: Руководство для помещения капиталов. СПб., 1871. С. XXVI.

¹⁸ Нынешний биржевой погром // С.-Петербургские ведомости. 1869. 15 октября; то же. Отд. оттиск. СПб., 1869; Гаттенбергер К.К. Законодательство и биржевые спекуляции. Харьков, 1872. С. 108.

¹⁹ [Ламанский Е.И.] Из воспоминаний Евгения Ивановича Ламанского: (1840—1890) // Русская старина. 1915. Кн. XII. С. 404; Кн. X. С. 58.

²⁰ Д.Д. Наши бумажные ценности. СПб., 1870. С. 5.

²¹ Цит. по: Левин И.И. Указ. соч. С. 186.

²² Гейлер И.К. Указ. соч. С. XVI.

²³ Бабст И.К. Наше банковское дело // Русские ведомости. 1873. 16 сентября.

²⁴ Суворин А.С. Очерки и картинки. СПб., 1875. Кн. 1. С. 10—11.

²⁵ Гейлер И.К. Указ. соч. С. XVI; Нисселович Л.Н. О биржах, биржевых установлениях и мерах ограничения биржевой игры. СПб., 1879. С. 11.

²⁶ С.-Петербургские ведомости. 1869. 17 августа.

²⁷ Найденев Н.А. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. Т. 2. М., 1903. С. 139.

²⁸ Там же. С. 140.

²⁹ Московская биржа: Очерк возникновения и деятельности. 1839—1889 гг. М., 1899. С. 46.

³⁰ С.-Петербургские ведомости. 1869. 17 августа.

³¹ Там же. 21 августа.

³² Там же. 19 октября.

³³ Левин И.И. Указ. соч. С. 186.

³⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 1542. Л. 5.

³⁵ Там же. Ф. 583. Оп. 10. Д. 95. Л. 1.

³⁶ Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1907. С. 349.

³⁷ Сулейкин В.Т. Биржевая игра на Петербургской бирже (ее причины и последствия) // Журнал юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1897. № 10. С. 20.

³⁸ Кугель А.Р. Литературные воспоминания (1882—1896 гг.). Пг.; М., 1923. С. 116—117.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Приобретать биржевые ценности, конечно, имели возможность люди состоятельные. Преобладающим типом русских ценных бумаг являлись акции с номиналом 100, 250 и 1000 руб. Акции в 10000, 5000, 3000 и 2500 руб.

было немного, а акции в 50 и 25 руб. составляли исключение. Номинальная цена акций русских коммерческих банков, как правило, составляла 250 руб. Исключением являлись акции Русско-Китайского (номинал 125 руб.), Московского Купеческого (5000 руб.), Московского Торгового (200 руб.) и Московского Учетного (200 руб.) банков. См.: Крайз Ц. Банки и акционерные торгово-промышленные предприятия, оперирующие в России, за последний отчетный год (1899—1900 и 1900—1901 гг.): Справочная книга. СПб., 1902. Следует отметить довольно низкую номинальную стоимость акций англо-русских предприятий. Среди них имелись лишь два предприятия, номинальная цена акций которых составляла 10 ф. ст. и одно — 5 ф. ст. Номинальная стоимость акций всех остальных 76 предприятий составляла 1 ф. ст. и ниже, до 1 шиллинга. Низкая стоимость многих англо-русских дивидендных бумаг делала их доступными для широких слоев английского общества.

⁴¹ Судейкин В.Т. Указ. соч. С. 8.

⁴² Там же. С. 9.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 9—10.

⁴⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 1542. Л. 5об.; Ф. 1263. Оп. 4. Д. 26. Л. 17.

⁴⁶ Судейкин В.Т. Указ. соч. С. 10.

⁴⁷ Само английское выражение «оп call» означало счет до востребования. Лиц, имеющих такой счет в банке, называли онколитами.

⁴⁸ Кугель А.Р. Указ. соч. С. 117—118.

⁴⁹ Бирюкович В.В. Биржа и публика // Вестник Европы. 1895. Т. VI. Кн. 11. С. 351—352.

⁵⁰ Цит. по: Судейкин В.Т. Указ. соч. С. 29—30.

⁵¹ Там же; Невзоров А.С. Русские биржи. Кн. 1. Юрьев, 1897. С. 214.

⁵² Новое время. 1895. 18 сентября.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Судейкин В.Т. Указ. соч. С. 29.

⁵⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 1455. Л. 1; Вестник финансов, промышленности и торговли. 1895. № 53. С. 1146.

⁵⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 1455. Л. 17; Вестник финансов, промышленности и торговли. 1895. № 53. С. 1149.

⁵⁷ Рославлев. Публика // Биржевой ежемесячник. 1911. № 7. С. 59—60.

⁵⁸ Там же; Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 212; Из архива С.Ю.Витте: Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. СПб., 2003. С. 187.

⁵⁹ Кугель А.Р. Указ. соч. С. 116—117.

⁶⁰ Бovyкин В.И. Формирование финансового капитала в России. Концы XIX в. — 1908 г. М., 1984. С. 128.

⁶¹ Новости. 1900. 12 мая.

⁶² Промышленный мир. 1900. 4 июня. № 29. С. 573.

⁶³ Торгово-промышленная газета. 1911. 1 января; Вестник финансов, промышленности и торговли. 1911. Т. 2. № 16. С. 121.

⁶⁴ Финансовое обозрение. 1910. № 28—29. С. 6.

⁶⁵ Биржа. 1911. № 2. С. 3—4.

⁶⁶ Банки и биржа. 1913. № 29. С. 6; № 30. С. 5.

⁶⁷ См.: Биржа. 1913. № 28. С. 8.

- ⁶⁸ Цит. по: там же. 1912. № 43. С. 5; Русские биржевые ценности 1914—15 г. Пет. 1915. С. 4.
- ⁶⁹ См.: Архангельский областной краеведческий музей. Коллекция Поповых. № 24696, 25674.
- ⁷⁰ Банки и биржа. 1913. № 3. С. 3; Биржевой ежемесячник. 1911. № 51. С. 36.
- ⁷¹ За кулисами биржи // Деньги. 1914. 8 февраля.
- ⁷² Банки и биржа. 1913. № 33. С. 7.
- ⁷³ Биржевой ежемесячник. 1910. № 5. С. 106.
- ⁷⁴ Банки и биржа. 1913. № 14. С. 13.
- ⁷⁵ Биржа. Спекуляция. Обогащение: Экономический этюд. СПб., 1907; Ратьков А. (А. И. Репьев). Кратчайший и доступный каждому путь к богатству. Биржевые операции: Популярное руководство. СПб., 1909; Советы к биржевым операциям онколистов. СПб., 1911; Руководство в биржевых операциях на С.-Петербургской бирже. СПб., 1911; Васильев А. А. Биржевые спекуляции. СПб., 1912; Галбмилион А. М. Биржа. Биржевая игра или спекуляция: Руководство в биржевых операциях. СПб., 1912 и др.
- ⁷⁶ Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 852. Оп. 2. Д. 368. Л. 11об.—12.
- ⁷⁷ Холодницкий Л. Тайны биржевой игры. М., 1911. С. 1.
- ⁷⁸ Витмер А. Н. Отрывочные воспоминания // Исторический вестник. 1911. № 9. С. 861; Лебедев С. К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М., 2003. С. 118—123.
- ⁷⁹ Боханов А. Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал: (Конец XIX в. — 1914 г.). М., 1984. С. 140.
- ⁸⁰ См.: Банки и биржа. 1913. № 35. С. 11.
- ⁸¹ Печать и реклама // Деньги. 1914. 17 апреля.
- ⁸² Вопросы банков, биржи и финансов. 1915. № 22. С. 13.
- ⁸³ Биржа. 1913. № 21. С. 13.
- ⁸⁴ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1914. Т. 1. № 2. С. 63.
- ⁸⁵ С.-Петербургский биржевой день. 1914. 18 апреля; 29 апреля.
- ⁸⁶ Там же. 15 апреля.
- ⁸⁷ Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1914. 15 июня.
- ⁸⁸ Биржа за неделю. 1914. № 7—8. С. 7.
- ⁸⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 1397. Л. 3.
- ⁹⁰ Биржевой курьер. 1917. 3 января.
- ⁹¹ РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 544. Л. 6об.
- ⁹² Там же. Ф. 560. Оп. 26. Д. 1185. Л. 19об.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Промышленность и торговля. 1916. № 34—35. С. 160.
- ⁹⁵ РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 544. Л. 10об.—11об.; Ф. 1276. Оп. 12. Д. 550. Л. 2—19; Ф. 1405. Оп. 532. Д. 1306. Л. 43об.—48об.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Биржевой курьер. 1916. 15 декабря.
- ⁹⁸ Там же. 24 января.
- ⁹⁹ Финансовая газета. 1917. 6 февраля.
- ¹⁰⁰ Биржа за неделю. 1917. № 6. С. 2.
- ¹⁰¹ Биржевой курьер. 1917. 10 февраля.

¹⁰² Цит. по: Кирьянов Ю. Дороговизна в конце 1916 — начале 1917 г. (по перлюстрации писем) // Былое. 1992. № 8. С. 7; то же // Родина. 1999. № 11. С. 21—22.

¹⁰³ Биржевой курьер. 1917. 10 февраля.

¹⁰⁴ Биржа за неделю. 1917. № 9—10. С. 3.

¹⁰⁵ Финансовая газета. 1917. 4 октября.

¹⁰⁶ Цит. по: Штиллих О. Биржа и ее деятельность. СПб., 1912. С. 207.

Акционеры Российско-американской компании (первая треть XIX в.)**

Российско-американская компания (РАК) была первой в Российской империи монопольной акционерной компанией, управлявшей обширными территориями в северной части Тихого океана. С момента своего основания 8 июля 1799 г. компания находилась под высочайшим покровительством, а в 1802 г. близость РАК к правительству была закреплена тем, что ее акционерами стали члены августейшей фамилии и многие государственные деятели. При этом компания продолжала оставаться по преимуществу купеческим объединением¹.

Тема настоящего исследования все еще недостаточно освещена в литературе. Однако существует специальная работа А.А.Преображенского, посвященная изучению списка акционеров РАК начала XIX в. Этот исследователь справедливо полагал, что ответ на вопрос о составе акционеров дает возможность более наглядно представить деятельность РАК. Правда, Преображенский писал лишь о начальном этапе деятельности РАК и считал, что выявленный им в коллекции Юдина в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) список акционеров единственный из пока найденных в отечественных архивах².

Между тем в последнее время в результате исследовательской работы в Российском государственном историческом архиве (С.-Петербург) нами были обнаружены и другие перечни держателей ценных бумаг компании. На сегодняшний день имеются следующие списки: начала XIX в.³, конца 1823 г., июня 1825 г. и, наконец, список, составленный не позднее 1835 г.⁴ Хотя существуют и более ранние перечни акционеров, которые публиковались в «Прибавлении к «Санкт-петербургским ведомостям»», а затем в «Известиях к «Санкт-петербургским ведомостям»», тем не менее эта газета не публиковала общего списка всех акционеров и сведений о количестве акций того или иного держателя⁵. К сожалению, пока не обнаружено более поздних полных перечней акционеров, поэтому исследуемые списки очень важны.

---

* Петров Александр Юрьевич — кандидат исторических наук (Институт всеобщей истории РАН).

** Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ № НШ-1470.2003.6.

Настало время для комплексного изучения всех выявленных списков акционеров, с тем чтобы нарисовать более полную картину положения дел в РАК. Поэтому задача данного исследования — выяснить, какие изменения произошли в списках акционеров, и прежде всего среди организаторов монопольной компании, директоров РАК, членов Особого совета. Так как каждый из известных на сегодняшний день списков содержит относительно неполные сведения, выводы можно сделать лишь в результате анализа и сопоставления всех списков акционеров с данными из других источников. С этой целью были составлены таблицы, позволяющие лучше осмыслить суть происходивших изменений.

Для раскрытия темы важно обратить внимание на некоторые параграфы «правил» Российско-американской компании, утвержденных в 1799 г., регламентировавшие права и обязанности акционеров. Так, акционером РАК мог стать «всяк российский поданный и чужестранный, записавшийся в вечное российское подданство, какого бы чина и состояния ни был, разумея о последнем, чтоб имел оседлость в недвижимом имении...»⁶. Наиболее важные для деятельности компании вопросы выносились на общее собрание акционеров. При этом право голоса имели те, кто обладал не менее чем 10 акциями, держатель же пакета из 25 акций мог претендовать на избрание директором РАК⁷. В «правилах» говорилось: «...каждому из соучастников предоставляется свобода акции употреблять по собственной своей воле, передавая оныя в другия руки продажею или иным способом, с тем однакож, чтоб выдающий оную от себя делал на ней надпись своего имени и звания, дабы компания при общем счете могла видеть первого получателя; а сверх того продавец и покупатель акций обязаны в течение трех месяцев уведомить о сем правление компании, чтоб оно заблаговременно могло знать о своих соучастниках»⁸.

Перейдем теперь непосредственно к анализу имеющихся в нашем распоряжении списков. Наибольшую сложность представляет датировка перечня акционеров начала XIX в. Преображенский полагал, что его можно отнести ко времени не ранее 1807 г., но не позднее 1818 г.⁹ Вероятно, в определении даты этот исследователь исходил из того, что в списке нет камергера и корреспондента РАК Н.П. Резанова, умершего в 1807 г., зато фигурировал главный правитель Русской Америки — А.А. Баранов, которого не стало в апреле 1819 г. Можно предположить, что документ был составлен ближе к крайней дате — 1818 г.¹⁰ Дело в том, что М.М. Булдаков, зять Г.И. и Н.А. Шелиховых, возможно, унаследовал акции своей жены Авдотьи (Евдокии), которая умерла в 1817 г. и, вероятно, также была в числе акционеров РАК. Конечно, можно считать, что свои акции Авдотья передала мужу ранее или их у нее было меньше 10 штук, или же она не вошла в список акционеров. В пользу более поздней датировки документа говорит также тот факт, что в списке присутствуют Наталия и Александра — дочери Г.И. и Н.А. Шелиховых, имевшие значительное число акций, и нет Авдотьи. Имеются и другие косвенные данные, связанные с рождением и замужеством дочерей Г.И. и Н.А. Шелиховых, позволяющие отнести датировку документа ближе к 1818 г., которую

тем не менее, нельзя еще считать безусловной и окончательной. Для данного исследования эта дата служит определенным ориентиром в раскрытии темы.

Список акционеров начала XIX в. неполный. В архивном деле не достаёт листа, где должны были бы быть фамилии лиц, владевших менее чем 10 акциями, и нет указаний на общее число акционеров, поэтому для корректного сравнения в списке 1823 г. подсчитаны лишь те, кто владел не менее чем 10 акциями. В обоих списках учитываются акции императорской фамилии.

Список акционеров 1823 г. разбит на четыре столбца, в которых указаны лицо, титул, учреждение и количество акций¹¹. В данном списке указано также, что царская фамилия была представлена четырьмя акционерами, включая самого императора, и владела 71 акцией. Затем был выделен раздел «Духовные и гражданские места» (14 «мест» и 233 акции)¹²; далее следовали 38 «акционеров, имеющих право на звание директора» (2378 акций), 65 «акционеров, имеющих право голоса» (986 акций); затем был выделен раздел «Акционеры женского пола (40 акционеров, 1280 акций. — А.П.) и участники, не имеющие определенного числа акций (20¹³ акционеров, 1341 акция. — А.П.)»; замыкали список 455 «акционеров, не имеющих права голоса» (1195 акций). Всего же 637 участников владели 7484 акциями¹⁴.

Такой раздел, как «Большие акционеры», вовсе перестал существовать по сравнению со списком начала XIX в., хотя в основном держатели значительного количества акций остались прежними. Правда, Г.С.Кушников приобрел еще 10 акций и стал владельцем 239 акций, а Г.С.Кусовников лишился тех же 10 акций, и у него осталось 210 акций.

Не стало некоторых сибирских купцов, принимавших участие в образовании РАК. Так, компания лишилась семьи богатого иркутского купца Н.П.Мыльникова. Известно, что сыновья этого купца принимали самое активное участие в образовании Соединенной американской компании, а затем были первыми директорами РАК¹⁵. Участие других стало теперь не столь значительным, или родственники последних не обладали уже большими капиталами. Так, наследники Старцовых, владевших 112 акциями в начале XIX в., к 1823 г. являлись обладателями всего 22 акций.

Если в списке начала XIX в. не отмечены регионы, из которых происходили те или иные акционеры, а также их сословная принадлежность, за исключением высокотитулованных особ, то в 1823 г. такие данные появляются. Из них видно, что среди акционеров преобладало московское и петербургское купечество. Было немало женщин, которые в основном наследовали доставшиеся им от мужей капиталы.

К 1823 г. среди акционеров появились морские офицеры, принимавшие участие в кругосветных экспедициях: В.М.Головнин, Л.А.Гагемейстер и С.И.Яновский. К 1823 г. акционером стал бухгалтер Главного правления Российско-американской компании (ГП РАК), меша-

нин из г. Вельска Платон Васильевич Боковиков, сделавший немало для поддержания финансовых документов РАК в полном порядке.

Значительно возросло количество акций, направленных на благотворительность: в России — церквям и монастырям, а в Америке — школе на острове Кадьяк. Это не случайно, так как для начала XIX в. были характерны патриотический подъем и участие дворянского сословия в строительстве и содержании зданий для больницы, богаделен и т.д.¹⁶ Вообще духовным и гражданским «местам» выделялось 233 акции¹⁷.

Итак, если в начале XIX в. было 162 держателя 6964 акций, то в 1823 г. 187 акционеров имели 6269 акций¹⁸. Возросло число держателей более чем 10 акций.

В июне 1825 г. был составлен новый список акционеров РАК¹⁹. На первый взгляд, он повторял предыдущий, но при их сравнении обнаруживаются отличия. Изменения не коснулись императорской фамилии, а вот среди других акционеров они были налицо. Например, нарвский купец Е.К.Сутхов²⁰ увеличил свой «портфель» с 77 до 116 акций. Достаточно большое количество акций приобрели С.М.Брюшков и Л.А.Климов. Не менее 10 человек покинули РАК, но примерно столько же стали новыми акционерами компании. Так, И.О.Зеленский не только лишился акций, но и своего поста — правителя канцелярии РАК; на смену ему пришел обладавший 10 акциями К.Ф.Рылеев²¹. Стал акционером барон В.И.Штейнгейль (впоследствии весьма критически отзывавшийся о Г.И. и Н.А.Шелиховых). Любопытно появление среди держателей акций в Америке пермской мешанки Катерины Александровны Сунгуровой (16 акций). Стабильное число акций (35) было у вологодского купца 1-й гильдии Ивана Алексеевича Колесова²². Не изменилось число акций и у полковника Петрово-Соловова (34 акции), а также у генерал-лейтенанта графа Марко Константиновича Ивелича (31 акция)²³.

Меньше всего изменения коснулись акционеров за пределами столицы, в то время как в С.-Петербурге перемены были более значительные. Объяснением данному факту, вероятно, является то, что именно в этом городе располагалось ГП РАК, где желающие могли купить или продать свои акции и где проходили общие собрания акционеров, а о деятельности компании знал более широкий круг лиц, чем в других местах. Изменилось также положение в обществе многих акционеров. Так, московский купец Н.М.Гусятников стал дворянином, а надворный советник Н.П.Лобри — действительным статским советником, обладающим большим количеством акций.

Вероятно, после декабря 1833 г. был составлен очередной список акционеров РАК²⁴. Это именной список, напечатанный в типографии. Фамилии акционеров расположены в алфавитном порядке. По сравнению с предшествовавшими списками он наиболее сложный для обработки. Сложность заключается в том, что, кроме текста, напечатанного типографским способом, от руки дополнительно вписаны имена акционеров, а также проставлено количество акций. В неизменном виде присутствует и императорская фамилия, обладавшая, как и прежде, 71 акцией, хотя после воцарения императора Николая I

должны были бы быть внесены необходимые коррективы. При использовании этого списка стоит исходить из того, что печатный список — это перечень-болванка, более ранний, а проставленное от руки количество акций и дописанные фамилии акционеров — плод более позднего, постепенного творчества составителя. Несмотря на сложность точной датировки, это исключительно ценный документ, который позволяет проследить судьбу многих акционеров, и в первую очередь основателей РАК.

Известно, что при образовании монопольной компании ключевую роль играли люди, принадлежавшие к так называемому клану Шелиховых, образовавшемуся благодаря удачным бракам детей Г.И. и Н.А.Шелиховых. В результате длительного изучения их семейного древа, на сегодняшний день можно в целом реконструировать имена не только всех детей этой династии, но внуков и даже, в известной степени, правнуков. Здесь не ставится задача подробного генеалогического анализа, отметим только то, что в семье Г.И. и Н.А.Шелиховых родилось 11 детей, из них пятеро умерли в раннем возрасте, не оставив потомства²⁵. Интересно проследить судьбу оставшихся шести детей с точки зрения их участия в финансово-хозяйственной деятельности Российско-американской компании. С этой целью были проанализированы все известные списки акционеров РАК и сопоставлены с семейным древом Шелиховых. После количественной обработки данных была составлена сравнительная таблица изменения количества акций клана Шелиховых по периоду не позднее 1818 г. — не позднее 1835 г.²⁶ В этой таблице условно выделено 6 групп, расположенных в хронологическом порядке, начиная с показателей самого раннего списка акционеров РАК. В первую группу входят семья Булдаковых, а именно первенствующий директор компании М.М.Булдаков, женатый на дочери Шелиховых Авдотье, а также семьи его братьев и другие родственники. В другую группу объединены наследники Г.И.Шелихова по мужской линии, а также его родственники. Третья группа представлена дочерью Г.И. и Н.А.Шелиховых Наталией, бывшей замужем за бароном И.К.Меллер-Закомельским. В четвертую группу входят Александра Григорьевна, ее муж — действительный тайный советник Г.Г.Политковский (таким образом, чиновник, имеющий 1-й чин по «Табели о рангах», был женат на купеческой дочери, что являлось редкостью для того времени) — и их сыновья. В пятую попали дети Н.П.Резанова. И, наконец, замыкают таблицу супруги Катерина (Екатерина) Григорьевна и Иван Осипович Тимковские.

Проследим теперь в отдельности судьбу каждой из выделенных групп. Из первой группы наибольший интерес представляет сам первенствующий директор РАК Михаил Матвеевич Булдаков. В наиболее раннем списке он был самым крупным акционером (370 акций). У Булдакова было четыре дочери — Екатерина, Любовь, Надежда, Вера — и сын Николай²⁷. В 1823 г. М.М.Булдаков вместе с детьми обладал 419 акциями, а в 1825 г. — только 349, при этом сам Михаил Матвеевич владел 299 акциями. Его дети в 1823 и 1825 гг. имели по 10 акций каждый: Екатерина, Надежда, Любовь, Вера и Николай в

сумме обладали 50 акциями. При этом если в изучаемых перечнях ценных бумаг Екатерина, Надежда и Вера значатся как «дочери надворного советника» и проходят под девичьими фамилиями, то сложнее обстоит дело с Любовью. Н.М.Кудрин полагает, что она была замужем за надворным советником помещиком Иваном Мерклингом²⁸, но в списках акционеров ни он, ни его «супруга» под такой фамилией не значатся. При внимательном анализе списков акционеров за 1823 и 1825 гг. была найдена «Любовь Михайловна Самсонова, майорша», владевшая 10 акциями. Впрочем, основываться лишь на одном этом документе нельзя, так как в данном случае могло оказаться просто совпадение имени и отчества. Сомнения развеивает более поздний список акционеров²⁹, где также фигурирует Самсонова Любовь Михайловна, владевшая 60 акциями. Именно столько (по 60) ценных бумаг было у других дочерей Булдакова — Екатерины, Веры и Надежды. Последняя была уже замужем за А.И.Дружининым. Сын М.М.Булдакова Николай (женатый на В.А.Кокошкиной — сестре С.А.Кокошкина, флигель-адъютанта, владевшего в 30-х гг. XIX в. 25 акциями) был владельцем 24 акций (на 36 акций меньше, чем у его сестры). В итоге к середине 30-х гг. XIX в. дети М.М.Булдакова обладали 264 акциями. Итак, в начале XIX в. акционером был один Булдаков (370 акций), в 1823 г. — Булдаков с детьми (414 акций), и в позднейшем списке акционеров были лишь его дети (264 акции). Что касается всех родственников М.М.Булдакова, то, согласно таблице, больше всего акций — 483 — было у них в 1823 г., а через два года — лишь 298.

Самые драматические изменения произошли во второй группе. Если в начале XIX в. сын Г.И. и Н.А.Шелиховых Василий (1792—1834) был крупным акционером, то затем он лишился своих ценных бумаг. Известно, что он не питал особой страсти к купеческим делам, а будучи определен на военную службу, вовсе перестал принимать участие в делах РАК и, видимо, к 1823 г. продал свои акции. По крайней мере, поиски акций его наследников — жены Дарьи Герасимовны Шелиховой (Григорьевой), дочерей Анастасии, Екатерины и сына Сергея — не привели к ожидаемым результатам. В раннем списке акционеров значатся наследники [Г.И.]Шелихова без указания конкретного имени. Думается, что имелся в виду брат Г.И.Шелихова, которого также звали Василий. Его нет в раннем списке, зато он значится в списках 1823 и 1825 гг., имея те же 28 акций, которые, как представляется, передал затем по наследству своему сыну Александру. В эту же группу включены родственники и сподвижники Г.И.Шелихова — Сидор Андреевич и Иван Петрович Шелиховы. У последнего на руках было 54 акции, но затем его имя исчезает из остальных списков, зато Сидор Андреевич постоянно распоряжался 15 акциями. Итак, если в начале XIX в. держатели ценных бумаг этой группы обладали 445 акциями, то уже к 1823 г. у них осталось лишь 43 акции, что более чем в 10 раз меньше. Это же число сохранялось и в более поздних списках.

Единственная группа, в которой не было изменений, — это супруги Н.Г. и И.К.Меллер-Закомельские, во все годы имевшие 315 акций. Наталия, дочь Г.И. и Н.А.Шелиховых, вышла замуж за барона И.К.Меллер-Закомельского, принадлежавшего к русскому дворян-

скому роду, происходящему от генерал-аншефа Ивана Ивановича Меллера, который при возведении в баронское достоинство в 1789 г. получил фамилию Меллер-Закомельский. Род внесен в V часть родословных книг Витебской и Смоленской губерний.

Четвертая группа — это семья Политковских. Ее основатели — Александра Григорьевна Политковская (дочь Г.И. и Н.А.Шелиховых) и ее муж — Гаврило Герасимович Политковский. Действительный тайный советник Г.Г.Политковский стал акционером РАК в апреле 1802 г.³⁰ Этот человек принадлежал к элите российского общества, был ярославским губернатором и литератором. Его сыновья стали также весьма известными в государстве людьми. Один из сыновей Александры Григорьевны и Гаврилы Герасимовича — Владимир — стал генерал-майором и директором Российско-американской компании (1844—1866). В начале XIX в. Политковские имели в совокупности 268 акций. К 1823 г. Политковские были держателями лишь 190 ценных бумаг РАК. Здесь следует заметить, что в списке присутствуют Александра Григорьевна и Гаврило Герасимович Политковские, хотя они умерли раньше³¹. По всей видимости, их акции находились в портфеле компании и в случае спроса могли быть реализованы.

Следующую группу составляют наследники Н.П.Резанова. Думается, что под ними понимались его дети от брака с Анной Григорьевной Шелиховой — сын Петр и дочь Ольга. В начале XIX в. они фигурируют как дети [А.Г.]Резановой, имевшие 238 ценных бумаг РАК. Затем, в перечне 1823 г. значится С.А.Кокошкин, муж Ольги, который в 1825 г. был полковником и флигель-адъютантом, обладавшим 25 ценными бумагами. При этом его супруга имела 213 акций. Следовательно, в сумме супруги имели именно 238 ценных бумаг РАК. По каким-то причинам в ранних перечнях нет Петра, зато в последнем списке появляется Александр Петрович Резанов (6 акций); думается, что это сын Петра Николаевича. Если данное предположение правильно, то к 1835 г. Резановы имели уже 244 акции. Как и в случае с Политковскими, в списке, датированном не позднее 1835 г., присутствует Ольга Николаевна Кокошкина, которая умерла 10 июня 1828 г. и к которой может быть, в свою очередь, отнесено предположение, указанное ранее.

Последняя группа — это супруги Тимковские. Катерина Григорьевна Тимковская (Шелихова) в начале XIX в. владела всего 22 акциями, что не идет ни в какое сравнение с другими дочерьми Г.И. и Н.А.Шелиховых, имевшими более 200 акций каждая. По всей видимости, им не удалось полностью «все обстоятельство привести в совершенный порядок»³². Более того, в списках 1823 и 1825 гг. Тимковские не значатся вообще и появляются лишь в перечне акционеров 1835 г., являясь держателями всего 8 ценных бумаг Российско-американской компании.

Итак, на основании данных сравнительной таблицы изменения количества акций клана Шелиховых (Таблица 1) можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, следует отметить, что дочери Г.И. и Н.А.Шелиховых — Анна, Авдотья, Наталия и Александра — исключительно удачно вышли замуж, если брать за основной показатель успешного брака близость к императорскому двору, звания, титулы, а также материальный достаток. Именно наличие вышеперечисленных «достоинств» делало жениха и невесту привлекательными в глазах общества того времени. Чем же объяснить тот факт, что весьма перспективные мужчины-дворяне, у которых были все возможности для блестящей карьеры и которые могли выбрать невесту из своего сословия, останавливали свой выбор на дочерях Г.И. и Н.А.Шелиховых? Думается, ответ следует искать в незаурядных личностях самих Г.И. и Н.А.Шелиховых, которым была присуща редкая для купеческой среды того времени широта экономических и политических взглядов. Вполне возможно, что их дочери были внешне весьма привлекательными, но важным являлось и то, что они получили хорошее образование. Наталия Алексеевна заказывала мужу, когда он бывал в столице, книги по гуманитарным предметам для своих дочерей³³. Шелиховы были вхожи в дом генерал-губернатора, об их деятельности знали в высших правительственных кругах. Действительно, это была необычная купеческая семья: ей принадлежала заслуга в основании первых постоянных русских поселений в Северной Америке.

Во-вторых, итоговые цифры говорят о том, что клан Шелиховых представлял собой более могущественную силу, чем принято было считать некоторыми исследователями³⁴. Так, согласно списку акционеров, в начале XIX в. 3135 акций было на руках у владельцев крупных пакетов бумаг (более чем 100 акций), причем 1458 акций имели «шелиховцы» — «большие акционеры». В итоге, из общего количества акций (6964) этому клану принадлежала почти четверть акций. Если взять в совокупности всех акционеров РАК, то у 121 держателя было 5209 акций (исключая Шелиховых, членов императорской фамилии и владельцев менее 10 ценных бумаг РАК), а у 37 членов изучаемой семьи — 1755 акций, т.е. каждый «шелиховец» в среднем владел 47,43 акции (больше, чем в среднем другие акционеры — 43,05 акции). Если же добавить к клану Шелиховых лиц, зависящих от них или явно их поддерживающих, то получается, что по крайней мере вплоть до конца 30-х гг. XIX в., или окончания действий первого устава РАК, клан Шелиховых мог оказывать решающее воздействие на принятие тех или иных решений в компании.

В-третьих, видно явное уменьшение количества акций в руках Шелиховых с течением времени. Меньше чем за 20 лет оно сократилось более чем в полтора раза. Если принять за крайние хронологические рамки изучаемых списков акционеров РАК 1818 и 1835 гг., то в среднем клан Шелиховых лишался 42,75 акции в год. На основании Таблицы 2 («Акции клана Шелиховых по группам держателей, не позднее 1818 г. — не позднее 1835 г.») можно сделать вывод, что наибольшие изменения коснулись группы крупных акционеров, имевших 100 и более ценных бумаг РАК. К 1835 г. на руках у крупных держателей осталось 478 акций (Н.Г.Меллер-Закомельская — 265 и О.Н.Кокошкина — 213 акций (по сравнению с 1458 акциями в начале

XIX в.)). При этом увеличилось число акций у более мелких акционеров. Именно за счет того, что у крупных акционеров стало в три раза меньше ценных бумаг, и произошло общее итоговое уменьшение количества акций клана Шелиховых. В процентном отношении видно, что более 80% от общего количества акций, которыми владели Шелиховы, приходилось на долю крупных акционеров вплоть до 1825 г. и лишь 43,5% — к 1835 г. Если же исключить О.Н.Кокошкину, то процент будет более чем в полтора раза меньше. С некоторым «провалом» в 1823 г. видно явное увеличение процента держателей акций, «могущих быть директорами»: от 14,6% в начале XIX в. до 44,4% не позднее 1835 г. Тенденция к увеличению прослеживается и у тех, кто владел акциями в количестве от 10 до 24: от 2,3% до 9,6%³⁵.

В-четвертых, отмеченные тенденции характерны как для клана Шелиховых, так и для всех акционеров в целом, правда, они были выражены не столь явно.

Сложности в финансово-хозяйственной деятельности Российско-американской компании, которые она переживала в начале 20-х гг. XIX в., были отчасти связаны и с тем, что компания лишилась ее основателей, составлявших наиболее организованную группу из всех акционеров. Думается, что именно эти люди, несмотря на все трудности переходного периода, сумели вывести компанию из сложного положения в начале XIX в. Кризиса в РАК удалось избежать во многом благодаря активной деятельности клана Шелиховых и людей, с ним связанных. Неслучайно автор «Записки о зловредном влиянии капитана-лейтенанта Л.А.Гагемейстера на дела Российско-американской компании» отмечал: «...если бы Александр Андреевич [Баранов], владея прежними силами³⁶, прожил бы еще в Америке десять лет и если бы Михайло Матвеевич [Булдаков] такое же время поуправлял компаниею по-прежнему³⁷, то компания наша, наверно, стала бы наряду с первыми европейскими компаниями, обладающими отдаленными морями и землями»³⁸.

На сегодняшний день существуют лишь фрагментарные сведения о судьбе акций клана Шелиховых. Так, фамилия «Шелихов», без инициалов, появляется в документах времени ликвидации РАК. 3 ноября 1871 г. Шелихову следовало заплатить 30 руб. за одну акцию³⁹.

С Шелиховыми был тесно связан главный правитель русских колоний в Америке — А.А.Баранов. На основании имеющихся списков акционеров интересно проследить также судьбу его акций. По всей видимости, вплоть до 1818 г. Баранов владел 76 акциями, но затем 40 из них передал дочери Ирине, которая была замужем за морским офицером С.И.Яновским⁴⁰. Что же стало с этими переданными акциями и оставшимися на руках у Баранова, который умер в 1819 г. на пути из Русской Америки в Россию? Известно, что Яновские прибыли из Америки в Россию в начале 1822 г. Вскоре они попытались получить причитающиеся им деньги от РАК, полагая, что являются наследниками капиталов Баранова⁴¹. Согласно балансу за 1819 г., компания должна была заплатить А.А.Баранову 95469 руб. 77 коп.⁴² Попытки его родственников получить значительную денежную ком-

пенсацию, по всей видимости, не увенчались полным успехом, однако определенные результаты были.

Согласно списку акционеров 1823 г., И.А.Яновская обладала 51 акцией, а С.И.Яновский — 20 акциями. Что же стало с оставшимися 5 акциями? Возможно, они отражены в разделе списка, где не указаны фамилии, но засвидетельствовано, что каждый из 33 участников имеет по 5 акций. Возможно, что именно этими 5 акциями владел до своей кончины сын А.А.Баранова — Антипатр. По крайней мере, его имя есть в списке акционеров РАК 1835 г., правда, без указания количества акций, т.к. на этом месте напротив его фамилии стоит прочерк. В этом перечне не упоминается о том, что его акции перешли кому-то из родственников⁴³.

Обратимся теперь к списку за 1825 г. Под № 42 указаны дети Яновского, владевшие 35 акциями (Ирина скончалась в 1824 г.), и сам С.И.Яновский (№ 79), имевший 20 акций РАК, т.е. в сумме получает 55 акций. По сравнению со списком 1823 г., общее их число сократилось на 16 штук. Впоследствии в составе акционеров РАК остались дети Яновских — Александр и Мария, владевшие вместе 35 акциями, самого С.И.Яновского в перечне уже не было⁴⁴. Таким образом, наследники А.А.Баранова не только не увеличили капитал, доставшийся им от знаменитого родственника, но и лишились 41 акции из 76, принадлежавших ему.

Любопытна ситуация с ближайшим сподвижником А.А.Баранова — Иваном Александровичем Кусковым. Известно, что путь на родину из русских колоний этого основателя крепости и селения Росс в Калифорнии был непростым, сложными были и его расчеты с компанией⁴⁵. Согласно балансу РАК, ему следовало заплатить 47418 руб. 13 коп.⁴⁶ По всей видимости, Кусков так и не стал крупным акционером РАК после возвращения на родину. По крайней мере, его имя не встречается в списках акционеров, но можно вполне предположить, что он был владельцем небольшого количества ценных бумаг (до 10 штук) и, соответственно, не вошел в ранние перечни держателей акций. Он фигурирует (без указания количества акций) в списке акционеров, составленном не позднее 1835 г.⁴⁷ Но что любопытно, так это упоминание некоего Кускова Петра Александровича, имевшего 3 акции⁴⁸. Возможно, это брат И.А.Кускова, ведь, по принятому в литературе мнению, детей у самого Ивана Александровича не было⁴⁹. Кроме того, среди акционеров, которым полагались выплаты после ликвидации РАК в 1867 г., значатся Кускова А.В., имевшая те же 3 акции, а также П.П., С.В. и Д.Кусковы, которым по третьей выплате, 17 августа 1871 г., на три акции полагалось 90 руб.⁵⁰ Принимая во внимание достаточно консервативный механизм передачи акций РАК, можно, с известной долей уверенности, предположить, что у И.А.Кускова были ближайшие родственники, наследовавшие небольшую часть его капитала в виде ценных бумаг компании.

Что касается других учредителей Соединенной американской, а затем и Российско-американской компании, то наследники И.Л.Голликова (сын Николай и дочь Александра, бывшая замужем за сенатором князем Кириллом Александровичем Багратионом) были держа-

телями 144 акций в начале XIX в. и 135 в 1835 г.⁵¹ После ликвидации Русской Америки РАК должна была заплатить Ивану Николаевичу Голикову на 42 акции 4200 руб., что и было сделано 12 декабря 1869 г.⁵² Таким образом, семья Голиковых со времени И.Л.Голикова, являвшегося «первым фундатorem» и одним из крупнейших акционеров РАК, имела акции компании в течение всего периода ее существования.

Кроме Шелиховых и И.Л.Голикова, в образовании Соединенной американской компании, а затем и РАК принимали участие еще 15 семейств, в основном иркутские купцы. К уже отмеченным изменениям в списке 1823 г. можно добавить, что к 1835 г. остались немногие: наследники Дудоровских, А.П.Литвинцова, Мичуриных, Мыльниковых, А.Ф.Останина, Старцовых. В сумме они были держателями менее 300 акций. Более точную цифру дать затруднительно, так как достаточно сложно определить родственные отношения некоторых купцов и в изучаемых списках могли быть просто однофамильцы. Исключением из общей тенденции ухода иркутских купцов — основателей РАК можно считать семейство Мичуриных, которые к 1835 г. в совокупности владели 210 акциями.

Среди сановных акционеров также произошли существенные изменения. В списке, датированном не позднее 1835 г., уже нет графа Н.П.Румянцева, князя Я.А.Голицына, князя П.П.Щербатова, графа М.К.Ивелича, адмирала Н.С.Мордвинова, зато появились не менее известные в государстве люди, такие как мореплаватель И.Ф.Крузенштерн (4 акции).

Списки акционеров дают возможность проследить изменение количества ценных бумаг у тех, кто осуществлял руководство делами компании и наблюдал за выполнением тех или иных решений собрания акционеров (к этим людям можно отнести директоров компании и членов Особого совета РАК). Для этой цели были составлены таблицы 3 и 4. В Таблице 3 представлены 9 акционеров, бывших директорами компании в разные годы в течение первой трети XIX в. Первыми директорами компании были М.М.Булдаков (первенствующий директор), иркутские купцы — братья Я.Н. и Д.Н.Мыльниковы, а также С.А.Старцов⁵³. Предположительно, что в 1801—1802 гг. они были смещены со своих постов, и до конца 1807 г. компанией руководили М.М.Булдаков и И.П.Шелихов. Это было время, по сути, наивысшего могущества клана Шелиховых. С конца 1808 г. в течение 20 лет директорами были В.В.Крамер, А.И.Северин, И.В.Прокофьев и Н.И.Кусов. До 1827 г. бесспорным первенствующим директором РАК был М.М.Булдаков. В.В.Крамер ушел с должности в 1823 г., оставаясь по-прежнему крупным акционером РАК. Следует отметить, что его родственники владели акциями компании на всем протяжении ее существования⁵⁴.

В результате анализа Таблицы 3 можно прийти к следующим выводам.

В начале XIX в. директора РАК являлись держателями 544 акций, а к середине 30-х гг. XIX в. — лишь 186 акций. Иными словами, количество акций сократилось почти в 3 раза. Самым крупным акционером и в то же время директором, обладавшим самым большим

количеством акций, был М.М.Булдаков. При этом число его акций с течением времени уменьшалось: с 370 в начале XIX в. до 299 в 1825 г. Несмотря на это, по отношению к другим директорам у М.М.Булдакова наблюдался постоянный рост: с 68% до 79,5% в 1825 г. Остальные директора компании имели гораздо меньше акций. Например, в 1823 г. В.В.Крамер имел 107 акций, А.А.Северин — 36, И.В.Прокофьев — 27. При этом В.В.Крамер со своими 107 акциями имел 19,8%. С уходом М.М.Булдакова положение изменилось настолько, что Н.И.Кусов, имевший 115 акций не позднее 1835 г., владел 61,8% акций — показатель, сравнимый лишь с результатом М.М.Булдакова в начале XIX в. — 68%, с той лишь разницей, что у Булдакова было 370 акций, а у Кусова — всего 115. А.И.Северин и И.В.Прокофьев в среднем являлись держателями стабильного и относительно небольшого пакета акций: в разные годы колебания составляли от 25 до 40 акций. Очевидно, что к 30-м гг. XIX в. директорами РАК становились уже лица, не имевшие особо крупных пакетов акций. На первый план при выборе того или иного директора выходили его личные и деловые качества, возможность в положительную сторону повлиять на выработку курса компании.

Как и в отношении директоров РАК, в Особом совете произошли явные изменения⁵⁵. Члены этого органа, призванные заниматься решением дел, «требующих тайны по политическим видам... которых решение может затруднить директоров или найдется выше власти их»⁵⁶, не были крупными акционерами РАК. Из Таблицы 4 видно, что самым крупным акционером был Я.А.Дружинин, имевший в 1823 г. 31 акцию. Главным при выборе кандидатов в члены Особого совета был их статус в обществе и способность решать те или иные сложные проблемы. В таблице особо выделен столбец, где указаны чины членов Особого совета. Нетрудно заметить, что в основном это были люди не ниже 4-го класса по «Табели о рангах». Исключение составлял лишь М.И.Муравьев, но сведения о нем приводятся на 1825 г. При этом известно, что он существенно продвинулся по служебной лестнице после возвращения из Русской Америки. Впрочем, и чин капитан-лейтенанта ставил его на два ранга выше соответствующих армейских чинов⁵⁷.

Анализ данных таблицы позволяет отметить, что исключением из общей тенденции уменьшения количества акций стал список начала XIX в., согласно которому 5 членов Совета имели 59 акций. Уже в 1823 г. шесть акционеров владели 109 ценными бумагами компании. Через два года их было уже четверо, а по последнему списку трое членов Совета были держателями лишь 43 акций. И.А.Вейдемейер, имевший 29 акций в начале XIX в., обладал почти половиной ценных бумаг, находящихся на руках у членов Совета. В дальнейшем положение изменилось настолько, что в 1825 г., за исключением В.М.Головина (держателя 14 акций — 14%), у каждого из акционеров было в среднем около 29% акций.

Членами Особого совета, впрочем, как и директорами РАК, становились люди, имевшие авторитет и вес в обществе, при этом наличие большого пакета акций хотя и приветствовалось, но не являлось

гарантией того, что его обладатель мог быть выбран на ту или иную должность.

В результате проведенного исследования была составлена Таблица 5, которая позволяет проследить общие тенденции движения акционерного капитала РАК. С 15 до 9 человек уменьшилось число держателей крупных пакетов акций (более 100 штук); уменьшилось и количество акций в их руках (с 3135 до 1497). В то же время выросло число акционеров, имевших небольшое количество акций. Так, если в начале XIX в. 93 держателя (от 10 до 24 акций) владели в целом 1271 акцией, то в 1825 г. их уже было 116 человек, имевших в своем распоряжении 1626 ценных бумаг РАК.

На основании имеющихся источников можно провести достаточно полный анализ и сделать определенные выводы только на период с начала XIX в. до 1835 г. Дальнейшие сведения об акционерах компании вплоть до ее ликвидации почерпнуты из публиковавшихся балансов РАК. Следует отметить, что первые печатные балансы компании (по 1 января 1842—1843 гг.) были достаточно подробные и в них особо был выделен параграф «Об акциях Российско-американской компании». В этом параграфе приводилась биржевая стоимость акций, их общее число и количество акционеров, при этом отмечалось, сколько лиц владели более чем 10 акциями, а сколько — менее⁵⁸. Кроме того, указывалось, сколько акций принадлежало различным «духовным и гражданским местам». Так, по данным баланса, составленного к 1 января 1842 г., их было 18, и они владели 243 акциями⁵⁹. Через год этих «мест» стало 17, а количество акций сократилось до 166. Для сравнения, по сведениям баланса за 1823 г., было 14 «духовных и гражданских мест», которые были держателями 235 акций⁶⁰. Кроме того, было отмечено, сколько проживало в С.-Петербурге акционеров, которые обладали 10 и более акциями, т.е. имели право голоса на общем собрании акционеров РАК. В 1842 г. таких было 74 человека, а через год стало уже 77⁶¹.

Наиболее интересные сведения приведены в комментариях к балансам, где указывалось количество акционеров, имевших по 10 и более акций. Из данных Таблицы 5 видно, что за год число акционеров с правом голоса сократилось со 198 до 194 человек. При этом четверо выбывших были держателями 1208 акций, т.е. в среднем по 302 акции каждый! Думается, что существует два основных объяснения этому феномену: либо с 1835 г. (т.е. со времени датировки известного нам на сегодняшний день последнего полного списка акционеров) появились акционеры, обладавшие очень крупными пакетами акций, либо за год сама компания скупила значительное количество акций. Представляется, что второе соображение корректнее. Дело в том, что РАК проводила ревизию своего акционерного капитала; правда, эта деятельность не афишировалась, и о ней сообщалось лишь годы спустя. Так, когда в 1810 г. количество акций достигло рекордного и в то же время критического уровня, были приняты срочные меры, и лишь 30 лет спустя директора компании в этом признались: «...тогда (к 1810 г. — *А.П.*) [было] выпущено 8294 акции в 500 рублей, из них впоследствии выкуплено и уничтожено 810, так что число их ныне

простирается до 7484»⁶². Аналогичное решение могло быть принято и в 1842—1843 гг. В то же время нельзя исключить и того, что после публикации в печати достаточно благоприятных отчетов о деятельности РАК и ее генеральных балансов могли появиться люди, которые приобрели значительные пакеты акций компании.

С 1844 г. ГП РАК приняло решение печатать краткие или сокращенные варианты генеральных балансов, оставляя для внутреннего пользования подробные к ним комментарии⁶³. В этих опубликованных балансах не содержалось каких-либо данных о составе акционеров и особенностях распределения акций, несмотря на наличие важных сведений, проливающих свет на многие аспекты финансово-хозяйственной деятельности компании.

Данные о последних акционерах РАК можно почерпнуть из «ведомости денежным уплатам по акциям Российско-американской компании, 1869—1888 г.»⁶⁴. Официально считалось, что РАК «прекратила свое существование со дня передачи колоний американцам 12-го (24-го) октября 1867 года»⁶⁵. Однако ее Главное правление продолжало существовать вплоть до весны 1871 г. и было занято продажей имущества компании и расчетами с акционерами⁶⁶.

Период с 1867 по 1888 г., т.е. до полного расчета с акционерами компании, можно считать ликвидационным в истории РАК. При этом перед своим упразднением в 1871 г. ГП РАК не удалось полностью рассчитаться со всеми держателями ценных бумаг. Так, на 1 апреля 1871 г. оставалось «в ликвидации капитала» 247875 руб. 11 коп. РАК следовало выплатить по разным счетам более 80 тыс. руб., при этом самой компании были должны почти 330 тыс. руб., из которых 150252 руб. 48 коп. должно было оплатить государство, которое, впрочем, погасило свой долг⁶⁷.

В этот ликвидационный период компания расплачивалась со своими акционерами, некоторые из которых получили весьма значительные компенсации. Так, директор РАК Н.И.Любавин⁶⁸ только по первой выплате в 1869 г. получил 26600 руб., а всего у него было не менее 467 акций. По другим членам Главного правления известно, что председатель ГП РАК (с января 1870 г.) генерал-майор Эдуард Иванович Тилло получил за 29 акций не менее 2900 руб. по первой выплате⁶⁹, коллежский ассессор Николай Николаевич Анциферов за 15 акций — не менее 1500 руб. по первой выплате⁷⁰, контр-адмирал Михаил Дмитриевич Тебеньков за 10 акций — не менее 1000 руб. по первой выплате⁷¹.

В целом, даже по неполным данным «ведомости», можно сделать вывод о наличии в составе РАК очень крупных акционеров. Кроме уже упоминавшегося Любавина, размерами своих капиталов выделялись В.Шумахер (не менее 427 акций), А.К.Кузнецов (не менее 111 акций), Е.Е.Лампе (не менее 101 акции)⁷². Но самым большим пакетом, возможно даже за всю историю РАК, владел Л.Е.Кениг (не менее 532 акций), которому после ликвидации компании было выдано по всем выплатам не менее 166400 руб.⁷³

При дальнейшем анализе «ведомости» видно, что в компании уменьшилось число мелких и увеличилось число крупных акционе-

ров. Встречаются те, кто получил свои акции по наследству, продолжив начатое предками дело. Кроме отмеченных выше клана Шелиховых и семьи И.Л. Голикова, стоит обратить внимание на семьи Мичуринных, Сибиряковых и Мыльниковых. Правда, в настоящее время достаточно сложно установить, кем именно приходился И.Н. Мичурин (не менее 6 акций) основателю Соединенной американской компании, а затем и РАК И.Д. Мичурину, или В.К. и М.Д. Сибиряковы (не менее 1 и 4 акций соответственно) — богатому иркутскому купцу М.В. Сибирякову, также стоявшему у истоков образования единой монопольной компании⁷⁴.

Царская фамилия по-прежнему владела значительным количеством акций (не менее 67 акций по сравнению с 71 ценной бумагой в первой половине XIX в.)⁷⁵. Среди акционеров РАК продолжало оставаться немало титулованных особ. Например, наследники графа Н.С. Мордвинова (не менее 50 акций), наследники князя Ф.С. Голицына (не менее 3 акций), барона П.Е. Штакельберга (не менее 10 акций) и т.д.

Сохранили свое участие в РАК учреждения и «места», знакомые нам по полным предыдущим спискам, например, Рыльская Вознесенская церковь (не менее 44 акций), а некоторые из них даже увеличили свое состояние, например, Иркутская городская дума: с 1 акции в 1823 г. до не менее 16 в 1869 г. Показательно участие банковского капитала в делах компании, а именно С.-Петербургского Частного коммерческого банка (не менее 342 акций), Государственного банка (не менее 10 акций), Устюжского общественного банка (не менее 1 акции), Общества взаимного кредита (не менее 148 акций).

Русская Православная церковь продолжала принимать участие в финансово-хозяйственной деятельности РАК, о чем говорит тот факт, что акциями компании обладали многие православные церкви (особенно в Иркутске), монастыри (в том числе Валаамский монастырь), а также Московская епархия.

Из других учреждений стоит отметить Московскую глазную больницу, которой предназначались 23 ноября 1881 г. одни из последних выплат по ценным бумагам — 30 руб.⁷⁶

Заключительная именная запись в «ведомости» о выплате наследникам В.С. Каретникова была сделана 22 июня 1884 г.⁷⁷, а 23 июня 1888 г. т.е. более чем через 20 лет после продажи Русской Америки США, безымянному держателю на 11 акций были выплачены последние 15 руб. 80 коп.

С 1869 г. по 1888 г. выдача денег акционерам компании была произведена по крайней мере по четырем выплатам, при этом по первой выплате выдавали по 100 руб. на каждую акцию (на 7434 акции было выплачено 743400 руб.), по второй выплате — также по 100 руб. (на 7427 акций — 742700 руб.), по третьей — по 30 руб. (на 7379 акций — 221370 руб.); по четвертой выплате были произведены окончательные расчеты с акционерами, которые получили по 3 руб. 95 коп. на акцию (на 5225 акций было выплачено 20638 руб. 75 коп.)⁷⁸. В итоге по всем выплатам акционеры получили не менее 1728108 руб. 75 коп.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно прийти к общему выводу о том, что к 30-м гг. XIX в. из монопольной организации, где крупные акционеры оказывали влияние на ее дела, Российско-американская компания превратилась в структуру, где главную роль играли уже «небольшие» акционеры, что позволяло им более активно участвовать в делах компании. Однако в заключительный период существования компании появились держатели ценных бумаг, имевшие очень крупные пакеты акций, значительно превышавшие капиталы «больших» акционеров начала XIX в.

Начиная с 1823 г. и вплоть до ликвидации РАК количество акций оставалось неизменным — 7484 штуки. Стабильное число акций объяснялось тем, что РАК выпускала именные акции и заинтересованные лица могли их купить, когда кто-то из акционеров РАК решался их продать. Это было в соответствии с правилами РАК за 1821 г., исходя из которых акционеры, пользуясь свободой в распоряжении своими акциями, были обязаны уведомить об их продаже или покупке ГП компании.

Зафиксированное в § 2 «правил» 1799 г. положение, что РАК не вновь учреждается, но составляется из двух прежде существовавших пред этим частных компаний И.Л.Голикова с Н.А.Шелиховой и «Мыльниковых с товарищами», к 1823 г. изменилось: указанные фамилии уже не обладали прежним могуществом⁷⁹. Влияние клана Шелиховых постепенно уменьшилось. Наследников-акционеров по мужской линии практически не осталось. Наследники И.Л.Голикова лишились многих акций, хотя и сохранили при этом свое участие в делах РАК. Немало иркутские купцов — основателей единой монопольной компании вообще выбыли из состава акционеров.

Российско-американская компания постепенно трансформировалась из предприятия, где многие крупные акционеры были так или иначе связаны с пушным промыслом и торговлей мехами, в организацию, где люди были заняты другими делами. Из семейно-корпоративного РАК превратилась в более открытое объединение, что особенно характерно для заключительного периода ее деятельности. Крупнейшими акционерами были богатые предприниматели, для которых дивиденды на принадлежавшие им ценные бумаги РАК не являлись основным источником благосостояния. Тем не менее их участие было весьма симптоматично и в известной мере говорило о финансово-хозяйственной деятельности РАК.

**Персональный состав держателей и количество акций Российско-американской компании клана Шелиховых,
не позднее 1818 г. — не позднее 1835 г.**

№	Акционеры	Чин, класс, титул, должность	Место пребывания	Не позднее 1818 г.	1823 г.	1825 г.	Не позднее 1835 г.
1.	Булдаков Михаил Матвеевич, зять Шелиховых Г.И. и Н.А.	Надворный советник (первенствующий директор РАК, 1799—1827 гг.)	С.-Петербург	370	369	299	—
2.	Булдаков Николай Михайлович, сын Булдакова М.М.	Переводчик, Коллегия иностранных дел	Москва	—	10	10	24
3.	Булдакова Катерина Михайловна, дочь Булдакова М.М.	—	Великий Устюг	—	10	10	60
4.	Дружинина (Булдакова) Надежда Михайловна, дочь Булдакова М.М., жена Дружинина А.И.	—	Великий Устюг	—	10	10	60
5.	Дружинин Алексей Иванович	—	Вологда	—	—	—	21
6.	Булдакова Вера Михайловна, дочь Булдакова М.М.	—	С.-Петербург	—	10	10	60
7.	Самсонова (Булдакова) Любовь Михайловна, дочь Булдакова М.М., жена майора Самсонова	—	Москва	—	10	10	60
8.	Булдаков Петр Матвеевич, брат Булдакова М.М.	—	Великий Устюг	49	—	—	—

№	Акционеры	Чин, класс, титул, должность	Место пребывания	Не позднее 1818 г.	1823 г.	1825 г.	Не позднее 1835 г.
9.	Наследники Булдакова П.М.	—	Великий Устюг	—	39	39	—
10.	Булдакова Катерина Петровна, видимо, дочь Булдакова П.М.	—	—	—	—	—	5
11.	Булдакова Олимпиада Петровна, видимо, дочь Булдакова П.М.	—	—	—	—	—	5
12.	Наследники Булдакова Андрея Матвеевича, брата Булдакова М.М.	—	—	48	—	—	—
13.	Булдаков Александр Андреевич, сын Булдакова А.М.	Великоустюжский купец	Москва	—	25	25	—
14.	Булдакова Анна Андреевна, видимо, дочь Булдакова А.М.	—	—	—	—	—	1
15.	Булдакова Любовь Федоровна, видимо, родственница Булдакова М.М.	—	—	—	—	—	2
Итого:				467	483	413	298
16.	Наследники Шелихова [Г.И.]	—	—	28	—	—	—
17.	Шелихов Василий Иванович, видимо, брат Шелихова Г.И.	Рыльский купец	Иркутск	—	28	28	—
18.	Шелихов Александр Васильевич, видимо, сын Шелихова В.И.	—	—	—	—	—	28
19.	Шелихов Василий Григорьевич, сын Шелиховых Г.И. и Н.А.	—	—	335	—	—	—

№	Акционеры	Чин. класс. титул. должность	Место пребывания	Не позднее 1818 г.	1823 г.	1825 г.	Не позднее 1835 г.
20.	Шелихов Иван Петрович, родственник Шелихова Г.И.	Иркутский купец	Иркутск, С.-Петербург	54	—	—	—
21.	Шелихов Сидор Андреевич, родственник Шелихова Г.И.	Иркутский купец	Иркутск	28	—	—	—
Итого:				445	43	43	43
22.	Меллер-Закомельская (Шелихова) Наталья Григорьевна, дочь Шелиховых Г.И. и Н.А., жена Меллера-Закомельского И.К.	Баронесса	С.-Петербург	265	265	265	265
23.	Меллер-Закомельский Иван Карлович	Барон, штабс-ка- питан	С.-Петербург	50	50	50	50
Итого:				315	315	315	315
24.	Политковская (Шелихова) Александра Григорьевна, дочь Шелиховых Г.И. и Н.А.	—	—	250	—	—	67
25.	Наследники Политковской Александры Григорьевны	—	С.-Петербург	—	250	158	—
26.	Политковский Гаврило Герасимович, муж Политковской (Шелиховой) Александры Григорьевны	Действительный тайный советник (член Особого совета РАК, 1820—1824 гг.)	С.-Петербург	18	18	—	78

№	Акционеры	Чин, класс, титул, должность	Место пребывания	Не позднее 1818 г.	1823 г.	1825 г.	Не позднее 1835 г.
27.	Наследники Политковского Гаврилы Герасимовича	—	С.-Петербург	—	—	80	—
28.	Политковский Александр Гаврилович, сын Политковских Г.Г. и А.Г.	Титулярный со- ветник	С.-Петербург	—	—	10	20
29.	Политковский Ростислав Гаврилович, сын Политковских Г.Г. и А.Г.	Прапорщик ар- тиллерии	С.-Петербург	—	—	10	—
30.	Политковский Владимир Гаврилович, сын Политковских Г.Г. и А.Г.	Прапорщик инже- нерии	С.-Петербург	—	—	10	10
31.	Политковский Вячеслав*** Гаврилович, сын Политковских Г.Г. и А.Г.	—	С.-Петербург	—	—	—	15
Итого:				268	268	268	190
32.	Дети Резановой [О.Н.]	—	С.-Петербург	238	—	—	—
33.	Кокошкина (Резанова) Ольга Николаевна, дочь Резанова Н.П., зятя Шелиховых Г.И. и Н.А.	—	С.-Петербург	—	213	213	213
34.	Кокошкин Сергей Александрович, муж Кокошкиной (Резановой) Ольги Николаевны	Полковник, фли- гель-адъютант	С.-Петербург	—	25	25	25
35.	Резанов Александр Петрович, возмож- но, сын Резанова Петра Николаевича, сына Резанова Н.П.(?)	—	—	—	—	—	6
Итого:				238	238	238	244

№	Акционеры	Чин. класс. титул. должность	Место пребывания	Не позднее 1818 г.	1823 г.	1825 г.	Не позднее 1835 г.
36.	Тимковская Катерина Григорьевна, дочь Шелиховых Г.И. и Н.А., жена Тимковского И. О.	—	—	22	—	—	7
37.	Тимковский Иван Осипович	—	—	—	—	—	1
Итого:				22	--	--	8
ОБЩИЙ ИТОГ:				1755	1347	1277	1098 / 1071****

* Чин. класс. титул. должность и место пребывания даны по спискам 1823 и 1825 гг. и по другим источникам на 1825 г. В случае повышения или понижения чина, класса, титула или должности, данные приводятся по списку 1825 г.

Здесь и далее прочерк означает то, что данных нет либо нет точных сведений.

*** Возможно, имелся в виду Ростислав Гаврилович Политковский.

**** Исключая 7 владельцев менее 10 акций.

Составлено по: Pierce R.A. *Bibliographical Dictionary*. Kingston, 1990; Кудрин Н.М. Устюгской земли Михайло Булдаков и другие. Великий Устюг, 1993; Петров А.Ю. Образование Российско-американской компании. М., 2000; Преображенский А.А. О составе акционеров Российско-американской компании в начале XIX в. // Исторические записки. Т. 67. М., 1960. С. 286—298, а также по материалам центральных и региональных архивов: Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 994. Оп. 2. Д. 828 (Списки акционеров Российско-американской компании первой трети XIX в.); Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 447. Оп. 1. Д. 104, 105 (Записи иркутского городского маклера); Ф. 3. Оп. 1. Д. 69 (Документы Иркутской земской избы); Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (ВГИАХМЗ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 1—44 (семейный архив Шелиховых — Булдаковых); Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. РАК. Д. 801 (переписка Г.И. и Н.А.Шелиховых); Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. 445. Оп. 1 (фонд К.Т.Хлебникова) и др.

Акции клана Шелиховых по группам держателей, не позднее 1818 г. — не позднее 1835 г.

Группы держателей	Не позднее 1818 г.		1823 г.		1825 г.		Не позднее 1835 г.	
	Кол-во акций	%	Кол-во акций	%	Кол-во акций	%	Кол-во акций	%
Более 100 акций	1458	83.1	1097	81.4	935	73.3	478	43.5
99—25 акций	257	14.6	167	12.4	247	19.3	488	44.4
24—10 акций	40	2.3	83	6.2	95	7.4	105	9.6
Менее 10 акций	—	—	—	—	—	—	27	2.5
Итого:	1755	100.0	1347	100.0	1277	100.0	1098	100.0

Составлено по: Таблица 1.

Акции директоров * Российско-американской компании,
не позднее 1818 г. — не позднее 1835 г.

№	Директора, годы директорства	Не позднее 1818 г.		1823 г.		1825 г.		Не позднее 1835 г.	
		Кол-во акций	%	Кол-во акций	%	Кол-во акций	%	Кол-во акций	%
1.	Буддаков Михаил Матвеевич (1799—1827)	370	68,0	369	68,5	299	79,5	—	—
2.	Шелихов Иван Петрович (1801(?)—1807)	54	10	—	—	—	—	—	—
3.	Крамер Венедикт Венедиктович (1808—1823)	84	15,4	107	19,8	107	—	69**	—
4.	Северин Андрей Иванович (1812—1844)	36***	6,6	36	6,7	27	7,2	31	16,7
5.	Прокофьев Иван Васильевич (1823—1844)	10****	—	27	5	25	6,65	40	21,5
6.	Кусов Николай Иванович (1824—1844)	А	—	Б	—	25	6,65	115	61,8
Общий итог:		554	—	539	—	483	—	255	—
Всего по директорству:		544	100,0	539	100,0	376	100,0	186	100,0

* В таблицу не включены Яков Николаевич и Дмитрий Николаевич Мильниковы, бывшие директорами РАК в 1799—1801(?) гг., поскольку их нет в списках, данные из которых представлены в таблице. Возможно, часть их акций унаследовали

их вероятные родственники. Так, Михаил Алексеевич Мыльников — томский купец, находившийся в Иркутске, в начале XIX в. имел 50 акций и 29 акций в 1823 и 1825 г. В списке не позднее 1835 г. его имя уже не встречается.

В таблицу не включен также Семен Алексеевич Старцов, директор РАК в 1799—1801(?) гг., поскольку в списке начала XIX в. указано: «Старцовы» — 112 акций. В списке 1823 г. фигурируют лишь Феодосия Дмитриевна и Мастридия Александровна Старцовы, имевшие 12 и 10 акций соответственно. В 1825 г. появилась Ульяна Петровна Старцова, имевшая 11 акций. К 1835 г. Старцовы обладали в сумме 26 акциями.

** В списке не позднее 1835 г. появился Карл Венедиктович Крамер, вероятно, сын В.В.Крамера, владевший 5 акциями.

*** В списке указано: «Северина сыновья».

**** Здесь и далее курсивом выделено количество акций, когда их обладатель не являлся еще директором РАК.

^ В списке начала XIX в. фигурировал Иван Васильевич Кусов, имевший 36 акций.

б В 1823 г. отмечено: «Кусова Ивана Васильевича наследн. ком. советн.». Вероятно, Николай Иванович Кусов — сын коммерции советника Ивана Васильевича Кусова — был держателем 36 акций. По списку 1825 г., наследники И.В.Кусова обладали 30 акциями. К 1835 г. 16 акций стал иметь еще, возможно, брат Н.И.Кусова Алексей.

Составлено по: Pierce R.A. *Op. cit.*; Кудрин Н.М. *Указ. соч.*; Петров А.Ю. *Указ. соч.*; Преображенский А.А. *Указ. соч.*; Тихменев П.А. *Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени*. Ч. 1. СПб., 1861; Ч. 2. 1863; Иркутская летопись. Иркутск, 1911; а также по архивным материалам: Списки акционеров Российско-американской компании первой трети XIX в. // РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 828; Донесение Главного правления Российско-американской компании Александру I, 29 февраля 1812 г. // Там же. Ф. 18. Оп. 5. Д. 1349. Л. 1; Донесение Главного правления Российско-американской компании Николаю I, 30 мая 1822 г. // Там же. Ф. 560. Оп. 8. Д. 119. Л. 9; Донесение Главного правления Российско-американской компании Е.Ф.Канкрину, 1 июля 1824 г. // Там же. Ф. 18. Оп. 5. Д. 1367. Л. 1—3; Донесение Главного правления Российско-американской компании Николаю I, 11 марта 1835 г. // Там же. Ф. 18. Оп. 5. Д. 1388. Л. 8; и др.

Акции членов Особого совета Российско-американской компании, не позднее 1818 г. — не позднее 1835 г.

№ п/п	Члены Особого совета РАК, годы пребывания	Чин*	Не позднее 1818 г.		1823 г.		1825 г.		Не позднее 1835 г.	
			Кол-во акций	%	Кол-во акций	%	Кол-во акций	%	Кол-во акций	%
1.	Вейдемейер Иван Андреевич (1814—1820)	Действительный статский советник	29	49,15	24**	—	24	—	—	—
2.	Молчанов Петр Степанович (1814—1816)	Тайный советник	10	16,95	12	—	—	—	—	—
3.	Сырычев Гаврило Андреевич (1816—1823)	Адмирал	10	16,95	10	9,20	—	—	—	—
4.	Политковский Гаврило Герасимович (1820—1825)	Действительный тайный советник	18	—	18	16,5	—	—	78	—
5.	Головнин Василий Михайлович (1825—1832)	Капитан-командор	—	—	10	9,20	10	14,0	—	—
6.	Радинг Герман Иванович (1823—1832)	Действительный статский советник	—	—	20	18,35	20	28,2	А	—
7.	Дружинин Яков Александрович (1814—1844)	Действительный статский советник	10	16,95	31	28,40	21	29,6	10	23,3

№ п/п	Члены Особого совета РАК, годы пребывания	Чин*	Не позднее 1818 г.		1823 г.		1825 г.		Не позднее 1835 г.	
			Кол-во акций	%	Кол-во акций	%	Кол-во акций	%	Кол-во акций	%
8.	Мордвинов Николай Семенович (1832—1844)	Адмирал	20	—	20	18,35	20	28,2	20****	46,5
9.	Муравьев Матвей Иванович (1832 — 1836)	Капитан-лейтенант	—	—	—	—	—	—	13	30,2
Итого:			97	—	145	—	95	—	121	—
Всего по членству в Особом совете:			59	100,0	109	100,0	71	100,0	43	100,0

* Чины даны по спискам за 1823 и 1825 гг. и по другим источникам на 1825 г. В случае повышения чина, данные приводятся по списку 1825 г.

** Возможно, в годы составления списка Особый совет еще не был сформирован.

*** Здесь и далее курсивом выделено количество акций, когда их обладатель еще или уже не являлся членом Особого совета РАК.

**** В списке присутствует Мордвинова Генриетта Александровна, имевшая 35 акций.

^ В списке присутствует сын Германа Ивановича Родинга — Герман Германович, обладавший 20 акциями.

Составлено по: Pierce R.A. Op. cit.; Ермолаев А.Н. Временный комитет и Особый совет Российско-американской компании: контролирующие или совещательные органы (1803—1844) // Американский ежегодник. 2000. М., 2002. С. 232—249; Тихменев П.А. Указ. соч. Ч. 1; Ч. 2; а также по архивным материалам: Списки акционеров Российско-американской компании первой трети XIX в. // РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 828.

Группировка акционеров Российско-американской компании по количеству акций, не позднее 1818 г. — не позднее 1844 г.

Группы акционеров	Не позднее 1818 г.		1823 г.		1825 г.		Не позднее 1835 г.		1842 г.		1844 г.	
	акцио- неры (чел.)	акции (шт.)	акцио- неры (чел.)	акции (шт.)	акцио- неры (чел.)	акции (шт.)	акцио- неры (чел.)	акции (шт.)	акцио- неры (чел.)	акции (шт.)	акцио- неры (чел.)	акции (шт.)
Императорская фамилия	4	71	4	71	4	71	4	71	198	7241	194	6033
Владельцы более 100 акций	15	3135	11	2304	12	2258	9	1497				
Владельцы от 99 до 25 акций	50	2487	54	2376	51	2300	64	3266				
Владельцы от 24 до 10 акций	93	1271	105	1518	116	1626	116	1564				
Владельцы менее 10 акций	470	910	463	1215	466	1229		1232	482	243**	—***	1451
Итого:	629	7863	637	7484	650	7484		7484	680	7484	—***	7484

* Подробные данные об акциях царской семьи отсутствуют.

** Данные могут рассматриваться лишь как условные, характеризующие только разность общего итога (7484 акций) и пакетов акций не менее 10 штук — 6033.

*** Данные отсутствуют.

Составлено по: Pierce R.A. Op. cit.; Окунь С.Б. Российско-американская компания. М.: Л., 1939; Преображенский А.А. Указ. соч.; Тихменев П.А. Указ. соч. Ч. 1; Ч. 2: Списки акционеров Российско-американской компании первой трети XIX в. // РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 828; Отчет Российско-американской компании Главного правления за два года, по 1-е января 1842 года. СПб., 1842; Отчет ГП РАК, не позднее 1841 г. // Архив русского географического общества. Разр. 99. Д. 82. Л. 55об.; Отчет Российско-американской компании Главного правления за один год, по 1-е января 1843 года. СПб., 1843.

¹ Болховитинов Н.Н. Россия открывает Америку, 1732—1799. М., 1991. С. 191.

² Преображенский А.А. О составе акционеров Российско-американской компании в начале XIX в. // Исторические записки. Т. 67. М., 1960. С. 288.

³ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1605. Оп. 1. Д. 182. Л. 1—2.

⁴ Списки акционеров РАК, первая треть XIX в. // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 994. Оп. 2. Д. 828. Л. 1—46.

⁵ См., напр.: Прибавление к «Санкт-петербургским ведомостям». 1802. № 27. 4 апреля; Известия к «Санкт-петербургским ведомостям». 1805. № 46. 9 июня.

⁶ Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. 1. СПб., 1861. Приложение. С. 22. См. также: Исследования русских на Тихом океане в XVIII — первой половине XIX в.: Сб. документов. Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799—1815. Т. 3. М., 1994. С. 18.

⁷ Тихменев П.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 25—26.

⁸ В отличие от устава РАК 1799 г., в «правилах» за 1821 г. отсутствуют слова: «...чтобы выдающий оную от себя делал на ней надпись своего имени и звания, дабы компания при общем счете могла видеть первого получателя», но включена фраза: «...чтобы правление... могло акции перечислить на имя последнего держателя оных». Произошли некоторые стилистические замены: так, слово «соучастники» было заменено на «участники». См.: там же. С. 24, 48.

⁹ Преображенский А.А. Указ. соч. С. 286—297.

¹⁰ Для точной датировки этого документа необходимо найти его окончание либо получить иное неопровержимое свидетельство о дате его составления.

¹¹ Список акционеров Российско-американской компании, 1823 г. // РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 828. Л. 43—46об.

¹² В список вкралась опечатка либо ошибка. При подсчете оказалось, что 14 «духовных и гражданских мест» владеют не 233, а 235 акциями. См.: там же. Л. 44.

¹³ В список вкралась описка либо ошибка. При подсчете оказалось, что участников, не имеющих определенного числа акций, было не 20, а 21. См.: там же. Л. 46об.

¹⁴ С.Б.Окунь неправильно указывал, что на руках у акционеров к началу 20-х гг. XIX в. «...было не более 2½ тысяч акций...». См.: Окунь С.Б. Российско-американская компания. М.: Л., 1939. С. 64.

¹⁵ Подробнее см.: Петров А.Ю. Образование Российско-американской компании. М., 2000. С. 91—132.

¹⁶ Соколов А.Р. Российская благотворительность в XVIII—XIX веках (к вопросу о периодизации и понятийном аппарате) // Отечественная история. 2003. № 6. С. 147—157.

¹⁷ При подсчете оказалось 235 акций.

¹⁸ Общее количество акций и их держателей на 1818 г. приводится по сведениям С.Б.Окуня. (См.: Окунь С.Б. Указ. соч. С. 62.)

⁹ Список о принадлежности акций Российско-американской компании, июнь 1825 г. // РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 828. Л. 6—10об.

²⁰ Именно такое написание фамилии этого купца, а не Сутгов, как ошибочно у А.А.Преображенского. См.: Преображенский А.А. Указ. соч. С. 296.

²¹ 23 июля 1824 г. И.О.Зеленский оставил пост правителя канцелярии и службу в компании (см.: П.В.Боковиков — К.Т.Хлебникову, 23 июля 1824 г. // Государственный архив Пермской области (далее — ГАПО). Ф. 445. Оп. 1. Д. 151. Л. 57об.). 10 ноября 1824 г. канцелярию РАК возглавил К.Ф.Рылев, который пробыл на этом посту вплоть до 14 декабря 1825 г. Его сменил П.В.Боковиков, продолжавший принимать самое деятельное участие в составлении балансов РАК, и только в 1834 г. из-за болезни он сдал должность правителя канцелярии РАК своему давнему другу К.Т.Хлебникову. См.: Письма П.В.Боковикова к К.Т.Хлебникову, 1821—1832 // ГАПО. Ф. 445. Оп. 1. Д. 151. Л. 20—65; [Хлебников К.Т.] «Русская Америка» в «Записках» Кирилла Хлебникова. Ново-Архангельск, [1832] / Сост., предисл., коммент. и указ. С.Г.Федоровой. Отв. ред. В.А.Александров. М., 1985. С. 36, 284.

²² И.А.Колесов проживал в Алексеевской слободе в г. Москве и избирался в 1834—1837 гг. ее городским головой. URL: http://www.moskva.ru/history/mosslob/mosslob22_1.html

²³ М.К.Ивелич (1740—1825) — герой войн против турок, успешно действовал в Черногории и Герцеговине, был на дипломатической службе и содействовал заключению мира между сербами и турками. С 1814 г. он был сенатором. URL: <http://www.rulex.ru/01090099.htm>

²⁴ Думается, что свой окончательный вид список акционеров РАК приобрел не ранее 24 декабря 1833 г., но не позднее 7 марта 1835 г. См.: РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 828. Л. 11—42. Датирован по отсутствию Л.А.Гагемейстера, умершего 24 декабря 1833 г., и отсутствию К.Т.Хлебникова, являвшегося директором РАК с 7 марта 1835 г. по 14 апреля 1838 г. Подтверждением такой датировки документа служит также и то, что в списке уже нет В.М.Головнина, который был членом Особого совета РАК (и, соответственно, акционером компании) с 1825 г. до своей кончины в июне 1831 г. См.: Тихменев П.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 49.; РГИА. Ф. 18. Оп. 5. Д. 1372. Л. 1—6; Д. 1388. Л. 2—5. В списке нет Ф.П.Врангеля, избранного в состав Особого совета РАК на общем собрании акционеров компании 19 мая 1837 г. См.: РГИА. Ф. 18. Оп. 5. Д. 1393. Л. 1—4, 27—38.

²⁵ Некоторые авторы упоминали лишь шесть детей. См., напр.: Pierce R.A. *Russian America: A Biographical Dictionary*. Kingston, Ontario, 1990. P. 459.

²⁶ См. Таблицу 1.

²⁷ Кудрин Н.М. Устюгской земли Михайло Булдаков и другие. Великий Устюг, 1993. С. 22—26.

²⁸ Там же. С. 25.

²⁹ Думается, что к моменту составления списка акционеров РАК (не позднее 1835 г.) М.М.Булдакова не стало (голы жизни: 4 сентября 1768 г. — 28 апреля 1830 г.) и его акции перешли по наследству детям.

³⁰ Прибавление к «Санкт-петербургским ведомостям». 1802. № 37. 9 мая.

³¹ РГИА. Ф. 18. Оп. 5. Д. 1356. Л. 1—2; Pierce R.A. *Op. cit.* P. 403—404.

³² И.О.Тимковский — М.М.Булдакову, 2 ноября 1799 г. // Вологодский государственный историко-художественный музей-заповедник. Ф. 10. Оп. 1. Д. 31. Л. 5.

³³ Н.А.Шелихова — Г.И.Шелихову, 30 марта 1793 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 341. РАК. Оп. 888. Д. 801. Л. 29—30.

³⁴ Например, А.А.Преображенский, полагая, что Шелиховы и К° обладали более чем тысячным пакетом акций, не рассматривал Политковских, Меллер-Закомельских и Кокошкиных как членов семьи Шелиховых. См.: Преображенский А.А. Указ. соч. С. 292—293.

³⁵ См. Таблицу 2.

³⁶ Здесь и далее подчеркнуто в оригинале цитируемого источника.

³⁷ 28 марта 1824 г. П.В.Боковиков писал К.Т.Хлебникову, что с 1819 г. М.М.Булдаков «...почти удалился от дел и... живет по большей части в [Великом] Устюге...» (ГАПО. Ф. 445. Оп. 1. Д. 151. Л. 49, 55об.).

³⁸ Записка о зловредном влиянии капитана-лейтенанта Л.А.Гагемейстера на дела Российско-американской компании // АВПРИ. Ф. 341. РАК. Оп. 888. Д. 232. Л. 1—6.

³⁹ Ведомость денежных выплат по акциям Российско-американской компании, 1869—1888 г. // АВПРИ. Ф. РАК. Д. 416. Л. 34.

⁴⁰ Преображенский А.А. Указ. соч. С. 293.

⁴¹ Pierce R.A. Op. cit. P. 198.

⁴² Краткая выписка из подробного генерального баланса Российско-американской компании, 1 января 1820 г. // РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 836. Л. 5—8.

⁴³ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 828. Л. 13.

⁴⁴ Там же. Л. 42.

⁴⁵ Подробнее см.: Петров А.Ю. Морские офицеры начинают управлять русскими колониями в Северной Америке // История Русской Америки, 1732—1867. В 3-х т. Т. 2. М., 1999. С. 365—366.

⁴⁶ Краткая выписка из подробного генерального баланса Российско-американской компании, 1 января 1820 г. Л. 5—8.

⁴⁷ Список акционеров РАК, не позднее 7 марта 1835 г. // РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 828. Л. 22об.

⁴⁸ Там же. Л. 23.

⁴⁹ См., напр.: Pierce R. Op. cit. P. 283.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 341. РАК. Оп. 888. Д. 416. Л. 26об.

⁵¹ Подробнее о семье И.Л.Голикова см.: Курские купцы Голиковы: от монастырских бобылей до потомственных дворян: Материалы к истории и генеалогии рода / Сост. А.В.Зорин, М.Д.Карпачев, В.А.Могильников, М.А.Филиппова, А.А.Шумков. СПб., 2003. С. 51—53. Об интересной находке, связанной с женой И.Л.Голикова, см.: Троицкая Л.М. Русская Америка на берегах Москва-реки (XVIII — первая четверть XIX в.) по материалам Центрального исторического архива Москвы // Русское открытие Америки: Сборник статей, посвященный 70-летию академика Николая Николаевича Болховитинова. Москва, 2002. С. 402—411.

⁵² АВПРИ. Ф. РАК. Д. 416. Л. 22об.

⁵³ Подробнее о первых директорах РАК см.: Петров А.Ю. Образование Российско-американской компании. С. 120—123.

⁵⁴ АВПРИ. Ф. РАК. Д. 416. Л. 1—7.

⁵⁵ Подробнее о составе и изменениях, произошедших в Особом совете, см.: Ермолаев А.Н. Временный комитет и Особый совет Российско-американской компании: контролирующие или совещательные органы (1803—1844) // Американский ежегодник. 2000. М., 2002. С. 232—249.

⁵⁶ Тихменев П.А. Указ. соч. Ч. 1. Приложение. С. 50.

⁵⁷ Шепелев Л.Е. Чиновный мир России. XVIII — начало XX в. СПб., 2001. С. 149.

⁵⁸ Более подробных комментариев по акционерам компании, а также их персональному составу пока не выявлено.

⁵⁹ Отчет Российско-американской компании Главного правления за два года, по 1-е января 1842 года. СПб., 1842.

⁶⁰ Список о принадлежности акций Российско-американской компании, декабрь 1823 г. // РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 828. Л. 43—46.

⁶¹ Отчет Российско-американской компании Главного правления за один год, по 1-е января 1843 года. СПб., 1843.

⁶² Отчет ГП РАК, не позднее 1841 г. // Архив Русского географического общества. Разр. 99. Д. 82. Л. 55об.

⁶³ Представляется, что эти комментарии должны были находиться в архиве Главного правления РАК, который на сегодняшний день считается утраченным. См.: Петров А.Ю. Образование Российско-американской компании. С. 17—19.

⁶⁴ АВПРИ. Ф. РАК. Д. 416. Л. 1об. В этом документе записаны лишь те акционеры, которым было необходимо выплатить в результате ликвидации РАК. Указанный документ не является списком акционеров с точным указанием количества акций, которым обладал тот или иной держатель.

⁶⁵ Записка Главного правления Российско-американской компании по делу о вознаграждении убытков от распродажи ее колониального имущества. СПб., 1868.

⁶⁶ 4 мая 1871 г. указом Правительствующего сената Главное правление Российско-американской компании было ликвидировано (см.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 46. № 49559. С. 433).

⁶⁷ Отчет Российско-американской компании с 1-го января 1870 по 1 апреля 1871 года. СПб., 1871.

⁶⁸ Любавин был оставлен в должности после ликвидации ГП РАК для окончательного расчета с акционерами.

⁶⁹ АВПРИ. Ф. 341. РАК. Оп. 888. Д. 416. Л. 1об.

⁷⁰ Там же. Л. 2.

⁷¹ Там же. Л. 3.

⁷² Там же. Л. 1—6об.

⁷³ Леопольд Егорович Кениг (1821—1903), фабрикант и предприниматель. Прошел путь от простого рабочего до владельца крупнейших сахарных заводов в Российской империи с годовым оборотом в миллионы рублей. Новатор. С 1857 г. ввел в России вместо огневой паровую систему сахароварения. Основатель фирмы «Л.Е.Кениг — наследники» (см.: URL: http://www.sovstar.ru/sovstar4_3_3.html; АВПРИ. Ф. 341. РАК. Оп. 888. Д. 416. Л. 3, 4об., 5, 8об., 17, 20, 20об.).

⁷⁴ Там же. Л. 9—14.

⁷⁵ Там же. Л. 7об.

⁷⁶ Там же. Л. 35.

⁷⁷ В.С.Каретников (1829—1880) — сын С.И.Каретникова (1787—1852). Последний был фабрикантом, владевшим ситценабивной фабрикой в Шуе. В 1835 г. он и его двоюродный брат Ларион Алексеевич Каретников имели по 13 акций РАК каждый. В.С.Каретников продолжил и расширил семейное дело: механизировал бумагопрядильную и ткацкую фабрики, поставив производство на научную основу. Был удостоен ордена Св. Анны III степени. Его наследники получили на 26 акций 780 руб. (см.: Список акционеров РАК, не позднее 7 марта 1835 г. // РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 828. Л. 11—42; URL: <http://liga-ivanovo.papod.ru/zima02-8.htm>; АВПРИ. Ф. 341. РАК. Оп. 888. Д. 416. Л. 35.).

⁷⁸ АВПРИ. Ф. 341. РАК. Оп. 888. Д. 416. Л. 1—38.

⁷⁹ Тихменев П.А. Указ. соч. Ч. I. Приложение. С. 21.

М. Элман*

**Голод в СССР в 1947 г. в свете проблемы
«доступа к продовольствию»****

Данная работа содержит анализ экономических причин голода 1947 г. в СССР на основе недавно рассекреченных архивных данных. В статье утверждается, что наиболее точная на сегодняшний день оценка уровня вызванной голодом избыточной смертности составляет 1—1,5 млн человек. Демографические потери были еще большими. Находившиеся в распоряжении государства запасы продовольствия, судя по всему, были достаточными для того, чтобы накормить всех тех, кто умер от голода. Этот случай голода относился к типу FAD₂ (предотвратимый спад в обеспечении продовольствием)¹. Он был обусловлен засухой, вызвавшей неурожай и ухудшившей продовольственное снабжение, однако, если бы приоритеты правительства были иными, голода можно было бы избежать (или он не был бы столь значительным), несмотря на засуху. Ответ на вопрос о том, кто именно становился жертвой голода, может быть дан в рамках подхода к изучению голода, акцентирующего проблему прав населения на доступ к продовольствию².

---

* Элман Майкл — профессор (Амстердамский университет, Нидерланды; Российская экономическая школа, Москва).

Автор выражает благодарность Д.Безмеру, Р.У.Дэвису, Г.Дриссену, Р.Френшу, Р.Кнафку, Н. ван дер Лейну, С.Максудову, М.Моргану, П.Нолану, В.Попову, Р.Рамеру, Е.А.Тюриной и В.Зиме за их ценные комментарии, советы и помощь в получении необходимой литературы, а также признательность двум анонимным рецензентам и редакторам «Cambridge Journal of Economics» за ценные замечания и предложения. Ранние версии этой статьи были представлены на семинарах в Российской экономической школе (Москва), на факультете экономики и эконометрики Амстердамского университета и в Институте социальных исследований в Гааге, а также на ежегодной конференции Британской ассоциации славистики и восточноевропейских исследований (BASEES) 1999 г. в Фитцвильямском колледже (Кембридж).

** Данная статья является переводом статьи: Ellman M. The 1947 Soviet famine and the entitlement approach to famines // Cambridge Journal of Economics. Vol. 24. 2000. № 5. P. 603—630.

Перевод осуществлен с разрешения Cambridge Political Economy Society.

Перевод с англ. Н.В.Бутурлина.

1. Введение

Примечательной чертой экономической литературы последних двадцати лет было то внимание, которое уделялось экономике голода³. Стимулом к этой работе и основным интеллектуальным новшеством в ней послужил предложенный А.К.Сеном подход, акцентирующий проблему прав на доступ к продовольствию. В дополнение к его важной и очень позитивной роли в привлечении внимания к экономике голода, большая заслуга данного подхода состоит в объяснении гибели меньшинства при выживании большинства. Кто умирает, где, почему и что может быть сделано для предотвращения голода, оказания эффективной помощи голодающим и для предотвращения его возникновения — таковы ключевые проблемы, находящиеся в фокусе этого подхода. Его основы были заложены главным образом работой Сена о голоде в Бенгалии в 1943 г.⁴ Одним из важных аспектов работы Сена было объяснение того, что спад в предложении продовольствия является не единственной причиной голода и что голод может начаться даже в том случае, когда предложение продовольствия не снижается (Food availability decline, FAD). Однако подход, акцентирующий проблему прав на доступ к продовольствию, не ограничивается этой простой констатацией. Как объясняет его автор, «этот подход представляет собой скорее общую аналитическую структуру для изучения феномена голода, нежели особую гипотезу его происхождения»⁵.

Недавнее рассекречивание архивов, публикация архивных документов⁶ и работы российских, украинских и молдавских историков, основанные на архивных материалах⁷, открыли почти неизвестный до этого случай голода — голод в СССР в 1947 г. До совсем недавнего времени голод 1947 г. в СССР в основном игнорировался в литературе как по экономике голода, так и по экономической и демографической истории СССР⁸.

Задачей данной статьи является детальное исследование голода 1947 г., трагического и важного события в советской истории. Вопрос, на который она должна ответить, — является ли этот голод голодом типа FAD или нет? Как очень разумно отметил А.К.Сен, «связан ли голод с предложением продовольствия — это проблема для фактического исследования»⁹. Другой вопрос, который мы хотели бы осветить, — есть ли в аргументации Сена элементы, являющиеся лишь обобщениями условий, сложившихся в одной части света при конкретном наборе экономических и политических институтов и которые могут быть некорректны для других частей света при других экономических и политических институтах^{10?}

2. Исторические факты

Советский голод 1947 г. начался вскоре после опустошительной войны, которая стоила СССР 24—27 млн избыточных смертей¹¹. Он произошел в стране, которая уже пережила три голода в XX столетии (1917—1922 гг.¹², 1931—1934 гг. и 1941—1945 гг.¹³), в стране, управляемой тираническим режимом, обращавшимся с сельским населени-

см как с побежденными врагами, обязанными платить дань своим повелителям. Голод последовал за засухой, которая резко сократила производство зерна по сравнению с предыдущими и последующими годами.

Некоторые базовые данные о производстве и потреблении зерна в 1945—1946 гг. представлены в Таблице 1. Она показывает, что в 1946 г. наблюдалось резкое снижение производства (вызванное засухой) по сравнению с его и так низким уровнем. Часть бремени этого спада производства пала на государство (снизились государственные заготовки), однако большую его часть вынуждены были нести крестьяне (в процентном соотношении снижение доли урожая, остававшейся в распоряжении колхозов и сельского населения, было более значительным, чем снижение государственных заготовок)¹⁴.

Таблица 1

Урожай и заготовки зерна в СССР, 1945—1946 гг.

	1945 ^a	1946 ^b	Изменение
Урожай (млн т)	47,3 ^c	39,6 ^d	-16,3%
Заготовки (млн т)	20,0	17,5 ^c	-12,5%
Остаток урожая в распоряжении колхозов и сельского населения (потребление, фураж и семена) (млн т)	27,3	22,1	-19%
Заготовки как доля урожая	43,3%	44,2%	+1,9

Примечания: ^a В 1945 г., по официальным оценкам, размер урожая был на 1,8 млн т ниже урожая 1944 г. и составлял лишь 49,6% от официальных данных за 1940 г. Тем не менее Р.Дэвис и др. (Davis R.W. et al. *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913—1945* / Davies R.W., Harrison M., Wheatcroft S.G. (eds.). Cambridge, 1944. P. 288) предупреждают о том, что официальные данные по урожаям зерна за 1937—1940 гг., возможно, преувеличены.

^b В 1946 г. урожай составил 65,9 млн т, а заготовки — 27,5 млн т (Понов В.П. *Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг. (на примере российской деревни): Дисс... докт. ист. наук. М., 1996. С. 61). Значительный рост урожая и заготовок в основном был обусловлен более благоприятными погодными условиями.*

^c Согласно М.Харрисону (Harrison M. *Accounting for War*. Cambridge, 1996. P. 262), урожай зерна в 1945 г. составил 47,2 млн т. В книге «Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (М., 1990. С. 96) объем урожая зерна «для СССР» приводится также в размере 47,2 млн т, однако отмечается, что урожай в Закарпатье (ставшем частью СССР с 1945 г.), в дополнение к этому, составил 0,1 млн т. Таким образом, получается общая сумма в 47,3 млн т для всех территорий, входивших в состав СССР с 1945 г.

^d Согласно постановлению Совета министров СССР от 3 февраля 1947 г. «Об ошибках Центрального статистического управления Госплана СССР в определении размера урожая зерна 1946 г. и мерах по исправлению статистики

урожае». статистические данные Центрального статистического управления по урожаю зерна были ошибочными и слишком низкими. Несомненно, что колхозы были заинтересованы в предоставлении заниженных данных об урожае. Тем не менее кажется вероятным, что это постановление и те меры, которые оно предлагало для «исправления» статистики урожая, были типичной для сталинизма фальсификацией статистики.

^c В.Ф. Зима предполагает, что эта цифра слишком низкая. Его свидетельство в данном случае не является убедительным.

Источник: Зима В.Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия М., 1996. С. 20—30. Принимая во внимание тот хаос, который имел место в стране после войны (демобилизация, перемещение населения и изменение границ), вероятно, что эти и другие данные того времени, представленные с точностью до десятых долей, являются примерами мнимой точности.

Для того чтобы понять, что произошло с зерном, находившимся в руках государства, необходимо рассмотреть зерновые балансы СССР за 1945—1948 гг., представленные в Таблице 2.

Таблица 2

Зерновые балансы СССР, 1945—1948 гг. (млн т)^a

	1945 ^b г.	1946 ^b г.	1947 ^b г.	1948 ^b г.
Зерновые запасы				
Запасы на начало года ^c	13,3	14,5	6,8 ^d	16,6
Заготовки и закупки	20,4	17,5	27,9	31,0
Импорт	0,5	0,2	0,3 ^e	0,2
Из государственных резервов ^d	0,3	1,7	н. д.	3,3
Из государственного страхового фонда и государственного фонда сортовых семян ^c	0,5	1,9	1,4	н. д.
Иное	2,2	2,4	н. д.	н. д.
Все запасы	37,2	38,2	37,7	52,8
Потребление				
Переработка на предприятиях Министерства заготовок и Министерства пищевой промышленности	10,2	13,6	12,2	17,1
К продаже на рынке	2,4	2,3	0,9	1,2
Использовано на корм скоту	0,5	0,8	0,5	0,6
Использовано в промышленности	0,9	1,2	1,2	1,5
Централизованные поставки	1,2	1,0	0,5	0,3
Экспорт ^h	0,2	1,2	0,6	2,6
Включено в государственный резерв	1,6	1,2	9,9	5,2
Распределено в виде семенного фонда в обмен на другие товары	0,5	0,3	0,4	1,0
Распределено в виде семенных ссуд	1,4	2,4	3,1	1,8
Иное	3,1	3,3	1,8	1,7
Всего использовано	22,0	27,4	31,1	33,0

	1945 ^b г.	1946 ^b г.	1947 ^b г.	1948 ^b г.
Ошибки и пропуски	0,7	0,3	0,0	-0,1
Запасы на конец года	14,5	10,5	6,6 ⁱ	19,9

Примечания: ^a Баланс зерна, находившегося в руках государства. Он не включает зерно, оставшееся у колхозов и сельского населения.

^b Календарные, а не сельскохозяйственные годы (сельскохозяйственный год длился с 1 июля по 30 июня).

^c Цифры в этой строке относятся к тому, что Р.Дэвис с соавторами называют «планируемыми запасами» (Davies R.W., Tauger M.B., Wheatcroft S.G. Stalin, Grain Stocks and the Famine of 1932—1933 // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. № 3).

^d Попов В.П. (Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг... С. 91) предполагает, что эти данные, возможно, относятся к запасам Министерства заготовок и не включают зерно, выделенное из запасов других ведомств (например, Министерства продовольственных и материальных резервов (Мингосрезерв)). Этим можно объяснить некоторые противоречия в Таблице 2 и между Таблицами 2, 3 и 4.

^e Государственный фонд сортовых семян (Госсортфонд) являлся фондом высококачественных семян.

^f Исключая государственные зерновые резервы в размере 3,6 млн т.

^g В декабре 1946 г. был заключен контракт с китайской фирмой об импорте 1 млн т зерна и соевых бобов и 10 тыс. т мяса. Транспортировка была организована очень плохо, и к 25 марта 1947 г. были получены только 181700 т (в зерновом эквиваленте), что составляло лишь 43% плана (Зима В.Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов... С. 144).

^h В.Ф.Зима приводит другие данные по экспорту зерна (Зима В.Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов... С. 149). Для 1946 и 1947 гг. это 2,5 млн т (вместо 1,8 млн т), и для 1948 г. — 3,2 млн т (вместо 2,6 млн т). Аналогичным образом Б.Бомешко утверждает, что экспорт зерна в 1946 г. составлял 1,7 млн т (Бомешко Б. Засуха и голод в Молдавии в 1946—1947 гг. Кишинев, 1990. С. 52). Возможные причины этих противоречий в данных связаны с различными определениями «экспорта» (только коммерческий экспорт или коммерческий экспорт плюс помощь; экспорт с учетом или без учета зерновых ссуд), различными определениями «зерна» (см. Таблицу 4, примечание «с» и комментарии к источнику данных), различиями во времени и различиями между соглашениями и поставками. Согласно документам Министерства заготовок (Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 8040. Оп. 8. Д. 360. Л. 22—23), валовый экспорт в 1944—1948 сельскохозяйственные годы был следующим (округленные данные в млн т, чем объясняется возможная разница суммы и ее составляющих):

	1944—1945	1945—1946	1946—1947	1947—1948
Зерно	0,1	1,2	0,3	2,4
Мука	0,1	0,1	0,0	0,0
Крупа	0,0	0,0	0,0	0,0
Всего в зерновом эквиваленте	0,2	1,2	0,4	2,4

ⁱ Не включая государственные резервы.

Источник: Попов В.П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг... С. 433—438. Эти данные были собраны в РГАЭ и Госу-

дарственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Основополагающими источниками являются зерновые балансы, составленные Народным комиссариатом/Министерством заготовок. Категории «Иное» и «Ошибки и пропуски» добавлены для уравнивания балансов.

Из Таблицы 2 следует, что в 1946 г. чистый объем экспорта зерна равнялся 1 млн т, чистое сокращение государственных зерновых резервов составило 0,4 млн т и 2,4 млн т было направлено колхозам и совхозам в качестве семенных ссуд (т.е. зерно предполагалось использовать на семена с последующим возвратом государству). В 1947 г. чистый объем экспорта снизился до 0,3 млн т, а количество зерна, выданного в качестве семенных ссуд, выросло до 3,1 млн т. Увеличение семенных ссуд в 1947 г. указывает на большое значение, придававшееся государством поддержанию сельскохозяйственного производства. Резкое снижение чистых объемов экспорта в 1947 г. было реакцией государства на голод¹⁵.

Ввиду важности понимания того, был ли советский голод 1947 г. голодом типа FAD, необходимо рассмотреть данные о запасах зерна в период голода. В своей работе о голоде 1943 г. в Бенгалии О.Госвами подчеркивал важность точных данных о запасах¹⁶. К сожалению, оказалось, что достоверных данных о запасах продовольствия в Бенгалии на 1943 г. нет. Оценки Госвами были сделаны через много лет после самого события и неизбежно были основаны отчасти на произвольных допущениях как о росте населения, так и о потреблении зерна. Для СССР в 1947 г. у нас имеются намного более качественные данные, поскольку в Советском Союзе экономика контролировалась государством, для которого зерновые запасы представляли большое значение. Государственные учреждения вели детальный учет запасов зерна, и соответствующая информация сейчас доступна исследователям¹⁷. Доступные данные представлены в таблицах 3 и 4.

Таблица 3

Государственные зерновые резервы, 1945—1951 гг. (млн т)

	Всего ^a	В т.ч. в распоряжении Министерства заготовок
1 января 1945 г.	н. д.	н. д. (5,5) ^b
1 июля 1945 г.	8,2	2,2 (4,1)
1 января 1946 г.	10,1	5,8 (5,9)
1 июля 1946 г.	6,0	3,1 (3,2) ^c
1 января 1947 г.	н. д. ^d	3,6 (3,8)
1 июля 1947 г.	4,7 ^c	1,5 (1,8)
1 января 1948 г.	н. д.	9,5 (9,8)
1 июля 1948 г.	10,5	4,8 (5,6)
1 января 1949 г.	18,8	11,2
1 июля 1949 г.	13,9	7,4
1 января 1950 г.	20,9	3,1

	Всего ^a	В т.ч. в распоряжении Министерства заготовок
1 июля 1950 г.	16,0	10,3
1 января 1951 г.	21,0	14,6
1 июля 1951 г.	16,3 ^f	10,9

Примечания: ^a Данные в этом столбце относятся ко всем государственным зерновым резервам, лишь часть которых приходится на основные продовольственные злаки (рожь и пшеницу). Это видно из того факта, что по состоянию на 1 июля 1945 г. и 1 июля 1946 г. они в точности совпадают с данными об общих государственных зерновых резервах из справки, подготовленной министром заготовок для А.И.Микояна (см. ниже примечание «с»). Цифры в этом столбце по состоянию на 1 июля 1945—1951 гг. полностью совпадают с данными Д.А.Волгогонова (Волгогонов Д.А. Семь вождей. Т. 1. М., 1995. С. 382). Волгогонов приводит в качестве источника документ: Архив Президента РФ. Особая папка. Пакет 734. Л. 2. (Есть одно небольшое исключение. В.П.Попов приводит общую цифру на 1 июля 1946 г. в 6,0 млн т, а Волгогонов — в 6,1 млн т. Возможно, это опечатка у Волгогонова или ошибка при округлении, а не подлинная разница.) В исправленном английском переводе книги Волгогонова (Volkogonov D.A. Autopsy for an Empire. N.Y., 1998. P. 210) полная таблица опущена, даются лишь цифры за 1940 и 1953 гг. Данные по «всему урожаю», приведенные в начале той же фразы в переводе, вводят в заблуждение: цифры соответствуют объему заготовок, а не «всего урожая».

^b Цифры в скобках здесь и далее взяты из записей Министерства заготовок. Подразумевается, что они относились к государственным резервам зерна и хлебопродуктов в зерновом эквиваленте, но вероятно, что на деле они характеризуют лишь тот объем этих резервов, который был известен Министерству заготовок. Соответствующие цифры взяты автором из: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 360. Л. 540. Что может объяснить несоответствия между приведенными в данном столбце цифрами В.П.Попова и цифрами в скобках, обнаруженными автором, неясно.

^c Эта цифра полностью соответствует приведенной в справке министра заготовок для заместителя председателя Совмина СССР А.И.Микояна от 16 июля 1946 г. См.: Попов В.П. Голод и государственная политика // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 41. Этот доклад содержит данные как по планируемым запасам, так и по государственным резервам (которые были частью планируемых запасов). И то, и другое представлено как в совокупности (включая основные продовольственные злаки, фуражные и менее ценные злаки), так и отдельно для основных продовольственных злаков (ржи и пшеницы). Цифра в 3,2 млн т относится к государственным резервам ржи и пшеницы.

^d По В.Ф.Зиме, государственные зерновые резервы на 1 февраля 1947 г. составляли 10 млн т (на 1,9 млн т больше, чем на 1 февраля 1946 г.), из которых 4,5 млн т хранились Министерством продовольственных резервов и 5,5 млн т — Министерством заготовок. (Зима В.Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. С. 29).

^e Во время войны государственные зерновые резервы по состоянию на 1 июля достигли низшего значения (2,7 млн т) в 1944 г. (Попов В.П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг..

С. 77). 18 августа 1944 г. было издано постановление правительства о создании неприкосновенного зернового резерва в 8 млн т (около половины ежегодного потребления) (там же. С. 78; Попов В.П. Хлеб под большевиками // Новый мир. 1997. № 8. С. 184).

[†] На 1 июля 1952 г. соответствующая цифра равнялась 17,3, а на 1 июля 1953 г. — 17,8 млн т. См.: Волкогонов Д.А. Указ. соч. Т. 1. С. 382.

Источник: Попов В.П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг... С. 79. Данные были собраны в РГАЭ и ГАРФ.

Из содержания таблиц 3 и 4 можно сделать следующие выводы. *Во-первых*, в 1947—1953 гг. были накоплены значительные государственные резервы зерна. Тем самым была решена задача, которую советское правительство не могло решить в 1929—1933 гг.¹⁸ и которую оно формально поставило в августе 1944 г., — достичь значительного роста государственных зерновых резервов¹⁹. Это накопление началось с урожая 1947 г. Каковы были цели этой политики? Согласно совершенно секретному постановлению Совета министров Украины и ЦК У КП(б) от 11 июля 1947 г. о планировании закупок зерна урожая 1947 г., она преследовала четыре цели: обеспечение нормального производства зерна, несмотря на прошлогоднюю засуху (например, гарантировав достаточное количество семян, а также пропитания для занятых в весенней посевной и при сборе последующего урожая); оказание помощи голодающим после неблагоприятного сельскохозяйственного года²⁰; отмена карточной системы²¹ и соображения национальной безопасности²². Без сомнения, в условиях ухудшения международной обстановки после 1947 г. последний мотив становился все более значимым²³. Если говорить о первых двух целях, важность достаточных зерновых запасов для их достижения подтвердилась в 1936—1937 гг., когда неурожай не привел к голоду (хотя и имелись несколько случаев голодной смерти)²⁴. Одно из объяснений этого заключалось в том, что тогда был лишь один неурожай (в то время как катастрофическому голодному 1933 г. предшествовали два последовательных неурожая в 1931 и 1932 гг., а голоду 1947 г. предшествовал не только неурожай 1946 г., но также и низкий урожай 1945 г.). Другой причиной было то, что по состоянию на 1 июля 1936 г. государство располагало достаточными запасами зерна, которые были использованы в 1936—1937 гг., чтобы поддержать потребление²⁵.

Во-вторых, накопление резервов началось с урожая 1947 г. *В-третьих*, на протяжении 1946—1947 сельскохозяйственного года государственные зерновые запасы сократились (на 1,3 млн т), как и планируемые запасы (на 2,4 млн т), как этого можно было ожидать в условиях чрезвычайного положения с продовольствием²⁶. *В-четвертых*, планируемые запасы зерна к концу 1946—1947 сельскохозяйственного года были достаточными и соответствовали примерно полуторамесячному общему потреблению или двум с половиной месяцам снижения запасов при норме расхода, характерной для первой половины 1947 г. Они на 1,3 млн т превышали уровень запасов на конец 1932—1933 сельскохозяйственного года (предыдущего голодного года мирного времени). Это количество — 1,3 млн т зерна — было достаточным для того, что-

бы прокормить почти 4 млн чел. на протяжении года²⁷. Необходимый минимум планируемых запасов на 1 июля 1947 г. точно не известен, но разумная его оценка составляет около 2,8 млн т (см. Приложение 2). Это значит, что избыточные планируемые запасы²⁸ на 1 июля 1947 г., которые могли быть использованы для снабжения людей продовольствием в 1946—1947 сельскохозяйственном году, составляли примерно 0,5 млн т, т. е. были достаточными для обеспечения «хорошим хлебным пайком» 1,5 млн чел. на протяжении года. Кроме этого, у государства, видимо, имелись некоторые дополнительные резервы (см. Таблицу 3), которые могли быть использованы для снабжения продовольствием в чрезвычайной ситуации²⁹. В-пятых, избыточные запасы в 1946—1947 сельскохозяйственном году резко возросли. В-шестых, по состоянию на 1 июля 1946 г. и 1 июля 1947 г. государственные зерновые резервы как доля урожая только что завершившегося сельскохозяйственного года соответствовали общим запасам на конец года, выраженным как доля урожая, в царской России 1905—1914 гг.³⁰, но по состоянию на 1 июля 1948—1953 г. они были значительно выше³¹.

Таблица 4

Планируемые запасы зерна и зернопродуктов в 1945—46, 1946—47 и 1947—48 сельскохозяйственные годы, согласно официальным данным Министерства заготовок (зерновой эквивалент, млн т)^a

	1945—46 г.	1946—47 г.	1947—48 г.
1 июля ^b	6,3	5,7	3,3
1 августа	6,0	6,7	6,1
1 сентября	9,9	9,3	14,2
1 октября	15,3	10,6	20,1
1 ноября	17,1	12,4	20,7
1 декабря	17,0	12,7	19,6
1 января ^c	15,4	1,8	17,8
1 февраля	13,8	10,6	16,2
1 марта	12,3	9,6	14,7
1 апреля	10,8	8,3	3,1
1 мая	9,6	6,6	1,5
1 июня	7,5	4,6	9,2 ^d

Примечания: ^a Определение «планируемых запасов» в данной таблице полностью соответствует определению Дэвиса и др. (Davies R.W., Tauger M.B., Wheatcroft S.G. Op. cit. Table 1). Это видно из того факта, что тот же архивный источник (Ibid. P. 36) приводит данные о запасах на 1 июля 1928—1933 гг., которые совпадают с данными Таблицы 1 у Р.Дэвиса и др. Отсюда следует, что данные в этой таблице включают не только рожь и пшеницу, но также фуражное и прочее зерно.

^b 1 июля традиционно берется как низшая сезонная точка в обеспеченности зерном. Как отмечают Р.Дэвис и др. (Davies R.W., Tauger M.B., Wheatcroft S.G. Op. cit. P. 647), это не совсем верно, так как эта точка обычно

относилась к более позднему времени. Из шести сельскохозяйственных лет: 1943—44, 1944—45, 1945—46, 1946—47, 1947—48, 1948—49 — в трех из них (1943—44, 1944—45 и 1945—46) планируемые запасы зерна и хлебопродуктов в зерновом эквиваленте, согласно отчетам чиновников Министерства заготовок, по состоянию на 1 августа были ниже, чем по состоянию на 1 июля. С другой стороны, в оставшиеся три года эти запасы были больше по состоянию на 1 августа, чем по состоянию на 1 июля. Это свидетельствует, что утверждение Р.Дэвиса и др. о том, что «в июле доступный объем зерна нового урожая в целом за месяц оказывается ниже, чем объем потребляемого зерна», является преувеличением. Очевидно, что ситуация от года к году менялась в соответствии с условиями урожая и эффективностью системы заготовок.

^c Эти цифры выше, чем соответствующие значения Таблицы 2 (на 6—13%). Сам Попов предполагал (в устной беседе), что возможной причиной этого было то, что разные учреждения использовали разные методы учета. Поскольку существует несколько злаковых культур, которые могут быть как объединены в категорию «зерно», так и подразделены на основные продовольственные злаки (т.е. рожь и пшеницу), зернофураж и менее ценные злаки, существуют данные для двух категорий: «зерно» (т.е. только зерно) и «зерно и зернопродукты» (т.е. зерно, мука и крупа), причем цифры могут даваться в разных единицах — в тоннах зерна и в тоннах «зернового эквивалента» (с использованием коэффициентов приведения данных по различным злакам к общему показателю). Кроме того, имеется также несколько способов подсчета потерь при транспортировке и хранении. Неудивительно, что при этом существуют противоречия между источниками. См. также комментарий к источнику для данной таблицы.

^d На 1 июля 1948 г. соответствующее значение равнялось 7,4 млн т.

Источник: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 360. Л. 42. Поскольку эти данные относятся к «планируемым запасам», состоявшим из государственных резервов и зерна, обращавшегося в системе заготовок и распределения (но исключая зерно, находившееся в распоряжении организаций-потребителей и транспортной системы), то цифры в этой таблице должны превосходить соответствующие значения левой колонки Таблицы 3. Тем не менее данные для четырех дат — 1 июля 1945 г., 1 июля 1946 г., 1 июля 1947 г. и 1 июля 1948 г. — в Таблице 4 ниже соответствующих значений Таблицы 3. Этому могут быть два возможных объяснения. Во-первых, в это время (и, возможно, в другие годы) существовали государственные зерновые резервы, не учтенные чиновником Министерства заготовок, подготовившим доклад, на данных которого основана Таблица 4 (например, запасы в распоряжении организаций-потребителей, таких как Вооруженные силы, или специальный запас Дальнего Востока, или запасы в распоряжении иных министерств). Это объясняет заголовок Таблицы 4. Такое объяснение подтверждается тем фактом, что данные о «планируемых запасах» в справке, подготовленной министром заготовок для А.И. Микояна (см. Таблицу 3, примечание «с»), как на 1 июля 1945 г., так и на 1 июля 1946 г. превосходили соответствующие цифры в Таблице 4. Во-вторых, это разница в определении «планируемых запасов». Поскольку (а) было несколько разных зерновых культур, которые хранились на складах в виде как зерна, так и зернопродуктов (например, муки), (б) некоторые запасы (хранившиеся в потребляющих организациях и транспортной системе), как правило, не учитывались и (в) «государственные

резервы» в некоторых статистических сводках фигурировали отдельно от государственного страхового фонда и госсортфонда (см. Таблицу 2), возможна некоторая разница в определениях. Это, однако, вряд ли может объяснить, почему для некоторых месяцев значения в Таблице 4 ниже цифр в Таблице 3, а для других месяцев — выше.

Сколько было жертв голода? Существуют оценки, основанные на архивных данных, сделанные двумя современными российскими историками, работавшими в данной области. В работе В.Ф. Зимы число избыточных смертей оценивалось примерно в 1 млн чел. В другой работе того же автора приводится оценка «не менее двух миллионов» чел.³² Такая цифра была получена путем прибавления к приблизительному числу прямых жертв голода — более 1 млн чел. — примерно полумиллиона смертей от болезней, связанных с голодом. В.П. Попов³³ сделал вывод о том, что сверхсмертность в России (не СССР) составила около 1 млн чел.³⁴ и при этом наблюдался спад уровня рождаемости примерно на 2 млн чел. по сравнению с уровнем, который имел бы место в условиях отсутствия голода после того, как демобилизованные солдаты вернулись к своим семьям³⁵. Таким образом, общие демографические потери для одной только РСФСР составили примерно 3 млн чел. О.М. Веселова цитирует оценки сверхсмертности на Украине в диапазоне от 100 тыс. до 1 млн чел.³⁶, и сама оценивает ее примерно в 1 млн чел.³⁷ и более³⁸. А.М. Царан и И.Г. Шишкану оценивают сверхсмертность в Молдавии в размере 150—200 тыс. чел.³⁹ Автор настоящей статьи изучил данные недавно рассекреченных архивов Отдела статистики населения МВД СССР и использовал опубликованные в 1993 г. молдавские и украинские архивные документы, которые являются источниками для нижеследующего анализа.

Голод начался во второй половине 1946 г., после неурожая этого года и государственных изъятий. Какой месяц следует считать началом голода? Недавно опубликованная официальная корреспонденция показывает, что МГБ (Министерства государственной безопасности) Молдавии и Украины сообщали об избыточных смертях, случившихся в этих республиках, уже в октябре 1946 г.⁴⁰ Если сравнить данные регистрации населения СССР за 1946 г. с данными за 1945 г.⁴¹, можно увидеть, что до июня 1946 г. включительно цифры общей помесечной смертности были ниже данных за соответствующие месяцы 1945 г., в то время как начиная с июля они стали превышать их. С июля 1946 г. данные зарегистрированной смертности по каждому месяцу этого года превышали данные 1945 г., в то время как в январе — июне включительно они были ниже⁴². Следовательно, представляется обоснованным считать началом голода июль 1946 г.

Каковы были цифры зарегистрированной сверхсмертности во второй половине 1946 г.? Это зависит от того, какую базу для сравнения мы выбираем. Если принимать за точку отсчета число зарегистрированных смертей во второй половине 1945 г., тогда количество зарегистрированных избыточных смертей во второй половине

1946 г. равно 99000 (т.е. во второй половине 1946 г. было на 99000 зарегистрированных смертей больше, чем во второй половине 1945 г.⁴³). Это грубая оценка, которая игнорирует такие факторы, как возможное снижение неполноты регистрации смертности после войны, постепенное сокращение вероятной смертности среди людей, раненных на войне, и тенденция к снижению смертности, вызванная фундаментальными демографическими причинами.

Таблица 5

**Зарегистрированный уровень смертности
в Молдавской ССР в период голода (чел.)**

1. Июль — декабрь 1945 г.	26594
2. Июль — декабрь 1946 г.	37632 ^a
3. Сверхсмертность: июль — декабрь 1946 г. (строка 1 минус строка 2)	11038
4. Январь — сентябрь 1946 г.	41584
5. Январь — сентябрь 1947 г.	153622 ^b
6. Сверхсмертность: январь — сентябрь 1947 г. (строка 5 минус строка 4)	112038
7. Общая сверхсмертность во время голода (строка 6 плюс строка 3)	123076

Примечания: ^a Эта цифра взята из майского доклада 1947 г., и она несколько выше предыдущих предварительных данных.

^b Это предварительная цифра, которая несколько недооценивает общую зарегистрированную смертность. Например, данные за февраль 1947 г. охватывают лишь 93% регистрирующих учреждений (Голод в Молдове (1946—1947): Сборник документов. Кишинев, 1993. С. 624, 659).

Источник: Голод в Молдове (1946—1947). С. 650—651, 659.

Что касается 1947 г., то число зарегистрированных смертей на 790000 превысило значение для 1946 г. Если сопоставить уровень смертности в 1947 г. с фактическим числом смертей в 1946 г. за вычетом приведенной выше оценки избыточной смертности в 1946 г. (99000), то количество зарегистрированных избыточных смертей в 1947 г. окажется равным 889000 чел.

Известно, что голод продолжался в 1948 г. Это ясно как из свидетельств людей, его переживших⁴⁴, так и из официальных докладов того времени⁴⁵. Сколько же избыточных смертей имело место в 1948 г.? Если принимать за объект сравнения реальное число зарегистрированных смертей в 1946 г. за вычетом примерно 99000 жертв голода 1946 г., тогда число зарегистрированных голодных смертей в 1948 г. будет равно 181000. Если же брать за объект сравнения фактическое количество зарегистрированных смертей в 1949 г., тогда число зарегистрированных избыточных смертей в 1948 г. составит 169000 чел.

Следовательно, мы видим, что число зарегистрированных избыточных смертей от голода в 1946—1948 гг. в зависимости от используемых в расчетах предположений достигало порядка 1,2 млн чел. Из них подавляющее большинство — около 76% — относилось к 1947 г. Пик голода пришелся на февраль—август 1947 г. Некоторые данные по зарегистрированной смертности в этот период представлены в таблицах 5 и 6.

Данные в таблицах 5 и 6 дают возможность распределить число зарегистрированных избыточных смертей по союзным республикам. Зарегистрированная сверхсмертность в Молдавии составила по крайней мере 123000 чел. (Таблица 5). Что касается РСФСР и УССР, то сверхсмертность в них можно оценить следующим образом. В 1947 г. зарегистрированная смертность в СССР была на 790000 чел. выше, чем в 1946 г. Из них 391000, или 49%, пришлось на РСФСР, 258000, или 33%, — на Украину и 104000, или 13%, — на Молдавию⁴⁶. Из 686000 чел., умерших вне Молдавии (790000 чел. за вычетом 104000 чел., умерших в Молдавии), 391000, или 57%, пришлось на РСФСР, 258000, или 38%, — на Украину. Предположим, что дополнительная избыточная смертность в 1947 г. в размере 88000 чел., не относящаяся к Молдавии (см. выше), была распределена в одинаковой пропорции между двумя республиками. Тогда общее значение сверхсмертности для РСФСР составит 391000 + 57% от 88000, т.е. 441000 чел. Аналогичные вычисления дают цифру в 291000 избыточных смертей в 1947 г. для Украины. Предположим, что значения сверхсмертности в 1946 г., за исключением Молдавии, были также распределены между двумя республиками в одной и той же пропорции. Тогда значение сверхсмертности 1946 г. составит 50000 чел. для РСФСР и 33000 чел. — для Украины. Если признать оценкой зарегистрированной сверхсмертности для 1948 г. разницу между зарегистрированной смертностью для этого года и 1949 г., тогда в 1948 г. сверхсмертность составила 26000 чел. на Украине и 115000 — в РСФСР⁴⁷. Это дает нам оценки зарегистрированной сверхсмертности для трех республик во второй половине 1946, 1947 и 1948 гг.: в 606000 чел. для РСФСР (около 0,6% населения), 350000 чел. — для Украины (около 1% населения) и 123000 чел. — для Молдавии (около 5% населения)⁴⁸⁴⁹. В абсолютном выражении значение зарегистрированной сверхсмертности было наивысшим для РСФСР и самым низким для Молдавии. В процентном выражении к численности населения республик это значение было наивысшим для Молдавии и самым низким для РСФСР.

Что касается распределения сверхсмертности между городским и сельским населением, то из разницы между значениями смертности для 1947 и 1946 гг. в 790000 чел. 44% пришлось на городское и 56% — на сельское население; из разницы между значениями зарегистрированной смертности для 1948 и 1949 гг. 49% пришлось на городское население и 51% — на сельское.

Насколько точными являются эти оценки смертности? Ясно, что система регистрации населения в то время не была надежной (по причинам, указанным в примечании к источнику для Таблицы 1).

Зарегистрированная^а смертность в СССР в 1946—1949 гг. (тыс. чел.)

	1946 г.			1947 г.			1948 г.			1949 г.		
	Городское население	Сельское население	Всего	Городское население	Сельское население	Всего	Городское население	Сельское население	Всего	Городское население	Сельское население	Всего
СССР	703	1157	1870	1051	1609	2660	771	1180	1952	690	1092	1783
МССР	8	58	65	15	154	169	5	32	37	4	26	31
УССР	115	256	371	223	406	629	14	239	354	103	225	328
РСФСР	461	626	1088	660	819	1479	496	668	1164 ^б	443	606	1049

Примечания: ^а Для каждого года предварительные данные по зарегистрированной смертности, которые сообщались в начале следующего года, были несколько ниже цифр общей зарегистрированной смертности, сообщавшихся в следующем году, после того, как становилась доступной более полная информация (подобная ситуация существует в России до сих пор). Цифры в таблице относятся к окончательным, а не предварительным данным о смертности. Этим можно объяснить то, что данные о смертности за 1947 г. у В.П.Попова несколько ниже, чем в Таблице 6 (Попов В.П. Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1994. № 10. Таблица 5). Это, возможно, также объясняет, почему данные о смертности у В.Ф.Зимы за 1946, 1948 и 1948 гг. несколько ниже, чем цифры в Таблице 6 (Зима В.Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. С. 253). Значения общей смертности для 1946—1948 гг. по СССР и РСФСР очень близки, однако они несколько выше данных ЦСУ по зарегистрированной смертности, использованных Е.М.Андреевым и др. (Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьков Т.Л. Население Советского Союза, 1922—1991. М., 1993. С. 69; они же. Демографическая история России: 1927—1959. М., 1998. С. 161). Причина этого противоречия неясна.

^б В.П.Попов (Попов В.П. Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны. Таблица 5), используя те же архивные документы, что и автор данной статьи в качестве источников для Таблицы 6, приводит цифру в 1946000 зарегистрированных смертей для РСФСР в 1948 г. Автор данной статьи обнаружил в архивных данных несколько иную цифру, приведенную в настоящей таблице. Возможно, Попов просто спутал *предварительные* данные по СССР с *окончательными* данными по РСФСР (цифра для РСФСР, указанная Поповым, почти та же, что и реальная цифра для СССР).

Источник: для 1946 и 1949 гг.: ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1438. Л. 111—112; для 1947 г.: там же. Д. 1427. Л. 168—169; для 1948 г.: там же. Д. 1432. Л. 121—122.

Е. М. Андреев и др. предполагают, что занижение данных при регистрации смертности составляло 33% в 1946 г., 25% в 1947 г. и 19% в 1948 г.⁵⁰ Даже в периоды стабильности в СССР недоучет смертности среди детей, престарелых и сельских жителей был нормальным явлением⁵¹. В период голода о недорегистрации смертности в сельской местности сообщалось в официальных документах. Например, в своем отчете за 1947 г. глава отдела регистрации населения МВД СССР утверждал: «Были случаи, когда секретари сельсоветов отказывались регистрировать рождения и смерти. В Красноармейском и Лошкаревском сельсоветах Сталинского района Днепропетровской области секретари сельсоветов отказывались регистрировать смерти, ссылаясь на занятость»⁵².

Может быть, кто-то склонен считать, что поскольку неполнота регистрации смертности среди сельского населения была хронической проблемой, то, согласно закону А. Ноува о «равномерном искажении» (law of equal cheating), это не должно никоим образом влиять на результат вычислений значения сверхсмертности в период голода. Такой вывод вызывает сомнения по двум причинам. Во-первых, если величина недорегистрации составляла постоянную долю реальной смертности, тогда, поскольку абсолютное значение смертности в период голода выросло, то же самое произошло бы с абсолютной величиной недоучета. Во-вторых, в период голода было вполне возможным увеличение и относительного недоучета. Это могло происходить как потому, что увеличившийся объем работы вынуждал сельских чиновников отказываться регистрировать некоторые смерти, которые они зарегистрировали бы в нормальных условиях, так и потому, что многие люди, в основном сельские жители, покидали свои дома в поисках продовольствия. Это часто заканчивалось, как отмечал в своем докладе от 2 декабря 1946 г. министр госбезопасности Молдавской ССР, появлением трупов, которые находили «на улицах, дорогах и в полях»⁵³. Маловероятно, что все эти трупы были опознаны и включены в статистику регистрации населения. В дополнение к этому, многие трупы жертв голода, возможно, сгнили в отдаленных местах и долгое время (или вообще) не были найдены. Эти аргументы наводят на мысль о том, что статистика регистрации населения занижала прирост смертности, вызванный голодом, особенно в сельской местности⁵⁴.

Одним из способов оценки возможного увеличения недорегистрации смертности в период голода является рассмотрение распределения смертности между городом и деревней. Согласно Таблице 6, зарегистрированная смертность городского населения в СССР в 1947 г. выросла на 49,5%, но зарегистрированная смертность среди сельского населения страны увеличилась лишь на 37,9%. Это странно, поскольку как официальные отчеты того времени, так и свидетельства выживших дают представление о том, что голод ударил в основном по сельским жителям. Следовательно, правдоподобным было бы считать, что эта разница является искажением, происходящим от различного рода недоучета. В этом случае увеличение смертности среди сельского населения, которое могло быть зарегистрировано в 1947 г., если бы степень недоучета сохранялась на уровне 1946 г., возможно,

по крайней мере равнялось росту зарегистрированной смертности в городах, т.е. составляло 49,5%. Если это действительно было так, то скорректированное число зарегистрированных смертей в сельской местности в 1947 г. равнялось $1167000 \times 149,5\% = 1744665$ (вместо зарегистрированной цифры 1609000); тогда уровень недорегистрации 1947 г., обусловленный голодом, составлял по крайней мере 136000 чел., так что оценка смертности от голода в 1947 г. должна быть увеличена с 889000 до 1025000 ($889000 + 136000$) чел. Таким образом, оценка числа всех жертв голода возрастает до примерно 1,3 млн чел. Естественно, если темп роста недоучета был выше (т.е. если предположить, что процентный рост смертности в сельской местности, который был бы зарегистрирован при условии неизменной степени недоучета, превышал процентный рост зарегистрированной смертности в городах), то это еще больше увеличило бы общую оценку численности жертв.

С другой стороны, возможно, что в 1946—1948 гг. произошел резкий спад недоучета, поскольку послевоенный хаос сменился порядком и стабильностью. Имплицитное предположение такого рода делают Е.М.Андреев и др.⁵⁵ Если бы это было так, тогда рост зарегистрированной смертности должен быть достаточно близок к росту фактической смертности и даже превышать его (в зависимости от уровня относительного недоучета и его спада). Уровень недоучета смертности и его снижение, предполагаемые Андреевым и др., таковы, что наводят на мысль о том, что регистрационные данные действительно преуменьшают рост фактической смертности, но лишь ненамного⁵⁶. Неясно, имел ли на самом деле место резкий спад недоучета в 1946—1948 гг. Для того чтобы полнее осветить взаимосвязи между зарегистрированной и фактической смертностью в эти годы, необходимы подробные историко-демографические исследования.

При современном уровне знаний использование данных регистрации населения предполагает, что действительная смертность от голода должна получить не точечную оценку, а оценку в определенном диапазоне. Причиной этому является неясность взаимосвязи между зарегистрированной и фактической смертностью. Отдельной причиной является возможный недоучет смертности среди заключенных⁵⁷. Нижняя граница диапазона должна снизить оценку для 1948 г. (200000 чел.), чтобы учесть тот факт, что, если в послевоенные годы смертность снизилась вследствие фундаментальных демографических причин, тогда избыточная смертность в 1948 г. по сравнению с 1949 г. может быть не связана с голодом, а превышение значения смертности 1948 г. над 1946 г. может быть чисто статистическим феноменом, обусловленным снижением недоучета. Если оценка для 1948 г. сокращается до менее чем 50000 чел., тогда нижняя граница диапазона избыточной смертности равняется 1 млн чел. Верхняя граница диапазона должна быть основана на предположении о том, что относительный недоучет смертности вырос в период голода. Допущение роста относительного занижения регистрационных данных по смертности должно увеличить точечную оценку, составляющую 1,2 млн чел., скажем, на 25%. Это дает нам диапазон в 1—1,5 млн чел.⁵⁸

Альтернативным методом оценки числа жертв голода является демографическая интерполяция⁵⁹. При этом для реконструкции временных рядов рождаемости и смертности для 1929—1959 гг. используются данные переписей 1926, 1937, 1939 и 1959 гг. на основе предположений о размере военных потерь и о демографической статистике мирного времени. Сами авторы, тем не менее, указывают, что наименее надежными являются оценки для первых послевоенных лет⁶⁰, которые как раз необходимы для измерения сверхсмертности в период голода. Использование этих реконструированных данных позволяет оценить последствия потрясений, например, голода 1947 г. На их основе Андреев, Дарский и Харькова оценивают сверхсмертность от голода 1947 г. в «более чем 500000 чел.» для одной только РСФСР⁶¹. Для СССР они не дают своей собственной оценки, но приводят оценку одного российского историка — «примерно миллион» человек. Тем не менее их собственные оценки демографической статистики СССР легко могут быть использованы для выведения неявной оценки значения сверхсмертности для СССР. Если применить к 1947 г. тот метод, который они использовали для вычисления сверхсмертности в 1933 г.⁶², то сверхсмертность для 1947 г. определяется как превышение смертности 1947 г. над средним ее значением для 1946 и 1948 гг. Используя этот метод и данные демографической статистики, приведенные в указанной работе⁶³, получим, что сверхсмертность в СССР в 1947 г. (т.е. превышение смертности 1947 г. над средним ее значением для 1946 и 1948 гг.) составляет 978500 чел. Однако, поскольку известно, что смертность от голода также существовала и в 1946, и в 1948 гг., то, если данные демографической статистики правильны, этот метод недооценивает общее значение смертности от голода, поскольку он игнорирует смертность от голода в эти два года⁶⁴. Если предположить, что средняя величина смертности от голода в 1946 и в 1948 гг. составляла 100000 чел., тогда, согласно этому подходу, смертность от голода в 1946—1948 гг. составила $978500 + (3 \times 100000)$, что примерно равняется 1,3 млн чел. Меньшая цифра для средней сверхсмертности в 1946 и 1948 гг. естественным образом дает нам меньшее значение общей сверхсмертности. Например, если среднее значение сверхсмертности в 1946 и 1948 гг. составляло, скажем, 70000 чел., тогда общее число жертв голода составило бы $978500 + (3 \times 70000)$, что соответствует примерно 1,2 млн. Если предположить, что Е.М.Андреев с Л.Е.Дарским и Т.Л.Харьковой отнесли к одному году сверхсмертность, которая в действительности была распределена на более широкий временной отрезке (точно так же они, по-видимому, отнесли к 1933 г. сверхсмертность, в действительности распределенную по нескольким годам), тогда общее число жертв голода в 1946—1948 гг. должно составить около 1 млн чел., но смертность от голода в 1947 г. (по сравнению с гипотетической смертностью в нормальных условиях) должна составить менее 1 млн чел. Если предположить, что оценка смертности в 1947 г., предлагаемая Андреевым и его соавторами, верна, и что их оценки смертности также включают в себя смерти от голода, тогда их демографическая интерполяция дает цифру около 1,2 млн чел., как объяснялось выше. Недостаток ясности происходит

из того обстоятельства, что Андреев, Дарский и Харькова являются российскими демографами, занимающимися, в первую очередь, оценкой ежегодной демографической статистики советского периода и вычисляющими последствия демографических потрясений для России, а не историками, пытающимися оценить последствия особых исторических явлений для всего СССР. (Исключением является их анализ военных потерь СССР, который принимает историческую перспективу и относится к СССР в целом.)

Основным объяснением разницы между теми или иными оценками сверхсмертности являются различные предположения о взаимосвязи между зарегистрированной и фактической смертностью. Если недоучет смертности резко снизился в послевоенные годы (как предполагают Андреев и др.), разумной оценкой сверхсмертности является 1 млн чел. Если же он сохранялся, корректной оценкой является цифра в 1,2 млн, а если недоучет в 1947 г. увеличился, значение сверхсмертности находилось в диапазоне 1,3—1,5 млн. Следовательно, сужение диапазона правдоподобных оценок требует дополнительной работы по исследованию взаимосвязи между зарегистрированной и фактической смертностью в 1945—1949 гг.⁶⁵

Как это типично для периодов голода, большую долю его жертв составляли дети. 30% значения превышения смертности 1947 г. над показателями 1946 г. относилось к смертности детей в возрасте до 1 года⁶⁶. Важной категорией жертв голода были большие семьи с детьми, отцы которых погибли на фронте.

Голод доводил некоторых истощенных людей до каннибализма⁶⁷. Существуют сообщения как об употреблении в пищу свежих трупов людей, умерших естественной смертью, так и об убийствах по мотивам каннибализма⁶⁸.

3. Государственные запасы как средство для смягчения голода

Согласно Книге Бытия (41: 33—57), Иосиф советовал фараону создавать запасы зерна в урожайные годы, чтобы затем накормить людей и избежать потенциальной угрозы голода в годы неурожая. Там же сказано, что правительство Египта последовало его совету, назначило Иосифа ответственным за выполнение соответствующей программы, которая была успешно реализована. Аналогичным образом А.К.Сен утверждал: «Вне зависимости от того, что послужило причиной голода, методы его преодоления требуют наличия больших запасов продовольствия в распоряжении системы государственного распределения»⁶⁹. Эта политика — создание государственных запасов, используемых для снабжения продовольствием бедных и поддержания цен на нормальном уровне при угрозе голода, — часто с успехом осуществлялась и спасла много жизней. Среди примеров можно назвать Англию начала XVII в.⁷⁰ и СССР в 1936—1937 гг. Читатели, знакомые с приведенным выше замечанием А.К.Сена, соответствующими положениями книги Дж.Дрезе и А.К.Сена⁷¹ и/или с приведенными историческими примерами и схожими случаями, могут сделать поспешный вывод об универсальном характере данной рекомендации.

Однако она не всегда применима. Сам А.К.Сен выступает за использование широкого набора стратегий помощи, в особенности за создание рабочих мест. Он хорошо знает, что карточная система, действие которой распространяется только на городское население, и запасы, имеющиеся для ее поддержания, не прекратят голод среди сельского населения и могут его усилить. Сен описывал, как в Бенгалии в 1943 г. население Калькутты могло получать продовольствие по карточкам и через «контролируемые магазины», в то время как около трех миллионов сельскохозяйственных работников, рыбаков и других сельских жителей, исключенных из карточной системы и не имевших доступа к «контролируемым магазинам», умерли от голода или болезней⁷². В современном мире исключенными из числа пользователей государственных запасов могут быть не только сельские жители, но также этнические (религиозные) группы, отличные от групп, контролирующих государственную власть. Важность вопросов, связанных с распределением между группами, рассматривается А.К.Сеном⁷³.

Рекомендация создавать «большие запасы продовольствия в системе государственного распределения» предполагает, что власти рассматривают преодоление голода в качестве приоритетной задачи. Советские приоритеты в 1946—1948 гг., однако, были иными (как и приоритеты Великобритании в 1943 г.)⁷⁴. Как выяснилось, первоочередной задачей советской продовольственной политики в 1946—1947 гг. (до отмены карточной системы) было поддержание эффективного функционирования карточной системы и, таким образом, сохранение жизней лиц, зависевших от данной системы, а также обеспечение продолжения их деятельности в интересах государства. Следующей по степени приоритетности задачей было поддержание и, по возможности, накопление зерновых запасов (по причинам, изложенным выше в постановлении Совмина Украины от 11 июля 1947 г.). Советская продовольственная политика 1946—1948 гг. шла в русле продовольственной политики, проводившейся в предыдущих чрезвычайных ситуациях с продовольствием (но не в 1936—1937 гг.). Например, во время Второй мировой войны советская власть должна была снабжать продовольствием вооруженные силы и обеспечивать пайками городское население (или, по крайней мере, его часть, задействованную на госпредприятиях), особенно в Москве⁷⁵. Карточная система, однако, как правило не распространялась на сельское население, которое должно было заботиться о себе самостоятельно. Аналогичным образом одним из ответов на продовольственные проблемы в 1939—1940 гг. было запрещение продажи муки и хлеба в сельской местности (за исключением регионов выращивания хлопка и табака, а также Крайнего Севера⁷⁶). Власти испытывали постоянные трудности даже с обеспечением городского населения и почти не брали на себя ответственность за пропитание крестьянства. Например, в предыдущие периоды функционирования системы продуктовых карточек и в годы Гражданской войны (1928—1935 гг.) крестьянство было исключено из нее. Ожидалось, что оно будет само себя обеспечивать⁷⁷.

Следовательно, в тех условиях, которые преобладали в СССР в 1946—1947 гг., сравнительно крупные государственные запасы продовольствия рассматриваются современными историками в качестве одной из *причин* голода. Иными словами, накопление больших государственных продовольственных запасов не представляло собой эффективного метода по ликвидации голода. С учетом тогдашних приоритетов государства, наличие больших государственных запасов продовольствия не способствовало преодолению голода 1946—1948 гг. в СССР в силу пяти причин. Во-первых, часть государственных запасов составляли необходимые средства к существованию крестьянства, изъятые в принудительном порядке. Во-вторых, государство использовало часть запасов для экспорта, несмотря на голод внутри страны. В-третьих, беднейшая часть населения, испытывавшая самую большую потребность в помощи (крестьянство), была исключена из государственной системы распределения⁷⁸. В период голода пайки были доступны лишь части населения, в основном занятым в государственном секторе. В-четвертых, необходимо принимать во внимание потери при транспортировке и хранении. В условиях, когда большая часть государственных продовольственных запасов была накоплена за счет необходимых средств к существованию крестьянства, а права городского населения стояли выше прав сельского, из-за указанных потерь перераспределение в города зерна, необходимого для жизнеобеспечения крестьянства, обуславливает большее число смертей в сельской местности, чем спасает жизней в городах⁷⁹. В-пятых, довод в пользу больших продовольственных запасов в системе государственного распределения предполагает, что власти используют продовольствие в этой системе для распределения среди бедных, и игнорирует то, что они могли использовать их (или некоторую их часть) для поддержания избыточных (с точки зрения пропитания голодающих) запасов.

Необходимо отметить, однако, что власти в 1946—1947 гг. организовали некоторую помощь голодающим⁸⁰. Они снизили план закупок зерна для некоторых серьезно затронутых голодом регионов (например, Молдавии⁸¹), ссужали некоторым регионам зерно (которое должно было быть возвращено после урожая 1947 г., обычно с процентами)⁸² и поддерживали бесплатные столовые, больницы и детские учреждения, а также самих колхозников, выполнявших необходимую работу для обеспечения урожая 1947 г.⁸³ Часть этой помощи была использована не эффективно (например, вернулась государству в форме поставок продовольствия или была растрочена, не дойдя до предполагаемых получателей); часть ее задержалась (например, из-за плохой организации или снежных заносов на дорогах). Имела место также некоторая помощь из-за рубежа. В рамках реализации программы помощи и восстановления Объединенных Наций (UNRRA) была оказана значительная материальная поддержка Украине и Белоруссии (250 млн дол. в 1946—1947 гг., часть из которых поступила в виде продовольствия, а часть — в форме средств на общее послевоенное восстановление). Общество Красного креста США и американская благотворительная организация «Russian

Relief» направили в СССР продовольствие на общую сумму 31 млн дол. Помощь предоставили также другие страны (например, Дания, Швеция и Иран). Представляется вероятным, что без этой поддержки уровень смертности мог быть еще выше, чем был. Тем не менее объем помощи был неадекватен, и она не смогла предотвратить высокую смертность. Согласно Царану и Шишкану, помощь голодающим в Молдавии после неурожая 1945—1946 гг. была гораздо менее эффективной, чем после неурожая 1891—1892 гг. (sic). Они утверждают, что погодные условия были одинаковыми в обоих случаях, но в первом из них удалось избежать сверхсмертности⁸⁴.

4. Типология голода

Сегодня историки из России, Украины и Молдовы, такие как В.П.Попов, В.Ф.Зима, О.М.Веселова, А.М.Царан и И.Г.Шишкану, возлагают вину за голод 1947 г. на политику советского правительства. Если бы налоги и закупки были ниже, если бы не осуществлялся экспорт продовольствия (который имел целью оказание влияния на политическую ситуацию в странах-получателях в сторону просоветской ориентации), если бы импорт был увеличен, если бы правительство использовало свои избыточные запасы для помощи голодающим и не пополняло их (на протяжении 1947—1948 сельскохозяйственного года) в то время, когда люди еще умирали от голода, тогда, возможно, голода бы не было (или, в любом случае, он был бы гораздо слабее). Это абсолютно верно. Тем не менее так же верно, что пик голода пришелся на 1947 г. вслед за неурожаем 1946 г. В другие послевоенные годы правительство также было деспотическим, оно пополняло запасы и экспортировало зерно, но его политика тогда не приводила к голоду. В этом отношении причиной голода послужила засуха, приведшая к неурожаю 1946 г.

Если рассматривать погодные условия как данность и трактовать политику советского правительства как объясняющую переменную, тогда голод действительно был «вызван» политикой. Если рассматривать политику советского государства как данность и считать объясняющей переменной погодные условия, тогда голод был «вызван» плохой погодой. По мнению автора этой статьи, в 1945—1953 гг. данностью была политика, а фактором, определяющим, какие годы будут голодными, а какие нет, были обусловленные погодой колебания сельскохозяйственного производства. То же самое справедливо и для дореволюционного периода, например, в отношении голода 1892 г. (даже при том, что многие современники и позднейшие авторы, находившиеся под их влиянием, возлагали вину на значительные изъятия сельскохозяйственной продукции и некомпетентность царского правительства).

Если вопрос заключается в том, почему голод произошел в 1947 г. (в отличие от других годов периода с 1945 по 1953 гг.), то ответ будет следующий: вследствие засухи 1946 г., которая привела к неурожаю в этом году и, следовательно, к острой нехватке продовольствия в 1946—1947 сельскохозяйственном году. С другой стороны, если

кто-то хочет знать, почему Советский Союз был уязвим для голода в период 1945—1953 гг., тогда ответ будет иным. Эта уязвимость была обусловлена комбинацией шести факторов. Во-первых, вследствие фундаментальных метеорологических/географических причин некоторые важнейшие сельскохозяйственные зоны страны подвержены периодически повторяющимся тяжелым засухам. Это хорошо известная проблема российского сельского хозяйства, которая была актуальна для царской России и осталась актуальной после распада СССР (как показала, например, засуха 1998 г.). Во-вторых, высокий уровень сельскохозяйственных налогов⁸⁵ и сравнительно высокий уровень заготовок при низких закупочных ценах затрудняли самообеспечение сельского населения. В-третьих, уровень жизни всего населения был низким и оно не имело достаточных резервов, запасов или реализуемого имущества, которые позволили бы пережить неурожай, особенно если урожай предшествующего года был низким. В-четвертых, ограничения на частную торговлю, введенные советским правительством, для многих затрудняли приобретение продуктов питания. Напротив, в 1891 г. торговцы-частники сыграли положительную роль в снабжении зерном регионов, пострадавших от засухи (см. Приложение 4). В-пятых, в послевоенные годы Сталин не считал первоочередной задачей сохранение жизни всему населению. В-шестых, уровень сельскохозяйственного производства был низким. В период 1953—1991 гг. периодические засухи не приводили к голоду, поскольку послесталинское советское руководство отказалось от принудительного подхода по отношению к сельскому хозяйству, проводило сравнительно эгалитарную политику доходов, придавало первоочередное значение сохранению или повышению уровня жизни и предотвращению голода, достигло значительного роста производства и импортировало зерно в больших количествах⁸⁶.

С точки зрения современных дискуссий по экономике голода, примечательно, что голод 1947 г. последовал за резким сокращением производства в результате засухи 1946 г. Это радикально отличает данный случай голода от тех случаев, когда он происходил без спада в совокупном предложении продовольствия⁸⁷. Голод 1947 г. подпадает под альтернативную категорию тех видов голода, которые связаны с резким спадом производства продуктов питания внутри страны (FAD)⁸⁸. Однако вопрос о том, считать или нет конкретный случай голода голодом FAD, может не иметь однозначного ответа. Возможно, голод FAD присутствовал, но, тем не менее, могли быть приняты меры, способные предотвратить голод или значительно сократить количество его жертв, несмотря на недостаток продовольствия. Следовательно, для большей точности необходимо различать два типа FAD. Голод типа FAD₁ невозможно предотвратить путем перераспределения продовольствия (голод в Ленинграде в 1941—1942 гг., вероятно, относится к этой категории). При голоде типа FAD₂, напротив, несмотря на снижение предложения продовольствия, возможно проведение политики, способной предотвратить голод (или значительно снизить число его жертв). По причинам, изложенным в данном разделе, голод 1947 г. следует отнести к типу FAD₂⁸⁹.

Тем не менее подход, акцентирующий проблему прав на доступ к продовольствию, дает возможность понять важные черты голода 1947 г. Во-первых, он позволяет дать ответ на вопрос о том, почему жертвами голода стали конкретные категории населения. Погибли те, кто при советской системе не имел гарантированных прав на снабжение продовольствием (например, иждивенцы, проживающие в сельской местности). Те, у кого гарантированные права были (группы, обслуживаемые карточной системой, — в основном занятые в государственном секторе), обычно выживали⁹⁰. Смертность от голода была не прямым следствием природного бедствия, она была опосредствована советской системой наделения правами на снабжение продовольствием⁹¹. Во-вторых, не было неизбежной связи между природной катастрофой и голодом (т.е. это был скорее FAD₂, чем FAD₁). Если бы государственная политика была иной (более низкие уровни налогов и заготовок, более интенсивное сокращение запасов в 1946—1947 сельскохозяйственном году и более медленное их увеличение в 1947—1948 сельскохозяйственном году, отсутствие экспорта, увеличение импорта), то, скорее всего, голода можно было бы избежать (или он был бы не столь сильным), несмотря на засуху.

5. Выводы

1. Голод 1947 г. (точнее, 1946—1948 гг.) был четвертым и последним случаем голода в СССР. Он начался в июле 1946 г., достиг апогея в феврале — августе 1947 г. и затем быстро терял силу, хотя в 1948 г. имело место некоторое количество голодных смертей.

2. Наиболее точная оценка сверхсмертности в результате голода, которая может быть получена на данный момент, лежит в диапазоне 1—1,5 млн чел. Диапазон сравнительно широк вследствие неясности взаимосвязи между зарегистрированной и фактической смертностью. Наибольшее число избыточных смертей пришлось на РСФСР, за ней идут Украина и Молдавия. В процентном соотношении наибольшая сверхсмертность наблюдалась в Молдавии, наименьшая — в России.

3. Демографические потери превысили сверхсмертность, поскольку они также включали в себя спад уровня рождаемости по сравнению с данным показателем в условиях отсутствия голода. Согласно данным современной российской историографии, демографические потери в РСФСР в три раза превысили значение сверхсмертности.

4. Уровень запасов зерна в конце 1946—1947 сельскохозяйственного года, по-видимому, превышал минимум запасов, необходимый для поддержания карточной системы. Избыточных запасов, вероятно, было достаточно для того, чтобы обеспечить питанием всех, кто умер от недоедания или болезней, вызванных голодом в 1946—1947 сельскохозяйственном году. В отношении тех, кто погиб в 1947—1948 сельскохозяйственном году, это еще более справедливо.

5. Неверно, что уровень государственных запасов зерна во время голода оставался неизменным или повышался. Запасы снизились в период, когда голод был наиболее сильным (1946—1947 сельскохо-

зяйственный год). Также неверно, что в 1946—1947 сельскохозяйственном году увеличился экспорт зерна. В это время он снизился.

6. Неверно, что власти не уделяли внимания проблеме помощи голодающим. Они предприняли некоторые меры по оказанию помощи, но эти меры были недостаточными для предотвращения широкомасштабной смертности от голода и связанных с ним болезней. Власти также согласились принять значительную помощь из-за рубежа. Неверно, что они игнорировали нужды сельского хозяйства: в 1947 г. были увеличены зерновые ссуды для беспрепятственного проведения весенней посевной в условиях нехватки зерна в крестьянских хозяйствах.

7. Вопрос о том, считать или нет конкретный случай голода голодом FAD, может не иметь однозначного ответа. Возможно, FAD присутствовал, но, тем не менее, могли быть приняты меры, способные предотвратить голод или значительно сократить количество его жертв, несмотря на нехватку продовольствия. Следовательно, для большей точности необходимо различать FAD₁ и FAD₂.

8. Голод 1947 г. был голодом типа FAD₂. Предложение продовольствия значительно снизилось из-за засухи 1946 г., но государственная политика сделала ситуацию хуже, чем она могла быть. Следовательно, (а) это дополнительное подтверждение того тезиса, что случаи голода FAD были важны для XX в., и дополнительное опровержение противоположного тезиса⁹², а также подтверждение положения о том, что (б) неизбежной связи между засухой и голодом не было. Если бы политика государства в отношении налогов, закупок, запасов и внешней торговли была иной, то голода можно было бы избежать или он был бы значительно слабее, несмотря на засуху.

9. Рекомендации Дрезе — Сена по борьбе с голодом с помощью накопления больших государственных запасов продовольствия часто являются эффективными. Однако могут быть и иные случаи, особенно применительно к группам, обеспечение которых продовольствием не является приоритетом государства. Голод в СССР 1947 г. (точнее, 1946—1948 гг.) является как раз подобным случаем. Когда государственные запасы (или их часть) создаются за счет принудительного изъятия у крестьян продовольствия, необходимого для их собственного выживания, когда крестьянство исключено из карточной системы, а государство экспортирует зерно и поддерживает излишние запасы в период голода, тогда создание или поддержание больших государственных запасов может усилить голод (по крайней мере среди крестьянства), вместо того чтобы снизить смертность от него. То же самое справедливо (в других случаях голода) по отношению к этническим (религиозным) группам, не относящимся к группам, контролирующим государственную власть.

10. Акцент на роли политики государства в борьбе с голодом является примером однобокого подхода. Голод часто бывает вызван (или усугублен) действиями государства.

11. Опыт Советского Союза в послесталинский период показывает, что наличие свободной прессы и либеральной демократической политической системы не является необходимым условием для предотвращения и/или ликвидации голода⁹³.

12. Характер жертв голода в СССР в 1946—1948 гг. может быть понят в рамках подхода, акцентирующего проблему прав на доступ к продовольствию. Погибшие были теми, кто при советской системе не имел гарантированных прав на снабжение продовольствием (например, иждивенцы в сельской местности). Те, у кого такие права были, обычно выживали. Смертность от голода не была прямым следствием природного бедствия, она была опосредствована советской системой распределения прав на снабжение продовольствием.

13. Изучение голода 1947 г. (1946—1948 гг.) в СССР и его связь с текущими экономическими исследованиями представляет собой еще одну иллюстрацию тому факту, что «индуктивные обобщения, основанные на опыте одной части света, не всегда имеют универсальную значимость»⁹⁴.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Третий голод в СССР⁹⁵

В 1941—1945 гг. в СССР в целом, разумеется, не было голода, но, в дополнение к большому числу голодных смертей во время блокады Ленинграда⁹⁶, имелись многочисленные случаи смерти от недостатка продовольствия или болезней, связанных с недоеданием, среди свободного населения неоккупированных районов. Например, в октябре 1944 г. Берия направил Сталину и другим высшим руководителям страны доклад о продовольственной ситуации в Хабаровском крае⁹⁷. Помимо прочего, он сообщал, что в результате нехватки продовольствия в Комсомольске-на-Амуре «в 1944 г. на улицах города подбирали значительное количество трупов, а также людей в очень тяжелом состоянии, которые умирали при поступлении в больницу». В.Ф.Зима оценивает не связанную с блокадой Ленинграда смертность от голода и обусловленных им заболеваний во время войны среди свободного населения неоккупированных районов в 1,5 млн чел⁹⁸. Ситуация была хуже среди советских заключенных (около 1 млн из них погибли в лагерях, колониях и тюрьмах в 1941—1945 гг.⁹⁹) и особенно среди ссыльных (так называемых «спецпереселенцев» — в основном представителей переселенных национальностей). Продовольственная ситуация также была напряженной в оккупированных районах, в особенности для их городского населения. Голод в оккупированном Харькове описывается в работе В.Москова¹⁰⁰. Он оценивает смертность от голода в Харькове в 1941—1943 гг. (в основном, в 1942 г.) в размере 10% численности населения и приводит в качестве допустимой альтернативную оценку, согласно которой она составляла 27% населения. Харьков был не единственным оккупированным городом, где наблюдался голод. Согласно Р.Овери, смертность от голода в оккупированном Киеве была «почти наверняка выше»¹⁰¹.

Одним из результатов очень сложной продовольственной ситуации в неоккупированных зонах, а также распространения инфекции-

онных заболеваний и нехватки медицинского оборудования и материалов (большая доля которых находилась в оккупированных районах, а оставшаяся часть была сосредоточена в вооруженных силах) был очень резкий рост младенческой смертности. Согласно В.А. Исупову, младенческая смертность в РСФСР увеличилась в 1940—1942 гг. примерно в 1,5 раза и составляла в 1942 г. около 31%¹⁰². Данная цифра является очень высокой и приблизительно соответствует оценке младенческой смертности в Советском Союзе в 1933 г., т.е. в тяжелейший год предыдущего голода¹⁰³.

Спорный вопрос в отношении продовольственной ситуации во время войны касается сравнительного положения крестьянства и городского населения. Москов утверждает, что в целом в оккупированных районах крестьянство питалось лучше городского населения, но в неоккупированных районах наблюдалась обратная ситуация¹⁰⁴. Однако доступные демографические данные свидетельствуют, что в неоккупированных районах динамика смертности была более благоприятной в сельских районах, чем в городах, по крайней мере, в 1941—1942 гг., а также в Сибири¹⁰⁵. Это заставляет сомневаться в правильности гипотезы о том, что в неоккупированных районах ситуация в городах с продовольствием была лучше, чем в сельской местности¹⁰⁶.

Приложение 2. Каков был «необходимый минимум» запасов зерна на 1 июля 1947 г.?

Когда данные советских архивов за 1932—1933 гг. были рассекречены, большое внимание привлек тот факт, что к концу голодного 1932—1933 года СССР, по-видимому, обладал крупными запасами зерна. Это часто трактовалось как очередное сталинское преступление. Р.Дэвис и др., однако, отмечали, что существенные запасы зерна на 1 июля 1933 г. были необходимы, поскольку реальный сезонный минимум зерновых запасов приходился не на 1 июля (традиционное начало сельскохозяйственного года), а на несколько более позднюю дату, которая зависела от условий урожая и эффективности системы заготовок: значительные запасы были необходимы также для поддержания карточной системы (и, в случае их отсутствия, голод постиг бы тех, кто от нее зависел)¹⁰⁷.

Оба этих довода верны (хотя первый из них в том виде, как он сформулирован в работе Дэвиса с соавторами, несколько преувеличен — см. Таблицу 4, примечание «б»). Это ставит вопрос о том, каким мог бы быть необходимый минимум зерновых запасов на 1 июля 1947 г., чтобы обеспечить поддержание карточной системы, учитывая оба указанных фактора и задачу снабжения продовольствием всего населения в 1946—1947 гг. Существуют два способа ответить на этот вопрос. Первый из них напрямую рассматривает потребности карточной системы, второй опирается на опыт прошлых лет.

В феврале 1947 г. почти 59 млн людей имели право на продуктовые карточки. Размер пайков варьировался в зависимости от времени и по категориям получателей. Диапазон составлял от 1,2 кг (для рабо-

чих тяжелого ручного труда) до 150 г хлеба (для некоторых категорий иждивенцев) в день. Эти пайки сами по себе были недостаточны для долговременного поддержания жизнедеятельности, и некоторые рабочие — получатели пайков умирали на работе от голода. Средний размер пайка нам неизвестен. Если предположить, что он составлял 700 г в день, тогда ежедневные потребности карточной системы составляли $59000000 \times 0,7$, т.е. 41,3 тыс. т хлеба в день, или 28,91 тыс. т хлеба в неделю. Если предположить, что сезонный минимум запасов зерна в 1947 г. пришелся на конец второй недели июля (запасы на 1 августа намного превосходили запасы на 1 июля — см. Таблицу 4) и что власти должны были предвидеть высокий и ранний урожай, тогда представляется, что минимального уровня запасов на 1 июля, необходимого для обеспечения карточной системы, должно было хватить для выпечки по крайней мере 57,82 тыс. т хлеба. Однако необходимый минимум запасов зависел не только от общих цифр по стране, но также от географического расположения запасов и от времени, необходимого для их транспортировки от места производства до потребителя. Заготовки из нового урожая производились в основных районах сельскохозяйственного производства, и их транспортировка в районы потребления также требовала времени. Как географическое расположение запасов, так и время, необходимое для их транспортировки в районы потребления, автору не известны. Если предположить, что в среднем перевозка зерна из зон производства в зоны потребления занимала три недели и что размер «буферного запаса» между старым и новым урожаем должен был соответствовать объему недельного потребления, тогда необходимый уровень запасов для поддержания карточной системы был равен количеству зерна, достаточному, чтобы произвести $6 \times 289100 = 1,735$ млн т хлеба. Иными словами, основываясь на вышеуказанных предположениях о среднем размере пайка, дате сезонного минимума запасов, способности властей корректно предвидеть состояние урожая и времени транспортировки зерна из мест производства потребителям, можно заключить, что необходимый минимум зерновых запасов на 1 июля 1947 г. должен был быть достаточным для выпечки 1,735 млн т хлеба. Это самый скромный минимум, который исключает, например, хлеб для рабочих столовых. Если предположить, что из 1 т зерна производилось 0,9 т муки и что из 1 т муки производилось 1,4 т хлеба (так было в начале 1930-х гг.), то минимально необходимое количество зерна должно было составлять $1,735 / (1,4 \times 0,9) = 1,377$ млн т. Если предположить, что эффективность выпечки хлеба повысилась в 1947 г. по сравнению с началом 1930-х гг. (то есть из 1 т муки можно было произвести более 1,4 т хлеба), тогда необходимый минимум зерна был бы меньшим (и, наоборот, большим, если эффективность выпечки хлеба снизилась).

Другим способом вычисления необходимого минимума зерновых запасов на 1 июля 1947 г. является изучение опыта предшествующих лет. Объективно напрашивается сравнение с голодным периодом 1931—1933 гг. На 1 июля 1932 г. запасы равнялись 1,36 млн т. Это была низкая цифра, недостаточная для предотвращения голода в городах весной 1932 г. Учитывая, что число получателей пайков в 1947 г. было

примерно на 50% выше, чем в 1932 г., это предполагает, что 150% от 1,36 млн т (т.е. 2,04 млн т) зерна были бы недостаточным запасом на 1 июля 1947 г. для предотвращения голода среди городского населения в 1946—1947 гг. (хотя необходимо принять в расчет и использование зерна вне карточной системы). К концу катастрофического голодного 1932—1933 г. планируемые запасы зерна составляли 1,997 млн т. Тем не менее руководство страны, по-видимому, знало лишь о наличии 1,392 млн т зерна до июля 1933 г.¹⁰⁸ Это то количество, которое можно принять за его оценку необходимого минимума зерна в условиях сильного голода для поддержания карточной системы и удовлетворения прочих потребностей (например, промышленное использование, зернофураж, экспорт и т.д.). Отсюда следует, что необходимый минимум запасов зерна на 1 июля 1947 г. должен был составлять 150% от 1,392 млн т, т.е. около 2,1 млн т. Если считать предполагаемый общий размер запасов, доступных на 1 июля 1933 г. (1,997 млн т), показателем, определяемым политикой правительства, тогда уровень необходимого минимума запасов на 1 июля 1947 г. составлял бы 150% от 1,997 млн т, т.е. 3 млн т. Эта цифра, однако, кажется слишком большой. Она не только включает в «необходимые» запасы то зерно, о котором политическое руководство, как выяснилось, не было осведомлено в 1932—1933 гг., но также берет в расчет требования экспорта и, в дополнение к этому, на 300000 т превышает объем самого низкого зернового запаса по состоянию на 1 июля в период войны (см. Таблицу 3, примечание «е»).

Принимая во внимание все эти соображения, можно предположить, что уровень необходимого минимума зерновых запасов на 1 июля 1947 г., гарантирующий выживание населения, зависевшего от карточной системы, находился в диапазоне 2—3 млн т. Пока не станут известны новые данные, в качестве правдоподобной рабочей гипотезы может быть принят уровень необходимого минимума в размере примерно 2,8 млн т. В основе такой оценки лежат следующие соображения.

1. В январе — июне 1947 г. среднее ежемесячное снижение объема планируемых запасов (зерна и зернопродуктов в зерновом эквиваленте) составляло 1,4 млн т (см. Таблицу 4). Это значит, что цифра в 2,8 млн т равнялась двухмесячному снижению планируемых запасов в условиях голода.

2. 2,8 млн т — это несколько выше самого низкого уровня государственных зерновых резервов на 1 июля в период войны (2,7 млн т в 1944 г. — см. Таблицу 3, примечание «е»). Этот уровень зерновых запасов был недостаточен для предотвращения смертности от голода в 1943—1944 гг. (см. Приложение 1), и, следовательно, его разумно рассматривать как минимальный. Однако можно утверждать, что эта цифра немного превышала минимум, поскольку людей, получавших государственные хлебные пайки, весной 1947 г. было на 13% меньше, чем весной 1944 г.¹⁰⁹

3. 2,3 млн т зерна соответствует отношению совокупных запасов к урожаю (7,1%), которое ниже самого низкого значения того же показателя (8,3% по состоянию на конец года) для царской России (54 гу-

бернии европейской части России) в 1905—1914 сельскохозяйственные годы¹¹⁰, ни один из которых не был голодным.

Дальнейшие исследования (например, географического расположения запасов, времени транспортировки и осведомленности правительства о возможном размере предстоящего урожая и времени его сбора и закупки) могут сделать эту цифру более точной. Естественно, оценки минимального уровня запасов частично зависят от того, рассматривать ли только потребности карточной системы или совокупный объем потребления зерна (см. Таблицу 2).

Приложение 3. Фальсификация данных о смертности среди заключенных?

Что касается заключенных, то зарегистрированный уровень смертности в лагерях ГУЛАГа в 1947 г. вырос почти на 50%¹¹¹, однако абсолютное значение связанной с этим сверхсмертности было достаточно низким (около 11000 чел.), и, вероятно, эта смертность была включена в зарегистрированную. В 1947 г. население трудовых колоний было почти таким же, что и население лагерей, и число зарегистрированных избыточных смертей могло быть сходным, однако возможно, что и в данном случае сверхсмертность была учтена системой регистрации населения. Согласно директиве НКВД 1939 г., смертность среди заключенных в лагерях и колониях должна была регистрироваться в загсах того района, в котором они проживали до ареста, по информации, предоставляемой НКВД. Если эта процедура сохранялась в 1946—1948 гг., то в общих данных смертности не было недоучета смертей тех, кто умер в лагерях и колониях, хотя, конечно, зарегистрированное распределение смертности по регионам при этом было искажено¹¹². Вероятно, что сверхсмертность в 1947 г. также имела место и среди высланных. Нашла ли она отражение в данных по зарегистрированной смертности, неясно. Согласно постановлению СНК от 6 января 1945 г., главы домохозяйств спецпереселенцев были обязаны в трехдневный срок сообщать о смертях в НКВД¹¹³. Вероятно, эта директива выполнялась (хотя, возможно, не на 100%), поскольку МВД, отвечавшее за систему регистрации населения, также располагало подробными данными о смертности среди спецпереселенцев¹¹⁴. Если в отношении спецпереселенцев действовала та же процедура, что и в лагерях ГУЛАГа и трудовых колониях, тогда смертность среди них, возможно, также была включена в национальные данные регистрации населения. В этом случае распределение смертности по регионам также могло быть искажено, но данные в масштабах страны были бы верными.

Высказывалось мнение, однако, что общие данные по зарегистрированной смертности среди заключенных были сфальсифицированы. В марте 1947 г. министр внутренних дел докладывал Берии о трудовых потребностях ГУЛАГа во второй четверти 1947 г. Он утверждал, что для покрытия «убыли» необходимы 100000 дополнительных рабочих рук. Д.А.Волгонов трактует эту «убыль» как «смертность»¹¹⁵. Это

очень большая цифра по сравнению с официально зарегистрированной смертностью в лагерях в 1946—1947 гг. (54000 чел.). Если интерпретация Волкогонова верна (как считает Р.Конквест)¹¹⁶, это подразумевало бы, что некоторые из тех, кто в официальных сводках числился «освобожденным», на самом деле умерли. Если это было так, то среди заключенных могли быть жертвы голода, не учтенные данными регистрации населения. Пропорция обитателей лагерей, числившихся освобожденными, выросла с 19,3% в 1946 г. до 24,1% в 1947 г. Следовательно, число зарегистрированных избыточных освобождений в 1947 г. составило 4,8% лагерного населения, т.е. около 40000 чел. Это небольшое число по сравнению с общей по стране сверхсмертностью в 1947 г., и оно не может значительно увеличить соответствующую цифру, даже если его полностью относить на счет избыточных смертей. Данные о смертности и освобождениях заключенных трудовых колоний, тюрем и ссыльных исследователям недоступны.

Интерпретация Д.А.Волкогонова, однако, является наименее правдоподобной, поскольку «убыль» была техническим термином статистики ГУЛАГа, который включал в себя перемещения в другие лагеря, другие места лишения свободы и побеги, а также освобожденных и умерших¹¹⁷. В более общем смысле в советской демографической статистике данного периода «убыль» включала не только смерти, но также другие факты, приводящие к снижению численности населения в том или ином административно-территориальном образовании или регионе, такие как призыв в армию, переезд в другое место для работы или учебы или переклассификация сельских поселений в городские. (См., например, доклад о снижении численности сельского населения Молдавии в 1947 г. уполномоченного представителя Госплана СССР в Молдавии от 14 февраля 1948 г.¹¹⁸)

Единственная фальсификация, обнаруженная автором в архивных данных регистрации населения, касается коэффициента смертности в СССР для 1948 г. В своем расчете этого показателя глава Отдела регистрации населения МВД использовал сильно заниженную оценку военных потерь (8 млн), что стало причиной преувеличения численности населения в 1948 г. и, следовательно, недооценки коэффициента смертности (число зарегистрированных смертей на 1000 чел.)¹¹⁹.

Представляется маловероятным, что данные регистрации населения включают военнопленных (которые не были советскими гражданами). Это значит, что, если сверхсмертность вследствие голода среди военнопленных в 1946—1948 гг. присутствовала, тогда данные регистрации населения, скорее всего, должны недооценивать общую смертность от голода среди лиц, проживавших на территории СССР, на соответствующее значение. По-видимому, в лагерях военнопленных в первой четверти 1947 г. наблюдался голод, но пока невозможно вычислить значение избыточной смертности среди военнопленных в данный период¹²⁰.

Приложение 4. Сравнение помощи голодающим в 1947 и 1892 гг.

Что касается Молдавии, то сравнение Цараном и Шишкану эффективной помощи голодающим в 1892 г. (после неурожая 1891 г.) и неэффективной помощи голодающим в 1947 г. (после неурожая 1946 г.)¹²¹ представляется некорректным. В 1891 г. лишь небольшая часть Бессарабии (области Российской империи, примерно соответствовавшей Молдавской ССР и современной Молдове) в тот год пострадала от неурожая, причем Бессарабия не относилась к числу 16 наиболее сильно пострадавших губерний¹²².

В то же время для Российской империи и СССР в целом контраст между эффективностью помощи в 1891—1892 гг. и неэффективностью помощи в 1946—1947 гг. кажется более ощутимым. В 1892 г. сверхсмертность в Российской империи, по-видимому, составила лишь 375000—400000 чел.¹²³ Даже если допустить, что численность населения в советское время возросла по сравнению с 1892 г., это — низкое значение по стандартам советских случаев голода. В 1891 г. царское правительство, коммерческие структуры и местные власти быстро и решительно отреагировали на информацию о неурожаяе.

Уже в феврале 1891 г. железнодорожные тарифы на перевозку зерна в зоны неурожая 1890 г. были снижены. 25 июня Комитет министров признал ситуацию «чрезвычайно серьезной». 28 июля был издан указ, запрещающий экспорт ржи (ржаной хлеб был основной пищей российского крестьянства). К августу в голодный регион были направлены тысячи железнодорожных вагонов, полных зерна, приобретенного торговцами, привлеченными выгодными ценами, земствами, желавшими накормить население своих территорий¹²⁴. В ноябре император принял особые меры по оказанию помощи голодающим, включавшие большую программу общественных работ и назначение специального уполномоченного по разрешению железнодорожного кризиса, вызванного передвижением большого числа грузовых составов в голодный регион. Совокупный объем дополнительных поставок зерна в 1891—1892 гг. составил около 1,7 млн т.

Ни царское, ни советское правительство не выражали энтузиазма по поводу зарубежной помощи. Советское правительство не просило «помощи голодающим» и не получало ее, однако приняло поступающую из иностранных частных источников и от UNRRA помощь «жертвам войны». Царское правительство из соображений национальной гордости отказалось принять безвозмездную продовольственную помощь от иностранных правительств, но приняло ее от частных благотворительных организаций (в частности, американских). И в 1891—1892, и в 1946—1947 гг. в период голода производился экспорт зерна, но в обоих случаях в меньших, чем обычно, объемах¹²⁵.

Примечания

¹ FAD — принятое в международной практике сокращение от англ. «Food availability decline» (спад в обеспечении продовольствием). Автор выделяет в своей работе два типа FAD: FAD₁ (спад в обеспечении продовольствием).

которого невозможно избежать, например, при блокаде Ленинграда в 1941–1944 гг.) и FAD, (предотвратимый спад в обеспечении продовольствием). (Грим. перев.)

² В англоязычной традиции используется термин «entitlement approach», в рамках которого ключевое значение придается правам — в широком понимании этого слова — населения на доступ к продовольственным ресурсам. Ввиду отсутствия общепринятого перевода термина «entitlement approach» на русский язык мы используем несколько длинный, но содержательно точный вариант: «подход, акцентирующий проблему прав на доступ к продовольствию». (Прим. науч. ред.)

³ Sen A.K. *Poverty and Famines*. Oxford, 1981; Drèze J., Sen A.K. *Hunger and Public action*. Oxford, 1989; Nolan P. *The Causation and Prevention of Famines: A Critique of A.K.Sen* // *Journal of Peasant studies*. 1993. Vol. 21. № 1; Ravallion M. *Famines and Economics* // *Journal of Economic Literature*. 1997. Vol. XXXV. September; *The Economics of Famine* / Drèze J. (ed.). Cheltenham, 1999.

⁴ Sen A.K. *Starvation and Exchange Entitlements: A General Approach and Its Application to the Great Bengal Famine* // *Cambridge Journal of Economics*. 1977. Vol. 1. № 1.

⁵ Sen A.K. *Poverty and Famines*. P. 162.

⁶ Попов В.П. Голод и государственная политика // *Отечественные архивы*. 1992. № 6; он же. Еще раз о послевоенном голоде // Там же. 1994. № 4; Веселова О.М., Папченко П.П. Ще одна трагічна сторінка історії України. Голод в Україні 1946—1947 років // *Український історичний журнал*. 1995. № 6; 1996. № 1, 2; Голод в Молдове (1946—1947): Сборник документов. Кишинев, 1993; Голод в Україні, 1946—1947. Київ и Нью-Йорк, 1996.

⁷ Волков И.М. Засуха, голод 1946—1947 годов // *История СССР*. 1991. № 4; Зима В.Ф. Голод в России 1946—1947 годов // *Отечественная история*. 1993. № 1; он же. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996; Веселова О.М. Репрессивний тиск держави на українське село у перш повоєнні роки // *Матеріали Всеукраїнського симпозіуму з проблем аграрної історії*. Київ, 1997; Боменко Б. Засуха и голод в Молдавии в 1946—1947 гг. Кишинев, 1990.

⁸ Например, в многотомных трудах А.К.Сена нет ни слова о голоде в СССР 1947 г. О нем упоминается у М.Равальона, но свидетельства, представленные в данной статье, доказывают, что все оценки числа жертв, приведенные у Равальона, слишком велики (Ravallion M. *Op. cit.* P. 1205). Что касается экономической истории СССР, то стандартный учебник по советской экономике, книга П.Грегори и Р.Стюарта, не говорит о нем ни слова (Gregory P., Stuart R. *Soviet and Post-Soviet Economic Structure and Performance*. 5th edn. N.Y., 1994. P. 126—127). В широко используемом учебнике А.Ноува в соответствующем разделе нет прямого упоминания о голоде как о признанном факте, хотя указывается, что «многие люди испытывали серьезный недостаток продовольствия» и что «Хрущев позднее заявлял, что Сталин отдал приказ экспортировать зерно в то время, когда люди голодали» (Nove A. *An Economic History of the USSR 1917—1991*. 3rd edn. L., 1992. P. 303). В своей демографической истории СССР А.Блюм говорит о «голоде 1946 г. [sic]» (Blum A. *Naitre, vivre et mourir en URSS 1917—1991*. Paris, 1994. P. 147). Однако он не дает никакого его анализа и не делает попытки оценить число жертв. О голоде также упоминается у Р. Конквеста, но он также не пытается оценить число жертв (Conquest R. *The Harvest of Sorrow*. L., 1986. P. 335). Данный автор, писавший работу до рассекречивания архивов, утверждал, что «нет ни-

какой возможности установить число жертв». В своей «черной книге» С. Куртуа и др. (Courtois S. et al. *Le livre noir du communisme*. Paris, 1997. P. 258—264) обсуждают голод 1947 г. Число жертв, которое они приводят, несмотря на корректную формулировку («по меньшей мере 500000 чел.»), является чрезвычайно консервативной оценкой, поскольку действительное число жертв было намного большим. Современную трактовку, основанную на недавних публикациях исследований в странах бывшего СССР, можно найти у Дж. Ченнона (Channon J. *Stalin and the Peasantry: Reassessing the Postwar Years, 1945—53* // *Politics, Society and Stalinism in the USSR* / Channon J. (ed.). Basingstoke, 1998. P. 200—204). Другое современное, хотя и краткое, рассмотрение проблемы можно найти у Р. Дэвиса (Davies R.W. *Soviet Economic Development from Lenin to Khrushchev*. Cambridge, 1998. P. 64). Более пространное исследование, основанное как на недавних российских публикациях, так и на архивных изысканиях, содержится в работе Е. Зубковой (см.: Davies R.W. *Soviet Economic Development...* Ch. 4).

⁹ Sen A.K. *Poverty and Famines*. P. 1.

¹⁰ Когда А.К. Сен писал свою статью, он полагал, что голод 1943 г. в Бенгалии был, «возможно, крупнейшим случаем голода за последние сто лет» (Sen A.K. *Starvation and Exchange Entitlements*. P. 33). Если бы это было так, то подробное исследование данного случая и обобщения, на нем основанные, могли бы быть особенно важными как источник опыта по борьбе с голодом. Теперь мы знаем, что, несмотря на свою значительность, это не был крупнейший голод последнего столетия. Уверенность (или предположение) Сена в том, что большинство случаев голода были связаны с правами на доступ к продовольствию, была основана на подобного рода весьма ограниченных знаниях о крупнейших случаях голода последнего столетия (Sen A.K. *Ingredients of Famine Analysis: Availability and Entitlements* // *Quarterly Journal of Economics*. 1981. August. P. 460. Перепечатано в: *The Economics of Famine*; Sen A.K. *Poverty and Famines*. P. 164). Впоследствии Сен признал, что в крупнейшем голоде последнего столетия «снижение предложения продовольствия, несомненно, играло важную роль» (Drèze J., Sen A.K. *Op. cit.* P. 210).

¹¹ Ellman M., Maksudov S. *Soviet Deaths in the Great Patriotic War: A Note* // *Europe-Asia Studies*. 1994. Vol. 46. № 4; Harrison M. *Accounting for War*. Cambridge, 1996. P. 160—161.

¹² Голод в европейской части России начался в 1919 г., но в Туркестане (части Российской империи и впоследствии СССР), по-видимому, в 1917 г. (см.: Buttino M. *Study of the Economic Crisis and Depopulation in Turkestan, 1917—1920* // *Central Asian Survey*. 1990. Vol. 9. № 4; Idem. *Economic Relations Between Russia and Turkestan, 1914—1918, or How to Start a Famine* // *Transforming Peasants* / Pallot J. (ed.). Basingstoke, 1998). По состоянию на 1926 г., демографические потери местного населения от голода 1917—1920 гг. в Туркестане (в границах 1920 г.) достигали, по-видимому, около 1,6 млн чел., что составляло около 27% его фактической численности в 1926 г. Демографические потери в 1920 г. были еще выше, но их максимальные оценки, вероятно, включают в себя значительную временную эмиграцию.

¹³ В своем ответе на упрек в игнорировании голода в социалистических странах А. Сен ссылается на советский «голод», как будто он был единственным случаем (Sen A.K. *The Causation and Prevention of Famines: A Reply* // *Journal of Peasant Studies*. 1993. Vol. 21. № 1. P. 35). (Справедливости ради необходимо отметить, что фраза «советский голод» исходит от П. Нолана (Nolan P. *Op. cit.*), которому в данной работе отвечал Сен.) Более того, в другой своей работе Сен пишет о «голодах в России [*sic*] 1932—34 гг.», не принимая в

расчет воздействия голода в этот период на Украину и Казахстан (Sen A.K. *Poverty and Famines*. P. 155). М. Раваллон (Ravallion M. *Op. cit.*) ссылается на голод 1947 г. как на третий советский голод, игнорируя голод в период Второй мировой войны (см. Приложение 1).

¹⁴ Другим основным типом продовольствия в этот период был картофель. Рассмотренные ситуации в отношении картофеля и прочих овощей см. в работе: Зима В. Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. С. 34—37.

¹⁵ На основании данных Дж. Ченнона можно заключить, что экспорт зерна резко возрос в голодный 1947 г. (Channon J. *Op. cit.* P. 204). Это неверно. Таблица 2 показывает значительный рост экспорта зерна в календарном 1948 г. (согласно примечанию «h», он произошел в 1947—1948 сельскохозяйственном году), после того как худший период кризиса был уже позади. Во время кризиса в 1946—1947 сельскохозяйственном году валовый экспорт снизился на $\frac{2}{3}$, (по сравнению с предыдущим сельскохозяйственным годом), а в календарном 1947 г. чистые объемы экспорта сократились на 70% по сравнению с предыдущим календарным годом.

¹⁶ Goswami O. *The Bengal Famine of 1943: Re-examining the Data* // *Indian Economic and Social History Review*. 1990. Vol. 27. № 4.

¹⁷ В противовес распространенному впечатлению, по интересующему нас вопросу имеются советские статистические данные хорошего качества. Некоторые из них стали доступными после распада СССР и рассекречивания соответствующих архивов. Советские данные о питании и смертности в периоды двух первых случаев голода в СССР представлены в работе: Wheatcroft S. *Soviet Statistics of Nutrition and Mortality During Times of Famine* // *Cahiers du Monde Russe*. 1997. Vol. 38. № 4.

¹⁸ Davies R.W., Tauger M.B., Wheatcroft S. G. *Stalin, Grain Stocks and the Famine of 1932—1933* // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. № 3.

¹⁹ Советское правительство в этот период также достигло наибольшего прироста своих резервов золота и драгоценных металлов (Волкогонов Д. А. *Семь вождей*. Т. I. М., 1995. С. 268).

²⁰ Идея о том, что тяжелые государственные поборы с крестьянства оправданы необходимостью иметь государственные резервы для помощи крестьянству в случае неурожая, доказывалась еще министром финансов С. Ю. Витте в 1901 г. «Где, — спрашивал Витте, — мы можем найти суммы для помощи населению [в случае неурожая], если мы проводим экономическую политику [государства] таким образом, что не имеем запасов даже на дождливый день?» (цит. по: Robbins R.G., jr. *Famine in Russia 1891—1892*. N.Y., 1975. P. 193—194).

²¹ Карточная система была отменена в декабре 1947 г.

²² Голод в Україні, 1946 - 1947.

²³ Создание в СССР крупных зерновых и золотовалютных резервов в 1947—1953 гг. было аналогичным созданию стратегических товарных резервов в США в 1950-е гг.

²⁴ Согласно Е. Осокиной, зимой — весной 1936—1937 гг. «несколько тысяч семей страдали от голода, тысячи людей пухли от недоедания, и десятки людей умерли от голода» (Осокина Е. За фасадом «Сталинского изобилия». М., 1998. С. 200).

²⁵ Точный размер снижения запасов в 1936—1937 гг. в настоящее время не известен. Анализ продовольственной политики в 1936—1937 гг. является важной темой для дальнейших исследований.

²⁶ Следовательно, Е. Зубкова ошибается, говоря об «упорном нежелании властей распределять зерно из государственных резервов в преддверие нарастающего кризиса снабжения» (Zubkova E. *Russia After the War*. Armonk, N.Y., 1998. P. 47).

²⁷ Потребление зерна на душу населения зависело от половозрастного состава населения, доступности других видов продовольствия, теплоснабжения, погоды, времени года, рабочей нагрузки. Р. Дэвис и др. (Davies R.W., Tauger M.B., Wheatcroft S.G. *Op. cit.* P. 643) используют норму в $\frac{1}{3}$ т на человека в год как обеспечивавшую «хорошим хлебным пайком». Согласно Данилову (Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. 1998. № 6. С. 127), в царской России 0,263 т зерна в год было средним нормальным потреблением, а в трудные годы население могло выживать и на меньшем рационе. Естественно, чем меньшая цифра используется, тем большим является число людей, которые могли бы спастись, если часть запасов использовалась бы для обеспечения их питанием. Чтобы убедиться в том, что численность людей, которые могли спастись, не преувеличена, и с целью сравнения с результатами работы Дэвиса и др. (Davies R.W., Tauger M.B., Wheatcroft S.G. *Op. cit.*), приводимая ими цифра используется в нашей статье.

²⁸ Под «избыточными планируемыми запасами» понимаются запасы, превышавшие минимальный необходимый уровень для поддержания карточной системы (в период ее существования), или превышение над минимальным уровнем поддержания нормального потребления (после того, как карточки были отменены). Это определение не берет в расчет потребности в создании и поддержании резервов по причинам, объясняемым в упомянутом выше июльском постановлении 1947 г.

²⁹ Это предполагает, что запасы, учтенные в официальных документах того времени, действительно находились в состоянии, пригодном к использованию. Однако у чиновников был стимул сообщать о заготовках и хранении несуществующего зерна. Кроме того, зерно на складах портится от сырости и плесени; его количество также снижается из-за расхищения и порчи грызунами. Чтобы выяснить, в какой степени официальные данные того времени соответствовали количеству пригодного для использования зерна, необходимо провести отдельное исследование. 9 сентября 1947 г. Совет министров одобрил совершенно секретное постановление касательно расхищения продовольственных запасов, поводом для которого послужили результаты проверки запасов, хранившихся при Министерстве продовольственных и материальных резервов. Среди прочего, она вскрыла случаи подачи отчетов, в которых данные по продовольственным запасам сильно превышали их реальный объем. На основании этого постановления в 1947–1948 гг. было осуждено более 10000 чел. (Зима В.Ф. Социология бесправия: Реакция сталинской юстиции на голод в СССР 1946–1947 гг. // Социологические исследования. 1999. № 2. С. 97).

³⁰ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922, 1991. С. 109.

³¹ Данные по советским государственным зерновым резервам и планируемыми запасам не являются полностью сравнимыми с оценками запасов до Первой мировой войны. Последние включали в себя запасы производителей, в то время как первые включали лишь то, что ранее называлось «видимыми» запасами. До Первой мировой войны «видимые» запасы составляли лишь небольшую долю общих запасов. Однако представляется, что в результате проводимой в СССР политики то, что раньше называлось «видимыми» за-

пасами, в период после Второй мировой войны составляло намного большую долю общих запасов.

³² Зима В.Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. С. 179.

³³ Попов В.П. Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1994. № 10; он же. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг. (на примере российской деревни): Дисс... докт. ист. наук. М., 1996.

³⁴ В своих расчетах значения сверхсмертности В.П. Попов допустил две ошибки — одну методологическую и другую, связанную с конкретными цифрами. Методологической ошибкой было расценивать как сверхсмертность в 1948 г. превышение смертности в 1948 г. над этим показателем в 1947 г. Поскольку 1947 г. был основным годом голода, адекватную базу для сравнения с 1948 г. дает «нормальный» год, например, 1949 г. Что касается конкретных цифр, он использовал ошибочное значение смертности для 1948 г. (см. Таблицу 6, примечание «б»).

³⁵ А. Блюм отмечает, что СССР, в отличие от некоторых других стран, не пережил послевоенного всплеска рождаемости. Он, правда, не объясняет, чем это было вызвано (Blum A. Op. cit. P. 131—132).

³⁶ Веселова О.М. Передмова // Голод в Україні, 1946—1947. С. 13.

³⁷ Веселова О.М., Панченко П.П. Указ. соч. 1995. № 6. С. 188.

³⁸ Веселова О.М. Репрессивний тиск держави... С. 95; она же. Голод 1946—1947 років в Україні // VIII Всеукраїнська наукова конференція «Історичне краєзнавство і культура» (Наукові доповіді та повідомлення). Ч. II. Київ: Харків, 1997. С. 59.

³⁹ Царан А.М., Шишкану И.Г. Введение // Голод в Молдове (1946—1947). С. 10.

⁴⁰ Попов В.П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг. С. 84; Хрестоматия по отечественной истории (1946—1995 гг.) / Под ред. Киселева А.Ф., Шагина Э.М. М., 1996. С. 10.

⁴¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1420. Л. 35.

⁴² То же самое справедливо и для Молдавии. См.: Голод в Молдове (1946—1947). С. 650—651.

⁴³ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1420. Л. 13.

⁴⁴ Голод в Україні, 1946—1947. С. 319—320.

⁴⁵ Например, в своем докладе от 26 марта 1948 г. министру внутренних дел СССР, посвященном демографической статистике за январь 1948 г., заместитель начальника милицейского главка МВД, отвечавшего за систему регистрации населения, утверждал: «Необходимо отметить, что в отчетном месяце наблюдались случаи смерти от дистрофии. В 33 республиках, областях и округах было зарегистрировано 603 случая смерти от тифа» (ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1427. Л. 19). Так называемые смерти от дистрофии и тифа были голодными смертями.

⁴⁶ Оставшиеся 5%, вероятно, пришлось в основном на Белоруссию, которая также была затронута голодом. (Причина того, что сверхсмертность в Молдавии в 1947 г. в целом была ниже, чем в январе — сентябре, состоит в том, что в остаток года смертность была ниже уровня 1946 г.)

⁴⁷ 6000 избыточных смертей в 1948 г. в Молдавии были проигнорированы, поскольку все известные автору источники указывают на то, что голод в Молдавии закончился в 1947 г.

⁴⁸ Данная цифра получена на основе предположения, что население Молдавии в 1946 г. составляло 2389 млн чел., что соответствует оценке Центрального статистического управления Молдавии в январе 1947 г. (Голод в Молдове (1946—1947). С. 358). Эта оценка вряд ли является точной (доклад, в котором она фигурирует, подчеркивает, что это грубая оценка). Если действительная сверхсмертность в Молдавии составила, скажем, 170000 чел. и население республики на 1 июля 1946 г. насчитывало в действительности, например, 2,2 млн чел., тогда сверхсмертность составила бы около 8% населения Молдавии.

⁴⁹ Разница между оценкой числа избыточных смертей в этих республиках (1079000 чел.) и оценкой для СССР в целом (1200000 чел.) объясняется наличием сверхсмертности в других республиках (например, Белоруссии) и ошибками при округлении.

⁵⁰ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза, 1922—1991. М., 1993. С. 69.

⁵¹ Lutz W., Scherbov S., Volkov A. Demographic Trends and Patterns in the Soviet Union Before 1991. L., 1994. Ch. 18, 20, 21.

⁵² ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1425. Л. 5.

⁵³ Попов В.П. Еще раз о послевоенном голоде. С. 84.

⁵⁴ А.М.Царан и И.Г.Шишкану утверждают, что так было в случае Молдавии (Царан А.М., Шишкану И.Г. Введение // Голод в Молдове (1946—1947). С. 9—10). «В деревнях на юге республики много братских могил, в которых похоронены жертвы голода. Память о них не сохранилась ни в каких официальных документах. Вдобавок, были и те, кто умер за пределами республики». Что касается последних, то в июле 1947 г. полномочный представитель Госплана СССР в Молдавии утверждал в официальном докладе, что «данные о [зарегистрированной] смертности не отражают полностью число смертей, поскольку часть населения направилась на Украину в поисках пропитания и значительная доля из них умерли в Станиславской [с 1962 г. Ивано-Франковской], Черновицкой и Львовской областях [Украины]» (Голод в Молдове (1946—1947). С. 696).

⁵⁵ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза... С. 69.

⁵⁶ Согласно Е.М.Андрееву и др., фактический рост смертности в 1947 г. был на 3000 чел. больше, чем рост зарегистрированной смертности (там же). Применение этих оценок недоучета в Таблице 6 (о различии между двумя наборами данных см. Таблицу 6, примечание «а») дает рост фактической смертности в 1947 г., примерно на 48000 превышающий рост зарегистрированной смертности.

⁵⁷ Этот вопрос обсуждается в Приложении 3.

⁵⁸ Это значительно ниже числа жертв голода 1931—1934 гг. Следовательно, замечание Р.Г.Пихоя о голоде 1946—1948 гг., что «его масштабы были в полной мере сравнимы с голодом начала 1930-х гг.» (Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945—1991. М., 1998. С. 18), неверно, по меньшей мере в том случае, если «масштабы» понимаются демографически. Пихоя также не сообщает читателям, что наиболее серьезно пострадавшей частью СССР была Молдавия.

⁵⁹ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза...; они же. Демографическая история России: 1927—1959. М., 1998.

⁶⁰ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России... С. 72.

⁶¹ Там же. С. 141. Как авторы пришли к этой оценке, непонятно. Согласно их собственным данным (там же. С. 162), смертность в РСФСР в 1947 г. лишь на 420000 чел. превышала среднее ее значение для 1946 и 1948 гг. Вероятно, значение «более чем 500000 чел.» также включает оценку за декабрь 1946 г.

⁶² Там же. С. 80—83.

⁶³ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза... С. 118.

⁶⁴ Е.М.Андреев и др. утверждают, что голод начался в декабре 1946 г. и закончился летом 1947 г. (Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Демографическая история России... С. 105, 141). Хотя в это время наблюдался пик голода, но, конечно, собственно период голода был продолжительнее, особенно применительно к СССР в целом, как это объяснялось выше. Определение Андреевым и др. сверхсмертности от голода (например, для 1933 или 1947 гг.) имеет смысл лишь в том случае, если предположить, что смертность от голода была приурочена к одному году. Это может быть приемлемым допущением для демографов, но исторически недостоверно.

⁶⁵ В работе 1998 г. Е.М.Андреев и др. используют новый источник, который был недоступен в период написания работы 1993 г. — списки избирателей. Чтобы сделать эти данные совместимыми со своими собственными оценками, авторы должны были выдвинуть множество специальных предположений о численности вооруженных сил, людей, лишенных избирательных прав (заключенных и ссыльных), и фальсификации списков избирателей.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1425. Л. 7. В марте 1947 г. младенческая смертность в Молдавии достигла 36% (Голод в Молдове (1946—1947). С. 642).

⁶⁷ Это явление характерно для периода голода. В качестве исторического обзора см.: Sorokin P. *Hunger as a Factor In Human Affairs*. Gainesville, 1975. P. 108—112. В период голода 1919—1922 гг. в России «каннибализм был «каждодневным явлением»» (Sorokin P. *Op. cit.* P. 136). Относительно голода 1932—1933 гг. в СССР архивы переполнены упоминаниями о каннибализме (Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 60). О каннибализме во время блокады Ленинграда см.: Barber J., Harrison M. *The Soviet Home Front, 1941—1945*. L., 1991. P. 90. В СССР в 1944 г. «в девяти регионах России и двух пограничных регионах Казахстана были зарегистрированы случаи каннибализма как результат психического расстройства, вызванного голодом» (Зима В.Ф. О смертности сельского населения в советском тылу (по архивным сводкам 1941—1945 гг.) // Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб., 1995. С. 163). Случаи каннибализма имелись и среди голодавшего населения оккупированных территорий. В Молдавии в 1947 г. (Бомешко Б. Указ. соч. С. 38) «поедание трупов приобрело огромные масштабы». Имеется большое количество официальных документов того времени о каннибализме в Молдавии и на Украине во время голода (Голод в Молдове (1946—1947); Голод в Україні, 1946—1947). Каннибализм был также распространен среди немецких и румынских военнопленных в СССР после Сталинградской битвы (Beevor A. *Stalingrad*. L., 1998. P. 413).

⁶⁸ Голод в Молдове (1946—1947); Голод в Україні, 1946—1947.

⁶⁹ Sen A.K. *Poverty and Famines*. P. 79; *Idem*. *The Causes of Famines: A Reply* // *Food Policy*. 1986. Vol. 11. № 2. P. 127.

⁷⁰ Fogel R.W. *Second Thoughts on the European Escape From Hunger: Famines, Chronic Malnutrition, and Mortality Rates* // *Nutrition and Poverty* / Osmani S.R. (ed.). Oxford, 1992. P. 264. Перепечатано в: *The Economics of Famine*.

⁷¹ Drèze J., Sen A.K. Op. cit. Passim.

⁷² Sen A.K. Ingredients of Famine Analysis. P. 445.

⁷³ Idem. Poverty and Famines. P. 43—44.

⁷⁴ Дж. Дрезе и А.К. Сен пишут: «Примечательно, что вспышки голода продолжают случаться в современном мире, несмотря на сравнительную простоту их полного преодоления посредством вмешательства государства» (Drèze J., Sen A.K. Op. cit. P. 260). Такая позиция предполагает, что преодоление голода является первоочередной задачей правительства. Во многих случаях это не так. Таким образом, в сохранении голода нет ничего «примечательного». Более того, акцент, который Дрезе и Сен делают на возможность преодоления голода посредством действий государства, будучи адекватным с нормативной точки зрения, с позитивной точки зрения является односторонним. Голод часто бывает *вызван* (или усилен) действиями государства.

⁷⁵ Moskoff W. The Bread of Affliction: The Food Supply in the USSR During World War II. Cambridge, 1990. Passim.

⁷⁶ См.: Осокина Е.А. Указ. соч. С. 208.

⁷⁷ Мнение о том, что люди должны спасать себя от голода путем самостоятельного выращивания сельскохозяйственной продукции, пережило распад Советского Союза. Обратите внимание на огромную важность садово-огородных участков и дачного сектора в странах бывшего СССР.

⁷⁸ С 1 октября 1946 г. число получателей пайков резко сократилось. Количество сельских жителей, имевших право на карточки, упало с 27 до 4 млн чел. (Волков И.М. Указ. соч. С. 12). В декабре 1946 г. в сельской местности проживали 110 млн чел., из которых лишь 4 млн были включены в карточную систему (Попов В.П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг. С. 88). Стоимость блюд в рабочих столовых резко возросла. С 1 ноября 1946 г. была снижена доля ржи и пшеницы при производстве хлеба (Zubkova E. Op. cit. P. 46). Общая доля овса, ячменя и кукурузы возросла до 40% (кроме Москвы и Ленинграда, где она увеличилась до 25%). Ужесточилось применение уголовных наказаний к тем, кто расхищал совхозное или колхозное продовольствие. Этому вопросу были посвящены указы Совмина СССР и ЦК КПСС от 27 июня 1946 г. и от 25 октября 1946 г. и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. Многие люди были признаны виновными в совершении соответствующих деяний и получили длительные сроки заключения. Согласно В.Ф. Зиме (Зима В.Ф. Социология бесправия. С. 97), к концу 1947 г. около 300000 чел. были заключены в тюрьмы и отправлены в лагеря в результате исполнения июньского указа 1947 г. В 1946—1947 гг. также существенно выросло число обвинений и приговоров в отношении председателей колхозов (обычно за распределение зерна между членами колхозов и/или за невыполнение планов государственных закупок). Целью всех этих мероприятий было сокращение спроса на распределяемое государством продовольствие и/или увеличение его запасов и, таким образом, поддержание жизнеспособности карточной системы в условиях спада производства продовольствия.

⁷⁹ Строго говоря, при голоде типа FAD₂ (см. раздел 4 данной статьи) смертность среди населения, испытывающего одинаковую нужду в продовольствии, может быть минимизирована посредством сведения к нулю вариации гарантированного уровня снабжения продовольствием. Если этот уровень в сельской местности выше, чем в городах, и превышает прожиточный минимум вне зависимости от поставок продовольствия из сельской местности в города, то общий уровень смертности может быть минимизирован при уровне продовольственных изъятий из сельской местности, который тем

выше, чем выше потери при транспортировке и хранении. Однако в СССР на протяжении 1946—1948 гг. гарантированный уровень снабжения продовольствием в сельской местности был, по-видимому, ниже, чем в городах, причем он падал (в некоторых случаях ниже прожиточного минимума) в результате наращивания продовольственных изъятий из сельской местности в пользу городов. В результате потери при транспортировке и хранении, скорее всего, повышали степень вариации гарантированного уровня снабжения продовольствием.

⁸⁰ Волков И.М. Указ. соч.; Зима В.Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. Гл. 1.

⁸¹ В августе 1946 г. общий план закупок для Молдавии был снижен на 73%, а чистый план закупок был сведен к нулю (Бомешко Б. Указ. соч. С. 18—19) за счет того, что закупленное продовольствие было предназначено для использования внутри республики, в основном как зерновые ссуды (64%), но также для оказания продовольственной помощи (34%).

⁸² В 1891—1892 гг. помощь также принимала форму скорее ссуд, нежели безвозмездных субсидий (Robbins R.G., jr. Op. cit. P. 152). Помощь в форме зерновых ссуд, которые должны были быть возвращены (в форме зерна) после нового урожая с процентами (также в форме зерна), оказывалась и в 1933 г. (Современные концепции аграрного развития. С. 105).

⁸³ Следовательно, ошибочно критиковать советское правительство за то, что «оно... не смогло организовать помощь голодающим...» (Kenez P. A History of the Soviet Union From the Beginning to the End. Cambridge, 1999. P. 167).

⁸⁴ Царан А.М., Шишкану И.Г. Введение // Голод в Молдове (1946—1947). С. 5. Сравнительная эффективность помощи при голоде 1891—1892 и 1946—1947 гг. анализируется в Приложении 4.

⁸⁵ Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953): Сб. документов / Под ред. В.П.Попова. М., 1993. С. 123—177; Зима В.Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. С. 193—201.

⁸⁶ В моих предшествующих работах (Ellman M. Socialist Planning, 1st edn. Cambridge, 1979. P. 97; Idem. Socialist Planning, 2nd edn. Cambridge, 1989. P. 108) внимание обращалось на тот факт, что, «с исторической точки зрения, наиболее важным достижением постсталинской [советской] сельскохозяйственной политики было прекращение голода в СССР». Пользуясь терминологией А. Де Ваалы, можно сказать, что Хрущев создал, а Брежнев поддерживал «политическое соглашение» по борьбе с голодом в СССР (De Waal A. Famine Crimes. L., 1997.). Вопреки позиции А.К.Сена, это важнейшее достижение не было результатом внедрения свободы печати и либерально-демократической политической системы: ничего этого в то время (на протяжении 1950-х, 1960-х и 1970-х гг.) в СССР не существовало. То обстоятельство, что наличие демократических институтов не обязательно для предотвращения голода, отмечает П.Ноланом (Nolan P. Op. cit. P. 17—18). Однако несомненно, что Сен был прав, полагая, что диктатура делает катастрофы более вероятными. См. также: Ellman M. Socialist Planning, 2nd edn. P. 21—22.

⁸⁷ Эмпирические исследования голода подобного рода см. у М.Равальона (Ravallion M. Op. cit. Footnot 5).

⁸⁸ Если под «ошибочным тезисом о “недостаточном предложении продовольствия как причине голода”» (The Economics of Famine. P. XI) понимается то, что спады в предложении продовольствия являются важным фактором, обуславливающим возникновение голода, тогда этот тезис не ошибочен, а вполне корректен. Акцент Нолана на важности спадов производства для воз-

никновения случаев голода в XX в. (Nolan P. Op. cit) очень важен и несомненно верен. То же самое относится и к указанию на роль войн и социализма как причин основных случаев голода в XX в. Однако акцент на проводимых правительством институциональных изменениях как причинах голода в социалистических странах игнорирует тот факт, что даже без институциональных изменений голод в этих странах был вполне возможен, как это показал голод 1947 г. в СССР (Ibid. P. 23).

⁸⁹ Конечно, вопрос о том, что является «возможным» в конкретном историческом контексте, является дискуссионным. Были ли действия, необходимые для предотвращения голода 1946—1948 гг., действительно политически «возможными», остается спорным.

⁹⁰ Из Таблицы 6 видно, что большая часть роста зарегистрированной смертности в период голода пришлось на аграрные районы. Большинство жертв были членами крестьянских домохозяйств. Таблица, однако, также показывает, что значительная доля роста зарегистрированной смертности пришлось на городские районы. Действительно, процентный рост зарегистрированной смертности в 1947 г. был выше в городских районах, чем в сельских. Возможно, что это чисто статистический эффект, вызванный разницей в недоучете смертности. Чтобы точно установить, какие группы городского населения в наибольшей степени пострадали от голода, необходимы дальнейшие исследования. Представляется вероятным, что важную группу жертв голода составляли иждивенцы (например, дети). Данные, представленные в недавней работе по демографической истории Москвы, предполагают, что сверхсмертность в Москве на протяжении 1947 г. составила около 8000 чел. (Гаврилова И.Н. Демографическая история Москвы. М., 1998. С. 194, 208). В Москве в 1947 г. особенно сильно пострадавшей группой были младенцы: расчетный уровень младенческой смертности вырос на 48% (там же. С. 208).

⁹¹ Аналогичным образом, небольшая сверхсмертность в 1936—1937 гг. приходилась в основном на крестьян-единоличников и их домохозяйства (Осокина Е.А. Указ. соч. С. 202). В СССР в период сталинизма у них не было гарантированных прав на снабжение продовольствием.

⁹² Случаи голода в СССР 1921—1922 гг. и 1931—1933 гг. также относились к FAD, как и голод 1892 г. в России (и голод в Китае в 1959—1961 гг.). Однако в 1917—1920 гг. многие люди также потеряли права на доступ к продовольствию в результате войны, межэтнических конфликтов, проблем с транспортом и сломом (попыткой упразднения) рыночных отношений, а в 1931—1934 гг. — в результате введения принудительной оседлости для казахов, раскулачивания, закупок зерна, коллективизации и государственной внешне-торговой политики. Следовательно, последний случай голода можно рассматривать как разновидность FAD₂ в той степени, в какой меры государственной помощи могли считаться «возможными». Третий случай голода в СССР являлся комплексным. Жители Ленинграда, Харькова и Комсомольска-на-Амуре, умершие от голода во время войны, потеряли права на доступ к продовольствию в результате военных действий (блокады), политики оккупантов (Харьков) и обслуживания нужд Красной армии и военной промышленности (Комсомольск-на-Амуре). С другой стороны, предложение продовольствия также снизилось. Представляется разумным классифицировать голод в Ленинграде как FAD₁, в Харькове — как FAD₂ (при цивилизованной политике оккупантов его бы не произошло), в местах типа Комсомольска-на-Амуре — как FAD₁ (если предположить, что в условиях войны не было «реальных» альтернатив политике, проводимой советским правительством в неоккупированных зонах).

⁹³ Оно также не является достаточным условием для достижения этой цели, как показал опыт Судана в 1985—1989 гг. См.: De Waal A. *Op. cit.* Ch. 5.

⁹⁴ Ellman M. Transformation, Depression and Economics: Some Lessons // *Journal of Comparative Economics*. 1994. Vol. 19. № 1. P. 18.

⁹⁵ Дрезе утверждал, что «есть один пробел в литературе — это связь между голодом и войной» (*The Economics of Famine*. P. XX). Данное утверждение верно лишь отчасти. Объяснение Сеном голода 1943 г. в Бенгалии основано на том, что это был побочный эффект британско-японской войны. Для более глубокого рассматривания роли войн см., например: Nolan P. *Idem*. P. 21—22. По каким-то причинам данная работа не вошла в обширную библиографию Дрезе (*The Economics of Famine*). В качестве популярной книги тридцатилетней давности о блокаде Ленинграда и вызванном ею голоде см.: Salisbury H. *The 900 Days: The Siege of Leningrad*. N.Y., 1969.

⁹⁶ Harrison M. *Accounting for War*. Cambridge, 1996. P. 159.

⁹⁷ См.: Вылчан М.А. Жертвы голодного времени (по архивным материалам НКВД—МВД) // *Людские потери в Великой Отечественной войне*. СПб., 1995. С. 171.

⁹⁸ Зима В.Ф. О смертности сельского населения в советском тылу.

⁹⁹ См.: Земсков В.Н. Смертность заключенных в 1941—1945 гг. // *Людские потери СССР в Великой Отечественной войне*. СПб., 1995.

¹⁰⁰ Moskoff W. *Op. cit.* P. 56—57.

¹⁰¹ Overy R. *Russia's War*. L., 1998. P. 134.

¹⁰² Исупов В.А. Смертность населения в тыловых районах России в 1941—1942 годах // *Население России в 1920—1950-е годы: численность, потери, миграции*. М., 1994. С. 103—105.

¹⁰³ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьков Т.Л. *Население Советского Союза...* С. 135.

¹⁰⁴ Moskoff W. *Op. cit.* P. 68.

¹⁰⁵ Исупов В.А. Смертность населения в тыловых районах России в 1941—1942 годах; Зеленин И.Е. К вопросу о голоде сельского населения тыловых районов СССР в годы Великой Отечественной войны: историография и источники // *Людские потери СССР в Великой Отечественной войне*.

¹⁰⁶ Интерпретация данных о смертности в годы войны требует дальнейшего исследования по трем причинам. Во-первых, эти данные относятся к зарегистрированной смертности, и связь их с уровнем фактической смертности неясна. Во-вторых, резкий спад рождаемости в сельской местности при высоком уровне младенческой и детской смертности автоматически снижал общий уровень смертности на селе. В-третьих, во время войны выросла смертность среди заключенных (Земсков В.Н. *Указ. соч.*). Если она регистрировалась по месту прежнего проживания (см. Приложение 3), тогда, вследствие того что непропорциональная доля обитателей лагерей, колоний и тюрем ранее проживала в городах, это создавало искусственный прирост уровня смертности в городах.

¹⁰⁷ Davies R.W., Tauger M.B., Wheatcroft S.G. *Op. cit.*

¹⁰⁸ *Ibid.*

¹⁰⁹ *Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.* М., 1990. С. 202.

¹¹⁰ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование... С. 109; см. также данную статью, примечание 31.

¹¹¹ Getty J.A., Rittensporn G.T., Zemskov V.N. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // *American Historical Review*. 1993. Vol. 98. №. 4. P. 1049.

¹¹² Исупов В.А. Смертность населения в тыловых районах России в 1941—1942 годах. С. 98.

¹¹³ Народ не безмолвствует / Сост. Пономарев М.И. Алматы, 1996. С. 138.

¹¹⁴ Davies R.W. *Soviet History in the Yeltsin Era*. Basingstoke, 1997. P. 169, 246.

¹¹⁵ Волкогонов Д.А. Троцкий. Т. 2. М., 1992. С. 371.

¹¹⁶ Conquest R. *Victims of Stalinism: A Comment* // *Europe-Asia Studies*. 1997. Vol. 49. № 7.

¹¹⁷ См., например: Земсков В.Н. Указ. соч. Таблица 2.

¹¹⁸ Голод в Молдове (1946—1947). С. 729.

¹¹⁹ См.: ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1427. Л. 146.

¹²⁰ По-видимому, в результате советско-японской войны попали в плен 609000 японцев, из них — согласно ныне доступным российским данным — 62000 умерли на территории СССР (Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену (1945—1956). Иркутск, 1997. С. 22, 149, 170). На западном фронте, согласно официальной российской статистике (Гуркин В.В. О людских потерях вермахта на советско-германском фронте и во Второй мировой войне // *Людские потери СССР в Великой Отечественной войне*. С. 109), в плен были взяты 4,3 млн немцев и их союзников, из них 0,6 млн умерли в плену. По данным И.В. Безбородовой, число немецких военнопленных, умерших в СССР, равнялось 1,1 млн чел. (Безбородова И.В. *Военнопленные Второй мировой войны. Генералы вермахта в плену*. М., 1998. С. 10). Кроме военнопленных, после войны на территории СССР находились также интернированные лица. С 1 декабря 1946 г., в результате продовольственного кризиса в стране, продовольственные пайки в лагерях военнопленных были сокращены. В январе — марте 1947 г. в лагерях был голод. В ответ на это 28 января 1947 г. в лагерь военнопленных было объявлено чрезвычайное положение, которое длилось, вероятно, до апреля 1947 г. (Безбородова И.В. *Иностранные военнопленные и интернированные в СССР* // *Отечественная история*. 1997. № 5). К сожалению, невозможно вычислить масштаб сверхсмертности в лагерях военнопленных в первой четверти 1947 г., поскольку ежемесячные данные о смертности недоступны. Необходимо отметить, что, кроме лагерей военнопленных, последние находились и в так называемых «особых рабочих батальонах» в подчинении Министерства обороны. Смертность в них была намного выше, чем в лагерях военнопленных. Когда чрезвычайное положение было снято, число немецких военнопленных составляло чуть менее миллиона. (В меморандуме Сталину от 12 марта 1947 г. Молотов утверждал, что в СССР находилось 998500 немецких военнопленных (Конасов В.Б. *К вопросу о численности немецких военнопленных в СССР* // *Вопросы истории*. 1994. № 11).) Для многих военнопленных условия зимы 1945—1946 г. были хуже, чем голодной зимы 1946—1947 г. Согласно С.И. Кузнецову, смертность среди японских военнопленных достигла пика зимой 1945—1946 г. — за год до голода в СССР (Кузнецов С.И. Указ. соч. С. 173). Среди немецких военнопленных смертность в декабре 1945 г. составила около 1% в месяц (Безбородова И.В. *Иностранные военнопленные и интернированные в СССР*. С. 166).

¹²¹ Царан А.М., Шишкану И.Г. Введение // *Голод в Молдове (1946—1947)*. С. 5.

¹²² Robbins R.G., jr. *Op. cit.* P. 5, 185.

¹²³ Ibid. P. 171.

¹²⁴ А.К.Сен указывал на то, что, когда падение покупательной способности перевешивает спад в предложении продовольствия, рыночные механизмы способствуют оттоку продовольствия из голодных регионов (Sen A.K. *Ingredients of Famine Analysis*. P. 461). Он даже предполагал, что «вывоз продовольствия из пострадавших от голода зон может быть “естественной” характеристикой рынка...» (Idem. *Poverty and Famines*. P. 162) (Более взвешенную трактовку см. в: Drèze J., Sen A.K. *Op. cit.* P. 89—93, 99—100.) Однако, когда покупательная способность не снижается (например, при государственных закупках для голодного региона) или снижается в меньшей степени, чем общее предложение продовольствия (хотя предложение продовольствия в конкретном регионе сокращается), тогда рыночные механизмы способствуют притоку продовольствия в голодный регион. Российский голод 1891—1892 гг., по всей видимости, является примером подобного феномена.

¹²⁵ Об этом и о других подробностях голода 1892 г. в России см.: Robbins R.G., jr. *Op. cit.*

**«Советское — значит надежное»:
военпреды и проблема качества
в советской оборонной промышленности****

Одним из базовых отличий рыночной экономики от экономики командного типа является принципиально разная природа взаимоотношений между покупателем и продавцом. Если в рыночной экономике желание покупателя — закон для продавца, то в условиях «мягких бюджетных ограничений», характерных для экономики дефицита, существует «рынок продавца», а не покупателя¹. Для такого рынка характерно доминирование интересов продавца: покупатель вынужден брать практически любую продукцию, предлагаемую продавцом, независимо от ее качества и сортамента. В силу отсутствия конкуренции покупатель не может повлиять на продавца способом, характерным для рыночной экономики, отказавшись от покупок товаров сомнительного качества, наказание за выпуск такой продукции не является автоматическим. В результате продавец перестает уделять достаточно внимания качеству производимых товаров, сосредотачивая свои усилия на достижении количественных показателей. Для преодоления проблемы низкого качества центральным властям в командной экономике приходится задействовать другие, неэкономические механизмы.

В СССР высшее руководство осознавало наличие проблемы низкого качества продукции, выпускаемой советской промышленностью, и было озабочено ее разрешением, периодически предпринимая попытки добиться преодоления негативных эффектов «рынка продавца». Достаточно упомянуть лишь два указа 1933 и 1940 гг., вводивших уголовное преследование работников промышленности за выпуск некачественной продукции. Однако в целом в долгосрочной перспективе выбор между количеством и качеством решался в пользу первого, а упомянутые указы не работали².

Оборонной промышленности, по сравнению с гражданской, руководство страны уделяло повышенное внимание, в том числе это

---

* Маркевич Андрей Михайлович — кандидат исторических наук (историческое отделение Открытого лица «Всероссийская заочная многопредметная школа» при МГУ им. М.В.Ломоносова).

** Автор благодарит проф. М.Харрисона за ценные замечания и помощь, оказанную при написании данной статьи. Автор благодарит также Гуверовский институт войны, революции и мира Стенфордского университета (США) за поддержку данной работы.

касались и вопросов качества. Качество военной продукции имело особое значение, так как напрямую было связано с уровнем обороноспособности страны, а ценой оружия, которое не стреляло, были человеческие жизни. Для решения проблемы качества был создан независимый от производителя институт военпредов (военных представителей), контролеров заказчика на производстве, легальных аналогов которому в гражданской промышленности не было.

В данной статье конфликт интересов покупателя и продавца в вопросе качества, характерный для командной экономики, рассматривается применительно к советской оборонной промышленности. В центре внимания находится изучение практики работы военпредов, исследование взаимоотношений между продавцом, военпромом (военной промышленностью), и покупателем, военведом (военным ведомством)³, на советском «рынке» вооружения. Анализируется, как эти взаимоотношения влияли на поведение военпредов. Сравниваются системы контроля качества продукции в советской индустрии в целом и в оборонной промышленности.

В последние годы история советской оборонной промышленности получила значительное развитие⁴. Однако исследователей в первую очередь интересовала структура и темпы развития советской оборонки, и немного внимания уделялось изучению взаимоотношений военной промышленности и военного ведомства. Деятельность военпредов также уже подвергалась изучению, главным образом западными исследователями, но явно недостаточно. Их работы, в силу засекреченности всего, что было связано с советским военно-промышленным комплексом (ВПК), основывались преимущественно на интервью с эмигрантами, бывшими советскими гражданами, работавшими ранее в сфере ВПК⁵. М.Харрисон и Н.Симонов были первыми, кто привлек для изучения этой проблематики архивные документы, проанализировав ряд докладов и постановлений, изданных центральными органами о деятельности военпредов⁶. Желание исследовать повседневную работу военпредов, взаимоотношения военпрома и военведа в различных ординарных ситуациях заставило продолжить работу в этом направлении. Источниковой базой статьи послужили архивы промышленных оборонных наркоматов, министерств и главков, архивы военного ведомства, материалы контрольных органов⁷. Хронологически статья ограничена концом 1920-х — серединой 1950-х гг. в силу недоступности многих документов более позднего периода.

Статья имеет следующую структуру. В первом параграфе рассматривается организация внутреннего контроля качества выпускаемой продукции в советской промышленности в целом и в оборонной промышленности в частности. Второй параграф посвящен описанию принципов функционирования института военпредов. В третьем параграфе анализируется повседневная практика работы военных представителей по проверке поставляемой армии продукции, в четвертом — действия работников промышленности в условиях контроля со стороны военпредов. В заключении суммируются сделанные выводы.

1. Проблема качества в советской экономике

В этом параграфе рассматриваются принципы организации контроля качества продукции, которые существовали в самой промышленности. Внутренний контроль качества продукции включал два уровня: заводской контроль и контроль со стороны отраслевых наркоматов/министерств⁸. Будет показано, что работа как первого, так и второго была недостаточно эффективной. Причины, как указывали еще пионеры в области исследований проблем управления советским предприятием Дж.Берлинер и Д.Граник, заключались в том, что с советских хозяйственников спрашивали в первую очередь количественное выполнение планов, в том давлении, которое оказывалось на контролеров качества в связи с этим⁹. Валовый выпуск и ассортимент выпускаемой предприятием продукции фиксировались плановыми заданиями, которые, как правило, были напряженными. В результате, для того чтобы выполнить план, хозяйственники пренебрегали качеством в пользу количества.

1.1. Внутренний контроль качества продукции: ОТК и инспекции качества

В советской промышленности задача контроля качества выпускаемой продукции лежала в первую очередь на заводских отделах технического контроля (ОТК). ОТК существовал на каждом советском предприятии и должен был путем сплошной или выборочной проверки (в зависимости от характера выпускаемых товаров и типа предприятия) контролировать производимую данным предприятием продукцию. Формально без проверки ОТК никакая продукция не могла быть отгружена заказчику.

Однако на практике основная проблема заключалась в том, что заводской ОТК слишком тесно был связан с руководством предприятий и зачастую не выполнял функций независимого контроля. Нередко под нажимом администрации предприятия, целью которой было выполнение плана любой ценой, ОТК принимал бракованную продукцию. Например, такая ситуация существовала на заводе № 698 НКЭП (Наркомата электропромышленности) во время Великой Отечественной войны. Комиссия, проводившая проверку работы завода летом 1943 г., пришла к выводу, что «отдел технического контроля на заводе не чувствуется... учет брака отсутствует, бражкарты не выписываются, за брак никто ответственности не несет»¹⁰. Председатель комиссии так описал процедуру приемки готовых изделий: «Как проводилось оформление? В конце месяца давалось указание начальнику цеха тов. Вальдману, начальнику ОТК, которые подписывали эти накладные, или их мастера. На заводе могут накладные подписывать не только ответственные люди, руководители предприятия, но и рядовые мастера. Не один, так другой подпишет. Не установлено, кто же занимается окончательной приемкой готовых изделий на заводе. Могут подписать любые работники из ОТК; если Вальдман откажет, так подпишет его мастер, и это получается официальный документ»¹¹.

Сами работники ОТК считали подчиненность директору одной из главных причин низкой эффективности своей работы. На совещании начальников ОТК заводов и центральных измерительных лабораторий Министерства вооружения 21 октября 1947 г. мнения работников ОТК было единодушным: «Было бы идеалом, когда работников ОТК взяли [бы] из-под влияния директора. Если этого нельзя сделать, то нужно заместителя директора по качеству сделать начальником ОТК»¹².

Попытки вывести ОТК из-под влияния директора завода, напрямую связав отдел с соответствующей, по подчиненности предприятий, общеминистерской инспекцией качества продукции (в некоторых случаях — инспекцией Главка), не меняли принципиально ситуацию, так как у администрации оставалось множество неформальных путей повлиять на работников ОТК и добиться приема дефектной продукции. Одним из таких путей, например, являлось внесение изменений в существующую технологию. Вот как об этом говорили сами работники ОТК: «Зачастую, когда нужно проташить брак, вместо карточки разрешения на отступление от технологического процесса, которую подписывает начальник ОТК, выписывается карточка на изменение технологического процесса, без визы ОТК, утверждаемая главным инженером завода»¹³.

Кроме того, министерства также отвечали за количественные показатели работы предприятий и были согласны с практикой пренебрежения качеством в пользу количества. Их позицию хорошо иллюстрирует заявление заместителя наркома НКСредмаша (Наркомата среднего машиностроения), объяснившего причины невыполнения оборонной программы за 1940 г. заводом «Красная Этна» так: «ОТК стал все браковать как перестраховщик, ничего не выпускать. Я вынужден был лазить по складам продукции и показывать: это хорошая продукция. Сейчас мы начальника ОТК заменили, взяли на Горьковском заводе человека, говорят, толковый, способный работник. Вместо переломы, который бы мобилизовал коллектив, тут началось хныканье, перестраховка»¹⁴.

Соответственно, подчинение ОТК министерским инспекциям не решало проблемы. Сами инспекции были недостаточно эффективными органами контроля качества. Инспектируя работу заводских ОТК, они, как правило, лишь обобщали информацию по имеющимся дефектам и редко применяли штрафные санкции за плохую работу. В частности, в 1936—1937 гг. за два года работы инспекции качества продукции Первого главного управления НКОП (Наркомата оборонной промышленности) был снят с работы лишь один начальник заводского ОТК¹⁵.

Наконец, подчинение ОТК напрямую министерствам порождало некоторую неопределенность в вопросе, кто в первую очередь отвечает за качество продукции — предприятие или министерство¹⁶. В результате, на протяжении советской истории ОТК неоднократно меняли свою подчиненность: то подчинялись администрациям предприятий, то выводились из их компетенции. Один из работников ОТК со стажем, заместитель главного инженера НИИ-13 Минвооружения Гостев, в 1947 г. так высказался по поводу работы органов техконтроля: «Лет десять-пятнадцать тому назад я также имел “удовольствие”

работать в системе органов контроля. Поэтому сейчас, внимательно слушая выступления работников ОТК, я вспоминаю одну русскую поговорку: "А воз и ныне там"¹⁷.

1.2. ОТК и инспекции качества в военной промышленности

Как и в гражданской промышленности, ОТК и инспекции качества существовали на предприятиях и в министерствах, выполнявших преимущественно или частично военные заказы. Их права и роль ничем принципиально не отличались. Точно так же, как и на гражданских предприятиях, ОТК находились под сильным влиянием директоров. Например, начальник ОТК завода № 106 Минвооружения Павлов заявлял: «Главный технолог и главный конструктор из соображений обеспечения количественного выполнения программы, а также личной заинтересованности, во избежание обострения взаимоотношений с директором, обыкновенно дают заключение о допуске изделий... Главный инженер и директор завода при разрешении спора обыкновенно на 99% остаются на стороне выпуска изделий, основываясь на заключении ОГТ и ОГК <отделы главного технолога и главного конструктора. — А.М.>, не отвечающих за качественный выпуск. Получаются курьезные вещи: начальник ОТК считает изделия браком, но директор дает указание не браковать и приемку не прекращать. Я, как начальник ОТК, подчиненный директору завода, обязан выполнить приказ директора»¹⁸.

Точно так же, как и в гражданском секторе, зачастую усилия руководства предприятий были направлены не на повышение качества выпускаемой продукции, а на пересмотр технических норм и упрощение технологического процесса. Например, как отмечал член Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) Березин, руководство завода № 24 ГУАП НКТП (Главного управления авиационной промышленности Наркомата тяжелой промышленности) «в борьбе за качество мотора» проводило «неправильную линию... в ряде случаев вместо борьбы с дефектами наблюдалось стремление ослабить технические нормы и около 18—20% времени опытный отдел [завода] был занят доказательством, что при том или ином дефекте деталь может работать на моторе». Бюро парткома завода попыталось ответственность за срыв мартовской программы 1933 г. переложить на контроль¹⁹. В 1934 г. на Тульском оружейном заводе контролеры КПК столкнулись «с фактом широкого хождения разговоров о не реальности планов со ссылками на якобы повышенные технические требования, которые будто бы стали предъявляться к винтовке военной приемкой. Эта болтовня, — писали контролеры, — не встречала отпора ни со стороны дирекции, ни со стороны парткома»²⁰.

Руководство предприятий, выпускавших оборонную продукцию, интересовало в первую очередь выполнение заводом программы по валу, а не качество выпускаемой продукции. В частности, на уже упоминавшемся заводе № 24 ГУАП НКТП в 1934 г. «виновные в браке восьми катеров, осужденные товарищеским судом и понесшие нака-

зание по служебной линии, через три дня после суда были цеховым треугольником премированы за выполнение программы 1933 года»²¹. Пренебрежение директоров вопросами качества продукции также проявлялось в том, что работников ОТК посылали на другие работы: переводили на производство, использовали как «толкачей» и т.д.²²

Погоня за валом привела к появлению такого явления, как «брак по вине администрации», возникавший в результате решений руководства предприятий пускать в производство некачественные заготовки и материалы, что резко увеличивало вероятность брака конечной продукции. Например, на заводе № 357 Минвооружения после войны брак по вине администрации составил 13% всего брака²³. В 1938 г. на заводах НКОП брак по организационным причинам достигал почти 60% всего брака²⁴.

Попытки наиболее ответственных и честных работников ОТК противостоять произволу директоров в вопросе качества успеха не имели. Перед войной на одном из заводов Наркомата вооружения начальник ОТК отказался сдать военпреду негодную продукцию без письменного приказа директора. Директор был вынужден отступить, однако уже через два месяца он добился снятия начальника ОТК²⁵. В другом случае директор попросту задержал адресованную в министерство телеграмму начальника ОТК с жалобой на действия администрации на том основании, что начальник ОТК не имеет права самостоятельно (через голову руководства завода) сноситься с министерством²⁶.

1.3. Кампании борьбы за качество. Пример Министерства вооружения

Как было показано, советская экономика отличалась первоочередным вниманием к количественным показателям, тогда как вопросы качества продукции имели подчиненное значение. Это была «фоновая» ситуация. Длительное невнимание к данным вопросам вело к значительному снижению качества выпускаемой продукции. Рано или поздно ситуация становилась неприемлемой для руководства страны, министерств, главков и т.д., что порождало периодические кампании борьбы за качество. Однако подобные кампании давали лишь кратковременный эффект, кардинально не меняя ситуацию. Сущность советской политики в этих вопросах хорошо иллюстрирует история «борьбы за качество и соблюдение технологической дисциплины» внутри одного из промышленных министерств, выпускавших оборонную продукцию. — Министерства вооружения — перед, во время и после Великой Отечественной войны.

В конце 1939 г. в министерстве (тогда наркомате) развернулась очередная кампания борьбы за качество. Заседание коллегии наркомата 15 октября 1939 г. целиком было посвящено вопросу состояния технологической дисциплины на заводах НКВ (Наркомата вооружения). На этом заседании тогдашний нарком вооружения Б.Л. Ванников обрушился на низкое качество производимой продукции и «преступное благодушие, благодушное отношение к фактам нарушения технологической дисциплины», недостаточное сознание ответственности

за качественный выпуск, «тем более что наша специфическая продукция <продукция НКВ. — А.М.> не сразу может быть проверена... продукция поступает в большинстве случаев на склад, и настоящие дефекты часто выявляются только тогда, когда она будет пушена в действие». Ванников пообещал, что он будет «просить правительство, чтобы для оборонных заводов было установлено правило, что в отношении проступков, связанных с нарушениями технологического процесса и качества его, директор имел бы право применять меры наказания, вплоть до увольнения и отдачи под суд, причем чтобы эти решения директора не подлежали никакой дискуссии, кроме разбора судебными органами»²⁷.

Через два месяца после этого заседания появился приказ наркома № 373 «О соблюдении технологической дисциплины», которым вводилась в действие инструкция «О порядке внесения изменений в чертежи и технологические документы на заводах НКВ». Инструкция строго регламентировала эту процедуру и призвана была не допускать отклонений от утвержденных технологий. В соответствии с ней изменения в чертежах и спецификациях продукции разрешались только после утверждения их или главным конструктором, или главным технологом, или главным инженером завода и только после согласования с заказчиком. Изменения обязательно должны были регистрироваться в бюро регистрации изменений. Директорам предприятий предписывалось не реже одного раза в месяц проверять действие инструкции, а главной инспекции НКВ — два раза в год²⁸.

Однако уже летом 1940 г. НКВ пришлось вернуться к проблеме качества, причем не по своей инициативе. Сталин развернул общесоюзную кампанию борьбы за качество. Наказание, предусматривавшееся за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции, было увеличено. По новому указу Президиума Верховного Совета от 10 июля 1940 г. оно составляло от пяти до восьми лет лишения свободы, тогда как по «старому» указу 1933 г. — только до пяти лет.

После появления нового указа к кампании подключились все промышленные наркоматы. В частности, НКВ уже 15 июля 1940 г. издал приказ № 196 «О мероприятиях по улучшению качества продукции предприятий НКВ». В соответствии с этим новым приказом предприятиям предписывалось не оставлять без расследования ни одного факта выпуска бракованной продукции, производить с виновных удержания за брак, «установить строгий контроль за качеством поступающей на завод извне продукции», начальникам Главков — при посещениях предприятий уделять особое внимание вопросам качества. Одновременно было решено провести обследование работы ОТК заводов и по результатам обследования заслушать вопрос на коллегии еще раз²⁹.

Через месяц, в августе 1940 г., коллегия НКВ вернулась к проблеме качества продукции. «Обследование состояния техконтроля на заводах НКВ... выявило неудовлетворительное состояние контроля качества на ряде заводов». В докладе по результатам обследования приводились многочисленные факты пропуска недоброкачественной продукции и безответственного отношения к качеству. Выяснилось, что по отдельным деталям процент годности составлял всего лишь немно-

гим более 40%. Проверка показала, что предыдущие приказы НКВ о качестве не соблюдались, а практика незаконного внесения изменений в технологию получила широкое распространение. Основными причинами существования такой ситуации на заводах НКВ в докладе назывались низкая квалификация работников ОТК, отсутствие технологии контроля, недостаточная работа по анализу брака и разработке мероприятий по его устранению, слабое применение карательных санкций за выпуск и пропуск бракованной продукции³⁰.

В результате коллегией было принято новое постановление по проблеме качества, а наркомом был издан соответствующий приказ. В соответствии с этими документами директорам заводов, главным инженерам и начальникам ОТК предлагалось считать своей главной задачей «обеспечение руководства работой по повышению качества продукции, создание исключительно четкой и ненарушимой технологической дисциплины, порядка в инструментальном и мерительном хозяйстве, качественной работы ОТК». Одновременно было предложено усилить наказание «за нарушение системы технического контроля, преднамеренный пропуск на сборку и дальнейшее производство дефектной продукции... и за нарушение технологической дисциплины», вплоть до отдачи под суд. О всех случаях передачи дел браковделов в суд следовало сообщать в наркомат. Начальникам главков было предложено не реже двух раз в квартал проверять исполнение на заводах этого приказа и «старого» приказа № 373³¹.

Еще через два месяца, 14 октября 1940 г., появился новый приказ НКВ № 279с, который вновь констатировал неудовлетворительное состояние качества продукции на заводах НКВ и слабое выполнение предыдущих приказов наркома. Несколько руководителей предприятий потеряли свои должности, а некоторые даже были отданы под суд. Однако, как видно из текста приказа, наказание применялось далеко не во всех случаях, а мера наказания выбиралась более или менее произвольно, независимо от тяжести содеянного³².

Нарком Ванников на заседании коллегии, предшествовавшем изданию приказа № 279с, призвал усилить преследование виновных: «Никаких поблажек, никаких снисхождений! Нарушитель технологического процесса на наших заводах — это есть предатель нашей Родины это есть враг нашей Родины! И все, кто потакает и защищает, являются такими же предателями и врагами нашей Родины и предателями и врагами нашей Красной армии!»³³ Дух выступления наркома отразил новый приказ. Согласно ему вновь запрещалось вносить изменения в чертежи и технологию без соответствующих согласований. Кроме того, запрещалось применять заменители «без особого разрешения наркомата, указывающего, с какого срока и с какого номера изделия валового производства перейти на заменители», и т.д. Приказом подтверждалась «персональная ответственность директоров заводов, главных инженеров, главных технологов, главных металлургов и начальников ОТК — за состояние технологической дисциплины и за принятие своевременных мер взысканий к работникам, допустившим нарушение технологической дисциплины», вплоть до уголовного преследования³⁴.

Подводя итоги борьбы за качество в Наркомате вооружения, тянувшейся более года, можно констатировать, что она, в общем-то, закончилась безрезультатно. Все приказы, издаваемые наркомом, имели лишь кратковременный успех, наказание за брак применялось произвольно, а работа заводских ОТК по-прежнему вызвала нарекания со стороны заказчика. Длительность кампании 1939—1940 гг. объясняется, прежде всего, тем, что хронологически кампания в наркомате совпала с общесоюзной кампанией 1940 г. Последняя, как и предыдущая общесоюзная кампания 1933 г., довольно быстро сошла на нет. Точно так же в Наркомате вооружения ситуация постепенно вернулась «на круги своя», а о грозных приказах по качеству 1939—1940 гг. попросту забыли. Начавшаяся война только способствовала этому. В условиях войны вопросам качества продукции стало уделяться еще меньше внимания³⁵. Основные причины заключались в разрегулировании системы снабжения, усилившемся дефиците различных материалов, необходимости постоянно выдавать для фронта определенное количество продукции. Как отмечал после войны один из работников системы ОТК, «условия военного времени создали целый ряд временных технических условий, имевших целью увеличение количества выпускаемой военной продукции... Создание временных ГОСТов, ОСТов на ряд материалов, появление заменителей военного времени, ограничение применения цветных материалов — все это способствовало снижению качества выпускаемой продукции»³⁶. Ему вторил другой работник ОТК, заметивший, что требования к качеству военной продукции в мирное время выше, чем в военное³⁷. Кроме того, во время войны в заводских ОТК ухудшилась ситуация с квалифицированными кадрами.

В результате после войны положение в области технологической дисциплины на заводах Минвооружения не сильно отличалось от того, которое существовало на момент выхода приказа № 373 в конце 1939 г. Заводы работали по «временным технологиям», не утвержденным главными технологами и инженерами³⁸. Чертежи, точно так же как и производственные планы, спускались на заводы в предварительном виде, что значительно облегчало внесение изменений и осуществление отступлений от них³⁹. Например, начальник ОТК завода № 172 в 1947 г. привел такой пример, что у него на предприятии «за короткий промежуток времени освоения экскаваторов (...месяцев 6—7) ... [было произведено] до 2000 изменений (в технологии. — *А.М.*)». При этом он вспомнил о существовании «забытого» приказа № 373: «По этому вопросу необходимо напомнить старый приказ, изданный еще НКВ, о том, что всякое изменение обязательно должно вноситься в чертежи и в запуск производства после того, как оно будет решено министерством. На сегодня этот приказ многие забыли. Особенно некоторые новые руководители, которые пришли на эту работу во время войны и не знают об этой установке»⁴⁰.

В связи с переходом оборонных заводов на выпуск гражданской продукции вопрос качества получил дополнительную остроту. Гражданская продукция не подлежала проверке военпредов, что «могло бы расшатать всех наших работников и мы быстро потеряли бы квалифицированное лицо, как Минвооружения, а следовательно,

могли бы потерять мобготовность и т.д. Для того чтобы этого не случилось, пришлось в центральном аппарате министерства организовать специальный отдел [...] Этот отдел создан для того, чтобы осуществлять контроль над вами», — сообщил в 1947 г. работникам ОТК представитель Минвооружения Карасев⁴¹.

Все эти проблемы явились причиной созыва в 1947 г. совещания начальников ОТК заводов и центральных измерительных лабораторий Министерства вооружения, выступления на котором уже неоднократно цитировались. На нем, по существу, были подняты все те вопросы, которые уже обсуждались на заседаниях коллегии НКВ в 1939—1940 гг. Собравшиеся были вынуждены признать, что контролеры не контролируют, а «вместе со сборщиками собирают приборы», и ОТК «в большей мере... все же является органом регистрации брака, но не органом борьбы с браком и организатором [производства] качественных изделий»⁴².

В заключение предоставим слово главному конструктору завода № 183 НКТанкП (Наркомата танковой промышленности) А.А.Морозову: «Несмотря на целый ряд указаний и приказов по наркомату, вы на сей день не найдете на заводе человека, который отвечал бы за качество продукции. Отвечают все, а персонально я не знаю такого человека...»⁴³

2. Военное ведомство и институт военпредов

В предыдущем параграфе было показано, что внутренний контроль, существовавший в советской промышленности, не решал проблему качества выпускаемой продукции. Промышленность была в первую очередь заинтересована в выполнении фиксированных плановых заданий, и прежде всего по валу. Поскольку большинство товаров распределялось в плановом порядке, а цены определялись сверху, то задача добиться высокого качества продукции ложилась на самого заказчика. В данном параграфе описываются основные принципы организации института военпредов, который был создан для того, чтобы заказчик, военное ведомство, мог контролировать качество поставляемой ему продукции.

2.1. Позиция заказчика и способы борьбы за качество

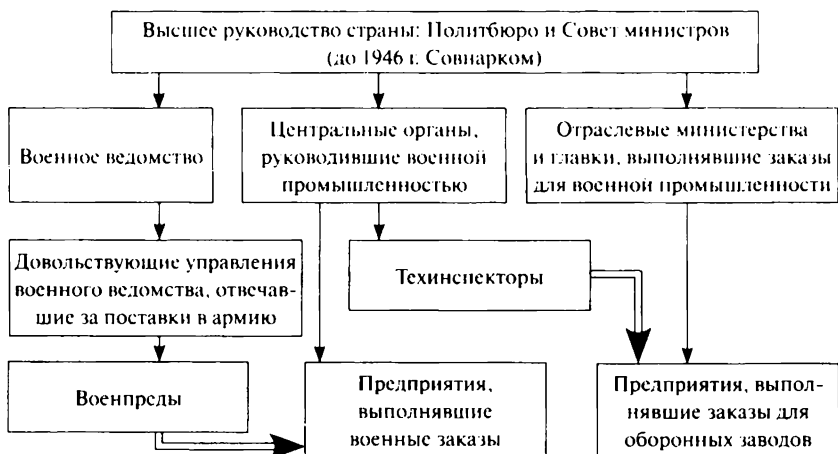
Формально в СССР были предусмотрены механизмы, с помощью которых покупатель мог повлиять на продавца в случае поставки брака: можно было подать рекламацию на отгруженную продукцию и через органы госарбитража добиться введения штрафов против производителя. Кроме того, существовала уголовная ответственность за производство недоброкачественной или некомплектной продукции. Однако, как уже отмечалась, второй механизм, за исключением периодов кратковременных кампаний, практически не работал. Эффективность первого способа также была ограничена. Во-первых, обращение в арбитраж являлось довольно длительной процедурой, а во-вторых, оно было сопряжено с ухудшением отношений с производителем, что грозило потребителю серьезными неприятностями в будущем.

Решением проблемы стало появление института представителей заказчика на заводах-поставщиках. В зависимости от приоритетности конкретной отрасли сложилось два варианта этого института: законный и незаконный. В большинстве отраслей покупатели решали проблему качества продукции путем налаживания неофициальных отношений с заказчиком с помощью «толкачей», которые практически постоянно сидели на заводах-поставщиках⁴⁴. Работа «толкачей» была не вполне законной, а их положение — весьма уязвимым. Их статус официально не был определен, а центральные власти относились к деятельности «толкачей» в целом негативно.

В то же время советское руководство было вынуждено узаконить этот институт для наиболее приоритетных отраслей, связанных с обороной. Военное ведомство контролировало работу своих поставщиков с помощью института военпредов, которые, по существу, являлись не чем иным, как узаконенными «толкачами». Между «толкачами» и военпредами существовал также промежуточный вариант — так называемые техинспекторы (технические инспекторы). Последние являлись фактически «гражданскими» военпредами (но с несколько меньшими правами) на заводах, осуществлявших поставки для оборонных предприятий. Техинспекции (или техприемки) существовали, например, в Главке/Наркомате/ Министерстве авиационной промышленности, Наркомате танковой промышленности и т.д. и осуществляли контроль продукции, поставляемой для заводов этих министерств. Схема на Рисунке 1 показывает взаимоотношения между производителями и покупателями на советском «рынке» вооружения. Ниже рассматривается главным образом деятельность военпредов, хотя также приводятся примеры из практики работы техинспекторов. Имеющиеся данные показывают, что большинство выводов об институте военпредов относятся также и к техинспекторам.

Рисунок 1

Покупатели и производители на советском «рынке» вооружений

Институт советских военпредов восходит к военной приемке периода Российской империи, впервые учрежденной в 1862 г. в артиллерии для «простой» приемки военной продукции. Советская власть унаследовала эту систему. Первые попытки усилить роль военведа в промышленности относятся ко времени конца Гражданской войны⁴⁵. Первоначально, в 1920-е гг., военные предлагали путь вертикальной интеграции военведа с военпромом, увеличения влияния первого в вопросах повседневного управления промышленностью. Со стороны военных, таких как М.Н.Тухачевский и И.С.Уншлихт, поступали предложения ввести обязательное согласование назначений в оборонной промышленности с военным ведомством, предоставить военным право контроля за составлением и ходом исполнения планов и т.д.⁴⁶ Во второй половине 1920-х гг. эти предложения военных были отвергнуты Сталиным, не пожелавшим допустить подобную интеграцию, грозившую ослаблением его личной власти. В итоге развитию механизма тестирования приобретаемых товаров до совершения самой покупки, т.е. усилению значения института военпредов, не осталось альтернативы.

В 1920-е гг. военприемка оставалась скорее простым «разрешительным основанием для фактической приемки имущества в военные склады». Например, согласно положению о технической приемке предметов артиллерийского довольствия от 28 июня 1927 г., специального прикрепления военприемщиков к определенным предприятиям не существовало, а основной функцией приемки было «наблюдение за выполнением заказов и прием изготавливаемого имущества». В положении подробно прописывалась организация технической инспекции АУ (Артиллерийского управления) РККА, осуществлявшей техприемку. Решение военприемщиков не было окончательным и могло быть опротестовано в вышестоящих органах⁴⁷.

По мере отказа от смешенной экономики периода нэпа и перехода к командной модели военное ведомство в полной мере столкнулось со всеми негативными последствиями рынка продавца. Попыткой преодолеть эту ситуацию и «добиться в самом экстренном порядке резкого перелома в работе промышленных предприятий по выполнению военных заказов»⁴⁸ стала реформа системы военной приемки 1930 г. и появление института военпредов в том виде, в котором он существовал на протяжении большей части советской истории. Положение 1930 г. определило права и обязанности промышленности и военного ведомства в вопросах качества продукции⁴⁹. Последующие положения 1933/1934 и 1939 гг. изменили их незначительно⁵⁰.

Согласно положению 1939 г., представительство Наркомата обороны (НКО) в промышленности имело целью «наблюдение за процессом изготовления военной продукции... техприемку готовых изделий, проверку мобготовности предприятий»⁵¹. В задачу военпредов также входил контроль за соблюдением технологического процесса и проверка выполнения предприятиями планов. Для осуществления этих целей военпреды получили право свободного прохода по всей

территории контролируемых предприятий в любое время суток. а также право доступа к технической, производственной и мобилизационной документации. Дирекция должна была обеспечить военпредов необходимым помещением и оборудованием. В случае поставки некачественной продукции военпреды могли остановить приемку, а следовательно, фактически работу всего предприятия. Однако военпредам запрещалось прекращать приемку как меру воздействия на завод. Дирекция не имела права вмешиваться в работу военпредов, но могла обращаться с жалобами на их действия в вышестоящие органы. Для достижения независимости военпредов от заводских администраций они финансировались исключительно НКО, а любые премии, пособия и пр. со стороны промышленности запрещались. Обо всех недочетах в выполнении промышленностью военных заказов: плохом качестве используемых исходных материалов, недостаточности обеспеченности предприятий сырьем и полуфабрикатами, отступлениях от технологических процессов и чертежей, плохой работе заводских ОТК, срыве сроков военных заказов и т.д. — военпреды должны были «сообщать через начальников соответствующих техуправлений начальнику вооружения РККА»⁵².

Техинспекции промышленных оборонных министерств обладали несколько меньшим набором прав и только в области контроля качества (исключая сферы мобпланирования и проверки выполнения планов). Например, согласно положению о технических приемщиках Наркомата авиационной промышленности (НКАП) на заводах-поставщиках от 11 января 1940 г., техприемщики являлись «постоянными представительствами НКАП по приемке готовой продукции для его предприятий». Они были обязаны «принимать готовую продукцию завода и полуфабрикаты, изготовленные по заказам НКАП; осуществлять контроль за качеством готовой продукции в соответствии с заключенными договорами и техническими условиями». В случае обнаружения некачественной продукции техинспекторы также могли прекратить приемку. При обнаружении систематического брака они имели право требовать от директора завода созыва специального совещания и участвовать «в разработке заводами-поставщиками организационно-технических мероприятий по устранению обнаруженных... дефектов»⁵³. Кроме того, техприемщики были наделены правом согласовывать срочность и очередность изготовления продукции, осуществлять контроль отгрузки готовой продукции⁵⁴.

В своей работе техинспекторы, так же как и военпреды, были полностью независимы от руководства заводов-поставщиков: последние были «не вправе давать какие-либо распоряжения или налагать взыскания на техприемщика». Они так же имели право прохода по всей территории завода, доступ к технической и производственной документации. Директора заводов-поставщиков были обязаны приглашать техинспекторов на все совещания по вопросам выполнения заказов, сразу же разбирать все заявления техприемщиков по этим вопросам. Однако попытаться добиться устранения обнаруженных недостатков техинспекторы могли только через дирекцию завода. «В случае несогласия директора завода с требованием техприемки

начальник техприемки обязан [был] немедленно сообщить [об этом] в НКАП», после чего конфликт переносился на другой уровень, на уровень министерств⁵⁵.

2.3. Военпреды: численность и квалификация

Внутри военного ведомства существовало несколько довольствующих управлений (см. Рисунок 1.), отвечавших за закупку вооружения и амуниции: Артиллерийское управление, Управление военно-воздушных сил, Военно-химическое управление, Военно-техническое управление и т.д. Каждое из них имело своих представителей на соответствующих заводах. Причем если предприятие выполняло заказы для нескольких главков военного ведомства, то к нему прикреплялись контролеры нескольких главков, что значительно увеличивало общее число военпредов на заводах. Например, в 1943 г. на 16 предприятиях г. Ярославля по приемке военной продукции работало 144 человека. На некоторых заводах имелось до пяти представительств разных управлений военного ведомства. Каждый военпред имел свой аппарат, куда входили как военные, так и гражданские вольнонаемные работники. Так, из 144 вышеупомянутых военприемщиков в Ярославле 89 сотрудников являлись вольнонаемными⁵⁶.

Динамика численности военных представителей на заводах до сих пор неизвестна. Однако, судя по всему, конец 1930-х гг. стал временем резкого роста их числа. В начале 1930 г. количество сотрудников приемного аппарата на местах одного из довольствующих управлений, Военно-хозяйственного управления, составляло всего лишь 263 человека⁵⁷. До 1938 г. общее число сотрудников военной приемки не превышало 3 тыс. человек⁵⁸, однако уже в 1940 г. их количество достигло огромной цифры — 20 тыс. человек⁵⁹. Даже если учесть, что численность военпредов в начале 1930-х гг. неизвестна, темпы роста очевидны.

По сравнению с институтом военпредов, где счет шел на тысячи служащих, размеры техинспекций промышленных оборонных министерств были незначительны. Например, на 1 января 1954 г. техинспекция МАП (Министерства авиационной промышленности), отвечавшая за поставки металла, подшипников и т.п. авиационным заводам, насчитывала всего лишь 227 техприемщиков на 77 заводах-поставщиках. На каждом заводе, в зависимости от объема заказов МАП, работало от одного до 12 техприемщиков⁶⁰.

Значительное увеличение численности военпредов в 1930-е гг., конечно, во многом было связано с быстрым ростом советской экономики, особенно ее военного сектора⁶¹. В середине 1930-х гг. военные неоднократно жаловались на нехватку приемщиков, сверхурочные работы, отрицательно влияющие на качество приемки и сроки поставки в армию⁶². Кроме того, в начале 1930-х гг. попросту невозможно было найти достаточное число квалифицированных инженеров для заполнения вакантных должностей в аппаратах военпредов⁶³. В 1933 г. правительство было вынуждено признать, что «состав

приемного аппарата НКВМ не соответствует своему назначению»⁶⁴. В результате расширения сети высших учебных заведений в СССР эта проблема была решена. Для вольнонаемных квалифицированных кадров были созданы льготные условия, было разрешено привлекать вольнонаемных для укомплектования военных должностей⁶⁵. В 1938 г. оклады военприемки были увеличены до размера зарплаты работников ОТК, а в дальнейшем превысили его. Кроме того, после резкого увеличения численности военпредов сократился объем работы, приходившейся на одного сотрудника⁶⁶.

Высокая зарплата и низкая загруженность военпредов вызывали неоднократные жалобы со стороны работников ОТК. В частности, об этом много говорили на совещании начальников ОТК заводов и центральных измерительных лабораторий Минвооружения 21 октября 1947 г.: «...в отношении кадров военная приемка выше, чем ОТК. У них условия созданы гораздо лучшие, чем у ОТК. У нас работники ОТК подбираются контролеры 4 и 5 разряда, а ведущий работник военпреда по одному изделию получает 1400—1500 руб. Заместитель же ОТК по металлургии, имеющий 17 цехов, получает 1350 руб., и начальник ОТК цеха получает 900 руб. Такая диспропорция в оплате ведет к тому, что к ним и народ идет более квалифицированный, и дисциплина выше, и организация учебы поставлена лучше, так как они связаны высокой зарплатой»⁶⁷. Начальник ОТК завода № 3 Минвооружения указывал, что на его заводе контролеры ОТК в среднем получали 400 руб., а военпредовские работники: вольнонаемные — до 600 руб. и офицерский состав — до 2000 руб.⁶⁸

То же самое говорилось работниками ОТК о загруженности военпредов: «У нас сохранилось представительство ГАУ из подполковника, капитана и трех вольнонаемных. Для принятия [решений] им нужно 40 минут, остальное время могут мух ловить, музицировать и заниматься повышением квалификации. У нас условия другие»⁶⁹. Схожая ситуация была с кадрами техинспекций. Работники заводских ОТК обвиняли техприемщиков в том, что «в смену техприемщик бывает загружен полчаса или час»⁷⁰, «что вызывает возмущение работников цеха»⁷¹.

Создавая столь выгодные условия для военпредов и их сотрудников, военное ведомство старалось «купить» их лояльность. Военное ведомство считало нормальным положение, когда «работой по приемке военной продукции военпреды и их аппараты загружены не более, чем на 50%»⁷². Даже во время войны, когда армии требовались кадровые офицеры, кем в основном являлись военпреды, военное ведомство не пошло на сокращение их числа, на создание единого, а не отраслевого, по довольствующим главам НКО и НКВМФ, института военпредов. Все предложения по сокращению числа военпредов были отвергнуты военным ведомством. За годы войны таких попыток было как минимум три (одна в 1941 г. и две в 1943 г.). НКО, отстаивая ведомственный принцип формирования института военпредов, указывал, что «каждое главное управление несет полную ответственность за производство, качество вооружения и боеприпасов, своевременную отправку их на фронт, а также безотказное действие

их на фронте. Создание единого аппарата контроля и приемки военной продукции, не подчиненного главным управлениям, породит безответственность в контроле за производством вооружения и боеприпасов, приведет к снижению их качества... однородная на первый взгляд продукция имеет свои особенности в производстве и эксплуатации»⁷³.

2.4. Плюсы и минусы двойного контроля в оборонке

Военные представители дублировали работу ОТК в оборонной промышленности. Возникает вопрос, почему они просто полностью не заменили их. Это было невозможно по нескольким причинам. Во-первых, все заводы, выпускавшие оборонную продукцию, производили также какое-то количество гражданской, качество которой кто-то должен был проверять. Во-вторых, подобный шаг потребовал бы еще большего увеличения штатов института военных представителей и, соответственно, был связан с дополнительными расходами для военного ведомства, в то время как финансирование ОТК проходило по другим министерствам. В-третьих, имела место уже упомянутая проблема квалифицированных кадров. Наконец, военное ведомство было заинтересовано в существовании двойного контроля качества: при всех недостатках работы ОТК, его зависимости от директора, он не пропускал явно бракованную продукцию, что избавляло военпредов от дополнительной работы.

Стоит отметить, что на некоторых предприятиях контроль был даже тройным. Например, в 1940 г. постановлением СНК № 2161 на важнейших предприятиях промышленности были введены должности постоянных контролеров Наркомата госконтроля. Из 194 постоянных контролеров, назначенных в момент выхода постановления, 80, т.е. почти половина, посылались на предприятия оборонных наркоматов, а остальные — на предприятия тяжелой промышленности⁷⁴.

Напротив, промышленность, по-видимому, была заинтересована в том, чтобы полностью переложить контроль за качеством на военное ведомство. Начальник ВХУ (Военно-хозяйственного управления) РККА Ошлей уже в 1928 г. на совещании по военно-хозяйственным вопросам говорил: «Я считаю, основным дефектом является то, что, фактически промышленность в настоящее время прикрывается нашими приемщиками. В будущем мы должны держать курс такой, что, если кондиция утверждена и принята промышленностью, промышленность ответственна за то, чтобы она сдала вполне кондиционные предметы...»⁷⁵

Проблему высоких издержек на содержание института военных представителей и отсутствия квалифицированных кадров хорошо иллюстрирует история перехода в начале 1930 г. на поставку части продукции для военного ведомства по так называемой системе «марка фабрики», осуществленного одновременно с реформой военприемки. На новую систему была переведена большая часть предметов и материалов военно-хозяйственного снабжения, т.е. неоружия от обмундирования и продуктов питания до полевых кухонь, и часть

предметов вооружения⁷⁶. По этой системе продукция сдавалась «под ответственность заключивших договоры поставки и подряда хозорганов за соответствие установленным техусловиям». Со стороны ВХУ РККА контроль качества за продукцией, сдаваемой по «марке фабрики», осуществлялся только путем систематического получения образцов и периодических проверок.

Вводя такую систему, военное ведомство преследовало двойную цель — полностью «возложить ответственность за качество сдаваемой продукции на промышленность и сократить штат военных приемщиков»⁷⁷. Если вторая цель была достигнута и после реформы число приемщиков ВХУ сократилось с 263 до 161, то вторая очевидно провалена. После введения «марки фабрики» качество поставляемой продукции заметно упало. Это официально признал начальник ВХУ Ошлей: «Должен сказать, что это <переход на «марку фабрики»> привело к значительному ухудшению. Не потому, что этот принцип приемки не годится, а только потому, что мы не сумели соответствующим образом переключить контроль на склады и войсковые части. Промышленность эту нашу слабую сторону учитывает и под видом хорошего качества дает имущество, которое другой раз не дала бы... имущество стало несомненно худшего качества, в этом нет сомнений... неприятое, как не соответствующее техусловиям, в 1929 и 1928 гг. было по качеству несомненно выше того, что мы принимали в 1932 г. как хорошее»⁷⁸. Об этом же говорят многочисленные статистические данные о качестве поставленного в 1928/29 и 1929/30 гг. имущества⁷⁹. Однако в силу нехватки кадров система сдачи по «марке фабрики» продолжала существовать еще некоторое время после того, как снижение качества получаемых армией товаров стало очевидным.

3. Практика работы военпредов

Предыдущий параграф был посвящен описанию принципов организации института военпредов, в этом параграфе будет проанализирована их повседневная деятельность. Будет показано, как противоречия между интересами военного ведомства и оборонной промышленности влияли на работу военпредов и определяли ее стиль. В целом военпреды старались следовать предписаниям военного ведомства и не пропускать бракованное вооружение. Однако критерии, которые предъявляли военпреды к проверяемой продукции, не являлись устойчивыми, и нередко поставка в армию недоброкачественных товаров допускалась ими.

3.1. Военпреды и хозяйственники: столкновение интересов

Официально наличие разных интересов у военных и промышленности отвергалось. Представители промышленности и военные неоднократно заверяли друг друга: «Несомненно, у нас с вами общие интересы. Никаких разных интересов у нас абсолютно

нет»⁸⁰. «Не забудем, что Комнаба интересуется получить максимально качественную продукцию в минимально короткий срок. Эти задачи совпадают целиком с задачами любого директора и рабочего завода, который думает о том, чтобы укреплять советскую власть и оборону нашей страны»⁸¹. Считалось, что противоречия происходят в основном от недопонимания, которое можно устранить путем проведения совместных совещаний для урегулирования всех спорных вопросов и выработки общих установок работы на будущее. В частности, именно с таким предложением в феврале 1937 г. к главе НКОП М.М.Кагановичу обратились начальник АУ РККА командарм 2-го ранга Г.И.Кулик и военный комиссар АУ РККА полковник Савченко, когда были вынуждены признать, «что на заводах между военпредами АУ и директорами заводов существует недопонимание друг друга, что назрела необходимость дать точные установки по изготовлению и приему продукции». Заместитель наркома НКОП в то время, Б.Л.Ванников, наложил резолюцию: «Нужно это организовать»⁸². За десять лет до этого, в 1928 г., на совещании по военно-хозяйственным вопросам к регулярному созыву подобных совещаний призывал заместитель наркома НКВМ П.Е.Дыбенко⁸³.

На практике, однако, подобные встречи не могли в общем-то скрыть того факта, что «взаимоотношения заводов с представителями НКО и Комнаба — нетерпимы»⁸⁴. Формальный статус военпредов как контролеров военвеха в военпроме изначально предполагал наличие постоянных конфликтов между ними и администрациями предприятий. Отношения военпредов и работников военной промышленности друг к другу хорошо передают следующие высказывания представителей оборонки Пенина и Сердюка и военпредов УМС НКВМФ Алякринского и Благовещенского на таких совещаниях. Пенин в 1928 г.: «Поменьше контроля. Наше несчастье в том, что нас очень много контролируют...»⁸⁵; Сердюк спустя десять лет, в апреле 1937 г.: «Необходимо упростить сдачу кораблей. Мы много времени теряем на то, что производим много ненужных испытаний»; Алякринский на том же совещании: «Сердюк говорил, что испытания производятся слишком детально. А я скажу, что детальные испытания необходимы... Надо устранять все дефекты на головных объектах путем тщательных испытаний»; Благовещенский тогда же: «Не спорьте с нами, а выполняйте наши требования, потому что мы их не из пальца высосали»⁸⁶.

В промышленности существовало стойкое представление о том, что «представители НКО — это путаники, которые... ничего полезного промышленности не дают», что они «формалисты, что они суют палки в колеса» и т.д.⁸⁷ Выступая на различных собраниях, руководители предприятий неоднократно обвиняли военпредов в некомпетентности, непонимании реально положения дел и т.д. «Есть приемщики хорошие, но есть приемщики, которые не знают тех предметов, которые им нужно принимать», — считал один из них⁸⁸. Уже упомянутый Сердюк утверждал: «Если комнаб укомплектован слабыми кадрами, то часто имеют место неправильные требования. Час-

то бывает, что корабль не сдан, потому что вокруг него больше ругани, чем дела»⁸⁹. Архивные источники подтверждают предположение Д.Холливея⁹⁰ о том, что работники промышленности о военпредах главным образом вспоминали тогда, когда хотели с их помощью повлиять на «другие» (не входившие в систему «своего» министерства или главка) оборонные «заводы-смежники»⁹¹.

Взаимоотношения техинспекторов с хозяйственниками были похожи на взаимоотношения последних с военпредами. В частности, руководители предприятий хотели бы в принципе избавиться от института техинспекторов как такового. Именно такую позицию отстаивали практически все хозяйственники, когда в 1954 г. после того как очередной раз встал вопрос о сокращении управленческого аппарата в промышленности, Министерство госконтроля исследовало целесообразность существования техприемки. Руководство смежных с авиационными предприятий указывало: техприемка просто дублирует работу заводских ОТК и практически не выявляет брака, что ведет только к задержке в сдаче металла⁹². «Выборные проверки, которые производит аппарат технической приемки, являются формальными и неотчетственными», а большая часть продукции проходит только заводской контроль⁹³. Ответственность за качество продукции все равно лежит на предприятиях, а не на техприемщиках⁹⁴.

3.2. Дилемма военпредов: забраковать или принять?

Основной и, по-видимому, единственно эффективный способ заставить промышленность улучшить качество выпускаемой продукции, имевшийся в распоряжении военпредов, заключался в остановке приема товаров, что уменьшало вероятность успешного выполнения промышленностью плановых заданий. Добиться улучшения качества продукции с помощью административного или судебного наказания военпредам не удавалось, законы 1933 и 1940 гг. не работали и в военной промышленности. Например, на заводе № 24 ГУАП НКТП в 1933 г. военный представитель пытался через партком завода привлечь к ответственности работников ОТК, виновных «в злостном пропуске бракованных деталей», однако безрезультатно⁹⁵. В единственном из найденных примеров, когда против руководителей завода за производство недоброкачественной продукции было возбуждено уголовное дело, предъявленные обвинения вызвали у суда сомнения, и дело было отправлено на следствие. В конечном итоге дело против руководителей завода № 347 НК Судпрома Р.И.Доценко и Ф.П.Муравина попало на рассмотрение в КПК. Последняя предложила ограничиться снятием их с работы, считая, что «привлекать их к судебной ответственности не следует и можно ограничиться наложением на них административного взыскания»⁹⁶.

Угроза невыполнения плановых заданий была более действенна. Она предусматривала и финансовые санкции. Рабочие, руководители предприятий, министерские работники не получали премий, если

их подразделения не выполняли план. Кроме того, невыполнение плана служило сигналом для вышестоящих органов для организации проверки, угрожавшей спокойной жизни хозяйственников. Из классической работы Дж. Бертинера известно, насколько важно было хозяйственникам избежать провалов в выполнении плана⁹⁷.

Главной дилеммой для военпредов был вопрос применения или неприменения своего права отказа в приемке в каждом конкретном случае, или, иначе говоря, проблема определения стандартов качества на практике. Установив недостаточно жесткие стандарты, военпреды способствовали бы поставке в армию некачественного вооружения, тогда как чересчур строгие требования грозили закончиться срывом поставок вооружений в армию. Частоту, с которой военпреды отвергали некачественную продукцию, можно рассматривать в качестве своеобразного показателя эффективности их работы.

Архивные материалы позволяют утверждать, что, как правило, военпреды старались не пропускать однозначно бракованное вооружение. КПК, расследуя причины невыполнения предприятиями оборонных заказов, неоднократно приходила к выводу о действительно низком качестве выпускаемой продукции и достаточно высоком проценте выявленного военпредами брака. Например, за январь — февраль 1934 г. Тульским оружейным заводом было изготовлено 3 тыс. винтовок и 106 пулеметов «Шкас», а сдано Наркомвоенмору лишь около 800 винтовок и ни одного пулемета. Эти 3 тыс. винтовок «ПРЕДЪЯВЛЯЛИСЬ К СДАЧЕ» отделу технического контроля завода и военной приемке 23000 раз, т.е. В СРЕДНЕМ ПОЧТИ 8 РАЗ КАЖДАЯ ВИНТОВКА (выделено в источнике. — А.М.). Контролеры КПК заключали, что «распря заводоуправления с представителями военной приемки по поводу качества сдаваемой продукции в сильнейшей мере способствовала созданию прорыва в его затяжной форме»⁹⁸. В том же 1934 г. военпредами полностью была забракована 6-я и 7-я серии моторов, произведенных заводом № 24 ГУАП НКТП, и т.д. В 1940 г. уполномоченный КПК по Хабаровскому краю А.Л. Орлов констатировал, что «на заводе [№ 126 НКАП] укоренилось сутяжничество руководителей цехов и завода с ОТК и военпредами о возможности пропуска той или иной детали или узла, изготовленных не по чертежу. Подчас такие споры (“банки”, как их прозвали производственники) тянутся декадами... а дело стоит». В 1-м квартале 1940 г. на этом заводе было забраковано продукции на сумму 375 тыс. руб.⁹⁹

На некоторых заводах, как, например, на заводах № 74 и 286 Минвооружения в 1946–1947 гг., доля продукции, забракованной военпредами, составляла более 40%¹⁰⁰. Мало того, были случаи, когда весь месячный выпуск отдельного завода не принимался военпредом. Так, например, в 1938 г. военпредом была забракована вся мартовская продукция завода № 205 НКОП «в силу совершенно неудовлетворительного монтажа штепсельного хозяйства на всей поставляемой... продукции»¹⁰¹.

Требования военпредов были существенно жестче тех, что предъявлялись ОТК. Это можно видеть из следующих данных. Например, в 1940 г. предъявленные военпреду авиационным заводом № 126 самолеты после приемки ОТК имели в ряде случаев до 80 дефектов¹⁰². За 9 месяцев 1940 г. ОТК завода № 184 НКБ (Наркомата боеприпасов) из предъявленных 6644 тыс. штук артиллерийских гильз разных калибров забраковал 2,74% изделий. После приемки ОТК завода военным представителем дополнительно было отбраковано еще 10,5% продукции¹⁰³, т.е. военный контроль был в несколько раз строже гражданского.

Кроме того, военпреды настаивали на сдаче только полностью укомплектованной продукции. Ситуация с поставками всей промышленностью комплектной продукции в СССР была чрезвычайно острой, и военная промышленность не была здесь исключением. Правительство неоднократно инициировало кампании борьбы за комплектность выпускаемых товаров. В частности, для оборонной промышленности 5 августа 1935 г. было принято специальное постановление СТО (Совета труда и обороны) СССР, обязывавшее сдавать НКО лишь комплектные артиллерийские выстрелы. Борьба за комплектность находила неизменную поддержку у высшего военного руководства. Например, в 1937 г. глава НКО К.Е. Ворошилов так ответил на просьбу НКОП принять некомплектную продукцию: «С вашим предложением о приемке от НКОП элементов выстрела без средств обтюрации и с оплатой счетов до 01.08 согласиться не могу, т.к. это противоречит решениям Правительства и дезорганизует окончательную комплектацию выстрела в снаряжательно-сборочных мастерских НКО»¹⁰⁴. В том же году военные резко возражали против общего предложения НКОП по фактической отмене постановления 1935 г.¹⁰⁵ Обилие всевозможных просьб со стороны промышленности к военному ведомству изменить существующий порядок и принять некомплектную продукцию в порядке исключения, с оплатой счетов после полной укомплектации, в силу затоваренности складов, по причине возможной порчи продукции и т.д., показывают, что военпреды старались следовать предписаниям руководства военного ведомства¹⁰⁶.

Тем не менее часть продукции все равно оказывалась на армейских складах некомплектной. Например, в 1936 г. из всех 5,3 млн артиллерийских выстрелов 82% были поставлены комплектно, 10,1% были пропущены военпредами некомплектно, и еще 7,9% не приняты в силу некомплектности¹⁰⁷.

Точно так же неверно было бы утверждать, что в вопросах качества продукции все военпреды всегда занимали жесткую позицию и требовали полного и безоговорочного соответствия поставляемой продукции установленным стандартам. В 1933 г. ОГПУ предоставило в правительство специальный доклад о сдаче в РККА дефектного вооружения, в котором приводился целый ряд примеров уступок со стороны военпредов, когда они шли навстречу пожеланиям промышленности, снижая требования, предъявляемые к вооружению¹⁰⁸. Позже ситуация не изменилась. Как следовало,

например, из речи старшего военпреда на судостроительных заводах Благовещенского, произнесенной на заседании актива 2-го главка НКОП в апреле 1937 г., сдача продукции военпреду без чертежей и спецификаций была долгое время широко распространена¹⁰⁹. В ходе проверки КПК на заводе № 347 Наркомата судостроительной промышленности выяснилось, что военпред принял недоброкачественные мины, и т.д.¹¹⁰

В 1939 г. другая проверка КПК показала, что «старший военпред на заводе № 39 [НКАП] тов. Родимов и районный военный инженер тов. Каминский недопустимо ослабили контроль за качеством принимаемой продукции, установили практику приема незаконченных самолетов под гарантийные письма завода и оставили бесконтрольным вооружение самолетов»¹¹¹. Были приняты и направлены в армию самолеты с негодными пулеметами, бомбардировщики, у которых при планировании и в горизонтальном полете происходило переохлаждение моторов. С молчаливого согласия военприемки была осуществлена замена хромомолибденовых заклепок на железные и т.д. Более того, все эти отступления от правил происходили с согласия комиссара Управления авиационного снабжения ВВС РККА Ефимова, который, «зная об указанных фактах, не только не принял мер к наведению порядка, но даже допустил зажим критики недостатков, называя коммунистов, выступавших с критикой, крикунами и угрожая им снятием с работы»¹¹². Такая позиция одного из высших офицеров НКО, непосредственно отвечавшего за поставку вооружения в армию, показывает, что случай завода № 39 был, скорее всего, не единственным.

Стоит отметить, что военные, отвечавшие за боеспособность, а не за поставку в армию вооружения, не шли на подобные компромиссы. В описываемой истории, получив бракованные самолеты, руководство ВВС РККА дважды (2 августа 1939 г. — заместитель начальника ВВС РККА Алексеев, а 3 октября 1939 г. — начальник ВВС РККА А.Д.Локтионов) обращалось к наркому НКАП М.М.Кагановичу о необходимости внесения изменений в конструкцию самолетов. После того как дело получило огласку, военпредам не оставалось ничего другого, как защищаться и стоять до конца. Военпред П.В.Родимов даже после поступления сигналов из воинских частей об авариях самолетов настаивал на том, что это «непроверенные слухи»¹¹³.

Особенно ослабили требования военпредов во время войны, так как для фронта постоянно требовались новые партии оружия и боеприпасов. Например, большинство танков в эти годы принималось военпредами с теми или иными дефектами. Таблица 1 характеризует качество танков, сданных военпреду заводом № 183 НКТанкП (Нижний Тагил) в 1942—1945 гг. Более половины танков принималось военпредом, несмотря на наличие дефектов. В первый год работы завода, созданного на основе эвакуированных из Харькова, Бежицы, Москвы, Мариуполя и Сталинграда предприятий, доля бездефектных машин составляла всего лишь 7%. По мере налаживания производства качество танков улучшалось.

Качество танков, выпущенных заводом № 183 НКТанкП в 1942—1945 гг.

	1942	1943	1944	1945
‰ танков, сданных военпреду без дефектов (к общему числу предъявленных танков)	7	14	29,4	49
Среднее число дефектов, приходящихся на 1 танк	3,6	2,4	1,7	0,8
Убытки от брака (в ‰ к валовому выпуску)	Н.л.	2,22	2,08	1,49
‰ танков, потребовавших повторных пробегов при военпредовских испытаниях	36	13,8	4,8	4,5

Источник: РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 17. Л. 231—232. Машинописная «История танкостроения на Уральском заводе № 183 им. Сталина».

Не лучше была ситуация и на других заводах. Например, доля бездефектных машин среди танков знаменитой серии Т-34, выпущенных заводом № 174 НКТанкП и принятых военпредом, составляла в августе 1943 г. только 4,5%, а больше половины машин имело по 3 дефекта или более. От 10 до 20% танков после первого испытания вообще не принимались военпредами и отправлялись на переделку¹¹⁴. Однако в итоге общий процент принятых военпредами танков от числа произведенных во время войны был близок к 100%. Например, в июле 1943 г. по всем заводам НКТанкП он равнялся 99%¹¹⁵.

Фактически окончательно не принималась только совсем никуда не годная продукция. Подавляющее большинство произведенного вооружения, пусть с дефектами и после повторных испытаний, поставлялось в армию, что не могло не вызывать потока рекламаций из частей. Например, только за апрель — май 1943 г. из армии поступило 77 рекламаций на наличие трещин на корпусах танков¹¹⁶. Всего же за годы Великой Отечественной войны, согласно официальным данным, 12% всех советских танков, потерявших боеспособность, вышло из строя по причинам технической неисправности¹¹⁷. Страшную картину последствий поставки в армию некачественной продукции нарисовал в своем выступлении на «конференции заводов Наркомата танковой промышленности по качеству танка Т-34» осенью 1943 г. начальник боевой подготовки ГАБТУ Красной армии генерал-майор Кривошеин: «В одном из боев на Сталинградском направлении, когда количество танков наших и танков немецких было равным, с некоторым превышением у нас, в бой вышла четвертая часть наших танков. Фактически дрались, допустим, из 400 — 100 танков»¹¹⁸.

Строгость требований, предъявляемых военпредами к проверяемой продукции, зависела не только от остроты текущих потребностей армии, но также от вида поставляемой продукции, от того, о какой продукции шла речь: о вооружении или о вешевом и обозном имуществе. Материалы КПК показывают, что в случае проверки армейского обмундирования, обуви, вообще неоружия, контроль за качеством принимаемой продукции со стороны военпредов был значительно

ниже, причем с согласия снабженцев из центрального аппарата военного ведомства. Произведенная КПК в 1937 г. проверка поставок обуви в Красную армию показала, что «армия снабжается обувью из кожи совершенно неудовлетворительного качества». «Ни НКЛП и руководители отдельных предприятий, ни УОВС (Управление общевойскового снабжения. — А. М.) РККА вопросу качества армейской обуви должного внимания не уделяют». «Военпреды на местах обслуживают четыре — шесть и больше производственных предприятий и систематического контроля на обувных фабриках не ведут». На отдельных фабриках дополнительной проверкой КПК было обнаружено до 40—50% бракованной обуви среди той, которая уже была принята приемщиками. «УОВС РККА систематически допускал снижение требований по качеству поставляемой обуви как по подошве, так и по материалам»¹¹⁹. Через три года ситуация не изменилась. В 1940 г. в ходе проверки КПК выполнения постановления Экономического совета СНК от 15 января 1940 г. «О плане снабжения РККА, РКВМФ и войск НКВД вещевым и обозным имуществом в 1940 г. и I квартале 1940 г.» выяснилось, что «приемщики НКО на фабриках и заводах [Народного комиссариата легкой промышленности и Народного комиссариата текстильной промышленности] допускают массовые случаи приемки бракованных изделий»¹²⁰.

В права и обязанности военпредов входила не только проверка качества уже готовых изделий, но и контроль за соблюдением технологического процесса и в целом за организацией производства. Однако, как показывают архивные документы, возможность военпредов реализовать это право на практике, чтобы в принципе не допустить появления бракованных изделий в будущем, была ограничена. «На заводе [№ 126 НКАП] отсутствует должная борьба за качество продукции как среди руководителей завода и цехов, так и со стороны ОТК завода и военпредов [...] во многих случаях брак обнаруживается в уже собранных узлах и машинах», — констатировал уполномоченный КПК по Хабаровскому краю в 1940 г.¹²¹ Военпреды, как правило, не вмешивались в вопросы промежуточного контроля. Когда военпред браковал продукцию, он просто отправлял ее на переделку или в отходы. Например, за 9 месяцев 1940 г. заводом № 184 НКБ (Народного комиссариата боеприпасов) на исправление возвращенной (как военпредами, так и ОТК) продукции было потрачено 576 тыс. руб. из общей суммы потерь от брака 2218 тыс. руб.¹²² Моторы, произведенные заводом № 24 ГУАП НКТП в 1934 г. и забракованные авиационной военприемкой, были переделаны и сданы военно-морским силам, где требования были ниже¹²³.

В отличие от военпредов, техинспекторы, по-видимому, браковали относительно небольшой процент продукции. Например, на заводе «Красный Октябрь» в 1954 г. техприемка МАП забраковала только около 2% продукции¹²⁴. Примерно такие же показатели были у техприемки на Кольчугинском заводе¹²⁵. Низкий процент продукции, забракованной техприемщиками, сам по себе не позволяет судить о степени «жесткости» их требований и никак не характеризует их работу, так как неизвестно истинное качество проверенной ими про-

дукции. Ясно, что работа техинспекторов приносила определенные результаты. Например, когда на заводе «Красный Октябрь» в 1947—1948 гг. штат техинспекторов МАП был резко расширен (с 1 до 10 человек), число рекламаций со стороны заводов-потребителей снизилось примерно в девять раз¹²⁶.

Невысокий процент выявляемого брака может быть частично объяснен тем, что техинспекторы периодически проводили проверки соответствия производственной технологии требованиям заказчика, решая возникавшие проблемы в так называемом «оперативном» порядке¹²⁷. В то же время столь низкий процент указывает на то, что техприемщики, скорее всего, пропускали часть негодной продукции. Об этом, в частности, говорит письмо начальника Главснаба МАП в адрес техинспекции на заводе «Красный Октябрь» от 15 марта 1951 г.: «Несмотря на неоднократные указания Главснаба об ужесточении контроля за качеством принимаемой продукции для заводов МАП со стороны техприемки Главснаба МАП, от авиационных заводов продолжают поступать сигналы о плохом качестве материалов, получаемых заводами. Техприемщики не обеспечивают контроль технологии, правильности испытаний и полного соответствия принимаемых материалов техническим условиям». Главснаб требовал от подчиненных «усиления контроля за качеством принимаемых материалов и выполнения заводами установленной технологии»¹²⁸. В целом требования, предъявляемые техинспекторами, равно как и военпредами, были ниже официально установленных.

3.3. Военпреды и контроль за сроками выполнения планов

Когда дело касалось качества выпускаемой продукции, позиция военпредов была наиболее жесткой. В других вопросах, в частности в вопросе сроков поставок военных заказов в армию, военпреды более охотно шли навстречу руководителям оборонных предприятий. Архив КПК содержит множество примеров «приписок», фальсификации отчетности со стороны как гражданских, так и оборонных предприятий. Приписка означала включение в отчетность фиктивной продукции, которая на самом деле выпускалась в будущем месяце, квартале, году и т.д. Приписки позволяли предприятию отчитаться о выполнении плана и получить от министерства премию.

Важно отметить, что предприятие в одиночку не могло обеспечить безнаказанность включения приписок в отчетность. Приписки не могли осуществляться без согласия и одобрения министерства, они также требовали согласия потребителя. Несмотря на риски, связанные с приписками, производитель в условиях существования «рынка продавца», как правило, был в состоянии заручиться согласием как вышестоящих органов, так и потребителя¹²⁹.

Практика приписок получила широкое распространение и в военной промышленности, в подтверждение тому можно привести множество историй¹³⁰. Например, заместитель уполномоченного КПК по Саратовской области В.И.Киселев сообщал в 1946 г., что «директор

завода № 44 Минтрансмаша (Министерства транспортного машиностроения. — А. М.) Казаков систематически занимался припиской не выпущенной из производства продукции», а «Главтанк Министерства транспортного машиностроения, зная о систематической приписке невыпущенной продукции заводом, не только не предотвращал это, а, напротив, даже поощрял»¹³¹. Такая же ситуация была обнаружена КПК в 1944 г. на заводе № 60 3-го главного управления НКВ, когда начальник главка прямо «предложил директору завода сообщить в наркомат завышенные сведения»¹³². В сентябре 1944 г. КПК была вынуждена признать массовый характер приписок: «В последнее время в КПК поступают сообщения от уполномоченных КПК о том, что директора некоторых заводов сообщают в наркоматы ложные, завышенные сведения о выполнении производственной программы... Директор завода № 8 НКВ Фраткин в 1943 и 1944 гг. постоянно сообщает завышенные ложные сведения о выполнении заводом программы, фактически заканчивая выпуск продукции в последующие месяцы, занимая для этого от 5 до 20 дней... завод № 266 НКАП сообщает завышенные неправильные сведения о выполнении программы. Директор завода Дикарев передавал такие сообщения в 1943 г., а также в январе, феврале и марте 1944 г. ... руководители заводов № 255 НКТанкпрома (Мороз) и № 541 НКВ (Алешин) также обманывали Правительство и наркоматы, сообщая неправильные сведения о выполнении производственной программы»¹³³. Даже на заводах, непосредственно подчинявшихся военному ведомству, имели место факты приписок, например, на центральном авторемонтном заводе № 72 в 1947 г. При этом автомобильное управление военного ведомства, зная «о всех недостатках и бесхозяйственности завода, мер к их устранению не принимало»¹³⁴.

Широкое распространение практики приписок показывает, что реальные сроки поставок готовой продукции в армию предприятиями оборонки систематически срывались: продукция поставлялась с месячным и более опозданием. Военпреды не могли не знать о фактах приписок. Они были осведомлены о размерах военных заказов, они лично принимали готовую продукцию и знали, сколько ее на самом деле поставили, соответственно, всегда могли сопоставить одно с другим. В конце 1970-х гг. Артур Александр предположил, что военпреды, возможно, вовлечены в практику приписок с целью достижения хороших взаимоотношений с руководителями предприятий. Михаил Агурский и Ханнес Адомейт, напротив, считали это маловероятным¹³⁵. Как показывают архивные источники, именно Александр оказался прав. Из всех случаев приписок, вскрытых КПК, лишь два были обнаружены на основе сообщений военпредов. В сентябре 1941 г. военинженер 2-го ранга Кунтыш сообщил в КПК, что выполнение заказа Главного военно-химического управления НКО Наркомату общего машиностроения «на изготовление 30 штук зигочных машин для ремонта противогозлов недопустимо затянулось»¹³⁶. После вмешательства КПК были установлены новые сроки сдачи заказа, однако никакое наказание за просрочку не было наложено. В 1943 г. военпред инженер-капитан Корнеев и старший тех-

ник-лейтенант Романов сообщили об «очковтирательстве и не порядках» на заводе № 698 НКЭП, по их письму была организована специальная комиссия, чья проверка подтвердила факты нарушений¹³⁷.

Остальные случаи были обнаружены уполномоченными КПК. Как показали их проверки, приписки были произведены с молчаливого или прямого одобрения военпредов. Например, «отчетную телеграмму о фиктивном выполнении апрельской программы [1944 г.] на 101,5% [заводом № 60 НКВ] вместе с директором подписал военпред УЗПСВ (Управления заказов и производства стрелкового вооружения. — А.М.) ГАУ РККА Геренрот, которому, так же как и директору, хорошо было известно о невыполнении апрельской программы. Однако он не только подписал отчетную телеграмму, но и принял в счет апрельской программы 17 партий патронов, изготовленных заводом в мае месяце». В этой истории разрешение на приписки руководство завода получило как от своего главка, так и от начальника Управления заказов и производства стрелкового вооружения ГАУ. С.И. Ветошкин и Дубовицкий (начальники 3-го главка НКВ и УЗПСВ ГАУ РККА, соответственно) направили 30 апреля 1944 г. на завод телеграмму, разрешавшую предприятию работать первые три дня в мае в счет выполнения апрельской программы¹³⁸. Когда Ветошкин и Дубовицкий давали КПК объяснения по этому поводу, выяснилось, что случай завода № 60 не единственный. Дубовицкий прямо заявил, что во избежание срыва плана и для обеспечения потребности войск УЗПСВ ГАУ совместно с 3-м главком НКВ давало согласие и для других заводов¹³⁹.

Та же ситуация существовала на танковых заводах. В конце 1942 г. уполномоченным КПК по Свердловской области Кулефеевым были вскрыты факты приписок на Уралмашзаводе: «Завод с ведома наркомата отчитался перед правительством о сдаче в РККА в сентябре месяце 15 танков. Эти 15 машин фактически принимались военпредом до 15 октября. Причем в результате испытаний и приемки этих машин выявилось много дефектов [...] Отправка сентябрьских машин в войсковые части производилась с 15 по 21 октября 1942 г. Директор Уралмаш завода Музурков и военпред на заводе Зухер в своих объяснениях сообщили, что 15 танков были зачислены в товарный выпуск по указанию наркома Зальцмана. Кроме того, Зухер сообщил, что Зальцман, будучи на заводе, предлагал ему зачислить в выпуск 25 танков, однако Зухер от этого отказался, т.к. эти 25 танков сделаны на заводе еще не были. Аналогичный факт имел место в ноябре месяце. За ноябрь месяц Уралмашзавод был обязан выпустить 100 танков Т-34, однако на утро 1 декабря было изготовлено, испытано и сдано военпреду под пломбу 61 машина, кроме того, 10 машин были испытаны военпредовским пробегом, но не укомплектованы запасными частями, остальные машины находились в стадии окончательного монтажа, и часть машин прошла стационарные испытания. Несмотря на такое положение с машинами, завод по настоянию наркомата (на заводе в это время был замнаркома Степанов) отчитался о сдаче РККА 100 танков. Военпред завода Зухер заявил, что ему 1 декабря по телефону из ГАБТУ было предложено зачислить в программу вместо готовых 71 танка 100 танков»¹⁴⁰.

Стоит отметить, что причастность военпредов к припискам отрицательно сказывалась на качестве. Приписанную продукцию необходимо было выпустить в следующем месяце, что повышало вероятность ее принятия, независимо от ее реального качества. Как отмечало ОГПУ еще в докладе 1933 г., «система авансовых записок (т.е. приписок. — *А.М.*)» заставляла «приемщиков, выдавших такие записки, в дальнейшем снисходительно относиться к качеству окончательно сдаваемой заводом продукции»¹⁴¹.

Из всего сказанного можно заключить, что реальные сроки сдачи вооружения мало волновали военпредов и некоторые отклонения от сроков допускались даже их начальством. В то же время существовали определенные планы поставок в армию, которых военпреды должны были придерживаться, что вело, с одной стороны, к вовлечению военпредов в фальсификацию отчетности предприятиями, а с другой — к приему продукции, имеющей недостатки.

4. Промышленность как поставщик: борьба за лояльность военпредов

В предыдущем параграфе было показано, что в вопросах качества продукции военпреды в целом старались соблюдать интересы военного ведомства. В то же время в определенных ситуациях военпреды учитывали интересы военной промышленности и шли на некоторые уступки: принимали вооружение с дефектами, участвовали в фальсификации отчетности. Руководство военных заводов, чиновники промышленных оборонных министерств всячески старались добиться лояльного отношения военпредов, так как это во многом определяло вероятность выполнения планов. В этом параграфе будут рассмотрены стратегии по отстаиванию своих интересов, имевшиеся в распоряжении советских хозяйственников, их эффективность, а также причины, по которым военпреды шли на уступки промышленности.

Люди могут использовать разные стратегии решения проблем, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни. В 1970-х гг. З. Гительман провел опрос бывших советских граждан, эмигрировавших в Израиль. Один из вопросов звучал так: «Если в СССР Вы сталкивались с проблемой, решение которой требовало вмешательства властей, какой путь для решения ее Вы выбирали?» Из 114 респондентов, участвовавших в опросе, 11 ответили, что они обращались с письмами в газеты, 45 обращались с просьбами в местные советские и партийные органы, тогда как 58 выбирали «другие» пути решения проблемы. Как выяснилось из дальнейших расспросов, под «другими» путями подразумевались связи, блат и взятки¹⁴². В распоряжении советских хозяйственников находился примерно тот же набор средств.

4.1. Официальные протесты

Существовал официальный путь подачи жалоб на действия военпредов. В случае несогласия с решением военпреда о качестве продукции, повлекшим отказ от ее приемки, руководство предприятия

могло обратиться с соответствующим протестом. Согласно положению о военпредах 1939 г., разногласия между представителями НКО и дирекцией завода по таким протестам должны были решаться «совместно соответствующими главками промышленности и центральными управлениями НКО в пятидневный срок, а в случае недостижения соглашения между последними... совместно двумя наркоматами»¹⁴³.

Если не удавалось достичь согласия на этом уровне, предприятия могли жаловаться в самые разнообразные советские и партийные инстанции, вплоть до газет, подчеркивая, что «перестраховщики-военпреды» бракуют всю «хорошую» продукцию и срывают выполнение оборонных заказов. Например, начальник цеха № 7 завода № 153 Шевчук обратился 20 апреля 1938 г. с письмом к наркому НКВД Н.И.Ежову, в котором обвинял военпреда завода Михайлова во вредительстве путем умышленной браковки годной продукции. Он писал: «...военпред Михайлов занимается самостраховкой в своей работе на заводе № 153 и тем самым умышленно создает тормоз в работе завода... Новому работнику военного представительства Ветчинкину, считающему, что Михайлов бракует годные агрегаты, он запретил самостоятельно принимать продукцию». Шевчук подчеркивал, что «соседний» завод № 21 выпускает аналогичную продукцию еще более худшего качества, но она принята военпредом этого завода. В вину Михайлову ставились такие разговоры: «Я остановлю завод, чтобы он научился работать точно по чертежам и на новой оснастке, которой у завода нет»¹⁴⁴. Своим письмом Шевчуку удалось добиться проверки деятельности Михайлова в рамках внутреннего расследования НКОП. Когда НКОП подтвердил обвинения (стоит заметить, что у НКОП был и свой интерес — свалить вину за плохую работу завода на военпреда), была создана специальная комиссия для проверки деятельности военпреда. С предложением о создании такой комиссии к начальнику ВВС А.Д.Локтионову обратился глава НКОП М.М.Каганович¹⁴⁵. К сожалению, архивы молчат о том, чем кончилась эта история.

По словам советских хозяйственников, проинтервьюированных П.Грегори, создание проверочной комиссии являлось общей стратегией, которую использовали руководители промышленности для ухода от критики¹⁴⁶. Но, как показывают архивные источники, решения подобных комиссий могли быть и не в пользу ведомств, инициировавших их работу. Например, подобную историю о работе в 1946 г. проверочной комиссии, вынесшей решение в пользу военпреда, рассказал на одном из заседаний в Министерстве вооружений полковник ГАУ Гавриков: «Директор завода [№ 188] обратился к одному представителю управления делами Совета министров с жалобой на то, что военприемка совершенно безнаказанно, совершенно безответственно... бракует совершенно годную продукцию. Он рисовал себя таким обиженным, таким беспомощным, что, мол, совершенно годную продукцию его завода забраковали и он вынужден уничтожать, сжигать эту продукцию. Вопрос дошел до правительства. Получили распоряжение из Совета министров немедленно создать

комиссию из представителей Госконтроля, ГАУ и Минвооружения и разобраться. [...] Разбор этой комиссией производился на протяжении 3,5—4 месяцев. Результаты показали, что вся забракованная продукция была некондиционной, и комиссия подтвердила, что эта продукция подлежит уничтожению и никоим образом не может быть использована в армии»¹⁴⁷.

На другом совещании, состоявшемся в 1937 г., старший военпред Благовещенский рассказал аналогичную историю: «Решили поймать военпреда в том, что он формализмом занимается, и обратились к редактору газеты: “Обложите как следует этого формалиста”. Редактор обратился ко мне и попросил принять меры к тому, чтобы прекратились случаи таких отказов от приемки. Я ответил: “Если хотите, я Вам покажу такие места, которые не только принимать, но и показывать военпреду нельзя”, — и действительно такие места показал. После этого ему осталось только развести руками — как может строитель предъявлять в таком состоянии корабль! Если редактор будет справедлив, то он, наверное, напишет об этом»¹⁴⁸.

В своих жалобах на военприемку советские руководители оборонных предприятий нередко доходили до прямого обмана. В 1937 г. командарм 2-го ранга Г.И.Кулик в протесте на имя наркома НКОП М.М.Кагановича сообщал: «Завод № 42 (г. Куйбышев) в течение 1937 г. неоднократно телеграфировал в ЦК... о загрузке завода и задержке со стороны АУ в выдаче нарядов, не считаясь с разъяснениями военпреда... о том, что АУ дает наряды только на продукцию, скомплектованную в выстрел. В последнее время имеют место случаи, когда заводы прибегают к прямому обману высших органов в своих донесениях, все с той же целью вывезти продукцию некомплектно. Так, последняя шифровальная телеграмма завода № 42... содержала заведомо ложные сведения о трубках Т-3 УН (партия № 16-19), будто бы загружающих цеха завода... военпред завода подтвердил, что шифровка, подписанная Коноваловым, была ложной, поданной для “сгушения красок”, и в настоящее время аппарат завода пытается выйти из неудобного положения путем получения от военпреда различных оправдательных справок»¹⁴⁹. Фальсификация без согласия военпредов (в отличие от приписок, происходивших с их согласия) была малоэффективна, так как легко могла быть опровергнута.

4.2. Неформальные связи

Другим, гораздо более эффективным, способом добиться лояльности военпредов были неформальные связи. Взаимоотношения между военпромом и военведом имели множество аспектов, из которых проблема качества была лишь одной. Хозяйственники, настаивая на уступках по качеству, сами могли уступить в чем-то другом: согласиться с понижением цен на их продукцию, с увеличением плановых заданий и т.д.

В архивах сохранилось множество писем наркомов и министров промышленных оборонных ведомств, адресованных военным, с просьбами в порядке исключения принять ту или иную продукцию.

Например, 15 марта 1938 г. глава НК ОП М. М. Каганович обратился к наркому обороны К. Е. Ворошилову с просьбой принять 200 не полностью укомплектованных самолетов¹⁵⁰. В 1945 г. НК В в письме на имя начальника УЗПВЗ ГАУ РККА генерал-майора инженерно-артиллерийской службы Савченко просил дать указание военпреду завода № 8 НК В принять системы, смазанные пушсмазкой, не имеющей сертификата военпреда¹⁵¹. В другом случае НК В просил заместителя начальника УЗПСВ ГАУ РККА генерал-майора инженерно-артиллерийской службы Поликарпова принять продукцию, укомплектованную одnogорловыми масленками вместо двухгорловых¹⁵², и т.д.

Главной причиной, способствовавшей расцвету неформальных отношений между военпредами и руководителями оборонных предприятий, между военпромом и военведом, была нечетко разделенная ответственность за поставки военных заказов в армию. По ранним положениям о военприемщиках, в их обязанности входило «наблюдение за выполнением заказов к назначенным срокам»¹⁵³. В 1930-е гг. формально военпреды уже не несли ответственности за сроки выполнения поставок в армию, а только «за своевременный доклад о причинах, препятствующих выполнению военных заказов в срок»¹⁵⁴, но на практике они подвергались давлению со стороны довольствующих управлений РККА по выполнению количественных показателей планов поставок. Показательно, что при подготовке положения о военпредах 1939 г. проекты, предложенные довольствующими управлениями АУ и УМТС (Управление материально-технического снабжения) УВВС РККА, содержали пункты об ответственности военпреда «за своевременность сдачи заводом продукции», «за принятие конкретных мер по своевременному выполнению заказов»¹⁵⁵. Руководство органов снабжения армии было согласно даже получать товары низкого качества. В частности, проверка ЦКК—НКРКИ (объединенный партийно-советский наркомат: Центральная контрольная комиссия ВКП(б) и Наркомат рабоче-крестьянской инспекции), проведенная в 1933 г. на заводе № 26 ГУАП НКТП, вскрыла наличие между заводом и УМТС УВВС РККА специального соглашения, по которому военпреды могли принимать авиамоторы с отступлениями от технических условий со скидкой (в пределах 15%) с договорной стоимости мотора. Право определения «приемлемых» дефектов и размера скидки было оставлено за военпредами. В итоге в 1933 г. 933 мотора, или 40%, были приняты с подобными отступлениями, по ним из частей поступило 743 рекламации, что и стало причиной организации инспекции. Характерно, что дело было возбуждено не военпредом, не военными, а ОГПУ и инспекторами ЦКК—НКРКИ, именно они указывали, что «система скидок на некондиционную продукцию НКТП вообще ни в коем случае не может быть допущена в отношении предметов боевого снаряжения РККА», тогда как промышленность и военвед были довольны друг другом¹⁵⁶.

В 1947 г. на совещании начальников ОТК заводов и центральных измерительных лабораторий Минвооружения один из начальников ОТК, проговорившись, прямо заявил: «Я не согласен с тем, что с

военной приемкой не может быть согласия. Это неправильная постановка вопроса. Все зависит от того, насколько начальник ОТК умеет работать с военной приемкой. Это такие же государственные люди, которые *в такой же степени отвечают за заказ* (выделено автором. — А.М.)»¹⁵⁷.

В результате взаимоотношения между военпромом и военведом были таковы, что первый мог попросить последнего даже пойти на прямые убытки. В частности, сохранилась докладная записка начальника финансово-бухгалтерского отдела НКТанкП Шагалова на имя заместителя наркома танковой промышленности А.А.Горегляда, обосновывавшая необходимость обращения в НКО с просьбой о неприменении со стороны НКО к заводам НКТанкП штрафных санкций за непоставку танков в срок. Шагалов так аргументировал необходимость подобного шага: «По формальным причинам УБТМВ (Управление бронетанковых и механизированных войск. — А.М.) РККА имеет все основания предъявлять нашим предприятиям штрафные санкции. Однако, поскольку взыскиваемые пени и неустойки составляют значительные суммы и, по существу, являются убытками предприятий, прошу Вас лично переговорить с заместителем командующего УБТМВ РККА генерал-лейтенантом Коробковым не предъявлять нашим заводам за первое полугодие 1943 г. пени и неустойки за невыполнение договоров»¹⁵⁸.

4.3. Взятки

У руководителей предприятий была также возможность прямого подкупа военпредов. Имеющиеся данные о взятках среди военпредов противоречивы. После доклада ОГПУ 1933 г., составленного по материалам проверки, выявившей существование на предприятиях специальных фондов для выплат военпредам, всякие подобные выплаты со стороны промышленности были запрещены¹⁵⁹. Специальный поиск в архивах документальных свидетельств конкретных случаев коррупции среди военпредов не дал положительных результатов. В архивах советских и партийных контрольных органов (Комиссии советского контроля, Наркомата/Министерства государственного контроля, Комиссии партийного контроля) было найдено лишь одно свидетельство подобного рода, при том что примеры незаконных выплат руководству заводов, местному партийному руководству присутствуют в большом количестве¹⁶⁰.

В 1936 г. военпред Прохоров подал заявление о том, что директор завода № 70 И.Н.Давыдов предлагал ему взятку за принятие бракованного вооружения. Директор, указав на то, что завод получил срочное задание на изготовление авиабомб для Испании и должен максимально ускорить сдачу своей продукции, попросил о послаблениях при приемке готовых изделий и предложил за это деньги. Военно-морской группой КПК было проведено расследование, подтвердившее факт попытки дачи взятки. В ходе расследования выяснилось также, что Давыдов пытался давать взятки и другим военпредам¹⁶¹. Решение о судьбе подозреваемого принималось лично

В.М.Молотовым и С.Орджоникидзе. Директор был исключен из партии, снят с должности, а его дело передано в суд. Столь высокий уровень принятия решения говорит о том, что случай был неординарным. Вместе с тем стоит подчеркнуть, что решение принималось на основании косвенных, а не прямых улик¹⁶², т.е. властям было сложно выявлять случаи коррупции.

Особенно трудно было контролировать всевозможные натуральные выплаты. В бытовом аспекте (предоставление квартиры, помещения для работы и т.д.) и в плане материального снабжения военпреды во многом зависели от руководства предприятий, так как снабжение, в силу дефицита, шло в основном через предприятие, а не через местную торговую сеть. Примеры подобного снабжения приводились как в докладе ОГПУ 1933 г., так и в расследовании КПК 1936 г.¹⁶³ Однако выявить и доказать их незаконность было практически невозможно, так как в большинстве случаев было затруднительно провести грань между взяткой в натуральной форме и вполне законным спецснабжением.

Во второй половине 1930-х гг. НКО неоднократно издавал приказы, запрещающие предоставление промышленностью военпредам «каких-либо» натуральных услуг и денежных выплат¹⁶⁴, но, судя по отсутствию реальных дел, дальше постановлений продвинуться не удалось.

Имеющиеся данные, видимо, следует интерпретировать как результат отсутствия активной борьбы с взяточниками-военпредами. Работники центральных аппаратов довольствующих управлений РККА, как показывают истории о вовлеченности военпредов в практику приписок, склонны были покрывать проступки военпредов на местах. Провозглашая борьбу со взяточничеством в своих приказах, военное ведомство не реализовывало (или ему не удавалось реализовать) ее на практике. С другой стороны, учитывая обилие примеров использования неформальных связей, можно заключить, что взятки не были достаточно распространены и не являлись главной причиной частого пропуска военпредами дефектной продукции. Если бы они были широко распространены, ответ контролирующих органов был бы адекватным и число примеров взяточничества военпредов, отложившихся в архивах, было бы больше. Между неформальными связями и взятками хозяйственники выбирали первые, которые, в отличие от вторых, не подлежали уголовному наказанию.

5. Заключение

Формально военпреды несли ответственность за приемку некачественной продукции. Однако конкретная мера наказания не была определена¹⁶⁵. Соответственно, подобная деятельность военпредов не наказывалась. Во всяком случае, в архивах не удалось найти примеров тому, даже в случаях, когда эксплуатация, например, некачественных самолетов вела к человеческим жертвам. Как отмечалось в докладе ОГПУ 1933 г., «никто из них <военпредов> в административном порядке не отвечал и материально не страдал от пропуска в ар-

мию недоброкачественного вооружения — все работают на твердых окладах»¹⁶⁶.

Отсутствие или, по крайней мере, слабость наказания позволяла военпредам более или менее смело решаться на прием продукции, имеющей дефекты, тем более что представители промышленности активно подталкивали их к подобным действиям. Но главная причина заключалась не в этом. Военное ведомство и его представители не могли отказаться принимать у промышленности ее продукцию, так как в противном случае рисковали остаться вообще без вооружения. Общий уровень развития советской промышленности, культура организации производства оказывали значительное влияние на определение действительных требований, которые военпреды предъявляли к проверяемой продукции.

Слишком строго следя за соответствием поставляемой продукции существующим стандартам, военпреды рисковали быть обвиненными в формализме. В частности, описывая работу ОТК и военприемки на заводе № 126 НКАП в 1940 г., уполномоченный КПК с осуждением указывал на то, что «у отдельных работников ОТК и военпредов имеются тенденции к перестраховке»¹⁶⁷. В справке о работе военных представителей, подготовленной КПК в 1943 г., отмечалось, что «очень часто военпред должен дать свое заключение о допустимости того или иного отступления, чтобы не задерживать продукцию для фронта»¹⁶⁸. В итоге военпреды старались не принимать однозначно бракованную продукцию, но пропускали вооружение с дефектами.

Появление некачественной продукции в армии, естественно, вызывало недовольство в частях. Так как это было результатом действий довольствующих управлений военного ведомства, то, соответственно, помимо постоянного конфликта по поводу качества вооружения между военной промышленностью и военным ведомством, существовали также трения внутри армии между «военными снабженцами» и «боевыми офицерами». Последних в наибольшей степени интересовало качество получаемой продукции. Снабженцы же отвечали за количество поставленной продукции и чаще были склонны идти навстречу руководителям оборонных предприятий и принимать продукцию, имевшую недостатки.

Пример военпредов, точно так же как и техинспекторов, показывает, что создание независимого контроля не решает полностью проблему качества, одну из главных проблем, возникающих в командной экономике в силу отсутствия конкуренции. Военное ведомство не смогло добиться от промышленности выпуска исключительно продукции, удовлетворяющей его стандартам качества. Более того, оно было вынуждено частично допустить поставки не удовлетворяющей его продукции на армейские склады. Это была та цена, которую платило военное ведомство за институциональные особенности советской экономики.

В то же время факты пропуска некачественной продукции не дают оснований утверждать, что система военпредов (так же как и техинспекторов) была полностью недейственной. Военпреды в целом были честными представителями военного ведомства на производстве и

старались соблюдать интересы последнего. По сравнению с ОТК, работа военпредов была значительно более эффективной. Военпреды чаще «заворачивали» предлагавшуюся им продукцию, что вело к большему числу переделок в военпроме, чем в гражданском секторе. Последнее, кстати, можно рассматривать как возможный ответ на вопрос, поставленный Полом Грегори, почему при всей приоритетности оборонной промышленности процент выполнения плана в ней был ниже, чем в других отраслях советской экономики¹⁶⁹.

Изучение практики работы военпредов по проверке качества вооружения ставит следующий вопрос: почему военпром и военвед, постоянно взаимодействуя, не научились определять приоритеты друг друга и распределять ресурсы таким образом, чтобы армия получала продукцию исключительно требуемого качества, а промышленность была бы в состоянии выполнять планы без потерь, вызываемых забраковкой военпредами некачественных товаров? Взаимоотношения военведа и военпрома можно рассматривать как своеобразную игру, в которой военное ведомство предлагало промышленности взаимовыгодные контракты на поставку вооружения с фиксированной ценой, качеством и количеством. Так как цена и количество были фиксированными, промышленность старалась облегчить себе выполнение плана военных заказов за счет качества, переложив часть издержек на военное ведомство. Последнее, в свою очередь, с помощью военпредов старалось не допустить появления некачественных товаров. Иначе говоря, почему точка равновесия в этой «игре» была достигнута при уровне забраковки больше нуля?

Можно предложить следующую интерпретацию этого факта. Забракованное вооружение являлось дорогой, но ценной инвестицией для обеих сторон. Высокая доля выявленного брака наносила ущерб промышленности, так как ухудшала ее финансовое состояние и снижала шансы на успешное выполнение плановых заданий. Промышленность хотела бы понизить долю отвергаемых военпредами товаров, но реализация стандартов качества, приемлемых для армии, требовала дополнительных затрат. В то же время *высокая доля забракованного вооружения заставляла военное ведомство в будущем уменьшать свои ожидания и стандарты*, а значит, отвечала долгосрочным интересам промышленности. Одновременно она наносила ущерб военведу, так как усложняла достижение его стратегических целей. Армия была заинтересована как в количестве, так и в качестве поставляемого вооружения, но имела в своем распоряжении лишь один инструмент давления на промышленность — процент забракованного оружия. Военное ведомство хотело бы уменьшить долю забракованных товаров, но не могло иначе навязать промышленности свои стандарты качества. *Высокая степень забраковки заставляла промышленность улучшать свою работу* и, следовательно, была в интересах военных. В конечном счете уровень качества и доля отвергаемых армией товаров определялись одновременно. С их помощью армия и промышленность посылали друг другу сигналы о своих намерениях и представлениях о «правильных» стандартах качества¹⁷⁰.

¹ Корнаи Я. Экономика дефицита. М., 1991. С. 54, 331.

² Начиная с 1929 г. руководители предприятий, допустившие выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции, подлежали уголовному преследованию. Указ от 8 декабря 1933 г. ввел личную ответственность директоров и других руководителей предприятий за производство недоброкачественной и некомплектной продукции. 10 июля 1940 г. Президиумом Верховного Совета СССР был издан новый указ, повысивший сроки тюремного заключения за эти преступления. Издания указов сопровождалось быстротечными кампаниями. Однако обеспечить их длительную реализацию центральные власти оказались не в состоянии, встретив противодействие со стороны как местных, так и ведомственных властей, стремившихся обеспечить стабильность кадров. Так, в 1939 г. указ 1933 г. вообще практически не применялся (Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998. С. 128, 133, 313—314).

³ В 1923—1934 гг. существовал единый Наркомат по военным и морским делам (Наркомвоенмор, или НКВМ). В 1934 г. его сменил Наркомат обороны (НКО). С 1937 г. по 1946 г. существовало два наркомата: обороны и военно-морского флота (НКВМФ), после 1946 г. переименованные в министерства. Если иное специально не оговорено, далее под военным ведомством мы понимаем органы, руководившие как советской армией, так и военно-морским флотом.

⁴ См., например: Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996; *The Soviet Defence-Industry Complex From Stalin to Khrushchev* / Ed. by Barber J., Harrison M. Basingstoke: MacMillan, 2000; Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны: (Вторая половина 1940-х — начало 1960-х годов). М., 2000; Самуэльсон Л. Красный колосс: Становление советского военно-промышленного комплекса. 1921—1941. М., 2001 и др.

⁵ Agursky M. *The Research Institute of Machine Building Technology. Soviet Institution Series no. 8.* Hebrew University of Jerusalem, 1978; Agursky M., Adomeit H. *The Soviet Military Industrial Complex and its Internal Mechanism.* National Security Series no. 1/78. Queen's University, Centre for International Relations, Kingston, Ontario, 1978; Alexander A.J. *Decision-Making in Soviet Weapons Procurement.* Adelphi Paper no. 147—148. London: International Institute for Strategic Studies, 1978; Holloway D. *Innovation in the Defence Sector // Industrial Innovation in the Soviet Union* / Ed. by Amann R., Cooper J. New Haven, CT, 1982; Almquist P. *Red Forge: Soviet Military Industry Since 1965.* New York, 1990.

⁶ Harrison M., Simonov N. *Voenpriemka: Prices, Costs, and Quality Assurance in Interwar Defence Industry // The Soviet Defence-Industry Complex From Stalin to Khrushchev.*

⁷ Архивы Наркомата оборонной промышленности (Российский государственный архив экономики, далее — РГАЭ. Ф. 7515), Министерства оборонной промышленности (РГАЭ. Ф. 8157), Министерства судостроительной промышленности (РГАЭ. Ф. 8183), Наркомата и Министерства авиационной промышленности (РГАЭ. Ф. 8044, 8328), Наркомата танковой промышленности (РГАЭ. Ф. 8752), управления делами Наркомата обороны (Российский государственный военный архив, далее — РГВА. Ф. 4), Военно-хозяйственного управления Наркомата обороны (РГВА. Ф. 47), Главного управления вооружений и технического снабжения РККА (РГВА. Ф. 33991), Комитета

обороны при Совете народных комиссаров (СНК) СССР (Государственный архив Российской Федерации, далее — ГАРФ. Ф. 8418), Комиссии советского контроля (ГАРФ. Ф. 7511.), Наркомата и Министерства государственного контроля (ГАРФ. Ф. 8300) и Комиссии партийного контроля (Hoover archive, collection «Archives of Former Soviet State and Communist Party» — документы из Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). Ф. 6, далее — Hoover/РГАНИ).

⁸ В дальнейшем для обозначения понятия «советское отраслевое ведомство» используется термин «министерство», опуская тот факт, что до 1946 г. министерства назывались наркоматами.

⁹ Berliner J.S. *Factory and Manager in the USSR*. Cambridge, MA, 1957; Granick D. *Management of the Industrial Firm in the USSR*. New York, 1954.

¹⁰ Hoover/РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 55. Л. 13об. [Докладная записка на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г.М.Маленкова «О результатах проверки фактов, изложенных в письме помощника военпреда инженер-капитана Корнеева и старшего техника-лейтенанта Романова об очковтирательстве и непо порядках на заводе № 698 НКЭП», подготовленная проверочной комиссией 04.08.1943].

¹¹ Там же. Л. 24. [Стенограмма совещания по вопросу о непо порядках на заводе № 698 НКЭП от 19.08.1943].

¹² РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 4105. Л. 102. [Стенограмма выступления Звонарева, начальника ОТК завода № 172 Минвооружений на совещании начальников ОТК заводов и центральных измерительных лабораторий Министерства вооружений, 21.10.1947].

¹³ Там же. Л. 148. [Стенограмма выступления начальника ОТК завода № 106 Минвооружений Павлова].

¹⁴ Hoover/РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 34. Л. 21. [Стенограмма заседания бюро КПК от 04.02.1941].

¹⁵ ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 12. Д. 555. Л. 1—3. [Докладная записка начальника инспекции по качеству продукции 1-го главка НКОП В.А.Окорокова на имя наркома М.М.Кагановича «О работе инспекции по качеству продукции за 1936—1937 годы» от 18.10.1937].

¹⁶ Harrison M., Simonov N. *Voenpriemka...* P. 238—239.

¹⁷ РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 4105. Л. 227. [Стенограмма выступления Гостева].

¹⁸ Там же. Л. 147. [Стенограмма выступления Павлова].

¹⁹ Hoover/РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 91. Л. 9—10. [Докладная записка члена КПК Березина «О ходе выполнения решения о производстве моторов № 34 с редуктором на заводе № 24» от 17.03.1934].

²⁰ Там же. Д. 22. Л. 34. [Докладная записка работников военно-морской группы КПК Н.В.Куйбышева и М.Сорокина на имя председателя КПК Л.М.Кагановича «Положение о состоянии производства винтовок и пулеметов ШКАС на Тульском оружейном заводе» от 07.03.1934].

²¹ Там же. Д. 91. Л. 12. [Докладная записка Березина].

²² Там же. Л. 10. [Докладная записка Березина]; там же. Оп. 2. Д. 55. Л. 14. [Докладная записка на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г.М.Маленкова].

²³ РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 4105. Л. 120. [Стенограмма выступления начальника ОТК завода № 357 Минвооружений Орлова].

²⁴ ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 22. Д. 521. Л. 7—11. [Проект приказа НКОП «О борьбе с браком» от 16.08.1938].

²⁵ РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 4105. Л. 213. [Стенограмма выступления представителя Планово-технического управления Минвооружений Мандича].

²⁶ Там же. Л. 150. [Стенограмма выступления Павлова].

²⁷ Там же. Д. 124. Л. 70–112. [Стенограмма выступления наркома Б.Л.Ванникова на заседании коллегии НКВ 15.10.1939].

²⁸ Там же. Д. 271. Л. 54–63об. [Приказ НКВ № 373 «О соблюдении технологической дисциплины» от 29.12.1939 и инструкция «О порядке внесения изменений в чертежи и технологические документы на заводах НКВ»].

²⁹ Там же. Д. 262. Л. 20. [Приказ НКВ № 196 «О мероприятиях по улучшению качества продукции предприятий НКВ» от 15.07.1940].

³⁰ Там же. Л. 21. [Доклад коллегии НКВ по вопросу состояния контроля качества на заводах НКВ, август 1940].

³¹ Там же. Л. 12–19. [Постановление коллегии НКВ по вопросу состояния качества продукции на заводах НКВ от 03.08.1940 и приказ НКВ № 245 от 19.08.1940].

³² Там же. Д. 271. Л. 5–6. [Приказ НКВ № 279с от 17.10.1940].

³³ Там же. Д. 284. Л. 216. [Стенограмма выступления наркома НКВ Б.Л.Ванникова на заседании коллегии НКВ 14.10.1940].

³⁴ Там же. Д. 271. Л. 6. [Приказ НКВ № 279с].

³⁵ Уменьшение внимания к качеству с началом Великой Отечественной войны наблюдалось не только в НКВ, но и в целом в советской промышленности. Как отмечает специалист в области советского уголовного права Питер Соломон, после 22 июня 1941 г. преследования хозяйственников за выпуск недоброкачественной продукции стали редкостью, практически полностью прекратившись (Соломон П. Указ. соч. С. 314).

³⁶ РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 4105. Л. 116. [Стенограмма выступления Орлова].

³⁷ Там же. Л. 129. [Стенограмма выступления начальника ОТК завода № 3 Минвооружений Довиченко].

³⁸ Там же. Л. 101. [Стенограмма выступления начальника ОТК завода № 172 Минвооружений Звонарева].

³⁹ Как обмолвился заместитель начальника ОТК завода № 74 Колосков в октябре 1947 г. неутверждение чертежей являлось общим местом в работе заводов Минвооружений (РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 4105. Л. 107. [Стенограмма выступления Колоскова]). О планировании в наркоматах см.: Маркевич А.М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М., 2003.

⁴⁰ РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 4105. Л. 98. [Стенограмма выступления Звонарева].

⁴¹ Там же. Л. 246. [Стенограмма выступления Карасева].

⁴² Там же. Л. 219, 229. [Стенограммы выступления начальника ОТК завода № 349 Минвооружений Авеснока и выступления Гостева].

⁴³ Там же. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 204. Л. 16–18. [Стенограмма выступления А.А.Морозова на конференции заводов Наркомата танковой промышленности по качеству танков Т-34, прошедшей осенью 1942 г.]. Цит. по: Ермолов А. Народный комиссариат танковой промышленности СССР в годы Великой Отечественной войны: Структура и деятельность. 1941–1945 гг.: Дисс... канд. ист. наук. Рукопись. М., 2004.

⁴⁴ Berliner J.S. Op. cit. P. 207–230.

⁴⁵ Harrison M., Simonov N. Op. cit. P. 228.

⁴⁶ Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 59; Соколов А.К. НЭП и военная промышленность // Экономическая история: Ежегодник. 2004. М., 2004.

⁴⁷ РГВА. Ф. 47. Оп. 5. Д. 207. Л. 28—33. [Положение о технической приемке предметов артиллерийского довольствия от 28.06.1927, утвержденное со стороны военного ведомства заместителем наркома НКВМ, председателем РСВ С.С.Каменевым и со стороны ВСНХ И.Д.Рухимовичем].

⁴⁸ Там же. Ф. 33991. Оп. 1. Д. 65 Л. 7—8. [Справка о выполнении постановления совещания у начальника вооружений РККА, состоявшегося 27.02.1930, о мероприятиях по контролю за качеством продукции, сдаваемой промышленностью по заказам военведа].

⁴⁹ Harrison M., Simonov N. Op. cit. P. 229.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 8. Д. 175. Л. 10—14. [Постановление СТО № 117сс «Об организации приемки военной продукции» от 28.11.1933 и совместный приказ НКТП и НКО от 04.09.1934 № 143сс, введивший в действие «Положение об обязанностях дирекций предприятий по качеству выпускаемой продукции и о контрольно-приемочном аппарате НКТП и НКО на заводах промышленности, выполняющих военные заказы»]; Оп. 23. Д. 314. Л. 1—5. [Постановление Комитета обороны при СНК СССР № 304 от 15.07.1939 «О представительствах НКО в промышленности» и приложение № 1 к нему «Положение о военпредах НКО в промышленности»].

⁵¹ Там же. Л. 2. [Положение о военпредах 1939 г.].

⁵² РГВА. Ф. 33991. Оп. 1. Д. 65. Л. 11. [Инструкция военпредам в промышленности о донесениях по поводу недочетов в выполнении промышленностью военных заказов, март 1930 г.].

⁵³ ГАРФ. Ф. 8300. Оп. 17. Д. 118а. Л. 27—28. [Положение Экономического совета СНК СССР № 69—42 о технических приемщиках НКАП на заводах-поставщиках от 11.01.1940].

⁵⁴ Там же. Л. 21. [Справка техинспектора МАП при 2-м ГПЗ К.К.Якимовича от 14.12.1954]

⁵⁵ Там же. Л. 27—28. [Положение о техинспекции НКАП 1940 г.].

⁵⁶ Ноовер/РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 49. Л. 8. [Справка на имя председателя КПК А.А.Андреева по записке уполномоченного КПК по Ярославской области Пономарева «О работе военных представителей на предприятиях г. Ярославля», подготовленная ответственным контролером КПК Н.Волковым 07.07.1943].

⁵⁷ РГВА. Ф. 47. Оп. 5. Д. 207. Л. 1. [Сведения о штатном составе приемного аппарата].

⁵⁸ На апрель 1938 г. число вольнонаемных сотрудников аппаратов военных представителей на местах составляло 1565 в НКО и 130 в НКВМФ (ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 22. Д. 508. Л. 6. [Записка на имя А.И.Микояна от 16.04.1938, подготовленная в аппарате Комитета обороны]. Число кадровых офицеров в военприемке вряд ли превышало число вольнонаемных сотрудников.

⁵⁹ Harrison M., Simonov N. Op. cit. P. 229.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 8300. Оп. 17. Д. 118а. Л. 5—13. [Выписка из справки о численности и фонде зарплаты технической приемки Главснаба МАП на 01.01.1954].

⁶¹ О темпах роста военного сектора в 1930-е гг. см.: Davies R.W., Harrison M. Defense spending and defense industry in the 1930s // The Soviet Defense-Industry Complex from Stalin to Khrushchev. P. 70—98.

⁶² ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 22. Д. 508. Л. 8. [Письмо заместителя наркома НКО, командарма 1 ранга И Ф.Федько на имя секретаря Комитета обороны, комкора Г.Д.Базилевича от 29.5.1938].

⁶³ РГВА. Ф. 33991. Оп. 1. Д. 65. Л. 1. [Протокол совещания по вопросам о мероприятиях по контролю за качеством продукции, сдаваемой промышленностью по заказам военвела, и об обследовании находящегося в НКВМ имущества неприкосновенного и мобилизационного запаса от 27.02.1930].

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 8. Д. 175. Л. 10—12. [Постановление СТО № 117сс].

⁶⁵ Там же. Л. 3. [Постановление СТО № К-142сс «О мероприятиях по улучшению условий работы и материального положения аппарата военпредов на предприятиях промышленности и об утверждении положения о контрольно-приемочном аппарате на предприятиях промышленности, выполняющих военные заказы» от 04.09.1934.].

⁶⁶ Там же. Оп. 22. Д. 508. Л. 1. [Постановление Комитета обороны № 111с «О повышении зарплат вольнонаемному составу военной приемки НКО и контрольно-приемного аппарата НКВМФ» от 05.06.1938].

⁶⁷ РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 4105. Л. 102. [Стенограмма выступления Звонарева].

⁶⁸ Там же. Л. 140. [Стенограмма выступления Довиченко].

⁶⁹ Там же. Л. 203. [Стенограмма выступления начальника ОТК завода № 217 Дульчевского].

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 8300. Оп. 17. Д. 113а. Л. 61. [Сведения начальника ОТК № 4 Петрова о работе техинспекций на Кольчугинском заводе, направленные в МГК 20.12.1954].

⁷¹ Там же. Л. 194—195. [Справка начальника калибровочного цеха Сергеева и начальника ОТК Чернова в МГК о работе техприемки на заводе «Красный Октябрь» от 14.12.1954].

⁷² Hoover/РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 49. Л. 8. [Справка на имя председателя КПК А.А.Андреева].

⁷³ Там же. Л. 9. [Справка на имя председателя КПК А.А.Андреева].

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 8300. Оп. 4. Д. 1. Л. 1. [Постановление СНК № 2161 от 26.10.1940].

⁷⁵ РГВА. Ф. 47. Оп. 9. Д. 83. Л. 12. [Стенограмма выступления Ошлея].

⁷⁶ Точный список предприятий, сдававших продукцию по «марке фабрики», утверждался совместными приказами ВСНХ и РВС (РГВА. Ф. 47. Оп. 5. Д. 207. Л. 75—82. [Приказ РВС № 84 от 12.04.1930 и «Положение о техприемке предметов и материалов военно-хозяйственного снабжения»]).

⁷⁷ РГВА. Ф. 47. Оп. 5. Д. 207. Л. 118—119. [Протокол техсовещания главного военно-хозяйственного склада с участием представителей 3-го и 5-го отделов ВХУ НКВМ от 06.04.1930].

⁷⁸ Там же. Оп. 9. Д. 105. Л. 18—19. [Стенограмма выступления Ошлея на Всесармейском съезде начальствующего состава военно-хозяйственной службы, состоявшемся 25—29.05.1933].

⁷⁹ Там же. Оп. 7. Д. 184. Л. 197—198, 249—257. [Доклад начальника ВХУ Ошлея на имя заместителя наркома НКВМ и председателя РВС С.С.Каменева по вопросу о качестве продукции военно-хозяйственного снабжения за 1929/30 г. от 30.11.1930 и диаграммы к докладу].

⁸⁰ Там же. Оп. 9. Д. 83. Л. 102. [Стенограмма выступления работника ВСНХ Будневича на совещании по военно-хозяйственным вопросам в 1928].

⁸¹ РГАЭ. Ф. 8183. Оп. 1. Д. 146. Л. 81. [Стенограмма выступления представителя Управления морского снабжения НКВМФ Кудака на заседании актива 2-го (судостроительного) главка НКОП 11—13.04.1937].

⁸² Там же. Ф. 7515. Оп. 1. Д. 403. Л. 180. [Совместное письмо Г.И.Кулика и Савченко на имя М.М.Кагановича от 07.02.1938].

⁸³ РГВА. Ф. 47. Оп. 9. Д. 83. Л. 96. [Стенограмма выступления П.Е.Дыбенко].

⁸⁴ РГАЭ. Ф. 8183. Оп. 1. Д. 146. Л. 80. [Стенограмма выступления Кудака].

⁸⁵ РГВА. Ф. 47. Оп. 9. Д. 83. Л. 30. [Стенограмма выступления Пенина].

⁸⁶ РГАЭ. Ф. 8183. Оп. 1. Д. 146. Л. 39. [Стенограммы выступлений Алякринского]; Л. 53—53об. [Стенограмма выступления Благовещенского].

⁸⁷ Там же. Л. 80. [Стенограмма выступления Кудака]; Л. 39. [Стенограмма выступления Благовещенского].

⁸⁸ РГВА. Ф. 47. Оп. 9. Д. 83. Л. 23. [Стенограмма выступления Боброва].

⁸⁹ РГАЭ. Ф. 8183. Оп. 1. Д. 146. Л. 48. [Стенограмма выступления Сердюка].

⁹⁰ Holloway D. Innovation in the Defence Sector // Industrial Innovation in the Soviet Union / Ed. by Amann R., Cooper J. New Haven, CT, 1982. P. 276—367.

⁹¹ В качестве примера можно привести письмо наркома НКОП М.М.Кагановича на имя начальника АУ РККА командара 2-го ранга Г.И.Кулика от 20 июня 1938 г. с просьбой усилить работу военпредов на заводах Наркомата машиностроения, систематически поставляющих заводу № 12 НКОП для снаряжения бракованные корпуса (РГАЭ. Ф. 7515. Оп. 1. Д. 404. Л. 247).

⁹² ГАРФ. Ф. 8300. Оп. 17. Д. 118а. Л. 33, 194—195. [Справки о проводимой технической приемкой МАП работе на заводах «Карболит» и «Красный Октябрь» от 14.12.1954].

⁹³ Там же. Л. 30. [Письмо работников завода «Электросила» на имя министра госконтроля Жаворонкова от 14.12.1954].

⁹⁴ Там же. Л. 57. [Письмо и.о. главного инженера завода им. Серго Орджоникидзе Лузенберга и заместителя начальника технического отдела Павлоцкого в МГК от 21.12.1954].

⁹⁵ Hoover/РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 91. Л. 10. [Докладная записка Брезина].

⁹⁶ Там же. Оп. 6. Д. 1616. Л. 128. [Докладная записка М.Ф.Шкирятова и Бочкова на имя А.А.Андреева, А.А.Жданова, Г.М.Маленкова от 13.05.1941].

⁹⁷ Berliner J. S. Op. cit. P. 75—87.

⁹⁸ Hoover/РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 22. Л. 34, 36. [Докладная записка Н.В.Куйбышева и М.Сорокина].

⁹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 27. Л. 108—109. [Докладная записка уполномоченного КПК по Хабаровскому краю А.Л.Орлова на имя председателя КПК А.А.Андреева и секретаря Хабаровского краевого комитета ВКП(б) Г.А.Боркова «О работе авиационного завода № 126 за январь—апрель 1940 года» от 29.06.1940].

¹⁰⁰ РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 4105. Л. 213. [Стенограмма выступления Мандича].

¹⁰¹ Там же. Ф. 7515. Оп. 1. Д. 404. Л. 158. [Письмо вр.и.д. начальника АУ РККА, комбрига Савченко на имя наркома НКОП М.М.Кагановича].

¹⁰² Hoover/РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 27. Л. 108. [Докладная записка А.Л.Орлова].

¹⁰³ Там же. Д. 34. Л. 158—159. [Докладная записка уполномоченного КПК по ТатАССР Шмелькова на имя председателя КПК А.А.Андреева и секретаря Татарского ОК ВКП(б) Е.Я.Матвеева «О работе завода № 184 им. Серго НКБ» от 27.12.1940].

¹⁰⁴ РГАЭ. Ф. 7515. Оп. 1. Д. 404. Л. 161. [Письмо наркома НКО К.Е.Ворошилова наркому НКОП М.М.Кагановичу].

¹⁰⁵ Там же. Д. 5. Л. 234—236. [Письмо начальника вооружений и технического снабжения РККА командарма 2-го ранга И.А.Халепского и в.и.д. начальника АУ РККА комбрига Розынка на имя наркома НКОП И.Д.Рухимовича от 19.02.1937].

¹⁰⁶ См., например: РГАЭ. Ф. 7515. Оп. 1. Д. 404. Л. 147—148. [Письмо заместителя наркома НКОП Бондаря на имя начальника АУ РККА командарма 2-го ранга Г.И.Кулика от 26.05.1938].

¹⁰⁷ Там же. Ф. 7515. Оп. 1. Д. 5. Л. 237—241. [Проект совместного доклада НКО и НКОП в СТО на имя В.М.Молотова, февраль 1937 г.].

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 8. Д. 175. Л. 34—40. [Специальное сообщение ОГПУ «О сдаче в РККА дефектного вооружения и о работе аппарата военной приемки и заводских отделов ОТК» от 01.08.1933].

¹⁰⁹ РГАЭ. Ф. 8183. Оп. 1. Д. 146. Л. 38. [Стенограмма выступления Благовещенского].

¹¹⁰ Hoover/РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1616. Л. 127. [Докладная записка М.Ф.Шкирятова и Бочкова].

¹¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 17. Л. 47. [Постановление бюро КПК по заявлению работников военного представительства на заводе № 39 В.Е.Макарова и М.П.Горильченко от 03.12.1939].

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же. Л. 52. [Справка на имя председателя КПК А.А.Андреева по письму товарищей В.Е.Макарова и М.П.Горильченко, подготовленная ответственным контролером КПК Зубыниным].

¹¹⁴ РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 293. Л. 180, 182, 188. [Содоклады «О выполнении приказов по наркомату об улучшении качества танков на заводе № 174» и «О качестве танков и дизельмоторов на Кировском заводе», подготовленные к заседанию коллегии НКТанкП 11.08.1943].

¹¹⁵ Там же. Л. 66. [Доклад «Об итогах работы заводов НКТанкП за июль 1943 г.», подготовленный к заседанию коллегии НКТанкП 11.08.1943].

¹¹⁶ Там же. Л. 114. [Справка «О качестве бронекорпусов Т-34 завода № 183», подготовленная к заседанию коллегии НКТанкП 11.08.1943].

¹¹⁷ Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 325—327. Цит. по: Ермолов А. Указ. соч.

¹¹⁸ РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 204. Л. 23. Цит. по: Ермолов А. Указ. соч.

¹¹⁹ Там же. Д. 72. Л. 77, 82—84. [Докладная записка руководителя группы КПК по легкой промышленности Я.Х.Петерса на имя заместителя председателя КПК Я.А.Яковлева «О неудовлетворительном производстве НКЛП СССР обуви для Красной армии» от 10.06.1937].

¹²⁰ Там же. Оп. 2. Д. 250. Л. 41—42. [Проект постановления бюро КПК «О ходе выполнения постановления Экономсовета от 15.01.1940 «О плане снабжения РККА, РКВМФ и войск НКВД вещевым и обозным имуществом в 1940 году и I квартале 1940 года» от 14.05.1940].

¹²¹ Hoover/РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 27. Л. 108. [Докладная записка А.Л.Орлова].

¹²² Там же. Д. 34. Л. 159. [Докладная записка Шмелькова].
¹²³ Там же. Оп. 1. Д. 91. Л. 7. [Докладная записка Березина].
¹²⁴ РГАЭ. Ф. 8300. Оп. 17. Д. 118а. Л. 239—240. [Справка начальника техинспекции МАП на заводе «Красный Октябрь» в МГК о работе, выполняемой техинспекцией МАП на металлургическом заводе «Красный Октябрь». от 16.12.1954].

¹²⁵ Там же. Л. 39—41. [Справка начальника техинспекции МАП на Кольчугинском заводе Ельшина и инженер-инспектора Наджарьяна в МГК о деятельности техинспекции МАП на заводе].

¹²⁶ Там же. Л. 208—227. [Справка начальника техинспекции МАП на заводе «Красный Октябрь»].

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же. Л. 235. [Письмо начальника Главснаба МАП на имя начальника техприемки на заводе «Красный Октябрь» от 15.03.1951].

¹²⁹ Berliner J.S. Op. cit. P. 160—181.

¹³⁰ Интересно отметить, что подобная практика существовала и на авиационных заводах Великобритании во время Второй мировой войны. Месячный и недельный выпуск планировался в самолетах, как сланных, так и ожидающих прохождения испытаний (АФТ — awaiting flying test). Оба показателя часто фальсифицировались. Как отмечал сэр Аустин Робинсон, глава Отдела производственных программ, высшее руководство в Министерстве авиационной промышленности было склонно включать АФТ-самолеты в число принятых «даже тогда, когда они были далеки от завершения. (Были случаи, когда у таких самолетов не было даже крыльев!)» (письмо Аустина Робинса Марку Харрисону, полученное 21 марта 1989 г. // Личный архив М. Харрисона. Автор благодарит проф. М. Харрисона за предоставленную информацию).

¹³¹ Hoover/РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 98. Л. 85. [Докладная записка заместителя уполномоченного КПК по Саратовской области В.И. Киселева на имя председателя КПК А.А. Андреева и секретаря Саратовского обкома ВКП(б) П.Т. Комарова «О фактах очковтирательства на заводе № 44 Министерства транспортного машиностроения» от 02.08.1946].

¹³² Там же. Д. 67. Л. 11. [Проект постановления бюро КПК «О неправильных действиях директора завода № 60 А.Ф. Тарасенко и заместителя начальника 3-го главка НКВ С.И. Ветошкина»].

¹³³ Там же. Оп. 6. Д. 1583. Л. 10—14. [Справка на имя председателя КПК А.А. Андреева «О фактах очковтирательства в сообщениях о выполнении программы на заводах № 8 НКВ и № 266 НКАП, № 255 НКТП, № 541 НКВ и трестах Азнефтекомбината», подготовленная ответственным контролером КПК И. Самусенко, 15.07.1944].

¹³⁴ Там же. Л. 31. [Справка по заявлению члена ВКП(б) Р.Л. Шаганского на имя заместителя председателя КПК И.А. Ягодкина, подготовленная ответственным контролером КПК М. Захаровым 26.10.1948].

¹³⁵ Alexander A.J. Op. cit.; Agursky M., Adomeit H. Op. cit.

¹³⁶ Hoover/РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 47. Л. 18. [Справка на имя председателя КПК А.А. Андреева, подготовленная ответственным контролером КПК, от 29.09.1941].

¹³⁷ Там же. Оп. 2. Д. 55. Л. 1—2. [Постановление бюро КПК «О нарушении государственной дисциплины и злоупотреблениях на заводе № 698 НКЭП» от 28.10.1943].

¹³⁸ Там же. Д. 63. Л. 160. [Справка на имя председателя КПК А.А. Андреева «О предоставлении директором завода № 60 очковтирательских сведений о

выполнении плана за апрель месяц 1944 г. в НКВ СССР», подготовленная уполномоченным КПК по Киргизской ССР Сотсковым 05.06.1944].

¹³⁹ Там же. Л. 21. [Письмо начальника УЗПСВ ГАУ РККА генерал-майора инженерно-артиллерийской службы Дубовицкого на имя заместителя председателя КПК И. Кузьмина от 08.07.1944].

¹⁴⁰ РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 108. Л. 151—151об. [Справка уполномоченного КПК по Свердловской области Кулефеева от 07.12.1942].

¹⁴¹ ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 8. Д. 175. Л. 38. [Специальное сообщение ОГПУ от 01.08.1933].

¹⁴² См.: Grossman G. Notes on the Illegal Private Economy and Corruption // Soviet Economy in a Time of Change. Vol. 1. U.S. Congress Joint Economic Committee. Washington, DC, 1979. P. 834—855.

¹⁴³ ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 23. Д. 314. Л. 2—5. [Положение о военпредах 1939 г.].

¹⁴⁴ РГАЭ. Ф. 7515. Оп. 1. Д. 404. Л. 104—111. [Письмо Шевчука на имя наркома НКВД Н.И. Ежова от 20.04.1938].

¹⁴⁵ Там же. Л. 101. [Письмо М.М. Кагановича на имя начальника ВВС РККА командарма 2-го ранга А.Д. Локтионова от 10.05.1938].

¹⁴⁶ Gregory P.R. Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy. New York, 1990.

¹⁴⁷ РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 4105. Л. 239. [Стенограмма выступления Гаврикова].

¹⁴⁸ Там же. Ф. 8183. Оп. 1. Д. 146. Л. 39—39об. [Стенограмма выступления Благовещенского].

¹⁴⁹ Там же. Ф. 7515. Оп. 1. Д. 403. Л. 1—2. [Письмо Г.И. Кулика М.М. Кагановичу от 20.10.1937].

¹⁵⁰ Там же. Л. 166—167. [Письмо М.М. Кагановича К.Е. Ворошилову от 15.03.1938].

¹⁵¹ Там же. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 1010. Л. 89. [Письмо на имя начальника УЗПВЗ ГАУ РККА генерал-майора инженерно-артиллерийской службы Савченко от 26.11.1945].

¹⁵² Там же. Л. 217. [Письмо на имя заместителя начальника УЗПСВ ГАУКА генерал-майора инженерно-артиллерийской службы Поликарпова от 20.12.1945].

¹⁵³ РГВА. Ф. 47. Оп. 5. Д. 207. Л. 29. [Положение о военприемке 1927 г.].

¹⁵⁴ ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 23. Д. 314. Л. 2—5. [Положение о военпредах 1939 г.].

¹⁵⁵ Там же. Л. 20—27, 34—39. [Проекты положений о контрольно-приемочном аппарате НКО СССР, представленные УМТС УВВС и АУ РККА, апрель 1939 г.].

¹⁵⁶ Там же. Оп. 9. Д. 69. Л. 2 [Записка ЦКК—НКРКИ на имя председателя СНК и СТО В.М. Молотова «О поставке заводом № 26 Главвиапрома военведу некондиционных авиамоторов» от 19.11.1933].

¹⁵⁷ РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 4105. Л. 136. [Стенограмма выступления Довиченко].

¹⁵⁸ Там же. Ф. 8752. Оп. 1. Д. 193. Л. 30. [Докладная записка начальника финансово-бухгалтерского отдела НКТанкП Шагалова на имя заместителя наркома НКТанкП А.А. Горегляда от 05.08.1943].

¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 8. Д. 175. Л. 10—12. [Специальное сообщение ОГПУ от 01.08.1933].

¹⁶⁰ Возможно, подобные дела еще не рассекречены. В частности, до сих пор секретны большинство дел групп главных контролеров по промышленным оборонным министерствам НКГК/МГК. Фонды военно-следственных и военно-судебных органов военного ведомства за 1930-е и последующие годы из архива Минобороны в РГВА также до сих пор не переданы. В фонде НКВД документы Экономического управления НКВД, контролировавшего в том числе и оборонку, отсутствуют.

¹⁶¹ ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 11. Д. 283. Л. 4—8. [Записка члена бюро КПК при ЦК ВКП(б) руководителя группы по военно-морским делам Н.В. Куйбышева в ЦК ВКП(б) И.С. Сталину, КПК при ЦК ВКП(б) Н.И. Ежову, СТО В.М. Молотову, НКТП С.Орджоникидзе, НКО К.Е. Ворошилову «О практике подкупа работников военной приемки на заводе № 70» от 29.11.1936].

¹⁶² Там же. Л. 2. [Приказ НКТП № 1917 от 03.12.1936].

¹⁶³ Там же. Оп. 8. Д. 175. Л. 34—40. [Специальное сообщение ОГПУ от 01.08.1933]; Оп. 11. Д. 283. Л. 4—8. [Записка Н.В. Куйбышева от 29.11.1936].

¹⁶⁴ Harrison M., Simonov N. *Op. cit.* P. 240—241.

¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 8. Д. 175. Л. 10—14. [Положение о военпредах 1933/1934 г.]; Оп. 23. Д. 314. Л. 2—5. [Положение о военпредах 1939 г.].

¹⁶⁶ Там же. Оп. 8. Д. 175. Л. 36. [Специальное сообщение ОГПУ от 01.08.1933].

¹⁶⁷ Hoover/РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 27. Л. 109. [Докладная записка А.Л. Орлова].

¹⁶⁸ Там же. Д. 49. Л. 9. [Справка на имя председателя КПК А.А. Андреева].

¹⁶⁹ Gregory P.R. *Soviet Defence Puzzles: Archives, Strategy, and Underfulfillment // Europe-Asia Studies*, 2003. Vol. 55. № 6. P. 923—938.

¹⁷⁰ Формальное описание модели взаимодействия армии и промышленности см. в: Markevich A., Harrison M. *Quality, Experience, and Monopoly: Regulating the Soviet Seller's Market for Military Goods // PERSA Working Paper no. 35*. University of Warwick, Department of Economics. URL <http://www.warwick.ac.uk/go/sovietarchives/persa>.

Аграрная история СССР 1920-х — 1930-х гг. в свете новых документальных публикаций**

Нынешнее обновление исторического знания и огромное расширение исследовательского поля в области социально-экономической истории создали благоприятные условия для прогресса теоретической мысли и конкретно-исторических исследований крестьяноведов и специалистов по аграрной истории России. Академик Н.Н.Покровский — автор крылатой фразы «Время публиковать источники», прозвучавшей в середине 1990-х гг., — отметил: «Историк получил в свое распоряжение такие документы, без использования которых исследование ключевых проблем истории советского общества отныне будет неправомерным»¹. Действительно, формируется современная широкая источниковая база, в основном из ранее засекреченных и недоступных документов, что способствует принципиальному пересмотру концепций, сложившихся в советской и перестроечной историографии. Появились тематические циклы документальных публикаций различного содержания и качества, характеризующие разные стороны и стадии новой экономической политики, а также эпохи «великого перелома».

К сожалению, наши исследования по 1920-м и 1930-м гг. еще мало на них опираются, используют их подчас фрагментарно и иллюстративно, а «аграрники», «промышленники», «культурники», демографы отдельно «обживают свои научные квартиры». Между тем новые документальные публикации носят синтетический, обобщенный характер. Массовые, типичные и интересные документы по аграрной истории, увидевшие свет в последнее десятилетие, могут быть условно разделены на четыре жанровых пласта: 1. Сводки ОГПУ о политическом и хозяйственном положении в стране; 2. Тематические сборники о кооперативном и колхозном строительстве; 3. Письма населения во власть; 4. Документы партийной элиты (материалы партийных пленумов и переписка большевистских руководителей). Эти источники в своей совокупности и многообразии позволяют полнее и в динамике представить хозяйственные, социальные и политические изменения в деревне, характер взаимодействия экономики и политики, логику свертывания новой экономической политики и наступления «революции сверху»².

---

* Рогалина Нина Львовна — доктор исторических наук (Исторический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова).

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 0301-00712.

Количество неизвестных ранее фактов, отраженных в документах, естественно, переходит в некое новое качество — в складывание новых представлений о «великом переломе» как явлении многофакторном. Следует согласиться с авторами интереснейшей публикации «Рязанская деревня в 1929—1930 гг. Хроника головокружения: Документы и материалы», что новые документы читаются «как хроника чрезвычайных происшествий, количество которых в период насильственной коллективизации действительно зашкаливало за все мыслимые пределы, а границы политического и уголовного криминала оказывались размытыми»³.

В данной статье будут рассмотрены некоторые проблемы, актуализировавшиеся в свете появления названных документальных публикаций и исторических исследований последних лет. Интересно проследить логическую и органическую связь аграрного развития и социальной политики 20-х и 30-х гг., сделавшую возможной и неизбежной метаморфозу нэпа в политику «сплошной» коллективизации.

* * *

С введением новой экономической политики произошла нормализация землепользования, были созданы условия для индивидуального хозяйствования. Крестьяне ценили стимулирующие факторы нэповского развития — отобранную у помещиков землю, возможность как-то реализовать свои материальные интересы. Их настроения улучшались в связи с хорошими видами на урожай, упорядочением местных налогов, сокращением «ножниц цен». Спецсводки ОГПУ в сочетании с письмами, жалобами, посланиями во власть помогают лучше понять повседневность того времени с ее проблемами и испытаниями. Недовольство сельского населения было связано с ценовой и налоговой политикой, продовольственными трудностями, дороговизной, товарным дефицитом. По регулярным обзорам политического и хозяйственного состояния страны и письмам трудящихся во власть отчетливо просматривается, что крестьяне не приняли повышения налогов; они открыто говорили, что их эксплуатируют больше, чем до революции, а живут они хуже⁴.

Источники показывают, что с самого начала поле «уступленное нэпу», было невелико, а в хозяйственной политике причудливо сочетались, перемежались допущение аренды земли и ее ограничение, разрешение частного предпринимательства и его запрещение, реализация нэповских, по сути, постановлений и их игнорирование, ожидание указаний сверху и действия на местах на свой страх и риск.

На практике тезис о союзе с крестьянством имел декларативный характер, более «агитпроповское, чем материальное содержание», если употреблять выражение Ф.Дзержинского, относящееся к 1924 г. Он писал в своей служебной записке в Политбюро ЦК РКП(б) генеральному секретарю И.Сталину: «...необходимо снова обратить внимание всего рабочего класса и всей партии на намечающуюся трещину в союзе между рабочими и крестьянами. Темп поднятия уровня

жизни рабочих и крестьян не только неодинаков, но резко разошелся. Уровень жизни рабочих растет непропорционально быстро — без достаточной для этого экономической базы. Крестьяне это видят»⁵.

Грамотные и хозяйственно активные слои выступают с предложениями и критикой. Интересно, что в середине 1920-х гг. в этих посланиях появляются настойчивые сравнения с дореволюционным временем о работе кооперации, кредите, землеустройстве и т.д.; эти сопоставления были не в пользу нэповской реальности⁶. А.И.Микоян признавал на Февральском пленуме 1927 г.: «По сравнению с довоенным крестьянин сейчас платит вдвое больше за промышленные товары, чем выручает за свои товары»⁷.

Действительно, политика цен на важнейшие сельскохозяйственные культуры не способствовала росту производительности и товарности. Теперь крестьянину приходилось продавать в два раза больше сельскохозяйственных продуктов, чтобы купить промышленные товары. Сводки ОГПУ передают высказывания крестьян на эту тему⁸. Такие настроения можно характеризовать как настроения «отчуждения и недоверия». Следует согласиться с выводом итальянского историка А.Грациози, что уже тогда крестьяне чувствовали себя гражданами второго сорта⁹.

Регулирование цен на сельскохозяйственную продукцию вообще шло под предлогом борьбы с кулаком и помощи бедноте. Такой директивный подход трудно было согласовать с триединой формулой Госплана, одобренной Советом труда и обороны (СТО), а именно: директивные цены должны быть *восстановительные* для хозяйства, *рентабельные* для экспорта и *приемлемые* для города¹⁰.

Стремление в условиях рыночных отношений сохранить и развить основы классовой политики и противопоставить мелкобуржуазной стихии деревни социалистические формы хозяйственного строительства блокировало такие эффективные средства смягчения растущего аграрного перенаселения, как колонизация, мелиорация, землеустройство. Предложение «раскрепостить середняцкое и зажиточное хозяйство в его производственных возможностях» поддержки не находило¹¹. Накопление у крестьянской массы приняло натуральные формы в ущерб денежным, становясь с каждым годом все более вынужденным и нерациональным. При наличных производительных силах и институциональных условиях в тугой узел связались проблемы рыночности и товарности, накопления и потребления.

В партийных кругах зрело признание, что «экономическая обстановка усложняется» Г.Кржижановский в начале февраля 1926 г. правоммерно говорил о своеобразии и новизне ряда хозяйственных феноменов переходного от капитализма к социализму периода и *об отсутствии прочных закономерностей в хозяйственной жизни* (курсив мой. — Н.Р.)¹². Перелом приходится на вторую половину 1926 г.: начинается несправая и по всему фронту борьба с частником, осуществляется дальнейшее огосударствление кооперации, проводится еще более антикрестьянская политика цен, идет рост налогообложения, в хлебозаготовки вносится классовая борьба (впервые, как выясняется, для их проведения привлекается ОГПУ и с тех пор из них не уходит)¹³.

Мы можем теперь корректнее и строже, чем раньше, судить о предпосылках хлебозаготовительного кризиса 1927/28г., о его объективных и субъективных чертах. Новые документальные публикации показывают, что экономическая политика уже с 1923/24 г. была сосредоточена на достижении высоких и несбалансированных темпов роста объемов продукции отраслей группы «А», что подготавливало будущий кризис хлебозаготовок. Ориентировочно-информационная сводка экономического управления ОГПУ о ходе хлебозаготовительной кампании 1926/27 хозяйственного года 9 августа 1926 г. отмечала, что «напряженный ход хлебозаготовок 1925/26 г. и несоответствие первоначальных планов предположительным с действительным количеством (так в источнике. — *Н.Р.*) заготовленного хлеба обуславливались переоценкой размеров хлебных излишков урожая минувшего года, усиленным ведением хлебозаготовок, недостатком на рынке промтоваров и отсутствием у государства маневренных хлебных фондов»¹⁴.

Масштабы изъятий 1926/27 г. по сравнению с 1925/26 г. характеризуются следующими показателями: при росте валового сбора на 6,5% государственные заготовки увеличились на 25,2%¹⁵. Теперь становится ясно, что расчет хлебных запасов был неверен и сильно преувеличен: в 1926/27 хозяйственном году на 350—370 млн пудов, то есть более чем на половину¹⁶. На деле же крестьянские хлебные запасы являлись не более чем необходимыми страховыми фондами, и принудительные изъятия согласно 107 статье УК ударили по невысокому уровню благосостояния деревни. В отсутствие хлебных запасов состоялся высокий экспорт (свыше 188 млн пуд.) за счет снижения снабжения городского населения, и все это — на фоне раздутой властями военной угрозы. Неожиданные и тщательно скрываемые от населения продовольственные трудности, возникшие после самого высокого урожая, — это яркий факт из области внешней политики, обращенной вовнутрь, служившей целям партийной борьбы, и одновременно пример хромающего решения, сократившего срок жизни нэпа.

Очевиден неблагоприятный характер институциональных ограничений по линии политики цен, налогового нажима (по сути, вся классовая линия), вызывающих деление крупных хозяйств, натуральный характер их накоплений, а главное, нарастающую хозяйственную бесперспективность, которая, в свою очередь, вела к свертыванию производственной активности и дальнейшему усилению аграрного перенаселения. Ясно, что не кооперацию приспособлявали к нэпу или нэп — к кооперации, а то и другое — к плановому началу. Успехи кооперации и были мерой успеха нэпа. Огосударствление кооперации, превращение ее в аппарат распределения и утверждения монополизма шло через борьбу со стихийностью, путем постоянного усиления государственного вмешательства, разрушения материальных стимулов и рыночной мотивации, свертывания торговли, вытеснения из обращения частного посредника и т.д.

Индивидуализация землепользования как важнейшее условие продуктивного труда не углубилась и не получила законного про-

должения и оформления. Это не создавало благоприятной почвы для укоренения отношений собственности. Действовали изначальные доктринальные и институциональные ограничения: это — заведомо временный характер аренды, прогрессивная шкала обложения (вместо взимания пропорциональных налогов, стимулировавших производство). Только развивая факторы органического и рационального порядка — хозяйственную инициативу, самоорганизацию населения, кооперативную самодеятельность, накопление материальных ценностей, — можно усилить темп развития сельского хозяйства в нужном направлении.

Итак, идет фронтальное обновление проблематики в этой классической для отечественной историографии теме. От апологетической или кризисной концепции феномена новой экономической политики мы переходим к эволюционистской. По существу, складывается новая оценка всего процесса развития отечественной кооперации, колхозного движения, индустриализации периода 1920-х гг. Благодаря новым публикациям мы получаем более объемное «хозяйственное» и «партийное» измерение нэпа. Четче виден скромный фактический фундамент, на котором произошло неполное восстановление экономики («вчерне», как выражались специалисты). Нам предстоит установить степень и масштабы незавершенности восстановительных процессов, объективно не позволявшей делать «рывки» и «скачки».

1920-е гг. не выглядят как некая интерлюдия или мирная передышка и, тем более, как благополучный и восходящий в своем развитии период, на что нацеливали нас официальные данные, отраженные в партийных решениях разного уровня. Напротив, властная политика была активна, наступательна, стремилась к преодолению дифференциации, имущественного неравенства, препятствовала несанкционированной хозяйственной инициативе — всему тому, что являлось реальными двигателями нэпа и могло бы прочнее закрепить его в хозяйственной структуре и общественном сознании. Духом нарастающего этагизма пронизаны документы эпохи. По систематическим сводкам ОГПУ видно, что режим боялся «крестьянских настроений», сознавая собственную непопулярность. Человеку, его интересам и нуждам здесь почти не оставалось места, о чем свидетельствует и содержание посланий во власть «снизу» в разных их видах и формах¹⁷.

Для нас по-новому актуальны два вопроса: 1) о возможности конструирования некоего нового нэпа (в рамках планируемой первой пятилетки) и 2) о связи нэпа с последующей эпохой «великого перелома». Спорам на эту тему не видно конца. «Пессимисты» получили из новых фондов и публикаций много убедительных подтверждений своего вывода об исчерпанности объективных возможностей для дальнейшего нэповского развития¹⁸. «Оптимисты» же видят соответствующие преграды преимущественно в сфере субъективных факторов¹⁹.

В современных обсуждениях проблем альтернативного развития прозвучал довольно дружный вывод о непротиворечивом и взаимодополняющем характере экономического содержания теорий «правых» и «левых», несмотря на их драматическое противостояние²⁰.

Стремление вернуться к решениям XIV и XV партийных съездов не спасало положения, поскольку сложившиеся к тому времени институциональные условия не стимулировали подлинную многоукладность, «живую» (по выражению Н.Д.Кондратьева) кооперацию и частную инициативу. Фрагментарные, эклектичные, запоздалые рецепты не разрешали и в перспективе самые насущные вопросы, а именно проблемы народнохозяйственного накопления, товарности, аграрного перенаселения.

Даже в проблемном плане партийными теоретиками не был поставлен вопрос о жизнеспособности предложенной экономической модели, сконструированной из двух разнородных механизмов: одного — в социалистической промышленности, другого — в мелкотоварном хозяйстве. В ее неустойчивости и таилось главное противоречие, не разрешаемое в рамках сложившейся системы. Нэповский рынок неуклонно дезорганизовывался государственной монополией на принятие хозяйственных решений.

При этом все практические предложения ломались о проблему частника, кулака, спекулянта, — то есть доминировал классовый подход, не совместимый с рыночной средой и идеологией. Из переписки вождей (письма Ф.Дзержинского Г.Ягоде) мы узнали о предложении «заселить паразитическим элементом (с семьями и со всем их скарбом) наших городов малонаселенные местности по особо выработанному и утвержденному СНК плану [...] *после того, как будет определено, что такое паразит-спекулянт в отличие от честного и разрешенного частного торговца* (курсив источника. — Н.Р.)»²¹. Письмо написано весной 1926 г. Тогда, как и позже, власти не смогли определить, кто такой кулак, поэтому отнесли к нему зажиточную и перспективную верхушку и разорили ее сначала повышенными налогами, а затем конфискационными изъятиями.

«Честных и разрешенных» определить так и не смогли, зато почва для начала 1930-х гг. оказалась подготовленной: «спекулятивная» 107 статья стала уже в 1928 г. применяться за «невывпуск хлеба», то есть ко всем, не желавшим сдавать свой хлеб практически бесплатно. А далее последовало секретное постановление ЦИК и СНК СССР о повсеместном запрещении свободного переселения кулаков и распродажи ими своего имущества и инвентаря под угрозой конфискации и других репрессивных мер²².

Огромный массив информации, выявленный ранее недоступными источниками, не только существенно корректирует наши взгляды, но и резко изменяет их. Очевидно, что вновь добытые данные должны не просто служить иллюстрацией к тем или иным концептуальным положениям, а стать фундаментом новых подходов и комплексных исследований. Поэтому, как уже было сказано выше, актуально не апологетическое или кризисное, а эволюционное объяснение феноменов новой экономической политики. Необходимо более определенно выявить место 1920-х гг. в модернизационных процессах и в строительстве государственного социализма, когда накапливались предпосылки для последовательного, а не импульсивного огосударствления всех сфер, чему способствовали уравнительный эффект

общинной революции, процессы архаизации социальной структуры, натурализации и обеднения производственных отношений.

Итак, увидевшие свет документальные публикации убедительно показывают преимущество 1930-х гг. по отношению к 1920-м. Сначала был заложен фундамент в виде огосударствленных кооперации и кредита и т.д., а также психологической готовности к экспроприации и высылке «мешающих» больших социальных групп. А главное, нэп создал социальную базу для будущей коллективизации пауперизацией и люмпенизацией. Нам еще предстоит осмыслить обстоятельства исторического выбора конца 1920-х гг., то есть наступления не календарных, а событийных 1930-х гг. Этому способствует последовательное выявление определяющих причин крушения нэпа и перехода к «чрезвычайшине».

«Узаконенные беззакония» во всей своей полноте выразились в раскулачивании — процессе долговременном и многоцелевом. Массовые источники позволяют широко осветить различные аспекты данной темы: выработку законодательной основы новой классово-политики в деревне и ее реализацию, включая массовое физическое истребление «классовых врагов»; истинный смысл и место раскулачивания в ходе сплошной коллективизации; участие масс в данном процессе; жизнь и судьбы раскулаченных, спецпереселенцев, трудопоселенцев и т.д.²³

Модель ликвидации кулачества как класса берет начало в ходе сибирской хлебозаготовительной кампании зимы 1928 г. и разворачивается импульсивно, «продвигаясь на ощупь». Очевидно, что люмпенские настроения широко и довольно успешно использовались властями в антикулацкой политике, постоянно подпитывали ее в 1920-е гг. и сыграли поистине зловещую роль в преддверии великого перелома и особенно в ходе сплошной коллективизации.

Документы и материалы, представленные в первом и втором томах фундаментального издания «Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание», разворачивают широкую картину хода коллективизации и мероприятий по ликвидации кулачества. Так, в докладе секретаря обкома ВКП(б) Центрально-Черноземной области И.Варейкиса в ЦК ВКП(б) (февраль 1930 г.) сообщается: «Раскулачивание проходит при активном участии бедноты, а в ряде районов — и середняка. Беднота большими группами ходит вместе с комиссиями по кулацким дворам, отбирает имущество. По ночам по своей инициативе сторожат на дорогах при выезде из селений с целью задержания убегающих кулаков, на общих собраниях выносят решения, требующие немедленного выселения из области особо злостных кулаков»²⁴. Из доклада опергруппы ОГПУ об итогах работы по выселению кулаков второй категории (6 мая 1930 г. «Совершенно секретно») по разделу «Реагирование населения» следует, что «отношение основной бедняцко-средняцкой массы крестьянства к выселению кулачества во всех областях, откуда проводилось выселение, оставалось положительным в течение хода всей кампании... Активность всей селянской массы была настолько велика, что в течение всего периода проведения операции не было никакой надобности

прибегать к помощи вооруженной силы для охраны, сопровождения кулаков и т.п.»²⁵. «Наличие вполне здорового настроения среди основных масс деревни в деле ликвидации кулачества как класса» констатируют документы и в 1931 г.²⁶

Раскулачивание выступало как выражение уравнилельных, эгалитаристских настроений народа в 1917 г. и в 20-е гг. и являлось масштабным переделом собственности, антирыночным и псевдоколлективистским. Этот довольно болезненный вопрос нуждается в конкретном, по регионам, исследовании, так же как и роль насилия в качестве привлекательного и единственно возможного, казалось бы, способа решения неразрешимых проблем. Выясняется, что вопреки «щадящему» постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. на практике проводилась конфискация всего имущества и денег «кулаков». Проведение «операции по кулакам» — так называлась кампания против крестьянства в секретных документах ОГПУ — обстоятельно просматривается по массовым архивным документам, широко комментируется и анализируется исследователями²⁷.

Выясняется, что сначала отделялись и выдворялись из деревни все, сопротивлявшиеся сплошной коллективизации; экспроприровалось их имущество и средства производства, обращались в неделимые фонды колхозов. Так, к лету 1930 г. больше чем половина всех колхозов получили фонды раскулаченных хозяйств, доля которых в неделимых капиталах составляла от одной четверти их до двух пятых²⁸. Кроме того, народное хозяйство обеспечивалось дешевой рабочей силой, рационализировалось ее использование во все возрастающих масштабах в промышленности, на вновь осваиваемых территориях.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о спецпереселенцах, выслезаемых по заявкам организаций, от 10 июля 1931 г. позволяет судить о характере и масштабах использования их труда. Полномочные представители ОГПУ по регионам разрабатывали соответствующие предложения и удовлетворяли заявки от промышленности и строек на дешевую рабочую силу. Например, заявки Востокугля на 7 тыс. чел., были удовлетворены частично за счет башкирских спецпереселенцев, а также за счет внутреннего восточно-сибирского и западно-сибирского спецпереселения; по заявкам Уралугля было направлено 2200 чел. из Нижегородского края. Востоксталь запросил 18200 семей из Московской области для Кузнецкстроя, Синарстроя, Магнитостроя, Высокогорского, Бакальского, Гороблагодатского, Златоустовского рудоуправлений. Цветметзолото, Союзторф, Союзлеспром также предъявляли свои заявки²⁹.

Раскулачивание все время выступало как самостоятельная целевая капания, шло «волнами», неизменно подгоняя темпы коллективизации, заметно «взбадривая» ее. «Операция по кулаку» имела целью в 1928—1929 гг. усиление хлебозаготовок, в 1930—1934 гг. — подталкивание сплошной коллективизации, во второй половине 30-х гг. — постоянное устрашение как колхозников, так и единоличников.

Власть хотела «руководить стихией» раскулачивания, вести «плановую коллективизацию» и перманентно решать неразрешимую задачу — сочетать «недопустимость подмены работы по массовой коллективизации голым раскулачиванием» с максимально быстрой ликвидацией кулачества как класса. Источники констатируют путаницу в настроениях как бедняцко-средняцких масс, так и низового аппарата. Но боязнь «не загнать бы по части отжима» (Сырцов) преобладала³⁰. Анализ различных текстов той поры показывает, что самым употребляемым, ключевым было слово «Соловки»: «сверху» им постоянно пугали, а «снизу» по этому поводу постоянно жаловались³¹.

«Кулаки» ответили за все. «Все хотят объяснить кулаком, но осознают, что перекрутили, переколлективизировали...» — писал Г.Орджоникидзе И.Сталину и С.Косиору в марте 1930 г. по поводу «перегибов»³². В 1931—1932 гг. на кулаков удалось списать обстановку голода, недостатки нежизнеспособных колхозов и всей провальной работы партии в деревне. Из года в год финансовые органы «выявляли» и «довывяляли» «кулацкие хозяйства» как в колхозах, так и за их пределами. Директива-инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г. содержит признание, что это была «борьба, направленная на отстаивание колхозной формы хозяйствования в ее борьбе против частной формы хозяйствования»³³.

Несомненно, верен сделанный на основе документов исследовательский вывод И.Зеленина о том, что «раскулачивание» и выселение крестьян (или угроза их применения) являлись основными, решающими факторами «нового подъема» колхозного движения³⁴. Факты говорят о том, что раскулачивание было первичным, а коллективизация выступала как производное от него. Политика ликвидации кулачества как класса являлась условием и почвой сплошной коллективизации. Она опережала коллективизацию, стимулируя ее экономически и психологически, выступая как мотор «последнего предупреждения» и устрашения единоличников.

Способы раскулачивания вырабатывались во имя успеха хлебозаготовок; этой же цели служили и созданные в спешном и массовом порядке колхозы. По новейшим публикациям мы выясняем, что власти «наощупь» искали максимальные пределы возможных изъятий. Выдвигалось предложение «...заготавливать в колхозах товарный хлеб, а не хлеб вообще. Борьба за хлеб должна иметь в виду не только получение того хлеба, который уже произведен, но и увеличение производства хлеба» (Хагаевич)³⁵. Нужны «не все товарные излишки, но твердый план» (Молотов)³⁶. В конце концов государство решило заготавливать хлеб вообще. Сокровенные чаянья властей емко выразила формула наркома земледелия СССР Я.А.Яковлева (лето 1933 г.): «...вместо того, чтобы устанавливать то, что забирается у хозяйства, установить то, что у него оставляется»³⁷. Разнообразные источники обнаруживают «стремление отделить заготовительные планы от планов производства зерна, взваливая всю ответственность на невыполнение поставок на крестьянство»³⁸.

Излишки определялись по принципам продрозверстки при непрерывном участии органов ОГПУ и Наркомюста РСФСР. Планы хле-

бозаготовок разверстывались по районам и колхозам механически, стихийно, уравнилельно. Государство ставило задачу максимального выкачивания зерна из деревни в целях финансирования форсированной индустриализации, чему были подчинены соответствующие методы, обеспечивающие «единство заготовок и вывоза хлеба» («метровка», «конвейер» и т.п.).

Австралийский исследователь С. Уиткрофт, произведя оценку зерновых балансов и урожайности в годы первой пятилетки по данным ЦСУ, Госплана и его Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) показал, что «на протяжении этого периода потребности советского правительства в зерне значительно превышали возможности крестьян обеспечить зернопоставки» Претенциозные планы «...неизменно недовыполнялись даже в урожайные годы»³⁹. Для этого приходилось снижать расходы и запасы самих крестьян, то есть обеспечивать заготовки в ущерб потреблению. В результате уровень централизованных хлебозаготовок поднялся с 10 млн т в середине 1920-х гг. до 22 млн т в 1930 г. «В последующие три года фактически не было увеличения госпоставок, хотя запланирован был большой рост и потребность в зерне была огромна»⁴⁰. По мере того как в стране сокращалось число единоличников, уменьшалось производство сельскохозяйственной продукции, особенно животноводческой.

Балансы 1931—1933 гг. показывают, что количество зерна на корм скоту в сельском хозяйстве сократилось с 18,5 млн т в 1928 г. до 10,2 млн т в 1932/33 г. и что продовольственное потребление в сельском хозяйстве упало с 31,2 млн т в 1928 г. до 18,4 млн т в 1932/33 г.⁴¹ Такая динамика практически неизбежно влекла за собой голод и катастрофические потери в поголовье скота. Аграрный кризис охватил основные сельскохозяйственные районы страны, разразилась голодная катастрофа. Конечно, массового голода можно было избежать, тем более что валовой сбор в 1932 г. был не меньше, чем в 1931 г., а государство располагало необходимыми запасами. 18 млн ц зерна, столько же неприкосновенных запасов могли бы прокормить по нормам благополучных лет 6,9 млн человек, а по условиям голодных спасти от истощения и вымирания еще больше — 14 млн. По подсчетам В. П. Данилова, «в совокупности отказ от экспорта хлеба и реализации хлебных запасов могли бы улучшить положение в основных голодающих районах 25—30 млн человек»⁴².

Источники рисуют парадоксальную, на первый взгляд, картину: количество колхозов увеличивалось, а численность населения в них сокращалась (то есть продолжалось бегство из села). Властям пришлось шире, чем ранее, прибегать к испытанной тактике «отступление — наступление», предложить крестьянам не только кнут, но и пряник. Ряд мер по экономическому послаблению колхозникам получил условное ироническое название «неонэп». Некоторые исследователи ведут его отсчет с весны 1932 г., когда вышли партийные и правительственные постановления, осуждавшие практику принудительного отбора у колхозников коровы и мелкого скота, снижавшие планы хлебо- и скотозаготовок⁴³. Появление колхозного рынка в 1932 г. показало, что государству не удалось полностью взять под контроль не-

сельского хозяйственного снабжение. Последующие решения о закупках хлеба, укреплении денежного хозяйства и разворачивании товарооборота означали некоторую хозяйственную стабилизацию.

В историографии идет осмысление характера принудительного консенсуса, скрепленного разрешением небольшого подсобного личного хозяйства (которое и представляло из себя элемент частного хозяйства), его социально-экономических результатов. Ю.А. Мошков пишет об отсутствии таких прямых сообщений источников о голодовках в 1935—1936 гг., какие имели место в 1934 г. «Трудно сказать, было ли это результатом известного упорядочения дел в сельском хозяйстве страны, более гибкой и широкой системы натуральных ссуд, предоставляемых из центра, или же исчезновением такого источника, как донесения заместителей начальников политотделов МТС своему начальству в Москву, бывших основным каналом подобной информации»⁴⁴.

Исследование названных вопросов предстоит продолжить как в общесоюзном, так и в региональном разрезе. Очевидно, что значение попыток реформирования колхозов в середине 1930-х гг. состояло в том, чтобы возложить интенсивные отрасли (скотоводство) на крестьянские дворы, а экстенсивные (зерновое производство) — на социализированный сектор.

Крестьянство практически выступает как побежденная и дискриминированная группа, судьба которой целиком находится в руках государства. Документы, исходящие от колхозников в виде писем, жалоб, «посланий наверх», говорят о крайне тяжелом материальном и бесправном социальном положении сельских тружеников на протяжении всех 1930-х гг.⁴⁵ Если в начале 1930-х гг. крестьян насильно загоняли в колхозы, и те отвечали массовым бегством, то после принятия Примерного устава сельскохозяйственной артели 1935 г. они жаловались на исключение из колхозов. Важное наблюдение специалиста тех лет: «Характерно, что колхозник в первое время коллективизации сравнительно скоро отвык от индивидуалистического “мое” и стал говорить про колхозное “наше”, а уже с прошлого года <1931 г. — Н.Р.> говорить не “наше”, а “ваше”... По ходу администрирования колхозники ждут, когда вместо колхозов будут совхозы, а они в них наемными работниками»⁴⁶.

В середине 1930-х гг. стало выгодно иметь подсобное хозяйство, даже «в нагрузку» к «колхозной барщине». Примерный устав сельскохозяйственной артели 1935 г. также затруднял исключение из артели (например, через усиление роли общих собраний), о чем заботились как «верхи», так и «низы». Советские колхозы явились несущей социально-экономической конструкцией государственного социализма в СССР. В сложившейся «рановой сословно-корпоративной системе», «иерархии социальных статусов», колхозники (29 млн человек в 1940 г.) и заключенные (3,7 млн человек в 1939 г.) относились к самым низким стратам, чей дешевый труд нещадно эксплуатировался государством.

Документальные сборники последнего десятилетия обнаружили «чрезвычайщину» во всех ее разнообразных проявлениях и стадиях: от произвольных изъятий и конфискации до раскулачивания и раскрестьянивания в ходе насильственной коллективизации, политотдель-

ских мероприятий (чисток колхозов) и, наконец, заключительного принудительного консенсуса 1935 г. между всеильным государством и пассивным крестьянством на почве юридически зафиксированного права на личное подсобное хозяйство. На основании сопоставления статистических данных, обнаруженных в архивах, В.П. Попов аргументированно пишет о том, что «уровень и условия жизни народа упали не на короткий период *в процессе* так называемых социалистических преобразований, а *в результате* этих преобразований (курсив источника. — Н.Р.)». Этот вывод носит доказательный и принципиальный характер⁴⁷.

Введение в научный оборот новых документов по коллективизации вызвало к жизни и новые подходы, разнообразие исследовательских оценок самой сущности коллективизации. Ныне она рассматривается как революция, как реформа, как гражданская война с большинством крестьянства (важнейшим доказательством чего выступают факты использования частей Красной армии для подавления крестьянских выступлений)⁴⁸.

Проблемы численных потерь, человеческих жертв и нравственной цены «революции сверху, поддержанной снизу», выступают на первый план. Ведутся разнообразные расчеты по годам, регионам, категориям раскулаченных, репрессированных, перемещенных. Так, по данным В.П. Попова, за один 1930 г. было осуждено в 10 раз меньше, чем в 1926—1929 гг.⁴⁹ «Более 1 млн крестьянских семей были в какой-то степени раскулачены в период сплошной коллективизации», — пишут авторы документального сборника «Коллективизация и раскулачивание в Рязанской губернии»⁵⁰.

По самым минимальным подсчетам, за десятилетие между переписями 1926—1937 гг. потери населения СССР составили 11 млн чел. Большие потери пришлось на производящие районы РСФСР⁵¹. Согласно материалам демографической переписи 1937 г., сельское население, составлявшее $\frac{2}{3}$ населения страны, обнаружило тенденцию к сокращению в РСФСР на 9,2%. 1939 г. показал повсеместное сокращение сельского населения, хотя накануне войны оно было в два раза больше городского⁵².

Анализ разнообразных данных, обнаруженных в архивах, ныне приводит исследователей к заключению о процессах раскрестьянивания, экспроприации, депопуляции, деградации и даже вымирания крестьянства⁵³. Необходимо продолжить осмысление внутренней логики событий, связанных с приспособлением крестьян к колхозам и колхозов к крестьянству. Очевидно, что колхозы постепенно «переварили» крестьянство, но каковы этапы этого «большого пути» и место в нем 1930-х гг.?

Применительно к истории российского крестьянства 1920-х — 1930-х гг. назрели комплексные исследования современного типа, то есть базирующиеся на цивилизационных основаниях, институциональном подходе и народно-хозяйственных критериях. Новый источниковедческий, историографический и методологический синтез поможет, во-первых, глубже проникнуть в сущность названных явлений и переходных состояний и, во-вторых, последовательно выстро-

ить разные уровни обобщений вводимого в научный оборот ценного исторического материала.

Примечания

- ¹ Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. № 1. С. 13.
- ² Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923—1927: Документы и материалы. М., 1991; Большевицкое руководство: Переписка. 1912—1927. М., 1995; Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг. М., 1998; Индустриализация Советского Союза: Новые документы. Новые факты. Новые подходы. М., 1997. Ч. II; М., 1999. Ч. 2; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. 1927—1939. М., 1999. Т. 1; «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину. О положении в стране (1922—1934 гг.). М., 2001. Т. 2. 1924 г.; Т. 4. 1926 г. Ч. 1—2; Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. М., 1999. Т. 2. 1923—1927: Письма во власть. 1917—1927. М., 1998; Письма во власть. 1928—1939 гг.: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М., 2000; Как ломали НЭП: Стенограммы Пленумов ЦК ВКП(б). 1928—1929 гг. В 5-ти томах. М., 2000.
- ³ Рязанская деревня в 1929—1930 гг. Хроника головокружения: Документы и материалы / Отв. ред.-сост. Виола Л. (Торонто), Журавлев С.В. (Россия) и др. М., 1998.
- ⁴ Большевицкое руководство. С. 334; «Совершенно секретно». Т. 4. 1926. Ч. 1. С. 24; Ч. 2. С. 633, 680; Письма во власть. 1917—1927. С. 471, 491; Голос народа. С. 111; Письма во власть. 1928—1939. С. 45
- ⁵ См.: Индустриализация Советского Союза. Ч. I. С. 40—41.
- ⁶ Там же. С. 177, 314; 633; Голос народа. С. 96, 99, 113, 115, 204, 211; Трагедия советской деревни. Т. I. С. 72.
- ⁷ Индустриализация Советского Союза. Ч. I. С. 141.
- ⁸ «Совершенно секретно». Т. 4. 1926. Ч. 1. С. 534, 633; Ч. 2. С. 716.
- ⁹ Грациози А. Великая крестьянская война. М., 2001. С. 41.
- ¹⁰ Индустриализация Советского Союза. Ч. I. С. 61.
- ¹¹ Письма во власть. 1917—1927. С. 573.
- ¹² Индустриализация Советского Союза. Ч. I. С. 60.
- ¹³ Трагедия советской деревни. Т. I. С. 71.
- ¹⁴ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Т. 2. С. 527.
- ¹⁵ Трагедия советской деревни. Т. I. С. 21.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Авторы документального сборника «Письма во власть. 1928—1939 гг.: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям» А.Ливини, И.Орлов и О.Хлевнюк пришли к выводу, что власти были безразличны к общественным настроениям и жалобам, но иногда следовала корректировка курса (С. 8, 34).
- ¹⁸ См.: Отечественная история. 2003. № 2. С. 149.
- ¹⁹ Данилов В.П. К проблеме альтернатив 20-х годов // Этот противоречивый XX век: К 80-летию со дня рождения акад. РАН Ю.А.Полякова. С. 219—224; он же: Сталинизм и крестьянство // Сталинизм в российской провинции. Смоленск, 1999. С. 167—168.
- ²⁰ См.: Как ломали НЭП: Современные концепции аграрного развития: Теоретический семинар // Отечественная история. 1994. № 4—5. С. 48—49; а

также см. статьи Г. Гимпельсона, Л. Суворовой, В. Булдакова в: Нэп в контексте исторического развития России XX века. М., 2001. С. 50, 79, 80, 216.

²¹ Большеви́стское руководство. С. 329.

²² Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 161.

²³ Там же. Т. 3. Конец 1930—1933 г. М., 2001; Тепцов Н. В. В дни великого перелома: Правда о раскулачивании в секретных документах. М., 2002.

²⁴ Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 418.

²⁵ Там же. С. 229.

²⁶ Там же. Т. 3. С. 62, 118.

²⁷ Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х годов). М., 1996; Зима В. Ф. Г. Ягода и необъявленная война с советской деревней // Отечественная история. 2003. № 4. С. 177, 182; Трагедия советской деревни; Тепцов Н. В. Указ. соч.

²⁸ Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 509.

²⁹ Там же. Т. 3. С. 150—151.

³⁰ Там же. Т. 2. С. 15.

³¹ Тепцов Н. В. Указ. соч. С. 63, 64, 76, 91, 101, 285.

³² Сталинское Политбюро: Сб. документов. М., 1995. С. 148.

³³ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 746.

³⁴ Там же. С. 12.

³⁵ Там же. С. 556.

³⁶ Там же. Т. 2. С. 630.

³⁷ Попов В. П. Хлеб под большевиками // Новый мир. 1997. № 8. С. 181.

³⁸ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 842.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 857.

⁴¹ Там же. С. 854.

⁴² См.: Отечественная история. 1998. № 6. С. 127, 132.

⁴³ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 19.

⁴⁴ Там же. Т. 4. С. 36.

⁴⁵ Там же. Т. 3. С. 115, 119, 155, 188—189, 410.

⁴⁶ Письма во власть. 1928—1939 гг. С. 195.

⁴⁷ Попов В. П. Хлеб как объект государственной политики в СССР в 1940-е годы // Отечественная история. 2000. № 2. С. 49.

⁴⁸ Красная армия и коллективизация деревни в СССР (1928—1933 гг.): Сб. док. Неаполь, 1996; Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 809, 810, 824.

⁴⁹ Попов В. П. Государственный террор в советской России, 1923—1953 гг. // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 27.

⁵⁰ См.: Рязанская деревня в 1929—1930 гг.: Хроника головокружения. С. XXXVII.

⁵¹ Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы: Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 46, 71.

⁵² Там же. С. 74.

⁵³ Россия в XIX—XX вв. глазами российских и зарубежных историков. М., 1996. С. 239; Алексеев В. В. Судьба России в XX веке // Историческая наука на пороге XXI века. Новосибирск, 2001. С. 11; Документы. Архив. История. Современность. Вып. 1. Екатеринбург, 2000. С. 273, 274; Зима В. Ф. Указ. соч. С. 177, 178; Отечественная история. 1994. № 2. С. 50; № 4—5. С. 73; и др.

Социальные аспекты экономических преобразований сельского хозяйства РСФСР (20-е — 60-е гг. XX в.): формирование системы социального обеспечения

Экономические преобразования 1990-х гг. сделали вопросы социальной защиты населения, в том числе сельского, особенно актуальными. Масштабность перемен и трудности осуществления аграрных преобразований обусловили длительность перехода, осложненного тяжелыми социальными последствиями. Хронические неплатежи населению, свертывание и запущенность социальной инфраструктуры на селе, алкоголизация населения, старение сельских жителей и «вымывание» молодежи, плохое медицинское обслуживание — далеко не все социальные проблемы современной деревни. В связи с этим актуальность приобретают исследования, посвященные социальной адаптации жителей в период реформ. Из западной практики в отечественную стала внедряться социальная работа, которая рассматривается как парадигма забюрократизированной советской государственной системы социального обеспечения¹.

Тема социального обеспечения в отечественной науке не нова. С момента внедрения государственной модели социального обеспечения в 20-е — 30-е гг. XX в. сразу же стали появляться работы, в которых обосновывалась необходимость активного участия государства в решении социальных проблем населения². Были опубликованы очерки, в которых описывалась структура социального обеспечения городских слоев населения, состояние системы социального страхования³. При этом исследователи констатировали, что взаимопомощь — лучшая форма обеспечения крестьянства, и в связи с этим пропагандировали опыт крестьянских комитетов общественной взаимопомощи⁴. В 1920-х гг. актуализировался вопрос о роли крестьянской общины в истории России, в обсуждении которого активное участие приняли социологи, экономисты, а также историки. Они попытались всесторонне обследовать крестьянскую жизнь 1920-х — начала 1930-х гг., в том числе факторы выживаемости, социальные функции общины. В 1920-е гг. государство было заинтересовано в объективном освещении действительности и проводило обследования деревень⁵.

Однако в 1930-е гг. условия для изучения деревни стали иными, государству требовалось продемонстрировать перед всем миром успехи

---

* Ефери́на Татьяна Вячеславовна — доктор исторических наук (Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск).

советской власти. Партийные структуры наложили вето на обнаружение правдивой информации и объективное изучение процессов в колхозной деревне. Идеологически были востребованы работы, где историки показывали важную роль коммунистической партии в проведении культурной революции в деревне, реализации коллективизации, формировании советского социального обеспечения на селе⁶. В период так называемого культа личности И.В.Сталина авторы, как правило, занимались пересказом и комментированием высказываний партийных руководителей и деятелей государства, подбором соответствующих примеров в целях оправдания проводимой в деревне политики.

Советская школа историков разрабатывала методологию, основанную на формационном анализе с ярко выраженным социально-классовым подходом. С этих позиций оценивалась деятельность комитетов бедноты, роль крестьянских комитетов общественной взаимопомощи⁷. В ходе дискуссии о степени капитализации и сохранения феодальных отношений среди российского крестьянства возобладала точка зрения о том, что крестьянская община отмирала, исчерпав весь свой экономический и социальный потенциал⁸. Логичной стала оценка процесса коллективизации и политики раскулачивания как безусловно верного стратегического решения государства и партии⁹. К сожалению, историки оставили за бортом научного анализа покалеченные судьбы раскулаченных семей, тяжелое положение колхозников в первые годы коллективизации; увлекшись политико-экономическими преобразованиями в деревне, проигнорировали социальные потребности крестьянства. Аспекты социального обеспечения населения изучались в явно недостаточной степени, им были посвящены редкие работы исследователей, которые преимущественно идеологически отстаивали достижения власти, советского образа жизни¹⁰.

Общественно-политическая ситуация в стране, получившая название «хрущевская оттепель», не могла не отразиться и на науке. Историки предприняли небезуспешную попытку внести существенные коррективы в историческое познание, по сравнению с историографией 1920-х — начала 1950-х гг. Дискуссия об азиатском способе производства, развернувшаяся с конца 1960-х гг., дала новый толчок к изучению крестьянской общины в последующие 30 лет¹¹. В работах акцент был сделан на изучение экономической основы общинного института, вместе с тем община была проанализирована и как низовая ячейка крестьянского самоуправления, со свойственными ей социальными функциями. В.П.Данилов писал о том, что крестьянскую общину следует рассматривать в контексте не столько социально-политических трансформаций, сколько социально-экономических изменений¹². В.В.Кабанов аргументированно доказал активизацию общины как социально-экономического института в 1920-е гг.¹³

В 1970-е — 1980-е гг. стало выходить все больше трудов по истории государственного социального обеспечения населения, чему, безусловно, способствовала стабилизация социально-экономической ситуации в СССР; выявилась общественная потребность в обращении историков к социальному блоку. К тому же в годы так называемого

«развитого социализма» возникла необходимость в подведении итогов опыта советского государства в сфере социального обеспечения, демонстрации миру достижений в этой области. Постепенно начинается оформляться особое направление в науке, предметом исследования которого стали социальные потребности населения и пути их решения. В историографии наметились такие направления, как изучение правовой базы социального обеспечения (большой частью они носили описательный характер, обосновывали тезис, что государственная модель социального обеспечения лучшая в мире)¹⁴, анализ культурно-бытового обслуживания на селе¹⁵. Со времени введения в партийную лексику словосочетания «социально-экономическое развитие» историки стали шаблонно формулировать темы своих исследований, подчеркивая руководящую роль КПСС в жизнедеятельности села и разделяя историю российского села по пятилеткам; обилие литературы сделало возможным появление историографических обзоров по предмету¹⁶.

Для понимания социальных процессов на селе большое значение имеют труды социологов. В 1960-е — 1970-е гг. в стране происходило активное возрождение отечественной социологии. Социальные процессы и социальные институты на селе стали предметом изучения Т.И.Заславской, В.И.Старовойтовой, Ю.В.Арутюняна, П.И.Симуша и других социологов, которые внесли существенный вклад в науку. Исследователи ставили острые вопросы — об угрожающих размерах миграции из села, старении населения, о неравной оплате труда колхозников и рабочих совхозов. Однако в науке развивалась тенденция рассмотрения крестьянства как объекта культурного воздействия социалистического города, приобщения к идеологии рабочего класса.

Со второй половины 1980-х гг. начался процесс переосмысления всей истории советского общества, отмечаются существенные изменения историографической ситуации в стране. В работах исследователей, занимавшихся проблемами советского крестьянства, поднимались вопросы, которые ранее умалчивались, — сплошная коллективизация, судьбы единоличников, раскулачивание и депортация крестьян, роль спецпоселений, голод 1932—1933 гг. и 1946 г. (И.Е.Зеленин, Н.А.Ивинский, В.П.Данилов, В.В.Кондрашин)¹⁷. Впервые в советской историографии был сделан вывод о насильственном и антигуманном характере сплошной коллективизации и политики «ликвидации кулачества как класса». По-новому оценивалась аграрная политика государства периода 50-х, 60-х гг. XX в. (И.Е.Зеленин, Л.Н.Денисова, О.М.Вербицкая), активно разрабатывалась концепция «раскрестьянивания» (М.А.Безнин, О.М.Вербицкая, Л.В.Данилова)¹⁸. В научной лексике активно стал употребляться термин «крестьяноведение», рожденный в рамках принципа междисциплинарного подхода в изучении сельской проблематики. В рамках крестьяноведения разрабатывались такие темы, как крестьянство и власть, крестьянские войны, региональные агросистемы, ментальность крестьян, социальная адаптация в период аграрных преобразований и другие.

Современные проблемы села в условиях аграрной реформы стали предметом пристального изучения прежде всего политологов и социологов¹⁹. Исследователи ставят вопросы о роли государства в социальной защите сельчан, об изменении принципов и механизмов в социальном обеспечении, о разгосударствлении социальной сферы, о психологии иждивенчества.

В данной статье поднимается проблема формирования системы социального обеспечения крестьянства. Нам представляется, что этот процесс развивался неоднозначно, был представлен несколькими этапами, которые отражали изменения стратегии в отношении власти к крестьянству.

Первые три года советской власти ушли на поиск и апробацию вариантов модели социального обеспечения, отвечающей новым социально-экономическим реалиям. В октябре 1917 г. был образован Народный комиссариат государственного призрения (НКГП) РСФСР, который должен был обслуживать нуждающихся из числа «трудящихся масс»; в рамках концепции этатизации все благотворительные общества были ликвидированы с передачей имущества государству. 30 апреля 1918 г. НКГП был переименован и структурирован в Наркомат социального обеспечения (НКСО); 31 октября 1918 г. вышло положение о социальном обеспечении трудящихся, заложившее основу механизма социальной политики в стране. Постепенно стала оформляться советская модель социального обеспечения. Принципиально она отличалась тем, что государство признавалось главным субъектом социального обеспечения: все социальные учреждения подлежали огосударствлению, национализировались, любая общественная инициатива, не санкционированная государством, подавлялась, внедрялись жесткие нормативы, определялись категории нуждающихся, вводился так называемый «социально-классовый подход». Новая модель социального обеспечения требовала аккумулировать огромные средства для решения социальных проблем в обществе, однако у новой власти были крайне ограниченные ресурсы, поэтому система государственного обеспечения распространялась только на некоторые группы рабочего класса, революционных борцов, инвалидов войны, семьи красноармейцев²⁰. Среди подавляющей части населения страны — крестьянства — сохранялись традиционные принципы самообеспечения и взаимопомощи. В стране фактически параллельно развивались две модели социальной поддержки: для городского населения (гарантированное государственное социальное обеспечение) и для сельского (традиционная, контролируемая государством при его частичной финансовой поддержке).

В рамках реализации социальной политики относительно крестьянства власть опиралась на социальные институты: во-первых, на развитую сеть неформальных институтов — стариков, соседей, родственников, которые решали множество житейских проблем (помощь в обеспечении продуктами, вещами, в хозяйственных делах, проведении семейных торжеств, решении вопросов межличностных отношений и т.п.); во-вторых, на крестьянскую общину, в рамках которой рассматривались вопросы повседневной жизни крестьян: по-

земельные, налоговые, семсуды, кооперации, а также организации помочей, общественных запасек др. (по данным В.П.Данилова, в 1922 г. 98% крестьянских дворов состояло в общине, в 1927 г. община объединяла 95.5% крестьянских земель)²¹; в-третьих, декретом 14 мая 1921 г. «Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьянских и семейств красноармейцев» на селе начали создаваться крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (ККОВ). В основу их деятельности были положены все те же принципы самообеспечения и взаимопомощи.

Советская социальная политика реализовывалась сквозь призму социально-классового подхода. На каждую социальную группу крестьянства распространялась своя стратегия социальной поддержки. В льготном положении находились семьи красноармейцев, их под свою защиту взяло государство, им предоставлялись гарантированные пенсии, пособия и льготы²². Государство также вменяло в обязанность сельсоветам и общественным структурам на селе брать под свой патронаж семьи красноармейцев²³. Затем, в приоритетном положении находились бедняки: 11 июня 1918 г. вышел декрет об организации и снабжении деревенской бедноты; в 1918—1919 гг. принимаются законы по льготам при налогообложении, при землеустройстве. Этот подход сохранялся на всем протяжении 1920-х гг.²⁴ Средняки и зажиточные должны были решать свои проблемы исключительно на принципах самообеспечения. Таким образом, на смену сословным принципам признания пришел социально-классовый подход.

Советская власть рассчитывала с помощью внедрения института ККОВ заложить прочный фундамент к предупреждению и изжитию причин обнищания крестьян. Изначально перед ККОВ были поставлены следующие задачи: организация взаимопомощи при неурожаях, пожарах, иных бедствиях, распространение предоставляемых государством денежных и материальных средств, организация трудовой помощи общими усилиями, забота о семьях красноармейцев²⁵. Впоследствии, в резолюции XIII съезда РКП(б) 31 мая 1924 г. «О работе в деревне», декретом ВЦИК «О новой установке в работе КОВ» от 25 сентября 1924 г., круг задач был значительно расширен: развитие среди широких крестьянских масс взаимопомощи на основе их самостоятельности; создание общепользных учреждений — школ, больниц, детских садов и т.п. — и содействие в их содержании государственным органам; развитие и укрепление среди сельского населения кооперации, объединение маломощных и середняцких хозяйств вокруг простейших форм коллективного труда²⁶. Законодательно были закреплены источники финансирования ККОВ: членские взносы, денежные и натуральные фонды, создаваемые за счет внутреннего самообложения на сельском сходе, доходы от мелких предприятий, дотации государства. При этом ККОВ на местах проявляли инициативу. Так, в Пензенской губернии в 1922 г. Мамалаевский ККОВ решил обложить налогом свадьбы, так как «свадьбы делаются в настоящее время только имущими классами. Исключения могут быть сделаны только для вдовых и разведенных мужчин». Пурдошанский волостной съезд ККОВ постановил в 1922 г. ввести налог с граждан,

имеющих мельницу, drankу, маслобойку, шерстобойку, по пуду хлеба и с граждан, «имеющих машины (столярные станки), с оwinников по 1/2 пуда хлеба, сделать выборку из самостоятельных граждан, которые могут уплатить по 1/2 фунта хлеба с едока. Сбирать деньги с торгующих на базаре»²⁷.

Однако ККОВ на протяжении всего своего существования обладали незначительной материальной базой (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Материальная база ККОВ (по 40 губерниям), руб.

Год	Приход	Расход	Приход на 1 ККОВ	Расход на 1 ККОВ
1923/24	5733000	3371000	253	150
1924/25	12021000	10612000	625	551
1925/26	17197000	15463000	883	788

Источник: Материалы к совещанию делегатов XIII Всероссийского съезда советов по вопросу крестьянской взаимопомощи. М.: ЦК КОВ РСФСР, 1927.

ККОВ были призваны оказывать различные виды помощи — натуральную, денежную, консультационную. Слабость материальной базы ККОВ делала их работу малоэффективной, реально помощь была оказана небольшому числу крестьянских хозяйств (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Помощь ККОВ крестьянским хозяйствам

Год	Число обслуженных хозяйств	Число хозяйств на 1 ККОВ
1923/24	547000	24
1924/25	966000	49
1925/26	1310000	67

Источник: Материалы к совещанию делегатов XIII Всероссийского съезда советов по вопросу крестьянской взаимопомощи.

Деятельность комитетов была мало заметна, многие крестьяне о них вообще не знали²⁸. В архивных документах сохранилось множество свидетельств об отказе крестьянства организовывать ККОВ ввиду «ненадобности», дублировании функций: «...все то, что сказано в инструкции о ККОВ, исполняет сельсовет. Потому всем нуждающимся гражданам общества в чем-либо отказывают те же граждане общества»²⁹. Крестьяне заявляли, что отказывались помогать ленивым. Так, в селе Н.-Михайловское Саранского уезда Пензенской губернии земельное общество мотивировало свой отказ недостатком продовольствия для себя и недовольством поведением большей части бедняков, которые занимались спекуляцией; относительно

«помощи лошадиной работы» было заявлено следующее: «Таковую не можем, потому, что безлошадные и красноармейки корму не давали нашим лошадям и продавали по спекуляции и в настоящее время не дают, а у лошадных в настоящее время кормить нечем»³⁰. Исследователь Н. Росницкий, анализируя деятельность комитетов по уездам, писал, что ККОВ не играют существенной роли, существуют лишь формально, фонды отсутствуют или ничтожны. Более того, он отмечал факты расхищения фондов, приписок, соответственно, для самих крестьян ККОВ являлись «пустым местом», вызывали «самое отрицательное отношение со стороны крестьянства», оказание трудовой помощи нуждающимся рассматривалось как обязательная повинность. Трудовая помощь имела место в сельском обществе, но оказывалась она не по линии ККОВ, а на основе родственных, соседских отношений и связей³¹. По Рузаевскому уезду Пензенской губернии в целом отмечалась общая незаинтересованность в работе ККОВ. Состояние комитетов «самое плачевное», «фондовая земля обрабатывается с большим опозданием, урожай с комитетских хлебов собирается плохой, так как сама уборка производится с большим опозданием... Вследствие такого дела крестьяне не видят никакой пользы от ККОВ, относятся к ним равнодушно, а иногда даже недоброжелательно», а потому крестьяне отводят комитетам самую плохую землю³². В Ямшинском комитете было отведено 7 десятин ржаного поля и 7 десятин ярового. Когда подошло время уборки, все члены ККОВ в первую очередь начали убирать и молотить свои посе­вы, «таким образом, опоздали на 3 недели убирать урожай, а после этого еще пролежала в кресцах до 15 августа. А когда рожь свезли к общественному амбару, то покидали ее как попало, и она гнила, и топтала ее скотина. Овес же некоторые взяли убирать исполу, но как только смололи свою половину и увезли ее домой, а комитетскую часть побросали в снопах в поле»³³. В селе Ст. Синдорово ситуация была такая: «...всякий бедняк ближе находится к богатому, бедняк думает: когда ККОВ поможет, а у богатого помощь получит скорее... наш ККОВ сейчас пустое место». Хотя некоторая часть крестьянства видела пользу в существовании ККОВ и горячо стремилась активизировать их деятельность, однако с недоверием говорила о возможности организации «на должном уровне»³⁴. Крестьяне села Силино Ардатовского уезда Ульяновской губернии в 1928 г. рассуждали: «...когда мы, бедняки, станем говорить, что нужно поднять мощность ККОВ и дать ему хорошей земли, а над нами смеются которые живут получше нас, и нам не приходится говорить, нет у нас еще союза хорошего бедняка с середняком, между нами существует большая грань»³⁵. «У нас еще бедняку нельзя выступить, мы неграмотны и не можем хорошо сказать, над нами смеются»³⁶.

На конец 1923 г. было зафиксировано 85975 комитетов, но из них активно работало лишь 19,2%, в 1924 г. — 100000 (25,0% работающих), в 1925 г. — 45602 и 44,3% соответственно (в 1924 г. было укрупнение административных делений, в связи с этим в следующем году произошло сокращение общего числа комитетов)³⁷. В 1927 г. в РСФСР значилось 55599 сельских, 3116 волостных (районных), 301 уездный

(окружной) и 44 губернских (областных, краевых) ККОВ, которые объединяли свыше 50% от общего числа крестьянских хозяйств, и в автономных республиках — 9065 сельских ККОВ. Современники объективно признавали, что помощь от ККОВ не могла принципиально решить социальные проблемы крестьянского двора, а, самое большое, позволяла «перебиться» до лучших времен³⁸. Чиновники отмечали следующие ошибки в деятельности ККОВ: на местах отсутствовала прочная связь с органами Наркомзема в части работы земельных обществ по вопросам семфондов, общественных запасок, членских взносов и эксплуатации предприятий; органы сельскохозяйственного кредита и земельные органы не включали членов ККОВ в планы кредитования и снабжения инвентарем и машинами; волостные исполкомы и сельсоветы не сотрудничали с ККОВ ни в их техническом обслуживании, ни по вопросам аренды и вообще не прислушивались к их мнению; отмечалось дублирование функций сельсовета и ККОВ, в деле организации общественной запашки — дублирование с поземельными обществами, школами и т.д.; плохая материальная база; недостаточная активность работников ККОВ и слабая их связь с массами; связь с частным капиталом и стремление заняться «коммерцией»; недостаточное руководство центра³⁹.

Советские историки в целом положительно оценивали деятельность ККОВ⁴⁰. А недостатки в работе комитетов увязывали с нехваткой средств и сопротивлением кулацкого элемента деревни. Нам думается, что ККОВ не прижились в повседневной практике крестьян, так как они дублировали функции традиционных социальных систем и уже вновь созданных советских учреждений; они не могли существовать на принципах самофинансирования; крестьянский мир не воспринял политику «социально-классового» подхода в вопросах социального обеспечения.

В связи с проведением в деревне курса «сплошной коллективизации» назрела необходимость реформирования системы социального обеспечения крестьянства. Согласно критерию участия в том или ином хозяйственном секторе крестьянство было разделено на группы: колхозники, единоличники, рабочие и служащие совхозов. Относительно каждой группы власть выработала определенные социальные стратегии. Зажиточные крестьяне («кулаки») вообще исключались из социальной политики государства. Напротив, государство создало целый механизм уничтожения этой категории людей, доведшийся до абсурда, когда жертвами государственной политики становились женщины, дети, старики. Совхозы представляли высший уровень государственного обобществления сельскохозяйственных земель, поэтому рабочие и служащие совхозов в вопросах социальной политики приравнивались к рабочим промышленности: они могли рассчитывать на твердый оклад, систему страхования, пенсионное обеспечение, паспорт и другие социальные льготы, гарантированные государством⁴¹. 13 марта 1931 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили постановление о материальном обеспечении колхозников. Права на материальное обеспечение в старости, по болезни и при потере трудоспособности были призваны реализовывать кассы

общественной взаимопомощи колхозников (КОВК). Основными социальными категориями были провозглашены: инвалиды, временно потерявшие трудоспособность колхозники и колхозницы, «колхозницы-роженицы», семьи красноармейцев и краснофлотцев, больные колхозники, дети-сироты и дети колхозников, временно впавших в нужду. Законом предусматривались формы и виды помощи. II Всесоюзный съезд колхозников-ударников, СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 г. утвердили Примерный устав сельхозартели, в котором значилось, что колхозы обязаны отчислять 2% своего валового дохода в фонд помощи инвалидам, старикам, семьям красноармейцев. Контроль за деятельностью касс был поручен НКССО⁴². Таким образом, была заложена законодательная база организации социальной помощи колхозному крестьянству.

Организация КОВК на местах шла методами кампаний. На первую половину 1941 г. по РСФСР насчитывалось лишь 35506 колхозов, при которых были учреждены КОВК, объединяя 4398350 колхозников. КОВК располагали 40166831 руб., из них было потрачено: на содержание 45302 детей-сирот — 5409631 руб., обеспечение инвалидов, престарелых и временно не работающих — 4504616 руб., на приобретение путевок на курорты — 3157254 руб., помощь нуждающимся семьям красноармейцев — 4475998 руб., пособия роженицам — 2594831 руб., обучение и прогезирование инвалидов — 424829 руб., на выдачу возвратных ссуд — 11178720 руб.⁴³ В первое десятилетие существования КОВК (до войны) в силу слабости материальной базы колхозов, мизерной зарплаты самих колхозников, малодворности колхозов, отсутствия опыта работы подобных структур отмечалась малоэффективная работа касс. КОВК постоянно испытывали нехватку средств, соответственно, пособия были крайне малы, выдавались далеко не всем нуждающимся, отмечались задержки выплат семьям за патронаж детей, колхозные дети испытывали большой недостаток в одежде, обуви, белье. Состояние домов престарелых колхозников характеризовалось скудной материальной базой — клиенты испытывали постоянный недостаток в белье, теплой одежде, обуви. С целью решения продовольственного вопроса при учреждениях организовывались подсобные хозяйства. На 15 июня 1940 г. в стране значилось более 480 домов престарелых. Просматривая отчетную документацию КОВК за первые годы, мы встречаем как положительные, так и отрицательные отзывы об их деятельности со стороны колхозного крестьянства. В крестьянском семейном бюджете все социальные выплаты, идущие по линии касс, колхозов и государства, в среднем составляли 5% от совокупного дохода. Тем не менее за 10 лет своей деятельности КОВК стали новыми институтами социальной помощи колхозному крестьянству.

С начала войны значительно расширилось число нуждающихся на селе: дети-сироты, дети-беспризорные, инвалиды, семьи военнослужащих и семьи погибших военнослужащих, возникла новая категория нуждающихся — эвакуированные. В годы войны КОВК были призваны осуществлять социальное обеспечение не только членов касс, но также и иных социальных групп села. Колхозы и КОВК со-

держали детские дома и детские столовые; осуществляли подвоз топлива указанным категориям, заботились об улучшении их жилищных условий, обзаведении домашним скотом; засеивали сверхплановые гектары хлеба для помощи красноармейским семьям; проводили сбор шерсти, валяной обуви, одежды; по мере возможности осуществляли разные мероприятия по улучшению жизни нуждающихся⁴⁴. Но ресурсы колхозов и колхозников были исчерпаны, поэтому взносы и отчисления в кассы были нерегулярными. Тем не менее только в 1942 г. на пособия и пенсии инвалидам войны КОВК выдали 163,0 тыс. руб., в дома для взрослых инвалидов — 686,4 тыс., на содержание детей — 410,8 тыс., протезирование инвалидов — 130690,1 тыс. руб.⁴⁵ В 1944 г. было зафиксировано 165 инициативных колхозных домов на 9230 детей, в домах ребенка содержалось 20 тыс. детей, 14 тыс. состояло на патронировании колхозников и КОВК.

Размеры денежных и натуральных пособий семьям красноармейцев, детям-сиротам не были везде одинаковы, все зависело от мощности колхоза, и в большинстве случаев они не могли обеспечить нормальных условий содержания детей-сирот. Кроме того, колхозы и кассы, в силу финансовых трудностей, нарушали договоры по патронажу и выдавали пособия опекунам на воспитание ребенка с большими задержками, поэтому колхозники неохотно брали детей-сирот на воспитание. Отмечались факты, когда дети, патронлируемые колхозами по линии КОВК, снабжались хлебом с перебоями, скитались по деревням и питались поочередно в семьях колхозников; порой отмечалось бездушное отношение к детям⁴⁶. Помощь семьям военных оказывалась уравнилельная, без учета семейного состава, трудоустройство членов семей военнослужащих нередко ограничивалось посылкой на низкооплачиваемые, черновые работы, изменения в составе семей военнослужащих учитывались несвоевременно, имело место расхищение средств, отмечался бюрократический подход⁴⁷. Тяжелой была ситуация в домах престарелых, они существовали в основном за счет подсобного хозяйства: на 1 человека приходилось по 500 г хлеба в день⁴⁸.

КОВК были экономически слабы, малоэффективны, да и сами колхозы не могли выделять достаточно средств на решение социальных проблем, поэтому в годы войны государство значительно усилило свое вмешательство в социальную сферу, используя все средства мобилизации ресурсов, включив перераспределительный механизм командно-административной системы. Данные официальной статистики свидетельствуют об увеличении отчислений на социальные нужды из государственного бюджета (см. Таблицу 3).

Таблица 3

**Расходы государственного бюджета СССР
на социальное обеспечение в 1940—1945 гг., млрд руб.**

Показатели	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Пособия многодетным одиноким матерям	1,2	1,2	0,8	0,7	0,9	2,1

Показатели	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
На социальное обеспечение	3,2	4,5	9,8	12,5	15,8	17,7
В т.ч. за счет гос. страхования	2,0	2,0	1,8	1,8	2,2	2,5
На гос. социальное страхование	5,0	3,4	2,5	2,8	3,7	5,0
Всего расходов	174,3	191,4	182,8	210,0	264,0	298,6

Источник: Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — май 1945). М., 1971. С. 215.

По данным доклада ЦСУ СССР «Численность населения, состоявшего на государственном снабжении хлебом в 1942—1947 гг.», все нуждающееся население подразделялось на 4 категории: 1) население, снабжаемое по сельским нормам; 2) население, снабжаемое по нормам, установленным сельским советом (служащие предприятий и учреждений, сельская интеллигенция, члены их семей); 3) население, снабжаемое по нормам, установленным централизованно (рабочие предприятий, расположенных в сельской местности); 4) лица, подвергнувшиеся оккупации⁴⁹ (см. Таблицу 4).

Таблица 4

Численность населения, состоявшего на государственном снабжении хлебом в 1942—1947 гг., тыс. человек

Группы	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.
Все население	61778	67711	73995	80586	87800	62846
По сельским нормам	20817	24523	25626	26769	27963	6564
Интеллигенция	17778	15800	17021	18950	20119	—
Рабочие предприятий на селе	—	7139	7826	7549	7707	—
Эвакуированные	3 039	1 584	779	270	137	—

Источник: Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. С. 202.

Государственное участие в вопросах социальной помощи было представлено гарантированным обеспечением в виде денежного пособия, натуральной помощи, предоставления льгот. За годы войны была создана соответствующая мощная законодательная база⁵⁰. Вопросами государственного социального обеспечения ведали местные исполкомы советов народных депутатов, при них в 1943 г. были созданы отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. На 1 января 1944 г. в целом по РСФСР насчитывалось 4863300 семей военных, получающих пособия, из них по городским нормам — 1484900 семей (30,5%), по сельским нормам —

3378100 семей (69,5%). Семьи военнослужащих, получающие пособия, подразделялись на группы в зависимости от числа трудоспособных и нетрудоспособных членов семьи. Среднемесячный размер пособий по РСФСР на 1 семью военного составлял 85 руб., при этом сельские нормы колебались от 50 до 100 руб. Пенсии получали 888965 тыс. семей, среднемесячный размер пенсии по РСФСР составлял 106 руб. Кроме того, с семей военнослужащих на 25% уменьшалась плата за содержание детей в яслях и они освободились от уплаты за обучения в техникумах и вузах. Семьи военнослужащих имели льготы по военному налогу, по натуральным поставкам⁵¹. В частности, ЦК ВКП(б) 22 сентября 1943 г. принял постановление «О мерах улучшения работы советских органов и местных парторганизаций по оказанию помощи семьям военнослужащих», которое освобождало их от обязательных поставок сельхозпродуктов с земельных участков, занятых под огородом. Кроме денежной помощи, широко была представлена продуктовая, вещевая и иная натуральная помощь. Надо заметить, что государственная помощь производилась с участием колхозов и КОВК. Согласно отчету Управления по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих при СНК РСФСР, натуральная помощь семьям военнослужащих в зиму 1943/44 г. выглядела следующим образом: доставлено 254798 куб. м дров, около 10000 т торфа, отремонтировано 130118 домов и квартир, 1753 квартиры вновь представлено, выстроено 1577 домов и 42394 надворных постройки, выделено 4863 куб. м стройматериалов, собрано 270830 пудов зерна, 1367624 пудов овощей и картофеля, 30521 штука яиц, более 251874 пудов других продуктов, роздано 29009 голов скота, подвезено 2195996 пудов кормов, получено 419828 предметов одежды и обуви, около 138000 м мануфактуры, в фонд помощи семьям фронтовиков поступило более 16116 штук овчин и кож, более 3820 пудов шерсти и около 33694000 млн руб. деньгами⁵².

Таблица 5

Выплаты пособий и пенсий, произведенные через отделы социального обеспечения и бытового устройства семей военнослужащих при СНК РСФСР за счет бюджета РСФСР, местных бюджетов и внебюджетных отчислений в 1943—1945 гг., тыс. руб.

Год	Пособия	Пенсии	Из бюджета РСФСР	Из местного бюджета	Внебюджетные средства	Итого
1943	5781026,1	937042,6	933,4	27724,9	44279,2	6791006,2
1944	5296105,2	1738856,7	280,1	31434,7	152049,2	7218725,9
1945	4371060,4	2334281,3	490,7	32628,6	164869,5	6903330,5
Всего	15448191,7	5010180,6	1704,2	91788,2	361197,9	20913062,6

Источник: ГАРФ. Ф. 415. Оп. 1. Д. 100. Л. 2.

Однако в деятельности отделов социального обеспечения и бытового устройства семей военнослужащих отмечались недостатки: не

четко отслеживались списки семей военнослужащих, помощь семьям военных оказывалась уравнительная, слабо была поставлена работа по трудоустройству членов семей военнослужащих, фактически не предпринимались меры к повышению производственной квалификации, отмечались бюрократический подход и расхищение средств, отсутствовала действенная связь с местными сельсоветами и общественными организациями на селе.

Специальным постановлением СНК РСФСР № 201 от 11 марта 1944 г. «О развертывании сезонных яслей по республикам, краям и областям», совместным приказом с Наркомземом «О развертывании сезонных детских яслей на период полевых работ в 1944 г.» и постановлением СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» решался вопрос о социальной поддержке детей. По данным Наркомпроса, на 1 декабря 1943 г. на воспитании в семьях трудящихся находилось свыше 200 тыс. детей, из них 120 тыс. детей — на патронаже, 57 тыс. детей — под опекой и 16 тыс. детей усыновлено. На 1 января 1944 г. в 2287 детдомах находилось 271 тыс. детей⁵³. Число детей в детских садах совхозов и учебных заведениях на 1945 г. составило 20600 человек⁵⁴. К концу войны постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О льготах для многодетных матерей, удостоенных почетного звания “Мать-героиня”» (6 и более детей) многодетным семьям предоставлялись разнообразные многочисленные льготы (такие семьи, как правило, проживали в сельской местности).

Таким образом, в экстремальной ситуации на макроуровне стратегия и тактика государства в вопросах социального обеспечения жителей сельской местности изменились. Значительно усилилась роль государственного регулирования в решении социальных проблем: расширилось социальное законодательство, увеличилась доля участия государства в финансировании социальных мероприятий, активно использовались механизмы мобилизации и перераспределения средств, стал жестче осуществляться контроль за работой КОВК и социальной деятельностью колхозов.

Серьезной проблемой для органов социального обеспечения в 1950-е гг. являлась реабилитация инвалидов войны, что требовало напряженной работы врачебно-трудовых экспертных комиссий (ВТЭК), организации их лечения, протезирования, обучения, трудоустройства, создания новых домов инвалидов с полным обеспечением. Среди нуждающихся значительной была категория детей-сирот, которых необходимо было разместить в дома-интернаты и в семьи по системе патронирования. Возросла численность категории престарелых граждан, которые также нуждались в поддержке. Война породила новую социальную категорию — семьи погибших воинов. Расширилась категория малообеспеченных граждан. Эти социальные проблемы, требующие значительных финансовых вложений, решались в тяжелых условиях восстановления экономики страны. Часть этих проблем государство взяло на себя, часть переложило на колхозы, предприятия и общественные структуры, в частности на КОВК. Крестьянские социальные проблемы решались на базе «удобного»

принципа самообеспечения, взаимопомощи. В этой ситуации крестьянин мог рассчитывать прежде всего на себя, семейно-родственную и соседскую поддержку, частично — на помощь колхоза и КОВК. В 1949 г. на селе действовало 80 тыс. КОВК с 6 млн членами колхозников и колхозниц. В 1949 г. фонд КОВК составлял 75 млн руб.⁵⁵ Отмечалась хорошая работа КОВК в Новосибирской, Ростовской, Брянской, Владимирской, Тувинской, Тульской областях и Северо-Осетинской и Якутской АССР. Недостаточно хорошо была поставлена работа касс в Вологодской, Грозненской, Калужской, Ленинградской, Псковской, Ярославской областях, в Башкирской АССР. При некоторых колхозах вообще не было создано КОВК. В ходе начавшегося укрупнения колхозов и перевода их в совхозы в ряде мест власти распустили часть касс.

Материальная база КОВК и в 1950-е гг. оставалась слабой, в ряде колхозов отчисления из 2%-ного фонда в кассы не производились, неудовлетворительно была организована кампания за своевременное взыскание возвратных ссуд, не везде была развернута работа по сбору членских и вступительных взносов, некоторые председатели колхозов расходовали средства касс на внутриколхозные нужды. Встречались случаи незаконного лишения инвалидов и семей погибших воинов льгот по сельхозналогу и поставкам, имело место разбазаривание средств. Колхозники теряли веру в кассы и переставали поддерживать их материально.

Параллельно с КОВК социальные вопросы решали и колхозы; по мере укрепления их материальной базы размеры их отчислений на социальные нужды росли (см. Таблицу 6).

Таблица 6

Отчисления колхозов на социальные нужды с 1946 по 1950 гг.

Сферы отчисления	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
Фонд помощи, культурные нужды, тыс. руб.	115818	133882	136319	159173	195794
Помощь инвалидам, яслям, сиротам, тыс. ц зерна	989,0	1705,2	1812,8	2092,2	3333,9

Источник: Советская деревня в первые послевоенные годы. 1946—1950 гг. Ред. Волков И.М., Зеленин И.Е., Кабанов В.В., Ивницкий Н.А. М., 1978. С. 459.

Государство на социальную сферу в сельской местности в этот период выделяло крайне мало средств. Колхозы и КОВК самостоятельно же не в состоянии были содержать социальные учреждения. Финансовое положение колхозных и межколхозных домов престарелых было тяжелым, подсобные хозяйства оставались малопродуктивны. Дома престарелых колхозников были лишены возможности приобрести для нужд обеспечиваемых необходимое количество вещевого довольствия, постельных принадлежностей, обуви, не рас-

полагали средствами для производства капитального ремонта жилых помещений. В колхозных домах инвалидов и престарелых отмечалась высокая скученность, неудовлетворительное санитарное состояние, недостаток мягкого и жесткого инвентаря, плохое медицинское обслуживание, порой имелось лишь 1—2 пары сменного нательного и постельного белья, отсутствовали библиотеки⁵⁶. Колхозы не постоянно вносили плату за содержание колхозников. Исполкомы райсоветов, отделы социального обеспечения крайне мало занимались домами престарелых колхозников: не осуществляли контроль за их деятельностью и не оказывали практической помощи⁵⁷. До 1952 г. организация домов престарелых и инвалидов осуществлялась, как правило, путем приспособления под них различных зданий и сооружений иного назначения: монастырей, лагерей, лесхозов, шахт. В них не было водопровода, канализации, центрального отопления. В аварийном состоянии числилось 18 тыс. мест. Широкое строительство домов инвалидов и престарелых в РСФСР началось с 1952 г., после постановления Совета министров (СМ) СССР № 2590-1264с от 19 июля 1951 г.⁵⁸

В январе 1958 г. правительство РСФСР утвердило Примерный устав КОВ колхозников, в котором повторило пункт об организации КОВК во всех колхозах. Это свидетельствовало о том, что по-прежнему актуальной оставалась задача учреждения на местах КОВК (см. Таблицу 7).

Таблица 7

Число КОВК и количество их членов, начало 1940-х — начало 1960-х гг.

Год	Число КОВК	Количество членов КОВК
1941	35506	4398350
1950	80000	6000000
1959	13495	3320764
1960	12000	3800000
1963	5448	2500000

Составлено по: ГАРФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 2280, 2260, 3305.

Наметившееся уменьшение числа касс происходило за счет укрупнения колхозов и перевода их в совхозы. Несмотря на сокращение числа касс и количества их членов, доходы КОВК за 1958 г. увеличились и составили 270 млн руб. Это позволило осуществлять выплаты пенсий колхозникам в размере 134 млн руб., оплачивать путевки в санатории и курорты (72 млн руб.), осуществлять протезирование. Кассы финансировали социальную сферу села: содержали колхозные дома для престарелых, которых к 1959 г. насчитывалось около 100 на 1,5 тыс. мест; помогали больницам, клубам, школам, домам отдыха и санаториям. За счет КОВК содержалось на патронировании 6,5 тыс. детей⁵⁹. Главное значение в деятельности КОВК в кон-

це 1950-х гг. приобрело назначение и выплата пенсий колхозникам. Пенсионирование строилось на тех же принципах, как и пенсионирование рабочих и служащих, т.е. в зависимости от трудового стажа и заработка работника. Пенсии по старости назначались мужчинам при достижении стажа 25 лет, а женщинам — 20 лет, по достижении престарелого возраста — 60 и 55 лет соответственно. В ряде случаев пенсии по старости мужчинам назначались по достижении 65 лет, а женщинам — 60 лет. Пенсии по инвалидности от трудового увечья назначались без требования наличия трудового стажа. Пенсии назначались инвалидам 1-й и 2-й групп как в денежном, так и в натуральном или денежно-натуральном выражении. Размеры пенсий и пособий не были прописаны в законе, они определялись уровнем экономической мощности колхоза. Отсутствие единой системы пенсионирования колхозников являлось одной из серьезных проблем социального обеспечения. В ряде регионов имело место назначение персональных пенсий от колхозов за заслуги в области развития колхозного строя. Этот вид обеспечения был выше, чем пенсии по старости. Однако не во всех колхозах были созданы КОВК, да и там, где были кассы, не везде имело место пенсионирование. За 1958 г. в РСФСР пенсию выплачивало всего 36873 колхоза 12048,5 тыс. человек. Однако постоянную помощь престарелым и нетрудоспособным колхозникам в порядке пенсионного обеспечения оказывали 20404 колхоза, или 55,3% от общего числа колхозов. Таким образом, для почти 45% крестьянства постоянной помощи не было. Всего пенсионеров и нетрудоспособных в колхозах насчитывалось 3115,0 тыс. человек, а пенсия выдавалась 742,7 тыс. В РСФСР в 1957 г. это составляло 19,9% от общего числа нуждающихся, в 1958 г. — 23,8%⁶⁰. Колхозник не был уверен в том, что, если он достигнет престарелого возраста или заболеет и потеряет способность трудиться, он получит постоянную помощь в виде пенсии. Лишь инвалиды войны получали гарантированные государственные пенсии по категории «военнослужащие».

Процесс преобразования колхозов в совхозы вызвал некоторые социальные проблемы. На 1 января 1958 г. количество нетрудоспособных и престарелых бывших членов колхозов, на землях которых были созданы совхозы, составляло 378,1 тыс. человек, на 1 января 1959 г. их число возросло до 450,9 тыс. человек. К моменту преобразования колхоза в совхоз лица, достигшие нетрудоспособного возраста, перестали получать пенсии от КОВК и колхозов, а совхозы их не включали в свой список. Постановление СМ РСФСР № 187 от 24 февраля 1958 г. «О назначении ежемесячного государственного пособия престарелым и нетрудоспособным бывшим членам колхозов инвалидам 1 и 2 группы» не решало вопрос о материальном обеспечении указанной категории граждан, так как совхозы выдавали пособия только тем бывшим членам колхоза, которые не имели других трудоспособных родственников, обязанных их содержать, и не имели других источников дохода. Таким образом, 41,9 тыс. человек остались за бортом какой-либо помощи: они ничего не получали.

Несмотря на некоторую активизацию деятельности касс, в 1950-е гг. социальное обеспечение колхозников все больше стало

осуществляться не по линии КОВК, а за счет общественных средств колхозов, их правлений⁶¹.

Таблица 8

Структура дохода сельской семьи, 1950-е — начало 1960-х гг., руб.

Год	Весь доход	Из колхозов	ЛПХ	Гос. пенсии, пособия и т.д.
1952	1047	323	520,6	178,8
1958	156	648	658	230
1963	1633	697	701	199

Примечание: ЛПХ — личное подсобное хозяйство.

Источник: Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971. С. 128

Советские идеологи делили советское общество на два дружественных класса — рабочих и крестьян, однако советская система социального обеспечения создавала неравные условия в обеспечении социальными услугами нуждающихся. Советская модель социального обеспечения состояла из двух подсистем: 1) государственного обеспечения рабочих и служащих, основанного на принципах социального страхования, государственного обеспечения военных, лиц творческих профессий и их семей, студентов и 2) обеспечения колхозников на принципах взаимопомощи посредством КОВК и колхозов. Главными направлениями в общей системе социального обеспечения признавались пенсионное обеспечение, трудоустройство и обеспечение в домах инвалидов и престарелых.

1 октября 1956 г. вышел закон о государственных пенсиях, в котором были прописаны виды пенсионного обеспечения: по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца и в других случаях. Выплаты осуществлялись государством за счет средств из государственного бюджета, в том числе средств по бюджету государственного социального страхования, образующихся из взносов учреждений, предприятий. Пенсионное обеспечение распространялось на всех рабочих, служащих, военных и их семьи. Пенсионирование же колхозников, как было замечено выше, оставалось негарантированным, не были прописаны размеры и четкие условия получения пенсий. Такое положение дел не отвечало принципам социальной справедливости и вызывало недовольство колхозного крестьянства.

Начало нового этапа в развитии советской модели социального обеспечения ознаменовалось законами 15 и 20 июля 1964 г. о пенсиях и пособиях членам колхоза. Законы заложили основу пенсионного обеспечения колхозников. Средства пенсионного обеспечения колхозников формировались на счету централизованного союзного фонда социального обеспечения колхозников. В составе Министерства финансов СССР был создан отдел пенсий и пособий колхозникам. Все колхозы производили ежегодные отчисления, размер отчислений устанавливался СМ СССР. Кроме того, государственный бюджет до-тировал союзный фонд социального обеспечения. По всей террито-

рии РСФСР на общественных началах создавались советы социального обеспечения колхозников для решения вопросов, связанных с назначением и выплатой пенсий и пособий членам колхозов. Советы работали совместно с государственными органами социального обеспечения, последние производили выплаты пенсионерам.

В ходе введения пенсионной системы колхозников возник ряд трудностей. При назначении пенсий комиссии столкнулись с проблемой определения методики исчисления пенсий из натуральной части заработка, справедливости оплаты труда колхозников по системе трудодней, тяжелого и не адекватно оплачиваемого труда («за палочки») в предшествующие годы⁶². Другой важнейшей проблемой явилось определение пенсионного возраста для колхозника. Многие колхозники считали несправедливым назначение пенсий в возрасте 60—65 лет. Поступали также жалобы от тех, кто был в колхозе с первых дней, но вышел на отдых в 55 и 60 лет, — им отказывали в пенсии из-за нехватки 5 лет. Пенсии по инвалидности колхозникам выплачивали только 1-й и 2-й группам, тогда как работникам совхозов выдавали пенсии также и инвалидам 3-й группы. Многие колхозники были недовольны размерами пенсий⁶³. Таким образом, механизм назначения пенсий колхозникам, в сравнении с рабочими совхозов и промышленности, ущемлял интересы колхозного крестьянства.

На 1 июля 1965 г. по РСФСР было назначено пенсий 2532 тыс. членам колхозов (92,9% от всех достигших пенсионного возраста). Средний размер пенсии составлял 12,6 руб. (это было ниже, чем у рабочего). 1 апреля 1965 г. вышло постановление СМ СССР № 258 «О пенсионном обеспечении бывших членов колхозов, земли которых переданы совхозам и другим предприятиям и организациям», которое защищало интересы бывших колхозников⁶⁴. Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 26 сентября 1967 г. «О мерах по дальнейшему повышению благосостояния советского народа» был снижен пенсионный возраст для колхозников — до 55 лет для женщин и до 60 лет для мужчин⁶⁵. Специальным указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября 1967 г. пенсии колхозникам частично были повышены. На очередном партийном съезде было принято решение, что с 1 января 1968 г. колхозники должны быть поставлены в равные условия с другими категориями граждан в отношении пенсионного возраста, что необходимо повысить минимальные размеры пенсий колхозникам по инвалидности, положительно решить вопрос о пенсионном обеспечении инвалидов 3-й группы⁶⁶.

Таблица 9

**Численность лиц, которым назначены пенсии по закону
о пенсиях и пособиях членам колхозов, 1965—1970 гг., тыс.**

Год	1965	1966	1967	1968	1969	1970
СССР	7947	8855	9263	11851	12062	12121
РСФСР	3573	3843	3965	4997	5088	5020

Источник: Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. / ЦСУ СССР. М., 1971. С. 678.

Централизация системы пенсионного обеспечения, выравнивание условий назначения пенсий, гарантированность их получения имели большое значение для материального положения колхозного крестьянства и оказали существенное благотворное влияние на его социально-психологическое самочувствие. Социальные выплаты стали подспорьем в бюджете крестьянской семьи, для пожилых одиноких пар — существенным источником жизнеобеспечения, а для некоторых граждан — единственным (Таблица 10).

Таблица 10

Структура доходов семьи колхозника, 1940—1980-е гг., %

Статьи дохода	1940 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.	1986 г.
Доход от работы в колхозе	39,7	34,7	39,3	43,0	45,2	45,5
Зарплаты членов семьи, не работающих в колхозе	5,8	8,4	8,3	9,4	9,0	8,9
Пенсии, пособия	4,9	10,1	17,6	19,0	18,7	18,9
Доходы от ЛПХ	48,0	42,1	31,4	24,7	23,6	23,1
Другие источники	1,3	4,7	3,4	3,9	3,5	3,6

Источник: Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. ежегодник / ГК СССР по статистике. М., 1987. С. 445.

Таким образом, данные официальной статистики свидетельствуют о постепенном повышении доли выплат по линии социального обеспечения в совокупном доходе средней семьи колхозного крестьянства. Во второй половине 1960-х и 1970-е гг. принимается ряд социальных законов, ориентированных на жителей села, — по вопросам электрификации, о социальном обеспечении, жилищном строительстве, заработках, бытовом устройстве. Государственные расходы на социальное обеспечение возрастали с каждым годом.

Таблица 11

Социальные расходы госбюджета СССР, 1940—1980-е гг.

Статьи расходов	1940 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.	1986 г.
Социальное обеспечение и страхование, млрд руб.	0,9	9,9	22,8	45,6	61,1	65,8
Льготы на душу населения, руб.	24	127	263	441	530	554

Источник: Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 437.

В новой редакции Примерного устава колхозов от 28 ноября 1969 г. был усилен социальный аспект: перед колхозами поставлены

задачи по повышению уровня благосостояния колхозников, улучшению их бытовых условий, по благоустройству поселков; внедрялись новые, более прогрессивные формы оплаты труда; были добавлены льготы для женщин; указано, что часть чистого дохода колхоза должна идти на создание культурно-бытового фонда, фонда социального обеспечения и материальной поддержки колхозников. Колхоз получил право делать доплаты к зарплате, пенсиям и пособиям своим колхозникам. Колхозам вменялось в обязанность строить колхозные и межколхозные дома для престарелых, дома отдыха, детские оздоровительные лагеря, возводить клубы, библиотеки, детские сады, ясли, школы, учреждения общественного питания, здравоохранения и проч. В уставе подчеркивалось, что колхозы должны приходить на помощь престарелым, нетрудоспособным и оказывать поддержку в обработке приусадебных участков.

Государственные инвестиции, общественные фонды колхозов и совхозов позволяли проводить социальную политику комплексно. Строились новые школы, расширялась сеть дошкольных учреждений, сельских клубов, библиотек и прочих социально ориентированных учреждений. Реальные доходы крестьян, с учетом бесплатного обучения и лечения, пенсий, пособий и других выплат и льгот за счет КОВК, колхозов, государства и общественных организаций, возросли⁶⁷.

Итак, период формирования системы социального обеспечения крестьян с 1920-х по 1960-е гг. условно можно подразделить на этапы: 1) 1920—1930-е гг. — этап сохранения традиционных принципов самообеспечения и взаимопомощи при государственном регулировании (формирование земельного, налогового, социального законодательства с учетом социально-классового подхода); 2) период Великой Отечественной войны и восстановления народного хозяйства, который характеризовался активным государственным участием в социальном обеспечении сельчан (расширение законодательной базы, увеличение финансирования, создание государственных структур, координация деятельности всех социальных структур, расширение форм и видов помощи); 3) 1950-е — начало 1960-х гг. — время возврата к ситуации взаимопомощи; 4) вторая половина 1960-х гг. — создание централизованной системы социального обеспечения, выравнивание в социальных правах колхозников и рабочих. В основу периодизации были положены следующие критерии: степень участия государства, охват нуждающихся разными видами помощи, уровень материального благополучия.

Таким образом, система социального обеспечения на селе была оформлена в 1960-е гг. Лишь на пятом десятилетии существования советской власти крестьянство в своих социальных правах и их реализации было приравнено к рабочим и служащим. Были провозглашены следующие принципы советской модели социального обеспечения: всеобщность, равенство прав, всесторонность, многообразие. В результате на колхозников были распространены следующие виды социального обслуживания — пенсионное, обеспечение пособиями

(по беременности и родам, одиноким матерям, временно нетрудоспособным), ВТЭК, трудоустройство инвалидов, престарелых, снабжение ортопедическими изделиями, помещение в дома-интернаты. К тому же в годы советской власти была создана разветвленная система бесплатного медицинского обслуживания. На протяжении последующих двадцати лет в системе пенсионного обеспечения оставалась проблема объективного исчисления размера пенсий для колхозников и выравнивания размеров выплат пенсий рабочих промышленных предприятий, совхозов, с одной стороны, и колхозников — с другой.

Кроме того, игнорирование общественно-благотворительной деятельности привело к сужению социальной практики. Существовавшая перераспределительная система социального обеспечения стирала грани различий между страхованием (с его классическими принципами накопительной системы) и социальным обеспечением. Модель характеризовалась централизацией, сильнейшим государственным регулированием. Развивалась излишняя бюрократизация в социальной сфере. Перераспределительная система и ограниченность материальных ресурсов приводили к уравниловке и дефициту социальных услуг. Стремление к количественным показателям сказалось на снижении качества предоставляемых социальных услуг. Для советской модели на всем протяжении ее существования приоритетными оставались вопросы материального порядка, проблемы социально-психологические игнорировались. Непродуманность механизма социального обеспечения порождала у части населения иждивенческие настроения.

Примечания

¹ Фирсов М.В. История социальной работы в России. М., 1999; Нещеретний П.И. Исторические корни и традиции развития благотворительности в России. М., 1993.

² Эльцин Б. Октябрьская революция и перспективы социального обеспечения. М., 1921; Ксенофонов И.Н. Состояние и развитие социального обеспечения в РСФСР. М., 1925.

³ Морозов Н. Состояние безработицы, ее движение и меры борьбы с ней в Средне-Волжской области // Среднее Поволжье. 1929. № 5—6. С. 104—107; Минц М. Промышленность и социальное страхование // Там же. № 1. С. 95—104; Васильев К. Улучшение рабочего снабжения — важнейшая задача // Коммунист. 1931. № 21—22 и др.

⁴ Дембо Л.И. Крестьянские общества взаимопомощи. Л., 1925; Милютин Н.А. Задачи и работа крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (краткое пособие лекторам). М., 1926; Лисиков Е.А. Развитие крестьянской взаимопомощи. М., 1932.

⁵ Клепиков С.А. Питание русского крестьянства. М., 1920; Литошенко Л.И. Крестьянский бюджет в 1922—1923 гг. М., 1923; Большаков А.М. Советская деревня (1917—1924 гг.): Экономика и быт. М., 1924; Росницкий Н.

Полгода в деревне: Основные итоги обследования 28 волостей Пензенской губернии. Пенза, 1925.

⁶ Гоманский Н. Социально-культурное строительство деревни в пятилетке. М., 1930; Абросенко К.П. О социалистическом перевоспитании крестьянства. М., 1949; Трапезников С.П. Исторический опыт КПСС в социалистических преобразованиях сельского хозяйства. М., 1959.

⁷ Аралов В.С., Левшин А.В. Социальное обеспечение в СССР. М., 1959; Анохин И.В. Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи в Московской губернии и их роль в социалистических преобразованиях деревни (1921—1931 гг.) // Уч. зап. Москов. город. пед. ин-та им. В.П.Потемкина. Т. 78. М., 1959. С. 215—255; Алексанов П.А. Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (1921—1925 гг.) // История СССР. 1968. № 5. С. 91—103 и др.

⁸ Хромов П.А. Экономическое развитие России в 1800—1917 гг. М., 1950; Черменский Е.Д. Россия в период столыпинской реакции (1907—1912 гг.): Лекции. М., 1954; Волобуев П.В. Монополистический капитализм в России и его особенности. М., 1956; Дубровский С.М. К вопросу об уровне развития капитализма в России и характере классовой борьбы в деревне в период империализма. М., 1960 и др.

⁹ Лапшина Г.Е., Пикин А.С. Торжество колхозного строя. М., 1960; Шарапов П.В. Аграрный вопрос и разрешение аграрного вопроса в СССР. М., 1967.

¹⁰ Кошелев Ф.П. Подъем материального и культурного уровня жизни советского народа. М., 1954; Соколов М.П. Рост материального благосостояния и культуры советского народа. М., 1954; Яковлева М.Н. Что читать о подъеме материального и культурного уровня жизни советского народа. М., 1954.

¹¹ Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963; Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России 1881—1904 гг. М., 1980; Кучумова Л.И. Сельская поземельная община в Европейской России в 60—70-е гг. XIX в. // Исторические записки. Т. 106. М., 1981. С. 323—348; Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.: этика внесемейных внутриобщинных отношений. М., 1986; Зырянов П.Н. Земельно-распределительная деятельность крестьянской общины в 1907—1914 гг. // Исторические записки. № 116. М., 1988.

¹² Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; он же. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979.

¹³ Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988.

¹⁴ Козлов А.Е. Социальное обеспечение в СССР. М., 1981; Ланцев М.С. Социальное обеспечение в СССР: Экономический аспект. М., 1976; 50 лет советского социального обеспечения. М., 1968; Андреев В.С. Социальное обеспечение в СССР. М., 1971.

¹⁵ Устименко П.М. Социально-бытовые условия жизни на селе. М., 1983; Семин С.И. Преодоление социально-экономических различий между городом и деревней. М., 1973; Тюрина А.П. Социально-экономическое развитие советской деревни. 1965—1980. М., 1982.

¹⁶ Белковец В.В. Историография культурного строительства на селе периода развитого социализма: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1983; Петро-

ва В.Я. Благосостояние и быт села в научной литературе. 1965—1975 гг. // Из истории социального строительства. Вып. 11. Саратов, 1982. С. 137—146.

¹⁷ Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2; он же. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930—1932 гг.) // Там же. 1990. № 6; Ивницкий Н.А. Коллективизация сельского хозяйства: опыт, уроки, выводы. М., 1988; Данилов В.П. Коллективизация: как это было // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. М., 1989; Кондрашин В.В. Голод 1932—1933 гг. в деревне Поволжья: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1991.

¹⁸ Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С.Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001; Денисова Л.Н. Исчезающая деревня Российского Нечерноземья в 1960—1980 гг. М., 1996; Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х гг. М., 1992; она же. Население российской деревни в 1939—1959 гг.: проблемы демографического развития. М., 2002; Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье в 1950—1965 гг. Москва; Вологда, 1991.

¹⁹ Аверин А.Н. Социальная политика государства и социальная структура общества. М., 1995; Социальная политика в постсоциалистическом обществе: Задачи, противоречия, механизмы. М., 2001; Крестьянство в изменяющихся условиях перестройки советского общества / Под ред. В.И.Старовойта. М., 1991.

²⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 413. Оп. 1. Д. 432, 514; Ф. 6350. Оп. 1. Д. 2.

²¹ Данилов В.П., Данилова Л.В. Крестьянский менталитет и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX — начало XX в.): Материалы междунар. конф. в Москве 14—15 июня 1994 г. М., 1996. С. 22—40.

²² 7 августа 1918 г. вышел декрет СНК о пенсионном обеспечении солдат РККА; 28 апреля 1919 г. — положение СНК о социальном обеспечении инвалидов-красноармейцев и их семей; в декабре 1918 г. СНК установил выдачу ежемесячных денежных пособий семьям красноармейцев; 20 марта 1919 г. вышел декрет СНК «О запашке и засеве полей в хозяйствах призванных в армию красноармейцев»; 27 мая 1919 г. — о выдаче денежных пособий семьям красноармейцев; 23 июня 1919 г. — о выдаче ссуд и снабжении семьями семей красноармейцев; 15 октября 1919 г. — декрет ВЦИК о льготах по обложению, и т.д.

²³ ГАРФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 1323; Ф. 6350. Оп. 1. Д. 2.

²⁴ Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма»; ГАРФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 1325.

²⁵ Ксенофонов И.Н. Состояние и развитие социального обеспечения в РСФСР. М., 1925.

²⁶ Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 1. С. 473.

²⁷ Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. 453. Оп. 1. Д. 13. Л. 49, 75.

²⁸ Социальное обеспечение за 5 лет (30 апр. 1918 г. — 30 апр. 1923 г.). М., 1923.

²⁹ Центр документации новейшей истории Республики Мордовия (далее — ЦДНВ РМ). Ф. 327. Оп. 1. Д. 437. Л. 1, 2.

³⁰ Там же. Л. 8.

³¹ Росницкий Н. Лицо деревни: по материалам обследования 28 волостей и 32730 крестьянских хозяйств Пензенской губ. М.: Л., 1926.

³² ЦДНВ РМ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 150. Л. 10.

³³ Там же. Л. 18.

³⁴ Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 8.

³⁵ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 26. Л. 9.

³⁶ Там же. Ф. 326. Оп. 1. Д. 504. Л. 33.

³⁷ Милютин Н.А. Задачи и работа ККОВ (краткое пособие лекторам). М., 1926; Ксенофонтов И.Н. Состояние и развитие социального обеспечения в РСФСР.

³⁸ Дембо Л.И. Указ. соч. С. 25.

³⁹ ГАРФ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1817.

⁴⁰ Алексанов П.А. В борьбе за социалистическое переустройство деревни (Крестьянская взаимопомощь. 1921—1932 гг.) М., 1971; он же. Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (1921—1925 гг.). С. 91—103; Лисиков Е.А. Развитие крестьянской взаимопомощи. М., 1932.

⁴¹ Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. С. 251.

⁴² Положение о Народном комиссариате социального обеспечения РСФСР // Социальное обеспечение. М., 1938. № 2. С. 62.

⁴³ ГАРФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 116.

⁴⁴ Там же. Ф. 415. Оп. 1. Д. 40. Л. 8.

⁴⁵ Там же. Ф. 413. Оп. 1. Д. 271.

⁴⁶ Там же. Ф. 415. Оп. 1. Д. 38. Л. 16.

⁴⁷ Там же. Д. 100.

⁴⁸ Там же. Ф. 413. Оп. 1. Д. 421.

⁴⁹ Советская жизнь 1941—1953 гг. / Сост. Е.Ю.Зубкова, Л.П.Кошелева. М., 2003. С. 159.

⁵⁰ Указ ПВС СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военных рядового и младшего начальствующего состава в военное время»; Постановление СНК СССР от 5 августа 1941 г. «О сохранении жилой площади за военными и о порядке оплаты жилой площади семьями военнослужащих в военное время» (СП СССР 1941, № 17, ст. 342); Постановление СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей»; Постановление ЦК ВКП(б) от 22 января 1943 г. «О мерах по улучшению работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих»; Постановление СК СССР от 4 июня 1943 г. № 632 «О льготах для семей военнослужащих, погибших и без вести пропавших на фронтах ВОВ» (СП СССР 1943, № 8, ст. 140) и др.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 415. Оп. 1. Д. 40. Л. 8; Д. 2. Л. 23; Д. 42.

⁵² Там же. Д. 39. Л. 54.

⁵³ Там же. Д. 38. Л. 16, 23.

⁵⁴ Там же. Д. 55. Л. 55.

⁵⁵ Там же. Ф. 413. Оп. 1. Д. 1620. Л. 175.

⁵⁶ Там же. Д. 1620.

⁵⁷ Там же. Д. 2279, 2281 (то же за 1952 г.).

⁵⁸ Там же. Д. 2280.

⁵⁹ Там же. Д. 3305.

⁶⁰ Там же. Д. 3571.

⁶¹ Справочник по социальному обучению членов колхозов. М., 1969.

С. 7.

⁶² ГАРФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 4005. Л. 4.

⁶³ Там же. Д. 3305. Л. 26, 82.

⁶⁴ Там же. Д. 4017. Л. 26.

⁶⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов за 50 лет. Т. 6. М., 1969. С. 608.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 4005.

⁶⁷ Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. / ЦСУ при СМ СССР. М., 1959; то же. М., 1960. С. 11.

М.А.Безнин, Т.М.Димони*

Аграрный строй России в 1930—1980-е гг.**

Аграрный строй России 1930—1980-х гг. в традиционной историографии трактуется как колхозный, социалистический, представленный однородными по социально-экономической природе секторами, в рамках становления которого крестьянство приобрело новые черты, став колхозным, советским. В 1990-е гг. эта схема подверглась «очернительству», что отнюдь не повысило уровень научного осмысления проблемы. В настоящее время научное сообщество осознает необходимость формирования новых подходов и направлений аграрной историографии, практическая значимость которых определяется невозможностью объяснения в рамках старой схемы произошедших в постсоветское время перемен. Ведь капитализация 1990-х гг., кроме субъективной подоплеки, должна иметь хоть какие-то предпосылки в объективно развивавшихся процессах последних десятилетий. «Социалистическая» же концепция социально-экономического развития деревни советского периода не дает возможности объяснить этот феномен.

Исследования социальных и экономических процессов в советской историографии строились по принципу изучения этапов построения социалистического общества. Такие исследования были выполнены

---

* Безнин Михаил Алексеевич – доктор исторических наук; Димони Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук (Вологодский государственный педагогический университет).

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 04-01-00411.

Публикуя данную статью в подразделе «Дискуссии», редколлегия обращает внимание на то, что ее авторы используют некоторые базовые понятия (например, «капитализация») в непривычном для экономической науки контексте. Использование капиталоемких методов производства в социалистической экономике, в условиях общественной собственности на средства производства, обладает выраженной спецификой. Процесс расширения технической базы советского сельского хозяйства вряд ли можно отождествлять с «накоплением капитала» в советской деревне; не всегда ясно, на каких данных основаны те или иные оценки авторов. Тем не менее, по мнению редколлегии, данная статья может дать импульс дискуссии об эволюции соотношения факторов производства в аграрном секторе советской экономики (*прим. ред.*).

Н.А.Ивнишким, М.А.Вышаном, Ю.В.Арутюняном, И.М.Волковым по аграрной проблематике 1930—1950-х гг.; Л.Н.Денисова, А.П.Тюрина исследовали развитие советского села 1960—1980-х гг.¹ Эволюция материальной базы сельскохозяйственного производства была изучена В.П.Даниловым, развитие типов и форм сельхозпроизводства — М.Л.Богденко и И.Е.Зелениным (совхозы), В.Б.Островским (крестьянский двор), производство зерна — Ю.А.Мошковым; процессам электрификации, мелиорации, химизации сельского хозяйства уделялось большое внимание в работах А.П.Тюриной². Итогом историографических достижений советского этапа стала многотомная «История крестьянства СССР», охватывающая период до конца 1950-х гг.³ Выполнялись и региональные обобщающие исследования⁴. В 1990-е гг. и в начале XXI в., кроме пересмотра прежней концептуальной оценки важнейших характеристик аграрного устройства советской страны, историки описали ряд малоизвестных страниц истории репрессий в деревне, голода, исследовали демографические процессы, аграрную политику отдельных руководителей партии и государства, систему сверхэксплуатации крестьян и др.⁵ В этот период произошла трансплантация на почву нашей аграрной истории идей западного крестьяноведения⁶.

Предпосылки переоценки базовых характеристик аграрного устройства России 1930—1980-х гг. складывались постепенно. Еще в конце 1950-х — 1960-х гг. в западной советологии обсуждалась концепция «аграрной колонизации» в СССР, в ходе которой в 1930—1940-е гг. осуществлялась беспрецедентная эксплуатация крестьянства, в то время как советское сельское хозяйство оставалось отсталым, архаичным, полуфеодальным. В то же время эти исследователи обращали внимание на значительные перемены в экономическом строе сельского хозяйства СССР, произошедшие после 1953 г.⁷ Советская историография и особенно экономическая наука конца 1950-х — 1960-х гг. отмечали разность процессов и экономических механизмов, действовавших в аграрной подсистеме до 1950-х гг. и в так называемый «послесталинский» период. Фактически о господстве базовых элементов аграрного общества к концу 1920-х гг. писал В.П.Данилов⁸. В книге В.Б.Островского были приведены сведения об изменениях в материально-технической базе колхозов, росте профессиональной специализации в деревне, комментировались изменения в быту и духовном облике колхозного крестьянства⁹. В работах экономистов обращалось внимание на медленный процесс накопления в колхозах, натуральность отношений на селе 1930-х — начала 1950-х гг., сохранение в этот период большой роли личного подсобного хозяйства (ЛПХ) в аграрной экономике¹⁰. Традиционность отношений крестьянства с властью в первой половине XX в. подчеркивали М.Левин, Ш.Фицпатрик и другие историки¹¹. Крупные социальные перемены в деревне 1960—1970-х гг. зафиксировала художественная литература, деревенская проза.

Новые задачи исследования аграрной подсистемы России 1930—1980-х гг. потребовали нового инструментария. Прежде всего, потребовалось рассматривать все процессы в широком хронологиче-

ском разрезе. Появилась необходимость вовлечь в научный оборот документы, дающие представление о сложных экономических процессах, — народнохозяйственные и колхозные балансы, бюджетную статистику и т.д. Важной задачей являлось использование в исследовании классических историографических подходов, в том числе и советской историографии, применяемых для описания периодов истории, менее подверженных идеологической ортодоксальности. На наш взгляд, ключевое значение для историографического продвижения имеет реанимация понятия «капитализация» и рассмотрение процессов под этим углом зрения. Термин «*капитализация* аграрного производства» в России был введен в научный оборот экономистами рубежа XIX—XX вв. По их мнению, этот процесс означал «подчинение отрасли хозяйства капиталу», складывание «хозяйственного строя, при котором господствующее положение в хозяйстве занимает капитал как средство, доставляющее владельцу не основанный на личном труде доход»¹². Советская историография, используя сложившиеся в 1910—1920-е гг. подходы, трактовала «капитал» в крестьянском хозяйстве как совокупность средств производства, представленную «мертвым» и «живым» инвентарем (рабочим и продуктивным скотом), постройками¹³. О становлении до революции капитализированного хозяйства в деревне прямо с этой формулировкой в 1924 г. было издано исследование Шестакова¹⁴. В конце концов, сама практика социалистического сельского хозяйства подталкивает исследователей к мысли о необходимости реанимации этого термина: в частности, до начала 1930-х гг. повсеместно в статистике учитывалось соотношение таких факторов аграрного производства, как капитал и живой труд, весь советский период продолжал бытовать термин «капиталовложения», и т.д. Говоря об *аграрной капитализации* и, более громко, — об аграрном капитализме, мы, конечно, будем иметь в виду не те идеологические «ужасы», которые понимались под этим явлением в советской пропаганде, а вполне естественный для экономики процесс радикального переустройства аграрного производства, при котором «овеществленный» труд (капитал) становится решающим фактором экономики. В капитализированном аграрном производстве капитал приобретает способность «поглощать» другие факторы производства; в себестоимости аграрного продукта основное место начинает занимать промышленная составляющая; товаризация охватывает средства производства, рабочие руки, продукт труда; разрушается замкнутость хозяйственного уклада; снижается роль природных факторов в аграрном секторе. Капитализация по сути своей является главной экономической характеристикой процесса индустриальной модернизации, ибо связана с переворотом всей «старой» экономической системы и в конце концов приводит к новым социальным отношениям.

В противовес капитализированному, индустриальному обществу, *аграрное (традиционное) общество* характеризуется высоким удельным весом сельского хозяйства в экономике и сельского населения, крестьянства в структуре общества; примитивной ручной техникой, господством «живого» труда; преобладанием «натуральности»

воспроизводства рабочей силы и средств труда, а также отношений в обществе в целом. Исследователи обращают внимание на такие важные черты аграрного общества, как соединение политической власти и собственности на землю, роль традиции в качестве системообразующего элемента социокультурной жизни, стремление к «замкнутости», «закрытости» по отношению к внешним влияниям. Особенность аграрного общества заключается в существовании предела экономического роста, связанного с недостатком накопления овеществленного труда¹⁵. По нашему мнению, так называемое «социалистическое» переустройство сельского хозяйства точнее было бы рассматривать как выход из аграрного общества. Близость России 1930—1950-х гг. к аграрному обществу подтверждается и сохранением «полуфеодальной» терминологии в практике сельскохозяйственной и партийно-государственной деятельности, где шла речь о «недоимках», «повинностях», «отработках», «земельных отрезках», «разбазариваниях», «кумовстве» и т.д.

Анализ социальных процессов трансформации аграрной подсистемы требует использования таких терминов, как «раскрестьянивание», «пролетаризация», «формирование протобуржуазии». *Раскрестьянивание* — радикальное сокращение доли крестьян в социальной структуре общества, процесс отрыва основной массы населения от сельскохозяйственной деятельности, утрата крестьянством хозяйственной самостоятельности, возможностей социального воспроизводства, социальная дифференциация аграрного общества — пролетаризация большей части его членов и формирование протобуржуазии. Говоря о раскрестьянивании, В.П.Данилов отмечал, что оно происходит в процессе товаризации производства, когда крестьянское хозяйство включается в товарно-капиталистическую систему общественных отношений и связей, сменивших отношения и связи докапиталистические — натуральные. По его мнению, товаризация всего воспроизводственного процесса вела к утрате мелким хозяйством крестьянского облика в результате его превращения в крупное, капиталистическое или в результате его пролетаризации и исчезновения¹⁶. Мы предлагаем логически дополнить это рассуждение В.П.Данилова характеристиками тех явлений, которые шли этому крестьянскому обществу на смену, — пролетаризации и формирования протобуржуазии. Под *пролетаризацией* мы понимаем постепенный процесс утраты крестьянством самостоятельного статуса, обезземеливания и лишения собственных средств производства, сокращения роли хозяйства двора в структуре совокупного бюджета крестьянской семьи. В ходе пролетаризации идет социальное перерождение крестьянства, потеря им «профессионального» универсализма и формирование групп профессиональной специализации, наблюдается отход от довлеющей роли традиций в практике повседневности, изменение прежней роли крестьянства как пассивного объекта политики. Глобальный результат раскрестьянивания и пролетаризации — размыкание социальных границ крестьянского мира, интеграция замкнутого ранее социума в мировую экономическую и культурную систему. Объективной задачей аграрной модернизации являлось создание со-

циального слоя, занимающего «привилегированное» положение в распределении аграрного продукта, распоряжении средствами производства. Формирование *протобуржуазии* связано с выходом общества из аграрного состояния. В России попытки становления буржуазной прослойки в сельском хозяйстве в ходе реформ XIX — начала XX в. осуществлялись весьма медленно. Становление протобуржуазных тенденций как ведущего фактора социальной эволюции деревни происходит в 1930—1950-е гг., сам этот процесс активно развивается в 1970—1980-е гг. внутри социального слоя управленцев, постепенно концентрировавших возможности распределения аграрного продукта и регулирования общественного производства, специалистов, элиты сельскохозяйственных рабочих (квалифицированных рабочих, механизаторов), осуществивших наряду с управленцами скрытую «приватизацию» средств производства и выстраивающих на этой базе новый механизм эксплуатации деревни.

Важно реанимировать еще один подход, применявшийся советской историографией в изучении дореволюционного периода: вернуться к характеристике деревенских укладов. С нашей точки зрения, колхозы, совхозы, колхозные дворы были не секторами однородного социалистического сельского хозяйства, а разными по происхождению и перспективам эволюции социально-экономическими укладами. В 1930—1980-е гг. сохранявшийся в рамках «колхозного» крестьянский уклад претерпевал постепенную эволюцию, но в то же время внедрение «совхозного» уклада означало форсированное формирование «индустриального» образа хозяйствования, а затем и жизненного стиля.

К выводу о необходимости нового концептуального осмысления аграрного строя России 1930—1980-х гг. привели авторов и собственные исследования. Еще на рубеже 1970—1980-х гг. был сделан вывод о постепенной унификации социального статуса колхозников и совхозных рабочих¹⁷. В конце 1980-х — 1990-х гг. один из авторов данной статьи установил, что старокрестьянский уклад в виде двора (а не ЛПХ) длительное время и в рамках колхозной системы выполнял важнейшие экономические функции, а для самих крестьян до 1960-х гг. являлся основным фактором жизнеобеспечения. На Всероссийской научной конференции «Крестьянское хозяйство: история и современность» 1992 г. в Вологде был сформулирован подход в трактовке раскрестьянивания. На сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы 2000 г. в нашем докладе этот вывод был дополнен характеристикой пролетаризации, с одной стороны, и наблюдением о подспудном вызревании протобуржуазии в колхозной среде — с другой. Во второй половине 1990-х гг. среди историков Вологды и отчасти Новосибирска стало культивироваться изучение системы экономических отношений в колхозной деревне как отношений повинностного типа, характерных для аграрного общества¹⁸. Также было начато изучение социально-политической и духовной составляющих раскрестьянивания: постепенного угасания традиционного крестьянского менталитета, изживания способов взаимодействия с властью, разрушения так называемого «лада» крестьянской жизни¹⁹.

В 2002 и 2004 гг. на очередных сессиях Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы авторы данной статьи изложили подходы к изучению эволюции земельных отношений, динамики капитализации в разных сельских укладах, товаризации продукции, рабочих рук, средств производства в аграрной сфере, радикальных перемен в деревенской инфраструктуре²⁰.

Проделанная работа, на наш взгляд, позволяет обобщить имеющиеся данные и предложить читателям контурное видение новой концепции аграрного развития России 1930—1980-х гг.

От аграрного общества к капитализированной аграрной экономике

Аграрный характер экономики страны 1920-х — начала 1930-х гг. признавался крупнейшими политическими деятелями того времени. Важнейшими показателями в этом случае служили данные об удельном весе сельского хозяйства в формировании национального дохода и валового продукта. В 1930 г. в политическом отчете ЦК ВКП(б) XVI съезду партии И.В.Сталин привел сведения, что в 1928/29 г. доля сельского хозяйства в валовой продукции всего народного хозяйства СССР составляла 51%, доля промышленности — 49%²¹. В 1934 г. в отчетном докладе ЦК XVII съезду ВКП(б) И.В.Сталин свидетельствовал, что удельный вес сельского хозяйства в валовой продукции СССР составлял в 1930 г. 38%, в 1931 г. — 33%, в 1932 г. — 29%, в 1933 г. — 30%²². По данным официальной статистики, только в 1930-е гг. в структуре валовой продукции страны произошел сдвиг в сторону индустриальной составляющей. Данные балансов народного хозяйства, подготовленных Центральным статистическим управлением (ЦСУ), показывают, что в СССР в 1935 г. валовая продукция промышленности составляла 44% валовой продукции народного хозяйства, а сельского хозяйства — 15%; в 1940 г. доля промышленности была равна 58% всей валовой продукции СССР, сельского хозяйства — 26%²³. Позже, рассматривая обнародованные органами государственной статистики показатели структуры национального (валового) дохода, многие экономисты отмечали, что к этим данным нужно подходить с осторожностью, так как показатели валового дохода, создаваемого в сельском хозяйстве, как правило, исчислялись в ценах реализации соответствующих лет, которые, как известно, были до 1953 г. беспрецедентно низкими²⁴. Доля сельского хозяйства в национальном доходе СССР, по официальным данным, также сокращалась. В 1928 г. она составляла 39% национального дохода страны (доля промышленности — 29%), в 1930 г. — 30% (доля промышленности — 36%). В 1940 г. национальный доход формировался за счет сельского хозяйства на 29% (за счет промышленности — на 51%), в 1960 г. — на 21% (за счет промышленности — на 53%), в 1970 г. — на 22% (за счет промышленности — на 51%)²⁵. Таким образом, превращение экономики страны из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную в первой половине 1930-х гг. уже свершившийся факт.

Вместе с тем в сельской подсистеме в конце 1920-х гг. важнейшие конструкции аграрного общества сохранялись в достаточно устой-

чивом виде. По данным переписи населения 1926 г., 83% населения России проживали в деревне и почти целиком были заняты сельским хозяйством как постоянным и главным источником средств существования. К началу коллективизации в России существовало 17 млн крестьянских дворов, в которых проживали 88,6 млн чел. Полномасштабные исследования советской доколхозной деревни, выполненные В.П.Даниловым, показали, что мелкое крестьянское хозяйство того времени почти полностью базировалось на применении ручного труда членов семьи, живой тягловой силы и примитивной техники — сохи и плуга. Традиционная структура производительных сил и возможность их воспроизводства внутри крестьянского двора поддерживала натурально-потребительский характер крестьянского хозяйства, его автаркизм²⁶.

Один из исходных моментов характеристики процесса капитализации — изменение количества капитала, сосредоточенного в сельском хозяйстве, особенно того, что работает непосредственно в производстве. Подсчеты стоимостных объемов так называемых основных производственных фондов в сельском хозяйстве показывают, что количество аграрного капитала с конца 1920-х гг. до начала 1950-х гг. увеличивалось очень медленно (в сопоставимых ценах в 1928 г. в СССР — 18 млрд руб., в 1940 г. и 1950 г. — 21 млрд руб.). Значительное нарастание массы капитала в сельском хозяйстве начинается в 1950-е гг. В 1960 г. основные производственные фонды сельского хозяйства удвоились в стоимостных показателях по сравнению с 1940—1950 гг. (до 45 млрд руб. в сопоставимых ценах), в 1970 г. возросли по сравнению с 1940—1950 гг. более чем в 4 раза (до 90 млрд руб. в сопоставимых ценах)²⁷. Эти процессы не остались незамеченными многими советскими экономистами²⁸, которые, однако, не заостряли внимание на качественных изменениях, новых отношениях в аграрной подсистеме общества, вызванных процессами накопления капитала.

Важнейший вопрос, характеризующий капитализацию аграрной экономики России в колхозное время, — динамика капиталовложений государства и колхозов в сельское хозяйство, ибо, по сути дела, речь идет об источниках капитализации последнего. За период с 1938 г. по 1960 г. доля государства в формировании аграрного капитала была значительно меньше, чем колхозов: в 1938 г. — начале 1941 г. — 38%, в период Великой Отечественной войны — 15%, в 1946—1950 гг. — 41%, в 1951—1955 гг. — 50%, в 1956—1960 гг. — 46%. Лишь в начале создания колхозного строя, когда необходимо было обеспечить перелом в соотношении укладов, и после завершения промышленной индустриализации, что, на наш взгляд, относится к 1950-м гг., доля государственных капиталовложений в сельское хозяйство превышала долю колхозных (в 1929—1932 гг. она составляла 79%, в 1933—1937 гг. — 60%, в 1961—1970 гг. — 57%, в 1970—1975 гг. — 67% всех капиталовложений)²⁹. Полномасштабное исследование места неаграрного капитала в сельской экономике колхозного периода еще предстоит осуществить, однако тенденция возрастания его роли налицо. Данные балансовой части сводных годовых отчетов колхозов

РСФСР позволяют рассчитать, что доля «заемных» капиталов (непогашенных банковских кредитов, задолженности колхозов разным лицам и учреждениям) в наличных средствах колхозов была равна в 1935 г. 18%, в 1945 г. — 14%, в 1950 г. — 23%, в 1955 г. — 31%, в 1960 г. — 24%. В начале 1980-х гг. она равнялась 40% всех средств, находящихся в распоряжении колхозов РСФСР³⁰.

Показательно в свете исследования особенностей капитализации российской деревни и участие в ней ссудного капитала. Регулярное нарастание долгосрочных кредитов колхозам СССР в опубликованной статистике фиксируется в течение всего изучаемого периода: 1940 г. — 89 млн руб., 1950 г. — 302 млн руб., 1960 г. — 621 млн руб., 1965 г. — 1422 млн руб., 1966 г. — 1619 млн руб. Резкое увеличение краткосрочного кредитования колхозов происходит в момент перехода капитализации в зрелую стадию: если в 1940 г. Госбанк СССР выделил колхозам, межколхозным предприятиям и организациям 30 млн руб., в 1950 г. — 134 млн руб., то в 1960 г. — 1772 млн руб., в 1965 г. — 1472 млн руб., в 1966 г. — 1915 млн руб.³¹ При всей ограниченности возможности сравнения вышеназванных форм кредитования колхозов нельзя не обратить внимание на то, что переход в стадию развитого «аграрного капитализма» означал в экономическом плане не только радикализацию вторжения капитала в создание адекватных неаграрному обществу производительных сил, но и возрастание его функциональной значимости в оживлении производственных фондов. За 1930—1980-е гг. вся система кредитования сельского хозяйства изменялась параллельно стадиям становления нового аграрного устройства. Заторможенность капитализации первого колхозного двадцатилетия, а во многом и 1950-х гг. была связана, с одной стороны, с ограниченными ресурсами кредитования колхозов государством, с другой стороны, с неготовностью колхозов принять кредиты для обеспечения переустройства экономического механизма. В 1960-е гг. происходят изменения в порядке кредитования колхозов, которые начинают переводиться на прямое банковское кредитование в соответствии с постановлением Совета министров (СМ) СССР от 17 декабря 1965 г.³² С 1965 г. колхозам было разрешено производить оплату труда колхозников за счет долгосрочных ссуд. В 1960-е гг. ослабевает государственная регламентация использования ссуд, увеличиваются сроки предоставления кредита, снижается процент за его использование.

О *качественном* изменении роли капитала (капитализации) говорит степень охвата сельского хозяйства формами товарного производства, расширение рыночного сегмента аграрной подсистемы. До второй половины 1950-х гг. движение аграрного продукта, средств труда, рабочих рук осуществлялось в основном вне классических рыночных механизмов, хотя «вынужденная» товарность нарастала. Основное место в этом процессе занимали натуроплата за работы машинно-тракторных станций (МТС), обязательные поставки сельхозпродукции государству. В так называемой «товарной» продукции (отчуждении продукции у сельхозпроизводителя независимо от механизмов изъятия) зерноводства колхозов РСФСР в 1937 г. 37% занима-

ли обязательные поставки, 48% — натуроплата МТС; в 1945 г. обязательные поставки возросли до 57%, натуроплата МТС составляла 32%; в 1954 г. через обязательные поставки ушло 24% отчужденного у российских колхозов зерна, через натуроплату МТС — 49%. Таким образом, до середины 1950-х гг. 70—80% важнейшего аграрного продукта — зерна — изымалось вне «классических» рыночных механизмов³³. Схожи были механизмы изъятия и другой аграрной продукции, уровень товарности которой в 1940—1950-е гг. составлял: по овощам — до 70%, по молоку — более 70%, яйцам — более 80%, овечьей шерсти — более 90%. Такой порядок отчуждения продуктов подпадает под признаки своеобразной формы «феодальной» ренты. При этом затраты колхозам на производство продукции, например в 1950 г., возмещались государством лишь на 30—50%³⁴. Выплаты от колхоза в 1930—1950-е гг., даже осуществляемые в денежной форме, также не являлись полномасштабным элементом товаризации рабочей силы. Денежная оплата труда в этом случае выступала как специфическая черта преобладавших внеэкономических методов эксплуатации. А натуральная часть лишь по форме отличалась от нее, а по сути являлась методом трудовой мобилизации, достаточно типичным для аграрного общества. Колхозники получали оплату за труд не по фиксированным тарифным ставкам (как, например, рабочие совхозов), а по результатам хозяйственной деятельности сельхозартели. При этом распределение доходов между колхозниками, согласно Примерному уставу сельхозартели 1935 г., производилось по остаточному принципу после выполнения обязательств перед МТС, засыпки семян на посев, фураж и т.д. Часто труд не оплачивался вовсе. В то же время нельзя отрицать в аграрной экономике 1930-х — начала 1950-х гг. существования продуктового товарооборота и сегментарных явлений, приближающихся к рыночным характеристикам движения компонентов сельхозпроизводства, — контрактации, заработной платы механизаторов, авансирования, существования найма рабочей силы в колхозах. Судя по статистике распределения денежных доходов российских колхозов, в 1940—1950-е гг. на оплату труда наемных рабочих расходовалось около 1% денежных доходов³⁵.

Экспансия капитала в аграрный сектор во второй половине 1950-х — 1980-е гг. не принесла крупных изменений в долю отчуждаемого продукта, но коренным образом изменила феномен товарности. С 1958 г. вместе с реорганизацией МТС, отменой обязательных поставок, а затем введением заработной платы колхозникам идет становление аграрного рынка на продукты сельского хозяйства, средства труда, рабочие руки. В 1960—1980-е гг. закупочные цены аграрной продукции постепенно сближались с себестоимостью ее производства. Рабочая сила колхозников, вместе с «освобождением» крестьян (в 1974 г. была принята новая паспортная система), превращается в товар. Оплата труда колхозников становится заработной платой: она перестает быть связанной с итогами работы за определенный период, вводятся гарантированность выплат (1966 г.), ежемесячность расчетов с колхозниками на уровне соответствующих категорий рабочих совхозов, постепенно происходит процесс монетаризации зарплат.

Если в 1953 г. доля денежных поступлений в семью российского колхозника составляла 21% от общего объема натуральных и денежных выплат, производимых колхозом, то в 1960 г. она равнялась 62%, а в 1970 г. — 95% поступлений от колхоза³⁶. В российском сельском хозяйстве увеличивается использование рабочей силы по найму. В 1970 г. колхозы и совхозы РСФСР использовали 180 тыс. среднегодовых работников «со стороны», в 1975 г. — 319 тыс., а в 1980 г. — 469 тыс. человек³⁷. Одновременно увеличивается доля денежных расходов на оплату наемного труда: в 1975 г. в РСФСР она составляет 14% валового дохода колхоза, а в 1980 г. достигает 44%³⁸. Колхозы полностью включаются в систему купли-продажи рабочей силы, сельскохозяйственной продукции, а также средств труда.

Проанализировать последнее из названных явлений возможно исходя из показателей материальных производственных затрат в сельском хозяйстве. Ежегодно представляемые в органы статистики сведения по колхозам, совхозам, хозяйствам населения учитывали стоимость сельхозпродуктов (семян, кормов и др.) и промпродуктов (минеральных удобрений, горюче-смазочных материалов, другого топлива, медикаментов и ядохимикатов, покупных кормов, расходов на текущий ремонт и т.д.), а также амортизацию основных средств производства. Расчет соотношения долей аграрного и неаграрного (промышленного) капитала в материальных затратах колхозов показывает, что в 1930 г. сельское хозяйство колхозов СССР на 81% основывалось на средствах производства внутриотраслевого (сельскохозяйственного) происхождения. В последующие годы доля произведенных внутри сельского хозяйства средств производства в материальных затратах постепенно снижалась, хотя и оставалась значительной (в колхозах СССР в 1940 г. — 75%, в 1950 г. — 72%, в колхозах РСФСР в 1960 г. — 63%, в 1970 г. — 54%). Кардинальные изменения в уровне товаризации средств производства колхозов происходят в первой половине 1970-х гг. В 1975 г. в колхозах РСФСР доля «промышленных» средств производства в материальных затратах достигла 55%, а в первой половине 1980-х гг. составила 70% всех производственных затрат³⁹.

Постепенно в товарные отношения вовлекалась и земля⁴⁰. С конца 1950-х гг. формируются более «свободные» поземельные отношения. Земля освобождается от тягловых обязательств (с 1958 г. были отменены обязательные поставки сельхозпродуктов государству колхозами, колхозными дворами, хозяйствами рабочих и служащих, а также натуроплата за работы МТС), разрушается принудительность землепользования, когда поземельное «тягло» рассматривалось государством в качестве незыблемой основы аграрного устройства общества. «Освобождение» земли от тягловых обязательств, связанных с ее держанием, увеличило возможность вложений капитала в землю, которые в 1960—1970-е гг. практически полностью переводятся с кредитных механизмов на принципы прямых государственных вложений⁴¹. Все оформляющиеся вокруг земли товарно-денежные отношения неминуемо вели к тому, что земля, втягиваясь в них, сама приобретала характеристики товара. Неслучайно в конце 1960-х — начале

1970-х гг. советские экономисты обосновывали мнение о необходимости стоимостной, денежной оценки земель⁴². По сути дела, теперь до постановки вопроса об открытом обороте земли оставался буквально один шаг, тем более что в советском обществе всегда существовали «ниши» скрытой и даже открытой товаризации земли. Сделать такой вывод позволяют материалы документов правоохранительных органов о «грубых нарушениях принципов социалистического землепользования». Покупка, продажа приусадебных участков, сенокосов, сдача их внаем «исполну» являлись в жизни сельчан весьма обычными сделками. Подобные «земельные сделки» с середины 1970-х гг. стимулировались горожанами, получившими разрешение покупать дома в деревне, что подразумевало и «продажу» приусадебного участка⁴³.

Другой фактор, свидетельствующий о капитализации и перерождении аграрного общества, — изменение структуры себестоимости аграрного продукта. Когда роль такого экономического фактора, как капитал, становится ведущей, а доля «живого» труда в себестоимости продукта кардинально сокращается, можно считать, что грань, отделяющая аграрное общество от капитализированного, пройдена. Вопрос об «издержках производства», как это тогда называлось, фигурировал широко еще в конце XIX в. Обзор и анализ дореволюционных работ по себестоимости сельхозпродукции сделал академик С.Г.Струмилин в известной статье «Издержки производства хлебов в царской России» (1926 г.)⁴⁴. Этот опыт был использован советской статистикой. В 1928 г. было начато определение себестоимости производства сельхозпродукции в колхозах. В 1931 г. в статистических сведениях еще приводилась структура издержек производства в совхозах, колхозах, крестьянских хозяйствах⁴⁵. Однако с 1932 г. вопрос о себестоимости продукции, произведенной в колхозах, ушел со страниц печати (в сборниках ЦСУ сведения давались лишь по совхозам). Экономисты 1960-х гг. считали, что на это повлияло повсеместное введение трудодня, натуроплаты на работы МТС и, следовательно, натурализация производственных отношений. Вопрос о себестоимости в колхозах в административном порядке был снят с повестки дня. Указывалось, что расценка труда в рублях чрезвычайно вредна, так как порождает потребительские настроения, и т.д. Так Н.А.Вознесенский в начале 1930-х гг. писал, что «издержки производства» в колхозах должны исчисляться непосредственно в рабочем времени — трудоднях⁴⁶. В 1930—1950-е гг. даже высказывалось мнение, что для колхозов характерны только натуральные отношения, что «колхозное производство является особым типом хозяйства», а себестоимость продукции колхозов просто равна материальным затратам⁴⁷. Вновь вопросы себестоимости в колхозах стали изучаться после 1953 г. Начало их обсуждению положил В.Г.Венжер в 1955 г.⁴⁸ С 1958 г. в годовых отчетах колхозов начали приводиться данные о себестоимости продукции, исходящие в оценках оплаты живого труда колхозников по нормам рабочих совхозов. Практика учета себестоимости колхозной продукции окончательно сложилась в 1963—1964 гг. В годовых отчетах колхозов за 1962 г. впервые при расчете себестоимости продукции использовался учет фактической оплаты труда в колхозах.

Историки практически не обращались к изучению вопросов соотношения «живого» труда и капитала в структуре себестоимости сельхозпродукции. Исключение составляют работы В.П.Данилова. Анализируя производство в советской доколхозной деревне, он обратил внимание на то, что структура издержек производства дает суммарную характеристику производительных сил с точки зрения места и роли их отдельных элементов. В этой структуре, по его мнению, фиксируется соотношение факторов создания продукта, стоимость которых переносится на этот продукт. По расчетам В.П.Данилова, удельный вес стоимости рабочей силы («живого» труда) в общей себестоимости продуктов крестьянского хозяйства в 1925 г. (в среднем по стране) составлял по зерновым около 60%, по картофелю — 57%, по льну — 75%. Он пришел к выводу о том, что затраты «живого» труда намного превышали затраты капитала⁴⁹.

Для колхозного периода расчет соотношения затрат «живого» труда и капитала имеет свою специфику. Соотношение материальных издержек может быть сопоставимо лишь с затратами на оплату труда и поэтому имеет смысл только с того момента, когда затраты на эту оплату стали исчисляться на уровне расценок работников совхозов. Судя по расчетам структуры себестоимости колхозов РСФСР, сделанным Всесоюзным научно-исследовательским институтом экономики сельского хозяйства по материалам сводных годовых отчетов колхозов за 1953—1956 гг., затраты на оплату труда от 50 до 75% в общей себестоимости сельхозпродукции в это время занимали в производстве овощей, кормовых культур, льна. В пределах 40—45% затраты на оплату труда были в производстве молока и 35—40% — в производстве зерна, картофеля, мяса⁵⁰. В 1958 г. и 1960 г. расходы на оплату труда («затраты всего труда») в структуре себестоимости производства сельхозпродукции в колхозах РСФСР составляли по зерну 46 и 45% соответственно, по картофелю — 41 и 45%, по молоку — 47 и 47%, привесу крупного рогатого скота — 44 и 39% и лишь в производстве овощей превышали 60% за оба года⁵¹. По расчетам отдела аграрных проблем Института экономики АН СССР, удельный вес материальных затрат во всех производственных затратах колхозов РСФСР в 1964 г. составлял 52%, в 1965 г. — 57%⁵²; при этом следует иметь в виду, что к этому времени оплата труда существенно возросла по сравнению со второй половиной 1950-х гг. Несмотря на то что оплата труда и в дальнейшем росла, причем значительно более высокими темпами, чем в предшествующий период, удельный вес ее в структуре себестоимости сельхозпродукции постоянно и неуклонно сокращался: до 30% во второй половине 1960-х гг., до 25% в 1975 г. и до 19% в 1980 г.⁵³ Иными словами, колхозы из генетически близких по структуре элементов производительных сил к экономике аграрного общества превращаются во вполне капитализированную хозяйственную структуру.

Таким образом, в 1930—1980-е гг. достаточно типичное аграрное общество России трансформируется в специфический российский аграрный капитализм. Гранью окончательного ухода аграрного общества и становления капитализированного становятся 1950—1960-е гг.,

когда начинается кардинальное нарастание массы капитала в сельском хозяйстве, увеличивается роль государства в этом процессе, капитал превращается в главный фактор производства, завершается товаризация продукции, рабочих рук, средств производства. И все же рассмотрение процессов выхода из аграрного состояния общества будет неполным без исследования специфики капитализации разных хозяйственных укладов.

Место сельских хозяйственных укладов в переходе к капитализированной аграрной экономике

Существование различных укладов в экономике страны в первой трети XX в. не вызывало сомнений у политического руководства. В 1918 г. В.И. Ленин выделял пять общественно-экономических укладов, в начале 1930-х гг. И.В. Сталин говорил о сохранении двух укладов в экономике страны⁵⁴. В 1930-е гг. сложилась концепция существования единого однородного социалистического сектора в народном хозяйстве. С 1933 г. советская государственная статистика стала включать в итог по социалистическому сектору народного хозяйства ЛПХ колхозников, с 1935 г. — рабочих и служащих⁵⁵. Тем не менее у советских экономистов существовало сомнение в правомерности такого подхода. В 1960-е гг. в ходе дискуссии о природе ЛПХ ряд авторов ставили под сомнение его социалистический характер, либо отрицали его. Г.Г. Котов, например, писал, что «наличие ЛПХ указывает на то, что процесс обобществления в сельском хозяйстве не завершен... и социалистическая форма хозяйства не стала единственной»⁵⁶. Некоторые экономисты говорили и о «переходном характере колхозной формы производства». Указывая на остатки старого, мелкокрестьянского способа производства в коллективных хозяйствах начального периода, В.П. Шкредов отмечал, что колхозно-кооперативная собственность в течение известного времени оставалась формой выражения переходных производственных отношений⁵⁷. Эти рассуждения подтверждают необходимость проанализировать развитие аграрного строя России 1930—1980-х гг. именно как совокупности разных хозяйственных укладов: государственно-капиталистического, представленного прежде всего совхозами и МТС, колхозного, выполнявшего главную функцию в рамках первоначального накопления, и старокрестьянского.

Капитал локализовался прежде всего в структурах, имеющих товарную направленность производства. Наиболее массивно процесс капитализации развивался в совхозном укладе, являвшемся форпостом этого процесса, его своеобразной экспериментальной базой. Этот уклад сформировался за счет крупных государственных вложений капитала и сосредотачивал в 1935 г. 23% основных производственных фондов сельского хозяйства в стоимостных показателях, в 1960 г. — 32%. При этом государственные хозяйства давали перед войной 10%, а в 1960 г. — 21% валовой продукции сельского хозяйства РСФСР⁵⁸. Государственно-капитализированный уклад становится господствующим в сельском хозяйстве в конце 1960-х —

начале 1970-х гг. В 1975 г. он сосредотачивает около половины стоимости основных производственных фондов сельского хозяйства, производя более 40% сельхозпродукции⁵⁹. Роль капитала в совхозном производстве ярко видна при анализе его доли в структуре себестоимости продукции в совхозах. Уже в середине 1930-х гг. в совхозах СССР доля «живого» труда в себестоимости зерновых не превышала 13—14%, продукции животноводства — трети всех затрат⁶⁰.

Оригинальной формой переустройства аграрной общественной подсистемы, своего рода орудием капитализации аграрного производства и важнейшим механизмом первоначального накопления в сельском хозяйстве России явились колхозы. Особенностью капитализации через колхозный механизм в российской деревне стало то, что она происходила посредством крупномасштабного использования архаичных, «феодалных» по сути, государственных по форме, механизмов первоначального накопления, связанных, прежде всего, с насильственным отделением работника от средств производства, сноном крестьян с земли. Неизбежной при этом становилась архаизация государственного строя. В 1930-х — начале 1950-х гг. вновь был востребован жесткий политический режим, только и способный какое-то время удерживать на плаву «феодалную реставрацию», под которой мы понимаем не восстановление «средневекового» устройства во всем его многообразии, а временное использование механизмов аграрного общества в других исторических условиях.

Колхозный уклад был сформирован в начале 1930-х гг. на базе сложения потенциала индивидуальных крестьянских хозяйств. В 1930 г. средства производства колхозов практически не отличались от тех, которыми пользовался крестьянин, ведя традиционное семейное производство: 81% колхозов РСФСР работали только на живой «двигательной» силе, 56% в структуре основных средств производства (в стоимостном выражении) занимал рабочий и продуктивный скот, 19% — сельхозинвентарь, 12% — транспортные средства⁶¹. Самыми распространенными в колхозах орудиями труда и в 1930-е гг. оставались конные плуги и конные сеялки. Но началась и механизация, в основном тракторизация, охватившая небольшой круг сельхозопераций, преимущественно пахоту и сев зерновых. Особенностью внедрения государственно-организованного капитала в аграрную подсистему стало его сосредоточение «вне» колхозов, через МТС — уникальный советский способ организации процесса производства на селе. До конца 1950-х — начала 1960-х гг. процесс накопления капитала в колхозном укладе происходил крайне медленно. В первой половине 1930-х гг. произошло даже сокращение капиталов, накопленных крестьянским укладом к 1928 г. (в СССР в 1935 г. примерно на 25%, если суммировать то, что находилось в этот период в основных фондах колхозов, единоличных хозяйств и приусадебных хозяйств колхозников)⁶². Доля основных фондов колхозов во всех основных фондах сельского хозяйства СССР в 1940 г. составляла 33%⁶³. В этом укладе производилось в РСФСР в 1941 г. 70%, в 1950 г. — 64% валовой продукции сельского хозяйства⁶⁴. Исходно низкое обеспечение колхозов основным экономическим ресурсом, отсутствие внутренних

возможностей накопления и внешнего притока капитала в 1930-е — начале 1950-х гг. консервировали характер аграрного строя страны в рамках традиционного общества. Колхозы этого времени вряд ли следует рассматривать как явление, выходящее за рамки аграрного общества (пусть и в «государственно-феодальной» форме). По организационно-экономическому устройству они были намного ближе к «феодальным» владениям, управляемым назначенцами государства, чем к предпринимательским хозяйствам в аграрной сфере. Неслучайно И.В.Сталин в период подготовки Устава сельхозартели 1935 г., поясняя, что такое колхозы, сравнивал их с «экономией, помещичьим именем»⁶⁵.

При всей принципиальной общности первого колхозного двадцатилетия (господства в деревне типичных устоев аграрного общества и «феодальных» пережитков) период 1930-х гг. и период 1940-х — начала 1950-х гг. существенно различаются. До установления обязательности выработки определенного количества трудодней и погектарных норм обложения, коллективизации подавляющей части дворов вряд ли можно считать колхозную систему полностью сформировавшейся. 1940-е — начало 1950-х гг., кроме экстремальности ситуации, характеризуются пиком внеэкономического изъятия (норм эксплуатации) в целом для аграрного общества России. В этот период была восстановлена система государственных повинностей (по выражению И.В.Сталина, «нечто вроде “дани”») в отработочной, продуктовой и денежной формах⁶⁶. Законодательное оформление этой системы относится к концу 1930-х гг., а «отмирание» повинностей наблюдается с середины 1950-х гг.

Хотя для периода 1930-х — начала 1950-х гг. было характерно преобладание чрезвычайно жестких внеэкономических методов эксплуатации, постепенно формировался и механизм экономического принуждения. Прежде всего, он был связан с лишением колхозника основных средств производства и формированием системы материального стимулирования, частью которой было наделение приусадебной землей.

Накопление капитала в условиях колхозной системы имело свою специфику и особенности на разных периодах существования колхозного строя. Если проанализировать строение неделимых фондов колхозов России за 1935—1950 гг., выясняется следующая любопытная картина. В их структуре доля обобщественного имущества и вступительных взносов сократилась с 1935 г. по 1950 г. с 24% до 12%. Уже в середине 1930-х гг. до 50% в этой структуре занимали отчисления от доходов сельхозартели (в 1937 г. — 55%); позже относительная доля этого показателя снижается при серьезном увеличении еще одного капитализационного канала — накоплений в «строительстве и средствах производства, изготовленных для нужд сельхозартели» (до 42% в 1940 г.)⁶⁷. Тем не менее даже на середину 1960-х гг. И.Ф.Сулов определяет долю обобщественных фондов, созданных трудом в единоличных крестьянских хозяйствах, в стоимости основных средств производства колхозов в 15—20%, т.е. средства производства, созданные трудом кооперированного крестьянства, на середину 1960-х гг.

достигли уже 80%⁶⁸. Масшированное увеличение колхозных капиталов начинается в 1960-е гг. Проникновение капитала в сельское хозяйство было связано с расширением отраслей и сфер механизации сельского производства, а также с завершением индустриализации страны в целом, что позволило приступить к радикальным переменам в сельской подсистеме. В 1960—1970-е гг. идет перераспределение средств между промышленностью и сельским хозяйством, резко возрастают капиталовложения государства в аграрный сектор. Повышается удельный вес мелиорации в себестоимости аграрного продукта; в виде участия в создании химических комплексов и через другие опосредованные сферы в сельское хозяйство пошел западный капитал, роль которого в этих процессах еще плохо нами изучена. А она была достаточно велика: только в 1959—1963 гг. на Западе было закуплено 50 химических заводов⁶⁹.

В 1960 г. доля колхозов в стоимости основных производственных фондов сельского хозяйства страны составляла около половины, в 1970—1980-е гг. была на уровне примерно 40% их общей стоимости⁷⁰. Доля продукции колхозов в валовой продукции сельского хозяйства РСФСР составляла: в 1960 г. — 39%, в 1970 г. — 35%, в 1980 г. — 29%⁷¹. Масштабы работы нарастающего капитала четко прослеживаются через изменение численности колхозников, занятых в общественном хозяйстве. Если с 1940 г. по 1950 г. сокращение занятых в производстве колхозников РСФСР было незначительным (с 17 млн чел. до 14 млн чел. при примерно равных объемах производства), то далее процесс идет нарастающими темпами: в 1960 г. в колхозах было занято 9 млн, в 1980 г. — 5 млн, в 1987 г. — 4 млн чел. при увеличивающихся объемах производства⁷². В 1970—1980-е гг. в аграрно-промышленном комплексе (АПК) идет радикальное увеличение доли отраслей инфраструктуры сельского хозяйства, формируется взаимосвязанная система функционирования рынка аграрного и промышленного капитала. К середине 1980-х гг. в объеме продукции АПК РСФСР доля сельского хозяйства (вместе с лесным) составляла 43%, доля отраслей промышленной переработки, заготовки сельхозпродукции и доведения ее до потребителей — 38%, еще 19% продукции приходилось на отрасли, обеспечивающие АПК средствами производства⁷³. Фактически в аграрной подсистеме возникло новое экономическое «устройство», которому соответствовали радикально изменившиеся по сравнению с 1930-ми гг. материально-техническая оснащенность, организация хозяйства и социальная структура деревни.

В своем развитии колхозная система прошла ряд этапов. Первый охватывает 1930-е гг. — от начала массового колхозного строительства до завершения формирования таких несущих конструкций колхозного устройства, как погектарные нормы обложения, увязывание существования приусадебного хозяйства с трудом в колхозе и т.п. Второй включает 1940-е — начало 1950-х гг. — период существования колхозной системы в классическом виде, когда создавались условия для торжества капитала в аграрной сфере. Третий этап (с середины 1950-х до середины 1960-х гг.) — свертывание классической колхозной системы — характеризуется отменой системы госпоста-

вок, ударами по личному приусадебному хозяйству, совхозизацией, крупномасштабным перемещением рабочих рук в промышленность, введением гарантированной заработной платы и распространением на колхозников пенсионной системы, резким возрастанием притока в деревню промышленного капитала. В 1950—1960-е гг. колхозная система заметно трансформировалась в индустриально функционирующий экономический механизм. На четвертом этапе (конец 1960-х — 1980-е гг.) происходит окончательное перерождение системы в государственный аграрно-капиталистический механизм. В 1990-е гг. колхозы стали источником формирования частного или акционерного капитала. Накопленный в рамках существования колхозного строя потенциал оказался приватизирован, разворован или разгромлен.

Старокрестьянский уклад был представлен прежде всего приусадебными хозяйствами колхозников, а также единоличными дворами. Он характеризовался существованием особого типа аграрного производства, ведущегося автономной хозяйственной ячейкой — крестьянским двором, представляющим уникальное сочетание производственного комплекса — земли, средств производства и рабочих рук. До 1933 г. в этом укладе было сосредоточено абсолютное большинство капиталов сельского хозяйства (в СССР в 1928 г. — 98%, в 1931 г. — 79%). С 1933 г. капиталы крестьянского уклада стремительно сокращаются: в 1933 г. в нем осталось 44% всех основных средств производства сельского хозяйства СССР (в том числе в хозяйствах крестьян осталась большая часть продуктивного скота, надворных построек), в 1937 г. — 22%⁷⁴. Экономисты, изучавшие развитие крестьянского уклада (согласно прежней терминологии — личного подсобного хозяйства), отметили, что после окончательного формирования колхозного строя он (с небольшими колебаниями) оставался примерно на одном уровне объема в стоимостных показателях до конца 1960-х гг.: в 1940 г. в СССР рассматриваемый уклад сосредотачивал 9 млрд руб. основного капитала, в 1950 г. — 8 млрд руб., в 1960 г. — 10 млрд руб.⁷⁵ Этот уклад играл довольно значительную роль в производстве валовой аграрной продукции. Колхозные дворы РСФСР давали в 1941 г. 16% сельхозпродукции, в 1950 г. — 18%, в 1960 г. — 23%, в 1976 г. — 24%⁷⁶. Крестьянский уклад достаточно долго играл устойчивую и значимую роль в аграрной подсистеме страны. До 1950-х гг. он сохранял ведущие позиции в животноводстве, а до 1960-х гг. — в формировании бюджета колхозной семьи. Являясь амортизатором процесса первоначального накопления, он последовательно сохранялся и поддерживался на уровне государственной политики 1930-х — начала 1950-х гг., в том числе воспроизводился и «внутри» капитализированных укладов. В частности, в начале 1930-х гг. государством предпринимались усилия по ликвидации бескоровности колхозников, в 1933 г. был решен вопрос об индивидуальном огороде для работников совхозов, а в 1938 г. — о возможности содержания ими скота⁷⁷. В то же время традиционное отсутствие внутренней мотивации накопления в рамках старокрестьянского уклада, его существование в условиях жесто-

чайшей государственной эксплуатации подрывали устои этого типа хозяйствования.

Хозяйственная деятельность селян на личном приусадебном участке в наименьшей степени подвергалась экономической перестройке. Хозяйства же населения дали в 1965 г. 46% той доли национального дохода, который производился в сельском хозяйстве, в 1970 г. — 39%, в 1975 г. — 47%⁷⁸. Такие показатели были связаны, прежде всего, с тем, что уровень капитализации в личном приусадебном хозяйстве был крайне низким и материальные издержки — небольшими. С помощью машин или тягловой силы производилась, как правило, лишь вспашка приусадебных участков и иногда частичная уборка урожая. Во всех остальных производственных процессах основную роль играл живой труд, примитивные орудия. В 1955 г. в среднем по РСФСР доля материальных издержек приусадебного хозяйства составила 26% от совокупного дохода семей колхозников, в 1965 г. — 43%. Материальные издержки ЛПХ состояли преимущественно из натуральных расходов — кормов, семян, подстилки для скота и т.д. В 1955 г. доля натуральных расходов в издержках двора российского колхозника составляла 85%, в 1965 г. — 82%⁷⁹. Лишь в начале 1980-х гг. наблюдаются подвижки в сторону капитализации личного хозяйства, промышленностью начинается производство средств малой механизации. Так уже в 1984 г. население имело возможность купить 5 типов механизмов, применяемых в основном в растениеводстве (мотоблоки, мотокультиваторы и др.)⁸⁰.

Процессы раскрестьянивания и социальной дифференциации в российской деревне 1930—1980-х гг.

Капитализация в аграрном секторе неизбежно вела к соответствующим социальным последствиям: раскрестьяниванию, пролетаризации, формированию протобуржуазии. Проблема раскрестьянивания является одной из наиболее дискуссионных в современной историографии. Разные мнения высказываются о длительности процесса раскрестьянивания в России, этапах и степени его завершенности. Одна из причин неоднозначности мнений кроется в несогласованности понимания дефиниции «крестьянство». По определению Т.Шанина, крестьяне — это мелкие сельскохозяйственные производители, которые трудом своих семей, используя простое оборудование, производят главным образом для собственного потребления и для того, чтобы исполнять свои обязанности по отношению к обладателям политической и экономической власти⁸¹. Некоторые историки главным признаком этой социальной категории считают труд на земле или ведение личного приусадебного хозяйства⁸². Заметим, что сельскохозяйственный труд мог быть главным занятием и других социальных категорий — рабов, наемных рабочих. Но эти группы не подпадают под определение крестьянства, которое было совершенно особым способом интегрировано в аграрное производство. В отличие от рабов, лишенных основных средств производства, и рабочих, продающих свои рабочие руки, крестьянин являлся собственником

основных орудий труда, владел или пользовался землей и вел хозяйство в достаточно автономном режиме, составляя основу общественного производства и аграрного общества. Что касается критериев завершенности процесса раскрестьянивания, то одно из мнений на этот счет было сформулировано В.А.Ильиных, который считает, что о завершенном раскрестьянивании свидетельствует невозможность воссоздания крестьянства как класса⁸³. По нашему мнению, завершенность раскрестьянивания — это радикальное сокращение доли «крестьян» в социальной структуре общества, утрата функций по преимуществу натурального хозяйственника, соответствующие социально-экономические подвижки. Преодоление в основном крестьянских черт и означает завершение раскрестьянивания, хотя еще длительное время у носителей признаков этого слоя могут сохраняться остатки прежних экономических, социальных, психологических характеристик.

В процессе раскрестьянивания явно выделяются «внешнее» и «внутреннее» его проявления, описанные одним из авторов данной статьи еще в 1992 г. Под первым понимается миграция — прямое выталкивание из крестьянской среды, из деревни в результате подрыва воспроизводства двора, второе характеризуется как процесс внутреннего перерождения крестьянства, приобретения новых черт остающимися жить в деревне⁸⁴. Население сельской местности до 1960-х гг. численно преобладало над горожанами. В 1939 г. в деревнях проживало 67% населения России, причем половина жителей страны в качестве основного занятия называла сельское хозяйство (в промышленности и строительстве работали тогда же 26% населения России). Переход половинного рубежа в долевым соотношении горожан и селян зафиксировала перепись 1959 г., когда доля сельского населения сократилась до 48%, а доля занятых в сельском хозяйстве — до 32% (в промышленности работали 37% населения России). В начале 1990-х гг. селяне составляли лишь 26% в общей численности населения России⁸⁵. Таким образом, за шесть десятилетий существования колхозов раскрестьянивание сократило сельскую часть населения страны с 80% до примерно трети всех жителей государства. А оставшаяся часть колхозников постепенно социально переродилась.

Наиболее интенсивным периодом раскрестьянивания России являются 1930—1960-е гг. Здесь мы сталкиваемся с видимым противоречием: почему в условиях «феодальной» реставрации начинается сокращение и перерождение основной категории населения, характерной для аграрного общества? Причина в том, что эта реставрация решала задачу перехода от аграрного общества к индустриальному. Проникновение в деревню государственно-организованного капитала уже в 1930—1950-е гг. отчасти денатурализовывало крестьянский труд и его продукт. Таким образом, в условиях «феодальной» реставрации готовилась почва для трансформации крестьянина в рабочего. Обезземеливание крестьян, разрушение воспроизводственного механизма их демографического и хозяйственного статуса также вписываются в этот процесс. В 1960-е гг. «раскрестьянивание» России в основном завершается. Незавершенность пролетаризации колхозни-

ков и других сельских труженников обуславливалась лишь сохранением многих черт крестьянского мировосприятия, а также института личного подворья. С конца 1960-х гг. колхозник (как и совхозный рабочий) становится наемным рабочим государственного предприятия, хотя и сохраняет некоторые крестьянские черты, в том числе небольшое личное хозяйство, ориентацию на продовольственное самообеспечение, социально-психологические особенности. «Раскрестьяненные» колхозники в это время, несмотря на некоторое снижение уровня эксплуатации, пребывают в очень некомфортной социальной ситуации. Их прежняя идентичность крестьянина, пусть и сверхэксплуатируемого, была окончательно разрушена. Они оказались в «рабочих», но самого обездоленного и униженного сорта. Естественной реакцией на потерю идентичности стало нарастание негативных явлений социальной жизни: пьянства, социальной деградации. С другой стороны, форсированный уход крестьянства вызвал всенародный надлом и ностальгию по деревне, проявившиеся в трагичной и яркой литературе русских «деревенщиков». Российское крестьянство неравнодушно воспринимало свое разрушение, к тому же происходящее практически на глазах одного поколения. Естественной реакцией крестьянского социума на сверхэксплуатацию деревни в 1930—1950-е гг. был социальный протест. Крестьянский протест эпохи раскрестьянивания выливался в традиционные для деревенского мира в основном пассивные и ненасильственные формы (исход из деревни, уклонение от государственных повинностей, борьба за сохранение и расширение приусадебного землепользования, протест против утраты деревней культурной самостоятельности и самобытности и т.д.)⁸⁶. Выдержав борьбу за выживание двора в 1930—1950-е гг., крестьянский мир подорвал свои силы. На рубеже 1950—1960-х гг. был превышен предел возможностей крестьянского противостояния разрушительным действиям капитала. Вместе с ним уходила в прошлое многовековая традиция пассивных, ненасильственных форм противостояния капитализаторской политике государства.

Социальное перерождение крестьянства четко прослеживается в этапах развития крестьянского двора колхозной эпохи. До 1960-х гг. он сохранял архаичные черты аграрного общества не только во вполне самодостаточном, натурально-потребительском воспроизводстве средств труда, но и в продовольственном, а также бытовом обеспечении. Основой сохранения крестьянского статуса колхозного двора являлось приусадебное хозяйство, которое велось за счет семейной кооперации, с разделением труда по полу и возрасту. Работы по уходу за садом и огородом, скотом и птицей в основном осуществлялись женщинами, а труд мужчин преобладал на работах по возведению и ремонту хозяйственных построек и инвентаря, на заготовке продуктов леса, кустарно-ремесленных работах. Воспроизводство хозяйства двора также в основном было натуральным: семена, корм, некоторые орудия труда, скот и молодняк воспроизводились внутри хозяйства. Внутри двора воспроизводилась и значительная часть несельскохозяйственной продукции, до 1960-х гг. сильны были кустарно-ремесленные традиции в хозяйстве. Лишь производство одежды и обуви с

1930-х гг. постепенно вытесняется из крестьянского хозяйства, а изготовление мебели, предметов быта во многом сохранялось внутри двора и в 1950-е гг. В 1930—1950-е гг. натуральность сохранялась и в воспроизводстве рабочей силы колхозной деревни: продовольственные потребности колхозника в основных сельхозпродуктах удовлетворялись за счет хозяйства двора, происходила внутрисемейная «профессиональная» подготовка к сельхозтруду. Колхозная система «стерилизовала» крестьянство, но не уничтожила его окончательно. Индивидуальный хозяйственный уклад, несмотря на беспрецедентные ограничения, в течение десятилетий не был подсобным. Мясо, молоко, картофель, яйца еще долго производил по преимуществу двор. В некоторых регионах и областях России это наблюдалось даже в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Тем более велика была его роль в формировании бюджета колхозного двора. По бюджетным обследованиям конца 1930-х гг., проведенным в черноземных областях России, доля личного хозяйства во многих семьях превышала половину, а в некоторых семьях — 70% совокупных доходов семей колхозников (исчисление производилось в ценах колхозного рынка). К 1953 г. доля личного хозяйства в доходах российских колхозников возросла и во многих районах превышала 90%. В большинстве областей Нечерноземья около половины совокупных доходов колхозной семьи даже в начале 1960-х гг. формировалось за счет личного хозяйства⁸⁷.

Сохранение до середины 1960-х гг. крестьянской базарной торговли было своеобразным показателем натуральности хозяйства двора, ибо доля отчуждаемого продукта не дает возможности говорить о сколько-нибудь высокой товарности личных приусадебных хозяйств (в 1940—1950-е гг. доля проданного на рынке зерна составляла от 2 до 6% от произведенного в хозяйстве, картофеля — от 4 до 7%, мяса — от 9 до 21%, молока — около 4%, яиц — от 10 до 18%). Нередко такая «торговля», по наблюдениям В.Б.Островского, принимала форму прямого продуктообмена. Состояние торговли было предопределено недостаточным развитием товарно-денежных отношений и рыночной инфраструктуры и в то же время стимулировалось потребностями покупки самых необходимых изделий промышленности, получения денег для уплаты налогов. Нетоварный характер хозяйства двора сохранялся и в более поздний период: в 1964 г. 89% чистой продукции двора составлял фонд потребления⁸⁸.

Колхозный двор 1970—1980-х гг. в основном выходит за рамки экономики традиционного общества, перестав существовать как самовоспроизводящаяся единица. К началу 1970-х гг. личные приусадебные хозяйства являлись активными потребителями средств производства колхоза. По подсчетам экономистов, не менее 70% кормов, используемых в ЛПХ, строительные материалы, часть семян, саженцев, молодняка являлись продукцией общественного производства⁸⁹. Использовались в приусадебных хозяйствах и некоторые средства механизации колхоза. Последний оплот крестьянского состояния — формирование бюджета за счет своего хозяйства — пятидесятипроцентную грань переходит в большинстве областей Центральной

России в первой половине 1960-х гг. и уменьшается к концу 1980-х гг. до пятой части совокупного дохода семьи колхозника⁹⁰. Уходит в прошлое традиция крестьянской базарной торговли. Основные денежные средства колхозной семьи формируются за счет оплаты труда в колхозе, заработной платы, социальных выплат от государства. Разрушение натурально-потребительского характера двора находит отражение в структуре расходной части бюджета. К началу 1980-х гг. расходы на питание, где теперь присутствовала большая доля продукции, подвергшейся промышленной переработке, составляли около 40% всех расходов, примерно такой же была доля затрат на непродовольственные промышленные товары и оплату культурно-бытовых услуг⁹¹. Практически полностью изготовленными вне крестьянского двора становятся предметы домашнего обихода (мебель, посуда, одежда и обувь, другие хозяйственно-бытовые товары). По структуре бюджета колхозный двор все сильнее сближается с семьями рабочих и служащих, особенно в расходной части.

Выход приусадебного хозяйства из «аграрного» состояния подразделяется на ряд этапов. Начало этого процесса связано с 1930-ми гг., когда двор был лишен лошади, происходило быстрое сокращение доли технических культур в структуре посевных площадей приусадебных участков колхозников. Даже в начале 1930-х гг. они занимали около 7% посевных площадей приусадебных участков, а к 1960-м гг. их доля не превышала 1%. Хлебный клин до минимума сокращается в структуре посевов двора к 1970-м гг. (с 16% в 1940 г. до 7% в 1970 г.)⁹². Одновременно происходит падение агротехнической культуры приусадебного хозяйства, деградирует правильный севооборот, и т.д. Параллельно этим процессам исчезает интерес колхозников к расширению и даже сохранению приусадебного участка. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. доля дворов, не имеющих земли, с землей только под постройками или с малым (до 10 соток) количеством земли не превышала в большинстве областей Нечерноземья РСФСР 1—3%. Зато доля дворов с максимально возможным для данного региона земельным участком, как правило, была на уровне 30%, а чаще 40—50%. Серьезные перемены начали происходить лишь в 1960-х гг., усугубляясь в течение 1970—1980-х гг. На Европейском Севере, например, в середине 1980-х гг. свыше 10% колхозных семей вообще не имели приусадебного участка, а доля семей с максимальными земельными участками сократилась по сравнению с 1950-ми гг. в 2—3 раза⁹³. И, наконец, последним этапом перерождения хозяйства двора можно считать отказ от содержания коровы. Уже в начале 1960-х гг. в России лишились коров около трети крестьянских семей, а во второй половине 1980-х гг. доля таковых приблизилась к 50% дворов. По областям Европейской России в 1987 г. доля семей, содержащих корову, колеблется от 14 до 35% от общего числа колхозных дворов⁹⁴.

Важным показателем выхода из аграрного общества являлось распадение крестьянствования как рода занятия на группы профессиональной специализации. Первоначально труд в колхозах в основном не был специализированным, колхозники сохраняли статус многофункциональных работников, утвердившийся внутри крестьянского

двора. Уже в 1950-е гг. становится явно заметно, что занятие сельским хозяйством из образа жизни постепенно становится профессией, происходит выход за пределы села системы профессиональной подготовки. Если в 1939 г. было зафиксировано 12—13 сельскохозяйственных специальностей, то в 1959 г. — 25, а к 1974 г. их число увеличилось до 159⁹⁵. Доля лиц без обозначения профессий снизилась с 80% в 1939 г. до 69% в 1959 г. и 47% в 1970 г.⁹⁶ Происходит «индустриализация» сельских профессий, увеличение доли людей, связанных по характеру работы с машинами и механизмами. В 1939 г. кадры механизаторов составляли не более 4% общей численности занятых в сельском хозяйстве СССР; в 1960 г. их доля возросла до 9%; в 1970 г. в РСФСР она составляла 14%, а в 1980 г. — 20% от всех работников колхозов республики⁹⁷. Своеобразную «индустриализацию» переживала и колхозная элита: предпринятая в середине 1950-х гг. акция по посылке на руководящие посты в колхозах 30 тыс. рабочих была одной из важнейших составляющих этого процесса.

Новый колхозно-совхозный строй совершенно изменил деревню с точки зрения форм и способов аграрного производства, взаимоотношений людей: индивидуальные, самодостаточные хозяйства были принудительно «сведены» в единый производственный процесс с одновременным неизбежным социальным размежеванием. «Раскрестьянивание» сопровождалось трансформацией крестьянского хозяйственного идеала, сначала смутным, а потом все более заметным выходом за рамки крестьянских ценностей. В обществе, которое называлось социалистическим, складывались в завуалированном виде многие в общем-то традиционные тенденции имущественной и социальной дифференциации⁹⁸. Конечно, теперь проявления расслоения в деревне были другими, чем в России начала XX в., где основная грань проходила по линии обеспеченности крестьянского двора средствами производства. Для колхозного времени социальная и имущественная дифференциация имела ряд особенностей: она складывалась в рамках определенного исторического контекста, когда в деревне отсутствовало крупное индивидуальное производство. Для крестьянского социума этого периода были характерны малые масштабы расслоения, кроме того, действовал политический и идеологический курс на сдерживание дифференциации общества. До конца 1950-х гг. он обеспечивался в значительной степени системой крестьянских повинностей, с помощью которой из хозяйства изымалась большая часть ресурсов, необходимых для создания высокого уровня жизни. Нельзя не отметить наличие в советском обществе специфических механизмов, влиявших на социальную и имущественную дифференциацию, в частности, распределения средств через общественные фонды потребления.

В обществе 1930—1980-х гг. существовали в разном соотношении три типа крестьянской зажиточности. Прежде всего, «крестьянский», в котором основой относительно высокого материального статуса для части крестьянских дворов являлся труд в приусадебном хозяйстве с его натурально-потребительской ориентацией. Неслучайно то, что натурально и с потребительской целью воспроизводилось внутри

приусадебного хозяйства (скот, продукты растениеводства и т.д.), являлось и критерием зажиточности для рядового крестьянского населения. По мере угасания возможностей старокрестьянского типа имущественного выделения все большие масштабы приобретает тот тип дифференциации, который формируется в результате процесса раскрестьянивания. Условно назовем этот тип «протобуржуазным». Легализация его статуса произошла в 1990-х гг. Процесс капитализации, который объективно и подспудно шел в «социалистическом» обществе, неизбежно сопровождался формированием социальной верхушки и пролетаризацией большей части населения. Однако формированием вышеназванных двух типов процесс социальной и имущественной дифференциации в колхозной деревне не исчерпывался. В рамках социалистической идеологии и политики государства нельзя не увидеть параллельного становления третьего, отличного от других, «социалистического» типа зажиточности, о котором постоянно упоминали партийные и государственные документы как о желательной социальной общественной эволюции, пути к идеальной модели будущего коммунистического общества. Это не было простой декларацией. Как показывают данные статистики, расширение группы высокооплачиваемых и высокодоходных семей, «осереднячивание», которое было, несомненно, амбивалентным процессом, являлось одной из ведущих тенденций развития послевоенного советского общества. В определенном смысле можно говорить о превалировании именно этого типа эволюции материального положения в течение последних десятилетий советской истории России. Вместе с тем социалистический тип зажиточности во многом являлся результатом сконструированных политических решений и был нацелен, с одной стороны, на преодоление элементов традиционной крестьянской зажиточности, а с другой — на нивелирование советского капиталистического «андеграунда».

В колхозный период происходили изменения роли той или иной формулы материальной стратификации, когда черты какого-то определенного типа играли ведущую роль в статусном самоопределении «крестьянского» как идеала, соответствующего только зарождающимся и осознаваемым ценностям общества. По нашему мнению, в послевоенной российской деревне выделяются определенные этапы эволюции имущественной и социальной дифференциации. Первый связан с завершением процесса формирования колхозной системы и существованием ее в «классическом» виде. Его протяженность — с середины 1930-х до середины 1950-х гг. Важнейшая черта этого этапа — преобладание натурально-потребительских аспектов материальной дифференциации. Второй этап (важнейшей характеристикой которого является начало бурной пролетаризации крестьянства) охватывает десятилетие после смерти Сталина. Динамичное, хоть и подспудное, становление основ будущей социальной верхушки и занятие ею стартовых позиций активно шло в течение следующих двадцати пяти лет. И, наконец, в 1990-х гг. произошли социально-революционные изменения, в ходе которых капитализировавшаяся верхушка реализовала накапливавшиеся

материальные, административные, морально-психологические элитарные потенции.

Состояние зажиточности было исключением для этапа 1930-х — начала 1950-х гг. Бюджетная статистика самую высшую по доходам на члена семьи группу (1200 и более рублей в год) фиксирует даже в конце 1950-х гг. в размере до 1,5% семей⁹⁹. В целом, в рамках первого этапа практически не заметно «естественного» (ненасильственного) сокращения важнейших элементов индивидуального хозяйствования, которые во многом и лежали в основе имущественной дифференциации, в том числе формируя идеал «хорошего хозяина» в сознании сельчан. Резкое ускорение расслоения характерно для второго этапа социальной и имущественной дифференциации (1950-е — начало 1960-х гг.). В основе этого процесса лежала пролетаризация крестьянства. По сути, с введением гарантированных денежных форм оплаты труда отношение государства к колхозникам «как к крестьянам» трансформировалось в отношении «как к рабочим», чему соответствовала замена крестьянских повинностей наймом. Формирование в аграрной сфере слоя будущих «приватизаторов» как социальной группы реально начинается именно в этот период, на что указывают и данные социологов, изучавших морфологию процессов, произошедших в 1990-х гг., в частности, исследования сектора социологии сельского хозяйства Института социально-политических исследований РАН (группа В.И. Староверова). Формирование будущей деревенской элиты происходило на основе, как правило, сочетания верхушечного положения в системе колхозной иерархии и соответствующего материального статуса, а также более благоприятных условий личного хозяйствования. Одновременно происходило сужение пространства индивидуальной крестьянской деятельности, особенно на втором этапе хрущевского правления (первая половина 1960-х гг.).

К этому же этапу относятся важные изменения в социальной психологии крестьянства. Практически полностью изживает себя многопоколенная традиция повинностного поведения в отношении государства, в крестьянское сообщество постепенно внедряются ценности индустриального общества — индивидуализм, приоритет личного благополучия над системным единством. В 1960-х гг. как рудимент нами фиксируется еще одна уникальная черта крестьянского поведения, когда 4—5-е поколение бывших крепостных фактически уже добровольно, на основе традиции, приносило определенные подати потомкам своих бывших господ (такие факты известны, например, в Устюженском районе Вологодской области).

Третий этап социальной трансформации крестьянства в условиях социализма (середина 1960-х — начало 1990-х гг.) связан с достаточно активными процессами формирования «протобуржуазии». В 1980-х гг. социологами зафиксировано явление социальной дифференциации по критерию «управленцы — исполнители», представлявшее собой классический механизм реализации капиталистической частной собственности. Руководители постепенно сконцентрировали права владения и пользования средствами производства, от кото-

рых до полной собственности был буквально один шаг. В скрытой форме в течение этого периода осуществлялись и попытки, по сути, приватизации колхозной собственности, средств производства, произведенного продукта и т.д. Правоохранительная аналитика, пресса и публицистика того времени были заполнены фиксацией случаев «злоупотреблений» управленцами своим положением с целью присвоения аграрного продукта. Еще одной группой потенциальных приватизаторов были высококвалифицированные работники колхозов, например механизаторы. Использование колхозной техники для своих нужд становилось массовым явлением. Одновременно сокращаются попытки расширения индивидуального хозяйствования крестьянского типа. Об этом свидетельствует, в частности, резкое уменьшение с конца 1960-х гг. так называемых «захватов» земли, бытование которых было распространено в 1940—1950-х гг. Нарастание актуальности приватизации для протобуржуазных элементов наблюдалось в 1970—1980-е гг. и было связано с тем, что наступало время передачи статуса и места в иерархии следующим поколениям, чего нельзя было сделать в рамках государственного владения собственностью и распоряжения продуктом. Осуществление этого потенциального стремления произошло в рамках четвертого этапа социальной эволюции деревни, который ознаменовался полной победой скрытой тенденции капитализации аграрного производства. Радикально и достаточно быстро уходят факторы прежнего механизма воздействия на процесс дифференциации: роль и место в общественном производстве, значение фондов общественного потребления, доходов от колхозов и прочих атрибутов социализма. На этом этапе только в остаточном качестве сохраняется крестьянское понимание идеала хозяйствования как достаточного уровня удовлетворения потребительских интересов, долго служившее системообразующим элементом аграрного социума.

Динамика и глубина социальной трансформации колхозников связаны со степенью капиталистического перерождения отраслей, особенностями в этом отношении территорий и отдельных хозяйств. Более интенсивное насыщение аграрной подсистемы капиталом, имущественное и социальное расслоение, «втягивание» селян в процесс капитализации, формирование некрестьянских социально-психологических установок происходили неравномерно по отдельным отраслям, структурам, формам организации сельхозпроизводства, территориям — сказывались факторы «столичности», промышленной «важности», необходимости замены старого механизма отраслевого регулирования и т.п. Эта градация отражалась на уровне единиц аграрной организации: нередко более «капиталистически продвинутые» хозяйства были генетически связаны с традициями «крепких» дворов, существовавших до революции; объединившись в 1930-е гг., они превращались в колхозы-«маяки», а после развала колхозов активно начинали развивать фермерское хозяйство. Эта проблема в историографии практически не изучена, но ее исследование может привести к интересным и неожиданным выводам.

Изложенные подходы свидетельствуют, на наш взгляд, о необходимости переосмысления характеристик аграрного строя России колхозного периода. Несущие конструкции прежней историографической схемы (в советском — позитивистском — и постсоветском — негативистском — вариантах) устарели. Неверно рассматривать коллективизацию как форму социалистического преобразования сельского хозяйства. Результат коллективизации — не формирование однородного по своей социально-экономической природе устройства аграрной подсистемы с государственным (находящимся в общенародной собственности) совхозным сектором, колхозами, природа которых базировалась на кооперативной собственности, и личным хозяйством, носившим подсобный характер, но в целом вписывающимся в систему социалистического земледелия. Труженики сельского хозяйства, на наш взгляд, не сохранили, как это принято считать, основные черты крестьянского социального статуса и не приобрели в то же время набор новых, социалистических по природе, качеств совладельцев собственности коллективных предприятий (в колхозах) или государственных предприятий (в совхозах).

По мнению авторов статьи, уникальность российской аграрной истории 1930—1980-х гг. состояла лишь в специфике весьма заурядного для мировой истории выхода из аграрного состояния, капитализации деревни. Многочисленные реформаторские попытки модернизации аграрной подсистемы в начале XX в. через разрушение общины, ликвидацию помещичьего землевладения, поощрение кооперации и крепкого хозяина к концу 1920-х гг. в принципиальном плане завершились ничем. Десятки миллионов мелких сельских хозяев, несмотря на «убожество» своего существования, не хотели раскрестьяниваться. Нужен был «варвар», не связанный традициями, как Столыпин, или иллюзиями, как Бухарин, способный произвести радикальную трансформацию жесткими методами. Единственным способом относительно быстрой капитализации российской деревни было ограбление своего народа, отнятие у крестьян земли и других средств производства, реставрация полуфеодалных методов эксплуатации, что и было сделано в ходе коллективизации. Поскольку в тот период нельзя было дать деревне промышленный эквивалент аграрного продукта, через госпоставки и натуроплату была введена «принудительная» товарность.

В первое колхозное тяжелое тридцатилетие необходимо было сохранить в руках крестьянина остатки старого индивидуального хозяйства, ибо оплатить колхозный труд в необходимых масштабах было невозможно. Когда же была создана индустрия, позволившая приступить к радикальному насыщению сельскохозяйственного производства промышленными орудиями труда, удобрениями и т.д., начинается решающий этап трансформации самого сельского хозяйства. Именно в 1960-е гг. в структуре себестоимости аграрного продукта начинает преобладать капитал, окончательно товариизируются рабочие руки, средства производства, аграрная продукция.

По своей исторической природе, источникам формирования капитала, важнейшим характеристикам социального статуса работников в аграрной подсистеме колхозного времени выделяются три феномена, которые, следуя историографической традиции, мы предлагаем рассматривать как различные хозяйственные уклады: колхозный, совхозный и крестьянский. Ведущим в первоначальном накоплении являлся колхозный уклад, индивидуальное крестьянское хозяйство служило амортизатором этого процесса, а совхозный уклад, охватывающий в 1960—1970-е гг. основное аграрное пространство, «отрабатывал» модели госкапитализма в сельском хозяйстве.

Ведущие тенденции социальной эволюции в аграрной подсистеме состояли не в увеличении «социалистичности» селянина, а в выходе из крестьянского состояния через утрату важнейших классовообразующих признаков (владение средствами производства, универсальность деятельности, религиозность мировосприятия) и приобретение новых качеств (отчуждение от земли, производственная специализация, утрата связей с личным хозяйством). Радикальнее этот процесс происходил через совхозную форму.

Предложенный в статье подход вносит, по нашему мнению, определенные коррективы и в более крупную историографическую проблематику. В частности, разрушение двух основных структурных элементов аграрного общества связано преимущественно со столетием 1860—1960-х гг.: после отмены крепостного права уходит барская усадьба как важнейшая конструктивная единица устройства аграрного общества в российском его варианте, а к 1960-м гг. в основном завершается существование крестьянского двора как второго важнейшего элемента этого устройства. Первостепенной важности революционными изменениями в таком понимании являются реформы середины XIX в. и сталинская аграрная революция, а столыпинские преобразования и послеоктябрьский (1917 г.) «черный передел» выглядят тупиковыми историческими явлениями.

Примечания

¹ Аругянц Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970; Волков И.М. Трудовой подвиг колхозного крестьянства в послевоенные годы: Колхозы СССР в 1946—1950 гг. М., 1972; Вылцан М.А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны (1938—1941 гг.) М., 1970; он же. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя. 1945—1958. М., 1976; он же. Завершающий этап создания колхозного строя (1935—1937). М., 1978; Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960—1980-е годы. М., 1996; Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996; Тюрина А.П. Социально-экономическое развитие советской деревни. 1965—1980. М., 1982.

² Богденко М.Л. Совхозы СССР. 1951—1958. М., 1972; Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957; Зеленин И.Е. Зерновые совхозы СССР (1933—1941). М., 1966; он же. Совхозы СССР. 1941—1950. М., 1969; Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства

в СССР (1929—1932). М., 1966; Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР: Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967; и др.

³ История крестьянства СССР. В 4 т. М., 1986—1988.

⁴ Бакунин А.В., Денисевич М.Н. Развитие личных подсобных хозяйств населения: тенденции и перспективы (30—80-е гг.). Свердловск, 1990; Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950—1965 гг. М.; Вологда, 1991; Горбачев О.В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946—1985 гг.) и советская модель урбанизации. М., 2002; Доброноженко Г.Ф. Коллективизация на Севере. 1929—1932. Сыктывкар, 1994; Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Сельская среда и население Карелии, 1945—1960 гг. Л., 1988; Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941—1945). Свердловск, 1990; Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960—1980-е гг. Новосибирск, 1991; Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985; Мотревич В.П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990; Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Ч. 1. Чебоксары, 1989; Павлов Н.П. Крестьянство Удмуртии. 1946—1970 гг. Ижевск, 1975; Толмачева Р.П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946—1950). Томск, 1979; она же. Колхозы Урала в 50-е гг. Томск, 1981; Шорников А.М. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии (1959—1985 гг.). Ч. 2. Чебоксары, 1990; и др.

⁵ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х гг. М., 1992; она же. Население российской деревни в 1939—1959 гг.: проблемы демографического развития. М., 2002; Зеленин И.Е. Аграрная политика Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001; Зима В.Ф. Голод в СССР 1946—1947 гг.: происхождение и последствия. М., 1996; Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953). М., 1993 и др.

⁶ Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия / Сост. Т.Шанин. М., 1992; семинар «Современные концепции аграрного развития» (Отечественная история. 1992—1998 гг.), публикации Центра крестьяноведения и аграрных реформ (см. библиографию в сб.: Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М., 2002. С. 569—581).

⁷ Билимович А.Д. Экономический строй освобожденной России. Мюнхен, 1960; Гароди Р. Большой поворот социализма. М., 1970; Дюмон Р. Колхозы, совхозы или проблематичный коммунизм. Вып. 1. М., 1964; Марченко В.П. Основные черты хозяйства постсталинской эпохи. Мюнхен, 1959; Спасенбер Н. Советская стратегия экономического роста. М., 1965; Bergson A. The Economics of Soviet Planning. L., 1964; Nove A. The Soviet Economy. An Introduction. L., 1961; Schapiro L. The Communist Party of Soviet Union. N.Y., 1960; и др.

⁸ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; он же. Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М., 1979.

⁹ Островский В.Б. Указ. соч.

¹⁰ Белянов В.А. Личное подсобное хозяйство при социализме. М., 1970; Емельянов А.М. Методологические проблемы накопления и рентабельности в колхозах. М., 1965; Издержки производства и себестоимость продукции в колхозах. М., 1960; Котов Г.Г. Расширенное воспроизводство социалистического сельского хозяйства. М., 1969; Материальное стимулирование развития колхозного производства. М., 1963; Суслов И.Ф. Экономические проблемы

развития колхозов. М., 1967; Шмелев Г.И. Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. М., 1971; Эффективность сельскохозяйственного производства. М., 1967; и др.

¹¹ Levin M. *Russian Peasants and Soviet Power*. L., 1968; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001.

¹² Ляшенко П.И. Очерки аграрной эволюции России. Т. 1. Б/м., 1923. С. 21; Маслов С. Крестьянское хозяйство: Очерки экономики мелкого земледелия. М., 1915. С. 124.

¹³ См., напр.: Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881—1904. М., 1980. С. 157; Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство; он же. Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения.

¹⁴ Шестаков А. Капитализация сельского хозяйства России (от реформы 1861 г. до войны 1914 г.). М., 1924.

¹⁵ Крылов В.В. Теория формаций. М., 1997; Островский А.В. История цивилизации. СПб., 2000. С. 201; Rostow W. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. Camb., 1960; и др.

¹⁶ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. С. 354.

¹⁷ Безнин М.А. Совхозные рабочие Европейского Севера РСФСР в годы восьмой и девятой пятилеток: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1983.

¹⁸ Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950—1965 гг. М.; Вологда, 1991; он же. Раскрестьянивание России // Крестьянское хозяйство: история и современность: Материалы Всероссийской научной конференции. Вологда, 1992. Ч. 1. С. 103—110; Безнин М.А., Димони Т.М. Зажиточное крестьянство России во второй половине XX века // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 5—15; Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В. Повинности российского крестьянства в 1930—1960-х годах. Вологда, 2001; Безнин М.А., Димони Т.М. Повинности российских колхозников в 1930—1960-е годы // Отечественная история. 2002. № 2. С. 96—111; Политика раскрестьянивания в Сибири. / Отв. ред. В.А.Ильиных, О.К.Кавцевич. Вып. 1. Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930—1940 гг. Новосибирск, 2001; Вып. 2. Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930—1941 гг. Новосибирск, 2002; Вып. 3. Налогово-податное обложение деревни 1946—1952 гг. Новосибирск, 2003.

¹⁹ Безнин М.А., Димони Т.М. Крестьянство и власть в России в конце 1930-х — 1950-е гг. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.). М., 1996. С. 155—166; они же. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х — 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 81—99; они же. Завершение раскрестьянивания в России (вторая половина XX века) // Россия в XX веке. Реформы и революции. В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 632—643; Димони Т.М. Социальный протест в колхозной деревне 1945—1960 гг. (на материалах Европейского Севера России). Дис... канд. ист. наук. Вологда, 1996; она же. История колхозной деревни в романном творчестве Ф.А.Абрамова // Отечественная история. 2002. № 1. С. 123—135; она же. «Председатель»: судьбы послевоенной деревни в кинокартине первой половины 1960-х гг. // Отечественная история. 2003. № 6. С. 91—101.

²⁰ Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй и поземельные отношения в России в 1930—1990-е гг. // Землевладение и землепользование в России

(социально-правовые аспекты): Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003. С. 5—15.

²¹ Сталин И. Соч. Т. 12. М., 1953. С. 265.

²² Там же. Т. 13. М., 1953. С. 310.

²³ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 3. Д. 317. Л. 17; Д. 694. Л. 1.

²⁴ Белик Ю.А. Национальный доход СССР. М., 1961; Ванштейн А. Народный доход России и СССР: История. Методология исчисления. Динамика. М., 1969; Калганов М.В. Национальный доход. М., 1959; Кап В. Народный доход и его распределение. М., 1932; Марин Л.Г. Как исчисляется национальный доход СССР. М., 1963; Плышевский Б.П. Распределение национального дохода СССР. М., 1960; и др.

²⁵ Рассчитано по: Вайнштейн А. Народный доход России и СССР: История. Методы исчисления. Динамика. С. 111; Материалы по балансу народного хозяйства СССР за 1928, 1929 и 1930 гг. М., 1932. С. 105; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 694. Л. 1.

²⁶ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. С. 30, 44, 213, 215, 268.

²⁷ Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1971. С. 12.

²⁸ Белянов В.А. Указ. соч. С. 59. Эти же данные приведены в расчетах других экономистов: Русинов И.В. Интенсификация сельского хозяйства: Зональные особенности. М., 1972. С. 131; Слобнов С.И. Советская деревня на пути социального прогресса. М., 1976. С. 54; и др.

²⁹ Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1970 г.: Стат. ежегодник. М., 1971. С. 321; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г.: Стат. ежегодник. М., 1976. С. 332—333; Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1981. С. 232—233.

³⁰ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 79. Д. 261. Л. 24; Оп. 324. Д. 1378. Л. 231—235; Д. 3606. Л. 29, 32, 35; Д. 5724. Л. 25—29; Оп. 44. Д. 1703. Л. 45—63; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 31. Д. 7097. Л. 177—213; Ф. А-616. Оп. 9. Д. 4054. Л. 40—52.

³¹ Кредитно-денежная система СССР. М., 1967. С. 312.

³² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967). Т. 5. М., 1968. С. 739—740.

³³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 398. Л. 4; Д. 1372. Л. 83, 85; Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1308. Л. 138.

³⁴ Хозрасчет и цены в социалистическом сельском хозяйстве. М., 1969. С. 45.

³⁵ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1377. Л. 202—205; Д. 3593. Л. 9; Д. 5722. Л. 24—28; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 3. Д. 7096. Л. 29—53.

³⁶ Рассчитано по: Совокупный доход семей рабочих промышленности, рабочих совхозов и колхозников РСФСР. М., 1962. С. 29; Совокупный доход семей колхозников РСФСР в 1971 г. М., 1972. С. 10.

³⁷ Производительность труда в колхозах и совхозах МСХ РСФСР в 1981—1983 гг. М., 1984. С. 54.

³⁸ Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-616. Оп. 3. Д. 9186. Л. 13, 19; Д. 4054. Л. 74—79.

³⁹ Рассчитано по: Затраты и цены на сельскохозяйственную продукцию. М., 1986. С. 11; Материалы по балансу народного хозяйства СССР за 1928, 1929 и 1930 гг. М., 1932. С. 111; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 694. Л. 3; Д. 1196. Л. 22; Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 69. Д. 1074. Л. 93.

- ⁴⁰ См. подробнее: Бевзин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй и земельные отношения в России в 1930–1990-е гг. С. 5–15.
- ⁴¹ Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965–1971). М., 1971. С. 30; Ленинская аграрная политика КПСС. М., 1978. С. 472.
- ⁴² См., напр.: Карпухова Е.С. Дифференциальная рента и экономическая оценка земли. М., 1977.
- ⁴³ См., напр.: Ленинская аграрная политика КПСС. С. 634–635.
- ⁴⁴ Струмилин С.П. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 161–183.
- ⁴⁵ Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами: Статистические сведения по сельскому хозяйству СССР за 1927–1930. М., 1931.
- ⁴⁶ Вознесенский Н.А. Хозрасчет и социалистический план // Избранные произведения. М., 1979. С. 46.
- ⁴⁷ Он же. Использование закона стоимости в колхозном производстве. М., 1965. С. 267.
- ⁴⁸ Венжер В.Г. О методике исчисления издержек производства в колхозах // Вопросы экономики. 1955. № 11. С. 82–95.
- ⁴⁹ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. С. 265, 266.
- ⁵⁰ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1593. Л. 3–66.
- ⁵¹ Рассчитано по: О себестоимости производства сельскохозяйственных продуктов в колхозах в 1958 г. М., 1959. С. 32–49; О себестоимости производства сельскохозяйственных продуктов в колхозах и совхозах СССР. Б/м., б/г. С. 46–53.
- ⁵² Хозрасчет и цены в социалистическом сельском хозяйстве. М., 1969. С. 256.
- ⁵³ Рассчитано по: Уровень и структура себестоимости сельскохозяйственной продукции колхозов и совхозов. М., 1975. С. 10, 26, 42; Уровень и состав затрат на производство валовой продукции колхозов и совхозов и продукции растениеводства совхозов за 1966–1980 гг. М., 1983. С. 8, 9.
- ⁵⁴ Ленин В.И. О продовольственном налоге // Полн. собр. соч. Изд. пятое. Т. 43. М., 1963. С. 207; Сталин И. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 309.
- ⁵⁵ Белянов В.А. Указ. соч. С. 17–18.
- ⁵⁶ Котов Г.Г. Сближение двух форм социалистической собственности и укрепление союза рабочих и крестьян // Союз рабочего класса и крестьянства на современном этапе. М., 1962. С. 81.
- ⁵⁷ Шкредов В.П. Социалистическая земельная собственность. М., 1967. С. 66.
- ⁵⁸ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 80. Д. 63а. Л. 50–63; Оп. 324. Д. 253. Л. 3–45; Д. 1492. Л. 26–28; Д. 3752. Л. 24–26; Основные показатели развития сельского хозяйства СССР. М., 1974. С. 43; Белянов В.А. Указ. соч. С. 59.
- ⁵⁹ Рассчитано по: Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1981. С. 23–28.
- ⁶⁰ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 83. Д. 51. Л. 106, 118.
- ⁶¹ Колхозы в 1930 г.: Итоги рапортов колхозов XVI съезду ВКП(б). М.; Л., 1931. С. 28, 134.
- ⁶² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 80. Д. 63а. Л. 50, 52, 54, 56, 63.
- ⁶³ Рассчитано по: Белянов В.А. Указ. соч. С. 59; Основные показатели развития сельского хозяйства СССР. М., 1974. С. 43.

⁶⁴ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 253. Л. 3—45; Д. 1492. Л. 26—28; Д. 3752. Л. 24—26.

⁶⁵ Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. В 5 т. 1927—1939. Т. 4. 1934—1936. М., 2002. С. 186.

⁶⁶ См. подробнее: Безнин М.А., Димоши Т.М. Повинности российских колхозников в 1930—1960-е годы.

⁶⁷ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 3223. Л. 4; Ф. 1562. Оп. 324. Д. 3606. Л. 26.

⁶⁸ Суслов И.Ф. Динамика эффективности общественного производства в сельском хозяйстве // Эффективность сельскохозяйственного производства. М., 1967. С. 28—29.

⁶⁹ Вишневецкий А. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 67.

⁷⁰ Рассчитано по: Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1988. С. 9, 443, 451, 463.

⁷¹ Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 8254. Л. 1; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. М., 1976. С. 149, 274, 283; Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1981. С. 23—28.

⁷² Труд в СССР: Стат. сб. М., 1988. С. 76.

⁷³ Народное хозяйство РСФСР в 1984 г. М., 1985. С. 125.

⁷⁴ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 80. Д. 63(а). Л. 50, 52, 54, 56, 63.

⁷⁵ Белянов В.А. Указ. соч. С. 59.

⁷⁶ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 253. Л. 3—45; Д. 3752. Л. 24—26 (по видовой оценке урожая); ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 8254. Л. 1; Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1981. С. 23—28. Данные за 1976 г. по хозяйствам населения.

⁷⁷ Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Совхозы СССР: Краткий исторический очерк. М., 1976. С. 94.

⁷⁸ Рассчитано по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 1074. Л. 104.

⁷⁹ Рассчитано по: Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950—1965 гг. С. 218.

⁸⁰ РГАЭ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1650. Л. 180.

⁸¹ Шанин Т. Определяя крестьянство: Очерки касательно сельских обществ, экзотических форм экономики и выводы из них для современного мира. Оксфорд, 1990. С. 23—24.

⁸² См., например, выступление И.Е. Зеленина на теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития» (Отечественная история. 1994. № 2).

⁸³ Ильиных В.А. Тенденции и этапы процесса раскрестьянивания в Сибири в советский период (к постановке вопроса) // http://www.philosophy.nsc.ru/journals/humscience/2_98/08_ILIN.HTM. С. 2.

⁸⁴ См. подробнее: Безнин М.А. Раскрестьянивание России // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 1. С. 103—110.

⁸⁵ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., 1966. С. 11; РСФСР за 50 лет: Стат. сб. М., 1967. С. 131; Народное хозяйство РСФСР в 1970 г.: Стат. ежегодник. М., 1971. С. 337; Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 8—9; Россия в цифрах: Краткий стат. сб. М., 1996. С. 16.

- ⁸⁶ См. подробнее: Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х — 1960-е гг.). С. 86.
- ⁸⁷ Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950—1965 гг. С. 111; Белянов В.А. Указ. соч. С. 122.
- ⁸⁸ Белянов В.А. Указ. соч. С. 43; Островский В.Б. Указ. соч. С. 81.
- ⁸⁹ Белянов В.А. Указ. соч. С. 78.
- ⁹⁰ Совокупный доход семей колхозников и его распределение: Стат. материалы. Приложению к бюллетеню ЦСУ РСФСР № 1. М., 1962. С. 15; Бюджеты семей рабочих, служащих и колхозников за 1980, 1985—1988 гг. М., 1989. С. 205.
- ⁹¹ Бюджеты рабочих, служащих и колхозников за 1970, 1975—1979 гг. М., 1980. С. 100.
- ⁹² Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР: Стат. сб. М., 1957. С. 131—132; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г.: Стат. ежегодник. М., 1976. С. 166—167.
- ⁹³ Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950—1965 гг. С. 86—90; Гулин К.А. Материальное положение колхозного крестьянства на Европейском Севере России в 1965—1985 гг.: Дис... канд. ист. наук. Вологда, 1999. С. 172—173.
- ⁹⁴ Численность скота в РСФСР: Стат. сб. М., 1961. С. 174; РГАЭ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1650. Л. 18.
- ⁹⁵ История крестьянства СССР. Т. 4. С. 296; Староверов В.И. Советская деревня на этапе развитого социализма. М., 1976. С. 14.
- ⁹⁶ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 280; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 6. М., 1973. С. 27, 28.
- ⁹⁷ Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. М., 1971. С. 289, 294; Островский В.Б. Указ. соч. С. 163; Сельское хозяйство СССР. М., 1981. С. 345, 369.
- ⁹⁸ См. подробнее: Безнин М.А., Димони Т.М. Зажиточное крестьянство России во второй половине XX века.
- ⁹⁹ Безнин М.А. Материальное положение рабочих и колхозников. 1950—1965 гг. Вологда, 1989. С. 23.

Экономическая история зарубежных стран

Уроки Испанской империи, или Ловушки ресурсного изобилия**

1. Природные ресурсы и социально-экономическое развитие

Вопрос о роли природных ресурсов в обеспечении устойчивого экономического развития привлекает в последнее время повышенное внимание со стороны экономистов и политиков. При оценке перспектив развития той или иной страны достаточно типичным является указание на размеры ее территории и природные ресурсы, причем, как правило, в положительном ключе: богатство природных ресурсов и обширность территории создают благоприятные условия для успешного социально-экономического развития. Однако у такого рода рассуждений последних десятилетий существует и одна особенность — они все имеют в виду *потенциальные* возможности роста, тогда как реальное положение данной страны оказывается гораздо менее впечатляющим.

Даже поверхностного взгляда на развитие различных стран и регионов второй половины XX в. достаточно, чтобы увидеть отсутствие очевидной связи между экономическим благополучием и уровнем развития отдельных стран и регионов мира и их природными ресурсами. Подавляющее большинство стран с высоким среднедушевым валовым внутренним продуктом (ВВП) (страны Западной Европы, Япония) не могут похвастаться богатством природных ресурсов¹. Это же наблюдается и при обращении к вопросу о роли природных ресурсов для решения задач догоняющего развития в современном мире. После Второй мировой войны страны Африки и Юго-Восточной Азии (ЮВА) находились на сопоставимом уровне экономического развития, причем перспективы «Черного континента» казались тогда гораздо более благоприятными — благодаря наличию богатейших ресурсов и относительной близости к европейским рынкам. Реальное же развитие событий оказалось прямо противоположным: Африка топталась на месте и осталась регионом крайней бедности, тогда как страны ЮВА бурно развивались, и многие из них обеспечили заметное сокращение разрыва с наиболее развитыми странами мира.

---

* Мау Владимир Александрович — доктор экономических наук, профессор (Академия народного хозяйства при Правительстве РФ).

** Автор выражает искреннюю признательность В.Новикову за ценную помощь, оказанную при подготовке настоящей статьи.

В ряде работ последних двух десятилетий содержится статистический (корреляционно-регрессионный) анализ соотношения наличия природных ресурсов и уровня экономического развития, а также анализ механизмов их взаимодействия. С формальной точки зрения, налицо значимая отрицательная корреляция между обилием природных ресурсов и социально-экономическим развитием данной страны².

Можно выделить ряд причин политического и социально-экономического характера, которые объясняют такого рода ситуацию.

Во-первых, значительные природные ресурсы обостряют внимание политической и деловой элиты к борьбе за постановку под свой контроль соответствующей природной ренты, что подрывает интерес к работе по повышению производительности труда, закрывает возможность проведения назревших экономических реформ. Налицо дестимулирование структурных реформ в направлении модернизации и диверсификации экономики — элита оказывается в этом просто незаинтересованной.

Во-вторых, генерируемый природными ресурсами приток финансовых средств оказывает разлагающее влияние на правящую верхушку. С одной стороны, власть подвергается искушению популизмом: она может позволить себе экспериментировать с экономической политикой, принимать экзотические и безответственные решения, которые компенсируются обильными денежными вливаниями. Возникающая ситуация сродни пресловутой проблеме интересов (*moral hazard*), поскольку принимающие решения политики уверены в том, что риски все равно будут компенсированы деньгами. С другой стороны, усиливаются риски коррупции, которая оказывается почти неизбежной, когда власть должна заниматься дележом природной ренты.

В-третьих, зависимость от природных ресурсов подталкивает к развитию однобокой (нередко монопродуктовой) экономики, и особенно — монопродуктового экспорта. Через механизм «голландской болезни» происходит торможение развития неэкспортных (в данном случае, несырьевых) секторов экономики: экспорт обеспечивает приток в страну «дешевой» иностранной валюты, это ведет к завышению курса национальной валюты, что подрывает конкурентоспособность отечественных производителей, ориентированных на внутренний рынок. Этот же процесс приводит к снижению инвестиционной активности как внутренних, так и иностранных инвесторов, поскольку импорт товаров оказывается более выгодным, чем производство их внутри страны. Естественно, импортозамещение здесь становится практически невозможным, и экономика данной страны оказывается в сильной зависимости от колебания цен на товары своего экспорта³.

В-четвертых, серьезные риски возникают для политического развития общества. Обилие природных ресурсов является серьезным ограничителем на пути политической демократизации данной страны. Косвенно в пользу этого утверждения свидетельствует тот факт, что подавляющее большинство ресурсобогатых стран никогда не были демократическими. Механизм такого развития ситуации вполне понятен. Обилие природной ренты, как было отмечено

но выше, препятствует экономическому росту, то есть достижению такого уровня экономического развития, который необходим для формирования устойчивых демократических институтов⁴. В особой мере это касается тех стран, где подавляющая часть доходов государственного бюджета базируется на одном источнике — как правило, на экспорте одного вида сырья (например, нефти). Контроля за этим ресурсом оказывается достаточно для удовлетворения потребностей власти и обеспечения социальной стабильности в обществе. Такая ситуация на практике позволяет игнорировать другие источники доходов, оставляя налоговую систему страны в неразвитом состоянии. Отсутствие зависимости власти от налоговых поступлений фактически дает возможность игнорировать политические требования общества, обуславливая очень своеобразный «общественный договор»: мы не берем у вас налогов, а вы не требуете политических прав. Именно так обстоят дела в абсолютных монархиях Персидского залива. Как замечал в этой связи С.Хантингтон, «тезис “нет налогов без представительства” являлся политическим лозунгом, тогда как тезис “нет представительства без налогов” отражает политические реалии»⁵.

Наконец, в-пятых, по утверждению ряда исследователей, существует количественно фиксируемая негативная взаимосвязь между наличием природных ресурсов и вниманием властей к развитию образования своих граждан. Сырьевые сектора в общем предъявляют более низкие требования к квалификации рабочей силы, а потому доминирование этих секторов в экономике страны снижает спрос на образовательные услуги, что может иметь весьма опасные долгосрочные последствия⁶.

Дополнительная опасность возникает, когда на страну неожиданно обрушивается поток «природных» денег, генерируемый благодаря скачку цен на соответствующие ресурсы. Если правительство воспринимает вновь открывшийся источник доходов как устойчивый, не подверженный в будущем колебаниям, то начинается подстройка экономики под новую конъюнктуру. В надежде на обильное поступление доходов начинают развиваться разного рода инвестиционные и социальные программы, как правило при активном государственном участии. Возникают амбициозные политические проекты, нацеленные на внешнеполитическую экспансию. Более того, стремясь максимально воспользоваться открывшимися возможностями, государство начинает активно заимствовать дополнительные ресурсы внутри и вне страны. В результате, несмотря на обильный приток денег, финансовое положение страны не только не улучшается, но даже существенно ухудшается (хроническим становятся бюджетные дефициты, растет госдолг).

Словом, через какое-то время страна сталкивается с двоякого рода трудностями. С одной стороны, она оказывается вовлеченной в серию сложных и неэффективных проектов экономического и политического характера. Хозяйственные проекты зачастую оказываются неэффективными, поскольку разрабатываются без должной коммерческой и технической проработки — расчет на обилие «дешевых» денег не способствует серьезному анализу затрат и результатов.

Параллельно страна оказывается втянутой во внешнеполитические авантюры, которые также были начаты под воздействием головокружения от денежного изобилия.

С другой стороны, происходит трансформация социально-экономической структуры под новую, благоприятную конъюнктуру. Расчет на обилие «дешевых» денег позволяет забыть об эффективности других секторов, поскольку недостатки внутреннего производства всегда можно компенсировать импортом. Внутренние производители начинают деградировать, а то и сворачивать производство, что до поры до времени не заботит власти, увлеченные основанным на экспорте сырьем ростом. Когда же источник средств вдруг исчезает (например, из-за изменения конъюнктуры цен), в стране начинается полномасштабный кризис. Ведь за предшествующие годы (или десятилетия) изобилия из-за совершившихся структурного и бюджетного маневров экономика страны оказывается серьезно разбалансированной. Таким образом, структурная подстройка экономики под благоприятную конъюнктуру цен на природные ресурсы становится источником серьезных, а в ряде случаев системных кризисов.

Такого рода проблемы в последние десятилетия наглядно прослеживаются при анализе экономико-политических процессов в связи с колебаниями цен на нефть, начатых нефтяным кризисом 1973 г. В ряде стран — экспортеров нефти за десятилетие благоприятной конъюнктуры произошла перестройка экономической системы, за чем последовали тяжелые кризисы. Наиболее острые примеры такого развития событий дают Мексика, СССР и шахский Иран.

На рубеже 70—80-х гг. цена на нефть достигала 90 долл. за баррель (в пересчете на современный курс), и казалось, что экспортеры нефти нашли простой способ решения всех своих проблем. Президент Мексики Хосе Лопес Портилло тогда не без гордости заявил: «...нашей главной задачей является управление ростом благосостояния». Советские вожди активно проводили политику «нефть в обмен на продовольствие», закупая за нефтедоллары ширпотреб, продукты питания и оборудование для расширения добычи нефти и газа.

В Мексике политика «администрирования изобилия» (термин Портилло) предполагала резкое повышение темпов экономического роста и экономической самостоятельности страны через развитие госсектора. Стали развиваться разного рода инвестиционные программы, темпы роста возросли с 3—4 (1975—1977 гг.) до 8—9% (1978—1981 гг.), а среднегодовой рост инвестиций составлял 16 %. Бюджет оставался дефицитным, поскольку в ожидании будущих доходов правительство не считалось с этим параметром, причем по мере продолжения нефтяного бума дефицит бюджета не сокращался, а нарастал. Ситуация стала ухудшаться с изменением тренда нефтяных цен в начале 80-х гг. ВВП стал демонстрировать отрицательные темпы роста, песо было девальвировано более чем на 40 %, внешний долг вырос с 40 млрд долл. в 1979 г. до 97 млрд долл. в 1985 г., резко ускорилось бегство капитала, золотовалютные резервы упали до 1,8 млрд долл. Если в первые годы его правления на Портилло возлагали большие надежды как внутри страны, так и за рубежом, то к ис-

ходу президентского шестилетия его обвиняли в «растранижении нефтяных доходов страны, экстравагантных внешних заимствованиях, в раздувании бюджетных расходов». После отставки Портилло вынужден был уехать из страны, а когда он скончался (в начале 2004 г.), то не был удостоен государственных похорон.

История СССР достаточно хорошо нам известна и не нуждается в комментариях⁷. Советское руководство после непоследовательных попыток реформирования экономики в 1965—1972 гг. смогло полностью отказаться от реформ и обеспечивать устойчивые (хотя и невысокие) темпы экономического роста и социальную стабильность путем наращивания экспорта энергоресурсов. Снижение цен на нефть и нарастание бюджетного дефицита подтолкнули М. Горбачева и его коллег к решительным мерам по ослаблению сырьевой зависимости, получившим наименование «ускорение». Однако стремление повысить темпы роста привело через два года к разбалансированию экономической системы, а затем и к ее распаду⁸.

Иран — еще одна страна, режим которой первоначально выиграл от роста нефтяных доходов, а затем потерпел полное фиаско. Причем в Иране крах произошел на пике нефтяной конъюнктуры, а не в результате ее снижения. Ключевым фактором дестабилизации здесь стала ускоренная модернизация, которая проводилась шахским правительством и в значительной мере оказалась модернизацией сверху, не имевшей глубоких корней в развитии всей экономической и социальной жизни страны. В результате напряженность в обществе стала резко нарастать, и в конце 1970-х гг. последовал взрыв «исламской революции».

Разумеется, перечисленные факторы и обстоятельства не являются абсолютными. Известен ряд примеров ресурсобогатых стран с очень высоким уровнем экономического развития. Главное, разумеется, не природные ресурсы сами по себе, а качество экономической политики. Другое дело, что обилие природных ресурсов при определенных условиях становится барьером для выработки и реализации осмысленной, эффективной экономической политики⁹. Существуют специфические обстоятельства, которые могут как бы «нейтрализовать» негативное влияние природных ресурсов. Учет этих обстоятельств может не только объяснить исключения из общей тенденции негативного влияния обильных природных ресурсов, но и способствовать выработке политики, ориентированной на снижение негативного влияния природного изобилия на социально-экономическое развитие страны.

Во-первых, к таким обстоятельствам относится характер ресурсов с точки зрения возможности монополизации контроля над ними. Обилие природных ресурсов, которые «разбросаны» по стране и не поддаются монополизации со стороны государства, не становится серьезным препятствием для экономического развития. П. Сутела, аргументируя эту точку зрения, приводит пример Норвегии, чье благосостояние изначально основывалось на обилии рыбных ресурсов, и прежде всего трески. Однако треска, в отличие от углеводов, существовала в различных регионах страны, не требовала для своей

добычи значительных инвестиций, а также не давала возможности государству ни жестко контролировать доступ к ее вылову, ни накапливать этот ресурс в своих руках для последующей реализации. В результате практически любой норвежец мог заняться рыболовным бизнесом, что создавало основу для экономической (а значит, и гражданской) свободы в отношениях с властью. «Таким образом, вопрос не в том, богата ли страна природными ресурсами или нет, а в том, являются ли эти ресурсы естественной основой для возникновения олигархии и автократии из-за их высокой концентрации или они служат естественной основой для создания демократии и равенства в результате их широкого распространения»¹⁰.

К этому надо добавить степень разнообразия природных ресурсов. Наличие природного разнообразия и отсутствие явных экономических предпочтений отдельных видов ресурсов тоже создают основу для конкуренции различных производителей, а также для диверсификации экономики, для недопущения формирования монопродуктовой экономики или монопродуктового экспорта. Диверсификация контроля за ресурсами, несведение этого контроля к государственному становится важным фактором устойчивого экономического развития, а затем и политической демократизации¹¹. Аналогичные выводы можно сделать, скажем, о лесных или сельскохозяйственных ресурсах. Богатые природными ресурсами США XIX в. являются наглядным примером такого развития.

Во-вторых, важную роль играет уровень политического развития в момент появления изобилия природных ресурсов. Бывают случаи (довольно редкие), когда изобилие это обрушивается на страну, уже находящуюся на очень высоком уровне экономического развития, то есть обладающую полным набором институтов, характерных для современной демократии. Иными словами, политическая система общества является высокоразвитой и обеспечивает прозрачность процедур выработки и принятия государственных решений относительно использования ресурсов, уровень коррупции близок к нулю, а экономика является диверсифицированной и высокоэффективной. Таков пример Великобритании и особенно Норвегии, которые стали неожиданно богатыми углеводородами после открытия соответствующих месторождений в Северном море. Эти страны смогли более или менее адекватно справиться с неожиданно возникшим потоком ресурсов, не допустив экономического торможения и деградации. Однако даже в этом случае правительственный курс подвергается серьезному испытанию популизмом, что в среднесрочной перспективе, как свидетельствует опыт Норвегии последних 20 лет, оборачивается снижением качества экономической политики, находящейся под давлением разного рода лоббистов¹².

В-третьих, экономическое развитие при наличии обилия природных ресурсов может наблюдаться в абсолютных монархиях. Поскольку государственный бюджет здесь практически тождественен бюджету правящей династии, а забота о будущих поколениях имеет вполне конкретного адресата, власти оказываются более способными принимать долгосрочные и эффективные решения, нацеленные в том

числе и на повышение уровня благосостояния всей страны. Впрочем, подобного рода режимы в современном мире исключительно редки, да и принимаемые ими решения, как показывает практика монархий Персидского залива, оказываются не столь уж эффективными в долгосрочном плане. Хотя, подчеркнем, текущее благосостояние своих стран они обеспечить вполне способны.

Вышеприведенные рассуждения основываются преимущественно на материалах второй половины XX в. Однако было бы неверно ограничивать сделанные выводы исключительно современной эпохой. Большинство проблем экономической политики имеют конкретно-исторический характер, то есть должны рассматриваться с учетом конкретных обстоятельств, и прежде всего с учетом уровня технологического развития данного общества (или, говоря марксистским языком, уровня развития производительных сил). Однако имеются и некоторые общие проблемы, сталкиваясь с которыми правительства разных стран и эпох ведут себя в общем похоже, предпринимая схожие шаги и делая схожие ошибки. К таким явлениям относится и испытание обильным притоком природных ресурсов, особенно когда этот источник открывается неожиданно и накладывается на политические амбиции данной страны¹³.

2. Испания XVI—XVII вв.: американское золото и крушение сверхдержавы

В XVI столетии Испания была одним из наиболее сильных государств Европы, а значит, и всего мира. После объединения Кастилии и Арагона происходило быстрое расширение владений, управляемых испанской короной. К середине века власть Карла I (годы правления 1516—1556) распространялась на значительную часть Иберийского полуострова, а также на Нидерланды, Сардинию, Сицилию и всю Италию к югу от Рима, на владения Габсбургов в Восточной Европе, а также на недавно открытые земли в Америке. Это была мощная империя, имевшая явный потенциал для дальнейшего наращивания своей мощи. Страна имела сильную армию (включая лучшую в Европе пехоту), флот, обширные династические связи с основными королевскими домами Старого Света. На повестке дня стоял вопрос о возникновении новой крупной империи, чему способствовало и избрание в 1519 г. испанского короля императором Священной Римской империи под именем Карла V. Словом, речь шла о создании сверхдержавы в полном смысле этого слова — страны со значительными территориальными владениями, с мощными вооруженными силами, с интересами, далеко выходящими за рамки своей части света. Помимо стремления к территориальным захватам, деятельность испанских монархов имела сильно выраженный мессианский характер — подавление мусульманства и протестантизма, объединение всей католической Европы.

Казалось, что и экономические факторы способствуют такому развитию событий. Экономическое благополучие той эпохи было связано преимущественно с сельским хозяйством, и в этой сфере Испания

занимала лидирующие позиции в садоводстве и овцеводстве, а последнее создавало базу для развития текстильной промышленности. К этому надо добавить высокий уровень экономического развития (сельского хозяйства и некоторых отраслей промышленности) испанских Нидерландов, наличие значительных запасов полезных ископаемых (железа, меди, олова, серебра) в подконтрольной Испании Центральной Европе.

Однако главным источником укрепления экономической и политической мощи формируемой империи должны были стать драгоценные металлы, попавшие в руки Испании благодаря открытию Америки и началу освоения ее природных богатств. Казалось даже, что страна столкнулась с двойным везением. С одной стороны, только что открытые земли оказались богатыми денежным металлом — тем более, что незадолго до этих событий в Европе произошло удорожание серебра, вызвавшее естественное падение выраженных в серебре цен на другие товары. С другой стороны, как раз к этому времени были получены новые технологические способы получения серебра, что значительно удешевляло его добычу в Новом Свете¹⁴.

В результате с самого начала XVI в. из Нового Света стало поступать золото и серебро, что достигло значительных масштабов во второй половине 1530-х гг. (Динамика доходов Испании от импорта драгметаллов отражена в Таблице 1.) Нетрудно заметить, что деньги поступали как непосредственно в распоряжение короны (государственного бюджета, по современной терминологии), так и еще в большей мере в частные руки. Последнее, естественно, также способствовало обогащению страны и пополнению ее бюджета (через налоги, доходы от чеканки монеты и т.п.).

Таблица 1
Покупательная способность денег Испании (в тыс. песо)¹⁵

Период	Весь объем импорта драгметаллов	Объем импорта драгметаллов короной	Сводный индекс цен (базовый год — 1580 г.), %	Покупательная сила драгметаллов короны
1503—1505	371	97	37,5	261
1506—1510	816	213	43,24	494
1511—1515	1195	313	39,78	787
1516—1520	993	260	41,91	620
1521—1525	134	35	49,09	71
1526—1530	1038	272	52,8	514
1531—1535	1650	432	53,23	812
1536—1540	3937	1350	55,76	2422
1541—1545	4954	757	59,45	1274
1546—1550	5508	1592	66,68	2388
1551—1555	9865	3628	70,75	5128
1556—1560	7998	1568	77,98	2611

Период	Весь объем импорта драгметаллов	Объем импорта драгметаллов коронной	Сводный индекс цен (базовый год — 1580 г.), %	Покупательная сила драгметаллов короны
1561—1565	11207	1819	89,81	2025
1566—1570	14141	3784	91,53	4134
1571—1575	11906	3298	99,18	3325
1576—1580	17251	6649	99,61	6675
1581—1585	29374	7550	108,15	6981
1586—1590	23832	8043	110,52	7277
1591—1595	35184	10023	114,32	8767
1596—1600	34428	10974	129,01	8506
1601—1605	24403	6519	140,65	4365
1606—1610	31405	8549	132,69	6443
1611—1615	24528	7212	127,34	5664
1616—1620	20112	4347	132,06	3292
1621—1625	27010	4891	127,76	3828
1626—1630	24954	4618	131,85	3503
1631—1635	17110	4733	132,60	3570
1636—1640	16314	4691	130,10	3608
1641—1645	13763	4543	126,01	3685
1646—1650	11770	1665	138,01	1206

Именно американское золото должно было стать первоосновой политической экспансии, источником достижения испанскими монархами амбициозных политических целей. Возможно даже, что в открывшемся источнике несметных богатств Карл I увидел благословение своей католической миссии свыше.

Логика борьбы за сверхдержаву с неизбежностью вела к обострению внешнеполитической ситуации и втягивала корону в военные действия по разным направлениям: Испания погрузилась в серию длительных войн в различных регионах Европы. Король Карл I воевал с турками в Средиземноморье и в Центральной Европе, с протестантами в Германии, с Францией за гегемонию в католическом мире и с другими странами. Эта политика была продолжена и его преемниками — Филиппом II (1558—1598), Филиппом III (1598—1621) и Филиппом IV (1621—1665). Несмотря на потерю германской короны, при Филиппе II в 1580-х гг. империя достигла наивысшего могущества и обладала максимальными территориальными владениями. Однако за это пришлось вести бесконечные войны, продолжавшиеся в течение десятилетий (восемьдесятитилетняя война в Нидерландах, Тридцатилетняя война в Европе, столкновения с Францией, Англией, в других частях Европы).

Широкие военные действия, не прекращавшиеся в течение почти полутора веков, потребовали колоссальных бюджетных расходов. Создание сверхдержавы вообще является дорогим предприятием.

А применительно к рассматриваемому периоду возникло и еще одно дополнительное усложняющее задачу обстоятельство: именно тогда начались процессы удорожания войн, связанные с переходом от использования рыцарской конницы к широкому применению огнестрельного оружия¹⁶.

Серебро и золото создавали, как казалось поначалу, основу устойчивого финансирования страны в условиях металлического обращения. Приток драгоценных металлов означал резкое увеличение денежной массы, с одной стороны, и бюджетных ресурсов правительства — с другой. Наличие мощного денежного потока позволило власти не обращать внимания на экономическую ситуацию в стране, на формирование современной для той эпохи налоговой и бюджетной политики.

Как это будет повторяться неоднократно в будущем в ресурсобогатых странах, экономическая политика испанского правительства оказалась в этих условиях поразительно близорукой. Отсутствовала долгосрочная экономическая стратегия, которая обеспечивала бы стимулирование производства: предпринимавшиеся разрозненные меры ориентировались преимущественно на то, чтобы снимать социальное напряжение внутри страны и получать дополнительные бюджетные доходы. Попытки регулирования цен, раздача монополий на торговлю и производство важных товаров, высокие и несправедливые налоги, сохранение таможенных барьеров внутри страны — таковы основные элементы экономической политики испанской короны, которые уже в XVI в. выглядели довольно старомодно. Скажем, рост цен на зерно попытались компенсировать госрегулированием цен, а когда это привело к дефициту — решили стимулировать импорт, что окончательно разрушило внутреннее производство и на несколько столетий превратило страну в импортера зерна. Схоже обстояли дела с производством тканей.

Налоговая система оставалась архаичной, а уровень налогов — одним из самых высоких в Европе. Хотя примерно 97% земель принадлежало аристократии и церкви, прямые налоги взимались с крестьянства, ремесленников и торговцев. Причем ряд налогов взимался аристократией, которая затем передавала полученные средства короне. Поэтому налоговая база оказывалась достаточно узкой, а налоговая система — неэффективной с точки зрения получения бюджетных доходов и имела исключительно фискальный характер, подавляя, а не стимулируя развитие экономики. Между различными частями империи (и даже внутри Иберийского полуострова) сохранялись таможенные барьеры, а отчасти — отсутствием интереса властей к изменению сложившихся традиций. На территории страны имели хождение разные валюты, что превращало конвертацию в крайне болезненную внутреннюю (а не внешнюю) проблему.

Между тем со временем выяснилось, что обильный приток драгметаллов создает серьезные финансовые, а затем и политические проблемы.

Проблема первая. Возрастание потребности короны в деньгах происходило быстрее, чем получение металла из ее заокеанских владений. Следовательно, стала расти напряженность государственного бюджета и нарастать государственный долг. То есть, несмотря на обилие денежных ресурсов, страна столкнулась с ситуацией устойчивого бюджетного дефицита. А ведь этот феномен не был характерен для периода, когда на троне были предшественники Карла I: хотя они иногда и заимствовали денежные средства, но, как правило, для решения конкретных задач и лишь временно. Теперь бюджетный дефицит стал проблемой хронической.

Механизм раскрутки финансового кризиса достаточно очевиден. С одной стороны, наличие обширных запасов серебра и золота позволяло короне делать займы в любых масштабах, поскольку сохранялась уверенность в возможности оплатить в будущем любые долги. С другой стороны, кредиторы также легко давали деньги под залог будущих поступлений металла (и под ростовщические проценты). Возникла ситуация, схожая с описываемой в современной литературе термином «moral hazard», когда экономический агент может не особенно серьезно относиться к принимаемым решениям.

В результате задолженность короны стала быстро расти. В первой половине 1570-х гг. расходы бюджета в полтора раза превышают доходы, причем значительные суммы идут на покрытие старых долгов. Например, только в 1575 г. на оплату старых долгов было потрачено 36 млн дукатов, что составляло эквивалент шестилетних доходов. При доходе короны в 13 млн дукатов в 1577 г. ее накопленный долг в 1582 г. составлял 80 млн дукатов. В дальнейшем долг продолжал расти, достигнув в 1667 г. запредельной для того времени суммы в 180 млн дукатов¹⁷.

Проблема вторая — инфляция. Возникает своеобразная ловушка: обилие денежных металлов не только дает в руки властей большие денежные ресурсы, но также и снижает покупательную способность единицы драгметалла (см. Рисунок 1). Стала раскручиваться инфляция, что, в свою очередь, сокращало доходы короны.

Поскольку инфляция была еще малоизвестна Западной Европе, значительная часть доходов казны (равно как и других экономических агентов) устанавливалась в абсолютных величинах. Соответственно, со временем (во второй половине XVI в.) стали падать традиционные бюджетные доходы, зафиксированные в абсолютных суммах (см. Рисунок 2). В течение какого-то времени выпадающие доходы могли компенсироваться притоком американского золота и серебра, хотя, как выяснилось позднее, этого было недостаточно для создания устойчивой финансовой базы для амбициозной политики испанских властей. Однако уже во второй половине XVI в. испанский бюджет сводится как правило с дефицитом (Рисунок 3).

Кроме того, поскольку Испания по понятным причинам должна была принять на себя первый удар обесценения металлических денег, конкурентоспособность испанских производителей должна была снижаться: их товары должны были стоить в «звонкой монете» больше, чем в других странах. Возникал эффект сродни «голландской бо-

лезни», хотя его роль была, по-видимому, не столь значительна, как в условиях современных глобальных рынков¹⁸.

Рисунок 1

Рост уровня цен в Испании в XVI в.¹⁹

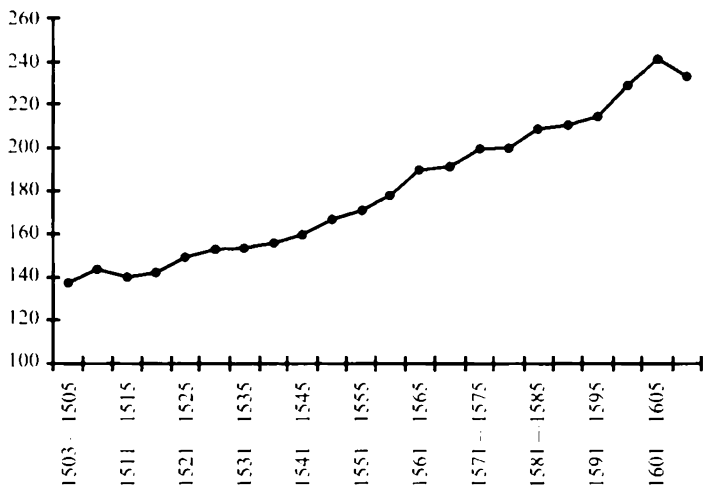
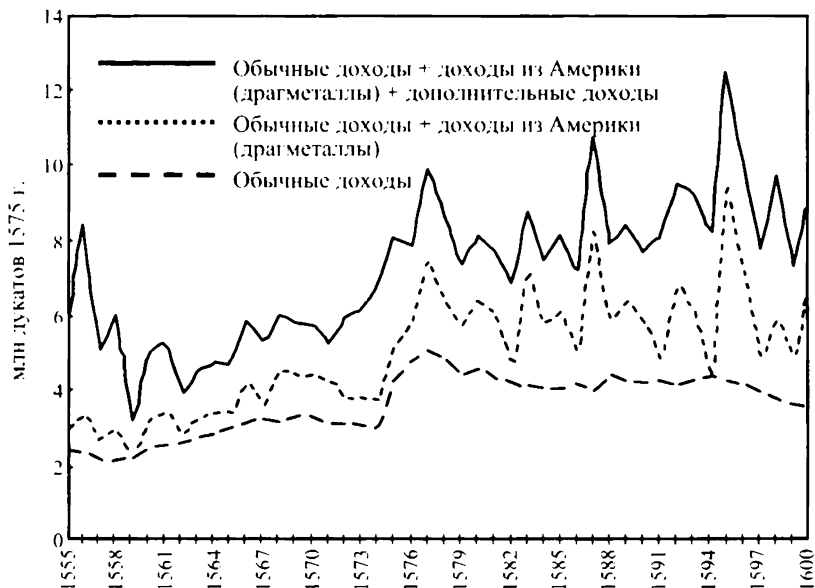
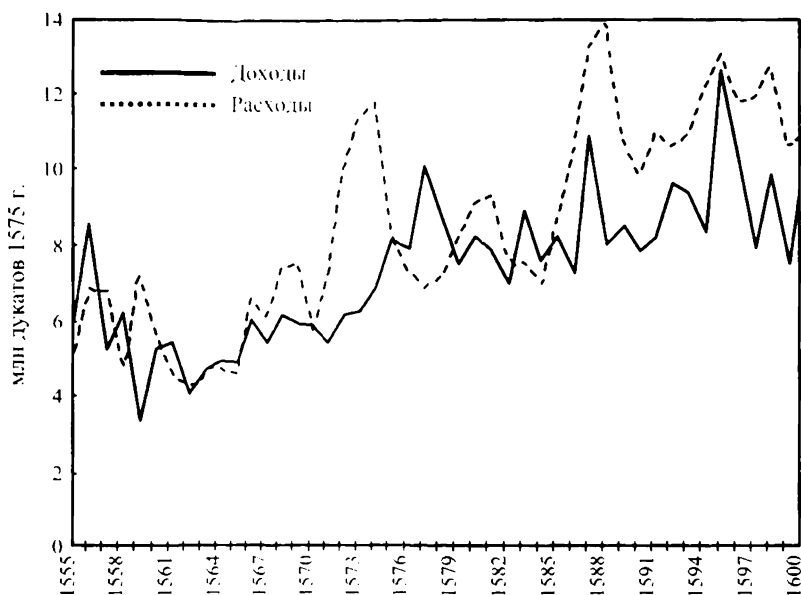

Рисунок 2

Структура и размер доходов короны Испании во второй половине XVI в.²⁰

Соотношение расходов и доходов короны Испании
во второй половине XVI в.²¹

Третья проблема непосредственно вытекала из двух предыдущих: экономика и политика империи оказались «подстроеными» под сложившуюся конъюнктуру валютных доходов, что сделало Испанию крайне уязвимой в двух отношениях. Обнаруживается, с одной стороны, политическая и коммерческая уязвимость перед кредиторами, которые хорошо знают, что корона уже не сможет выжить без их лояльности, и потому получают инструмент для шантажа; с другой стороны, уязвимость перед внешними шоками, то есть обостряется зависимость политической и экономической ситуации в стране от конъюнктурных колебаний.

Испания получала иностранные займы под высокий процент у финансового картеля, управляемого генуэзцами, а также у немецких, фламандских и испанских банкиров. В качестве обеспечения выступали как доли в очередном грузе серебра, так и отдельные налоговые статьи, а банкиры получали также право на обслуживание финансовых транзакций короны, в том числе и монополию в сфере международных денежных переводов и обмена валют. В государстве, чьи земли были разбросаны по всей Европе, эта функция была исключительно важна не только в экономическом, но также в политическом и в военном отношениях. Поскольку разные части империи имели в обороте разные валюты, стабильность денежных переводов была жизненно необходима для поддержания здесь политической

стабильности. Еще более важным было осуществление финансовых транзакций для оплаты войн, которые постоянно вели испанские государи. Словом, некорректное поведение должника приводило к отказу кредиторов осуществлять денежные переводы с понятными негативными последствиями.

Уже в середине XVI в. остро проявилась зависимость положения страны от притока американской валюты. Стоило во второй половине 1550-х гг. сократиться поступлениям драгметаллов в казну, как последовал первый дефолт короны в 1557 г., а за ним и второй — в 1560 г. Первому дефолту предшествовал невиданный политический дефолт: Карл I, осозная, по-видимому, остроту и системный характер нараставших проблем, отрекся в 1556 г. от престола после сорока лет пребывания у власти.

На основе данных Таблицы I можно сделать и еще одно любопытное наблюдение: хотя приток драгметаллов сократился в 1556—1560 гг. более чем вдвое по сравнению с предыдущим пятилетием, его объем был сопоставим с поступлениями чуть более ранних периодов (конца 1540-х гг. и ранее). Однако за пятнадцать-двадцать лет произошли серьезные изменения монетарного и структурного характера. С одной стороны, из-за инфляции снизилась покупательная способность американских денег, а с другой — по мере развития экспансионистских проектов короны все более усиливалась ее зависимость от новых финансовых вливаний.

К концу XVI столетия Испания попадает в полную зависимость от положения дел на американских рудниках. Страна, имевшая ранее достаточно устойчивую финансовую систему, начинает регулярно объявлять дефолты: после 1557 и 1560 гг. они происходили далее в 1575, 1596, 1607, 1627, 1647, 1653 и 1680 гг.²² Какое-то время (при Филиппе II) Испания еще продолжает расширяться, под властью ее оказывается и Португалия с ее огромными восточными колониями. Однако начинаются военные поражения, одно из самых тяжелых — разгром Непобедимой Армады в 1588 г. За финансовым кризисом следует денежный: не имея бюджетных ресурсов, Филипп III и Филипп IV начинают прибегать к «порче валюты», сокращая количество драгоценного металла в некоторых монетах²³. Естественно, это дает лишь краткосрочные эффекты для бюджета, но никак не может предотвратить общей деградации страны. XVII в. стал временем неуклонного ослабления экономики Испании и превращения ее во второразрядную страну²⁴.

Несмотря на нараставший ком проблем, наследники Карла I продолжали вести курс, в котором доминировали имперские и мессианские цели, и игнорировать задачи создания благоприятных условий для экономического развития. Усиливалось отставание Испании от других европейских государств, выходящих на первые позиции (Нидерландов, Англии, Франции)²⁵. *Природные богатства (тожеественные в данном случае «дешевым деньгам») сделали свое дело — первоначально создали иллюзию политической и экономической вседозволенности, способствовали трансформации государственных потребностей под новый уровень доходов, что затем привело к тяжелому кризису*²⁶,

кризису, который продолжается в Испании на протяжении следующих четырех веков.

Подведем итоги сказанному. Кризис Испанской империи был результатом не только и не столько завышенных амбиций, сколько непродуманной и неэффективной экономической и бюджетной политики.

Во-первых, появление самих завышенных политических амбиций было отчасти спровоцировано мощным потоком «дешевых» денег, нарастание которого шло рука об руку с активизацией усилий по созданию империи.

Во-вторых, экономические проблемы были порождены не столько войной, сколько неэффективной политикой. Истории хорошо известны случаи, когда страны достаточно успешно выдерживали тяжелые и длительные войны, не доходя до финансового и экономического краха. Примеры Нидерландов XVI—XVII вв. или Британии XVIII в. демонстрируют другой ход событий²⁷. Однако особенностями этих стран было отсутствие у них дешевых финансовых ресурсов, а также наличие более адекватных правительств, учитывающих в своей деятельности интересы производства и торговли²⁸. Они не были искушаемы обильными природными ресурсами, а потому должны были строить свое благополучие на более прочных основаниях.

Примечания

¹ Очевидные исключения представляют собой США, Канада и Норвегия, что будет прокомментировано ниже.

² Karl T. The Paradoxes of Plenty: Oil Boom and Petro-States. Berkley, CA: University of California Press, 1977; Sachs J., Warner A. Natural resource abundance and economic growth. NBER Working Paper Series. No 5398. Cambridge MA, 1998; Gylfason Th., Zoega G. Natural resources and Economic Growth: The Role of Investment. London: CEPR, 2001; Isham J., Woolcock M., Pritchett L., Bushy G. The Varieties of Rentier Experience: How Natural Resource Endowments Affect the Political Economy of Economic Growth. Mimeo, 2002.

³ Строго говоря, «голландская болезнь» может возникать и при диверсифицированном экспорте, приводя к разрыву между интересами экспортных и ориентированных на внутреннее потребление отраслей. Однако эта ситуация характерна уже для более развитых стран и не имеет отношения к ситуации изобилия природных ресурсов.

⁴ Взаимосвязи формирования демократической системы с достижением определенного уровня экономического развития и благосостояния населения посвящена обширная литература. См., например: Lipset S.M. Political Man. The Social Basis of Politics. New York: Doubleday, 1960; Huntington S.P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman and London: University of Oklahoma Press, 1991; Vanhanen T. Prospects for Democracy: A Study of 172 Countries. London and New York: Routledge, 1997; May В. Экономические реформы сквозь призму конституции и политики. М., 1999. Глава 2.

⁵ Huntington S.P. Op. cit. P. 65.

⁶ Гильфасон Т. Природа, энергия и экономический рост // Экономический журнал ВШЭ. 2001. Т. 5. № 4. С. 473–474.

⁷ См. подробнее: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции: От Кромвеля до Путина. 2-е изд. М., 2004; Гайдар Е.Т. Долгое время: Россия в мире. М., 2005. С. 341—345.

⁸ Впрочем, у правительств 70-х гг. было хотя бы то оправдание, что к тому времени практически не было прецедента значительного снижения цен на нефть. В настоящее время ситуация существенно иная: практика показала, что цены на основные товары российского экспорта могут идти как вверх, так и вниз и что их динамика непредсказуема. Ответственная экономическая политика должна принимать эти факторы во внимание. Однако, как будет показано ниже, кризисы в результате проведения ресурсоориентированной политики можно проследить и в экономической истории прошлого. Хотя, разумеется, речь не обязательно должна идти о ресурсах топливно-энергетического комплекса.

⁹ «Имеющийся опыт, по-видимому, свидетельствует о том, что значительное природное богатство при отсутствии продуманного управления в долгосрочной перспективе замедляет экономический рост. Надо признать, что в краткосрочной перспективе оно позволяет повысить благосостояние, и иногда весьма значительно, но в итоге, как представляется, оно снижает темпы экономического роста», — писал один из наиболее видных исследователей этой проблемы Т.Гильфасон (Гильфасон Т. Указ. соч. С. 465).

¹⁰ Сутела П. Это сладкое слово — «конкурентоспособность» // Хелантера А., Олус С.-Э. Почему Россия не Финляндия: Сравнительный анализ конкурентоспособности. М., 2004. С. 12. «Добыча углеводородов сконцентрирована на определенной территории, поэтому ее легко контролировать и монополизировать. В этом кроется причина того, почему добыча этого природного сырья является основой для процветания олигархии и автократии. Треска была широко распространена во фьордах, что делало практически невозможным контроль и установление монополии на ее вылов. Так как это еще и скоропортящийся товар, то даже наиболее воинственные короли викингов задумались бы, прежде чем пытаться сосредоточить в своих руках всю рыбную ловлю в стране. Треска не сделала Норвегию богатой, но ее добыча повысила материальное благосостояние населения» (там же).

¹¹ «Демократия — это правление многих, автократия — это правление нескольких. Концентрация властных ресурсов ведет к автократии, распределение ресурсов власти ведет к демократии. Можно выдвинуть гипотезу: демократия возникает при том условии, когда ресурсы, необходимые для осуществления власти, распространены в обществе настолько широко, что ни одна группа более не способна подавлять конкурентов и тем самым обеспечивать свою гегемонию» (Vanhanen T. Op. cit. P. 24).

Весьма близки к этой позиции и взгляды М.Олсона, по мнению которого «автократия оказывается отброшенной и демократия утверждается в истории тогда, когда почему-либо возникает патовая ситуация в балансе власти, то есть складывается такое распределение сил и ресурсов, которое делает невозможным для одного из лидеров или группы оказаться более мощной, чем все остальные... Если данная теория верна, тогда верными являются и исследования, согласно которым демократия возникает в определенных исторических условиях и при таком распределении ресурсов, которое делает невозможным для какого-то одного лидера или группы присвоить власть» (Olson M. Dictatorship, Democracy, and Development // American Political Science Review. Vol. 87. 1993. № 3).

¹² См.: Hoj J., Wise M. Product Market Competition and Economic Performance in Norway. OECD Economic Department Working Paper № 389. Paris: OECD, 2004.

¹³ Другой пример схожести политики разных стран дают полномасштабные революции. Как нами было показано в другой работе, революционные правительства разных стран и эпох реагируют на экономические и политические вызовы революционной эпохи очень схоже, используют одни и те же инструменты.

¹⁴ Hamilton E.J. *American Treasure and the Price Revolution in Spain, 1501—1650*. Cambridge, MA, 1934. P. 34.

¹⁵ Flynn D.O. Fiscal crisis and the decline of Spain (Castile) // *The Journal of Economic History*. Vol. 42. Mar. 1982. P. 142.

¹⁶ См.: Nef J.U. *War and Human Progress: An Essay on the Rise of Industrial Civilization*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1950.

¹⁷ См.: Parker G. Spain, Her Economies and the Revolt of the Netherlands 1559—1648 // *Past and Present*. 1970. № 49. P. 86; Parker G. *War and Economic Change: The Economic Costs of the Dutch Revolt* // Parker G. (ed.). *Spain and the Netherlands, 1559—1659*. Glasgow, 1979; Braudel F. *The Mediterranean and the Mediterranean World in Age of Philip II*. New York, 1972. Vol. 1. P. 533; Koenisberger H.G. *The Empire of Charles V in Europe* // *The New Cambridge Modern History*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1958. P. 312.

¹⁸ На этот эффект обращал внимание еще Э.Гамильтон, объясняя повышением цен и издержек в Испании падение не только объемов экспорта, но также масштабов судостроения и мореплавания (см.: Hamilton E.J. *The Decline of Spain* // *Economic History Review*. 1938. Vol. 8. № 2. P. 177).

¹⁹ Flynn D.O. *Op. cit.* P. 142.

²⁰ Conklin J. The theory of sovereign debt and Spain under Philip II // *The Journal of Political Economy*. Vol. 106. № 3. P. 483—513.

²¹ Ibid.

²² Камерон Р. *Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней*. М., 2001. С. 170.

²³ Motomura A. The Best and Worst of Currencies: Seigniorage and Currency Policy in Spain, 1597—1650 // *The Journal of Economic History*. 1994. Vol. 54. № 1.

²⁴ Hamilton E.J. *The Decline of Spain*. P. 169—170.

²⁵ «Кастилия проводила империалистическую политику, которая не соответствовала ее ресурсным возможностям. Попросту говоря, в политическом и военном отношении Испания попыталась откусить больше, чем она могла прожевать» (Flynn D.O. *Op. cit.* P. 143).

²⁶ Осознание этого можно найти в рассуждениях некоторых испанских авторов уже в начале XVII в. Санчо де Монкада писал еще в 1619 г., что «бедность Испании есть результат открытия Америки» (цит. по: Kamen H. *The Decline of Spain: A Hoistorical Myth?* // *Past and Present*. 1971. Vol. 81. November. P. 30).

²⁷ См.: Kennedy P. *The Rise and Fall of the Great Powers*. New York, 1987; Wilson Ch. *Taxation and the Decline of Empires, and Unfashionable Theme* // *Economic History and the Historians*. New York, 1969. P. 120—127.

²⁸ «Правительство Англии XVIII в., учитывая интересы купечества, правильно организовало финансирование войны, что способствовало превращению страны в мировую державу. В правительстве Голландской республики — главного врага Испании — также доминировало купечество, благодаря чему в стране сформировалась ясная налоговая система с низкой стоимостью заимствований...» (Motomura A. *Op. cit.* P. 124).

Мотивация труда будапештских рабочих на рубеже XIX—XX вв. (к истории трудовых отношений в венгерской промышленности)

Образ жизни включает в себя практически все стороны повседневности: сферу труда, условия и ритм жизни, быт, потребление, формы проведения досуга. Французский историк и социолог М. Хальбвакс, автор классического труда «Рабочий класс и уровни жизни»¹, предложил в начале XX в. концепцию образа жизни, в соответствии с которой потребление и досуг рассматривались как прямое продолжение профессиональной деятельности. Анализируя эту взаимосвязь на примере рабочего класса, ученый пришел к выводу, что физическое и моральное принуждение рабочего в процессе труда не может не отразиться на характере и содержании его досуга. Вслед за М. Вебером Хальбвакс утверждал, что классы, занимающие нижние этажи социальной пирамиды (рабочие, крестьяне), в своей повседневной жизни стремятся к удовлетворению основных потребностей. И лишь по мере того как экономическая необходимость перестает определять существование, жизненный уклад приобретает все более стилизованные формы².

1. Зарплата рабочих и ее дифференциация

В данной статье предметом исследования являются трудовые отношения в венгерской промышленности, составлявшие основу экономического этоса рабочих на рубеже XIX—XX вв. Факторный анализ их производственной деятельности необходим для понимания процесса противоречивой адаптации рабочих к императивам индустриально-капиталистической модернизации венгерского общества.

Изучение вопроса о заработной плате рабочих имеет важное значение, поскольку в нем сфокусирована связь между экономическим положением работающего и его «социальным самочувствием». Социокультурный смысл акций рабочих, добивавшихся увеличения заработной платы, заключался, по верному замечанию В.И. Ленина, в том, что «без непосредственного и немедленного улучшения своего положения масса трудящихся никогда не согласится представлять себе общий «прогресс» страны»³.

---

* Айрапетов Арутюн Гургенович — доктор исторических наук (Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина).

Из-за отсутствия добротных статистических материалов мы полагаем, к сожалению, разрозненными данными о заработной плате промышленных рабочих Будапешта в 1890-е гг. Для первого десятилетия XX в. имеются информативно содержательные материалы промышленной и рабочей статистики, ежегодников Венгерского объединения металлургических и станкостроительных предприятий⁴. В среднем заработная плата столичных рабочих составляла в 1890-е гг. 7 форинтов в неделю⁵. Минимальный заработок деревообделочников равнялся 5—7 фор., обойщиков — 5—10 фор., редко достигая 10—13 фор.⁶ Столяры получали 6—7, жестянщики — 6—8, слесари 4—9 фор. в неделю⁷. Как наихудшее воспринимали свое материальное положение рабочие-бондари, чей заработок едва достигал 3—4 фор.⁸ В несколько раз меньше заработка постоянных рабочих была зарплата поденщиков, не превышавшая 1,5 фор.⁹ К высокооплачиваемой категории относились типографские рабочие. Минимальная заработная плата книгопечатников составляла в среднем 13 фор. У маляров, которых причисляли к интеллигентской части строительных рабочих, заработок колебался в пределах 10,2—12 фор.¹⁰

Дифференциация в оплате труда рабочих обуславливалась не только их профессиональной принадлежностью. Уже в 1890-е гг. ощущалась, пусть и незначительная, разница в заработной плате рабочих, занятых на малых и крупных предприятиях. Типичной фигурой рабочего малого предприятия являлся обувщик, уже втянутый в процесс производственной специализации. Минимальная зарплата у изготовителей нижней части обуви составляла 5—8 фор., а у занятых изготовлением верхней части — 8—12 фор. в неделю¹¹. С другой стороны, квалифицированный рабочий в металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности получал от 7,2 до 12 фор. в неделю. Вместе с тем в такой отрасли промышленности, как текстильная, недельная заработная плата основного контингента рабочих — женщин и детей — не превышала дневного заработка квалифицированного металлиста, т.е. 1,2—2 фор.¹²

В 1890-е гг. и в начале XX в. отмечен рост номинальной заработной платы промышленных рабочих. Что касается реальной заработной платы, то в первое десятилетие XX в. произошло некоторое ее снижение, что в решающей степени было следствием инфляции. Индекс среднегодовой реальной заработной платы промышленных рабочих Венгрии, выросший в 1901—1906 гг. с 100 до 102, в последующие 7 лет падал, составив в 1910, 1912, 1913 гг. соответственно 95, 93, 88¹³. В 1912—1913 гг. на 14 единиц снизился также индекс номинальной зарплаты, что объясняется начавшимся циклическим промышленным кризисом. Для сравнения следует указать, что среднемировой уровень реальной заработной платы промышленных рабочих медленно рос в 1887—1908 гг., но в 1909—1914 гг. произошло некоторое его снижение¹⁴.

В 1910 г. наиболее высокий размер заработной платы отмечен в отраслях промышленности, обеспечивавших технико-экономический и социокультурный прогресс общества, — металлургической и

металлообрабатывающей, машиностроительной и полиграфической, где она равнялась соответственно 1085, 1445 и 1242 кронам в год¹⁵. (В 1900 г. денежная единица форинт была заменена на крону в соотношении 1:2, а 1 крайцар — на 1 филлер.) В два раза меньше был среднегодовой заработок рабочих текстильной (преимущественно «женской») промышленности, составлявший 588 крон. Близки к ним по уровню личных доходов были рабочие глиноасбестовой и стекольной промышленности (608 кр.). В пределах 700—785 кр. колебалась номинальная зарплата рабочих ряда промышленных отраслей: деревообрабатывающей, бумажной, пищевой, швейной. Несколько выше был заработок в кожевенной (863 кр.) и химической промышленности (841 кр.)¹⁶.

Приведенные данные приобретают еще большую конкретность при их сравнении с среднегодовой номинальной заработной платой в венгерской промышленности в продолжение первых тринадцати лет XX в. Она составляла в 1900 (кризисном), 1906, 1910, 1912, 1913 (кризисном) гг. соответственно 708, 778, 880, 950, 822 кр.¹⁷ Из сопоставления следует, что лишь заработная плата рабочих металлургической и металлообрабатывающей, машиностроительной и полиграфической отраслей промышленности превосходила средние показатели по венгерской промышленности в целом.

Анализируя динамику заработной платы, исследователи отмечали, что среднегодовой уровень зарплаты колебался, хотя и незначительно, в зависимости от масштабов безработицы. Об этом свидетельствуют данные Таблицы 1.

Таблица 1

**Динамика номинальной заработной платы
промышленных рабочих Венгрии, 1901—1913 гг. (в кронах)**

Год	Без учета безработицы		С учетом безработицы	
	в кр.	%	в кр.	%
1901	708	100	629	88
1906	778	100	718	92
1910	887	100	834	94
1912	950	100	903	95
1913	822	100	736	89

Источник: Berend T.I., Ránki Gy. Magyarország gyáripára 1900—1914. Budapest (Вр.), 1955. 313.о.

Промышленные переписи 1901, 1906, 1910 гг. содержат сведения, касающиеся заработной платы рабочих Венгрии. Что касается рабочих Будапешта, то данные об их зарплате относятся лишь к 1910 г. Сводные данные о распределении промышленных рабочих Венгрии в их отношении к величине зарплаты в первое десятилетие XX в. представлены в Таблице 2.

**Распределение промышленных рабочих Венгрии в их отношении
к величине заработной платы, начало XX в.**

Величина недельной зарплаты	Численность рабочих					
	1901 г.		1906 г.		1910 г.	
	абсол.	%	абсол.	%	абсол.	%
Меньше 10 кр.	74556	31,07	75185	24,8	65046	18,7
10 — 14 кр.	53597	22,34	65228	21,5	70318	20,2
14 — 20 кр.	49423	20,60	72766	24,0	90043	25,8
20 — 30 кр.	34355	14,32	54223	17,9	70193	20,1
30 — 40 кр.	11165	4,65	22308	7,3	31257	9,0
40 — 50 кр.	3738	1,56	7467	2,5	13937	4,0
50 — 60 кр.	1119	0,46	1999	0,7	5151	1,5
Больше 60 кр.	520	0,21	1203	0,3	2445	0,7
Не получали зарплаты	1555	0,65	2362	0,8	—	—
Величина зарплаты не- известна	9930	4,14	757	0,2	—	—
Всего	239958	100,00	303508	100,0	348390	100,0

Источники: Az 1901. évben a magyar országokban főnnállott gyárak üzemi és munkás-statisztikája. Bp., 1903. 110.o.; Varga J. Gyáriparunk öt évi fejlődése 1901—1906) // Huszadik Század, 1911. július-december. 55.o.; A magyar szent korona országai gyári iparának üzemi és munkás-statisztikája az 1910. évről. Bp., 1915. 118.o.; Berend T.I., Ránki Gy. Op. cit. 314.o.

Средняя недельная номинальная заработная плата, составлявшая 5,5 кр. в 1900 г., возросла до 17,1 кр. в 1906 г. и 18,8 кр. в 1910 г. В кризисном 1913 г. она сократилась до 18 кр.¹⁸ Из Таблицы 2 видно, что в 1901 г., кризисном для венгерской промышленности, более половины (53,4%) рабочих страны имели заработок менее 14 кр. в неделю, в том числе 31,1% рабочих получали менее 10 кр. Более трети рабочих (34,9%) имели заработок от 14 до 30 кр., промежуточную прослойку составляли рабочие с заработком от 30 до 40 кр. (4,65%). Лишь 2,2% рабочих можно отнести к высокооплачиваемой категории (свыше 50 крон), причем в этой группе большинство составляли рабочие, чей заработок колебался в пределах 40—50 кр.

В 1901 г. 18,8% рабочих-мужчин и 60,7% рабочих-женщин имели самую низкую заработную плату — менее 10 кр. в неделю. Приблизительно в равной пропорции (около четверти от общей численности) распределялись рабочие-мужчины, чей заработок колебался в пределах соответственно 10—14, 14—20, 20—40 кр. Среди рабочих-женщин 21,9% имели зарплату от 10 до 14 кр., 6,8% — от 14 до 20 кр. и 0,9% — от 20 до 40 кр. Узкая прослойка рабочих (3,1%), со-

стоявшая из мужской части промышленных рабочих страны, имела высокий заработок — более 40 кр.

Данные промышленной и рабочей переписи 1906 г. указывают, что 24% промышленных рабочих Венгрии получали 14—20 кр. в неделю, 21,5% — от 10 до 14 кр. Меньший процент (17,9) составляла группа рабочих, зарабатывавших от 20 до 30 кр. Всего 10,8% рабочих получали более 30 кр. Из них 7,3% имели заработок в пределах 30—40 кр. На противоположном «полюсе» у почти четверти рабочих (24,8%) недельный заработок был меньше 10 кр. Большинство в этой группе составляли рабочие-женщины. 51,4% рабочих-женщин получали минимальную зарплату, тогда как среди рабочих-мужчин этот процент равнялся 12,7¹⁹. Далее, сопоставление размеров заработной платы среди рабочих-мужчин и женщин показывает, что подавляющее большинство рабочих-мужчин (72,2%) получали от 10 до 30 кр. в неделю, а среди женщин такой заработок имели 45,0%. Всего 0,3% рабочих-женщин получали от 30 до 40 кр.²⁰

Сравнивая данные промышленных переписей 1901, 1906 гг. и статистические отчеты Больничной рабочей кассы, экономист социал-демократ Е. Варга пришел к следующим выводам. В начале XX в. происходило сокращение доли низкооплачиваемой (менее 10 кр.) категории рабочих — с 31,1 до 24,8%. При этом процент рабочих-мужчин, чей заработок не превышал 14 кр., уменьшился с 42,2 до 32,5%. Процент рабочих-женщин, входивших в эту группу, несколько возрос — с 82,6 до 83,9. Инфляция ускоряла процесс сокращения прослойки низкооплачиваемых рабочих. В конце 1908 г. она уменьшилась до 14,1%. Вместе с тем доля рабочих, получавших в 1908 г. 15 и менее крон (70,5%), а в 1906 г. — 17 и менее крон (70,3%), оставалась практически одинаковой. Указанный факт служил для Е. Варги решающим доводом для утверждения о снижении уровня жизни основной массы рабочих²¹.

Для периода относительно высокой экономической конъюнктуры (1906—1912 гг.) характерна тенденция сокращения доли низкооплачиваемой категории рабочих (меньше 14 кр.) и, наоборот, роста удельного веса среднеоплачиваемой прослойки рабочих — от 14 до 30 кр. (1901 г. — 34,9%, 1906 г. — 41,9%, 1910 г. — 46,2%). Одновременно происходил рост абсолютной численности этой прослойки рабочих. В группах же низкооплачиваемых рабочих вместе с сокращением численности рабочих, получавших менее 10 кр., увеличилось количество рабочих с заработком от 10 до 14 кр. В группах рабочих, получавших более 30 кр., большинство составляли те, кто зарабатывал от 30 до 40 кр. (1906 г. — 7,3%, 1910 г. — 9%).

К 1910 г. произошло сокращение относительной численности рабочих-мужчин, имевших самые низкие заработки. Меньше 10 кр. зарабатывало 10,0% рабочих, от 10 до 14 кр. — 16,6%. Еще более заметно сократилась низкооплачиваемая категория среди рабочих-женщин, составив в 1910 г. 45,4%. Одновременно до 32,4% возросла доля работниц, получавших от 10 до 14 кр. в неделю. Почти две трети от общей численности рабочих-мужчин имели заработок от 14 до 40 кр. При этом бóльшая их часть (37,2%) получала от 20 до 40 кр.

Среди рабочих-женщин, наоборот, 19,3% получали от 14 до 20 кр., и всего у 2,7% женщин заработная плата зафиксирована в пределах 20—40 кр., что, кстати, было меньше, чем в 1906 г. (4,1%). Процент высокооплачиваемой категории (больше 40 кр.) среди рабочих-мужчин увеличился к 1910 г. до 7,8%, а среди рабочих-женщин он впервые составил положительную величину — 0,1%²².

Таким образом, в первое десятилетие XX в. основной фигурой среди промышленных рабочих Венгрии становится «средняк», чья номинальная заработная плата колебалась в пределах 14—30 кр. По своему удельному весу эта рабочая прослойка оттесняла низкооплачиваемую группу, что указывало на тенденцию уменьшения относительной бедности среди промышленных рабочих. Одновременно все большее пространство на рынке труда занимала прослойка высокооплачиваемых рабочих.

Динамика заработной платы промышленных рабочих Будапешта имела свои особенности, обусловленные специфической структурой потребностей населения и более высокой стоимостью жизни в столице. В 1910 г. к низкооплачиваемой категории (менее 10 кр.) относилось лишь 2,2% промышленных рабочих-мужчин Будапешта. Еще 3,6% рабочих получали от 10 до 14 кр. в неделю. Большинство рабочих-мужчин (77,0%) имели недельный заработок от 14 до 40 кр. При этом более трети столичных рабочих (36,6%) получали от 20 до 30 кр. Категория высокооплачиваемых промышленных рабочих-мужчин составляла 17,2%, в том числе 10,7% получавших от 40 до 50 кр.²³

Около 90% промышленных рабочих-женщин Будапешта имели к концу первого десятилетия XX в. недельный заработок от 6 до 20 кр. Из них 20% получали от 6 до 10 кр., 34,7% — от 10 до 14 кр. Если в Венгрии мизерную зарплату (менее 6 кр.) получали 10,7% рабочих-женщин, то в Будапеште эта прослойка составляла только 4,5%. С другой стороны, в столице насчитывалось 7,7% рабочих-женщин, относившихся к средне- и высокооплачиваемой категории (от 20 до 50 кр.), в то время как в общей численности промышленных рабочих-женщин Венгрии эта прослойка составляла 3,0%²⁴.

Анализ дифференциации в оплате труда мужчин и женщин показывает, что к концу первого десятилетия XX в. в большинстве отраслей венгерской промышленности дневной заработок женщин составлял в среднем более половины заработка мужчин²⁵. Следует заметить, что аналогичное соотношение зафиксировано в индустриально развитых странах Запада²⁶. С другой стороны, в отраслях венгерской промышленности, по характеру труда преимущественно «мужских», — металлургии и металлообработке, машиностроении, полиграфии — указанный показатель был ниже 50%²⁷.

Корреляционная связь между размером заработной платы и возрастом рабочих отчетливо прослеживается в исследовании крупного венгерского менеджера начала XX в. К. Мехея. Разбивка по десяти возрастным категориям, начиная с «14—19 лет» и заканчивая «старше 60 лет», выявила динамику изменения почасовой зарплаты у всех 697 рабочих машиностроительных предприятий Будапешта, распределенных по семи профессиональным группам. Максимальный раз-

мер заработной платы зафиксирован в возрастной категории «30—34 года», охватывавшей 15,8% общей численности рабочих. Лишь у литейщиков в возрасте 40—44 и 50—54-х лет была более высокая заработная плата. Правда, указанные старшие возрастные группы литейщиков численно превосходили группу «30—34 года» всего на 3 человека²⁸. Самыми высокооплачиваемыми специалистами были токари по металлу (191 филлер, или округленно 2 кр. в час). К этой же категории относились, хотя и заметно уступая токарям по величине заработка, слесари (153 фил.), литейщики (138 фил.), механики (133 фил.), кузнецы (124 фил.), столяры (112 фил.), столяры-модельщики (101 фил.)²⁹. Высокие заработки имели, однако, меньшинство рабочих. По оценке Мехея, заработная плата половины рабочих достигала среднего уровня. По его мнению, многие рабочие были в состоянии зарабатывать вдвое больше, увеличив производительность труда. Небеспристрастный в своих суждениях, Мехей склонен был объяснять невысокую производительность труда и скромные заработки основной массы рабочих-машиностроителей позицией профсоюзных организаций, якобы сдерживавших «ударный» труд рабочих³⁰.

По наблюдениям Мехея, большинство рабочих, достигнув в 30—34 года пика трудоспособности, в дальнейшем умело использовали накопленный производственный опыт, компенсировавший им недостаток энергии. Благодаря этому происходившее по мере перехода рабочих в старшие возрастные категории снижение почасовой заработной платы приобретало не скачкообразный, а плавный характер. Наибольшая «глубина» падения заработной платы отмечена у слесарей и токарей по металлу. Меньших размеров она была у кузнецов и столяров, еще слабее чувствовали сокращение заработной платы механики и литейщики старших возрастов. Минимальной была разница в зарплате у столяров-модельщиков среднего и старшего возрастов. Неодинаковая динамика сокращения заработной платы в старших возрастных группах отражала, по мнению Мехея, особенности адаптации рабочих разных профессий к фабрично-заводскому труду³¹.

Сопоставляя динамику заработной платы рабочих и низших служащих, Мехей показал, что квалифицированные рабочие от 30 до 40 лет получали больше, чем служащие этого же возраста. В дальнейшем, однако, зарплата рабочих старших возрастов сокращалась, между тем как жалование служащих увеличивалось. В итоге, как признавал Мехей, безбедная старость рабочих могла быть обеспечена лишь теми накоплениями, которые они в состоянии были сделать в молодом возрасте³².

В начале XX в., по оценке современного венгерского историка М.Лацко, заработная плата 5—6% промышленных рабочих Венгрии была в 3 раза выше средней в фабрично-заводской индустрии и в 4—5 раз выше минимального уровня³³. И. Беренд и Д. Ранки, приводя те же цифры, включали в «элитную» группу не только высокооплачиваемых рабочих, но и «профбюрократию». По их расчетам, заработок высокооплачиваемых рабочих вдвое превосходил среднюю зарплату в соответствующей отрасли промышленности и, таким образом, был

близок по размерам к жалованию служащих и производственно-технических руководителей (мастеров и др.). К высокооплачиваемым рабочим они относили тех, чей заработок составлял 40 и более крон (против 20 кр. в среднем по промышленности)³⁴. Конкретные поотраслевые подсчеты давали венгерским ученым следующие результаты. В 1910 г. в «элитную» группу входили 35% рабочих полиграфической промышленности, 19% рабочих машиностроения, 9% рабочих металлургической и металлообрабатывающей и 7% рабочих деревообрабатывающей промышленности. В остальных отраслях эта прослойка не превышала 5%³⁵. К приведенным данным следует, на наш взгляд, сделать некоторые дополнения и уточнения.

Проследивая динамику заработной платы, мы установили, что в 1901 г. примерно 3%, но не 5—6% промышленных рабочих Венгрии относились к высокооплачиваемой категории³⁶. В 1910 г. личные доходы 5—6% высокооплачиваемых рабочих Венгрии превышали среднюю зарплату промышленных рабочих не в 3, а в 2,4 раза³⁷. В 1910 г. прослойка высокооплачиваемых рабочих (больше 40 кр.) в Будапеште была гораздо более значительная, чем по стране в целом, составляя около 17%³⁸. Заработок высокооплачиваемых рабочих сопоставим с среднегодовым окладом служащих и производственно-технических руководителей в промышленности, составлявшим 2000—2300 кр. в 1901 г. и 2700—2800 кр. в 1910 г.³⁹ Из промышленной переписи 1901 г. явствует, что 3% высокооплачиваемых рабочих Венгрии получали заметно больше, чем 65% служащих, чей средний заработок равнялся 1400 кр. в год⁴⁰.

До недавнего времени исследователи-марксисты рассматривали положение высокооплачиваемых рабочих в связи с проблемой «рабочей аристократии». Основываясь на канонизированных высказываниях К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина о подкупленной буржуазией прослойке рабочих⁴¹, Ю.Кучинский, к примеру, утверждал, что улучшение положения квалифицированных рабочих в последней трети XIX в. коснулось в особенности выделившейся из их среды рабочей аристократии⁴². Марксистские историки включали в привилегированную элиту пролетариата помимо «рабочей аристократии» и так называемую «рабочую бюрократию», понимая под ней «оппортунистических функционеров» социал-демократических (социалистических) партий и профсоюзов, представителей рабочих, занявших посты в органах государственного управления и самоуправления, в структурах социального обеспечения⁴³. В отличие от историков-марксистов, исследователи иных научных направлений использовали другие категории для характеристики рассматриваемых общественных групп. Так, французский историк К.Виллар применительно к функционерам Французской рабочей партии (гедистов) употреблял понятие «профессиональные революционеры»⁴⁴. Дело, однако, не только в терминологии. На наш взгляд, феномен «рабочей аристократии» может быть по-новому осмыслен с учетом как марксистского, так и иных, в прошлом отвергавшихся отечественной историографией, научных подходов.

Прежде всего, следует принять во внимание установленный экономической наукой факт, что движение заработной платы всегда

испытывает воздействие разнонаправленных тенденций — нивелирования, с одной стороны, и дифференциации — с другой. В последней трети XIX и начале XX в. преобладала тенденция к дифференциации⁴⁵. По наблюдениям Ю.Кучинского, «по мере возрастания роли тяжелой промышленности начинается сильный процесс размежевания квалифицированных и неквалифицированных рабочих. В условиях усложняющегося производственного процесса квалифицированные рабочие не только получали более высокую заработную плату, но их заработок систематически повышался по сравнению с широкой массой рабочих»⁴⁶.

Растущая дифференциация в заработках рабочих служила зримым фактическим аргументом для социологических обобщений. Еще в конце XIX в. известный германский историк и экономист позитивистского направления Г.Шмоллер отнес служащих и высокооплачиваемых рабочих к «новому среднему слою»⁴⁷. Известно, что М.Вебер, чей подход к стратификации общества построен с учетом марксовской социологической концепции, включал в классообразующие признаки, помимо отношений собственности, профессиональное мастерство, или квалификацию. Эвристически продуктивным представляется и предложенный Вебером статусный критерий социальной стратификации. Статусные группы, в понимании немецкого социолога, — это общности в соответствии с оценкой их авторитета (престижа)⁴⁸. Исследуемый на основе классового деления общества статус связан с различными стилями (образом) жизни социальных групп, в том числе внутри классов. Анализ внутриклассовой дифференциации по признаку квалификации и статуса позволяет рассматривать «рабочую аристократию» как социальную прослойку между рабочими и «средним классом».

Динамика оплаты ученического труда в первое десятилетие XX в. зигзагообразна. Данные промышленных переписей 1901 и 1906 гг. показывают, что зарплата учеников не поднималась выше 20 кр. в неделю. Лишь у 12 учеников-мужчин (0,13%) заработок колебался в 1901 г. в пределах 20—30 кр.⁴⁹ В группе учеников с заработком менее 10 кр. в 1901—1906 гг. отмечен рост абсолютной численности мужчин (с 7178 до 8614) при некотором, однако, сокращении их относительной численности (с 78,3 до 71,8%). В группе же учениц отмечен как абсолютный, так и относительный рост (соответственно 369 и 553 человека, или 72,8 и 82,9%). Несколько возросла в начале XX в. группа учеников, чей заработок составлял 10—20 кр. Среди мужчин эта прослойка увеличилась с 5,9 до 9,2%, среди женщин — с 2,3 до 3%⁵⁰. Значительная часть учеников не получала заработной платы. Среди мужчин процент этой группы вырос с 15,6 до 19,0, в то время как у женщин он сократился с 24,9 до 13,2, что, очевидно, связано с увеличением прослойки с минимальным заработком⁵¹. Сухую статистику уместно дополнить воспоминаниями современников. Профсоюзный активист А.Хикаде, описывая годы ученичества в механической мастерской, рассказывал, как ученики бесплатно трудились за рабочих, которым было поручено их обучение⁵².

Данные о заработках учеников, занятых на промышленных предприятиях Будапешта, выглядят следующим образом. 82,6% учеников-мужчин и 78,3% учеников-женщин имели заработок менее 10 кр. Из них подавляющее большинство (соответственно 54,1 и 53,5%) получало менее 6 кр. Соотносимо с общевенгерскими данными и сведения, касающиеся учеников с заработком от 10 до 20 кр. Их численность составила: у мужчин — 484 человека (9,1%), у женщин — 13 человек (3,3%). При этом большинство учеников-мужчин (7,1%) и все ученицы получали заработок от 10 до 14 кр.⁵³ Несколько выше, чем по стране в целом, была в Будапеште доля «высокооплачиваемых» учеников: 22 ученика-мужчины (0,4%) получали от 20 до 30 кр. Меньшей, чем по стране, была относительная численность учеников-мужчин, не получавших зарплаты (8,9%). У женщин, напротив, процент не получавших зарплаты учениц в Будапеште был больше, чем в среднем по стране, и равнялся 18,4⁵⁴.

Из анализа оплаты ученического труда в венгерской промышленности видно, что в условиях экономического подъема 1906—1912 гг. не наблюдалось заметного прогресса в деле материального стимулирования подготовки квалифицированного резерва наемной рабочей силы. Оставшийся низким уровень оплаты труда почти $\frac{3}{4}$ учеников не мог служить предпосылкой роста профессиональной заинтересованности будущих рабочих, необходимым условием воспитания в них чувства гордости за труд и уважения к себе как к личности.

Оценка трудового вклада рабочих определялась, помимо размеров заработной платы, формой оплаты труда, регулярностью выдачи зарплаты, уровнем организации труда на предприятии, мерами по охране здоровья рабочих.

В 1890-е гг. на промышленных предприятиях Венгрии все еще была распространена практика оплаты труда товарами («truck system»). Натуральная форма торга между трудом и капиталом сводила фактически к минимуму жизненные потребности рабочих. Подобный вид зарплаты, выгодный для предпринимателей в условиях низких рыночных цен на продовольственные товары, не ориентировал рабочих на высокопроизводительный труд и получение больших заработков. Сознательные рабочие с возмущением воспринимали факт неполной монетизации оплаты их труда, требуя прекращения практики выдачи натуральной заработной платы⁵⁵.

В начале XX в. промышленные рабочие Венгрии в своем подавляющем большинстве уже были охвачены денежной формой оплаты труда. Данные о распределении рабочих Венгрии в зависимости от вида денежной заработной платы отражены в Таблице 3.

Как видно из Таблицы 3, больше половины промышленных рабочих (57,1%) получали в начале 1900-х гг. переменную заработную плату, в том числе почти 41% — ежедневную. Высокий процент рабочих, получавших ежедневную зарплату (в химической, бумажной, деревообрабатывающей промышленности их доля составляла более 50%), был показателем скромных личных доходов основной массы рабочих, едва покрывавших их первичные потребности.

Распределение промышленных рабочих* Венгрии в зависимости от вида заработной платы, 1901 г.

Отрасль промышленности	С зарплатой										Не получали зарплаты		Всего	
	дневной		недельной		месячной		сдельной (поштучной)		сдельной (аккордной)		получали		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1. Металлургия и металлообработка	11310	31,81	2653	7,46	606	1,70	3565	10,03	17056	47,97	367	1,03	35557	100,00
2. Машиностроение	15254	38,86	1845	4,70	855	2,18	1381	3,52	19417	49,45	507	1,29	39259	100,00
3. Глиноасбестовая и стекольная	10093	33,43	2209	7,32	1555	5,16	8226	27,26	7993	26,50	100	0,33	30176	100,00
4. Деревообрабатывающая	14232	53,61	1803	6,79	2744	10,34	4448	16,75	3149	11,86	174	0,65	26550	100,00
5. Кожевенная	1890	32,70	1778	30,77	70	1,21	1878	32,50	97	1,68	66	1,14	5779	100,00
6. Текстильная	7090	40,52	2333	13,34	299	1,71	2574	14,71	5167	29,53	34	0,19	17497	100,00
7. Швейная	636	21,03	987	32,64	187	6,18	1027	33,96	52	1,72	135	4,47	3024	100,00
8. Бумажная	3387	56,41	1611	26,83	240	4,00	308	5,13	449	7,48	9	0,15	6004	100,00
9. Пищевая	21721	44,63	3761	7,73	4343	8,93	7399	15,20	11374	23,37	70	0,14	48668	100,00
10. Химическая	8940	71,07	873	6,94	817	6,50	980	7,79	965	7,67	4	0,03	12579	100,00
11. Полиграфическая	180	2,81	5680	88,68	195	3,04	203	3,17	58	0,91	89	1,39	6405	100,00
Всего	94733	40,92	25533	11,03	11911	5,15	31989	13,82	65777	28,41	1555	0,67	231497	100,00

Примечание. * В число рабочих включены и ученики.

Источник: Az 1901. évben a magyar korona országában főnnállott gyárak üzemi és munkás-statisztikája. Bp., 1903. 107.o.

42,2% промышленных рабочих получали сдельную (аккордную или поштучную) зарплату. К этой группе относилось свыше половины рабочих металлургической и металлообрабатывающей, машиностроительной, глиноасбестовой и стекольной отраслей, более 40% рабочих текстильной, свыше трети рабочих кожевенной, швейной и пищевой промышленности⁵⁶. Значительный удельный вес сдельной зарплаты в условиях невысокой производительности труда в венгерской промышленности был свидетельством интенсификации производственной деятельности рабочих.

На выбор формы оплаты труда определенное влияние, несомненно, оказывали производственно-техническая специфика отрасли, позиция предпринимателей, сопротивление профсоюзов, отстаивавших повременную форму заработной платы.

О возможностях рабочих восполнить затраченную на производстве физическую и нервно-психическую энергию и удовлетворить жизненные потребности (свои и своей семьи) можно судить по регулярности выдачи заработной платы. В начале XX в. на 59% промышленных предприятий Венгрии заработная плата выдавалась еженедельно, на 13% предприятий ее выдавали еще чаще — два раза в неделю⁵⁷. Как видно из Таблицы 3, основная масса рабочих с еженедельной заработной платой была сконцентрирована в полиграфической, бумажной, швейной, текстильной и кожевенной промышленности. Укоренившаяся практика выдачи заработной платы в конце трудовой недели приводила к тому, что многие рабочие умудрялись в выходной день оставить часть заработка в корчме, а первый день новой трудовой недели, известный в рабочем лексиконе как «Blaumontag» («синий понедельник»), — прогулять. Владельцы ряда средних и крупных промышленных предприятий, поставленные перед очевидным фактом потерь рабочего времени и снижения производительности труда, стали переходить к выдаче заработной платы в середине или в предпоследний день трудовой недели⁵⁸. На 18,2% промышленных предприятий Венгрии зарплата выплачивалась раз в месяц, а на 9,2% предприятий — два раза в месяц⁵⁹. 12,5% промышленных рабочих страны получали аванс⁶⁰.

Анализ абсолютных величин личных доходов рабочих следует сопоставить с реальной стоимостью жизни в венгерской столице. Каков был размер квартирной платы рабочих? В отчетах промышленной инспекции отмечалось, что в 1890-е гг. у рабочих крупных промышленных предприятий Будапешта не было домов, находившихся в личной собственности⁶¹. Квартиры рабочих, состоявшие из комнаты без кухни, обходились им в среднем в 84 фор. в год. Плата за комнату с кухней составляла примерно 123 фор. Такую квартирную плату в состоянии были вносить только квалифицированные рабочие⁶². Лишь рабочим бумажной и стекольной промышленности предприятия предоставляли бесплатное жилье⁶³. Согласно официальной статистике, плата за квартиры малой площади в Будапеште была на 80—100% выше, чем в Вене и Берлине⁶⁴.

В начале XX в., по оценкам экспертов, для семьи рабочего из четырех человек оптимальной считалась квартира, состоящая из общей комнаты (16—20 кв. м) и двух спален по 12 кв. м⁶⁵. Подобную квартиру, как показывают подсчеты, могли иметь лица с годовым доходом

не менее 3000 кр. Между тем максимальная зарплата большинства будапештских рабочих в 1900-е гг. составляла 800—1000 кр., а накануне Первой мировой войны — 1000—1200 кр. в год⁶⁶. Свыше 70% квартир малой площади (комната с кухней) стоили рабочим 400—600 кр. Оплата 20% квартир такой же площади составляла около 200 кр. В Западной Европе доля квартплаты равнялась 0,1—0,25 заработка рабочих, тогда как в Будапеште — 0,2—0,5⁶⁷.

Наблюдения за динамикой квартирной платы у рабочих Будапешта показывают следующее. Если в 1893—1906 гг. рост квартплаты составил 20—30%, то в последующие семь лет плата за жилье поднялась на 50—100%. Особенно значительным было увеличение платы за однокомнатные квартиры с кухней.

Наряду с увеличением квартирной платы наиболее зримым показателем роста стоимости жизни у венгерских рабочих стало повышение цен на продукты питания. В обобщающем исследовании по истории рабочего класса отмечается, что в XIX в. и в первое десятилетие XX в. почти весь свой заработок рабочие семьи расходовали на самое необходимое — питание, одежду, жилье, отопление и освещение. Причем продукты питания составляли главную статью семейного бюджета — около 50%⁶⁸.

Среднегодовая рыночная цена рационального питания в Будапеште, незначительно изменившаяся в 1875—1895 гг., заметно выросла в 1895—1905 гг.: с 175,6 до 238,7 кр., или на 35,9%⁶⁹. Почти на столько же увеличилась в 1900—1910 гг. стоимость «продуктовой корзины», удовлетворявшей недельную потребность семьи из 5 человек. Специалистами были составлены два набора (дорогой — 21,22 кр. и дешевый — 17,62 кр.) «продуктовой корзины» в ценах 1910 г., отмеченного высокой экономической конъюнктурой. О доступности «продуктовых корзин» для рабочей семьи можно судить по тому, что в 1910—1913 гг. зарплата обученного рабочего составляла в среднем 16,2 кр. в неделю⁷⁰.

Константой повседневной жизни многих рабочих была дефицитность семейного и личного бюджета. В Таблице 4 представлены расходы семьи столяра в 1891 г.

Таблица 4

Расходы семьи столяра (7 чел.), 1891 г. (в фор.)

Квартирная плата	170 (30,9%)
Отопление, свет, мыло	105 (19,1%)
Одежда и обувь	96 (17,5%)
Расходы на обучение детей	36 (6,6%)
Обед главы семьи на работе	91,25 (16,6%)
Взносы в больничную кассу, расходы на курение и пр.	45 (8,2%)
Оплата дворника	6 (1,1%)
Всего	49,25 (100%)

Источник: Egy kis számvetési példa // Népszava. 1891, július 3.

Учитывая, что среднегодовая заработная плата столяра не превышала 540 фор., в его семейном бюджете образовывался дефицит в 9,25 фор. Из Таблицы 4 видно также, что в затраты не включены расходы на питание членов семьи. К тому же 91,25 фор. в год, или 25 крайцаров в день, выделенных на питание главе семьи, были явно недостаточны для физиологического восстановления рабочей силы.

Бюджет холостого рабочего-металлиста включал в 1904 г. следующие расходы (см. Таблицу 5). Вернее, это был минимум, который представлялся необходимым условием для «достойной человека жизни».

Таблица 5

Расходы холостого рабочего-металлиста, 1904 г. (в кр.)

Квартирная плата	104 (8,2%)
Питание	624 (48,5%)
Газеты	20,8 (1,6%)
Профсоюзные взносы	20,8 (1,6%)
Взносы в кассу страхования по болезни	18,72 (1,3%)
Стирка	41,6 (3,2%)
Баня	41,6 (3,2%)
Бритье	104 (8,2%)
Развлечения	104 (8,2%)
Обувь	30 (2,3%)
Одежда	146 (11,4%)
Прочие мелкие расходы	30 (2,3%)
Всего	1285,52 (100%)

Источник: Magyar Vas-és Fémmunkások zsebnaptára. 1905. Bp., 1904. 144—145. o.

Среднегодовая заработная плата рабочего-металлиста составляла 1070,16 кр. Бюджетный дефицит равнялся, таким образом, 215,36 кр.⁷¹

Приведенные данные свидетельствуют, что удовлетворение основных потребностей рабочих не покрывалось их заработной платой. В целом можно говорить о том, что дефицит средств был существенным компонентом коллективного жизненного опыта будапештских рабочих.

2. Трудовые отношения и их регламентация

Опыт организации и регламентации оплаты труда промышленных рабочих Венгрии на рубеже XIX—XX вв. отражал противоречивый процесс складывания основных компонентов индустриальной системы в стране «догоняющего капитализма». В концентрированном виде этот процесс может быть проиллюстрирован на примере истории проекта правил внутреннего распорядка, разработанного нака-

нуне Первой мировой войны Венгерским союзом предпринимателей металлургической, металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности⁷². Основным мотив, которым руководствовались авторы проекта, заключался в стремлении унифицировать порядки на промышленных предприятиях Венгрии. Во главу угла был положен принцип авторитарного управления. Проект предусматривал регулирование взаимоотношений между рабочим и предпринимателем посредством индивидуального трудового соглашения. Индивидуализм как основополагающий принцип индустриально-капиталистических отношений, сопряженный с большой личной ответственностью, пронизывал все разделы анализируемого документа. Тем не менее объемы индивидуальных прав и обязанностей рабочего и предпринимателя были далеко не равноценными. Лишь в одном параграфе правил обе стороны были формально уравнены: в праве расторгнуть в любой момент трудовой контракт⁷³.

Практически во всех параграфах «устава» предприятия, касавшихся вопросов приема на работу, отпуска, болезни, рабочего времени, оплаты и премирования труда, производственной дисциплины, техники безопасности, сохранности имущества, жалоб и просьб, наказаний, были четко расписаны права и обязанности рабочих. С другой стороны, по личному усмотрению работодателя могла быть изменена продолжительность рабочего времени и назначена та или иная форма оплаты труда. Воздействие рабочих на эти ключевые сферы их жизнедеятельности исключалось. В проекте правил внутреннего распорядка совершенно ничего не говорилось о каких-либо формах участия рабочих в управлении производством. Даже жалобы и просьбы разрешалось высказывать одновременно не более чем двум рабочим. Однако прежний «безграничный» произвол предпринимателей, грубо попиравших человеческое достоинство рабочих, в определенной степени умерялся. Так, при приеме на работу было предусмотрено предварительное медицинское обследование рабочего, который был обязан вступить в больничную кассу предприятия. Наказания рабочих градуировались в зависимости от характера проступка и включали замечание, денежный штраф, увольнение⁷⁴. Устойчивый стереотип, сложившийся в представлениях венгерских промышленников, отрицал способность рабочих к соучастию в управлении производством. Подобная установка основывалась на жестком разграничении физического труда рабочих и умственного труда предпринимателей. Последний рассматривался как мерило производственных успехов, и им определялась, по мнению предпринимателей, их высокая доля в национальном доходе⁷⁵.

3. Страхование рабочих

Лейтмотивом ежегодных отчетов промышленных инспекторов была констатация существенных недостатков в системе охраны труда и здоровья рабочих. Закон 1893 г. в самом общем виде очерчивал обязанности предпринимателей по созданию условий для безопасного труда рабочих⁷⁶. Среднегодовой уровень производственного трав-

матизма достигал в начале XX в. 10%. На большинстве предприятий страны отсутствовали вентиляционные и другие устройства, необходимые для охраны здоровья рабочих⁷⁷. О соблюдении гигиены и укреплении здоровья рабочих, занятых тяжелым и во многих случаях грязным физическим трудом, можно судить по санитарному состоянию предприятий, организации питания в заводских столовых, по уровню оказания медицинской помощи рабочим. Обследование промышленных предприятий Будапешта, проведенное в 90-е гг. XIX в., установило, что лишь на шести предприятиях функционировали современные для того периода туалеты. На остальных предприятиях было отмечено антисанитарное состояние мест общего пользования⁷⁸. К концу первого десятилетия XX в. в общей сложности на 109 промышленных предприятиях Венгрии действовали душевые, которыми могли пользоваться около 80000 рабочих. В это же время всего на 75 машиностроительных заводах функционировали столовые, обслуживавшие примерно 7% рабочих этой отрасли промышленности⁷⁹. В начале XX в. на предприятиях венгерской индустрии (без строительного комплекса и гостиничного хозяйства) действовало 85 лечебных заведений, в которых постоянно работало 110 врачей. 435 предприятий оплачивали услуги «приходящих» врачей, а на 461 предприятии врачи оказывали медицинскую помощь рабочим бесплатно⁸⁰.

Государственное страхование рабочих по болезни регулировалось в Венгрии законом 1891 г.⁸¹ Фонд страхования складывался, согласно закону, на две трети из взносов рабочих и на одну треть из отчислений предпринимателей. О степени охвата рабочих страхованием по болезни можно судить по тому, что в первой половине 90-х гг. XIX в. примерно 27% рабочих крупных промышленных предприятий не получали никакого пособия по болезни. В таком же положении находились практически все рабочие малых предприятий⁸². Сравнивая уровень страхования по болезни в Венгрии и в других европейских странах, можно видеть, что в конце XIX в. лишь в Германии примерно треть рабочих получали пособие по болезни⁸³.

Страхованием от несчастных случаев на производстве была охвачена незначительная часть промышленных рабочих Венгрии. В начале 1900-х гг. только у 11,5% рабочих были сделаны удержания из заработной платы в фонд страхования от несчастных случаев на производстве⁸⁴. Между тем производственный травматизм со смертельным исходом составлял в Венгрии начала XX в. 22% всех несчастных случаев, тогда как в Англии — 2%, в Австрии — 8%⁸⁵. Согласно статистическим данным, число промышленных рабочих Венгрии, охваченных страхованием от несчастных случаев, составляло в начале XX в. 100813 человек, что было в два раза меньше численности рабочих, застрахованных по болезни (207859). Объясняется это, в частности, тем, что пособие за травму на производстве выплачивалось большинству рабочих (68%) за счет средств предпринимателей⁸⁶.

Закон 1907 г. декларировал принцип обязательного страхования рабочих по болезни. Его действие распространялось на всех промышленных рабочих, чей годовой доход был меньше 2400 кр. В отдельных

случаях предусматривалось страхование и более высокооплачиваемых рабочих. По новому закону рабочие и предприниматели равными долями вносили взносы в фонд страхования. При этом, однако, размер взноса не мог быть меньше 2% и больше 4% среднедневного заработка рабочих.

Страхование в случае травматизма распространялось на рабочих всех крупных промышленных предприятий, а также небольшого числа малых предприятий с вредным для здоровья людей производством⁸⁷.

Вне системы социального страхования, помимо промышленных рабочих большинства малых предприятий, по-прежнему оставались сельскохозяйственные рабочие. Между тем еще с 1890-х гг. профсоюзы и Социал-демократическая партия Венгрии выступали с требованием о распространении социального законодательства на сельскохозяйственных рабочих, справедливо считая, что положение последних служит своего рода индикатором требований промышленных рабочих⁸⁸.

Получение пособий постоянно наталкивалось на препятствия, связанные с дефицитом финансовых средств, и на бюрократические препоны. Нередко рабочим приходилось дожидаться выплаты пособий по полгода и дольше⁸⁹. Промышленники, стремясь выставить себя в глазах рабочих с лучшей стороны, предлагали, чтобы государство выступило гарантом кредитоспособности страховых касс, а пособия были бы освобождены от налогообложения. При этом, однако, они не рассматривали возможности увеличения размеров собственных взносов в фонды страхования⁹⁰.

Закон 1907 г. не устанавливал пособий по старости и инвалидности. Существовавшая система чрезвычайного вспомоществования по бедности ввиду ее явного несовершенства никоим образом не компенсировала отсутствия пенсий и пособий по инвалидности⁹¹. Неслучайно закон 1907 г. оказался с самого начала в фокусе острой общественной критики. В канун 1914 г. премьер-министр Венгрии Иштван Тиса заявил, что правительство приступило к разработке нового законопроекта о страховании рабочих. Критики, однако, очень скоро обнаружили, что в проекте правительства не делается никакой попытки преодолеть существующие финансовые трудности и бюрократические препоны. Общественность призывала правительство последовать примеру английской системы страхования путем создания частных страховых компаний, а также передачи части функций государственных органов страхования в ведение профсоюзов. Возражения государственных чиновников сводились к доказательству нереальности заимствования английского опыта ввиду отсутствия у венгерских работодателей готовности нести обременительный для них груз. Говорилось также о том, что в сравнении с промышленно развитой Англией в Венгрии не сложились финансово-экономические предпосылки, достаточные для создания сети частных страховых компаний⁹². Со своей стороны, влиятельные круги венгерских промышленников заявляли об абсолютной преждевременности для Венгрии таких социальных мер, как введение пособий по инвалидности и безработице⁹³.

4. Безработица

Для понимания динамики безработицы в венгерской промышленности следует учитывать особенности функционирования экономики промышленного капитализма на рубеже XIX—XX вв. Возросший уровень предпринимательской прибыли (при понижении средней нормы процента на ссудный капитал), ускорение накопления капитала в условиях преобладания экстенсивных источников экономического роста способствовали увеличению спроса на труд, несмотря на противодействующую тенденцию, связанную с повышением органического состава капитала⁹⁴.

Проблема занятости имела, помимо экономических, демографические и социально-географические аспекты. В странах Западной Европы примерно с 70-х гг. XIX в. стал заметно снижаться уровень рождаемости, в результате чего замедлился общий темп прироста рабочей силы. В социально-демографическом развитии Будапешта указанная тенденция отчетливо обнаружилась в первое десятилетие XX в.⁹⁵ На рубеже XIX—XX вв. появилось также ограничение в использовании детского, юношеского и женского труда, введенное на основе промышленного законодательства. Кроме того, массовый характер приобрела эмиграция из Европы за океан. В 1900—1914 гг. из 1,5 млн венгерских эмигрантов 100000 составили промышленные рабочие⁹⁶. Тем не менее безработица превратилась в первое десятилетие XX в. в массовое социальное явление. Социальная политика венгерского государства в 1890-е гг. и в первое десятилетие XX в. практически не затрагивала проблемы безработицы⁹⁷. На пути к основанному на здравом смысле регулированию безработицы необходимо было преодолеть устойчивые социально-психологические стереотипы. Первую попытку сломать в общественном сознании правящих кругов и промышленников устойчивое представление о безработном как о «лентяе и бродяге» предпринял известный венгерский статистик, профессор Будапештского университета Бела Кенез, выступивший в 1898 г. со статьей «К вопросу о безработице». «Хотя государство не в состоянии, — писал Кенез, — гарантировать каждому право на труд, его долг тем не менее состоит в предоставлении возможностей трудоустройства посредством создания службы занятости (“рабочих палат”»». Одним из элементов государственного регулирования трудовых отношений должно было стать, по мнению Б. Кенеза, страхование по безработице. Большую часть страхового фонда должны были составить взносы работодателей. Активную роль в проведении рабочей политики Кенез отводил органам местного самоуправления. Предложения венгерского ученого не нашли в то время поддержки ни в официальных кругах, ни в среде предпринимателей⁹⁸.

Безуспешными были и инициативы профсоюзных лидеров (К. Тесарса) по оказанию помощи безработным, имевшие место в конце 1890-х — начале 1900-х гг.⁹⁹

В условиях, когда уровень безработицы в венгерской промышленности достиг 17%, профсоюзы, не добившись от правительства организации общественных работ, сконцентрировали в начале 1900-х гг.

усилия на выделении из своего бюджета средств для помощи безработным. Общая сумма профсоюзных денежных пособий по безработице выросла в 1904—1913 гг. более чем в 4 раза, однако профсоюзной помощью было охвачено лишь 7—9% безработных¹⁰⁰. Ограниченные финансовые возможности большинства профсоюзных организаций позволяли им оказывать денежную поддержку рабочим главным образом во время стачек.

В первое десятилетие XX в. венгерские профсоюзы принимали энергичные меры по трудоустройству своих бывших членов, ставших безработными. Посредством профсоюзов смогли трудоустроиться в 1904 г. 65%, в 1905 г. 61%, в 1906 г. 71% безработных. От 10 до 40 тыс. человек ежегодно, или 60—80% от общей численности безработных, смогли трудоустроиться в 1909—1912 гг. с помощью профсоюзов¹⁰¹. О результативности деятельности профсоюзов говорит и тот факт, что в 1900—1910 гг. из каждых 100 безработных по линии государственной службы посредничества смогли трудоустроиться 49—65 человек, в то время как посредством профсоюзов — 65—80. Правда, в Будапеште картина была обратной, что объясняется превалированием поденщиков в общей массе трудоустроенных рабочих¹⁰². Особенно заметной была роль профсоюзных организаций в деле трудоустройства рабочих-печатников, переплетчиков книг, обойщиков, слесарей, электромонтеров¹⁰³.

В целом, однако, большинство безработных, не являвшихся членами профсоюза, оставалось вне сферы профсоюзного посредничества. Профсоюзы решительно требовали в этой связи создания совместной с государственными органами службы занятости, формируемой на паритетных началах¹⁰⁴. Руководитель Венгерского совета профсоюзов Ш. Ясаи настойчиво предлагал венгерским властям заимствовать опыт администрации бельгийского города Гента в деле страхования по безработице. Сотрудничество городской администрации и профсоюзов заключалось в поддержке городской властью профсоюзных касс страхования при условии ведения профсоюзами отдельного счета по суммам, выделенным городом, который периодически контролировал их финансовую деятельность. Для неорганизованных рабочих вводилось страхование из фондов сберегательных касс. Пособие по безработице составляло примерно $\frac{2}{3}$ средней заработной платы рабочего и выплачивалось в течение 5—6 месяцев. Бельгийский опыт расценивался Ясаи как пример цивилизованной социальной политики, а не как благотворительность. Предложение Ясаи было включено в резолюцию чрезвычайного съезда венгерских профсоюзов, состоявшегося в декабре 1913 г.¹⁰⁵

О реакции венгерских промышленников на инициативы профсоюзов можно судить по красноречивому заявлению влиятельного в кругах бизнеса Венгерского союза предпринимателей металлургической, металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности. В нем промышленники допускали создание службы трудоустройства рабочих лишь под своей эгидой, категорически выступая против государственной или профсоюзной системы посредничества¹⁰⁶.

Социальный портрет будапештского безработного может быть реконструирован благодаря репрезентативному опросу, проведенному в феврале 1913 г. Венгерским советом профсоюзов. Из 10373 опрошенных безработных 88% составляли члены профсоюза, прежде работавшие в металлообрабатывающей, деревообрабатывающей отраслях и в стройиндустрии. Половозрастной состав безработных характеризовали следующие данные: моложе 17 лет — 4370 человек, от 17 до 24 лет — 3600, от 24 до 40 лет — 4200. Большинство безработных мужчин (58%) были неженатыми, среди женщин доля незамужних составляла 65%. Подавляющее большинство безработных (70%) не могли трудоустроиться в течение 1—2 месяцев и больше, что, по оценке профсоюзов, превышало предельно допустимую (1—1,5 месяца) продолжительность безработицы¹⁰⁷.

В общей сложности, согласно профсоюзной статистике, в 1912—1913 гг. в Будапеште и его пригородах насчитывалось 40000—50000 безработных (против 20000 в 1900—1902 гг.). 70% из них не работало более 4 недель. Во многих отраслях промышленности перерыв в работе достигал 2 месяцев. Следует отметить, что указанные цифры относятся лишь к обученным и квалифицированным рабочим и не отражают полной картины безработицы, ставшей в начале второго десятилетия XX в. в Венгрии хроническим социальным явлением. Мизерная помощь, оказываемая государством и органами местного самоуправления, воспринималась рабочими как унижительное подаяние¹⁰⁸. В целом за решением проблемы безработицы стоял фундаментальный социокультурный вопрос о гарантированном праве на труд как неотъемлемом компоненте образа жизни рабочих, достойного человеческого существования.

5. Продолжительность рабочего дня

Переходя к рассмотрению вопроса о продолжительности рабочего дня в венгерской промышленности, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Во-первых, достигавший в начале 1890-х гг. физического максимума рабочий день практически не оставлял возможности для сколько-нибудь нормального отдыха, истощая и подрывая силы рабочих, их трудоспособность, резко сокращая продолжительность жизни. Во-вторых, вопрос о рабочем дне, в сущности, не мог быть решен основательно путем торга с отдельными капиталистами; добиться его решения можно было лишь посредством коллективных действий и установления каких-то общих норм, санкционированных законодательством. В-третьих, — и это, пожалуй, главное — рабочие воспринимали сокращение рабочего дня как абсолютный и долговременный выигрыш, тогда как повышение заработной платы могло быть легко сведено на нет колебаниями конъюнктуры и цен.

Чрезмерная продолжительность рабочего дня стала на рубеже XIX—XX вв. препятствием для интенсификации производства, повышения производительности труда. Однако условия в различных отраслях были неодинаковы, и предприниматели, если и допускали

целесообразность некоторого сокращения продолжительности рабочего времени, действовали все же с оглядкой на те отрасли, где она была наибольшей. Поэтому темп сокращения в значительной степени зависел от рабочего движения¹⁰⁹.

Согласно промышленному закону 1884 г., максимальная продолжительность рабочего дня в Венгрии составляла 16 час., включая двухчасовой перерыв. Труд детей и подростков регламентировался следующим образом. На крупных предприятиях запрещалось работать детям моложе 10 лет, но это правило не распространялось на учеников. Для детей и подростков моложе 14 и 16 лет был установлен соответственно 8- и 10-часовой рабочий день¹¹⁰. Разрозненные сведения показывают, в частности, что в 1890-е гг. сверхдлительным был рабочий день венгерских обувщиков, составлявший 11—14 час. В зимнее время рабочий день доходил до 18 час. и включал даже половину воскресного дня¹¹¹. Максимально продолжительным (16 час.) был рабочий день у 3000 венгерских шляпников, потребовавших на своем собрании в феврале 1894 г. сокращения рабочего времени до 10 час.¹¹² В деревообрабатывающей промышленности рабочий день длился 10—11 час., а на многих предприятиях отрасли и дольше — 12 час. в сутки¹¹³. Наиболее коротким был рабочий день у печатников и обойщиков, составляя 9 час. Как исключение можно рассматривать условия труда рабочих-лепщиков, работавших по 8 час. в сутки¹¹⁴.

Уже в 1890-е гг. Социал-демократическая партия Венгрии, выполняя решения Парижского (1889 г.) и Брюссельского (1891 г.) конгрессов II Интернационала, выступила с требованием сокращения рабочего времени до 8 час. для взрослых рабочих и до 6 час. для рабочих в возрасте 14—18 лет. СДПВ требовала также запрещения ночных работ, кроме тех предприятий, где они были предусмотрены непрерывным производственным циклом. На ночные работы не могли быть допущены женщины и подростки мужского пола моложе 18 лет. Важное значение для нормального демографического развития венгерского общества имели предложения о полном запрещении труда детей до 14 лет и женского труда в тех отраслях промышленности, где производственный процесс наносил вред здоровью женщины. Гуманной мерой, хотя и нереалистичной в то время, было предложение социал-демократов о запрещении всех видов работ, представлявших опасность для здоровья рабочих¹¹⁵.

В реальной действительности труд детей и подростков применялся в венгерской промышленности вплоть до Первой мировой войны. В начале XX в. на 35,4% предприятий страны дети 12—14 лет работали по 12 час. в сутки, а на 17,9% предприятий их рабочий день был еще дольше. Несмотря на законодательный запрет, на большинстве предприятий дети и подростки 12—16 лет работали в ночную смену¹¹⁶. Промышленная перепись 1910 г. зафиксировала 23 столичных предприятия, на которых в ночное время использовался труд 358 женщин старше 18 лет. На 27 предприятиях Будапешта в ночное время были заняты 128 юношей и 100 девушек моложе 18 лет (из них 107 юношей и 72 девушки в возрасте 16—17 лет, 49 подростков 14—

15 лет и 3 мальчика 12—13 лет)¹¹⁷. Под давлением рабочих организаций и либеральной общественности в 1911 г. был принят закон, ограничивавший женский труд в ночные часы максимально 60 днями в году и устанавливавший 9-часовой рабочий день для подростков 14—16 лет¹¹⁸. Выходной воскресный день, установленный в промышленности законом 1891 г. мог быть использован, согласно тому же закону, для уборки помещений и территории предприятия¹¹⁹.

В первое десятилетие XX в. наметилась тенденция к сокращению рабочего дня. В результате массовых выступлений рабочих-металлистов на 57 предприятиях отрасли с более чем 20000 занятых в 1911 г. была установлена 57-часовая рабочая неделя, т.е. 9,5-часовой рабочий день. Накануне Первой мировой войны на многих предприятиях металлургической и металлообрабатывающей промышленности рабочая неделя сократилась до 54 час., а на некоторых — даже до 52 час.¹²⁰

С 60 до 57 час. была уменьшена летом 1912 г. рабочая неделя на машиностроительных предприятиях Будапешта, причем в субботу продолжительность рабочего дня составляла 7 час.¹²¹ В начале 1914 г. Венгерское объединение предприятий металлургической, металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности высказалось за полный переход от 60- к 57-часовой рабочей неделе¹²².

8096 будапештских строителей, включая 5026 каменщиков, добились в течение 1903—1905 гг. сокращения рабочего дня с 10,5 до 9,5 час. Для 599 рабочих-плиточников и камнетесов был установлен 9-часовой рабочий день¹²³.

Опрос, проведенный среди 675 будапештских столяров в 1911 г., установил, что 582 рабочих (86%), охваченных коллективными соглашениями, работали 54 час. в неделю, или 9 час. в сутки. У 31 рабочего (4,5%) рабочая неделя была несколько короче — 48—53 час. С другой стороны, у 67 столяров (9,9%), главным образом занятых на крупных предприятиях и мукомольнях и не охваченных коллективными договорами, рабочая неделя была более продолжительной — 54—68 час. В общей сложности у 673 рабочих (2 столяра не дали ответа) продолжительность рабочей недели составила 36459 час., или в среднем в расчете на одного рабочего — 54 час. 10 мин.¹²⁴

Доля промышленных рабочих Венгрии, добившихся 8-часового рабочего дня, колебалась в пределах 4,9% (1906 г.) и 3,4% (1910 г.). Большинство этих рабочих было занято в каменоломнях, на кирпичных заводах, в пищевой промышленности¹²⁵.

По продолжительности рабочей недели отрасли венгерской промышленности, игравшие ключевую роль в модернизации экономики, достигли в начале XX в. западноевропейского «стандарта». Рабочая неделя в Западной Европе сократилась в 1890—1910 гг. с 69 до 60 час.¹²⁶ Наряду с сокращением рабочего дня выявилась тенденция к уравниванию зимнего и летнего рабочего времени. В первое десятилетие XX в. более половины промышленных предприятий Венгрии (64% в 1906 г.) работали одинаковое время в течение всего года¹²⁷.

Приведенные данные касаются, однако, меньшинства промышленных рабочих Венгрии. В 1910 г. лишь 25,4% рабочих имели

8—10-часовой рабочий день. В то же время у основной массы рабочих (66,3%) сохранялся 10—12-часовой рабочий день, тогда как, к примеру, в Германии только 2% рабочих работали более 10 час. в сутки¹²⁸.

* * *

Изучение вопроса о трудовой деятельности промышленных рабочих Венгрии, и в частности Будапешта, позволяет сделать ряд выводов. Сокращение рабочего дня в 1890—1914 гг. и увеличение свободного времени как бы расширяло пространство для саморазвития рабочего класса. Известное повышение уровня реальной заработной платы обеспечивало определенный минимум материальных предпосылок для этого. Вместе с тем экономия на всем была существенной чертой повседневной жизни венгерских рабочих.

Венгерская система социального обеспечения вплоть до Первой мировой войны не предусматривала пособий по старости, инвалидности и безработице. Попытки реформаторского решения «рабочего вопроса» наталкивались на жесткое противодействие государственной бюрократии и влиятельных кругов промышленников.

В целом практика организации труда венгерских промышленных рабочих отражала противоречивый процесс складывания основных компонентов индустриальной системы в стране «догоняющего капитализма».

Меняющиеся условия жизни и труда будапештских рабочих (адаптация в столичном европейском городе, происходившая опережающими темпами концентрация рабочих на крупных промышленных предприятиях) вели к появлению потребностей, отличных от сельских и провинциальных городских привычек. Вряд ли можно установить одну главенствующую детерминанту образа жизни рабочих. Существенную роль здесь играло материальное положение, ставившее пределы удовлетворению насущных социокультурных потребностей. Но при этом сам «набор» потребностей и их структура в значительной степени обуславливались уровнем образования рабочих, их привязанностью к традиции, унаследованными из прошлого представлениями, разными вкусами и способностями восприятия моды¹²⁹.

Примечания

¹ Halbwachs M. La classe ouvrière et nouveaux de vie. P., 1913.

² Ibid. P. 384, 442—445.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 319.

⁴ Az 1901. évben a magyar korona országában fönnállott gyárak üzemi és munkás-statisztikája. Budapest (Bp.), 1903; A magyar szent korona országai gyáriparának üzemi és munkás-statisztikája az 1906. évről. Bp., 1910; A magyar... statisztikája az 1910. évről. Bp., 1915; A magyar vasművek és gépgyárak országos egyesületének évkönyve. 1912. Bp., 1912.

- ⁵ Tanúságtevők. I. köt. Bp., 1974. 173.o
- ⁶ Felhívás // Asztalosok Szaklapja. 1896, július 11.
- ⁷ Erényi T., Kende J., Varga L. Fél évszázad. A szociáldemokrácia története Magyarországon 1868—1919. Bp., 1990. 90.o.
- ⁸ A budapesti fő és székvarosi állami rendőrség 1898. évi működése. Bp., 1899. 371.o.
- ⁹ Erényi T., Kende J., Varga L. Op. cit.
- ¹⁰ Nyomdász évkönyv és útikalauz. 1899. Bp., 1898. 55.o.; A budapesti fő- és székvarosi állami rendőrség 1897. évi működése. Bp., 1898. 559.o.
- ¹¹ Farkas I. A magyarországi cipész-csizmadia munkások szakszervezeti mozgalma. Bp., 1913. 16.o.
- ¹² Erényi T., Kende J., Varga L. Op. cit. 90.o.
- ¹³ Berend T.I., Ránki Gy. Magyarország gyáripára 1900—1914. Bp., 1955. 331.o.
- ¹⁴ Кучинский Ю. История положения рабочего класса при капитализме. М., 1970. С. 159; Вебер А.Б. Классовая борьба и капитализм. М., 1986. С. 109.
- ¹⁵ Berend T.I., Ránki Gy. Op. cit. 313.o.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ Ibid. 307, 311—312.o. По оценкам И.Беренда и Д.Ранки, в календарном году насчитывалось 270—280 рабочих дней
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ Varga J. Gyáriparunk öt évi fejlődése (1901—1906) // Huszadik Század. 1911, július-december. 55. o.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Ibid. 56.o.
- ²² Ibid. 55.o.; Berend T.I., Ránki Gy. Op. cit. 320.o.
- ²³ Laky D. Budapest székesfőváros népességének fejlődése 1910-tól 1920-ig különös tekintettel a fejlődés gazdasági rugóira. I. rész. Bp., 1927. 141.o.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ Berend T.I., Ránki Gy. Op. cit. 321.o.
- ²⁶ Кучинский Ю. Указ. соч. С. 163.
- ²⁷ Berend T.I., Ránki Gy. Op. cit. 321.o.
- ²⁸ Méhely K. A munkáskérdés lényege. Bp., 1916. 42.o.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ Ibid. 50.o.
- ³¹ Ibid. 44.o.
- ³² Ibid. 61.o.
- ³³ Lackó M. A magyar munkásosztály fejlődésének fő vonásai a tőkés korszakban (1867—1944) // Tanulmányok a munkásosztályról. Bp., 1973. 25.o.
- ³⁴ Berend T.I., Ránki Gy. Op. cit. 310, 315—316.o.
- ³⁵ Ibid. 316.o.
- ³⁶ Подсчитано по: Az 1901. évben a magyar korona országaiban főnnállott gyárák üzemi és munkás-statisztikája. Bp., 1903. 110.o.
- ³⁷ Подсчитано по: Berend T.I., Ránki Gy. Op. cit. 314.o.
- ³⁸ Подсчитано по: Laky D. Op. cit. 141.o.

³⁹ Подсчитано по: Az 1901. éven... munkás-statisztikája. 70—71, 103, 110.o.; A magyar szent korona országai gyáriparának üzemi és munkásstatisztikája az 1910. évről. Bp., 1915. 379., 385.o.

⁴⁰ Подсчитано по: Az 1901. éven... munkás-statisztikája. 103.o.

⁴¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 14; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 423.

⁴² Кучинский Ю. Указ. соч. С. 167.

⁴³ См., например: Овчаренко Н.Е. Германская социал-демократия на рубеже двух веков. М., 1975. С. 24—29; Вебер А.Б. Указ. соч. С. 55; Berend T. I., Ránki Gy. Op. cit. 315.o.; Lackó M. Op. cit.

⁴⁴ Виллар К. Социалистическое движение во Франции. 1893—1905. (Гедисты). М., 1969. С. 363.

⁴⁵ Вебер А.Б. Указ. соч. С. 55.

⁴⁶ Кучинский Ю. Указ. соч. С. 166. Из приводимых Ю.Кучинским статистических данных видно, что в Великобритании и Германии лишь до 1900 г. заработная плата «рабочей аристократии» росла быстрее, чем оплата труда основной массы рабочих. В последующие десятилетия же наблюдалась обратная картина (там же. С. 168—169).

⁴⁷ Schmoller G. Was verstehen wir unter dem Mittelstand? Hat er im 19. Jahrhundert zu-oder abgenommen? // Verhandlungen des 8. Evangelisch-Sozialen Kongresses vom 10—11 Juni 1897. Göttingen, 1897. S. 132—185.

⁴⁸ Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // СОЦИС. 1992. № 9. С. 117.

⁴⁹ Az 1901. éven... munkás-statisztikája. 110.o.; Varga J. Op. cit. 55.o.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid.

⁵² MSzP Politikátörténeti Intézet Levéltára (далее — PTI Levéltára). 867.f. /2/ h—31 15, 18.l.

⁵³ Подсчитано по: A magyar... munkásstatisztikája az 1910. évről. 420—421.o.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ N. A pártgyűlés tárgyalása és lefolyása // Népszava. 1893, február 3.

⁵⁶ Высокая доля «сдельщиков» среди металлистов и машиностроителей сохранялась и в последующие годы, составив в 1910 г. соответственно 52,4 и 45,5%. Общая численность промышленных рабочих Венгрии, трудившихся по аккордной системе, выросла в первое десятилетие XX в. на 43% (Berend T.I., Ránki Gy. Op. cit. 343—344.o.). Тем не менее подавляющее большинство промышленных рабочих страны (около 80%) получали в 1910 г. повременную заработную плату (Magyarország története. 7(1). köt. Bp., 1983. 510.o.). Конкретные сведения о среднедневном заработке рабочих-металлистов разных специальностей содержат материалы опроса 10411 участников массовой стачки металлистов 1905 г. (всего бастовало около 25 тыс. рабочих). При общей среднедневной зарплате 3,29 кр. у слесарей-инструментальщиков она составляла 3,35 кр., слесарей — 3,45 кр., токарей по металлу — 4,40 кр., инструментальщиков — 3,26 кр., котельщиков — 3,34 кр., кузнецов — 3,26 кр., чугунолитейщиков — 3,88 кр., сталелитейщиков — 3,84 кр., меднолитейщиков — 4,08 кр., лудильщиков — 3,78 кр., изготовителей ядер — 3,41 кр., жестянщиков — 4,08 кр., бронзовщиков — 4,20 кр., механиков и электромонтеров — 4,18 кр., медников — 3,57 кр., канатчиков — 3,97 кр., шлифовальщиков — 3,85 кр., маляров — 3,78 кр., деревообделочников — 3,66 кр. (Szociális szemle // Szakszervezeti Értesítő, 1905. 9.sz. 39.o.).

- ⁵⁷ Az 1901. évben... munkás-statisztikája. 105.o.
- ⁵⁸ A magyar vasművek és gépgyárak országos egyesületének évkönyve. 1912. Bp., 1912. 20—21.o.
- ⁵⁹ Az 1901. évben... munkás-statisztikája. 105.o.
- ⁶⁰ Ibid.
- ⁶¹ Gaal J. Társadalmi béke a közigazdasági patriarhalizmus alapján. Bp., 1898. 167.o.
- ⁶² Ibid. 172.o.
- ⁶³ Ibid. 159.o.
- ⁶⁴ Ibid. 175.o.; Farkas J. Munkai. Bp., 1901. 178.o.
- ⁶⁵ Bród M. Adatok a budapesti lakásnyomorhoz // Huszadik Század. 1908, január—június. 380., 386.o.
- ⁶⁶ Hogyan éltek elődeink? Bp., 1980. 185.o.
- ⁶⁷ Pásztor M. Fölösleges emberek. Jegyzetek Budapest lakás ügyéhez // Huszadik Század. 1908, január—június. 28.o.; Vagó B. Lakáskérdés és városépítés // Ibid. 1910, július—december. 543.o.
- ⁶⁸ Вебер А.Б. Указ. соч. С. 137.
- ⁶⁹ Három könyv a drágaságról // Huszadik Század. 1910, július—december. 431.o.
- ⁷⁰ A Cipész. 1913, március 23. 3.o.
- ⁷¹ Magyar Vas-és Fémmunkások zsebnaptára. 1904. Bp., 1905. 145.o.
- ⁷² Gyári munkarend (Tervezet) // A magyar vasművek... 1913. Bp., 1913.
- ⁷³ Ibid. 93.o.
- ⁷⁴ Ibid. 93., 97.o. Среди прочего, рабочий мог быть уволен за словесное оскорбление начальства.
- ⁷⁵ A magyar vasművek... 1912. 113.o.
- ⁷⁶ Rónai Z. A magyar szociálpolitika mérlege // Huszadik Század. 1908, július—december. 533.o.
- ⁷⁷ Magyarország története. 7(1). köt. 510—511.o.
- ⁷⁸ Gaal J. Op. cit. 163.o.
- ⁷⁹ Berend T.I., Ránki Gy. Op. cit. 349.o.
- ⁸⁰ Az 1901. évben... munkás-statisztikája. 108.o.
- ⁸¹ 1891: XIV. törvénycikk «Az ipari és gyári alkalmazottaknak betegség esetén való segélyezéséről». Magyar Törvénytar. 1889—1891. évi törvénycikkek. Bp., 1897. 392—410.o.
- ⁸² Gaal J. Op. cit. 166.o.
- ⁸³ Вебер А.Б. Указ. соч. С. 115.
- ⁸⁴ Az 1901. évben... munkás-statisztikája. 112.o.
- ⁸⁵ Elek V. Tisza munkásbiztosítási tervei // Huszadik Század. 1914, január—június. 523.o. Кузее социальное законодательство и ограниченная практика социального страхования подвергались острой критике со стороны профсоюзов и Социал-демократической партии Венгрии (СДПВ) (A magyarországi szak-és önképző egyletek II. kongresszusa. 1901 // A magyar munkásmozgalm történetének válogatott dokumentumai (ММТВД). 3.köt. Bp., 1955. 71.o.; A Magyarországi szociáldemokrata párt IX. kongresszusának tárgyalásaiból // ММТВД. 3.köt. 83.o.).
- ⁸⁶ Az 1901. évben... munkásstatisztikája. 106—109.o. Прямо противоположная ситуация сложилась в металлургической и металлообрабатывающей про-

мышленности: 9940 рабочих вносили взносы совместно с предпринимателями, и только 2490 рабочих были застрахованы за счет средств промышленников (Ibid. 105.o.).

⁸⁷ Rónai Z. Op. cit. 537—538.o.

⁸⁸ См., например, материалы съезда СДПВ 1897 г.: MMTVD. 2.köt. Bp., 1954. 438.o.

⁸⁹ Vas-és Fémmunkások Szaklapja, 1910, december 8.; A budapesti kerületi pénztár 1912.évi működése // A Cipész. 1913, június 1.

⁹⁰ Magyar Gyáriparosok Országos Szövetsége. Közlemények, 1903. 8.sz. 62—63.o.

⁹¹ Rónai Z. Op. cit. 539.o.

⁹² Elek V. Op. cit.

⁹³ A magyar vasművek és gépgyárak országos egyesületének évkönyve. 1912. Bp., 1912. 107.o.

⁹⁴ Вебер А.Б. Указ. соч. С. 74.

⁹⁵ Berend T.I., Ránki Gy. Op. cit. 354.o.

⁹⁶ Ibid. 336.o.

⁹⁷ Varga L. Munkaközvetítés, munkanélküliség, a munkanélküliség esetére szóló biztosítás és a szakszervezetek Magyarországon 1945 előtt // Múltunk. 1993. 2.sz. 34.o.

⁹⁸ Ibid. 35.o.

⁹⁹ Ibid. 36.o.

¹⁰⁰ Ibid. 37.o.

¹⁰¹ Ibid. 38.o.

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ Ibid. 41.o.

¹⁰⁴ Ibid. 39.o.

¹⁰⁵ Ibid. 43., 46.o.

¹⁰⁶ A magyar vasművek... 1911. Bp., 1911. 59.o.

¹⁰⁷ Varga L. Op. cit. 44.o.

¹⁰⁸ Ibid. 45.o.; Gárdonyi A. Ötveny esztendő. Budapest székesfőváros történetéből. 1873—1923. Bp., 1925. 96—97.o.

¹⁰⁹ Вебер А.Б. Указ. соч. С. 106—107.

¹¹⁰ Rónai Z. Op. cit. 529., 531.o.

¹¹¹ Wankó K. A kizsákmányolók réme vagy nyolcórái munkaidő és annak előnyei a munkásokra nézve. Bp., 1897. 4.o.

¹¹² V. Gyűlési tudósítás // A Munkás. 1894, február 10.

¹¹³ A budapesti... rendőrség... 1898... 371—372.o.

¹¹⁴ Magyar nyomdászok évkönyve. 1895. Bp., 1895. 158.o.; 1898. Bp., 1898. 157.o.

¹¹⁵ A pártgyűlés tárgyalása és lefolyása // Népszava. 1893, február 3.

¹¹⁶ Rónai Z. Op. cit. 529—530.o.

¹¹⁷ A magyar... munkásstatisztikája az 1910. évről. 408—409.o.

¹¹⁸ Berend T.I., Ránki Gy. Op. cit. 342.o.

¹¹⁹ Rónai Z. Op. cit. 532.o.

¹²⁰ Magyarországi Vas-és Fémmunkások központi szövetsége vezetőségének összefoglaló jelentése 1903—1943. Bp., 1943. 54.o.

¹²¹ A magyar gyáriparosok országos szövetsége XXV. évi jelentése. Bp., 1927. 180—181.o.

¹²² A magyar vasművek... évkönyve. 1914. Bp., 1914. 31.o.

¹²³ Építőmunkások zsebkönyve 1907—1908. Bp., é.n. 189.o.

¹²⁴ Schubert Zs. Hogyan élnek a budapesti asztalosmunkások? // Magyar munkásszociográfiák. Bp., 1974. 187.o.

¹²⁵ Varga J. Op. cit. 54.o.; Berend T.I., Ránki Gy. Op. cit. 341.o.

¹²⁶ Кучинский Ю. Указ. соч. С. 136.

¹²⁷ A magyar szent korona országai gyáriparának üzemi és munkás-statisztikája az 1906. évről. Bp., 1910. 97.o.

¹²⁸ Berend T.I., Ránki Gy. Op. cit. 340.o.

¹²⁹ См. об этом: Айрапетов А.Г. Быт рабочих Будапешта на рубеже XIX—XX вв. в контексте социальной истории // Социальная история: Ежегодник 1998/99. М., 1999.

Anatoly V. Ignatiev

Russia and the other Powers of the Entente: Political Background of the Economic Relations before 1914

The article describes political background of economic relations between Russia and the two other countries of the Entente. Russia belonged to a group of countries, whose possessions spanned half of the world. Fast developing and aggressive Germany intended to expand its global influence at the expense of this group. The rise of German empire and the creation of Triple Alliance (Germany, Austro-Hungary and Italy) disturbed the political balance in Europe and called into being the Russian-French alliance, which became the basis of the Entente.

Entente had several components: political, strategic, military, economic and colonial. Its development was directed toward strengthening of cooperation inside the alliance, however this did not preclude temporary cooling off between its participants. Economic relations contributed to consolidation processes, although Great Britain and France were concerned about «excessive» Russian reinforcement. Colonial antagonisms especially hampered the alliance progress. Financial ties between Great Britain, France, and Germany become apparent during discussions of some international projects (i.e. Baghdad Railway construction).

Sergey G. Beliaev

Russia and France: Financial Relations in the 1910s — 1920s

The article considers the problems of Russian-French financial relations from pre-war economic boom, when French banks adopted new investment strategy, up to the end of the 1920s, when Russian émigré bankers lost control over Russian-Asian Bank, the largest Russian credit institution in France.

The article covers the history of Russian-French bank groups, which had active participation of Petersburg Private and Russian-Asian banks on the eve of the First World War. It then examines the relations of Russian and French banks during the war. French aspirations to keep its influence on Russian financial markets after the October Revolution are also discussed. The author pays special attention to the Russian-Asian Bank's emigrant pe-

---

* Редакторы Г.Перельман (Калифорнийский университет, США), С.А.Саломатина (Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова).

riod in France and details the struggle for this bank between Russian émigré bankers and French and Soviet authorities after the USSR was recognized by France in 1924.

Yuri A. Petrov

«Alliance of Losers»: Pre-war Debts and Problem of Russian-German Economic Reconciliation (1917–1920s)

Before World War I Germany was the second largest Russian creditor after France by total sum of state debt and private investments. After beginning of the war, all debts between belligerent powers were frozen, however, «Russian debt» problem was on the agenda in connection with peace treaty preparation in Brest in 1918. Based on the documents from Russian and German archives, this article considers mutual claims of both countries concerning pre-war liabilities. This research covers the negotiations on this subject in connection with Brest treaty, Berlin financial treaty (Finanzabkommen) in August of 1918, and Rapallo treaty in 1922. It also considers activity of the participants of pre-war Russian stock floatation consortium (Russische Konsortium), mainly banking house «Mendelssohn & Co». After national socialists came to power in Germany and economic relations with the USSR weakened, pre-war debt problem finally lost its importance and ceased to affect both countries' economic relations.

Elena V. Lobanova

The Problem of the Russian Debt in the French Press of 1920s

This research examines the reaction of the French and Soviet press to the steps taken by the Soviet and French governments in the 1920s, aimed to resolve the Russian pre-war debt problem. The article considers not only the position of both governments, but also the attitude of Russian securities holders' organizations in France. The period of 1920s is particularly interesting because of remarkable activity of security holders and their attempts to find a negotiated solution. A special attention is paid to political, economic and psychological aspects, preventing the resolution of the Russian debt problem in France.

Markus A. Denzel

The World-Wide Cashless Payment System and the Integration of the Russian Empire. A Contribution to the Emergence of the World Economy

The article focuses on the main evolutionary steps in the integrative process towards a world economy that was the outcome of the European political and economic expansion beginning in the fifteenth century. This development was greatly supported by various new payment systems. Cashless payment in particular can be seen as the major catalyst of the world

economic development before 1914. This paper examines the development of the international cashless payment system, which went hand in hand with the establishment of a network of exchanges and financial markets in many parts of the world.

Russian empire became involved in this integrative process relatively late, starting in the eighteenth century. But around 1820 St. Petersburg, as the main trading city with the closest contact to the English merchants in the Baltic Area, had risen up to become the most important financial centre of the region. Moscow was recognized as Russian financial market of equal relevance only since 1893.

Parallels can be drawn between interconnection of financial markets based on the system of cashless payments shortly before the World War I and the era of “globalization” of present time.

Wolfgang Sartor

International Companies in Russian Empire, 1800—1917

The growing integration of the Russian empire into the world economy before the World War I was largely led by international companies, which were based not only in Russia but also in other countries. These so-called freestanding companies existed mainly in the United Kingdom, but were also common in Russia. Most of them set up their business at end of the eighteenth century and expanded during the nineteenth. These companies dealt with the export of raw materials (hemp, flax, grain, iron, wood, petroleum) and import of consumer goods, coal and raw cotton. Since the 1880s, with the growth of Russian economy foreign companies were also controlling banks and factories.

Most of these firms' owners were foreigners, who often became Russian citizens. The article includes historical case studies of such renowned companies like J.H. Schröder, Brandt, Knoop, Stucken, Ralli, Rodocanachi, Dreyfus, Popov, Kuznetsov, Vysotskij, Wogau and the European Petroleum Company (EPU).

Vladimir N. Kostornichenko

Soviet Oil Export and Foreign Capital in 1918—1932

This article reviews the role of foreign capital in the development of the Soviet oil exports in 1918—1932. It examines the main forms and results of foreign capital utilization. The author points out that the increase in the Russian oil sale volume in the foreign markets was connected with the establishment of joint oil trade companies abroad and creation of own distributive, wholesale and retail systems in several countries of Europe and Asia. The relations with the largest world oil trusts, independent national companies, and various foreign semi-state and state organizations were settled by contracts. The Soviet oil export, restored with a foreign capital assistance, became one of the most important foreign currency resources for the Soviet industrialization of the early 1930s.

Boris M. Shpotov

The Contribution of American Manufacturing Companies to the Soviet Industrialization, 1928—1933

In the course of its history, Russia had to solve tasks of «catching-up modernization». For the Soviet Union, the end of 1920s and the 1930s was a time of great modernization spurt and a large-scale technological renovation. Concessions were not effective for this purpose. In accordance with technical assistance agreements and individual contracts, American engineers, technicians and skilled workers went to the Soviet Union to supervise and train Russians at the «great work-sites of socialism» (the Stalingrad tractor plant, Nizhny Novgorod automobile factory, Magnitogorsk iron and steel plant, etc.). Many Russians were sent by the Soviet Government to the United States to learn advanced know-how. Russians also «discovered America» at home, driving Caterpillar tractors, Soviet-assembled Ford cars, operating American-made machinery in the Soviet plants built by American design. This historical study sheds light on a history, which was not often told, and sometimes was purposely buried or ideologically biased.

Taisia M. Kitanina

World Agrarian Crises and Policy of the Russian Ministry of Finance in the 1880s and in the beginning of the 1900s (Aspects of Government Purchas System Modernization)

This article analyses the Russian government policy aimed at overcoming the consequences of agrarian crises from the late 1870s to the beginning of the 1890s. The author pays special attention to the reform of the government grain purchases for the army implemented by Sergei Vitte in 1893 in 32 Russian provinces. The reform increased grain purchases from producers, omitting private brokers. It also increased price and introduced advanced payments while allowing for purchases of lower grade grain. This reform promoted stabilization and increased grain prices in the provinces where the consequences of crises caused by price reductions were especially destructive.

Olga V. Dragan

Russian State Bank Reform in 1892—1894: European Experience and Russian Practice

This article reviews the experience of European central banking legislation and practices in connection with the Russian State bank reform and the renewal of its charter in 1892—1894. The adoption of foreign banks practices and legislation was based on reformers' intention to use the State bank as the key instrument for modernization of Russian economy. The article also analyses the compatibility of proposed foreign practices with Russian economic situation and business traditions at the end of the nineteenth century.

Pavel V. Lizunov

Russian Society and Stock Exchange in the Second Half of the Nineteenth Century and in the Beginning of the Twentieth Century

This article analyses the Russian stock exchange in a social and cultural perspective and the perception of this institution by different groups of society from the end of 1850s until 1917. During this period a considerable part of Russian society changed its attitude to stock exchange from absolute indifference and incomprehension of the stock jobbing to serious interest and participation in stock exchange speculation. This process took place in parallel with the development of Russian economy and the stock market. At the beginning of the twentieth century a broad group of shareholders with small and middle size holdings of securities was finally shaped. In the jargon of the stock market this group was called the “public.” The «public» was considered to be an important capital source for the Russian stock market.

Alexander Y. Petrov

Shareholders of the Russian-American Company (First Thirty Years of the Nineteenth Century)

This article presents the results of an investigation of all presently known lists of the shareholders of the Russian-American Company (RAC) to determine patterns of company ownership, capital accumulation and disposition. Based on a wide range of archival materials, it gives special attention to the first thirty years of the RAC's operations (1799—1835), although the article also explores the fate of the RAC share capital following the 1867 sale of Russian America and abolition of the RAC. It gives a particular emphasis to capital operations of the powerful Shelikhov clan, the company founders, as well the financial role of A.A. Baranov, the first General Manager of the Russian colonies in the North Pacific and his heirs. In addition, the article demonstrates the dynamics of capital ownership by other small, middle and large shareholders and provides analysis of the share holding by the company directors and members of the Special Council of the RAC. The article includes five tables, which provide details of the RAC's share ownership history.

Michael Ellman

The 1947 Soviet Famine and the Entitlement Approach to Famines

This paper presents an analysis of the economics of the 1947 Soviet famine, using data from recently declassified archives. It is argued that the best estimate that can currently be given of the number of excess deaths from famine is in the range of 1-1,5 million. The demographic loss was greater. During the famine, surplus stocks in the hands of the state seem to have been sufficient to feed all of those who were dying from starvation. The famine was a FAD₂ (preventable food availability decline) famine, which occurred because a drought caused bad harvest and hence reduced the food avail-

ability. However, had the priorities of the government been different, there might have been no famine (or a much smaller one) despite the drought. The selection of victims can be understood in terms of entitlement approach.

Andrei M. Markevich

«Soviet Means Reliable»: «Voenpredy» and Quality Problems in the Soviet Defence Industry

Product quality is one of the chief problems of a command economy. The priority given to quantitative requirements distracted producers from achieving high quality of goods while buyers could not influence producers by switching to competing suppliers, similar to market economy. In a command economy central authorities have to introduce other, non-market instruments to solve this problem.

This paper considers the conflict of interests between suppliers and purchasers over product quality in the context of Soviet defence industry. The defence industry was a high-priority branch of the Soviet economy because it directly influenced the country's defence capabilities and the stability of the regime. The institution of «military agents» [voenpredy] was established to solve the problem of armaments quality in the USSR. They became supplier's regulators at the point of production. The paper examines the practical day-to-day work of military agents in the Soviet «market» for weapons and the interaction between the seller, the defence industry, and the buyer, the defence department.

Although the analysis of the work conducted by the military agents shows that in their actions they loyally represented the interests of the defence department, their effectiveness in ensuring the quality of production was limited.

Defence department and its agents in the industry could not reject everything that the industry had to offer and run the risk of being left without armaments altogether. At the same time, the industry brought pressure on military agents to reduce their quality requirements. In the end, military agents had no choice but to accept some bellow standard items into military stores. This example demonstrates that an independent regulation in the absence of competition is not a sufficient condition in solving the problem of quality in command economies.

Nina L. Rogalina

Soviet Agrarian History of the 1920s and the 1930s in the Light of New Document Publications

The article analyses key aspects of Soviet agrarian and social history, raised in contemporary historical literature in connection with publication of newly published archival documents. Particularly, the author reviews economic, institutional, and political changes in the Soviet countryside in the 1920s and the 1930s, the different aspects of interactions between the

state and society, the process of gradual abandoning and the final rejection of the new economic policy in the second part of the 1920s, and the looming approach of the «Great Break» («Великий перелом») era.

Tatyana V. Eferina

Social Aspects of Fundamental Changes in Soviet Rural Economy (the 1920s — 1960s): Organization of Social Security System

The article describes the development of social security system in USSR from 1920s to 1960s. This model was characterized by state predominance in social problem solving. In its heyday the Soviet social security was centralized, guaranteed and based on principles of social justice, which was actually replaced by the idea of social equality. But it is important to note that only since the 1960s Soviet social security system became available to rural population. Starting in this period, peasant social rights became formally equal to industrial workers and other employees. Even then, in comparison with urban population, inequality remained in peasants' access to social services.

Mikhail A. Beznin, Tatiana M. Dimoni

Economics of Soviet Agriculture in the 1930s — 1980s

This article examines Russia's transformation from agrarian to industrial society. In the authors' opinion, this process took place between 1930s and 1980s, when Russian typical agrarian society developed into a specific Russian «agrarian capitalism».

A distinctive feature of this process was the revival of some «feudal» features, such as restoration of the peasants' mandatory duties (e.g. kolkhozniki were prohibited from leaving the countryside), and a severe political regime was established. The dividing line between traditional and new societies was in the 1960s, when economic, social, as well as psychological features inherent to agrarian society were finally destroyed. By this decade most of the peasants moved out of the rural areas and became part of the industrial economy, while the rest of the rural population ceased to be peasants in traditional sense.

Vladimir A. Mau

Lessons of Spanish Empire or Traps of Natural Resources' Abundance

The abundance of natural resources and the excessive money supply they generate creates serious problems and difficulties for national economy. The paper describes the mechanisms of negative influence of high rents on natural resources on national competitiveness, investment climate, structural reforms, etc. The twentieth century witnessed the crises in the USSR, Mexico, Iran and some other resource-rich countries. However, these problems

cannot be considered as unique phenomenon of the last century. The paper deals with the Spanish history of the sixteenth century, when the strongest European power was destroyed (economically and politically) by the inflow of precious metals from the New World.

Arutyun G. Airapetov

Labour Motivation of Budapest Workers at the End of the Nineteenth and in the Beginning of the Twentieth Centuries: History of Labour Relations in Hungarian Industry

The article discusses labour relations in Hungarian industry during the period of social economic modernization of the Gabsburgs Dual Monarchy. Factor analysis of the workers' production activity includes the study of the wage rate dynamics compared to the cost of living, unemployment, workers' insurance, and regulation of labour relations. Collective economic experience of the Budapest workers reflected a contradictory process of their adaptation to the challenges of the second industrial revolution and was one of the main elements in the forming of industrial system in Hungary, a country of a «catching-up capitalism».

Содержание

Предисловие.....	3
------------------	---

Экономические отношения России — РСФСР — СССР и стран Запада

Об исследовательском проекте «Россия и страны Запада: экономические отношения накануне Первой мировой войны и проблема их восстановления в 1920-х — 1930-х гг.».....	11
--	----

Финансовые отношения России с западными странами в 1900-х — 1920-х гг.

<i>Игнатъев А.В.</i> Политический фон экономических отношений России с другими державами Антанты до 1914 г.	14
<i>Беляев С.Г.</i> Россия и Франция: финансовое партнерство в 1910-х — 1920-х гг.	29
<i>Петров Ю.А.</i> «Альянс побежденных»: довоенная задолженность и проблема восстановления экономических отношений России и Германии (1917—1920-е гг.).....	44
<i>Лобанова Е.В.</i> Проблема русского долга во французской прессе 20-х гг. XX столетия	55

Россия и международный бизнес до 1917 г.

<i>Денцель М.</i> Международная система безналичных расчетов и интеграция в нее Российской империи. Вклад в становление мировой экономики	76
<i>Сартор В.</i> Международные фирмы в Российской империи, 1800—1917 гг.	108

Советская Россия во внешнеэкономических отношениях

<i>Косторниченко В.Н.</i> Советский нефтеэкспорт и иностранный капитал в 1918—1932 гг.	152
<i>Шпотов Б.М.</i> Участие американских промышленных компаний в советской индустриализации, 1928—1933 гг.	172

Государство, экономика и общество в России — СССР в XIX—XX вв.

Государство, экономика и общество в России в XIX в.

<i>Китанина Т.М.</i> Мировой аграрный кризис и политика Министерства финансов России в 1880-х — начале 1900-х гг. (к вопросу о модернизации системы государственных закупок).....	199
<i>Драган О.В.</i> Реформа Государственного банка 1892—1894 гг.: европейский опыт и российская практика	237
<i>Лизунов П.В.</i> Российское общество и фондовая биржа во второй половине XIX — начале XX в.	257

<i>Петров А. Ю.</i> Акционеры Российско-американской компании (первая треть XIX в.)	289
--	-----

Государство, экономика и общество в СССР

<i>Элман М.</i> Голод в СССР в 1947 г. в свете проблемы «доступа к продовольствию»	320
<i>Маркевич А. М.</i> «Советское — значит надежное»: военпреды и проблема качества в советской оборонной промышленности	364
<i>Рогалина Н. Л.</i> Аграрная история СССР 1920-х — 1930-х гг. в свете новых документальных публикаций	409
<i>Еферина Т. В.</i> Социальные аспекты экономических преобразований сельского хозяйства РСФСР (20-е — 60-е гг. XX в.): формирование системы социального обеспечения	423

Дискуссии

<i>Безнин М. А., Димони Т. М.</i> Аграрный строй России в 1930—1980-е гг.	448
---	-----

Экономическая история зарубежных стран

<i>Мау В. А.</i> Уроки Испанской империи, или Ловушки ресурсного изобилия	485
<i>Айрапетов А. Г.</i> Мотивация труда будапештских рабочих на рубеже XIX—XX вв. (к истории трудовых отношений в венгерской промышленности)	502
Summaries	530

Contents

Editorial notes	3
-----------------------	---

Russia and Western Countries: Economic Relations

Preface to Research Project «Russia and Western Countries: Economic Relations Before World War I and the Problems of their Restoration in the 1920s — 1930s»	11
--	----

Financial Relations between Russia and Western Countries before and after World War I

<i>A.V. Ignatiev.</i> Russia and the other Powers of the Entente: Political Background of the Economic Relations before 1914	14
<i>S.G. Beliaev.</i> Russia and France: Financial Relations in the 1910s — 1920s	29
<i>Y.A. Petrov.</i> «Alliance of Losers»: Pre-war Debts and Problem of Russian-German Economic Reconciliation (1917—1920s)	44
<i>E.V. Lobanova.</i> The Problem of the Russian Debt in the French Press of 1920s	55

Russian and International Business before 1917

<i>M.A. Denzel.</i> The Worldwide Cashless Payment System and the Integration of the Russian Empire. A Contribution to the Emergence of the World Economy	76
<i>W. Sartor.</i> International Companies in Russian Empire, 1800—1917	108

External Economic Links of Soviet Russian

<i>V.N. Kostornichenko.</i> Soviet Oil Export and Foreign Capital in 1918—1932	152
<i>B.M. Shpotov.</i> The Contribution of American Manufacturing Companies to the Soviet Industrialization, 1928—1933	172

State, Economy and Society in Russia — USSR in the Nineteenth and the Twentieth Centuries

State, Economy and Society in Russia in the Nineteenth Centuries

<i>T.M. Kitantina.</i> World Agrarian Crises and Policy of the Russian Ministry of Finance in the 1880s and in the beginning of the 1900s (Aspects of Government Purchase System Modernization)	199
<i>O.V. Dragan.</i> Russian State Bank Reform in 1892—1894: European Experience and Russian Practice	237
<i>P.V. Lizunov.</i> Russian Society and Stock Exchange in the Second Half of the Nineteenth Century and at the Beginning of the Twentieth Century	257
<i>A.Y. Petrov.</i> Shareholders of the Russian-American Company, (First Thirty Years of the Nineteenth Century)	289

State, Economy and Society in USSR

<i>M.Ellman</i> . The 1947 Soviet Famine and the Entitlement Approach to Famines	320
<i>A.M.Markevich</i> . «Soviet Means Reliable»: «Voenpredy» and Quality Problem in the Soviet Defense Industry	364
<i>N.L.Rogalina</i> . Soviet Agrarian History of the 1920s and the 1930s in the Light of New Document Publications	409
<i>T.V.Eferina</i> . Social Aspects of Fundamental Changes in Soviet Rural Economy (the 1920s — 1960s): Organization of Social Security System	423

Controversy in Contemporary Economic History

<i>M.A.Beznin, T.M.Dimoni</i> . Economics of Soviet Agriculture in the 1930s — 1980s	448
---	-----

Economic History of Foreign Countries

<i>V.A.Mau</i> . Lessons of Spanish Empire or Traps of Natural Resources Abundance	485
<i>A.G.Airapetov</i> . Labour Motivation of Budapest Workers at the End of the Nineteenth and at the Beginning of the Twentieth Centuries: History of Labour Relations in Hungarian Industry.	502
Summaries	530

Экономическая история
Ежегодник. 2005

Редактор *Л. Епифанова*

Художественное оформление *А. Сорокин*

Компьютерная верстка *Ю. Петрина*

Л.Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 20.09.2005
Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл. печ. л. 34,0. Тираж 800 экз. Заказ № 5235

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393. Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел. 334-81-87 (дирекция);
Тел./факс 334-8242 (отдел реализации)

Отпечатано во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14